

gaudeamus

Э.А. Орлова

Учебное пособие для вузов

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

академический
проект

Учебное пособие
для вузов

Э.А. Орлова

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

Киров
Константа
2012

Москва
Академический Проект
2012

УДК 316.7
ББК 60.56
0-69

**Издано при финансовой поддержке Федерального агентства
по печати и массовым коммуникациям в рамках
Федеральной целевой программы «Культура России»**

Издательский проект «Культурная антропология и социология культуры»

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

П.К. Гречко — доктор философских наук;
В.В. Щербина — доктор социологических наук

Орлова Э.А.

0-69 Социология культуры: Учебное пособие для вузов. — М.: Академический Проект; Киров: Константа, 2012. — 575 с. — (Gaudeamus).
ISBN 978-5-8291-1353-7 (Академический Проект)
ISBN 978-5-902844-43-3 (Константа)

Учебное пособие по социологии культуры отражает не только историю становления этой дисциплины, но главным образом последние тенденции развития этой предметной области. Существенное сближение теоретических позиций социологии и культурной (социальной) антропологии, изменившее социологический взгляд на понятие культуры, делает культурное измерение полноправной стороной при изучении совместного существования людей, а само понятие культуры в этом контексте определяется как созданный людьми искусственный мир, как содержание общественной жизни, как процессы освоения ими своего окружения и использования результатов взаимодействия и коммуникации между людьми. В таком теоретическом контексте общество рассматривается с точки зрения строения социокультурного пространства и форм/парадигм социального взаимодействия и коммуникации (интеракции), реализующихся в его пределах и детерминированных его составляющими.

Автор предлагает теоретические модели социокультурного пространства и парадигм социального взаимодействия в его пределах, которые базируются на социологических и культурно-антропологических основаниях и относятся к микродинамическому уровню анализа.

Для специалистов в области социальных наук, преподавателей, аспирантов, студентов гуманитарных факультетов вузов.

УДК 316.7
ББК 60.56

ISBN 978-5-8291-1353-7
ISBN 978-5-902844-43-3

© Орлова Э.А., 2011
© Оригинал-макет, оформление.
Академический Проект, 2012
© Константа, 2012

Введение

Предлагаемое читателю учебное пособие по социологии культуры отражает не только историю становления этой дисциплины, но главным образом последние тенденции, наметившиеся здесь, начиная с 1980-х гг. В этот период началось и продолжается до сих пор существенное сближение теоретических позиций социологии и культурной (социальной) антропологии, изменившее социологический взгляд на понятие культуры. В рамках формирующегося теоретического направления оно перестало трактоваться как «объект», который исследуется социологическими средствами. Наравне с социальным культурное измерение становится полноправным при изучении совместного существования людей, а само понятие культуры определяется как созданный ими искусственный мир, как содержание общественной жизни, как процессы освоения ими своего окружения и использования соответствующих результатов в ходе взаимодействия и коммуникации. В таком теоретическом контексте общество рассматривается с точки зрения строения социокультурного пространства и форм/парадигм социального взаимодействия и коммуникации (интеракции), реализующихся в его пределах и детерминированных его составляющими.

Предметная область социологии культуры определяется теоретическими положениями, принятыми в современных социальных науках:

- контекстом совместного существования людей, организованного в соответствии с институциональным, стратификационным, территориальным измерениями;
- динамическими формами существования людей в этих пределах, такими как образ жизни, связывающий его условия и процессы на протяжении индивидуального жизненного цикла, и парадигмы взаимодействия, указывающие на особенности реализации интеракций в контексте социальных отношений.

Объектами изучения в этом случае становятся способы и формы организации:

- социокультурного пространства;
- социального взаимодействия и коммуникации (интеракции) в границах этого пространства.

Субъект социокультурной жизни представлен концепцией человека в аспекте его результативной активности, обуславливающей трансформацию природного и искусственного окружения в освоенную жизненную среду. В ходе взаимодействий и коммуни-

каций люди, с одной стороны, поддерживают построенные ими социокультурные порядки, а с другой — продуцируют инновации (это принято называть творчеством), обуславливающие их изменение.

Строение социокультурного пространства, состоящего из совокупности таких порядков, определяется:

— двумя уровнями отношений людей с окружением — специализированным (социетально-институциональная структура) и обыденным (сети межличностных отношений);

— тремя фундаментальными измерениями социокультурного пространства — социетально-институциональным (общественное разделение труда), стратификационным (социальное расслоение в соответствии с различиями образа жизни), территориальным (распределение социокультурного потенциала по типам поселений).

Дифференциация социетально-институционального (специализированного уровня социокультурного пространства) осуществляется в соответствии с понятием социокультурных кодов, основа для построения которых составляют фундаментальные адаптационно необходимые связи человека с окружением. Социокультурная стратификация выводится из сходств и различий людей по образу жизни. Ее поддержание обусловлено устойчивыми формами социокультурной идентификации людьми своей принадлежности к определенным сообществам, а изменчивость — периодическим перераспределением имеющихся у них ресурсов между базовыми модальностями существования — жизнеобеспечение, социализация, культурная коммуникация, рекреация.

Совокупный результат совместной активности людей, организованной в соответствии с измерениями социальной структуры и расслоения по образу жизни, обозначается как социокультурный потенциал. Территориальное измерение социокультурного пространства выделяется для того, чтобы подчеркнуть неравномерность его распределения по типам поселений.

В пределах этой системы координат тема личности как исходного социокультурного агента и актора (субъекта) раскрывается с точки зрения:

— освоения социокультурного пространства и форм интеракции;

— процессов социализации и инкультурации;

— использования освоенных знаний и навыков — способы поддержания устойчивости параметров социокультурного пространства;

— необходимости решать лично и социально значимые проблемы — возможность порождать социокультурные изменения.

Теоретические основания изучения социокультурной микродинамики в пределах такой «системы координат» составляют концепции:

— *образа жизни* как процесса чередования рутинных (стандартных) и проблемных (чреватых изменениями) ситуаций. Проблемные ситуации здесь трактуются как локусы порождения изменений на уровне связей людей с жизненной средой;

— фундаментальных *форм и парадигм социального взаимодействия*: солидарность/консолидация, конфликт/борьба, партнерство/переговоры. Помимо динамических характеристик каждой

из них при использовании в контексте социально значимых проблемных ситуаций (устойчивых во времени, широко распространенных, угрожающих индивидуальной и социальной безопасности) рассматриваются и их взаимопереходы. Это позволяет анализировать механизмы порождения социокультурных изменений в контексте интеракций.

Парадигматические процессы определяются такими параметрами, как предпосылки, условия, схемы совместных действий и движения информации, их результаты с точки зрения решения проблемы. Каждый их тип, а также взаимные переходы от одного к другому описаны как последовательность стадий от момента зарождения до завершения и оцениваются с точки зрения эффективности при решении социально значимых проблем.

В целом представленное здесь теоретическое направление социологии культуры разработано с целью объединения:

— социологического и культурно(социально)-антропологического знания, что позволяет принимать во внимание как формы, так и содержание общественной жизни;

— структурно-функционального, динамического и семантического аспектов рассмотрения совместного существования людей, благодаря чему уточняется концепция социокультурных трансформаций.

Социология культуры в такой концептуализации представлена в теоретической форме. Соответственно модели социокультурного пространства, образа жизни, парадигм социального взаимодействия и их ключевых компонент выстраиваются по принципу идеальных типов с использованием обобщенных понятий и категорий.

Автор затрагивает, но систематическим образом не обобщает здесь вопросы методологии социокультурного исследования./поскольку этой теме предлагается посвятить отдельную, специальную работу. В целом же предлагаемое теоретическое направление соответствует Государственному образовательному стандарту высшего профессионального образования второго поколения по специальности 02.03.00 — Социология.

Книга, предназначенная для студентов и аспирантов, изучающих социологию, социальную антропологию и культурологию, состоит из трех разделов. В I разделе «Социология культуры как область знания» представлены ее основные составляющие, очерчены ее границы в рамках социологии в целом и ее современное состояние. Часть I «Современное состояние социологии культуры» состоит из двух глав. Глава 1 «Предпосылки формирования современного понимания социологии культуры» посвящена становлению этой области социологического знания, переходу от концептуализации понятия «культура» в социологии вообще через выделение предметного поля, где эта тема приобретает определенную выраженность, к формированию особого теоретического направления. В Главе 2 «Современные теоретические ориентации в рамках социологии культуры» показано, что пока социология куль-

туры находится в стадии формирования, и представлены те ее современные составляющие, которые очерчивают характерные для ее современного состояния границы, предметную область, объекты изучения, а также круг решенных и нерешенных проблем. В Части II «Теоретические основы решения проблем социологии культуры» выделяются основные проблемы, с которыми сталкиваются социологи культуры вне зависимости от их исследовательских позиций, и анализируется теоретический потенциал, который может быть актуализован и организован для их решения. Глава 1 «Определение понятия „культура“ в антропологии и социологии» представляет познавательные преимущества от объединения значений, в которых понятие «культура» используется в каждой из наук. В Главе 2 «Социологическая трактовка социальной реальности» обобщены представления социологов о социальной реальности, поскольку именно этот уровень считается фундаментальным для порождения культурных феноменов в рамках как социологии, так и антропологии. В Главе 3 «Концепция социального пространства в современной социологии» речь идет о его концептуализации в современной социологии и антропологии, о тех его свойствах — многомерность, неоднородность, подвижность, — которые обуславливают необходимость его отображения в культуре, и о проблеме его теоретической неупорядоченности, с которой социологи культуры сталкиваются, когда пытаются объяснять разнокачественность и изменчивость социальной жизни. Глава 4 «Теоретические основы представлений о социальном взаимодействии в современной социологии» представляет возможности использования понятия «социальное взаимодействие» для дифференциации социального пространства, с одной стороны, и для локализации процессов, способствующих поддержанию и изменению его составляющих, — с другой. В Части III «Социология культуры как аналитическое поле для изучения социокультурной микродинамики» выделенные ранее проблемы рассматриваются в свете концептуального объединения социального и культурного измерений совместного существования людей, которое позволяет говорить о социокультурном пространстве, включающем в себя как структурные, так и содержательные характеристики. Глава 1 «Основания изучения социокультурной микродинамики» представляет исходные социологические и антропологические допущения, на которых строятся концептуализации социокультурного пространства социального взаимодействия, а также процессов, реализующихся в его рамках. Здесь также приводятся ключевые понятия, из которых строятся соответствующие теоретические модели. В Главе 2 «Концепция социокультурной реальности» выделяются исходные представления о человеке и его связях с окружением, составляющие концептуальную основу этих моделей.

Раздел II «Пространство социокультурной микродинамики» представляет модель дифференцированного социокультурного пространства, в пределах которого, согласно исходным допуще-

ниями, выделяются два уровня: социетально-институциональный (специализированный) и обыденный (сети межличностных связей). Часть I «Институциональное пространство социального взаимодействия» полностью посвящена рассмотрению первого уровня. Глава 1 «Институциональное пространство социальной организации» представляет его ключевые компоненты, обеспечивающие упорядоченность общественных отношений на социетальном уровне — это хозяйственная, политическая, правовая его области. В Главе 2 «Институциональная организация социально значимого знания» рассматриваются основные мировоззренческие составляющие социокультурной жизни: религия, искусство, философия, наука. Глава 3 посвящена областям социокультурного пространства, которые оказываются связующими между специализированным и обыденным его уровнями: образование, просвещение, массовые коммуникации. В Части II «Социокультурное пространство обыденной жизни» раскрывается строение того уровня социокультурной реальности, который принято называть повседневностью, областью приватной жизни. В Главе 1 «Механизмы формирования социокультурного пространства обыденной жизни» показано, каким образом формируются и поддерживаются сети межличностных связей, образующие первичные группы. В Главе 2 «Обыденный и институциональный уровни социокультурного пространства: характер взаимосвязи» обсуждается вопрос о том, каким образом институциональные характеристики социокультурного пространства встраиваются в культуру повседневности. Глава 3 «Теоретическая модель образа жизни: связи человека с социокультурной средой» посвящена описанию основных модусов социокультурного существования людей, образующих их непосредственную жизненную среду, а также динамике их конфигурации в установившихся (рутинных) и проблемных ситуациях. В Главе 4 «Освоение социокультурного пространства» речь идет о процессах социализации и инкультурации, в ходе которых люди приобретают знания и навыки, значимые с точки зрения как поддержания, так и изменения жизненных условий. Глава 5 «Дифференциация понятия личности в социокультурном пространстве» посвящена концептуализации личности как актора и агента социальных взаимодействий и коммуникаций, от которых зависит воспроизведение и изменение микросред социокультурного пространства. В Главе 6 «Стратификационное социокультурное пространство» на основании предыдущих теоретических представлений строится стратификационное измерение социокультурного пространства. В Главе 7 «Распределение социокультурного потенциала по типам поселений» определяется понятие социокультурного потенциала и выстраивается территориальное измерение социокультурного пространства.

В Разделе III «Формы и парадигмы социального взаимодействия» речь идет о фундаментальных, антропологически универсальных формах интеракций, которые равно реализуются как на институциональном, так и на обыденном уровнях социокультурно-

го пространства. Часть I «Социально значимые проблемы как источник социокультурных изменений» состоит из двух глав. В Главе 1 «Концепция социально значимой проблемной ситуации» разъясняется, почему формы и парадигмы социального взаимодействия целесообразно анализировать именно в проблемных ситуациях; в этой связи описываются факторы, порождающие их и придающие им социальную значимость, стимулы, побуждающие людей к объединению для совместной активности, социокультурные результаты их решения. Глава 2 «Познавательные возможности проблемно-ситуативного анализа» посвящена преимуществам и ограничениям, связанным с использованием понятия «социально значимая проблемная ситуация». В Части II «Парадигмы взаимодействия в проблемной ситуации» Глава 1 «Консолидация и солидарность», Глава 2 «Конфликт и конфликтное взаимодействие», Глава 3 «Переговоры и партнерство» в идеально-типической форме представляют основные парадигмы социального взаимодействия с точки зрения благоприятных для них предпосылок и условий, ключевых ролей, динамических стадий и границ применимости. В Главе 4 «Организация взаимодействия в проблемной ситуации» обсуждается вопрос, каким образом при условии потенциальной возможности реализации всех парадигм в любой ситуации взаимодействия осуществляется их взаимопереход и как можно его регулировать.

Заключение «Проблемы и перспективы изучения социокультурной микродинамики средствами социологии культуры» посвящено осмыслению проблем, связанных с изучением социокультурной микродинамики, и возможностей их решения с помощью предлагаемых теоретических моделей. Предполагается, что исследования такого рода будут способствовать формированию современной социологии культуры как значимой теоретической области социологии.

Автор выражает глубокую признательность тем, чьи высококвалифицированные советы, замечания, предложения, чья дружеская поддержка помогли в работе над книгой: А.В. Каменцу, Ю.М. Резнику, Е.Н. Селезневой, В.В. Семеновой, Е.Н. Шапинской, И.А. Урминой, В.А. Ядову.

С особой благодарностью автор обращается к Е.Г. Киселевой и Д.В. Жарову, неоценимая помощь которых помогла книге выйти в свет.

РАЗДЕЛ I

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ КАК ОБЛАСТЬ ЗНАНИЯ

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ СОЦИОЛОГИИ КУЛЬТУРЫ**В Глава 1. Предпосылки формирования современного понимания
социологии культуры**

Появление современных ориентаций в области социологии культуры были обусловлены сменой познавательных парадигм, которая существенным образом сказалась в социальных науках. Если в эпоху модерна в философии и науке предпринимались интеллектуальные попытки сохранить представление о единстве и целостности мира в условиях совершенно очевидной изменчивости, то с конца 1960-х гг., которые считаются началом постмодерна, ситуация существенным образом начала меняться. По словам американского философа Р. Рорти, усилившееся в этот период «...ощущение, что потеряна целостность, имеет своей причиной то обстоятельство, что отказ от традиционной теологико-метафизической веры в Единство Реальности и Истины (веры в то, что есть Одно Истинное Описание того, Какова Истинная Реальность) совпал с упадком веры в то, что мир непременно станет лучше...».

Обращаясь к истокам такого философского мировидения, Рорти называет имена Дж. Милля и У. Джеймса, пытавшихся преодолеть метафизическую доктрину, утверждавшую, что вселенная и Истина должны находиться в отношениях Единства. В частности, У. Джеймс утверждал, что наука и религия могут сосуществовать без конфликтов, поскольку каждая из этих областей культуры отвечает своим специфичным целям и вследствие этого располагает собственным культурным инструментарием.

Далее, он отмечает, что Ф. Ницше и У. Джеймс заменили метафизические понятия «Реальность» и «Природа» на концепт окружения. Его воздействие признавалось, но люди переставали рассматриваться как обязанные подчиняться ему, как это было в отношении метафизики Природы или Разума. Задача людей — подчинять его себе или адаптироваться к нему, а не исполнять перед ним моральные обязательства. «Для Ницше и Джеймса идея о том, что у нас есть моральный долг делать наши представления соответствующими реальности, так же смешна, как идея о том, что долг человека состоит в угождении Богу». Следствием этого стало широко распространенное сегодня представление, «что существует множе-

ство различных, но равноценных вариантов человеческой жизни. Принцип подчинения единообразию стал менее принудительным»¹.

О необходимости смены познавательной парадигмы

В этих обстоятельствах социологи, разделяющие такую точку зрения, все более активно призывают к пересмотру исходных оснований своей науки и формированию новых фундаментальных теорий. Так, Н. Ауман полагает, что к классическому вопросу социологии «Что происходит?» следует добавить еще один: «Что за этим кроется»? Если ответ на первый обеспечивает современная эмпирическая социология мейнстрима, то второй прямо связан с теоретической деятельностью. Речь идет о построении объясняющих моделей, что в свою очередь предполагает рефлексивность к исходным допущениям, на которых строится сегодня социологическое знание. Значимость такой работы для его перехода на новый уровень еще в 1970-х гг. продемонстрировали Э. Гоулднер в отношении теории и Р. Фридрихе применительно к методологии.

О необходимости усилить теоретический аспект социологии говорил Э. Гидденс: «Концептуальное обновление (вкуче с эмпирическими исследованиями), по крайней мере, столь же важно в социальных науках, как и формулировка новых обобщений. Ибо это обновление может содержать в себе такие „способы видения“ социального мира, которые недоступны непрофессионалу. Оно позволяет увидеть скрытые возможности данного набора социальных институтов и обнаружить такие их аспекты, о существовании которых никто не подозревал»².

Подобные изменения не могут быть локальными поправками к классическим познавательным моделям. Речь идет о смене познавательных парадигм, о которой в свое время писали Т. Кун, П. Фейерабенд и др. В то же время, как подчеркивал С. Тулмин, это не означает полного отказа от ранее сложившихся теорий. Любое обновление предполагает соотнесение с ними, включение в более современные разработки их релевантных компонент, которые меняют свое значение в изменившемся контексте. Кроме того, предшествующие теории в рамках последующих утрачивают субстанциональный смысл и приобретают статус инструмента познания.

Еще одно важное обстоятельство, связанное с изменениями в социальных науках, заключается в их погруженности в культуру изучаемых обществ. Речь идет о том, что смена тематики исследований, точки зрения на предметную область изучения («позиции

¹ *Рортн Р.* Последействие: прагматизм, плюрализм и постмодернизм. 1998. <http://www.politizdat.ru/article/51/>

² *Гидденс Э.* Девять тезисов о будущем социологии // THESIS. Т. 1. Вып. 1. 1993. (<http://www.socioline.ru/new>)

наблюдателя») обусловлены не только и не столько внутринаучными проблемами. Нередко теории остаются незавершенными, их познавательный потенциал используется не в полной мере из-за того, что меняются социальные ситуации, и внимание исследователей переключается от решения фундаментальных научных проблем к стремлению осмыслить, «что происходит». И часто для этого имеющегося фундаментального знания оказывается недостаточно. Соответственно создаются *ad hoc* допущения, модели, гипотетические объяснения, которые впоследствии оказываются либо поверхностными, либо частными. И полученное знание оказывается скорее обыденным, чем научным. Однако, как отмечает Ю. Качанов, «социологическое мышление не продолжает обыденное, а соотносится с ним посредством различия „объективированное/необъективированное" <...> Связь между ними осуществляет практика социальной науки, понятая как научное производство. Условием возможности истины социальной науки является объективация подвижного различия между объективированным и необъективированным. Это различие производит, в свою очередь, различия между транзитивным и нетранзитивным, между действительным и возможным, наглядным и наблюдаемым, между существующим и наблюдаемым и др. Пользуясь ими, мы можем усмотреть, что не только не все наблюдаемое наглядно, но и не все существующее наблюдается»¹. Совершенно очевидно, что речь идет о фундаментально обоснованном теоретическом знании.

В современных социальных науках происходят действительно серьезные теоретические и методологические изменения, которые носят фундаментальный характер и в то же время тесно связаны с ключевыми чертами изменяющейся социокультурной реальности. Можно выделить основные из них, образующие сегодня проблемное поле, в пределах которого и осуществляется основная поисковая активность.

Междисциплинарность. В рамках современных социальных наук активно обсуждается вопрос о необходимости междисциплинарного решения каждой конкретной исследовательской проблемы. Существует мнение, что это на методологическом, инструментальном уровне поможет преодолеть традиционные для социологии дуализмы «структура/действие», «система/конфликт», а также будет способствовать контекстуальному видению объекта исследования через введение таких концептов, как интеракция, интерпретация, социальные практики и т. п. Среди сторонников этой позиции можно назвать П. Бурдье, Э. Гидденса, И. Гофмана, Д. Крейн, Н. Лумана, Ю. Хабермаса.

¹ Качанов Ю.Л. Пространство — время социального мира в постструктуралистской перспективе // Неприкосновенный запас. № 2 (70). 2010. (<http://magazmes.russ.ru/nz/2/lel.html>)

Преодоление существующих дисциплинарных разделений.

Например, Э. Гидденс считает нецелесообразным настаивать на сохранении границ социологии, как они сложились еще в конце XIX в. «Возникает теоретический синтез, который вновь придаст связность социологическим дискуссиям... Мы должны признать, что сохранение в социологии абсолютной четкости ее границ и „неприкосновенности владений“ не только невозможно, но и нежелательно... Социология, конечно, обладает некоторым набором понятий и теорий, которые, по всей вероятности, составляют ее исключительную прерогативу, но в методологическом отношении она далеко не так прочно изолирована от остальных социальных и гуманитарных наук, как многие были склонны считать»¹.

Особое внимание к современной социокультурной динамике. Современная сложная и динамичная социокультурная реальность уже не поддается описанию и объяснению с помощью только классического социально-научного инструментария. Сегодня социологам приходится «анализировать социум разной динамической сложности, находящийся в разных темпомирах, подверженный парадоксальным разрывам и синтезам, имеющий тенденцию к дисперсии, да еще рефлексировать по поводу самых разных амбивалентностей: глобализации и локализации, инноваций и процессов структурно-функционального „старения“ социума, появления десоциализированного социума и новых социальных идентификаций; возникновения новых типов рациональностей и иррациональностей»². Однако для анализа такого рода феноменов пока не существует специальной системы координат, в рамках которой они поддавались бы надежной интерпретации и теоретически приемлемому объяснению.

Переходот субъект-объектной трактовки социокультурной реальности к интерсубъективной. В рамках классической социологии доминировала оппозиция субъекта и объекта, используемая для объяснения движущих сил общественных процессов. Однако в теоретических построениях З. Дюркгейма, М. Вебера, а позже Т. Парсонса прослеживается неудовлетворенность такой упрощенной трактовкой социальной реальности. Обращение к понятию ценности стало попыткой привнести в нее измерение, передающее отношение людей и к собственной активности, и к общественным явлениям, которые они сами порождали и с которыми им приходилось иметь дело. Позже в рамках социологии все шире начали распространяться понятия смысла и значения, которые, по словам Р. Рорти, оказались несводимыми ни к субъективности, ни к объек-

¹ Гидденс Э. Девять тезисов о будущем социологии.

² Кравченко С.А. Социологическое теоретизирование, мышление и воображение в условиях постмодерна. <http://www.isprras.ru/pics/File/postmodern/Kravchenko.pdf>

тивности и, можно прибавить, ни к ценности. Он подчеркивал, что, начиная с Ч. Пирса и Дж. Дьюи, эти понятия начали трактоваться как своего рода инструменты для конституирования социокультурной реальности и существования в ее пределах, что стало началом преодоления метафизического противопоставления субъекта и объекта. Методологической основой дальнейшего продвижения в этом направлении стало распространение лингвистической философии и сопутствующих ей способов социально-научного познания. В настоящее время социологи все большее внимание уделяют изучению значений и смыслов того, что происходит в обществе и культуре, и не углубляются в рассуждения о субъект-объектных отношениях.

Отказ от субстанциализма в трактовке общества. Структуралистский поворот в социальных науках второй половины XX в. позволил преодолеть представление о том, что существует априорная реальность, которую можно познать путем интуитивного «схватывания», и такого рода знание является ее отражением. Такую позицию Э. Кассирер назвал субстанциалистской. В настоящее время при изучении социальной реальности все большее распространение приобретает реляционная точка зрения: предполагается, что более плодотворно рассматривать ее в терминах социальных взаимодействий и коммуникаций, а не искать специфичную для нее субстанцию.

Результатом отказа от субстанциализма в пользу реляционизма стало формирование конструктивистской позиции в понимании и изучении социальной реальности. Начиная с работы П. Бергера и Т. Лукмана «Социальное конструирование реальности»¹, разработанные ими познавательные принципы составили одно из важных оснований современного социологического теоретизирования. Конструирование здесь понимается двояким образом. С одной стороны, авторы полагают и обосновывают, что, познавая окружение и свои отношения с ним, люди сами выстраивают специфичный для них жизненный мир. С другой — исследователь, изучая его, конструирует специальный социологический инструментарий, соответствующий требованиям научности и позволяющий структурировать и изучать предметную область, отвечающую решаемой проблеме.

Все изменения такого рода привели к формированию ориентации, получившей название микросоциологии. В период доминирования структурного функционализма изучались главным образом «крупные формы» социетального уровня (экономические, политические институты, социальная структура общества, крупномасштабные социальные движения и т. п.). Существовали также и иные

¹ См.: Berger P., Luckman T. The Social Construction of Reality. N. Y.: Doubleday, 1966 (Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995).

течения, например, теоретические обобщения, выстраиваемые на основе эмпирических данных, полевых (теории «среднего уровня», предложенные Р. Мертоном) или лабораторных (теория групповой динамики) исследований. Однако они не вносили инноваций в исходные допущения «больших» теорий или в методологию социологических исследований, т. е. не выходили за пределы общепринятой структурно-функциональной парадигмы.

Более того, между «теоретиками» и «эмпириками» существовало взаимное неприятие. «Те, кто посвятил себя изучению непосредственных контекстов социального взаимодействия, часто скептически воспринимают „реальность“ более масштабных типов социальной организации и социальных изменений. Per contra, те, кто имеет дело с более крупными формами институционального порядка, стремятся избежать „микросоциологии“ как чего-то крайне тривиального. Феноменология и этнометодология сделали более рельефными недостатки обеих соперничающих позиций. Оказалось, что мелочи жизни вовсе не лишены интереса и не чужды социальных последствий. Многие характерные особенности обыденных социальных действий теснейшим образом связаны с длительными масштабными процессами воспроизводства социальных институтов. В то же время „макроструктурные“ свойства социальных систем воплощены в самых случайных и мимолетных локальных интеракциях. Здесь существует немало сложных теоретических и эмпирических проблем, которые ждут своего обсуждения. Но можно с достаточной долей уверенности утверждать, что их решение будет связано с анализом рекурсивной природы социальной жизни»¹.

Это направление теоретизирования значимо, по крайней мере, в двух существенных отношениях. Во-первых, в отличие от структурного функционализма, ориентированного на выявление строения социальной системы, микросоциологическое направление связано с изучением механизмов установления, поддержания и изменения элементов и связей как внутренних, так и внешних для системы. Во-вторых, при изучении «микрофеноменов» предполагается необходимое их соотнесение с социальными образованиями, относящимися к «макроуровню». В этом случае решается задача, связанная с преодолением методологической дихотомии «инсайдер/аутсайдер», за счет открытого признания того, что интерпретация происходящего представляет собой неотъемлемую составляющую любой интеракции, включая отношения между исследователем и теми, кого он изучает.

Вот как об этом пишет Дороти Смит, посвятившая свои исследования повседневной жизни женщин: «Я использую... социологию-

ческий подход инсайдера, т. е. систематическим образом развертывающееся познание общества изнутри, позволяющее избежать конструкции, которая выводит нас за рамки того, вне чего мы не можем существовать. Начиная с реального размещения субъекта, мы возвращаемся к социальному миру, который порождается и познается в контексте актуальных, продолжающихся действий реальных людей. Здесь мышление не противопоставлено практике... [Его формы —] вера, знание, идеология... [сами представляют собой] социально организованную практику, поскольку реализуются в реальных месте и времени с использованием конкретных материальных средств в определенных материальных условиях»¹.

Такая исследовательская позиция «включенного» — а в антропологии «участвующего» — наблюдения открывает предметную область изучения механизмов социального взаимодействия, принципиально недоступную на уровне институционального направления в социологии. Прежде всего в этом случае преодолевается дихотомия объективного/субъективного не только потому, что исследователю и изучаемым приходится обмениваться перспективами (по А. Шютцу), чтобы отношения между ними продолжались. Но и потому, что, согласно теореме У. Томаса об определении ситуации, если ситуация определяется людьми как реальная, то она реальна по своим последствиям. Далее, в таком контексте можно проследить, действие механизмов, которые обуславливают взаимные переходы или автономию взаимодействия и коммуникации, локально воплощенных и дискурсивных феноменов. Кроме того, вполне доступными наблюдению становятся переходы от одной темы или ситуации интеракции к другой. Наконец, исследователю приходится постоянно рефлексировать относительно адекватности своих интерпретаций того, что происходит.

В настоящее время к основоположникам микросоциологии принято относить социологов, которые впервые разработали теоретические положения и модели, используемые сегодня в этой области исследований. Это Ч. Кули (Я-концепция), Дж.Г. Мид (отношения Я-другой), А. Шютц (концепции естественной установки и обмена перспективами в контексте повседневной интеракции), Д. Хоманс и П. Блау (теория социального обмена), И. Гоффман (теории повседневных личностных презентаций и фреймов интеракции), Г. Гарфинкель (этнометодология). Вплоть до 80-х годов XX в. эти идеи находились на периферии социологического мейнстрима, где доминировали исследования крупномасштабных социальных систем и институциональных структур. Ближе к концу века микросоциология — само название появилось тогда же — стала заметным социально-научным направлением, которое все же пока

¹ *Smith D. Sociological theory: methods of writing patriarchy// In: R.A. Wallace (ed.). Feminism and Sociological Theory. Newbury Park, CA: Sage, 1989. P. 34.*

не относится к основополагающим, поскольку находится в стадии становления.

В то же время оно оказало существенное влияние на современную теоретическую социологию. Начиная с разработок А. Шютца, П. Бергера и Т. Лукмана в области феноменологической социологии, в научный обиход прочно вошел концепт повседневной реальности, выделивший в качестве предметной области непосредственные, «здесь-и-сейчас» осуществляющиеся взаимодействия и коммуникации людей. Это дополнило институциональную картину социальной реальности и высветило проблемную область отношений между обоими уровнями. Были выделены и микропространства таких интеракций — ситуации, фреймы и сценические метафоры Гоффмана. Соответственно появилась необходимость внутренней дифференциации этой реальности, что повлекло за собой более внимательное отношение к концепту социального пространства. Исследователям пришлось обратиться к лингвистическим и семантическим конструкциям. В результате в рамках социологии начала открыто признаваться необходимость серьезного обращения к понятию «культура».

С точки зрения изучения социальной динамики это направление открыло возможность решать некоторые фундаментальные теоретические задачи, которые обозначились в рамках макросоциологии, но не поддавались детальному рассмотрению в контексте ее предметной области, категориального аппарата, методологии. Так, в философии К. Поппер, а в социологии Р. Мертон обратили внимание на непреднамеренные последствия целеориентированных и структурированных действий или рационально организованных событий. Это явление было названо эмерджентией. На уровне макропроцессов оно фиксировалось исследователями, и возможность его актуализации признавалась. В то же время сама констатация того, что такого рода последствия могут проявиться в ходе реализации социальных действий, на теоретическом уровне существенным образом затрудняла построение долгосрочных и среднесрочных прогнозов. Обращение к микроанализу позволяет, по крайней мере, определить те пункты во взаимодействиях и коммуникациях людей, где эмерджентность может изменить установившийся ход событий.

Еще одна интересная теоретическая возможность связана с общераспространенным представлением о вероятностной природе социальной реальности. На уровне деклараций это уже давно утверждается, и даже предпринимались попытки математически определять вероятность выборов принимаемых решений, их результатов в контексте совместной активности людей. Следует отметить, что попытки решать задачи такого рода предпринимались в рамках строго рационалистических моделей, и любые выходы рас-

сматривались как необходимые и оптимальные. Соответственно те, что не укладывались в эти рамки, трактовались как ошибки, отклонения, неудачи и т. п. Сравнительно недавно и именно благодаря микроанализу исследователи обратились к использовавшемуся в средневековой философии понятию контингентности. В отличие от классической дихотомии «необходимость/случайность» в данном случае речь идет о таких феноменах социокультурной жизни, которые не являются ни необходимыми, ни случайными. Это выборы, которые люди совершают применительно к конкретным случаям и из тех наличных возможностей, с использованием тех ресурсов, которые, что называется, «имеются под рукой». Более того, их можно было бы и не делать, поскольку для этого нет настоящей необходимости, иными словами, они в конкретной ситуации не являются обязательными. Совершенно очевидно, что понятие контингентности расширяет жесткие рационалистические рамки при трактовке устойчивых социальных и культурных образований и при прогнозировании длительности их существования.

Решение даже этих проблем меняет представления о природе социальных порядков. Кроме того, что, как принято считать, в определенных ситуациях они контролируют совместную активность людей, способствуют сохранению целостности социальных систем, в сфере внимания исследователей оказывается их другой аспект — социально-динамическая прагматика. Она заключается в том, что появляется возможность на какое-то время преодолевать неопределенность ситуации за счет ее контингентного определения, примирять текущие желания и интересы участников конкретных интеракций, интерпретировать эмерджентные последствия событий, вписывая их в принятые модели мировидения.

Как уже отмечалось, еще одной важной чертой микросоциологии стало обращение теоретиков к идеям лингвистической философии и семантическому анализу событий и явлений общественной жизни. Такого рода идеи оказались необходимыми при поисках ответов на вопросы, которые появились в результате перехода в новое предметное поле. Как упорядочиваются неструктурированные области социальной реальности? Что происходит с социальными и культурными объектами, когда они теряют свою прагматическую значимость? Почему и как появляются новые искусственные образования? Каким образом происходят переходы от одних ситуаций интеракции к другим? Каковы связи между тем, что люди говорят, и их реальными действиями? Каковы механизмы, позволяющие людям считать непрерывными, продолжающимися дискретные во времени социальные взаимодействия и коммуникации? Все эти и подобные вопросы сегодня стали предметом пристального внимания в рамках микросоциологии, оказавшейся под сильным влиянием идей постструктурализма, постмодерна.

В качестве формулы, обобщающей изменение предметной области социологии, в том числе ее микротеоретической ориентации, можно привести высказывание С. Кравченко: «Усложняющаяся социокультурная динамика изменяет не только социум как совокупность объективных институциональных структур, социальных и культурных типов, ценностей и норм, но и то, как люди, живущие в разных культурах, субъективно конструируют и интерпретируют общество, делая это, естественно, по-разному»¹. Здесь важно отметить акцент автора именно на динамическом аспекте сложной современной социокультурной жизни, изучение которой предполагает разработку специального теоретического и методологического инструментария.

Предметное поле социальных наук в свете идей постмодерна

В соответствии с теми изменениями в области социологии, которые были отмечены выше, можно конкретизировать те основные теоретические положения, которые существенным образом повлияли на содержание предметного поля в рамках не только этой науки, но и особенно близкой ей сегодня антропологии.

В этом контексте существенным образом изменилось представление о динамике общества и культуры. Практически перестали говорить об историческом процессе как непрерывной «цепи бытия», в какой бы форме — эволюционной или волнообразной — она ни представлялась. Изменчивость социокультурной жизни, скорее, мыслится как совокупность дифференциальных процессов, происходящих на разных ее уровнях и не сводимых друг к другу. Одни из них непрерывны и длительны, другие — дискретны и краткосрочны; одни цикличны, другие необратимы. Что касается социокультурных образований, то одни из них трактуются как системы в классическом понимании, а другие — как своего рода конгломераты; относительно первых считается, что их равновесные состояния сменяются структурными трансформациями, а периоды внутренней консолидации сменяются возрастанием функциональной автономности их составляющих.

В то же время изменчивая природа социокультурной реальности характеризуется тем, что в этом поле постоянно возникают и разрушаются более или менее устойчивые образования. Их подвижное существование обусловлено открытостью, незавершенностью, интенсивным информационным обменом с окружением. Они неравновесны, но при этом не обязательно разрушаются. В период существования они постоянно преобразуются, меняют

¹ Кравченко С.А. Социологическое теоретизирование, мышление и воображение в условиях постмодерна.

траекторию движения. Раньше в социологии ими никто не интересовался. Теперь этот доструктурный слой социокультурной реальности, который можно описать через понятие протоморфов (аналитических единиц, характеризующих уже не поле, но еще не структуру) все более становится предметом теоретизирования. И хотя макровременные и макромасштабные процессы продолжают доминировать в рамках социологического мейнстрима, микроизменчивость становится той предметной областью, которая позволит ответить на вопросы, поставленные выше. Именно такой взгляд на социокультурную микродинамику вырисовывается из анализа работ тех авторов, которых принято относить к выразителям идеологии постмодерна.

Это интеллектуальное течение связывается с существенным пересмотром познавательных принципов, характерных для западной культуры в период с конца XIX до середины XX в. — эпохи модерна. Оно сложилось на основах таких течений этого культурного стиля, как авангард, конструктивизм, структурализм. Его специфика определяется исключительным вниманием к движению, неопределенности, переходности.

Первоначально постмодернистские ориентации наиболее отчетливо воплотились в сферах искусства и массовой культуры. Отсюда в дальнейшем черпали образы и идеи, рабочий материал философы, социологи, антропологи. Философия постмодерна сложилась на базе работ таких французских авторов, как Ж. Делез, Ж.Ф. Лиотар, Ж. Бодрийар, Ж. Деррида. Швейцарский исследователь М. Франк предложил для этого течения название «неоструктурализм» и полагал, что оно сложилось к 1968 г.¹ Другие относят время его появления к 1975—1976 гг., связывая воедино такие его названия, как «постструктурализм», «неоструктурализм», «исторический номинализм» и др., отмечая при этом возникновение особого «гибридного поля» социологической теории, литературоведения, философии и теории культуры².

К середине 1970-х гг. постмодернизм как культурное течение широко распространяется в Европе и Америке. К началу 1980-х гг. понятие «постмодерн» приобретает законное место в социологии и антропологии, а Ф. Джеймиссон и Ж.Ф. Лиотар вообще назвали условия современной жизни постмодернистскими. Соответствующие явления стали предметом особенно оживленных дискуссий среди философов, социологов, антропологов, искусствоведов во всем мире в течение 1980-х гг. Со временем откристаллизовалось представление о нем как о совокупности «экспериментальных тенденций» в современной западной культуре, которая во многом ас-

¹ Frank M. Was ist Neostukturalismus. Frankfurt am M., 1984.

² Райхман Дж. Постмодернизм в номиналистской системе координат // Флэш-ша рт. 1989. № 1. С. 50.

социруется с понятием постиндустриального общества»¹. С этой идеологией устойчиво связываются такие имена, как Ж. Деррида, Ж.Ф. Лиотар, Ж. Делез (философия), М. Фуко, Х. Уайт (история), Ж. Лакан, Р. Лэнг, Н. Браун (психоанализ), Г. Маркузе, Ж. Бодрийар, Ю. Хабермас (политическая философия), Т. Кун, П. Фейерабенд (философия науки), Р. Барт, Ю. Кристева, В. Изер, «Йельские критики» (теория литературы), Э. Гоулднер, И. Гоффман, Г. Гарфинкель (социология).

Существует точка зрения, что постмодерн — это интернациональное стилистическое направление в культуре. Его основные формообразующие принципы были сформулированы в рамках европейского экзистенциализма, особенно Хайдеггера; основоположниками движения были европейцы Ж.-П. Сартр, С. Беккет, Э. Ионеско, Ж. Жане, М. Фриш, Н. Саррот и др. Выразитель эстетических идей постмодерна писатель и семиолог У. Эко считает его метаисторической категорией, которая пришла на смену таким же — «модернизм», «авангард», — когда последние исчерпали свой эвристический потенциал и происходит разрушение традиционной образной парадигмы. «Ответ постмодернизма модернизму состоит в признании прошлого: раз его нельзя разрушить — ведь тогда мы доходим до полного молчания — его нужно пересмотреть иронично, без наивности»².

Обобщая сложившиеся мнения о сути этого интеллектуального течения, один из известных его последователей пишет: «Ситуация постмодерна характеризуется тем, что мы противостоим возрастающему многообразию самых различных форм жизни, концепций знания, способов ориентации, что мы обнаружили законность и неоспоримость этой плюральности и что мы безоговорочно все более признаем и оцениваем это многообразие... В этой плюральности и в согласии с ней находится фокус постмодерна»³.

Дело не только в осознании неустранимости сосуществования разнородных культурных идентичностей и самоидентификаций. «Значительно важнее то, что речь идет о признании множественности принципов и ритмов самоорганизации социокультурной жизни. Плюральность постмодерна — это указание на субстанциональную множественность, присущую культуре, пронизывающую ее снизу доверху».

Все эти изменения в философском и социально-научном климате обусловили, в частности, формирование социологии культуры как отдельной области теоретического познания. С самого на-

¹ У. Эко. Из заметок к роману «Имя розы» // Называть вещи своими. М., 1986. С. 227.

² Welsch W. Postmoderne— Pluralitat als elhischer und politischer Welt. Koln. 1988. S. 23.

³ Ibid. S. 38.

чала 1970-х гг. она фактически была «заново изобретена, — пишет Д. Крейн, — но в ранние девяностые масштабы ее трансформации начинают признаваться остальными представителями дисциплины. „Новая“ социология культуры— это не познавательная ветвь per se; скорее она состоит из ряда отдельных и независимых друг от друга предметных областей, таких как наука, познание, религия, масс-медиа, популярная культура, искусство, а также как культурно ориентированные подходы, например к истории, политике, организациям, стратификации, межличностному поведению». Различны и теоретические ориентации, характеризующие это социологическое направление. Общее, что их объединяет, — это, во-первых, интерес к содержательному, семантическому аспекту совместного существования людей и, во-вторых, исходное допущение об относительной автономности динамики символических систем от событий социально-структурного порядка.

В отношении общих современных представлений о социологии культуры следует обратить внимание на два важных момента. Во-первых, существуют расхождения в определении места культуры как предметной области в ее рамках. Одни полагают, что речь должна идти об изучении соответствующих явлений и процессов социологическими методами. Это более консервативная и широко распространенная позиция. Другие считают необходимым выделить культурное измерение как равнозначное по отношению к социальному и в этой системе координат определять все события совместной жизни людей. В предлагаемой читателю работе разделяется именно эта точка зрения. Ее сторонники пока немногочисленны, но исходят из самых современных теоретических предпосылок и ориентируются на решение проблем, сравнительно недавно ставших предметом исследовательского внимания.

Во-вторых, сегодня нередко встречаются утверждения, что социология культуры существует с момента возникновения социологии как самостоятельной науки. Соответственно к представителям этой ветви знания относят М. Вебера, Э. Дюркгейма, Г. Зиммеля, Б. Малиновского, Дж.Г. Мида, А. Рэдклифф-Брауна. Бесспорно, как представители модерна и основоположники области социальной науки, которая в их время находилась в стадии начального становления, они затрагивали вопросы, которые сейчас относятся к области изучения культуры. Однако ни один из них не создал целостной теории, раскрывающей познавательный смысл этого понятия, а некоторые даже не использовали его в своих построениях. Одним из первых, кто заговорил о необходимости такого направления в социологии в середине 1940-х гг., был К. Манхейм. Он предложил и самые общие программные положения, относящиеся к ее построению. Однако в то время у него не оказалось последователей.

Его идеи стали актуальными тогда, когда, по словам Д. Крейн, социология культуры была «заново изобретена», т. е. фактически в 1990-е гг. В предлагаемой читателю работе социология культуры будет представлена в ее современной концептуализации.

Теоретические предпосылки формирования социологии культуры

При выделении теоретических оснований современной социологии культуры следует обратиться к работам классиков модерна, с одной стороны, и тех ученых, чьи имена принято связывать со сменой познавательных парадигм в социальной науке — с другой¹.

Истокисоциологическихпредставлен и й о культу ре. Ап али з и - рую работы классиков модерна, Л.Г. Нонин выделяет основные теоретические направления, где представления о культурных аспектах человеческого существования выражены наиболее отчетливо. Более того, он выделяет те идеи, которые до сих пор не утратили актуальности и так или иначе используются современными социологами культуры.

Объективизм. К этому направлению автор относит Э. Дюркгейма, который уподоблял социологию естественным наукам и полагал, что социальные факты следует рассматривать как «вещи», как объективные, внешние по отношению к индивидам явления. В частности, в этом ключе он трактовал совокупности фактов сознания, которые выделял в обществе как его особую составляющую. Их особенность заключается в том, что, обусловленные социальной реальностью, они воспринимаются людьми как порождения их собственного сознания. Однако они не произвольны и не индивидуализированы, но трактуются как коллективные представления (термин Э. Дюркгейма), объективные по своей сути, и соответственно обязательные и принудительные в функциональном отношении. Этот концепт придает культурные коннотации таким понятиям, которыми социология обязана Дюркгейму, как социальная солидарность, аномия, а также его идеям об общественном происхождении морали и религии. В контексте данной работы важно отметить два важных аспекта этой теоретической позиции: разделение коллективных действий и коллективных представлений, а также детерминирующая значимость последних по отношению к индивидуальной активности сознания.

¹ В качестве источников используются обобщения, представленные в работах таких авторитетных социологов культуры, как Л.Г. Нонин и Дж. Александер. См. Нонин Л.Г. Социология культуры. М. Логос, 1998. Alexander J. The Meanings of Social Life: a Cultural Sociology. N.Y.: Oxford University Press, 2003.

Понимающая социология. Это направление социологической мысли связывается с именем М. Вебера, выделившего понятие социального действия, которому приписываются следующие атрибуты:

- рациональность — каждое из них побуждается осмысленным намерением (интенцией) и отрефлексированной целью;
- осмысленность — каждый индивид, совершая действие, связывает с ним субъективный смысл;
- совместность — в своей активности люди соотносятся с действиями друг друга и ориентируются на них.

Последнее обстоятельство обуславливает возможность того, что каждый понимает смысл действий, совершаемых другими. Поскольку они совершаются сознательно, между ними как эмпирическими фактами и их реальной средой посредником становятся субъективный смысл, интерпретация, понимание происходящего.

В отличие от Дюркгейма, исходившего из предпосылки объективности социальных явлений, Вебер считал своей задачей объяснить, как она формируется из субъективно мотивированных действий. С этой точки зрения общество представляется как результат человеческих действий, искусственный, созданный людьми, т. е. как культурное образование. Соответственно предметом социологического исследования становится многообразие идей, мнений, убеждений, представлений, образов мира, словом, всего того, что в совокупности принято называть культурой.

Из действий такого рода складываются социальные отношения, которые Вебер характеризует как «поведение нескольких людей, каждый из которых соотносит свои действия с действиями остальных и ориентируется на эту соотносительность»¹. Отношения могут различаться по содержанию, форме, длительности, реализоваться в рамках разных социальных образований. Важно то, что они базируются на рациональных и доступных взаимному пониманию совместных действиях людей. При длительном воспроизведении отношений, сложных по своей организации, взаимная соотносительность действий обуславливает их своеобразную независимость от конкретных акторов, т. е. объективность.

В рамках этой концепции важно отметить следующие основополагающие положения. Во-первых, искусственные образования (в данном случае производные активности сознания) порождаются рациональной, имеющей субъективный смысл активностью людей. Во-вторых, в совокупности при взаимной соотносительности такие действия приобретают характер социальных отношений. В-третьих,

¹ Weber M. *Wirtschaft und Gesellschaft*. Tübingen: Mohr., 1922. S. 13. Цит. по: Юнин Л.Г. *Социология культуры*. С. 56.

последние при необходимости воспроизведения и сохранения устойчивости во времени приобретают характер объективных.

Символический интеракционизм. Символический интеракционизм как культурно ориентированное социологическое направление, по мнению А.Г. Ионина, тесно связан по крайней мере с двумя предшествующими теоретическими предпосылками. С одной стороны, это была концепция социальной природы человека Ч. Кули. Речь шла о комплексе чувств, предрасположений, моральных норм, формирующихся в непосредственных отношениях людей и составляющих идеальную сторону среды их действий. Иными словами, возможность совместной активности обеспечивалась тем, что внешним проявлениям, согласно этой концепции, соответствовали определенные процессы, происходящие в сознании.

С другой стороны, это гипотеза об «определении ситуации», которую Р. Мертон назвал «теоремой Томаса». В свое время У. Томас сформулировал ее так: «если ситуация определяется как реальная, она реальна по своим последствиям». Соответственно совместная активность людей и условия ее реализации с этой точки зрения не объективно заданы, но детерминированы их восприятиями и представлениями.

На этих исходных допущениях базировались теоретические построения основоположника символического интеракционизма Дж.Г. Мид. Он полагал, что общество и индивидуальное сознание формируются и поддерживаются в процессах взаимодействий (интеракций) людей. Работа механизма, обуславливающего совместную активность, разворачивается следующим образом. Идеям, составляющим содержание сознания, соответствуют внешние «жесты», или действия. Понимаемые не как физические, но как вербальные выразительные средства, как слова, они становятся символами, репрезентирующими представления. С их внешнего проявления (с действия) начинается интеракция. Такого рода стимулы вызывают реакции участников взаимодействия, основывающиеся на том, что символы актуализуют в их сознании одну и ту же «идею», которую можно считать их значениями.

Действие такого механизма обуславливает возможность того, что Мид назвал «принятием роли другого», т. е. освоения и использования «жестов», отображаемых в поведении окружающих. При многочисленных взаимодействиях разного рода людей у каждого формируются общие понятия — универсалии, — указывающие на то, что существует нечто, отличное от него самого. Мид иллюстрирует такую возможность, обращаясь к представлению об «обобщенном другом»: «Действительная универсальность и безличность мысли и разума является результатом принятия индивидом установок других людей по отношению к себе и последующей кристаллиза-

ции этих частных установок в единую установку или точку зрения, которая может быть названа установкой обобщенного другого»¹.

Значимость идей Мида заключается не только в том, что он предложил концепцию механизма, действие которого обеспечивает возможность взаимодействия, т. е. обусловленности действий одного актора действиями другого. Но он показал также, каким образом в процессах символических интеракций находит выражение «универсальность и безличность» социальных структур. Иными словами, в неявном виде он признал наличие разделяемого людьми социального пространства, придающего значения их «жестам» в процессах взаимодействий.

Феноменологическая социология. Поиски ответа на вопрос, как из «субъективности» множества индивидуальностей кристаллизуется «объективная» социальная реальность, наиболее отчетливо проявились в рамках так называемой феноменологической социологии. Ее основоположник — австрийский философ и социолог А. Шюц — предложил свою интерпретацию понимающей социологии М. Вебера с позиции феноменологии Э. Гуссерля, который в своих поздних работах обратился к осмыслению социального мира. В этих теоретических рамках предметной областью изучения становится реальность, образуемая практическими действиями индивидов и составляющая контекст их самоопределения в совместной активности. В терминах Гуссерля она носит название «жизненный мир».

В соответствии с исходными допущениями феноменологии считается, что он порождается субъективными и интересубъективными феноменами, являющимися преобразованными человеческими сознанием и бессознательным связями с окружением, т. е. представлениями о них. В таком качестве человек принимает жизненный мир безоговорочно в его непосредственной данности, субъективной достоверности. Это самоочевидная целостность, которая не имеет определенной выраженной структуры.

В то же время А. Шюц отмечает, что люди живут в обществе и культуре, среди искусственных объектов, которые воздействуют на них и в свою очередь подвергаются их воздействию. Иными словами, жизненный мир не следует понимать как нечто синкретичное, нерасчлененное: он некоторым образом объективирован и упорядочен. Соответственно задачей становится изучение становления «социальной объективности начиная с элементарнейших процессов конституирования, порождения смыслов в „потоке опыта“, затем „значимых действий“, обладающих субъективным смыслом (в духе Вебера) и так далее вплоть до конституирования объективных социальных структур во взаимодействии индивидов»².

¹ Mead G.H. Mind, Self and Society. Chicago: University of Chicago Press, 1936. P. 90. Цит. по: Ионин Л.Г. Социология культуры. С. 67.

² Ионин Л.Г. Социология культуры. С. 72 — 73.

В дальнейшем эти основополагающие идеи были разработаны и особым образом уточнены в рамках социального конструктивизма П. Бергера и Т. Аукмана, этнометодологии Г. Гарфинкеля, когнитивной социологии А. Сикурела, а также новых версий символического интеракционизма (Г. Блумер).

Следует отметить, что значимое тогда понятие «жизненный мир» используется в современной социологии по большей части как метафора и в специальных случаях. Чаще уровень непосредственных межличностных взаимодействий обозначается как «повседневная», «обыденная» реальность и противопоставляется социетально-институциональному (или «системе» в ее структурно-функциональной трактовке). На словах признается, что между ними существуют субстанциональные связи, взаимозависимость и взаимообусловленность. Однако до сих пор такое различие сохраняется в форме двух теоретических течений, которые концептуально слабо связаны друг с другом и базируются на кажущихся несовместимыми исходных допущениях — феноменологических в первом случае и общесистемных — во втором.

Становление современной социологии культуры. Дж. Александер выделяет несколько основных теоретических направлений, которые в разных композициях составляют основания современных концептуализаций социологии культуры. Дискуссии в этой области разворачиваются вокруг двух тем. Во-первых, соотношение понятий «общество» и «культура». Здесь основными становятся вопросы: насколько «культура» независима от «социальной структуры» и каков характер (формы и содержание) связей между ними. Во-вторых, внутреннее строение культуры: каковы ее ключевые составляющие и как они связаны друг с другом. Ответы зависят от теоретических позиций, занимаемых участниками обсуждений. Александер подчеркивает, что современные концепции культуры в социологии отличаются от первоначальных версий тем, что находятся под влиянием постклассических идей. «Таким образом, хотя каждый из этих неоклассических подходов формулирует принципы культурного анализа в духе своего основателя, то, как именно данный подход отклоняется от ортодоксальной точки зрения, столь же важно, как и то, как он ее развивает»¹.

«Веберизанство». Суждения о вкладе Вебера в теоретическое осмысление культуры, согласно Александеру, выстраиваются вокруг его работы, посвященной протестантской этике. В этом контексте речь идет отнюдь не только о том, действительно ли она составляет необходимую предпосылку современного западного капитализма. Идеи Вебера переосмысливаются значительно шире. Их интерпретация выходит за ранее сложившиеся рамки институцио-

¹ Александер Дж. С. Аналитические дебаты: Понимание относительной автономии культуры // Социологическое обозрение. Т. 6. № 1. 2007. С. 28.

нальной трактовки ценностей и выявления структурных связей внутри символических систем и между ними. Культура здесь рассматривается как производная, можно сказать, антропологически универсального императива формировать и поддерживать связи с трансцендентным, совокупность которых образует особое метафизическое пространство. Александр отмечает, что «изучение религиозных идей, теологических концепций спасения и фундаментальной роли противоположных путей спасения, определяемых аскетической и мистической схемами, остаются наиболее явными аспектами вебериянской теории культуры»¹.

В то же время эти идеи выводятся за пределы только религиозной области социокультурного пространства. Им придается более глубинный смысл, связанный с представлениями о социальном и индивидуальном, о побуждениях к активному преобразованию окружения, о сознании вообще. Основанные на них концептуализации культуры меняют представления о социальных институтах. Помимо функциональной значимости центром внимания становятся их символические составляющие, проявляющиеся в соотношении формальных и неформальных репрезентаций институциональных связей, политического контроля и частной жизни, внутригрупповых и межгрупповых идентификаций. Вообще, это направление социологии культуры Александр считает наиболее близким к семиотике, поскольку здесь особое внимание уделяется изучению внутренней логики символических систем. Отмечается также его историческая и социальная ориентированность.

«Дюркгеймианство». Как и в предыдущем случае, при изучении культуры религия остается основной предметной областью. В ее рамках центром внимания становятся сложность символических систем, их автономное существование и связь с социальными структурами, выявление социальных референций их отдельных составляющих. Однако в отличие от вебериянского это теоретическое направление не связано с изучением исторической специфики культурных процессов и сравнением различных этических систем. Здесь основной акцент ставится на культурных универсалиях, на структурных составляющих социально значимых символических систем, независимых от исторической и локальной специфики их актуализации. Иными словами, дюркгеймианская трактовка культуры близка к структуралистской. По мнению Александра, это не удивительно, поскольку влияние Дюркгейма испытали и Ф. де Соссюр, и М. Мосс, которого К. Леви-Стросс назвал основоположником структурной антропологии.

Как и в рамках структурализма, здесь культурные системы рассматриваются в терминах бинарных оппозиций. Однако их

¹ Александр Дж.С. Аналитические дебаты: Понимание относительной автономии культуры.

интерпретация отличается от предложенной Леви-Строссом. Это противопоставление считается не просто проявлением антропологически универсальных способностей к логическим классификациям, отделяющим культуру от природы. Подразумевается, что оно несет в себе высокую эмоциональную и моральную нагрузку, поскольку относится к глубинному различению сакрального и профанного. Эти компоненты в совокупности образуют своего рода систему координат, в пределах которой социальные сообщества обретают солидарность и идентичность. Механизмом, обеспечивающим эти характеристики социальной системы, считается ритуал. Как культурная форма он обеспечивает одухотворение и эмоциональное наполнение сакральных символов, относящихся к угрозам для личности или для социальной солидарности

Марксизм. Александр рассматривает марксизм в его западных версиях XX в., считая наиболее значимой фигурой, связанной с изучением культуры, А. Грамши. Для его позиции характерно исходное допущение, что культура представляет собой производную социальной системы как «реальной силы» общества. Она связана с механистически (скорее структурно-функционально) понимаемыми институтами и не существует автономно, поскольку способствует либо поддержанию, либо изменению их.

Грамши утверждает, что культурные процессы, понимаемые как движение идей, осуществляются в стратифицированных обществах, где социальные иерархии и классовое господство поддерживаются политическими силами. Доминирующий способ производства определяет культуру общества в целом, поскольку те, кто ее формирует — интеллектуалы, — из-за слабой институциональной позиции вынуждены примиряться с господствующим классом, хотя и сохраняют значительную степень автономного мировидения.

Они в символической форме репрезентируют «самопонимание» каждой социально-политической системы. Их идеи в упрощенном виде транслируются через каналы образования и массовых коммуникаций теми, кто работает по найму в соответствующих институциональных организациях. Таким образом, они оказываются проводниками идеологии капитализма.

Итак, хотя капиталистическое общество иерархично и правящий класс опирается на силовые структуры, он поддерживает свое господствующее положение и с помощью мировоззренческих идей. Согласно Грамши, общество — это в первую очередь «морально-политический», а потом уже экономический и политический порядок. Соответственно носители власти стремятся к тому, чтобы приверженность членов общества господствующим идеям стала частью их социализации и имела вид добровольной. А привлеченные к решению этой задачи интеллектуалы добровольно или по принуждению осуществляют идеологическое господство, или

«культурную гегемонию» по отношению к «массам». Так культура поддерживает доминирующий социальный порядок.

Однако Грамши полагает, что на смену господствующей культуре неизбежно приходит новая. Но и в этом случае культурным изменениям предшествует трансформация «реальных обстоятельств». С этой точки зрения трактуется положение в обществе и культуре рабочего класса. Его представители, будучи объектом эксплуатации, заняты практической деятельностью. В силу этого их сознание ориентировано практически в отличие от идеализированного сознания аристократии или буржуазии и потому не готово к противостоянию господствующей идеологии. Тем не менее накопление недовольства среди «эксплуатируемых масс» порождает необходимость в альтернативной идеологии. Она кристаллизуется (по Грамши, как социалистическая) на уровне интеллектуалов, занимающих маргинальное положение по отношению к господствующему (капиталистическому) режиму. Будучи ориентированными практически в большей степени, чем идеалистически, составляющие ее идеи отличаются очевидностью и широкой доступностью.

Без сомнения, это нормативная трактовка культуры. Задача здесь заключается не только в ее объяснении или интерпретации, но и в различении ее смыслов в терминах добра и зла. «Его [Грамши] целью является не просто объяснить, как может развиваться контргегемоническая культура, но и показать, что она может привести и приведет к тому, что он считает более свободной и независимой жизнью»¹. Важно также отметить, что в рамках этой концепции культура оказывается неизбежно локализованной в социальном пространстве, которое трактуется с классовых (в марксистском понимании) позиций.

Структурный функционализм. Принято считать, что каноническую точку зрения на культуру в рамках этого теоретического направления выразил Т. Парсонс. Он полагал, что следует изучать ее институционализацию, т. е. процессы, посредством которых она включается в структуры социальных систем. По мнению Парсонса, такой акцент наиболее соответствует задачам социологии (характерной для его времени), где следует основное внимание уделять «ценностям», а не символическим системам как таковым.

В этом теоретическом контексте ценности понимаются как символические абстрактные полюсы соотнесения при обсуждении основных институциональных проблем. Обычно выделяются такие оценочные шкалы, как равенство — неравенство, спонтанность — дисциплина, авторитет — критика власти, общественная — частная собственность. Согласно Парсонсу, именно в соответствии с

¹ *Александр Дж. С.* Аналитические дебаты: Понимание относительной автономии культуры.

ними акторы делают выбор между реальными альтернативами. Институционализация такого рода эталонов означает, что они становятся составляющими определенных функциональных ролей. Для акторов (индивидуальных или коллективных) следование институциональным ценностям поощряется, а пренебрежение ими — осуждается. В результате вокруг этих оценочных шкал, считает Парсонс, формируются институциональные нормы.

В этом случае важно подчеркнуть, что акцентируется специфично институциональный аспект культуры. Однако им не исчерпываются даже процессы, происходящие в рамках организаций, поскольку здесь наряду с формальными функциональными связями неизбежно существуют и неофициальные межличностные отношения. Что касается повседневной культуры, то с помощью концепции Парсонса описывается лишь незначительная ее часть.

Постструктурализм. Именно это интеллектуальное течение, по мнению Александера, оказало влияние на изменение основополагающих идей классиков модерна. Оно зародилось в конце 1960-х гг. на пересечении критических ориентаций, которые принято связывать с идеями (нео) марксизма, с одной стороны, а также теоретических построений в области семиотики и структурализма — с другой. В то же время сложившееся направление существенным образом отличается от его истоков. Это отчетливо прослеживается в работах таких, например, авторов, как М. Фуко и П. Бурдьё. И тот и другой вышли за пределы рассмотрения культуры как текста, который следует интерпретировать в терминах его самого (герменевтически), как это предлагали радикальные структуралисты. Они указали на связь символизации с социальными классами и властными структурами. В то же время оба отмечали ограниченность структурно-функциональной концепции социальной системы, подчеркивая, что ее структурные составляющие имеют определенные значения и смыслы. Общественные классы и слои, институциональные организации можно рассматривать с точки зрения их строения. Но этого недостаточно для объяснения их устойчивости и изменчивости. Необходимо признать, что совместная активность в их рамках детерминирована не только их внутренней формой, но и характерными для них культурными кодами.

В рамках постструктурализма предпринимаются попытки найти компромисс между структурным функционализмом с его чрезмерным акцентом на формальных характеристиках социальных систем и семиотикой (семантикой), где основное внимание уделяется значениям и смыслам того, что происходит между людьми и их окружением. Соответственно здесь отчетливо прослеживается тенденция «рассматривать социальные и культурные системы как тесно переплетенные, а социальные структуры и социальных акторов — лишь как результат реализации культурных дискурсов и

кодов, которые в свою очередь являются лишь воспроизведением политических и экономических ограничений»¹. В этой связи следует подчеркнуть, что в настоящее время ведутся активные поиски теоретических связей между формами и содержанием общественной жизни, и все более важным становится обращение к понятию культурных кодов.

Сближение социологии и антропологии. На современной стадии формирования социологии культуры важное значение приобретает обращение к антропологическим теоретическим идеям. В свое время по известным интеллектуальным причинам — разграничение предметных областей, объектов исследования, концептуальных ориентаций — социология и антропология из первоначального синкретизма выделились в отдельные науки и учебные дисциплины. Следует подчеркнуть, что в теоретическом смысле между ними никогда не было непроницаемых границ. Так, теория социальной стратификации, широко распространенная в социологии, была разработана антропологами. А концепция эволюционных универсалий, которые в силу их искусственного происхождения можно считать культурными феноменами, принадлежит социологу Т. Парсонсу. Вместе с тем вплоть до сравнительно недавнего времени вопрос о необходимости использовать в единой теоретической схеме социологическое и антропологическое знание в открытой форме не ставился. Сейчас эта идея не вызывает сомнений, об этом много говорят, хотя и признают, что преодоление дисциплинарных различий связано с целым рядом затруднений. Тем не менее поиски, которые осуществляются в этом направлении, свидетельствуют о том, что такой синтез вполне достижим, и можно выделить те направления, в соответствии с которыми он осуществляется.

Обращение к антропологическим универсалиям. Эту тему можно считать одной из центральных на протяжении всего существования антропологии. В социологии культуры она присутствует в структуралистской форме и связана с принятой здесь трактовкой символической реальности. Начиная со структурной антропологии К. Леви-Стросса, здесь сложилась устойчивая ориентация на выявление инвариантных структур, изначально присущих человеку, которые придают определенность его отношениям с окружением и находят выражение в символических формах. В рамках социологии культуры эта теоретическая позиция обусловила не только обращение к контекстам социально обусловленного продуцирования значений и смыслов, устойчивых связей между людьми, институтами. Она позволила также поставить вопрос о механизмах их взаимной автономизации и способах независимого существования социальных структур и культурных образований.

¹ Бурдые П. Цит. раб.

В конечном итоге было признано, что социальные взаимодействия во многом определяются «глубинными структурами отношений», которые не осознаются акторами. Они порождают собственно социальную реальность, которая затем своими путями приобретает знаково-символическую репрезентацию. Иными словами, закономерности взаимодействия и символической коммуникации различаются между собой. В то же время единицы последней представляют собой открытые формы, меняющие значение в зависимости от характера интеракционных ситуаций, которые обуславливают их определенную интерпретацию. Таким образом, теоретический «зазор» между универсальными антропологическими свойствами социальности и символизации открывает перед социологами культуры возможность ставить вопрос как об их взаимосвязях, так и об их относительной независимости друг от друга.

Дальнейшие исследования уже постструктуралистского направления были связаны с дифференциацией этой появившейся предметной области. Работы Р. Барта, Ж. Деррида, М. Фуко и др. породили для ее определения целый ряд новых понятий, таких как «письмо», «культурный код», «дискурсивные практики», «эпистема», «архив», «археология знания», и их производных. Этот тезаурус, хотя и далеко не заверченный, задает иное по сравнению с ранее существовавшим представлением о социальной реальности, превращая ее изначально в социокультурную.

Влияние «этнонаучных» представлений. В рамках социологии культуры все более широкое распространение приобретает особое ответвление структурализма, обозначаемое в антропологии как этнонаука. Это теоретическое направление связано с изучением так называемых «естественных» классификаций (символически упорядоченных областей социокультурной реальности) и парадигм (правил поведения и взаимодействия в пределах таких порядков). Они складываются в контексте непосредственных обыденных (повседневных) взаимодействий и коммуникаций неререфлексивно и так же используются. Тем не менее эти символические порядки играют важную конституирующую роль в совместном существовании людей. Они отличаются от социетально-институциональных образований, которые в рамках социологии трактуются как рациональные и интенциональные.

Как отмечает П. Бурдьё, объективистски понимаемая социальная реальность на самом деле воспринимается и структурируется людьми по-разному. В рамках социологии это со всей очевидностью продемонстрировали этнометодологи. Соответственно в предмет социологии культуры следует включать и объективированные ее составляющие, и их восприятие, представления об их смыслах и значениях у людей, занимающих различные позиции в социальном пространстве. Он полагает, что наступило время

«пойти на разрыв с объективизмом, введя в поле анализа элементы, которые ранее пришлось исключить, чтобы сконструировать социальную реальность. Социология должна включить и социологию восприятия социального мира, то есть социологию формирования мировоззрений, способствующих, в свою очередь, конструированию реальности. Но, учитывая, что социальное пространство сконструировано нами, мы понимаем, что любая точка зрения, как показывает само это словосочетание, — это взгляд с определенной точки, то есть с определенной позиции, в рамках социального пространства»¹.

Влияние интерпретативной антропологии. Значительное влияние на становление современной социологии культуры оказала интерпретативная антропология К. Гиртца. Следует отметить, что сам автор черпает теоретические предпосылки своей широко известной работы «Интерпретация культур» из социологии — из теории Т. Парсонса. Он рассматривает культуру как сложный многомерный текст, который порождается в социальной жизни и в свою очередь влияет на нее. Отношения между ними трудно уловить, поскольку они запутаны и зачастую скрыты от наблюдения. Однако они находят отображение в культурной реальности, которая, как всякий текст, может быть прочитана. Более того, читается и интерпретируется людьми, испытывающими необходимость искать смысл в собственном окружении.

Гиртц предлагает своего рода герменевтическое прочтение чужой культуры. Для этого, считает он, необходимо использовать метод «подробного описания», который связывается с появлением так называемой новой этнографии. Речь идет о записях, которые ведет антрополог в ходе участвующего наблюдения. В отличие от принятых ранее техник здесь речь идет не просто о том, чтобы описывать наблюдаемое, представляя его в двух перспективах — своей собственной и информанта. Он должен также подробным образом фиксировать, что происходит вокруг, а также собственное участие в этом, свои переживания и соображения по поводу разных аспектов ситуации. При такой рефлексивной позиции антропологу открываются и связи между взаимодействием и коммуникацией, и значения слов и жестов информантов, и смыслы взаимных реакций в таком контексте.

Эта позиция наиболее близка основоположнику так называемой «сильной» программы культурной социологии Дж. Александру. Он полагает, что герменевтическая позиция Гиртца наилучшим образом подходит для прочтения культуры как текста, а отправной точкой в этом случае становятся принятые здесь знаки и символы. Он разделяет точку зрения Леви-Стросса, что смыслы представля-

¹ Бурдые П. Цит. раб

ют собой производные от знаковой системы, а не от социальной структуры. Соответственно их можно считать относительно свободными от детерминированности ею.

Представление о том, что организация знаков и символов в определенные порядки составляет текст культуры, позволяет рассматривать ее как совокупность различных форм нарративов — моральная пьеса, мелодрама, комедия, трагедия и т. п. Такая концептуализация, по мнению Александра, становится мостом между герменевтической позицией Гиртца и его собственной. Соответственно любой культурный текст помещается в контекст нарративов, характерных для социальных институтов, задающих им определенные смыслы. Таким образом, социетально-институциональное пространство становится аналитической областью, где оказывается возможным объединить условия социальных интеракций, участвующие в них социальные силы и используемые здесь культурные коды. При этом Александр подчеркивает, что институты, процессы и акторы следует рассматривать в качестве причинных посредников, а не первопричин смыслов производимых ими культурных текстов.

Все сказанное выше позволяет констатировать, что выделение социологии культуры в самостоятельную область исследования основывается на серьезных теоретических предпосылках и связано с осмыслением таких проблем, которые стали в рамках социальных наук общепризнанными, но не могут быть решены с помощью прежних познавательных моделей. Основная из них — это изучение изменчивости социальной жизни, ее движущих сил, механизмов, упорядоченности и т. п. Для этого теории социологического мейнстрима оказались недостаточными. Тенденции сводить объяснение всех социальных процессов к экономической и политической обусловленности оставили вне сферы изучения другие, не укладывающиеся в эту схему. Для их интерпретации оказалось необходимым наряду с институциональным анализом обратиться к более подробному изучению повседневной реальности, т. е. помимо макросоциологических теорий начать формировать микросоциологические.

В этом случае обращение к понятию культуры оказывается необходимым. На микроуровне в сфере исследовательского внимания оказываются не только структурные, но и содержательные аспекты совместной активности людей, взаимное влияние символических и социально-функциональных систем и их относительная автономность, вариации взаимодействий и коммуникаций как область порождения социальных и культурных изменений. В свое время еще К. Мангейм писал: «Для того чтобы вообще могла возникнуть социология культуры, была необходима новая точка зрения, новая концепция произведений духа, которую принято назы-

вать генетической, и в качестве ее специальной разновидности — концепция социогенетическая»¹.

Пока социология культуры как теоретическое направление находится в стадии становления, ее немногочисленные версии разрознены, а их адепты нередко конкурируют друг с другом. В то же время, как было показано выше, уже сейчас можно в самом общем виде выделить ее основания, границы. Далее речь пойдет о ее предметном поле и приоритетных проблемах.

Определение социологии культуры. Первоначально в отечественных словарях социология культуры определялась как область социологии, изучающая социальные аспекты производства, распространения, хранения и потребления культурных ценностей, то есть преимущественно закономерности функционирования культуры. Это стандартное ничего не говорящее клише было вполне удовлетворительным, пока социологи культуры ограничивались подсчетом посещений развлекательных учреждений и предпочтений в области искусства. Оно удовлетворяло и теоретиков, которые прежде занимались социологией знания, искусства, религии, идеологии. В их задачу не входило понимание смысла культурных образований в контексте совместного существования людей. Их интересовало, как они детерминируются институциональными, главным образом экономическими и политическими структурами.

Сторонники нового направления в социологии культуры настаивают на том, что коллективные представления, интерпретации социальных событий, следование сложившимся идеологиям или конструирование новых и т. п. обладают не меньшей объяснительной силой, чем формы жизнеобеспечения и социального контроля. Такие исследователи, как Дж. Александер, П. Бурдье, Э. Гидденс, Р. Уильямс, полагают, что эта область познания представляет собой не просто отрасль социологии. Это особое понимание общественной жизни, отличающееся от того, что ранее утвердилось в рамках социологического мейнстрима. Их различие характеризуется «не объемом исследуемого явления, а тем, что один и тот же предмет рассматривается ими с различных сторон»².

Задачи социологии культуры. Задачи социологии культуры еще в 1940-х гг. сформулировал К. Манхейм, исходя из ее определения как науки, изучающей «основополагающий феномен культуры» на уровне социологических понятий³. Представление об их общем содержании мало изменилось с тех пор, хотя терминологически выражается отчасти по-другому. Соответственно в рамках этой науки следовало изучать:

¹ Манхейм К. Избранное: Социология культуры. М.; СПб.: Университетская книга, 2000. С. 245.

² Витаны И. Общество, культура, социология. М.: Прогресс, 1984. С. 9.

³ Манхейм К. Избранное: Социология культуры. С. 256.

— какую роль играет «общественно-историческая реальность» (Дильтей) в процессе формирования культурных образований, в какой степени она проникает в их внутреннюю структуру;

— какую формообразующую для общественной жизни функцию выполняют эти образования самим фактом своего существования;

— в какой степени и каким образом они становятся социально приемлемыми и разделяемыми.

Такими общими задачами определялась предметная область этого научного направления— социальные аспекты порождения культурных феноменов (понимаемых как идеальные) и их влияние на конституирование общественной жизни. При этом он подчеркивал, что феномены культуры могут рассматриваться и осмысливаться в рамках науки лишь в той мере, в какой они зафиксированы в понятиях. В то же время между понятиями и феноменологически понимаемой «реальностью» нет непосредственной связи, «наподобие копии». Их содержание определяется взаимосвязями, внутри которых они образуются.

В этом концептуальном контексте появляется необходимость определенных методологических корректив, связанных с выделением социологии культуры в особую область познания. Манхейм подчеркивал, что метод теоретического исследования позволяет извлечь из феноменов ровно столько, сколько определяется точным пониманием проблем изучения, зафиксированных в системе понятий. Соответственно о достоверности получаемого знания, с его точки зрения, можно судить по двум критериям: «по степени... до-теоретической чувствительности в отношении подлежащих рассмотрению феноменов, а также по состоянию понятийной систематики, которая в свою очередь имеет собственные логические законы развития»¹.

В связи с этим социологии культуры нужен свой инструментарий. Прежде всего необходимо построить социологическое определение культуры. Далее, следует разработать соответствующую социологическую терминологию, т. е. отрефлексировать, как меняется понятийный аппарат, относящийся к культуре, когда ее феномены становятся объектом социологического рассмотрения. Наконец, важно давать себе отчет в том, что фундаментальной наукой социология остается до тех пор, пока речь идет об изучении общества; в рамках же социологии культуры она становится методом для изучения феномена, до известной степени автономного от нее.

В дальнейшем его представления о социологии культуры оказались актуальными и были развернуты в рамках практически всех ее направлений.

1. Изменение познавательных оснований (смена познавательных парадигм) в социальных науках.
2. Классические теоретические истоки представлений о культуре в социологии.
3. Современные теоретические основы социологии культуры.
4. Причины сближения социологии и культурной (социальной) антропологии.
5. Определение социологии культуры.

■ Глава 2. Современные теоретические ориентации в рамках СОЦИОЛОГИИ MjMjpy

Социология культуры в ее современном виде начала устойчиво распространяться в 1970 — 1980-х гг. Этому во многом способствовало изменение мировоззренческих позиций, предопределенное более ранними социологическими теориями, такими как основополагающая работа Бергера и Аукмана о социальном конструировании реальности, символический интеракционизм Блумера, этнометодология Гарфинкеля, анализ фреймов Гоффмана. Новые направления в социологии культуры находились под влиянием других дисциплин, таких как антропология (особенно работа К. Гиртца), история, политология, литературоведение, культурные, феминистские, этнические исследования, а также таких ориентаций европейской социологии, как постструктуралистские теории во Франции, группа Cultural Studies и Science Studies в Британии. Следует подчеркнуть также общее влияние постмодернизма, где, в отличие от социологической теории мейнстрима, культура приобрела первостепенное значение по сравнению с социальной структурой. Кроме того, безоговорочная уверенность в том, что культура представляет собой единую целостную систему, сменилась вниманием к непредсказуемости, несвязности и непоследовательности ее проявлений.

Эти теоретические направления, появившиеся одновременно в ряде стран, сошлись в заметное движение, которое обеспечило интеллектуальную среду, где новые веяния могли укорениться. В рамках социологической теории именно они обусловили необходимость пересмотреть такие важные темы, как сущность культурной реальности, ее связь с формами социальности, и сформулировать новые подходы к ее изучению. В связи с этим такие ключевые предметные области познания, как экономические и политические институты, общественное расслоение и их изменения в макро- и микровременном измерении, информационное общество, социализация и социальная идентичность, начали рассматриваться в свете новых кон-

цептов и методов. В их рамках возник ряд требующих определенных ответов вопросов:

- как определить и концептуализировать культуру в ее фундаментальных характеристиках и в современных проявлениях;
- как концептуализировать отношения между понятиями «культура» и «социальная структура»;
- как осуществлять систематические исследования в области социологии культуры теперь, когда подвергается сомнению традиционное представление об их причинно-следственных связях.

В настоящее время многие социологи культуры считают свою предметную область непоследовательной, противоречивой, фрагментированной и нестабильной. В ее рамках сосуществуют разные взгляды на соотношение социального и культурного аспектов человеческого существования. Культурные феномены больше не рассматриваются как «отражение» социальных структур, но отсутствует согласие о том, где кончается их взаимозависимость и начинается взаимная автономия. На уровне теоретических построений отстаиваются как интерпретативные, так и объяснительные позиции наряду с возражениями, что ни одна из них не адекватна для исследования культуры.

В то же время совершенно очевидно, что уже сегодня исследования в области социологии культуры в значительной степени демистифицируют и развенчивают самые, казалось бы, неоспоримые представления. Сомнению подвергается безусловно детерминирующая роль экономических и политических институтов, бесспорный авторитет науки или так называемой высокой культуры в поддержании или изменении хода общественной жизни. В то же время указывается на непредвиденные влияния культур меньшинств (этнических, расовых, феминистских) на ситуации социетального уровня и на их символические связи с культурными элитами.

Так или иначе, социология культуры остается конгломератом теоретических ориентаций и позиций, концептуальных моделей и методологических принципов с относительно неопределенной предметной областью. Тем не менее здесь выдвигаются интерпретации отношений между социальным и культурным аспектами совместного существования людей, которые расходятся с теми, что приняты в остальных частях социологии. Поскольку ее границы оказались исключительно проницаемыми для теоретических направлений из разных стран, а также областей социальных наук и гуманитарного знания, она вобрала в себя и ассимилировала как классические, так и самые новые идеи.

Ниже предлагается вариант концептуального упорядочения этой области социологического знания по нескольким взаимосвязанным направлениям, представленным своего рода шкалами с полюсами, значимыми с эпистемологической точки зрения:

— уровень изучения связей между социальными и культурными образованиями. Здесь рассматривается спектр теоретических представлений, располагающийся между макро- и микросоциологическими позициями;

— объяснительные принципы при изучении этих связей. В этом случае полюсами шкалы становятся социальная детерминированность культурных феноменов и культурная обусловленность социальных структур;

— культура как предмет исследования. Вслед за существующей сегодня полемикой на эту тему выделяются концепции неявной (имплицитной, скрытой, латентной) и явной (эксплицитной, репрезентированной, записанной) форм существования культуры.

Объекты изучения в рамках социологии культуры: связи между социальным и культурным уровнями

Макросоциология культуры. Новые представления о связях между институциональными социетальными структурами и культурными образованиями с наибольшей отчетливостью проявились в областях исторической и политической социологии. С точки зрения рассматриваемой темы можно считать, что они пересекаются, поскольку в рамках обеих рассматриваются политические идеологии в процессах формирования и разрушения национальных государств. Здесь культурная окраска, хотя и не была доминирующей, но присутствовала всегда. Достаточно обратиться к работам таких авторов, как Ш.Н. Айзенштадт, Р. Белла, Р. Бендикс, С.М. Липсет, Б. Мур-мл., Н. Смелсер. В их сильной редукционистской версии культура рассматривалась как побочная тема макроструктурной политической экономии. Мировоззренческие и идеологические системы выводились из отдельных исторически связанных экономических и политических структур. При этом считалось, что культурные факторы ни сами по себе, ни в сочетании с экономическими и политическими не оказывают существенного влияния на возникновение и исторические преобразования общественных формаций. Изучению культуры даже в таком сильно усеченном виде не уделялось специального внимания, и авторы ограничивались самыми общими высказываниями. Сравнительно недавно эта позиция наиболее полно проявилась в работах Э. Валлерстайна, посвященных мировым системам и глобальной экономике.

Начиная с возрождения в 1970-х гг. и до сих пор в исторической и политической социологии преобладают макроструктурные модели социальных изменений в рамках национальных государств как целостных систем. И только на уровне их крупномасштабных составляющих — социальных классов — осуществляется анализ институциональных условий (мест), где эти «социальные субъек-

ты» осуществляли характерные для них виды деятельности, обрели идентичность и культурные значения своего образа жизни. Содержание же подобных явлений не было предметом специального внимания. Соответственно в этих рамках вплоть до недавнего времени не было серьезных попыток теоретического анализа места и действия культурных факторов в контексте историко-политических процессов.

Вплоть до начала 1980-х гг. здесь преобладал так называемый «сильный» макроструктурализм. Однако к этому времени шире была представлена его менее радикальная версия. Она уже не была редукционистской, поскольку культура наделялась причинной силой, хотя и в меньшей степени, чем политико-экономические структуры. В то же время за редким исключением определение культуры и ее составляющих отсутствует и здесь, и соответствующие явления не становятся объектом исследования ни сами по себе, ни в сочетании с другими, более сильными причинными факторами. С 1990-х гг. некоторые из исторических социологов начинают придавать культурному измерению такую же, а порой и большую значимость, чем структурному.

В настоящее время обе позиции сосуществуют, и представители каждой определяют культуру по-разному. Сторонники «структурной» ориентации трактуют ее как нечто фиксированное и упорядоченное; в рамках «культурного» направления она рассматривается в ее недетерминированных, подвижных и неоднозначных проявлениях. В литературе они присутствовали в течение десятилетий, однако последняя совершенно очевидно стала пользоваться большей популярностью у молодых исторических социологов 1990-х гг., чем это было в 1970-х гг.

Культурно ориентированных исторических социологов, таких как В. Зелизер, Э. Смит, Л. Гринфилд и др., интересуют в первую очередь культурные изменения. В конкретных историко-социальных контекстах они рассматривают, как культурные факторы (ценности, националистические идеи, гражданская идентичность и т. п.) в сопряжении или независимо от социально-структурных вносят изменения в отношения между социальными классами, этническими группами или внутри них в рамках национальных государств. Эта ориентация контрастирует с более ранними подходами к культуре. Там культурные ценности априорно связывались с определенными типами социальных структур. А свойственное историкам «подробное описание» в духе К. Гиртца носило статичный характер и были недостаточно чувствительными к социальным разногласиям и конфликтам.

Национальное государство как объект исследования. В течение всего периода существования социологии национальное государство рассматривалось как основная политическая и социальная

единица, и в этих терминах представлялись все члены общества. Соответственно предполагалось, что для социетальной интеграции необходима общая культура.

Культурные различия в рамках социальной стратификации стали предметом внимания в значительной степени благодаря работам французского теоретика П. Бурдьё. Он приписывает культуре основную роль в поддержании неравенства в обществе. В силу различий социального происхождения представители существующих в обществе слоев и групп осваивают и научаются использовать разные культурные коды. Одни из них влияют на возможности поддерживать или менять социальные позиции больше, а другие меньше. Внутри государств влияние центров на периферии сильнее, чем в обратном направлении. В то же время внимание к современным процессам позволило обнаружить, что элементы различных культур в мировом масштабе распространяются внутрь, за пределы, вокруг и через государственные границы¹. Соответственно стала очевидной недостаточность представления о базовом характере национального государства как носителя единой культуры, но и использования самого понятия только в интегративном смысле. Культурные события и явления могут быть как интегративными, так и дезинтегративными. Они могут собирать законопослушных граждан под единый политический режим и общие символы, но они могут быть и фокусами для разделения, споров и конфликтов. «Своей политикой национальные государства не столько добиваются культурного единства, сколько авторитетно устанавливают основу для переговоров относительно объединений и разделений»².

Идеология как объект исследования. Основная тема изучения в рамках исторической и политической социологии, связанная с культурой, — выявление того, как господствующий класс внедряет определенное мировоззрение в массовое сознание в формах идеологии либо гегемонии. Возникают также вопросы, распространяется ли оно на все стороны повседневной жизни, и в каких случаях заменяет здравый смысл. В предыдущий период преобладала тенденция подчеркивать бессилие обычных людей перед лицом таких типов культурного контроля. С появлением более новых теоретических ориентаций начали изучаться стратегии сопротивления по отношению к ним.

В этих теоретических рамках культура рассматривается как одно из измерений анализа наряду с экономическим и политическим. Применительно к темам формирования, дезинтеграции национальных государств, а также социальных революций, цен-

¹ Hannerz U. The world in creolisation // Africa. 1987. № 57. P. 549 - 555.

² Schudson V. Culture and the integration of National societies // D. Crane (ed.).

The Sociology of Culture. Oxford, UK and Cambridge, USA: Blackwell, 1994, P. 42 — 43.

тральных для этого направления, культура сводится к идеологии. Последняя понимается как программная совокупность идей, вписанная в общепринятые культурные рамки, или традиции, (неосознаваемые коды и правила), и распространяемая институционально. Для этого направления характерна историчность в интерпретации действительности идеологии (культуры) в этих процессах. Она вписана в контекст, т. е. специфична с точки зрения места и времени, а также контингентна по отношению к конкретным конфигурациям социальных структур и сетей (М. Манн, Дж. Голдстоун, Э. Холл).

Культура и интеграция. М. Шадсон в статье о культуре как интегративном начале в обществе приходит к заключению, что абсолютизация такого представления применительно к национальным государствам проблематично. Хорошо известно, что они постепенно фрагментируются в результате проявлений тенденции к автономии со стороны субкультур и этнических групп. Рассматривая действие культурных факторов как один из нескольких типов интеграции на макроуровне, автор говорит о конкретных механизмах ее объективации, передачи и распределения импульсов к объединению членов общества. Это язык, образование, пресса, радио/телевидение и даже потребительские товары. Он утверждает, что их активное присутствие в общественной жизни может иметь и интегративные, и дезинтегративные последствия. Соответственно широко распространенное понятие доминирующей культуры как ядра, сохраняющего целостность социальной системы, становится сомнительным в условиях, когда общества все более фрагментируются и глобализуются. К таким же выводам приходят и другие. Например, Д. Келлнер¹ утверждает, что «доминирующие идеологические формации и дискурсы» следует рассматривать как место борьбы и конфликта между различными социальными группами. Так, гегемонию он определяет как «перемещающийся, составный и открытый феномен, который всегда может быть оспорен и свергнут». Эту точку зрения подтверждают результаты работы британской группы Культурных исследований. При условии, что медиа обычно представляют позицию господствующего класса, они не всегда успешны в ее утверждении. «Субкультуры сопротивления» реагируют на медийную и популярную культуру непредсказуемым образом. А в работе Р. Вагнер-Пасифиси и Б. Шварца показано, как институциональная структура, созданная для интеграции, становится источником конфликтов.

Итак, в рамках современной социологии культуры стало очевидным, что сфера культуры не является ни перекрывающей общество, ни в себе завершенной. Социальная интеграция или дез-

интеграция зависит не от разделяемых символов, но от характера совместной жизни с ее экономическим, социальным, политическим и другими культурными изменениями. Если культурные факторы и имеют своего рода приоритетность в этом отношении, то в том смысле, что обеспечивают общие элементы и ясные границы, с которыми соотносятся значения происходящих событий и отношение к ним. Однако это скорее часть социальной жизни, чем рамки, внутри которых она разворачивается.

Все сказанное свидетельствует о том, что в пределах макросоциологического направления социологии культуры связи между «культурой и социальной структурой» остаются непроясненными. Во многом это обусловлено сохранением традиционного реализма в трактовке темы: представления о том, что культурные события происходят внутри социальной структуры. Переориентация в сторону аналитической позиции позволяет рассматривать социальное и культурное не как онтологическую реальность, но как измерения в изучении совместного существования людей. Тогда каждое событие, происходящее в этом контексте, рассматривается в соотношении с обоими. Результаты исследований, посвященных выяснению того, как сейчас выглядит мир, свидетельствуют, что такая позиция надежнее, чем структурный детерминизм, тем более что социальная структура сводится только к экономическим и политическим институтам.

Микросоциология культуры. В рамках этого направления преобладает теоретическая позиция социального конструктивизма. Она представлена феноменологической социологией П. Бергера и Т. Лукмана, символическим интеракционизмом Г. Блумера, этнометодологией Г. Гарфинкеля, культурной психологией Р. Шведера. Разделяемые ими феноменологические исходные допущения предполагают, что между непосредственной активностью и переживаниями людей, с одной стороны, и их осмыслением и репрезентацией — с другой, не существует прямой связи. Она опосредуется социальными взаимодействиями и коммуникациями. Как отмечает Р. Шведер¹, «теории социального конструктивизма... утверждают, что люди категоризируют мир так, как они это делают, поскольку участвуют в социальных практиках, институтах и других формах символического действия... которые предопределяют или некоторым образом акцентируют эти категории». Даже такие кажущиеся самоочевидными обыденные представления, как личностная идентичность, оформляются социокультурным окружением (К. Гиртц, М. Дуглас).

В рамках этого теоретического направления ключевой компонентой культуры считается обыденное понимание. Это неод-

¹ *Shweder R.A. Thinking Through Culture: Expeditions in Cultural Psychology.* Cambridge, M: Harvard University Press, 1991. P. 156.

нократно подчеркивали К. Гирц, М. Дуглас, К.А. Лутц. Как отмечает М. Дуглас¹, «что бы ни воспринималось, должно пройти через перцептуальный контроль», его механизмы культурны по своему происхождению. В рамках социологии знания Бергера и Лукмана центральным становится вопрос о том, каково обыденное знание о «реальности», используемое людьми в своей повседневной жизни. Этнометодологи фокусируются на том, как с его помощью можно придать смысл социальному миру. Как отмечает Херитедж², их основной интерес заключается в изучении того, как «социальные акторы познают и обычно знают, что они делают, и обстоятельства, при которых они делают это». Для антрополога Д. Шнейдера именно такие понимания (*understandings*) и составляют культуру³: «Культура— это совокупность определений, предпосылок, утверждений, постулатов, презумпций, пропозиций и перцепций, относящихся к природе универсума, и места [личности] в нем». Определение Шнейдера противопоставляет культуру нормам: «Если нормы говорят актору, как исполнять сцену, то культура говорит ему, как сцена поставлена и что она означает»⁴.

Итак, основное внимание уделяется социальным практикам, институтам и интеракциям, которые порождают обыденное знание. Однако в контексте исследований не уделяется должного внимания вопросу о том, каким образом обыденное знание постоянно оформляет и ограничивает поведение индивидов. Иными словами, остается неясным, каковы социальные последствия его конкретного использования.

Социальное взаимодействие. В 1970—1980-х гг. социологи начали пересматривать концепции индивидуального поведения. В рамках «классической» модели социализации индивид представлялся как пассивный реципиент культурных влияний, которые предопределяли структуру и содержание его образа жизни. При этом культура, как и в случае макросоциологии, считалась единой системой, интегративным ядром общества. Соответственно каждый, чтобы стать его членом, должен с необходимостью осваивать разделяемые представления. В 1986 г. Э. Свидлер предложила пересмотреть отношение к культуре как детерминанте целей, направляющих активность людей. Это, скорее, орудие, инструмент («tool-

¹ Douglas M. Introduction to grid/group analysis // M. Douglas (ed.). *Essays in the Sociology of Perception*. L.: Routledge, 1982. P. 1 - 8. P. 1.

² Heritage J. Garfinkel and Ethnomethodology. Cambridge, UK: Polity Press, 1984. P. 76.

³ Schneider D. Notes toward a theory of culture // K. Basso and H. Selby (eds.). *Meaning in Anthropology*. Albuquerque: University of New Mexico Press, 1976. P. 202 — 203.

⁴ См. также: D'Andrade R. Cultural meaning systems // R.A. Shweder and R.A. Levine (eds.). *Culture Theory: Essays on Mind, Self and Emotion*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1984. P. 89 — 119.

kit»), которые в форме «символов, историй, ритуалов, взглядов» предоставляют им широкие возможности выбора и использования в решении жизненных проблем и организации собственной активности во времени.

Люди — не пассивные «культурные марионетки»; они активные, часто умелые пользователи элементов культуры. Они могут разделять одни и те же ценности, но это не означает одинаковости поведения из-за вариаций в способности воплощать определенные ценности в действие. Однако не только индивиды по-разному используют общие компоненты культуры при формулировании того, что Свидлер называет «стратегиями действия». Она подчеркивает, что сама культура не является единой системой, которая направляет действие в предсказуемом направлении, поскольку содержит разные, часто конфликтующие элементы, что согласуется с мировоззрением постмодернизма.

Переформулируя отношения между культурным контекстом и действием, Свидлер опиралась на идеи частично французского социолога П. Бурдьё, частично американского антрополога К. Гиртца, хотя ее позиция менее детерминистская, чем у них. Здесь, скорее, обнаруживается близость к британским и американским социологам, занимающимся медиа-культурой, которые подчеркивают ее неоднозначность и полисемичность, а также способность аудитории нейтрализовать и переопределять ее мессаджи.

В то же время продолжают исследоваться способы, которыми культурные факторы скорее ограничивают, чем стимулируют поведение. На основе конструктивистских и этнометодологических социологических теорий, а также работ антропологов (К. Гиртц, М. Дуглас) С. Дэрнэ пытается примирить «идею культурных ограничений с признанием того, что индивиды часто нарушают культурные нормы». Вместо того чтобы искать ответа на вопрос, как конструируется социальная реальность, он выясняет, как существующие здесь неотчетливые представления о приемлемом поведении влияют на его реализацию. Он утверждает, что индивиды склонны подчиняться, если, прогнозируя социальные последствия своей активности, понимают, что будут нарушены ее обыденные культурные основания. Однако он подчеркивает, что спектр фактического поведения значительно шире того, что культурно индексируется.

В рамках этого направления, как свидетельствуют исследования Э. Свидлер, С. Дэрнэ, М. Бушмана, в принципе считается, что культура обеспечивает общую структуру значений, которую индивиды используют, чтобы построить решения жизненных проблем. Когда не существует общепринятых стандартных моделей образа жизни, предписывающих предсказуемые пути от образования к работе и браку, перед индивидами одной и той же демографической когорты открываются широкие возможности выбора.

Соответственно укрепляется вера в способность направлять собственную жизнь. Это также ведет к конструированию многомерных идентичностей, различные элементы которых актуализуются в разных ситуациях. При таких обстоятельствах спектр приемлемых проявлений поведения существенно расширяется.

В связи с этим в рамках социологии культуры активизировался интерес к рациональным моделям выбора социального поведения. Здесь оно интерпретируется в терминах вознаграждений и затрат. Но и прежде было очевидно, что такого рода формальные теории оставляют в стороне возможности вариаций и культурной неоднозначности принимаемых решений. Как отмечает Р. Мюнх, теория рационального выбора не может реконструировать «отношения культурных значений», поскольку ее видение культуры как «переменной в дедуктивно-номологическом объяснении» неадекватно¹.

Обыденные побуждения к действию. Как следует из сказанного выше, культурные рамки, обуславливающие побуждения индивидов к действиям, предполагают, что у них есть обыденные представления о соответствующих контекстах. При всей своей действительности они по большей части остаются неотрефлексированными. Бергер и Лукман утверждают, что обычно люди не заботятся том, что для них «реально» и что они «знают», пока не сталкиваются с какой-то проблемой. Они принимают свои «реальность» и «знание» как данное. Это так называемый здравый смысл, который Свидлер² определяет как набор культурных допущений, принимаемых настолько неосознаваемо, что они кажутся «естественной, прозрачной, неоспоримой структурной частью мира». Обусловленные ими стимулы к активности — своей и чужой — обычно настолько привычны и внерациональны, что не высказываются и не оспариваются. Эту точку зрения неоднократно выражали К. Гиртц, М. Дуглас, П. Бурдьё, Дж. Херитедж, Р. Белла как альтернативу доминирующей в рамках социологии концепции рационального действия.

Фактические побуждения индивидуальных действий можно свести к двум универсальным категориям — индивидуальные желания и групповые давления, — которые считаются первичными и, согласно антропологу П. Хиласу, отражают универсалии человеческого опыта. Однако представления индивидов о том, что определяет их действия в разных стандартных ситуациях, неоднозначны. Их описания чаще всего не соответствуют фактическому положению дел и различаются в зависимости от используемых культурных кодов. Обычно принято считать, что даже если каждая из на-

¹ Munch R. Rational choice theory: a critical assessment of its explanatory power // J.S. Coltman and T.J. Fararo (eds.). Rational Choice Theory: Fdvocacy and Critique. Newbury Park, CA: Sage, 1992. P. 137-160. P. 157.

² Swidler A. Culture in action: symbols and strategies // American Sociological Review. 1986. №51. P. 273-286. P 279.

званных фундаментальных оппозиций осознается и репрезентируется адекватно, в рамках определенной ситуации могут присутствовать и конкурировать обе. Более того, если одно из пониманий стимула действия доминирует в группе, другие, конфликтующие, всегда сосуществуют в окружении (К. Аутц, Дж. Хьюит, С. Дерне). Для сторонников этого направления в социологии культуры важным предметом изучения становятся процессы, благодаря которым одни представления о побуждениях к действию и их репрезентации оказываются «доминирующими» и имеют привилегии по отношению к другим.

Стратегии действия и культурные ограничения. Социальные рамки, детерминирующие побуждения индивидов к активности, ограничивают тот спектр действий, даже индивидуальный, который они могли бы использовать, чтобы избежать внешнего давления и оставаться в зоне социально приемлемого выбора. В этом контексте Свидлер предлагает концепцию «стратегий действия» — «устойчивых способов упорядочения действия во времени» — и утверждает, что их изучение первостепенно для понимания «причинного действия культуры» в проблемных ситуациях¹. Это ее критический ответ на волюнтаристскую составляющую теории социального действия. Она возражает против принятого в социологии «чрезмерного акцентирования „единичного акта“, представления о том, что люди выбирают каждое отдельное действие в каждый момент времени в соответствии с собственными интересами и ценностями»². Скорее, утверждает она, любое из них с необходимостью интегрировано в более широкие ансамбли, такие, например, как рутинные паттерны активности, которые настолько распространены и привычны, что индивиды не нуждаются в стратегиях, чтобы реализовать их. Большую часть времени использующие их индивиды принимают как данное уместность и наполненность значением своих действий. Они не рефлектируют и не выбирают, но просто действуют.

Стратегии действия — это общий способ, который люди используют, преследуя различные, но конкретные цели. Они нужны только при столкновениях с жизненно важными проблемами или с новыми ситуациями. В этом случае конкретная цель действия оказывается обычно новой для индивида, но избираемая им стратегия часто не нова. В рамках культуры всегда есть соответствующие образцы, зафиксированные в поведении других или в артефактах, к которым можно осознанно обратиться и выбрать для собственной реализации. Стратегии действия обычно используются, чтобы презентировать или фреймировать действия таким образом, чтобы они были понятны и не угрожали другим. Как отмечал Гоффман, инди-

¹Swidler A. Op. cit. P. 273.

² Ibid. P. 276.

виды ограничивают себя, чтобы поддерживать собственный образ в глазах других в качестве социально приемлемого. Поскольку рамки побуждений к действию представляют собой разделяемый на уровне здравого смысла стандарт доминирующих групп, утверждает он, те, чьи действия кажутся не соответствующими ему, вызывают недоверие: считается, что они отклоняются от общепринятых правил.

Таким образом, социологи культуры, разделяющие такую позицию, максимально близко подошли к объяснению механизмов влияния культурных факторов на структурирование совместной активности людей. Теоретически обосновано, что и в рутинных, и в проблемных ситуациях люди пользуются средствами, которые уже существуют в культуре. Представления об их активности отличаются от широко распространенной концепции социального действия. Его чрезмерная рационализация смягчается указанием на нерелексивность привычных форм активности в рутинных ситуациях. Его волонтаристской трактовке противопоставляется представление о наличии в культуре обобщенных схем поведения в проблемных ситуациях.

В то же время можно говорить о том, что теоретическое осмысление представленной здесь предметной области далеко от завершения. Нерешенными остаются две существенные проблемы. Во-первых, не построено социальное и культурное пространство, в пределах которого можно было бы локализовать рутинные практики и выбор определения и решения проблемных ситуаций. Во-вторых, позиция, несмотря на заявления о ее интерактивном характере, остается индивидоцентричной. Процессы социального взаимодействия и коммуникации, где предположительно осуществляется работа изучаемых механизмов, как предметная область не представлена и их формы не выделены

Объяснительный принцип:

социальная обусловленность культуры

и культурная обусловленность социальной структуры

Сторонники этого направления утверждают идею относительной автономности культуры от социальной структуры. Показательными примерами наиболее систематизированного определения современной социологии культуры и ее предметной области можно считать посвященные этой теме работы англичанина Р. Уильямса и американца Дж. Александера. Следует подчеркнуть, что оба автора отделяют себя от ранних версий этого социологического направления и предпочитают термин «культурная социология» (по аналогии с «культурной антропологией»)¹.

¹ В русскоязычном варианте используется термин «культурсоциология».

Структурно-культурное направление с акцентом на структуре. Это направление в социологии культуры обозначилось начиная с 1970-х гг. как результат взаимодействия двух идейных ориентаций. Во-первых, в это время проявляется все большее недовольство редукционистской, «неопосредованной» социальной дифференциацией макроструктурной моделью объяснения культурных феноменов. Во-вторых, благодаря активности неомарксистов все более широкое распространение приобретает «популистская» версия социальной истории с акцентом на культурном опыте низших классов в странах с разным уровнем модернизации (И.П. Томпсон, Р. Уильямс).

В рамках этого направления поиски причинности в отношениях «социальная структура/культура», а также объекты аналитического внимания сдвигаются к среднему и микроуровням социальной жизни. Институциональные макроструктуры принимаются во внимание и присутствуют в контексте исследований, и их значимое воздействие на культурную жизнь представителей различных, в первую очередь низших, социальных слоев признается и изучается. Однако они не являются основным фокусом внимания и не считаются «причиной» изучаемых феноменов, но рассматриваются как фоновое окружение, или ограничивающий и побуждающий контекст. В этом движении к микроуровню появляются конкретные исторические акторы (скорее коллективные, чем индивидуальные) вместо родовых, таких как «государственная власть», «клирики», «крестьянство» и т. п.

«Культура» понимается как структура символических форм, кодов и схем, или идеологических систем. Но по мере того как из-за социальных институтов проступают конкретные акторы, она все более трактуется как разделяемые значения, идентичности, цели. Они представлены через социальные практики, реализуемые в институциональном (формальные организации) или социально-стратификационном (классы, слои, локальные сообщества) контекстах. В макро- и микровременных масштабах культура начинает концептуализироваться как динамичная, «становящаяся» область человеческого существования. Однако в большинстве таких исследований внимание сосредоточено на анализе социальных медиаторов между определенными общественными группами и агентами культурного влияния, т. е. воздействия ближайшего институционального окружения и характерных для них практик на их представления, ценностные ориентации, предпочтения. Культурное содержание такого опосредования — формы, коды, дискурсы, в которых репрезентированы соответствующие послания, — а также их интерпретации реципиентами только недавно стали предметом особого внимания. Без ответа до сих пор остаются вопросы не только о социальных, но даже о культурных последствиях воздействий комму-

Никаторов на реципиентов. В рамках этого направления вне зоны специального внимания остаются и более масштабные теоретические вопросы. Ни культурное опосредование институциональных структур, ни статус культуры как эпистемы не составляют центров аналитического интереса. В то же время работы таких авторов, как Ч. Тилли, Р. Аминзаде, К. Кодхаун, для которых характерно погружение культуры в социальный контекст, свидетельствуют о ее исторической концептуализации, т. е. применительно к месту и времени, в особенности, когда объяснительный акцент ставится на социальных практиках исторических акторов.

Продуцирование культуры (культурное производство). Одна из наиболее активно разрабатываемых предметных зон в рамках этого направления социологии культуры связана с изучением продуцирования культуры. Здесь основное внимание уделяется отношениям Между условиями конструирования культурных символов (например, в области масс-медиа) и их структурными характеристиками. Сам подход определяется настолько широко, что включает в себя исследования, имеющие дело с самыми разными аспектами культуры. Однако термин обычно используется применительно к исследованиям, где В областях Искусства, медиа, популярной культуры рассматриваются последствия наград, систем запретов, участия в рыночных структурах для карьер и деятельности тех, кто занят в соответствующих институциональных структурах.

В этих; рамках изучаются личные отношения между авторами, продюсерами, спонсорами, взаимодействия между, организациями, занимающимися производством массовой культуры, способы выработки институциональных решений и их влияние на активность профессиональных деятелей и сообществ в этой области. Существует большой объем эмпирического материала относительно того, как функционируют культурные институты. Хотя эти исследования далеки от постмодернистских рассуждений о неопределенности культурного поля и значений артефактов, они фиксируют меняющиеся условия культурного продуцирования, которые в первую очередь способствуют поддержанию того состояния, которое описывают постмодернисты.

Как отмечает Г. Тачмен¹, работы в области культурного производства подверглись критике за то, что здесь игнорировались вопросы политической экономии и гегемонического контроля, без внимания оставался вопрос о том, как искусство и медиа служат целям государств, корпораций, элит. А Р. Уильямс неоднократно отмечал, что эта область познания пока еще занимает маргинальное положение, но полагает, что ей принадлежит важное место в

¹ Tuchman G. Mass media institutions // N. Smelser (ed.). Handbook of Sociology. Newbury Park: Sage, 1988. P. 601-626.

решении целого ряда значимых социально-научных проблем. С его точки зрения, чрезмерный акцент на изучении экономических и политических институтов оставил за пределами рассмотрения влияние культурных факторов на динамику социальных порядков. Если же тема культуры как-то присутствовала в социологии США и Великобритании, то главным образом в виде эмпирических исследований институциональных аспектов искусства и СМИ, а также их социальных эффектов, выявляемых с помощью массовых опросов. Этой мало интересной в теоретическом отношении позиции он противопоставляет распространенную в Германии познавательную традицию, связанную с изучением социального содержания искусства и контекста его существования, которая сочетает в себе социальную теорию, философию и историю. С его точки зрения, такую многогранность не следует ограничивать только этой областью изучения. Ее следует распространить на культуру в целом.

Соответственно появится возможность анализа тех социальных «значений», которые несут в себе медийные продукты и литературные произведения. Сейчас при рассмотрении их содержания используют преимущественно приемы литературной критики. В то же время в социологии для изучения такого рода значений есть все необходимые средства, Могли бы использоваться методы количественного анализа, контент-анализа, т. е. эту тему можно было бы перевести в термины скорее категорий, чем гуманитарных интерпретаций. Как отмечает Р. Петерсон, без этого они рискуют вытеснить из исследований «социологию». Все чаще в среде социологов культуры высказывается мнение, что при изучении культурного производства следует задаваться вопросами, при каких условиях одна, а не другая категория культуры (например, авангард vs. сложившиеся каноны) продуцируется, кто ее создатели, что формирует их взгляды, насколько они автономны по отношению к социальной структуре.

Другой аспект темы «продуцирования культуры» представлен изучением социального конструирования артефактов. Оно основывается на теориях Бурдьё и Фуко, а также на социологии техники. Сторонники этой точки зрения утверждают, что «артефакты» — от искусства до технологий — воплощают социальные отношения, институциональные практики, стратегии действий и возможности их трансформаций. Они рассматриваются как особый вид культурных образцов, которые фиксируют и организуют определенные виды взаимодействий и коммуникаций, придают им символическое значение. Такая концептуализация согласуется с тенденцией рассматривать культуру и социальную структуру скорее как взаимопереплетенные, чем разделенные единицы анализа, поскольку предполагает, что все артефакты, или искусственные объекты, представляя собой не производные институциональных форм, но их неотъемлемую составляющую.

Еще одна точка зрения представлена в работах Уильямса. И хотя он в основном занимается изучением искусства и массовой культуры, его теоретические обобщения имеют важное значение для социологии культуры в целом.

Прежде всего, социологический анализ культуры он предлагает осуществлять в трех основных измерениях: идеальном, социальном и документированном. Согласно первому, объекты культуры соотносятся с универсальными и абсолютными ценностями, которые в свою очередь выявляются в ходе исследования. Второе предполагает обращение к образу жизни людей. В этом контексте выявляются значения и оценки его составляющих как институционального, так и обыденного уровня, а также формы принятых здесь коммуникаций. Третье относится к зафиксированным в символической форме результатам практического опыта и познания людей. В ходе исследования в этом случае выявляются их основания, конвенционально принятые языковые обозначения, способы категоризации и классификации. Такая система координат обеспечивает не только объемное видение любого артефакта, но и локализацию его в определенном социальном контексте. Без этого, по мнению Уильямса, понимание культурных объектов не может быть достигнуто.

Далее, важное место в программе социологии культуры Уильямса занимает понятие культурного опыта. Его источником считается «творческий разум», который актуализуется в процессах восприятия, интерпретации реальности, коммуникации с другими и воплощается в культурных объектах, систематическим образом организованных и имеющих определенный смысл. На примере искусства в его институциональной форме демонстрируется, как происходит социально санкционированное конструирование нового опыта и его распространение в более широкий культурный контекст. Это область социокультурного пространства, где соответствующие объективации, технологии, смыслы кумулируются в историческом масштабе и транслируются из поколения в поколение. Социально значимый опыт, организованный в образной форме, распространяется в более широкий социокультурный контекст и, будучи освоенным членами общества, — на другие его институциональные области: образование, бизнес, политику и т. п. Совершенно очевидно, что эта теоретическая схема не ограничивается только сферой искусства и может быть отнесена к любой другой составляющей общественного разделения труда — науке, праву, религии, массовым коммуникациям и т. п.

Особое значение Уильямс придает также механизмам культурной селекции. Он подчеркивает, что в обществе всегда происходит отбор среди культурных объектов, который выполняет две важные функции с точки зрения социальной организации. С одной сторо-

ны, этот механизм обуславливает институциональную дифференциацию и стратификацию в обществе, где каждая единица характеризуется своими классами артефактов и основаниями предпочтений. Таким образом сохраняется относительная автономность составляющих его единиц. С другой — он обеспечивает преемственность, самоотждествленность культуры в рамках каждой из них. Регулярный пересмотр культурных ценностей прошлого и их соотнесение с новыми отнюдь не означает полного отказа от того, что предпочиталось раньше. Отбор предполагает определенный компромисс между ними. Сохраняются те, что оказываются созвучными друг другу в данный момент исторического времени, и предаются забвению или оттесняются на периферию культуры те, что считаются полностью несопоставимыми с требованиями времени. Иными словами, работа механизма социального отбора культурных феноменов, согласно Уильямсу, — это постоянные пересмотр оснований исторической памяти и переинтерпретация прошлого с позиций сегодняшнего дня.

Наконец, следует отметить самый существенный аспект культурно-социологической программы Уильямса. Это концепция культурного производства, где выделяются две основных компоненты. Во-первых, его пространство, которое представлено соответствующими институтами и формациями, под которыми понимаются устойчивые корреляции между тремя измерениями, определяющими исторически специфичные основания продуцирования культурных объектов. Во-вторых, его агенты (в качестве таковых он выделяет интеллигенцию, интеллектуалов), которые в своих действиях и взаимодействиях как осуществляют процессы социального воспроизводства, так и порождают культурные проблемы.

Предлагаемую Уильямсом теоретическую позицию можно рассматривать как показательный пример изучения культуры, базирующегося на исходных предпосылках функционализма. Это полностью соответствует логике британской социальной антропологии — что признает и сам автор, — где культурные образования трактуются с точки зрения их социального порождения и институционального закрепления.

Структурно-культурнонаправлениесакцентомнакультуре.

В большинстве работ этого направления культура не представлена в качестве объяснительного фактора. Однако здесь открыто и последовательно признается ее активное и действенное присутствие в социальной жизни и, следовательно, она рассматривается как существенное измерение любого социологического исследования. Культура понимается как интерсубъективные значения и идентичности или как трансперсональные структуры символических кодов. Однако, будучи важным предметом изучения, она не концептуализирована как объясняющий принцип и, следовательно, ее воздействие на социальные структуры не рассматривается.

Сторонники этой позиции, такие как В. Зелизер, Э. Смит, Л. Гринфилд, Р. Брубейкер, Б. Шварц, не придают первостепенного значения и не уделяют особого внимания социально-структурным факторам. Они, скорее, отнесены к контексту происхождения культурных феноменов в качестве фоновых или латентных. Благодаря этому культурные феномены приобретают автономию и объяснительный статус по отношению к институциональной организации общества.

Здесь особым образом понимается историзм, или изменчивость культуры, поскольку признается, что культурные изменения порождаются сменой конфигураций социально-структурных «контекстов происхождения». Соответственно процессы взаимного влияния между самими культурными феноменами, такими, например, как популярная политическая культура и идеология или идеология и национальная идентичность, вызывают больший интерес и аналитически более разработаны, чем в других направлениях социологии культуры.

Наиболее отчетливо эта позиция представлена в «сильной программе» культурной социологии Дж. Александера, которую он называет также структурной герменевтикой. Ее специфичность подчеркивается противопоставлением «социологии культуры» с ее так называемой «слабой программой». Александер признает, что их объединяет признание культуры в качестве значимой конституирующей силы общественной жизни. Но между ними существуют глубинные структурные различия.

В рамках «слабой программы», к которой автор относит работы П. Бурдьё, М. Фуко, направление «культурных исследований» (Бирмингемская школа, связанная с идеей «производства-потребления культуры»), культура трактуется как зависимая переменная по отношению к фундаментальной социальной структуре. Отсюда ее «поверхностное описание» (*thin description*, по К. Гиртцу), оставляющее за пределами внимания ее собственные закономерности и роль в качестве силы, определяющей социальную динамику. Предметной областью изучения в этом случае считается культурная компонента общества и его подсистем (культура труда и быта, политическая и экономическая культура и т. п.), полностью детерминированная институциональной структурой.

Александер предлагает иную теоретическую ориентацию. В этом случае культура рассматривается не как производная социального (понимаемого как социетальная институциональная структура), но как равноправное с ним измерение совместного существования людей. Соответственно речь идет о фундаментальном уровне познания совместного существования людей, где социальные структуры трактуются в их культурной обусловленности и репрезентированности. Он подчеркивает, что смысл идеологии или системы веро-

ваний нельзя понять исходя из анализа только социальных связей. Его необходимо герменевтическим способом выводить из контекста соответствующих областей культуры. В то же время радикальная автономизация, предполагающая, что таких знаний достаточно для объяснения обусловленности социальных взаимодействий, по его мнению, недопустима. Нужно также рассматривать соответствующие представления в их обусловленности процессами, происходящими в рамках социальных систем, в которые они вписаны.

Далее, пока неясно, каковы механизмы связей между культурой, социальной структурой и действием. Однако Александр полагает, что в этом случае не следует отказываться от их уже существующих определений, варьирующихся от религиозного ритуала, социализации и образования до драматургических импровизаций и формирования классового сознания. Все эти представления могут быть катетеризированы и классифицированы в общих теоретических рамках «сильной программы» культурной социологии.

Наконец, важно, с его точки зрения, более точно определить само понятие культуры. До сих пор существуют разногласия относительно того, является она набором логически взаимосвязанных символов или ценностей, эмоционально нагруженных символов сакрального и профанного или метафизических идей о потустороннем спасении.

Александр подчеркивает, что в каждой из приведенных позиций есть рациональное зерно. Действительно, нельзя понять культурные проявления, не принимая во внимание связанных с ними субъективных смыслов. Но следует также обратиться к ограничениям, налагаемым на них социальной структурой. Чтобы интерпретировать социальное поведение, не достаточно признать, что оно обусловлено определенными культурными кодами, важно заглянуть глубже и отрефлексировать, что представления акторов задают для них меняющуюся среду, да и сами они суть порождения взаимодействий и коммуникаций людей. Унаследованные из прошлого метафизические идеи имплицитно присутствуют в основаниях современных социальных структур, но влиятельные агенты иногда преуспевают в том, чтобы в рамках своих идеологий придать им первостепенное значение.

Разделяя позицию Ф. де Соссюра, он считает, что социальная структура или действие не могут быть поняты без обращения к их культурной опосредованности. Здесь каноническим образцом становится язык. Речь рассматривается как социальное действие, мотивированное ситуативной необходимостью. В этом отношении индивидуальных акторов можно считать ответственными за речевые акты. Но они не имеют контроля над языком, т. е. не могут произвольно обращаться со знаками, которые конвенционально зафиксированы в строгих границах и порядках использования.

Подобным же образом можно трактовать культурные структуры и смыслы. Они порождаются и поддерживаются совместной активностью людей, но обычно неосознаваемы. В то же время они регулируют социальные отношения в известной степени рациональным образом. Здесь совершенно очевидно влияние структурализма, где антропологически универсальные формы упорядочения отношений людей с окружением можно обнаружить за любым многообразием их интерпретаций и репрезентаций. Цель культурной социологии, согласно Александру, состоит в том, чтобы сделать социальное бессознательное доступным наблюдению.

Совершенно очевидно, что все эти задачи невозможно решить средствами какой-то одной науки. Каждая из них связана с определенным измерением социокультурной реальности. Однако их следует интегрировать в пределах более общей перспективы, где они могли бы логически сочетаться друг с другом. Соответственно в рамках «сильной программы» культурной социологии принимается методологический принцип так называемого программного эклектизма, предполагающего объединение определенных положений философии, социологии, антропологии, истории, политологии, лингвистики, литературоведения, теоретически скрепленных общими программными целями.

Характеризуя эту теоретическую позицию, С. Кравченко пишет: «Она выступает своеобразной „культуральной структурой” (понятие предложено Дж. Александером), под которой социолог понимает внутренние, латентные, как правило, неосознаваемые механизмы деятельности людей, формирующие коллективные эмоции и идеи, которые оказывают существенное влияние на мышление и поведение людей. По мнению Дж. Александера, в условиях постмодерна культуральные структуры находятся, прежде всего, в виртуальной реальности. Однако, несмотря на свою виртуальность, культуральные структуры по силе воздействия на общественное сознание, на мышление людей подчас превосходят разного рода материальные структуры — организационные, политические, экономические и другие. Сила культуральных структур — в производимом ими смысле, который может обретать относительно автономное существование, собственную власть дискурса, подчас выходящую из-под контроля своих создателей. Культуральные структуры ныне формируются не только стихийно, но все более целенаправленно. Примером целенаправленно созданных культуральных структур являются имиджи, бренды, мифы, нарративы»¹.

В зарубежной теоретической социологии культурная социология Дж. Александера неоднократно обсуждалась с критических

позиций. Отмечалось, что характерные для нее утверждения описательны, их нельзя ни доказать, ни опровергнуть, а используемая здесь терминология отличается нечеткостью. Некоторые полагают, что ее нельзя считать альтернативой социологии культуры в целом.

Однако сам Александр отмечает поисковый характер и незавершенность своей программы. О своих эссе на эту тему он говорит, что это «рискованные поиски в диалектике культурного мышления. Они движутся между теоретизированием и исследованием, интерпретацией и объяснением, культурной логикой и культурной прагматикой... Моя цель всегда была теоретической. Применением культурно-социологического метода к широкому спектру тем я хотел продемонстрировать, что культура является не вещью, а измерением, не зависимой переменной, а нитью, пронизывающей каждую мыслимую социальную форму»¹.

Предметная область: «скрытая» и «явная» (записанная, репрезентативная) культура

В социологии мейнстрима акцент ставился на имплицитный, или незафиксированный в письменной, вещественной или иконической формах аспект культуры. Изучались ценности, мотивы, установки, верования, идеологии, «национальный характер» и т. п. Их воплощению в артефактах почти не уделялось внимания. Из них прямо выводилось и к ним редуцировалось социальное поведение. В теоретических работах они изначально постулировались как фундаментальные факторы, побуждающие людей к действию или к бездействию. В эмпирических исследованиях они в этом же качестве выводились из вербальных ответов респондентов. Расхождения между постулированными неявными идеями или открытыми высказываниями, с одной стороны, и массовым поведением — с другой, кажется, до сих пор мало заботит социологов.

Более того, и сегодня в рамках социологии культуры отношение между высказываниями и действиями, между коммуникацией и взаимодействием так и не стало предметной областью изучения. Положение не спасают и введенное Ю. Хабермасом понятие «коммуникативное действие», и попытка Н. Лумана определить общество через понятие коммуникации и исключить понятие действия вообще. В то же время указанные выше расхождения проявляются постоянно и на обыденном, и на институциональном уровнях. В повседневной жизни люди говорят одно, а делают другое, и это не считается чем-то из ряда вон выходящим. Социологам организации хорошо известно, что интенции руководства, выраженные

¹ Alexander J. *The Meanings of Social Life: a Cultural Sociology*. N. Y.: Oxford University Press, 2006. P. 6 — 7.

в письменной или устной форме, как правило, доходят до исполнителей в сильно искаженной форме. Иными словами, попытки вывести человеческую активность из ненаблюдаемых факторов не привели к успеху в объяснении и предсказании социальных событий и действий.

Бихевиористское направление в социологии также оказалось слабым. Отчасти это можно объяснить ее предметной областью — массовые процессы и институциональные отношения. Они не поддаются прямому наблюдению и заменяются идеациональными паллиативами и статистическими вычислениями. Соответственно полностью неразработанным остался язык для описания социальных отношений и связей, причем даже на теоретическом уровне, не говоря о средствах эмпирических наблюдений. Правда, в рамках так называемой конфликтологии и в исследованиях переговорных процессов есть интересные разработки, но в этих случаях культурным переменным не уделяется особого внимания. Модели этих форм отношений носят в большей степени структурный и даже формальный характер. Содержательные их аспекты обходятся молчанием.

Таким образом, в контексте социологического мейнстрима пока связь между уровнями действий и символов остается слабо проясненной.

В то же время применительно к современным обществам акцент на имплицитной культуре недостаточен. Сегодня культурные формы, даже самые скрытые, выражаются в явном и часто публичном виде, артефакты разного рода являются предметом обменов. Они почти полностью репрезентированы через эксплицитные социальные конструкции или продукты. Это, по выражению Д. Крейн, «записанная культура» (recorded culture), т. е. все, что зафиксировано в печати, фильмах, артефактах, а теперь и электронными средствами. «Новые версии социологии культуры имеют дело по большей части с различными типами записанной культуры, такими как информация, развлечения, наука, технология, законы, образование, искусство. Без анализа содержания и воздействий записанных культур, равно как и факторов, определяющих их, мы не сможем понять роль культуры в современном обществе».

В ответ на обстоятельства в рамках постмодерна акцент переместился на наблюдаемую часть культуры, которая называется по-разному — эксплицитной, записанной, репрезентативной. Здесь основное внимание уделяется именно зафиксированным артефактам — письменным и медиа-текстам, архитектурным сооружениям, иконическим изображениям, — словом, тому, что создано в соответствии с определенными профессиональными правилами, или кодами, и публично репрезентировано в специально отведенных для этого местах. Исследования такого рода принципиально ограничиваются именно этой областью. Для ее изучения существуют

исходные основания, сложившиеся в течение XX в. на уровне лингвистической философии, и достаточно разработанная методология — в рамках лингвистики, семиотики, литературоведения. В то же время те, кто придерживается этой позиции, откровенно признают, что не рассматривают влияние всех аспектов культуры и считают результаты своих поисков фрагментированными, не складывающимися в единую систему.

Этот уровень репрезентаций фактически отсутствует как в обсуждениях и обзорах, посвященных социологии культуры, так и в других общепринятых точках зрения на культуру. Так, в широко цитируемой теории Свидлер¹, где культура рассматривается как «tool-kit», она определяется как «символические проводники» значений, включая верования, ритуальные практики, формы искусства, церемонии», однако за исключением форм искусства locus этих «символических проводников» остается не определенным. Александер в своем обзоре теорий культуры также обходит вниманием исследования, основанные на изучении этой предметной области. «Несмотря на то, что неимоверное возрастание объема и воздействия записанной культуры в этом веке существенно изменили природу современных обществ, в социологических теориях мейнстрима ей не отводится главной роли»².

Обращение к социальному конструктивизму. Этот поворот имел важные последствия для социологии культуры в целом и для изучения репрезентированной части культуры в частности. Вероятно, наиболее глубокое изменение, которое привнесла в социологию Эта теоретическая ориентация, было связано с утверждением, что большая часть того, что без доказательства принимается как объективное и необходимое в социальной жизни, на самом деле «сконструировано» через социальные отношения и зафиксировано в поведении. Идея была предложена П. Бергером и Т. Лукманом и известна социологам, но большинство из них продолжают считать, что «существует внешний эмпирический мир, с которым следует считаться»³, где можно установить окончательные значения социальных событий. Такое представление о предметной области изучения подразумевает, что содержание медиа, научных текстов, организационных распоряжений, художественных объектов рассматривается как одномерное и недвусмысленное. Иными словами, считается, что хотя индивиды могут использовать этот контент разными способами, его исходные значения устойчивы и

¹ Swidler A. Culture in action: symbols and strategies. American Sociological Review. 1986. №51. P. 273-286.

² Crane D. Introduction: the Challenge of the Sociology of Culture to Sociology as a Discipline // D. Crane (ed.). Op. cit. P. 3.

³ Denzin N.K. Symbolic Interactionism and Cultural Studies. Cambridge, MA/Oxford: Blackwell, 1992. P. 120.

«объективны», а интерпретации не влияют на дифференциацию «потребителей» информации.

Тем не менее с начала 1970-х гг. влияние теоретической позиции, предложенной Бергером и Аукманом, в Америке и Европе все более возрастает. Хотя они имели дело в основном с имплицитной культурой (знанием), европейские исследователи обратились к социальному конструированию эксплицитной культуры — медиа, искусство, наука. Предметом изучения стали способы не только различных восприятий и интерпретаций этих форм «записанной» культуры, но и их участия в конструировании социальных ролей, таких как классовые, гендерные, расовые.

Сторонники этой позиции исходят из допущения, что социологи изучают не так называемую объективную реальность в ее социальной модальности, но, скорее, то, что конвенционально конструируется людьми в процессах взаимодействий и коммуникаций. Их результаты репрезентируются в виде артефактов — предметно-пространственных, инструментальных, зафиксированных в письменном и электронном виде, в произведениях искусства — и в совокупности образуют своего рода интересубъективное культурное пространство. Признание этого существенным образом повлияло на изучение медиа, популярной культуры, науки, породило новую область исследований — теорию рецепции (восприятия медийной продукции), а также новую интерпретацию фундаментальных принципов организационного поведения.

Исследования в области масс-медиа. Новые подходы к восприятию аудиторией медийной продукции, составляющие теорию рецепции, основываются на постструктуралистских построениях Лиотара и Бодрийара, литературоведческих исследованиях, работах британской группы «Культурные исследования». Здесь принимается исходное допущение, что значения любых сообщений нестабильны и неоднозначны¹. Они могут интерпретироваться и использоваться в противоположность намерениям их создателей или распространителей. Соответственно в центре внимания оказались вопросы о природе медийных и литературных текстов, о том, что делает возможным их разнообразное прочитывание, и о том, как классовые, этнические и гендерные группы внутри аудитории поддаются или сопротивляются целенаправленным воздействиям масс-медиа. Исследователи массовых коммуникаций подчеркивают, что разные медийные дискурсы различаются по тому, как они представляют одну и ту же или сходные темы. Соответственно в этих рамках идет «борьба за значения» между разными коммуникаторами и между ними и реципиентами.

¹ Fiske J British cultural studies and television // R.C. Allen (ed.). Channels of Discourse. L.: Routledge, 1989. P. 254 — 289.

Изменение представлений о научном знании. Исследования находились под влиянием Т. Куна, американского историка науки, который разработал основополагающее понятие парадигмы для объяснения социального конструирования области науки; работ Гарфинкеля и этнометодологии в целом, где существенное внимание уделяется анализу культурных норм, которые открыто не провозглашаются, но работают как организующее начало при построении любых текстов; постструктуралистских версий французской семиотики. В 1970—1980-х гг. британские социологи, по сути, изменили ситуацию в социологии науки, показав, что эта специализированная область культуры по своему воздействию на массовые представления не отличается от других, таких как религия, философия и так называемая псевдонаука.

Организационные исследования. В конце 1970-х гг. некоторые из теоретиков организации начали использовать новые идеи при анализе рациональных принципов менеджмента в образовательных, а позже — в экономических организациях. Они исходили из того, что в известном смысле из-за «погруженности» культуры в социальную структуру ее влияние часто остается «невидимым» ни для исследователей, ни для руководителей, ни для персонала экономических единиц. Последние вообще не описываются в современном мировоззрении как часть культуры. Результаты исследований, где преобладала иная точка зрения, оказали заметное влияние на социологию организаций в целом. Во-первых, было выявлено, что способы регулирования и практики, которые считались наиболее эффективными, рациональными, часто не приводят к желаемым результатам. Причины этого заключаются в различии социальных конструкторов, которыми менеджмент и исполнители руководствуются во взаимодействиях и коммуникациях. Стало также очевидным, что научные ответы на рыночные и другие давления окружения фактически варьируются в зависимости от места и периода времени, в пределах которых они предлагаются. Все это указывает на необходимость принимать во внимание роль культурных факторов при рассуждениях об эффективном функционировании организации, а также при выработке решений экономического характера. Во-вторых, продолжающиеся работы в этом направлении обусловили формирование специальной предметной области — культура организаций. Здесь первостепенное внимание уделялось сходствам и различиям целей, ценностных ориентаций, интересов, уровней культурной компетентности, разделяемых представителями групп — функциональных и межличностных, — составляющих целенаправленно функционирующую целостность. Соответственно все более очевидной становится необходимость различать корпоративный и неформальный уровни культуры организации.

Проблемное поле социологии культуры

Представленный выше краткий обзор основных теоретических направлений, которые к настоящему времени сформировались в рамках социологии культуры, позволяет, во-первых, в общем виде определить ее предметную область, во-вторых, выделить наиболее значимые, но пока нерешенные здесь проблемы и, в-третьих, выявить наличное социологическое знание, которое обеспечивает возможности справиться с ними.

Социология культуры сложилась как особая область социологии. Из всего сказанного о социологии культуры следует, что к настоящему времени она сложилась как самостоятельная область социологии. В ее рамках определились:

— исходные теоретические основания, присутствующие практически во всех работах общего характера. Они представляют собой объединение структурно-функциональных и феноменологических (в варианте социального конструирования реальности) предпосылок; базовых положений символического интеракционизма с попытками придать им семиотическое измерение; постмодернистских идей, выходящих за пределы системного мировидения;

— основные направления научного поиска, которые можно расположить между двумя полярными (в идеально-типическом смысле) исходными позициями, одна из которых утверждает социальную детерминированность культурных феноменов, а другая — культурную обусловленность социально-структурных образований;

— предметная область; ее можно назвать социокультурной, поскольку в рамках любого из направлений принимаются во внимание и социальные, и культурные факты. В этом контексте изучаются связи между социальной структурой, культурой и действием. Для исследований такого рода наиболее приемлемым становится микросоциологический уровень анализа, который во временном отношении определяется как современность, а с точки зрения масштаба рассматриваемых объектов в основном сводится к организациям, а также формальным и неформальным социальным группам;

— объекты исследования, которые остаются традиционными для социологии и на макроуровне представляют собой социетальные институты и социальные классы в их культурном измерении, а на микроуровне — субкультуры, характерные для социальных слоев, групп, общественных движений;

— методологические принципы; в этой области те, что традиционны для социологии (гипотетико-дедуктивный, индуктивный, номотетический, диагностический) дополняются идиографическим, интерпретативным, семиотическим;

— достаточный объем теоретического и эмпирического материала, который позволяет сделать выводы как о дальнейшем на-

правлении продвижения этой научной области, так и о проблемах, решение которых поможет ему.

Проблемные области социологии культуры, связанные с изучением социокультурной микродинамики. Хотя тема изменений обсуждается в социологии постоянно, для ее изучения в рамках социологии культуры, особенно на микроуровне, пока не хватает теоретической базы. Об этом свидетельствуют следующие существующие здесь концептуальные затруднения:

— изменения обычно констатируются по схеме «было-стало», т. е. как события, а не процессы, и объясняются в структурно-функциональных терминах; процессы изменений, преобразований, их распространения не изучены в их формах, динамических механизмах, длительностях, хотя такая необходимость декларируется;

— во многих теоретических работах открыто признается необходимость локализовать точки порождения и пути распространения изменений или консервации status quo, но для этого не определена «система координат», в рамках которой можно было бы установить агентов, содержание и возможность распространения соответствующих процессов в их социальном и культурном измерениях;

— динамика констатируется применительно к отдельным видам деятельности; применительно к обществу «в целом» обычно рассматриваются экономический и политический ее виды, в остальном речь идет о том, что происходит в отдельных институциональных областях, которые изучаются в соответствующих ветвях социологии — наука, образование, медиа, искусство, право и др. Теоретическая модель, которая объединила бы их в общую социокультурную систему на единых концептуальных основаниях, отсутствует. Соответственно, нет общего аналитического пространства, которое позволило бы проследить связи между ними и соотносить содержание происходящих в их рамках изменений;

— все социологи культуры говорят о том, что институты и социально значимые символические системы суть производные социальных взаимодействий и коммуникаций. Однако ни процессы, ни формы интеракций систематическим образом не определены. В то же время очевидно, что без концептуализации взаимодействия как механизма социокультурной динамики — на макро- и микроуровне — изменения в обществе и культуре останутся без достоверных объяснений;

— в рамках социологии понятие «культура» представлено в самом общем значении, но в разных содержательных аспектах. Соответственно каждый раз, когда нужно сопоставить результаты, полученные представителями разных направлений социологии культуры, обнаруживается необходимость в отчетливо сформулированной дефиниции, с которой можно было бы соотносить вариации и объяснять их смысл. Представляется, что это возможно, поскольку существующие здесь определения не противоречат друг другу.

Теоретический потенциал для решения выделенных проблем.

В рамках социологии есть теоретический потенциал, который можно актуализовать и организовать для решения выделенных проблем:

— сближение социологии с антропологией позволяет обратиться к существующим здесь развернутым определениям культуры и дополнить ими социологические. Это целесообразно, поскольку культура всегда была предметной областью антропологических исследований, а в социологии стала недавно. На этой основе можно построить культурное измерение социокультурного пространства;

— в социологических работах существуют попытки определить социальность; из их сопоставления и обобщения можно построить социальное измерение социокультурного пространства;

— теоретическое объединение этих измерений создает основу для конструирования модели социокультурного пространства, которое можно считать фундаментальной составляющей социологии культуры;

— в такой «системе координат» можно будет локализовать социально значимые события, источники, агентов, содержание социокультурных изменений, а также проследить пути их распространения и последствия через процессы социальных взаимодействий и коммуникаций;

— в рамках социологии существуют определенные концептуализации социального взаимодействия (например, в разработках так называемой конфликтологии). И хотя отсутствует единая теоретическая модель, где были бы выделены его фундаментальные формы, и потому все рассуждения об интеракции носят самый общий характер, имеющееся знание оказывается полезным для ее внутренней дифференциации.

Далее речь пойдет о представленности этих предметных тем в социологии, чтобы осмыслить их с точки зрения социологии культуры. Таким образом можно определить содержание ключевых составляющих предметной области социологии культуры, соответствующей изучению социокультурной микродинамики.

Контрольные вопросы

1. Объекты изучения в современной социологии культуры: связь между социальным и культурным уровнем рассмотрения.
2. Макросоциологические объекты: представленность культурного измерения.
3. Микросоциологические объекты: представленность культурного измерения.
4. Объяснительные принципы в современной социологии культуры.

5. Предметная область современной социологии культуры.
6. Проблемное поле современной социологии культуры.

[11 Резюме

1. Социология культуры как теоретическая область познания начала формироваться в последние десятилетия XX в. Мнения ряда социологов, что она уже существовала в период модерна, высказываются с позиции современного видения, когда, во-первых, понятие «культура» и его эвристические возможности достаточно глубоко осмыслены представителями социальных наук, и во-вторых, начали вырисовываться контуры этого раздела социологии. Можно говорить о ее истоках, обнаруживаемых в работах авторитетных авторов начала XX в. Однако культура для них была своего рода побочной темой; связанные с ней представления, осмысленные с современной точки зрения, терминологически не оформлялись; более того, применительно к ним авторы не использовали самого понятия. Тем не менее следует принимать во внимание, выделять и развивать соответствующие классические идеи.

2. Современная социология культуры складывается на пересечении постмодернистских представлений, теоретических положений основоположников социологии и проблем, решение которых стало актуальным, но оказалось невозможным в рамках социологии мейнстрима. Эта область познания начала формироваться как междисциплинарная с особым акцентом на антропологических началах; особое внимание уделяется микродинамическим процессам; субъект-объектная трактовка социальной и культурной реальности сменилась интересубъективной; субстанциализм в понимании общества уступает место конструктивизму.

3. Объекты изучения социологии культуры определяются необходимостью установить теоретические связи между социальным и культурным измерениями совместного существования людей. На макроуровне рассматриваются общественно-экономические формации, общества в целом, характерные для них идеологии, а культура трактуется как интегрирующее ценностное начало и существенный показатель их идентичности. На микроуровне изучаются социальное взаимодействие, его стратегические направления, к культурным измерениям которых принято относить диспозиции и разделяемые представления.

4. Объяснительные принципы, сложившиеся здесь, можно свести к двум основным ориентациям: социальная обусловленность культуры и культурная обусловленность социальной структуры. В первом случае считается, что культурные объекты и процессы, понимаемые главным образом как идеациональные, полностью

детерминируются экономическими и политическими факторами и составляют своего рода «надстройку» над инфраструктурным «базисом». Во втором предполагается, что динамика культурных феноменов не только осуществляется в соответствии с собственными закономерностями, но может оказывать детерминирующее влияние на изменения социальной структуры.

5. В пределах предметного поля современной социологии культуры можно выделить две основных области в связи с трактовкой понятия «культура». Одни понимают ее как совокупность феноменов внутренней жизни людей — представлений, верований, предпочтений, оценок, идей и т. п. С этой точки зрения их интересобъективные воплощения в вещественных артефактах и паттернах поведения суть всего лишь эпифеноменальные проявления глубинных, фундаментальных закономерностей человеческой психики. Другие тяготеют к изучению «явной», «записанной», «репрезентативной» культуры, рассматривая ее как неотъемлемую часть жизненного пространства людей, как источник факторов, детерминирующих их совместное существование.

6. В настоящее время в этих рамках осуществляется целый ряд плодотворных исследований. Выделяются и изучаются современные процессы распространения идеологий, религиозных доктрин и практик; изучаются культурные последствия глобализации и постколониализма; рассматривается семантика массового потребления и т. п. В то же время выявился целый ряд нерешенных проблем, обусловленных отсутствием теоретического инструментария, позволяющего систематическим образом дифференцировать локусы изменений, пути распространения их последствий, а также формы социальных взаимодействий, обуславливающие их социально значимое содержание.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМ СОЦИОЛОГИИ КУЛЬТУРЫ - - - - -

Итак, выше были выделены проблемы, связанные с изучением социокультурной микродинамики в рамках социологии культуры, которые требуют первостепенного решения, чтобы исследования такого рода могли осуществляться социально-научным образом. Отмечалось также, что в рамках социологии есть теоретические возможности для их решения. Их можно свести к следующим основным категориям: определение понятия «культура», представления о социальной реальности, концепции социального пространства и социального взаимодействия (интеракции).

■ Глава 1. Определение понятия «культура» в антропологии и социологии

Как уже отмечалось, в рамках антропологии понятие «культура» всегда было одним из центральных, и его содержанию уделялось пристальное внимание. Поэтому целесообразно начать рассмотрение его базовых составляющих именно в этой области социально-научного знания.

Определение понятия «культура» в антропологии

В антропологии понятие «культура» репрезентируется с помощью самых разных слов. Однако, несмотря на кажущееся разнообразие его трактовок, можно выделить некоторые общие позиции, которые на понятийном уровне открыто присутствуют или подразумеваются практически в каждой из концептуализаций¹.

Исходные общие теоретические представления, существующие в антропологии, не предполагают ответа на вопрос «что в реальности есть культура». Они налагают ограничения на область явлений и процессов, включаемых в сферу изучения; служат основанием для поиска и интерпретации связей между «материа-

¹ См. также: Орлова ЭЛ. История антропологических учений. М.: Академический Проект, 2010. С. 401—436.

диетическим» и «идеалистическим» толкованиями человеческой активности в контексте макро- и микровременных процессов социокультурной жизни. С этой точки зрения понятие «культура» подразумевает не теорию или модель, позволяющие поступательно двигаться к «правильному» объяснению человеческого существования, но такое теоретическое пространство для его толкования, которое предупреждает неадекватный редукционизм к его только «материальным» либо только «идеальным» детерминантам и проявлениям. Современная концептуализация понятия осуществляется в двух различных, хотя и взаимосвязанных направлениях. Первое из них эксплицировано в теории Т. Парсонса. Здесь культура считается всего лишь одной составляющей из набора аналитических конструктов, предназначенного для рассмотрения социального действия. Категория обеспечивает «аналитическую плоскость» структурирования для ценностей наряду с биологией, исполняющей ту же роль для требований организма, психологией — для индивидуальных запросов и обществом — для институтов. Второе направление с наибольшей отчетливостью выражено в работах К. Леви-Стросса. Культура здесь считается особой упорядоченной селективной областью феноменов, противопоставляемой всему «природному», которое служит для нее материалом и окружением, где человек особым образом «метит» свою территорию. Различия между этими толкованиями не абсолютно. Речь идет об акцентах в выборе предмета и объекта изучения при наличии более общих разделяемых представлений о культуре. В данном случае культура понимается во втором смысле, широко, как категория, акцентирующая искусственное начало в совместном существовании людей.

Культурные универсалии. При исследовании культур, относящихся к различным обществам и историческим эпохам, антропологи выделили ряд общих для них характеристик (черт). Дж. Мердок назвал их культурными универсалиями. К ним относятся такие нормы, правила, ценности, паттерны отношений, которые присущи всем культурам независимо от географического расположения, исторического времени и социального устройства.

Их наличие интерпретировалось с двух различных точек зрения: эволюционистской и культурно-исторической (так называемая дилемма Тайлора—Галтона). В первом случае они считались результатом независимого изобретения. Во втором — последствием культурной диффузии. Каждой позиции соответствовало свое содержание понятия панкультуры (общечеловеческой культуры). Первая точка зрения предполагает, что это совокупность тех элементов, которые изначально свойственны любому обществу. Вторая подразумевает те черты, которые распространились в глобальном масштабе, поскольку общества заимствовали их друг у друга. Сегодня обе позиции принимаются как правомерные: счита-

ется, что ключевые культурные характеристики, связанные с жизнеобеспечением, скорее всего, обусловлены независимым изобретением, а большая часть символических образований распространяется благодаря заимствованиям.

Культура как содержательный аспект социальной жизни. Под культурой понимается содержание социальной жизни людей. На это указывал еще Ч. Моррис. В его работах постоянно присутствуют свидетельства того, что одни и те же «естественные» процессы (например, отношения полов, поглощение пищи) в разных обществах имеют неодинаковые внешние общепринятые формы; члены одного и того же общества с единой социальной структурой могут ориентироваться на разные эталоны поведения и оценок¹. Сторонники концепции культурной системы — К. Клакхон, А. Кребер, Л. Уайт — говорили об обществе как о структурном аспекте рассмотрения совместной жизни людей, а о культуре как о содержательном наполнении социальной структуры. Многие теоретики отмечали, что культура материализуется в многочисленных объективированных формах прошлого и настоящего, но ее реальное существование проявляется только во взаимодействии, информационном, содержательном обмене между людьми. Это означает также, что каким бы ни было происхождение артефактов, подразумевается, что речь идет о социальном, а не индивидуально-специфичном явлении.

Искусственности культурных феноменов. Культурные феномены искусственны, т. е. созданы людьми. Их противопоставление природным, естественным можно считать классическим. Дж. Вико, А. Гелен, Ш. Монтескье рассматривали культуру как природу, преобразованную в процессе человеческой деятельности. Б. Малиновский связывал представление о ней с искусственными средствами удовлетворения и регулирования естественных человеческих потребностей. М. Вебер полагал, что она обеспечивает разумный и имеющий значение разрыв «бессмысленной бесконечности происходящих в мире событий». С ней связываются представления о биологически ненаследуемой информации, способах ее организации и хранения. Как заученное поведение ее определяли Д. Бидни, К. Кун, Р. Линтон². Наряду с широким толкованием искусственности существует более узкое (гуманитарное), ограничивающееся областью знаков и символов.

Вещи. Культура включает в себя вещи. Предметно-пространственная среда, инструменты всегда были основным материалом для ее изучения. В археологии даже сложился специальный термин «материальная культура», обозначающий разного рода строения, средства передвижения, орудия труда, предметы быта и т. п.

¹ Morris Ch. Signs, Language, and Behavior. N. Y. P. 205.

² Bidney D. Theoretical Anthropology. N. Y., 1964. P. 131. Cuhn C.S. The Theory of Man. N. Y., 1954. P. 5; Linton R. Tree of Culture. N. Y., 1955. P. 29.

Образцы человеческих отношений. Культура включает в себя паттерны (образцы) человеческих отношений. В свое время Дж. Хонигман выделял два типа их составляющих. Во-первых, социально стандартизированное поведение в сообществах. Во-вторых, вещественные продукты групповой активности. Из единиц такого рода складываются определенные образцы, «конфигурации», стереотипные формы, паттерны, которые определяются как относительно устойчивые и повторяющиеся способы восприятия, чувствования, мышления, поведения, интеракции. Они могут быть общепринятыми в определенной культуре (например, государственные торжества) или специфичными для региона (например, способ обработки земли), группы (например, жаргон). Паттерны могут носить характер реальных действий и отношений либо воображаемых представлений. К числу последних относятся, например, идеалы, т. е. желаемые, но недостижимые положения дел¹. Как отмечал А. Уайт, «культуру следует объяснять в специфичной для этого терминологии. И сколь бы парадоксальным это ни казалось, непосредственным объектом изучения человечества оказывается вовсе не человек, а культура. Наиболее реалистичной и научно адекватной интерпретации культуры можно достичь, лишь отвлекаясь от существования человека и обращаясь к продуктам его деятельности»².

Технологии. Культуратехнологична. Значимость выделения технологий, или специально организованного взаимодействия, ориентированного на достижение определенных результатов как существенной составляющей культуры сегодня не вызывает сомнения. Принято даже разделять технологии в зависимости от типов объектов, на создание которых они ориентированы: создание вещей, организация интеракций, порождение и трансляция символов³.

Символические объекты. Культура включает в себя символические объекты, в том числе ценности и нормы. В свое время А. Кребер и К. Клакхон писали: «Культура состоит из эксплицитных и имплицитных норм, определяющих поведение, осваиваемое и опосредованное при помощи символов; она возникает в результате деятельности групп людей, осуществляемой с помощью определенных средств. Сущностное ядро культуры составляют традиционные (исторически сложившиеся и акцентированные) идеи, особенно те, которым приписывается особая ценность. Культурные системы могут рассматриваться, с одной стороны, как результаты деятельности людей, а с другой — как ее регуляторы»⁴. Согласно Л. Уайту, «культура представляет собой организацию явлений, ви-

¹ Honigman J. Y. Culture and Personality. N. Y., 1954.

² White L. The science of Culture. N. Y., 1949. P. 141.

³ Витань И. Общество, культура, социология. М., 1984.

⁴ Kroeber A. L., Kluckhohn C. Culture. A Cultural Concepts and Definitions // Papers

дои и норм активности, предметов (орудий, вещей, созданных с их помощью), идей (верований, знаний) и чувств (установок, отношений, ценностей), выраженных в символической форме»¹. А по У. Гудинафу, «культура общества состоит из того, что необходимо знать и во что необходимо верить его членам, чтобы действовать взаимоприемлемым способом и исполнять любые значимые для них роли»². Наконец, при определении культуры в одном из известных антропологических словарей выделяются надбиологические и транслируемые в контексте общества феномены, религиозные, социальные паттерны и техники освоения окружения³.

Антропологи не уделяли специального внимания связи между понятиями «социальное» и «культурное», что обусловлено существующими здесь базовыми допущениями о природе человека — это социальность и психическое единство. Соответственно предполагается, что все культурные феномены обусловлены совместной активностью людей и в силу врожденного свойства символизировать свой опыт репрезентируются в артефактах.

Определение понятия «культура» в социологии

В рамках социологии культуры, напротив, сами определения культуры выстраивались вокруг обсуждения этой связи. Дело в том, что здесь социальное понималось не в его фундаментальном антропологическом значении, но в аспекте структур, которые обеспечивали возможность согласованных действий в процессе совместного достижения целей. Именно это составляло основную предметную область социологии, что делало культуру всего лишь побочной темой социологических исследований. По словам Александера, применительно к современности она понималась преимущественно как отражение институциональных конфигураций капитализма или индустриализма. Он отмечает, что даже М. Вебер, утверждая независимость «идей», изучал условия, которые дали толчок развитию капитализма, и не уделял специального внимания автономии современной культуры. Однако споры, которые, развернулись в интеллектуальной среде в контексте постмодерна, породили особый интерес к теоретическому осмыслению культурного универсума. В ходе этой полемики постепенно стала осознаваться несостоятельность сложившихся в рамках социологии представлений о нем. В функционалистской теории рассмотрение культуры как одной из «сфер» общества привело к тому, что содержание этого понятия оказалось ограниченным в основном только ценностями. В культур-

¹ White L. The Science of Culture. N. Y., 1949. P. 141.

² Goodenough W. Cultural anthropology and linguistics // Language in Culture and Society: a Reader in Linguistics and Anthropology. N. Y., 1964. P. 36.

³ WinickCh. Dictionary of Anthropology. Wittlefield, 1975. P. 144,

ном марксизме, по словам Э. Гидденса, понятие «классового сознания» играет во многом схожую роль, поскольку помещено в рамки сложившихся общественных порядков. По этой причине обе концептуализации предполагают редукцию культуры к социально-институциональным структурам. Более того, в каждом из названных подходов явно присутствует экономический детерминизм, в каких бы утонченных формах он ни проявлялся. Внимание к культурному измерению современности обнаружило не только ограниченность этих позиций. Стало очевидным, насколько сложно рассуждать о связях культуры и общества.

Однако, несмотря на то, что в рамках «новой» социологии культуры понятие культуры, как было показано выше, рассматривалось в разных контекстах, в социологии мейнстрима оно продолжает трактоваться с классических социологических и социально-антропологических позиций. Достаточно сослаться на статью Н. Смелсера в книге «Теория культуры»¹, где он приводит результаты изучения отобранных из этих наук определений понятия за последние сто лет. В этих работах акцент ставится преимущественно на четырех компонентах:

— *понятия и концепты* — одна из форм отражения мира на уровне познания, зафиксированная в языке и помогающая людям организовать и упорядочить свой опыт;

— *отношения* — взаимосвязи с окружением, участвуя в которых человек при помощи понятий определяет, как отдельные факты, явления связаны друг с другом в пространстве, времени, по значению;

— *ценности* — социально одобряемые и разделяемые большинством людей убеждения относительно целей, к которым необходимо стремиться. В любом обществе и в каждой из составляющих его групп существует своя система и иерархия ценностей. У разных индивидов или групп они могут не совпадать;

— *нормы* — элементы культуры, определяющие как должен вести себя человек, чтобы жить в соответствии с установленными ценностями. Это требования общества к поведению индивида в определенных жизненных ситуациях. Они закрепляются в нормах и установках на уровнях морали и обычаев, а также в правовых нормах.

Обобщая эти представления, Смелзер определяет культуру как набор ценностей, представлений о мире и кодов поведения, общих для людей, придерживающихся одного стиля жизни.

Это общее определение варьируется в зависимости от позиции, которой придерживаются исследователи, отвечая на фундаментальный вопрос о связи социальной структуры и культурных феноменов, определяемых таким образом.

¹ Munch R., Smelser N.J. Theory of Culture. Berkeley: University of California Press,

Определение культуры как детерминированной социальной структурой. Здесь показательна позиция социологов-марксистов, которые постулируют существование дихотомии «базис — надстройка», общественное бытие — общественное сознание. «Культурные феномены, от свода законов и религиозных ритуалов до искусства и интеллектуальных идей, приписываются надстройке и рассматриваются как определяемые базисом. Для того чтобы объяснить культурный феномен, не нужно изучать его внутреннюю структуру или значение, но необходимо рассматривать материальные элементы, которые он отражает. Поскольку культура детерминирована внешними силами, она не обладает автономией в каузальном смысле»¹.

Эта позиция в ее классическом или не столь радикальном варианте получила в социологии широкое распространение. В рамках институционального направления признание экономических факторов в качестве движущей силы современного мирового процесса стало общераспространенным. Считается, что экономические силы вызывают структурные сдвиги в обществе, которые влекут за собой изменения в сфере общественного сознания.

Однако сегодня и здесь все больше признается «реальность культуры», которая определяется как характеристика, присущая общественной жизни и социальным изменениям во всех их аспектах. В связи с этим обозначились следующие тенденции:

— концептуализация культуры и общества по Гидденсу в качестве «двойной структуры»: их становление происходит как автономно, так и во взаимном влиянии; оба концепта иногда используются совместно при условии, что в каждом из них понятийно отображается другой;

— акцентирование при изучении динамики культуры ее индетерминированности, подвижности и неоднозначности;

— возрастание интереса к связи «культура — власть», или, как это часто называют, опосредованным культурой отношениям власти.

Такой сдвиг в рамках структурного детерминизма привел к обновлению теоретической позиции. Теперь ее сторонники рассматривают социальную структуру и культуру как взаимосвязанные и взаимодействующие. В этом случае культура считается неотъемлемым аспектом социальной жизни на уровнях когнитивного и эмоционального индивидуального опыта, действий, общественных отношений, институциональных структур. Их связи приобретают характер процесса, получающего историческое измерение. В то же время каждая из сторон сохраняет, по крайней мере потенциально, определенную степень «собственной» вариативности и относительной «динамической автономии».

¹ Alexander J. Op. cit. P. 18.

Однако, несмотря на такие изменения, здесь сохраняется приоритетность социально-структурного измерения общественной жизни. Культуре придается значение частных исторических эпистем и анализируются их возможности определять, ранжировать, репрезентировать и исключать определенные представления об устройстве общества. Соответственно вопросам о происхождении, контекстах существования и трансформации культурных феноменов не уделяется специального внимания.

Определение культуры в связи с социальной практикой. Брамках культурно ориентированных социологических исследований, связанных с концепцией коллективного действия и близких к марксизму (Ч. Гилли, Р. Аминзаде, К. Калхаун, Р. Уильямс и др.), используется свое определение культуры. Оно приобретает своеобразие по мере того, как здесь все больше внимания уделяется актерам, стоящим за социальными институтами. В этом случае в содержание понятия помимо структур символических форм, кодов и схем или идеологических систем включаются разделяемые значения, идентичности и цели. Таким образом, культура понимается как «...пространство практик сигнификации, семантическая основа для попыток людей выстроить и репрезентировать себя и других... это не просто набор посланий, репертуар знаков, проецируемых на нейтральный ментальный экран. У нее есть как форма, так и содержание; она порождается как действием, так и мыслью; представляет собой продукт как человеческой креативности, так и мимезиса, и прежде всего она основывается на побуждающих силах (empowered). Но не вся и не все время»¹.

Связь с концепцией общественной практики в социально-институциональном контексте (формальные организации или локальные сообщества) придает понятию динамический вид «становления» в более длительные или короткие периоды времени. Построенное таким образом, оно указывает на область феноменов, подвижных и детерминированных более фундаментальными факторами. В качестве таковых принимаются институциональные медиаторы между обществом и культурой. Однако речь идет главным образом о влиянии экономических, политических структур, масс-медиа на социальные практики, а не наоборот. Кроме того, их культурному содержанию не уделяется специального внимания.

Такое размещение культуры в социальном контексте предполагает ее пространственную и временную спецификацию, тем более, что акцент в объяснении ставится на общественную практику акторов различного масштаба. В рамках социологии уже давно существует дифференциация социальных структур по этому при-

¹ Comaroff J. and Comaroff J. Of Revelation and Revolution. Christianity, Colonialism? And Consciousness in South Africa. Vol. 1. Chicago: University of Chicago Press, 1991. P. 21-22.

знаку с выделением разного рода общностей и групп. Они различаются по составу и культурным особенностям и в этом аспекте обозначаются как субкультуры. Имеется в виду, что каждому такому социальному образованию соответствует специфичные системы и иерархии ценностей, нормы поведения и стиль жизни, отличающие их от других подобных единиц. В качестве оснований для такой дифференциации принимаются следующие:

- территориальное и этническое: региональные, локальные исторически сложившиеся особые обычаи и нравы;
- гендерное: особенности образа жизни, отличающие мужчин от женщин;
- возрастное: специфика образа и стиля жизни, характерная для представителей разных возрастов;
- профессиональное: содержание знаний и навыков, видов деятельности, взаимодействий и коммуникаций, характерное для представителей разных профессий;
- религиозное: содержание верований и религиозных практик, характерных для представителей различных конфессий и деноминаций;
- связанное с нарушением закона: особенности образа и стиля жизни, нравы и обычаи, характерные для криминальной субкультуры.

Понятие субкультуры выделено для того, чтобы характеризовать в первую очередь повседневные практики различных членов общества. Однако, когда речь идет о содержательной стороне артефактов, культурных объектов, принимаются другие основания дифференциации — по степени сложности и социальной значимости содержащейся в них организованной информации. Соответственно выделяются:

- элитарная культура — к ней принято относить наиболее сложные, чаще всего профессиональные формы организации социально значимой информации — философской, научной, художественной; это основной источник культурных инноваций;
- народная — ее составляют социально необходимые формы знаний, верований, эстетических, этических представлений, традиционно существующие как центры организации повседневной жизни;
- популярная — сюда включаются элементы элитарной и народной культуры, которые несут в себе социально значимую информацию и нашли широкое распространение среди членов общества;
- массовая — ее можно определить как наиболее простую, общедоступную, стандартную по содержанию часть культуры; она создается профессионалами, но ориентирована на самую широкую и неподготовленную аудиторию.

С точки зрения социологов культуры, рассматривающих культуру как совокупность общественных практик, такая дифферен-

циация значима. Даже при первостепенном внимании к институциональному аспекту медиации между культурой и обществом необходимо понимать, к кому обращают свои воздействия агенты и какого рода информацию они транслируют.

Определение культуры как детерминанты социальной структуры. Сторонники этой позиции прямо признают, что в своей концептуализации культуры они исходят из идей В. Дильтея. Прежде всего в качестве исходного принимается допущение, что именно человеческий опыт является основным источником смысла как для актора, так и для исследователя. Однако для совместного существования людей необходимо взаимопонимание, что предполагает выход за пределы индивидуального опыта к разделяемым идеям и, в конечном итоге, к структурирующей силе культурных систем, которые, согласно Дильтею, являются внутренними и субъективными. Именно это позволяет его продолжателям в рамках социологии культуры говорить об их конституирующей силе по отношению к социальным структурам.

Культура понимается как пространство символических форм (идеациональных, вещественных, институциональных), которые индивидуальные и коллективные акторы наделяют интересубъективными значениями и смыслами. Один из лидеров этого направления Дж. Александер переопределяет культуру в терминах семиотической теории как внутренний жизненный текст, основанный на культурных кодах, моральных универсалиях, символах, смыслах, дискурсе, как «системы символических кодов, которые специфицируют добро и зло». Эти коды «интернализированы», обеспечивают сильные моральные императивы и сохраняются в течение длительных периодов времени. Базируясь на моральных и эмоциональных основаниях, они оказывают доминирующее влияние на индивидов и группы, упорядочивающих свои отношения с окружением. Соответственно вполне логичным становится утверждение, что культура относительно автономна от социальных структур и может служить объясняющим их принципом¹. Согласно Р. Уатноу и М. Уиттон, это «имплицитная черта социальной жизни... составляющая подлежащие допущения и ожидания, от которых зависит социальное взаимодействие»².

С точки зрения изменения представлений о связи культуры и социальной структуры показательно переопределение последней путем включения понятия «культурных схем». Согласно распространенным в антропологии представлениям, они придают отношениям индивидов с окружением не только форму, но и значение.

¹ См.: *Alexander J. C., Smith Ph.* The discourse of American civil society: a new proposal for cultural studies. *Theory and Society*. 1993. № 22. P. 151 - 207), (P. 196),

² *Wuthnow R., Witten M.* New directions in the study of culture. *Annual Review of Sociology*. 1988. № 14. P. 49-67. P. 50- 51.

В социологической трактовке они побуждают агентов мобилизовать «наборы ресурсов, которые придают силу социальному действию и ограничивают его». Соответственно структура — это «глубоко культурный феномен»¹.

В рамках этого направления считается неправомерным сводить определение культуры только к ее ценностному аспекту, как это принято в пределах социологического мейнстрима. Здесь понятие ограничивается только его институциональными формами. Как отмечает Дж. Александер, «результат имеет весьма иронический характер: понятия, разрабатываемые в рамках ценностного анализа с целью исследования смыслов, в значительной степени зависят от вокабуляра, разработанного для механистического, исключительно социального анализа. Что касается собственно символических феноменов, таких как ритуал, сакрализация, осквернение, метафора, миф, нарратив, метафизика и код, функционалистский анализ может поведать о них весьма немного»². Включая в понятие «культура» все эти формы, что характерно для антропологии, оппоненты структурного функционализма защищают ее толкование как особого измерения общественной жизни, а не отдельной «сферы» общества. Культура с этой точки зрения как минимум относительно «автономна» от социальных структур. Это идеальный (идеациональный) «порядок», соответствующий осмысленному действию (Александер), и понятию придается первостепенное значение в связи с тем, что смысл считается его неотъемлемой составляющей. Предполагается, что следование ему происходит скорее добровольно, чем по необходимости, как это происходит при институционально-структурной трактовке социальной реальности. Этому вполне созвучен акцент в определении культуры на «форме поведения как таковой и неопределенных результатах этого поведения»³.

Выделение социальной структуры и культуры как независимых измерений для изучения совместной жизни людей создает аналитическое пространство, позволяющее вписать в социологию культуры французские версии семиотики и постструктурализма. М. Фуко и П. Бурдьё показали, какими путями культурные тексты могут оформлять социальные отношения и использоваться элитами как источник власти. С этой точки зрения наука, техника и знание перестали рассматриваться как бесспорные истины и стали считаться социальными конструктами отдельных социальных групп и инструментами для поддержания их социального статуса

¹ Sewell W.Y. A theory of structure: duality, agency, and transformation. *American Journal of Sociology*. 1992. № 98. P. 1 —29. P. 27.

² Alexander J. *Op. cit.* P. 20 —21.

³ Wutlow R., Witten M. *Communities of Discourse: Ideology and Social Structure in the Reformation, the Enlightenment, and European Socialism*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1989. P. 15.

и социального неравенства. Иными словами, в определении культуры начали сочетаться ее системные и несистемные аспекты, ее интегрирующие и социально разделяющие механизмы.

Сравнение антропологического и социологического определений культуры. Сравнение антропологической и социологической концептуализации культуры позволяет выявить и интерпретировать существующие между ними сходство и различия в использовании понятия в качестве инструмента изучения совместного существования людей. В рамках обеих наук обнаруживается одинаковый набор познавательных функций, соответствующих этому понятию.

Разграничивающая: категория указывает на теоретические значимые различия между обозначаемыми ею и социально-структурными аспектами совместного существования людей:

— культурное понимается как созданное людьми и таким образом противопоставляется природному, т. е. возникающему и существующему независимо от человека;

— под культурой принято понимать содержание совместной жизни людей, соотнося его с формами и структурами ее социальной организации;

— культура считается производной социального взаимодействия; ее составляющие «разделяются» людьми и не сводятся к индивидуально специфичным переживаниям и опыту.

Дифференцирующая: в содержании понятия культуры отчетливо обозначаются следующие предметные области:

— вещественные объекты (нередко обозначаемые как «материальная культура»);

— идеи и образы, выраженные и репрезентированные в символической форме (согласно П. Сорокину, «идеациональная», а в российском философском лексиконе «духовная» культура);

— технологии как содержание деятельности, взаимодействия и способы их организации;

— нормы и правила регулирования социальных отношений;

— оценочные критерии, применяемые при ранжировании искусственных объектов (артефактов), превращающие их в «ценности».

Иными словами, понятие культуры предполагает неоднородность соответствующей предметной области. Поэтому при исследованиях важно указывать, о какой из ее составляющих идет речь.

Интегративная: понятие объединяет наборы единиц (артефактов), созданных в различных предметных областях, в определенные устойчивые интересубъективные целостности. В антропологии они обозначаются как «культурные темы», «культурные черты», «культурные конфигурации»; совместно с социологией используются термины «культурные паттерны», «субкультуры», «ценности» и т. п.

Идентифицирующая: понятие может использоваться либо в абстрактном смысле, либо для обозначения содержательных особенностей различных социальных образований (социально-государственных, историко-региональных, этнических, субкультурных и т. п.). В первом случае область изучения идентифицируется в терминах теоретического направления ее изучения (структурно-функционального, семиотического, макро- или микродинамического и т. п.). Во втором — объекты исследования идентифицируются по общим для них содержательным характеристикам (формационным, субкультурным, языковым, мировоззренческим и т. п.).

Сравнительная: понятие используется для определения сходств и различий социальных единиц разных масштабов (от малых групп до общественно-экономических формаций) в историческом и современном контекстах. В качестве аналитических систем соотнесения при сравнении обычно принимаются:

- мировая культура, или «панкультура», с которой сравнивается отдельная культура для выявления ее специфики;
- отдельная культура, с которой сравниваются другие для выявления их сходств и различий;
- отдельная культура, с которой сравниваются составляющие ее субкультуры для определения ее внутренней дифференциации;
- отдельные специализированные области или черты культуры, сравниваемые по их состояниям во времени для выявления формы их изменения (рост, развитие, диффузия, дезинтеграция и т. п.).

Рефлексивное использование понятия в рамках социологии культуры ограждает исследователя от абсолютизации любого из его значений, помогает ему успешно придерживаться позиции релятивизма при изучении социокультурной реальности, т. е. избегать как социально-структурного, так и символического редукционизма.

В рамках обеих наук понятие используется для решения сходных познавательных задач. Прежде всего следует подчеркнуть, что специальное внимание уделяется содержательной или качественной стороне совместного существования людей. Причем оно используется в значении самостоятельной переменной, равноправной в соотнесении с социально-структурной. В этом случае объекты исследования, единицы анализа и наблюдения должны отвечать следующим требованиям:

- созданность людьми (антропогенность), искусственность;
- интересубъективность, разделяемость;
- фиксированность в вещественной или символической форме.

В совокупности эти показатели позволяют идентифицировать феномен как относящийся к культуре, или культурный. Он определяется так, что обязательно становится наблюдаемым и локализуемым в социокультурном пространстве и времени.

Благодаря выделенности культуры в качестве аналитического измерения, дополняющего социально-структурное, в рамках социологии культуры в сфере исследовательского внимания оказываются классы познавательных задач, ранее оставшиеся за ее пределами:

— систематическое наблюдение сходств и различий в социальных практиках и их продуктах, в образе жизни людей; их интерпретация и объяснение;

— выделение социокультурных групп с точки зрения ориентации на поддержание или изменение социальных порядков; объяснение причин такой направленности;

— изучение и объяснение соотношения устойчивых и изменчивых характеристик социальной жизни в макро- и микроисторическом масштабах времени.

Решение этих классов теоретических задач позволяет использовать полученное знание в прикладных целях:

— понимание причин и характер сходств и различий в поведении и представлениях людей, принадлежащих к разным культурам, облегчает практику межкультурных взаимодействий и коммуникаций на любых уровнях;

— понимание источников и форм социокультурной динамики облегчает определение общественно значимых проблем и обуславливающих их факторов в рамках различных социальных единиц; это обеспечивает надежные теоретические основания для разработки и реализации разного рода программ и проектов на уровнях государства и гражданского общества;

— понимание причин культурных сходств и различий и их последствий для отношений между людьми на микроисторической шкале времени открывает широкие возможности для разработки способов помощи людям при адаптации в сложном и изменчивом социокультурном окружении.

Таким образом, понятие «культура» в рамках социологии культуры становится важным познавательным инструментом для решения не только теоретических, но и прикладных задач.

Контрольные вопросы

1. Определение понятия «культура» в антропологии.
2. Определение понятия «культура» в современной социологии культуры.
3. Сходства и различия в понимании культуры в антропологии и социологии.
4. Целесообразность взаимного дополнения трактовок понятия «культура» в социологии и антропологии.

И Глава 2. Социологическая трактовка социальной реальности

Следует подчеркнуть, что все рассуждения о социальной реальности в рамках социологии свидетельствуют о том, что здесь в явном виде признается или подразумевается необходимость обращения к культурному измерению совместного существования людей. Если в радикальных постмодернистских теориях основное внимание уделяется его неопределенным, неоформленным, подвижным аспектам, то в социологических — в силу характера самой этой науки — при этом признается наличие определенных разделяемых порядков. Соответственно изменчивость рассматривается в соотношении с устойчивыми образованиями, бесформенность — со структурами, неопределенность — с конвенциональными установлениями. Это обусловлено исходным допущением о социальной природе человека и его теоретическим развертыванием в концепциях взаимодействия и коммуникации.

Допущение о социальной природе человека и его теоретические следствия. Представление о социальной реальности как порождении взаимодействий и коммуникаций людей присутствует во всех классических социологических работах. Об этом свидетельствуют концепции механической и органической солидарности Э. Дюркгейма, общества и общины Ф. Тенниса. Согласно Ч. Кули, люди приобретают социальные качества «посредством простых форм интимного взаимодействия, или первичных групп, особенно семейных и соседских, которые существуют везде и воздействуют на индивида всегда одинаково»¹. Дж.Г. Мид утверждал, что общество и индивидуальное сознание формируются в сетях взаимодействий людей.

Позже к обсуждению социальности обратились П. Бергер и Т. Аукман. Согласно их концепции, жизненный мир людей активно, хотя зачастую неосознаваемо, конструируется ими самими в процессах взаимодействий и коммуникаций. В социетально-институциональных формах такая реальность воспринимается как существующая изначально и объективно. Однако, как утверждают авторы и их последователи, это всего лишь следствие повседневного воспроизведения приемлемых для людей интерактивных форм. Эта сторона вопроса подробно рассматривается в работах И. Гоффмана. В своем анализе социального конструирования реальности на микроуровне он обращается к привычным ситуациям социальных взаимодействий и выявляет механизмы их воспроизведения в следовании разделяемым представлениям о соответствующих формах поведения и «презентации себя другим». Он показал, что эти процессы и механизмы актуализуются постоянно

¹ Cooley Ch. Human Nature and the Social Order. N. Y., 1964. P. 32.

в контекстах различных повседневных контактов и отношений. Г. Гарфинкель, обобщая результаты этнометодологических экспериментов, пришел к выводу, что отклонение поведения от ожидаемого в стандартных интерактивных ситуациях вызывают у участников смущение, недоумение и даже агрессию. В итоге он доказал наличие неосознаваемых норм социального взаимодействия, привычно воспроизводимых и тем самым поддерживающих повседневный жизненный мир людей.

Все эти теоретические представления стали предпосылками для разработки более поздних построений, которые можно отнести к концептуализации социальной реальности. В этом отношении показательно обращение Э. Гидденса к понятию «интеграция» и его переосмысление. Оно более не связано с такими коннотациями, как сплоченность и консенсус, но означает упорядоченное взаимодействие между акторами разного масштаба. Причем подразумевается, что в таком теоретическом контексте каждый характеризуется как зависимостью от других, так и собственной автономностью.

Социальную интеграцию можно рассматривать как фундаментальный уровень построения любых форм совместного существования людей, поскольку речь идет о межличностных интеракциях, о взаимосотнесенности практик. Значимым в этом случае становится соприсутствие акторов, их взаимодействие «здесь и сейчас» и «лицом к лицу». На этом уровне зарождается и складывается то, что Гидденс обозначает термином «системная интеграция», означающим совокупности нормативных предписаний и соответствующих санкций. Будучи сформированными, социальные системы поддерживаются за счет рутинного воспроизведения такого рода образований, приобретающих в силу прагматических причин устойчивый характер.

Но Гидденс в своих рассуждениях идет дальше по сравнению с этими, казалось бы, вполне классическими социологическими суждениями. Во-первых, разделение понятий социальной и системной интеграции приводит к выводу, что механизмы, определяющие взаимодействие и коммуникацию в ситуациях соприсутствия, отличаются от тех, что определяют отношения между социальными системами, которые, в терминах постмодерна, можно назвать «отсутствующими» (в физическом смысле). Во-вторых, идеальнотипическое представление о рекурсивности (самовоспроизводимости) социальной системы дополняется допущением о возможности возникновения непреднамеренных последствий функционирования ее частей, по определению относительно автономных друг от друга. Соответственно открывается новая проблемная область, связанная с выявлением процессов и механизмов взаимных влияний присутствующих социальных интеграций и «отсутствующих» социальных систем.

Упорядоченность социальной реальности. Соответственно в отличие от постмодернистских представлений о социальной реальности как изначальной неопределенности социологи прямо или косвенно признают фундаментальную значимость ее упорядоченности. Даже если речь идет о ее изменчивости и связанности с разнонаправленностью человеческих побуждений. По словам П. Бурдьё, «социальный мир нельзя считать полным хаосом, образующимся произвольно и вполне свободным от проявлений необходимости, раз в нем через габитус, индивидуальные установки и вкусы прослеживается соответствие между социальной позицией субъекта и его манерой поведения, склонностями и убеждениями. Но социальный мир лишен и жесткой структурированности, так же как и способности подчинить каждого воспринимающего субъекта принципам своего построения»¹. Скорее, по мнению Бурдьё, речь идет о сети невидимых связей между внешними (по Гидденсу, автономными) по (шюшению друг к другу позициями. Каждая из них может располагаться ближе или дальше от других, выше или ниже них, занимать промежуточное или срединное положение. Иными словами, все, что происходит в отношениях людей с окружением в новых для них обстоятельствах, в неосвоенных его областях, в неопределенных ситуациях, не хаотично. Люди так или иначе соотносят совместную активность с существующими порядками, которые зафиксированы либо в вещественных артефактах, либо в используемом языке.

Особым вниманием к концепции социальной реальности отличается сравнительно недавно сложившееся междисциплинарное течение, которое называется коммунитаризмом. Его сторонники не просто исходят из общего представления о социальной обусловленности индивидуальных действий и познания. Для них характерно более конкретное исследование тех форм, каналов, механизмов, благодаря которым совместная активность воздействует на индивидов и в свою очередь получает от них импульсы для консолидации или изменения. В этих рамках критическому анализу были с современных позиций подвергнуты абстрактные понятия философии, психологии, социологии, относящиеся к индивидуальному субъекту. Исследователи вновь обратились к теме *community* (*Gemeinschaft*) — сообщества. Именно сообщества, характеризующиеся, по Гидденсу соприсутствием «здесь и сейчас», в многообразии их форм (а не абстрактно в'зятое общество как таковое) были признаны социальной реальностью, тем контекстом, который порождается людьми в их непосредственных взаимодействиях и коммуникациях и в пределах которого они обретают свою социальную и индивидуальную идентичность².

¹ Бурдьё П. Пространство и символическая власть, www.politizdat.ru/article/22

² См.: Рор та. Р. Обретая нашу страну: политика левых в Америке в XX веке. М.: Дом интеллектуальной книги, 1998.

Итак, все представленные концептуализации социальной реальности содержат представление о том, что она порождается совместной активностью людей, однако не беспорядочной и постоянно заново возобновляющейся, но определенным образом организованной. Ее упорядоченность обусловлена тем, что в ходе взаимодействий и коммуникаций люди конвенционально принимают некоторые взаимосвязи, последовательности действий, ситуации как устойчивые и повторяющиеся и фиксируют их в общепринятых разделяемых (культурных) формах. Именно эту тему разворачивает Э. Гидденс в своей концепции структуриации. Он полагает, что формообразующие, или структурные, качества системы представляют собой как результат, так и регулятор практик, используемых людьми в процессах взаимодействий и коммуникаций. Иными словами, совместная активность людей в таком понимании представлена двумя сторонами — структурой и участием (действием), — которые связаны между собой регулярными социальными практиками. Этому последнему понятию Гидденс придает особое значение, поскольку полагает, что оно указывает и на субстанцию социальной жизни, и на способы ее производства, ее структурирования.

Согласно Гидденсу, структуру в контексте интеракций не следует считать только источником принуждения: она как ограничивает активность, так и создает возможность для ее упорядоченного осуществления. «Каждое действие — производство чего-то нового, новое действие; но в то же время каждое действие существует в его продолженности из прошлого, предоставляющего средства для его начала. Таким образом, структуру не следует понимать в качестве препятствия на пути действия; она — всегда присутствующее значимое условие производства любого действия, в том числе и фундаментальных социальных изменений...»¹ Результатом «структуриации» как процесса организации и воспроизведения социальной системы в ходе интеракций становятся соответствующие правила и ресурсы. Они не только составляют средства поддержания упорядоченной активности в границах системной целостности, но и сами реконструируются в этих пределах. Структура в такой интерпретации представляет собой «способ, посредством которого отношение между моментом и целостностью выражается в социальном воспроизводстве»². Таким образом, она располагается не «вне» участников социальных процессов (как в структурализме), и не «внутри» них (как предполагает Гидденс), но «между» ними. Это теоретическая производная взаимодействий и коммуникаций, intersubъективное образование, «существующее» в их контексте и придающее дискретным эпизодам совместной активности людей форму непрерывного процесса.

¹ Giddens A. The Constitution of Society Outline of the Theory of Structuration. Cambridge. Polity Press, 1984. P. 70.

²Ibid. P. 71.

Содержательный аспект социальных порядков. В рамках социологии

социальная реальность представлена не только в ее структурном, но и в содержательном аспекте. основополагающим научным направлением в этом отношении можно считать символический интеракционизм, родоначальником которого был Дж.Г. Мид. В рамках его теории основанием социальной реальности становится взаимодействие (интеракция). Средством его поддержания, обеспечивающим взаимные обмены стимулами и реакциями между участниками, считаются индивидуальные действия, или жесты. Согласно Миду, — это начальные импульсы взаимодействия, за которыми кроются определенные означаемые (референты). Они конвенциональны по природе, разделяемы, т. е. их значения одинаково воспринимаются участниками и вызывают у них сходные ответы. Иными словами, жест — это не столько физический, сколько символический феномен, язык, которому принадлежит важнейшая конституирующая роль и в поддержании интеракции, и в социализации индивидов.

Позже содержательная сторона общественной жизни нашла отражение в целом ряде социологических работ. Так, концепция обмена перспективами между участниками взаимодействия у А. Шютца подразумевала, что они связаны не только функционально. Каждый должен также уметь поставить себя на место другого и увидеть ситуацию «его глазами». П. Бергер и Т. Лукман в книге «Социальное конструирование реальности» основное внимание уделяют познавательной активности людей. Социальная реальность рассматривается не только как источник импульсов к познанию и его предметная область. Авторы указывают на нее как на конструктивное начало в самом порождении и поддержании социального мира. И. Гоффман акцентирует значимость символических репрезентаций во взаимодействиях и коммуникациях людей. Он подчеркивает их значение как механизмов не только поддержания интеракционных ситуаций и процессов, но и перехода от одних сценариев взаимодействия к другим. Влияние содержательных аспектов поведения на характер отношений между людьми продемонстрировал Г. Гарфинкель. В рамках этнометодологических конструкций он показал, что в контексте повседневной жизни люди руководствуются не только структурными, но и символическими составляющими тех стандартных ситуаций, в которых они оказываются. Более того, сами ситуации распознаются по «языку» поведения, который люди используют как взаимоприемлемый и считают соответствующим типичным обстоятельствам.

В обобщенном виде представление о значимости содержательного аспекта социальной реальности Г. Блумер выразил так: «Люди живут в мире, состоящем из объектов, которым соответствуют определенные значения, а не в окружении стимулов и самооргани-

зующихся сущностей. Этот мир имеет социальное происхождение, поскольку значения порождаются в ходе интеракций. В различных группах складываются свои миры, которые меняются при изменении значений их компонент. Люди в своей активности склонны ориентироваться на значения объектов, с которыми имеют дело. Поэтому по ним можно судить об истинном смысле организации действий. Для того чтобы идентифицировать и понять жизнь группы, следует определить, какие объекты они используют и в каких значениях. В конце концов, люди не слиты со своими объектами, могут прекратить оперировать ими и направить свое поведение в другое русло. И это становится источником трансформации групповой жизни»¹.

Сказанное свидетельствует о том, что первостепенное значение, которое придавалось — и придается —■ в социологии формам и структурам совместного существования людей, не означает полного невнимания к содержательной его стороне. Символы, познавательные единицы, способы репрезентации, значения и смыслы, которые люди порождают и используют в процессах взаимодействий и коммуникаций привлекали внимание исследователей как заметные составляющие этих процессов. Однако они до сравнительно недавнего времени не были предметом специального изучения. И еще одно обстоятельство заслуживает внимания. Дело в том, что в рамках социологии понятие функции было и остается ключевым при анализе общественной жизни как на макро-, так и на микроуровне. Его используют главным образом для того, чтобы выявить совокупности задач, которые следует решать для поддержания социальной системы как целого, и таких связей между действиями составляющих ее людей, которые координируют совместную активность в соответствии с принципом дополнительности. Что касается их содержательной стороны, то, начиная с классических работ Б. Малиновского и А. Рэдклифф-Брауна, речь идет о действиях, направленных на удовлетворение индивидуальных запросов, с одной стороны, и на поддержание социального целого — с другой.

Однако значение этого понятия, как следует из многочисленных контекстов его употребления, не ограничивается только этим содержательным аспектом. В социологических теоретических работах нередко встречаются указания на то, что одни и те же функции — производственные, регулирующие, социализирующие и т. п. — могут выполняться различными способами. Иными словами, сохраняя свою значимость в контексте социальной системы, они могут различаться по характеру составляющих действий и их последовательностей. Так, процессы производства могут быть в большей или меньшей степени рациональными, интенсивными,

эффективными, а не только внутренне связными и нормативно регулируемы. Управление при одном и том же режиме — например, авторитарном — может реализоваться в соответствии с разными стилями — например, авторитарным или патерналистским. Образование как составляющая социализации может ориентироваться на формирование квалифицированного специалиста или просвещенного гражданина. Причем в одних случаях такого рода содержательные направленности могут дублироваться коммуникацией в соответствующих вербальных или каких-то иных символизациях, а в других — оставаться зафиксированными только на уровне конкретных практик. Соответственно есть все основания утверждать, что функции в их социально-формальном качестве имеют также и культурные значения.

Сведение содержания социальной жизни только к коммуникативным процессам в рамках социологии было обусловлено следующими важными факторами. Во-первых, известно, что на протяжении почти всего XX в. социальные науки находились под сильным влиянием лингвистической философии и исследований языка в его структурных и семантических аспектах. Соответственно наиболее изученной оказалась символическая область социокультурной реальности. Во-вторых, широкое распространение средств массовой коммуникации и появление понятия «информационное общество» вызвали интерес социологов к структурам и содержанию сообщений, транслируемых с помощью электронных каналов.

Особенно популярной тема коммуникации стала в 60 — 70-х годах XX в. Критической переоценке подверглись идеи Канта, Гуссерля, Пирса, Хайдеггера, Витгенштейна, Мида. Было отмечено, что в их трактовках связей людей с окружением приоритетом наделялось рациональное, теоретическое познание и недооценивалась роль практического разума в конституировании жизненного мира людей. Критики подчеркивали, что в рамках философских и социальных теорий модерна основное внимание уделялось идеально-типическим моделям коммуникации преимущественно институционального порядка и мало изучались реальные обыденные практики обмена информацией. Знаковыми событиями в этой области стали теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса и коммуникативная теория общества Н. Аумана. Их убедительные построения определяют сегодняшний климат в изучении содержания социальной жизни, однако нерешенными продолжают оставаться вопросы о его различиях на уровнях взаимодействий и коммуникаций.

Эта тема остается предметом дискуссий — то затихающих, то возобновляющихся — начиная с момента, когда различие между означаемым и означающим было осознано как проблема, которая, кстати, не решена до сих пор. В свое время еще Ф. де Соссюр указывал на различие между значениями слова и того, что им обо-

значается на уровне социальной реальности. Связи, объединяющие эти два уровня, конвенциональны. Значения слов, согласно Соссюру, обусловлено главным образом сходствами и различиями между словами, знаками, способами связей между ними, принятыми в лингвистических системах. Их изменения определяются характерными для них закономерностями и могут быть поняты в сопоставлении с их прошлыми состояниями. Здесь не следует искать прямых отображений социальных процессов.

Соссюр распространяет это различие между социальными практиками и использованием языка на все общественные институты и активность, осуществляемую в их рамках. С этой точки зрения лингвистика есть лишь частный случай семиотики как более общей науки о знаках и не может быть единственным способом изучения общественных отношений. Каждому социальному взаимодействию соответствует целый ряд знаковых систем, и лингвистическая — лишь одна из них. Соответственно значения и смыслы событий и процессов, осуществляющихся в обществе, следует выводить из их собственных кодов, которые сегодня мало изучены.

В последнее время специальное внимание различению между социальным взаимодействием и его символической репрезентацией (коммуникацией) уделяет Э. Гидденс. Следуя идеям интерпретативной теории К. Гирца, он предостерегает от смешения представлений о «следовании правилу» на уровне действия и «интерпретации правила» в коммуникативном процессе. Практический опыт, приобретающий форму в контексте «повседневных типизаций», предполагает овладение «правилами осуществления действий». Их использование в различных ситуациях вовсе не означает необходимость и умение их вербального формулирования. Последнее представляет собой интерпретацию, которая, согласно Гидденсу, расходится с практическим применением правила и следование которой может изменить содержание реального действия.

Гидденс подчеркивает, что управляемые правилами практики не означают консервации ситуаций интеракции. Они обеспечивают не только воспроизведение и модификацию соответствующих правил в стандартной ситуации, но и изменение ее самой. Структурирующее качество правил можно наблюдать в процессах формирования, преобразования и разрушения ситуаций взаимодействия. В контексте рутинного воспроизведения интеракций они тесно переплетены с допустимыми вариациями совместной активности и потому почти не идентифицируются. Тем более их реальное действие не улавливается на дискурсивном уровне, если агент или наблюдатель не имеет соответствующего практического опыта¹.

Итак, сказанное позволяет сделать вывод, что организованная совместная активность людей предполагает навыки взаимодействия и коммуникации, которые не изоморфны друг другу. Когда между ними существует взаимная поддержка, у участников взаимодействия складывается чувство взаимного «базисного доверия», обеспечивающее им так называемую онтологическую безопасность. Она, согласно Гидденсу, характеризуется непротиворечивым сочетанием практических и когнитивных компонент:

- рутинные практики повседневного совместного существования людей, не требующие рефлексии;
- интересубъективность, принимаемая как данная, самоожесточенная и непрерывная реальность;
- осознание человеком конечности своего существования в мире;
- самоидентичность, самоожесточенность Я, которая поддерживается на рефлексивном уровне¹.

Из всего сказанного следует, что в рамках социологии содержание совместной жизни людей — а именно это подразумевается здесь под понятием культуры — отнюдь не сводится только к символическому, дискурсивному ее аспекту. На это указывает Э. Гидденс, обращаясь к работе А. Витгенштейна «Философские исследования». Здесь подчеркивается, что язык сосуществует с тем, что невысказано, и не исчерпывает нелингвистического, повседневного, обыденного содержания общественной практики. Характерные для нее значения определяют значения языковых выражений, но не охраничиваются ими. Сам язык оказывается дифференцированным в соответствии со спецификами областей совместной активности людей. Соответственно, хотя оба аспекта социальной реальности — интерактивный и коммуникативный — связаны между собой, они в то же время относительно автономны, не тождественны друг другу, меняются в соответствии с собственными закономерностями. Более того, вопрос о том, когда между ними существуют или отсутствуют взаимопереходы, до сих пор остается нерешенным.

Контрольные вопросы

1. Понятие социальной реальности в социологии.
2. Социальные аспекты упорядоченности социальной реальности.
3. Культурные аспекты упорядоченности социальной реальности.
4. Причины отказа от идеи целостности и единства социокультурной реальности.

¹ Гидденс Э. Модерн и идентичность // Современная теоретическая социология: Энтони Гидденс. Реферативный сборник. Серия «Социология». М.: ИНИОН РАН, 1995. С. 101.

■ Глава 3. Концепция социального пространства в современной социологии

Сказанное выше позволяет сделать вывод, что представления о социальной реальности, сложившиеся к настоящему времени в социологии, подразумевают ее определенную упорядоченность. Речь идет о том, что люди совместно организуют свое окружение и отношения в его пределах, что они осваивают и меняют жизненный мир, что они живут и действуют в разнородных социальных средах. В то же время без четкого ответа остается один генеральный и сегодня особенно важный вопрос. «Кого бы мы ни упоминали, какие бы трансформации ни происходили в понимании центрального вопроса социологии, как бы ни различались между собой представления о задачах науки и реальная практика науки как предприятия, — пишет А.Ф. Филиппов, — среди бесконечных „что?“ и „как?“ мы не находим вопроса „где?“. Социология, может быть, и не равнодушна к тому, где находится то, что она изучает, но она не видит в этом „где“ центральной теоретической проблемы. В числе приоритетных областей социологии нет социологии пространства»¹.

Необходимость рассматривать социальную реальность в пространственных терминах подразумевалась в социологии практически все время, пока эта наука существует. Такие общепринятые понятия, как социальная позиция, стратификация, социальные связи, структура, а сегодня — социальные сети, социальная дистанция, глобализация, коммуникация в широком понимании слова — все они заключают в себе пространственные коннотации. Более того, существуют и определенные концептуализации социального пространства.

Известную иллюзию относительной изученности этой темы порождает наличие такого научного направления, как социальная география. Однако в этом случае речь идет о физическом распределении различных типов поселений, о плотности популяций в их рамках, о географических перемещениях совокупностей людей, о представлениях, связанных со средами обитания. Специфичность именно социального пространства, намеки на которое можно найти в любом социологическом теоретическом построении, остается невыявленной.

Тем не менее и в классических, и в современных работах можно найти и обобщить совокупность исходных теоретических предпосылок, достаточных для построения этого концепта, если рассматривать такую работу как не самодовлеющую цель, но основу для изучения социокультурной микродинамики. В этом случае соответствующая модель конструируется таким образом, чтобы

сделать наблюдаемыми локусы порождения изменений и консервирования устойчивых образований в контекстах взаимодействий и коммуникаций людей, возникновения социально значимых событий и распространения их последствий, начал и завершений социокультурных процессов.

Теоретическоеоснованияконцепциисоциального пространства. А.Ф. Филиппов показал ключевую роль Г. Зиммеля, который разрабатывал тему социального пространства еще в начале XX в. и высказал основополагающие теоретические идеи, которые и теперь не утратили познавательной и конструктивной значимости.

Социальное пространство не тождественно физическому. Хотя Зиммель и признавал значимость физических расположений и дистанций людей относительно друг друга, он отмечал, что социальное пространство не ограничивается только ими. «Не форма пространственной близости или дистанции создает особые явления соседства или чуждости... Не пространство, но совершаемое душой членение и сопряжение его частей имеет общественное значение»¹.

Социальное пространство порождается и поддерживается взаимодействием людей с окружением. Понятию «взаимодействие» Зиммель придавал фундаментальное значение, полагая, что «все находится со всем в каком-либо взаимодействии»². Соответственно вещи и люди приобретают свой смысл в контексте взаимных отношений, и в такой обуюдности проявляется их бытие друг для друга. Исходя из этих положений он делал вывод, что формы социального пространства определяются взаимодействием людей, составляющих общество. А их цели, интересы, психические состояния представляют собой содержательную сторону таких форм. Собственная логика социального пространства заключается, согласно Зиммелю, в том, что отношение между характеризующими его дистанциями, размерами, способами размещения вещей и людей, с одной стороны, и содержанием, которое придается им в процессах взаимодействий и коммуникаций — с другой, отнюдь не случайно. Пространство порождается совместной активностью людей и «оформляется обобществлением» (иначе говоря, определено конвенционально). Но в силу этого оно само становится источником факторов, детерминирующих совместное существование людей.

Неоднородность социального пространства. В своих взаимодействиях люди могут «заселять» и «востребовать» пространство, а возможность территориальной и социальной мобильности обусловливает его дифференциацию. В лекциях о Канте Зиммель под-

¹ *Simmel G. Sociologie. Untersuchungen uder die Formen der Vergesellschaftung // Georg Simmel. Gesamtausgabe. Bd. 11. 1992. Frankfurt a. M.: Suhrkamp. S. 687 — 688.* (Здесь и далее цитаты из работ Зиммеля заимствованы из статьи А.Ф. Филиппова. Цит. раб.)

Simmel G. Uber sociale Differenzierung // Simmel G. Gesamtausgabe. Bd. 2. 1989. Frankfurt a. M.: Suhrkamp. S. 130.

верг критике представление о нем как об «одном-единственном» абсолютном «вместилище». Он подчеркивал, что всем отдельным пространственным образованиям свойственна уникальность, которая проявляется в специфике заполняющих их предметов. Это определяет такую их дифференциальную единицу, как место. Именно здесь особым образом сочетаются элементы, которые в остальном остаются независимыми друг от друга. Место (локус) представляет собой центр кристаллизации конкретных социальных связей, приобретающих смыслы, значения и определенность только в этих пространственных координатах.

Дифференцированность социального пространства. Каждое из пространственных образований приобретает качественную определенность не только из-за характерных для него связей между людьми и вещами, но и благодаря наличию границ, отделяющих его от других. У Зиммеля речь идет не о физическом понятии с априорно социальным значением. Это «социологический факт, который принимает пространственную форму... Хотя эта линия всего лишь обозначает различие отношения между элементами одной сферы между собой и элементами этой сферы и другой, она... подобна физической силе, которая излучает отталкивания в обе стороны, втискиваясь между обеими [сферами]»¹.

Если извне граница служит для того, чтобы отличать одно социальное пространство от другого, то внутри каждого она устанавливает пределы для концентрации взаимодействия как самоидентифицированного. Речь идет о поддержании, закреплении внутреннего порядка, которые проявляются, согласно Зиммелю, в двух видах. С одной стороны, это может быть требование непосредственного присутствия участников в каком-то месте. С другой — может сложиться социальное образование, которое он обозначает метафорой «дом», под которой понимает определенное идейное единение людей.

Эти положения, разработанные Зиммелем, вполне правомерно считать исходными теоретическими основаниями, определившими направление в изучении социального пространства. Они в принципе остались неизменными в последующем его изучении. Каждое из них в дальнейшем породило свою область концептуализации, связанную с уточнением понятийного аппарата, выявлением механизмов поддержания устойчивости и изменений соответствующих феноменов, размышлениями о познавательной значимости этих опорных допущений в контексте темы в целом.

Современные социологические трактовки социального пространства. Следует подчеркнуть, что заметный интерес к изучению социального пространства возобновился сравнительно недавно, примерно в конце 1980-х — начале 1990-х гг. В предыду-

ший период тема разрабатывалась отдельными исследователями фрагментарно и оставалась на периферии социологического мейн-стрима. В настоящее время это теоретическое направление приобретает все большую систематизированность и познавательную значимость. Состояние его разработанности можно оценить в соотвествии с выделенными выше исходными допущениями.

Специфичность социального пространства по сравнению с физическим. В настоящее время все, кто занимается этой темой, подчеркивают необходимость различать эти понятия как относящиеся к различным модусам реальности. Социальное пространство, как уже отмечалось, характеризует упорядоченность социальной реальности, представленную как:

— освоенная часть природного окружения, выделенная искусственными преобразованиями естественных объектов, артефактами (культурными объектами), социальной структурой (соотношение институтов), конфигурацией социальных групп и слоев (социальная стратификация). Эта трактовка характерна для социальной философии и общесоциологических теорий;

— систематизированные (устойчивые, повторяющиеся, организованные) пересечения связей между институциональными позициями, характеризующимися определенными полномочиями и средствами социального контроля (институциональное измерение, представленное в работах П. Бурдьё, М. Фуко);

— социальное расслоение, зафиксированное в устойчивых распределениях социальных позиций, совокупностей ролей, форм образов и стилей жизни, с одной стороны, и групповых идентичностях — с другой (стратификационное измерение, представленное в теориях социальной стратификации);

— «территориальность» и «резидентное размещение», характеризующие устойчивые связи людей с местами поселения (территориальное измерение, отмеченное Т. Парсонсом);

— сеть событий в определенный момент времени (распределение результатов социальных взаимодействий и коммуникаций, согласно пониманию П. Штомпки);

— совокупность индивидов и групп, объединенных устойчивыми социальными связями;

— микросоциальные анклав, определяемые двумя планами — передним, регулируемым социальными нормами, и задним, вненормативным (выделение институционального, официального и частного измерений у И. Гоффмана).

Наиболее обобщенное и в то же время достаточно компактное определение социального пространства принадлежит А. Лефевру: это «не единичная вещь или продукт из многих; оно включает в себя вещи — продукты и отношения (относительного) порядка и/или (относительного) беспорядка, которые возникают между ними

при синхронном сосуществовании. Оно — результат последовательности или комплекса операций, но несводимо к простому объекту. В нем нет ничего от фикции, ирреальности или «идеальности», сравнимых с теми, что присущи знаку, репрезентации, идее или сновидению. Являясь результатом действий, совершенных в прошлом, оно само позволяет действиям происходить, побуждает или запрещает их... Социальное пространство включает в себя многообразие знаний... [В нем] содержатся разнообразные природные и социальные объекты, сети и пути, которые облегчают движение материальных вещей и информации»¹.

Итак, социальное пространство — это не простоместище событий, но параметры, измерения, компоненты совместного существования людей, которые формируются в их взаимодействиях и коммуникациях и в то же время детерминируют эти процессы. В качестве такового понятие дополняет представление о связях человека с природным окружением, выделяя из него и одновременно включая в него человеческий жизненный мир.

Социальное пространство как производная взаимодействий и коммуникаций людей. Как уже отмечалось, в рамках теоретической социологии социальное пространство рассматривается как производная и как контекст интеракций, необходимых для адаптации людей в окружении. Процессы взаимодействий и коммуникаций дискретны, но отнюдь не всегда заканчиваются результатом, ради которого начинались. Многие из них, например, в области производства, образования, законодательства, науки в соотношении с временем человеческой жизни достаточно долгосрочны. Для того чтобы продолжаться после перерыва, а не возобновляться каждый раз сначала, они должны быть конвенционально организованы и зафиксированы в таком статусе на уровнях стандартных действий и разделяемых символических репрезентаций. Устойчивые совокупности паттернов совместной активности институционализируются (в широком смысле слова), т. е. нормируются и структурируются. Таким образом упорядочивается пространство совместной воспроизводящей активности людей, направленной как на удовлетворение их индивидуальных запросов, так и на поддержание социальных целостностей разного масштаба.

Согласно Э. Гидденсу, подобная «структуриация» взаимодействий и коммуникаций приводит к регионализации, разграничению и содержательной детализации социальной реальности, определяет дистанции между индивидами, группами, институциональными образованиями, формы присутствия людей в социальном пространстве-времени. В то же время эти порождения совместной активности людей детерминируют ее дифференциальные интенцио-

нальность, направленность, упорядоченность, критерии оценки ее эффективности. Повседневные межличностные отношения регулируются, согласно А. Шютцу, привычками и неререфлексируемой интересубъективностью; институционально предписанные функции выполняются согласно специально установленным нормам. На обоих уровнях паттерны интеракций и деятельности, а также способы их комбинирования осваиваются в процессах социализации и используются в рутинных и проблемных социально значимых ситуациях. Именно в таких формах совместной активности можно представить тезис Э. Гидденса о непрерывной «структуриации» социальной реальности и преобразовании ее в соответствующее пространство.

П. Бурдые подчеркивает, что хотя социальное пространство определяется как производная интеракций, эти понятия не следует отождествлять. Субъекты взаимодействий и коммуникаций, отмечает он, «располагаются в социальном пространстве в соответствии, во-первых, с суммарным объемом принадлежащих им различных видов капитала [экономического, культурного, символического], а во-вторых, сообразно с их соотношением (структурой) во всем объеме, [характеризующем общество в целом]»¹. Иными словами, структурные характеристики социального пространства не сводимы к взаимодействиям, которые осуществляются в их рамках².

Разнокачественность социального пространства. Она зафиксирована в приведенных ранее определениях этого понятия и может быть содержательно сведена к следующим основаниям различиям:

— территориальное: разнородны географические условия расселения людей и соответствующие способы социокультурной адаптации (социальная география); различны типы поселений с характерными для них интенсивностью и объемом социальных связей;

— «ментальное»: в социологии признается, что совместное существование людей можно рассматривать в двух основных модальностях — рационализованной, или социетально-институциональной, и базирующейся на «естественных установках» (А. Шютц), или относящейся к «миру повседневности»;

— институциональное: социальные институты различны и несводимы друг к другу в силу неодинаковости выполнения предписанных им функций, необходимых как для удовлетворения индивидуальных запросов, так и для поддержания социальных целостностей. Это положение принимается как данное, начиная с теоретической концептуализации институтов, которой социология обязана работам Б. Малиновского и А. Рэдклифф-Брауна;

¹ Бурдые П. Социальное пространство и символическая власть. Лекция, <http://www.politizdat.ru/article/22/>

² Там же.

— стратификационное: социальные классы и составляющие их слои и группы, согласно всем социологическим теориям стратификации, отличаются друг от друга по целому ряду признаков, таких как общественное положение, социально-институциональный статус, место проживания, образ (уровень, качество, стиль) жизни;

— «ресурсное»: в обществе неравномерно распределение «капиталов» — экономического, социального, культурного, политического, или «символического» (П. Бурдьё), — а также представленность институциональных структур и форм стратификации.

Дифференциальная упорядоченность социального пространства. В рамках социологии принято выделять три основных формы дифференциальной упорядоченности социального пространства. Во-первых, в контексте институционального макросоциологического направления основное внимание уделяется изучению социальной структуры, которая понимается здесь как система иерархических и горизонтальных связей между социетальными институтами. В этом контексте, который теоретически определяется структурным функционализмом, предметную область составляют организационные формы, в которых зафиксированы определенные совокупности нормативно установленных функций, направленных на сохранение общества как целого. Такого рода образования считаются наиболее устойчивыми компонентами социального пространства, и нередко именно они имеются в виду, когда говорят об «обществе в целом». Они устанавливают пределы для возможных вариаций, в которых проявляются формы и содержания интеракций его членов.

Во-вторых, в рамках теории социальной стратификации социальные группы, составляющие общество, рассматриваются с точки зрения специфичных для них статусов, престижа, форм образа жизни. Такие показатели позволяют свести множество объединений людей, которые кажутся разнообразными, в более крупные однородные единицы, такие как слои и классы. Принято размещать их на шкале «высшие — средние — низшие» и по соотношению количества людей, принадлежащих к каждой из ее позиций, судить о форме стратификационного пространства в обществе. Это указывает на социально зафиксированную и санкционированную неравномерность распределения прав и привилегий, обязанностей и ответственности, власти и влияния, ценностей, ресурсов среди его членов. С точки зрения дифференциальной упорядоченности социального пространства важно подчеркнуть, что «любая организованная социальная группа всегда стратифицирована»¹.

Стратификационная дифференциация считается подвижнее институциональной благодаря возможности социальной мобиль-

ности. Ее восходящее направление увеличивает пространство более высоких социальных слоев; нисходящее — более низких.

В-третьих, переход к микросоциологическому анализу обусловил концептуализацию социального пространства в терминах поля и сети. В этом случае социальная реальность представлена ее межличностной модальностью, а предметным полем изучения становятся «жизненный мир» и «повседневность». Соответственно основное внимание уделяется непосредственным связям, привязанностям, зависимостям, обменам между людьми как конституирующим специфичную объединяющую их текстуру, среду. Для такого поля, согласно Э. Гидденсу, характерна непрерывная изменчивость: оно может расширяться и сжиматься, усиливаться и ослабляться, сгущаться и разреживаться, приобретать собственную форму или растворяться в окружении. Для того чтобы представить своего рода внутреннюю форму такого рода полей, используется понятие сети.

Э. Гидденс характеризует ее как объединяющую четыре уровня детерминант, организующих человеческую активность: идеальный, нормативный, интеракционный, ресурсный. Каждый из них характеризуется непрекращающейся изменчивостью. Однако происходящие здесь процессы не независимы, но находятся в многомерных и многочисленных взаимосвязях. Более того, такого рода сети характерны для любого уровня социальной организации — межличностного, межгруппового, межинституционального. Единицей анализа при такой концептуализации микропорядков социального пространства становится широко используемое И. Гоффманом понятие «ситуация», означающее переходящие во времени и пространстве встречи и соприсутствия людей.

Сравнивая модель поля с общепринятой системной, Гидденс подчеркивает преимущества первой, которая позволяет изучать изменчивость и процессы, характерные для социальной реальности, как протяженности, а не с точки зрения их результатов. «Системная модель оказалась весьма влиятельной — она лежит в основе большинства теорий социального изменения... Модель поля возникла из стремления понять и выразить динамическую природу общества более адекватно, но она еще требует значительной концептуальной разработки и эмпирического подтверждения»¹.

Познавательные ограничения социологической концепции социального пространства. Среди современных социологов, обращающихся к понятию социального пространства, существует согласие относительно его познавательных ограничений.

Социальное пространство не является самодовлеющей темой в социологии. Если обратиться к работам социологов, активно использующих это понятие, то можно заметить, что для П. Бурдьё,

¹ Гидденс Э. Девять тезисов... С. 29.

Э. Гидденса, П. Штомпки и др. его теоретическое осмысление отнюдь не является самоцелью. Каждый подчеркивает, что это необходимо для изучения социокультурной микродинамики, распределения обуславливающих ее социальных сил, локализации общественно значимых событий. Иными словами, речь идет о построении своего рода системы координат, в измерениях которой социальные изменения не просто описываются, но и локализируются. Причем, это «где» определяется через их институциональную, социально-групповую и территориальную конкретизацию.

Социальное пространство – это категория, а не реальность. Из всего сказанного выше с очевидностью следует, что понятие трактуется с конструктивистских, а не с субстанциалистских позиций. Его теоретические измерения строятся таким образом, чтобы аналитические единицы могли быть доведены до уровня эмпирически наблюдаемых признаков и показателей. Даже если речь идет о социально-пространственных категориях, используемых в обыденной жизни, подчеркивается, что они выделяются для упорядочения и стереотипизации воспроизводящихся интеракционных ситуаций, значимых с точки зрения удовлетворения индивидуальных запросов и поддержания социальных целостностей.

Социальное пространство следует концептуализировать в терминах социальных связей и интеракций. Подчеркивается, что при концептуализации понятия необходимо отказаться от субстанциональной позиции во имя реляционной, т. е. трактовать его не с точки зрения свойств и побуждений действующих индивидов, но в терминах связей и отношений между ними. «Существуют специфические, принципиально важные для жизни комплексы, сплетения социальных отношений, которые мы научились выделять и склонны материализовать: мы называем их группами, сообществами, организациями, национальными государствами. Считать их реально существующими объектами — иллюзия. Реальны постоянные процессы группировки и перегруппировки, а не стабильные протяженности, именуемые группами; процессы организации и реорганизации, а не стабильные организации; процессы, а не структуры; формирование, а не формы; изменчивость, а не жесткие модели»¹. С этой точки зрения социальное пространство — это реляционный, интеракционный, сконструированный исследователем контекст, в котором люди реализуют свои взаимодействия и коммуникации, значимые для себя события.

Социальное пространство интерсубъективно. Современные социологи уходят от традиционных для этой науки споров о природе социального, в том числе пространства,— субъективна она или объективна. Реляционная и интеракционная трактовка этого

понятия определяет его как концептуальную область, выстраиваемую между людьми, сосуществующими в воспроизводящихся взаимодействиях и коммуникациях. То пространство, которое люди «населяют» и познают, является совместно сконструированным и конвенционально обозначенным ими. Согласно П. Бурдьё, место каждого агента может быть охарактеризовано через сопоставление с другими и определение дистанции между ними. Это ведет, по Гидденсу, к актуализации двух свойств людей, связанных с совместным упорядочением их связей с окружением. Во-первых, речь идет о формировании паттернов взаимодействий и коммуникаций. Во-вторых, отмечается установление временной протяженности интеракций. Вместе это приводит к порождению более или менее одинаковых социальных практик, приобретающих конвенциональную, разделяемую, т. е. intersubjectивную форму.

Следует подчеркнуть, что пока все теоретические рассуждения о социальном пространстве можно представить в виде двух отчетливых ориентаций. С одной стороны, это экспликация допущений и гипотез о возможности его конструирования в качестве системы соотнесения при изучении социальной изменчивости, причем на микросоциологическом уровне. С другой — попытки представить в систематическом виде его отдельные аспекты (силовой — у П. Бурдьё, конфигурационный — у А. Лефевра, структурный — у Э. Гидденса, коммуникационный —¹ у Н. Лумана и др.). В то же время пока так и не построена та «система координат», в пределах которой можно было бы локализовать социальные отношения, события и процессы.

Многомерность и неоднородность социокультурной реальности и социокультурного пространства. Социокультурная реальность, жизненный мир людей трактуется в рамках социологии культуры как контекст их существования, порождаемый и воспроизводимый ими самими и в то же время обуславливающий их социализацию и инкультурацию. Соответственно каждый человек исходно оказывается включенным в отличное от него окружение, формы и содержание которых существовали до его рождения. Таким образом он связан с «историзмом», запечатленным в следах прошлых последовательностей событий, сменявшихся парадигм взаимодействий, сдвигов в оценках социальных фактов. Во временном отношении понятие контекста не соотносится с началом антропогенеза, с архаическим опытом и т. п. Речь идет об указании на то, что социокультурная реальность включает в себя следы прошлого, что некоторые из культурных образований устойчивы во времени и предпочтительнее их осваивать, а не пытаться разрушать.

Исторически сложившиеся социальные и культурные формы, рассматриваемые в современном контексте, оказываются различными и не сводимыми друг к другу. Как отмечал К. Леви-Стросс,

«всякая культура может рассматриваться как ансамбль символических систем», которые «всегда остаются в известной степени несоизмеримыми, и именно эта неравномерность измерения различных символических систем и определяет скольжение социальной структуры, переход от одного состояния общества к другому»¹. Иными словами, устойчивость культурных образований не означает их системной взаимосвязности и взаимозависимости. Это разные измерения анализа общества и культуры. Именно эта позиция становится центральной для понимания социальной реальности и социокультурного пространства в контексте постмодернистских построений.

Отказотидеицелостностииединствасоциокультурнойреальности. Из сказанного ранее следует, что исходные допущения постмодернистских теорий не содержат идеи единого целостного порядка, а priori предопределяющего течение социокультурной жизни. Здесь, скорее, предполагается изначальная множественность несводимых друг к другу либо более, либо менее организованных и устойчивых образований, в пределах которых она реализуется. Ценой за такую «гетеротопию», или децентрирование, становится отказ от самой возможности говорить об обществе и культуре как «едином целом». Соответственно меняются и принципы их изучения. Видный теоретик постмодерна И. Хассан выделяет в качестве наиболее характерных такие конститутивные познавательные тенденции, как неопределенность и имманентность. Они ни антитетичны, ни диалектичны, ни синтетичны. Каждая содержит свои собственные внутренние характеристики. Подобно ортогональным осям координат они определяют характерное для постмодерна познавательное пространство, в пределах которого и трактуются отношения человека с окружением.

Под неопределенностью автор понимает сложную категорию, содержание которой помогает очертить предметную область, определяемую совокупностью таких разнородных понятий, как двусмысленность, непоследовательность, множественность, плюральность, контингентность, переворот, перверсии, деформация. Одно последнее включает в себя ряд других: разрушение, дезинтеграция, деконструкция, децентрирование, смещение, различение, разъединение, исчезновение, декомпозиция и т. п. Через все эти признаки автор стремится передать представление о распавшемся, несозданном, хаотичном, побуждающими формированием проблемного поля и дискурса постмодернистских теоретических построений.

Понятие «имманентность» автор использует без религиозных аллюзий и для того, чтобы обозначить свойство людей генерализовать свои отношения с окружением и самих себя в символах, воз-

¹ Цит. по: Автономова Н.С. Философские проблемы структурного анализа в гуманитарных науках. М., 1977. С. 112—113.

действовать на себя через свои собственные абстракции и таким образом создавать и изменять свою собственную реальность. Это измерение выражается через такие понятия, как диффузия, растворение, взаимодействие, коммуникация, взаимозависимость, которые представляют собой производные от свойства человека использовать язык, изображать, обозначать, от его способности к познанию и конструированию себя, к тому, чтобы детерминировать свой универсум символами собственного производства. Имманентность порождает из неопределенности множество областей социокультурной реальности со своими собственными единицами, кодами, строениями.

Хассан фактически представляет постмодерн как предпосылку формирования новой познавательной парадигмы, связав ее главным образом с концептами деконструированности — децентрализованности отношений людей с окружением. Речь, по сути дела, идет о радикальном эпистемологическом и онтологическом сомнении в отношении ранее общепризнанных истин, которое предшествует формированию новых познавательных оснований. В то время как сторонники модерна ищут, как защитить свою «картину мира» от собственного знания о «реальности» хаоса, о хрупкости любого воспринимаемого порядка и сомнительности «центра», постмодернисты принимают хаос и имманентную способность человека выстраивать в отношениях с ним разного рода порядки в качестве проблемной области и ищут способов ее осмысления в философских и социально-научных терминах.

Из категорий «неопределенность» и «имманентность» первая оказывается более сильной с точки зрения преодоления онтологии априорного порядка. Имманентность же предполагает свойство человека соотносить с собой неупорядоченное окружение. В этом случае ни одна интеллектуальная или моральная система, ни один способ восприятия реальности не могут быть окончательно легитимизированы как безусловные, претендовать на онтологическую приоритетность. Соответственно возможным становится прагматическое оправдание как интеракции, так и взаимной автономности единиц контекста человеческого существования¹.

По сравнению с предшествующей познавательной парадигмой, где в качестве исходного принималось допущение о нередуцируемом дуализме материального и идеального, земного и небесного, профанного и сакрального, плюрализм постмодерна открывает новые возможности в интерпретации социокультурных событий. Здесь принимается возможность использования разнородных принципов конструирования социальной реальности, порождающих множество миров, которые могут вступать в отношения друг

¹ См *Hassan I. Ideas of cultural change// Innovation/Renovation. New Perspectives on the Humanities. Hassan I., Hassan S. (eds.). Madison, 1983. P. 27 — 28.*

с другом, а могут существовать параллельно. Соответственно появляется отличная от периода модерна интерпретация понятия изменчивости. «Освобождение от неизбежно линейного разворачивания времени, как это было в рамках модернизма, равно как и от естественной попытки избежать такой линейности (принимавшей форму различных философских или научных абстрактных схем полностью обратимого и идеально контролируемого времени) породило идею исторической относительности. Она представляется как обширная сеть взаимных детерминаций, где необратимость определенных значимых выборов порождает новые образцы обратимости. Это своего рода процесс «креативной эволюции» без какой бы то ни было предустановленной цели и преднамеренности. Наше сознание существует во множественности (актуальных и возможных) миров, в постоянном «хронотопическом» изменении»¹.

Децентрированность динамического жизненного пространства. С этой точки зрения на смену представлению о четко структурированной форме социокультурной динамики — линейной, эволюционной, циклической — приходит иное ее понимание. Оно выражается метафорой «ризомы»². Термин заимствован из ботаники и обозначает определенный тип корня растения, который не является ни одиночным, ни пучкообразным ответвлением от единого стебля, но разрастается в разные стороны дробными ветвлениями. Применительно к социокультурной реальности речь в этом случае идет о беспорядочном возникновении множественности, о движении, не имеющем превалирующего направления и регулярности, что не позволяет предсказать его траекторию.

В рамках парадигмы модерна при осмыслении процессов, происходящих в обществе и культуре, большое значение придается оппозиции «центр — периферия». Она выполняет роль формообразующих принципов: организующего, сохраняющего целостность системы и ограничивающего, регулирующего ее подвижность. Идея «центра» редуцирует ее становление к формированию определенных границ и внутренней конфигурации. Концепция «ризомы» указывает на то, что такой условный центр неструктурирован и в некотором смысле существует и внутри, и вне системы. Такое представление имеет смысл, если центр системы конструируется как доминанта среди составляющих ее элементов и в ее отношениях с окружением.

Вследствие этого утрачивается смысл столь значимой для предыдущей парадигмы оппозиции «норма — аномалия», «ортодоксия — ересь». Это происходит при деконструкции канона, си-

¹ Calinescu M. From the one to the many: pluralism in today's thought // *Innovation/ Renovation*. Hassan I., Haassan S. (eds.). Madison, 1983. P. 248.

² Cm.: Deleuse G., Guattari F. *Capitalisme et schizophrénie*. Vol. II. Mille plateau. P. 1980.

туации, при которой значения полюсов оппозиции подвергаются критическому рассмотрению, в результате чего становятся относительными и утрачивают четкость. Такому состоянию неопределенности, дезориентированности сторонники постмодернизма не стремятся противопоставить новые системные порядки. Они обращаются к идеям бриколажа, полистилистики, в соответствии с которыми все исторические культурные и художественные стили, эпистемы становятся равноправными. Их относительность и конструктивистская условность становятся очевидными.

На смену системному представлению о социокультурной реальности, о ее динамике пришли плюрализм исходных принципов организации опыта («программный эклектизм»), относительность систем соотнесения истинности или ложности суждений, множественность возможных эквивалентных интерпретаций одного и того же события. Эти черты обнаруживаются в искусстве, социальных науках, массовой культуре. Допущение об исходной неопределенности отношений людей с окружением, ризомном характере их динамики, их контингентных результатах, выявление оснований построения социокультурных порядков и причин их устойчивости или отказа от них становится существенной проблемой изучения микродинамики совместного существования людей.

Социокультурная реальность предстает здесь как неопределенное поле, в лучшем случае как сегментированное и фрагментарное динамическое пространство, а не как системные целостности, называемые обществом и культурой. В этом пространстве для анализа выделяются микро- и макродинамический уровни в соответствии с двумя типами сегментирования — «молярным» и «молекулярным». Так, «масса», «популяция» — это концепты, относимые к молярному уровню, указывающие на характеристики социокультурных образований со слабыми внутренними функциональными связями. Тогда как понятия «класс», «общность», «сообщество» относятся к молекулярному уровню, где предполагается их внутренняя организованность. Вторые типы образований приобретают форму благодаря взаимодействиям и коммуникациям людей на первом уровне. Эти две теоретические конструкции наделяются различными контурами существования в социокультурном пространстве, а их внутренние морфологические и динамические характеристики определяются по соответствующим каждой из них показателям.

Концепции «общности», «сообщества» занимают в социологии постмодерна такое же значимое место, которое принадлежит понятиям «общество», «социальная система» в структурно-функциональной теории. Сосуществование, соприсутствие сообществ в порождаемом их совместной активностью пространстве — эта идея не предполагает обязательной синхронизации их действий и соподчинения в системе общественного разделения функций.

Концепция децентрализации снимает представление о том, что вся социокультурная жизнь однозначно детерминирована социальными институтами. Существование различных сообществ считается неиерархизированным. Поскольку в социологии понятия власти и авторитета продолжают занимать центральное место в рассуждениях о социальной реальности, ее неинституционализированный уровень трактуется в драматических тонах. Считается, что при ослаблении действия власти и авторитета индивид высвобождается из-под влияния любых групп принадлежности, но, оставаясь без социальной поддержки, он маргинализуется. По мере того как в современных условиях этот процесс приобретает все большие масштабы, возрастает напряженность в отношениях между теми, кто продолжает быть интегрированным в локальные группы, и теми, кто благодаря дедетерриториализации переходит в пространство неорганизованной «массы».

Здесь такие люди сталкиваются, по мнению критиков модерна, с многообразием типов рациональности, ценностным релятивизмом, плюральностью жизненных миров, мировоззрений, культурных идентичностей. Их динамическая смесь порождает для людей постмодерна ситуацию, при которой возрастает ненадежность культурных ориентиров при выборе жизненного пути. Они постоянно сталкиваются с разрозненными фрагментами прошлого и настоящего, живут в «мозаично-цитатном», «интертекстуальном» мире. В таком окружении они сами становятся плюралистичными, не связанными ни с какими объединяющими принципами, руководствующимися разнородными идеями и авторитетами, не объединенными ни синхронно, ни диахронно. Сегодня такая ситуация оказывается для них неосвоенной, проблемной: социальные формы, соответствующие ей, еще не сложились, культурный стиль «еще не задан, участники процесса должны находить его самостоятельно, им неоткуда его перенять»¹.

При невозможности обрести структурную упорядоченность опыта в рамках культурной дихотомии «центр — периферия» смена фрагментов переживаний становится для людей единственной феноменальной реальностью. Соответственно особую значимость приобретает эстетическое начало, особенно способность к восприятию различий, отклонений, расхождений, гетерогенности. Такой опыт помогает понять плюралистичность современной реальности, принять ее на уровне не только обыденного, но и социально-научного познания. Актуализация антропологического свойства воспринимать реальность в образной форме составляет сегодня важную компоненту культурной компетентности, необходимую людям в повседневной жизни и характеризующуюся такими навы-

¹ *Welsch W.* Postmoderne — Pluralität als ethischer und politischer Welt. Köln, 1988. S. 26.

ками, как внимание к изменчивости, готовность к встрече с неизвестным, преодоление стереотипов.

Попытки выделить некоторые универсальные принципы упорядочения отношений людей с неопределенным окружением, предпринятые в рамках постмодернизма, привели к накоплению некоторого количества типичных структур и обнаружению их относительности. Более того, при их разграничении между ними обнаружили «маргинальные» пространства с неопределенными внутренними формами и внешними очертаниями. Считается, что такого рода «промежутки» существуют на социетально-институциональном и личностном, акционистском и дискурсивном уровнях. Они рассматриваются как своего рода межструктурные пустоты, освобождающие место для культурно «не связанных» импульсов и желаний людей¹.

Детерриториализация, маргинализация социокультурного пространства. Метафорическая представленность этой темы принадлежит Ж. Делезу и Ф. Гуаттари². Предметом их интереса стала пространственная организация жизненного мира, осмысленная с точки зрения двух исходных допущений. Во-первых, предполагается, что явление территориальности исторически вторично по отношению к первично неразграниченному, «детерриторизованному» пространству. Во-вторых, желание и его означивание вслед за Лаканом считаются побудительным началом, раскалывающим, децентрирующим индивидуальную целостность. С этой точки зрения знак рассматривается как ограничитель желания, выделяющий определенную территорию для его реализации из безграничного окружения. Соответственно, будучи означенным, желание вытесняется отсюда.

Понятие территориальности было заимствовано из этологии. Оно «обозначает совокупность процессов и разного рода механизмов, посредством которых живые существа провозглашают, маркируют и защищают территорию своего общения, для того чтобы не допустить на нее посторонних»³. Применительно к человеку сюда добавляются «мотивированные познавательные структуры, которые человек демонстрирует по отношению к окружающей его среде обитания, на которую он предъявляет право собственности и которой он пользуется по преимуществу частным образом»⁴.

Считается, что на первой, дотерриториальной стадии каждый репрезентирует «чистую социальность»: его желания, намерения, поведение не ограничены индивидуальной идентичностью.

¹ Heller Th., Wellbery D. Introduction // *Reconstructing Individualism*. Stanford, 1986. P. 1-15.

² Deleuze C., Guattari F. Op. cit.

³ ГеллДж. Основы поведенческой географии. М., 1990. С. 98.

⁴ Там же. С. 99.

Территориальная стадия начинается с кодификации совместного существования, ограничения свободы в сканировании окружения представителями сообщества, установления территориальных границ и структур. Популяция разделяется на индивидов, подчиняющихся им, и субъектов произвольных желаний, которым здесь не остается места. Соответственно они вынуждены перемещаться в маргинальные по отношению к организованной области. Маргинальное положение импульсивности и склонных проявлять ее открыто обусловлено тем, что они оттесняются на периферию процесса территориализации, если не интегрируются в него.

Полагая, что современная социокультурная ситуация характеризуется детерриториализацией, Ж. Делез и Ф. Гуаттари применяют к ней свою метафору. По их мнению, в ее рамках значительная часть людей вынужденно оказывается неспособной определить свое место в окружении прежних разрушающихся социокультурных порядков. В таких условиях происходит маргинализация целого ряда социокультурных групп, теряющих свои места в контексте существующих социетальных институтов. В ответ на это складывается определенная идеология, оправдывающая ценностный релятивизм, фрагментированность и децентрированность жизненного мира и личности, маргинальность, подвижность, незакрепленность переживаний и представлений.

Строение маргинального социокультурного пространства. Другая метафора, используемая Делезом и Гуаттари, — *номады* (ведущие кочевую жизнь) — обозначает социальные единицы, которые образуют и определяют свойства своего социокультурного пространства собственными передвижениями. Они следуют по территории привычными путями, которым присущи внутренняя последовательность, собственное направление, автономность и которые определяют строение подвижного жизненного мира *номадов*. Такое пространство нельзя считать неограниченным: оно всегда находится между неосвоенным и структурированным окружением. Эти два фланга контролируют его, устанавливая пределы его роста и тенденций к экспансии. По сути дела, авторы выделяют класс людей, для которых процесс, «путь», подвижность оказываются доминирующим модусом существования. Такая форма образа жизни и соответствующего ему пространства отличается как от организованных («оседлых»), так и от характерных для мигрантов.

Во-первых, различия связаны с ролью пути в определении пространственных характеристик. Для оседлых и миграционных сообществ он всего лишь переход из одной точки стабильного существования в другую, даже если для мигрантов последняя остается неопределенной, непредсказуемой, точно не локализованной. Такое движение для *номадов* есть следствие и реальная необходимость самого способа их существования. В этих терминах жизнь совре-

менных «культурных номадов» — это «интермеццо», где метки на пути перемещения по социокультурному пространству указывают всего лишь промежуточные, а не начальные или конечные пункты перемещения.

Во-вторых, в отличие от номадической формы пространства для «оседлой» характерны закрытые области. Они имеют фиксированные границы, структуру, обусловленные их функциональной значимостью для организации оседлого образа жизни. Они также взаимодействуют друг с другом посредством связывающих их «каналов», «дорог», регулирующих частоту, интенсивность, информативность интеракций. Создавая номадические траектории, люди распределяются в открытом пространстве, где нет необходимости в закрытых зонах и регулировании связей между ними. В отношении современности это подразумевает возможность и право передвижения в любых направлениях социокультурного пространства.

В-третьих, что касается формы, то оседлое пространство структурировано, а дороги номадов пролегают между огороженными территориями. Их пространство авторы называют «гладким»: оно не имеет внутренней структуры. Его динамика только кажущаяся — это ризомное движение, не приводящее к изменениям. Для его характеристики авторы используют термин «поток».

Итак, классической концепции физического пространства, где движение может быть описано четкими траекториями, авторы противопоставляют альтернативу неструктурированности. Эта предметная область оставалась неизученной в рамках предшествующей познавательной парадигмы, но всегда имела имплицитную значимость. О неорганизованных областях социокультурной жизни, об их феноменологической важности говорил еще П.А. Сорокин.

Ж. Делез и Ф. Гуаттари, по сути дела, представляют динамические и качественные характеристики ситуации перехода от одной социокультурной парадигмы к другой, используя для этого метафоры номадов и их «гладкого» пространства. Оно соответствует представлению о «маргинальном» субъекте, существующем в околоструктурной зоне, который порождает неоднородный жизненный мир, составленный из нецентрированных ризомных множеств. Это немерное пространство, к которому не применимы представления о скорости и расстоянии и которое является необходимым условием и производной ризомного роста.

Такая теоретическая позиция предполагает расширение представлений о структуре. Ее можно рассматривать не только как относительно устойчивое образование, с которым можно соотносить происходящие здесь вариации и изменения. Доступными анализу становятся также механизмы ее «расшатывания», деконструкции, «прорастания» в ранее неосвоенное окружение. Следует подчеркнуть, что все рассуждения о децентрировании, бесструктурности,

маргинальности и ризомном росте подразумевают теоретическую систему координат, в пределах которой все эти понятия поддаются содержательной интерпретации. Однако подобные рамки соотнесения нигде не эксплицированы.

Механизмы преодоления проблем, связанных с децентрализованностью и плюрализмом окружения. Коинтеграция такх механизмов становится возможной, если обратиться к понятию социокультурной реальности. При этом социальную и культурную стороны следует считать как взаимосвязанными, так и относительно автономными друг от друга модальностями совместной жизни людей. Неизбежность их сосуществования определяет общие для обоих понятий теоретические компоненты, а необходимость различения в контексте связей с окружением позволяет описывать каждую в специфичных для нее терминах.

Такая процедура имеет особую важность при попытках ответить на вопрос, как люди продолжают существовать в условиях, когда разрушаются социальные системы, структурные макропорядки, созданные предшествующими поколениями для решения общественно значимых проблем. Как подчеркивал Э. Гоулднер¹, если они перестают выполнять свои функции и стагнируют или распадаются, люди совсем не обязательно исчезают вместе с ними. В этом случае макроединица нередко дедифференцируется на более простые компоненты, на мелкие маргинальные первичные группы, способные к выживанию в условиях неопределенности. С точки зрения теории социальных систем речь идет о ситуации беспорядка и аномического кризиса. Однако с позиций культурной антропологии речь идет о разрыве связей, которые люди по определенным причинам не смогли или не захотели поддерживать. Так называемая аномия может освободить энергию, ранее связанную паттернами социально санкционированной активности, ставшими неэффективными. Она может стать ферментом инноваций, спасительных для индивидов, для новых форм социальных отношений, для их культурного утверждения.

Когда социальная система исчерпывает свой функциональный потенциал, перестает быть средством решения жизненно важных проблем, существование в маргинальном пространстве может быть полезнее для индивидов и локальных культурных образований, чем воспроизведение устаревших структур. В контексте современных социально-научных представлений выход людей в маргинальное или номадическое пространство не следует а priori рассматривать как неконтролируемое социальное зло. Необходимо проанализировать, чем и как обусловлен их выход за пределы теряющих эф-

¹ См.: Gouldner A.W. The Coming Crisis of Western Sociology. Basic Books, Inc. N. Y.; L., 1970. P. 224-225.

фактивность норм, какова направленность их движения и почему, каков шанс результатов поиска на воспроизведение.

Деструкция социальной системы не означает разрушения культуры. Люди в своих привычках, представлениях, памяти сохраняют такие ее элементы, как знания, навыки, опыт построения отношений с окружением, оценочные критерии. При дезинтеграции социальных систем все они не только не утрачиваются, но нередко становятся импульсами для интенсификации культурной активности.

В этом смысле особый интерес представляют идеи Ж. Деррида, в работах которого можно увидеть путь к отысканию опорных представлений о бытии и существовании в условиях социокультурной неопределенности. Он предлагает аналитическое расчленение, деконструкцию культурных текстов, направленные не на свободную их интерпретацию, но на выявление «слоя метафор», оставшихся от предыдущих культурных эпох, и исходных намерений их создателей. Соответственно появляется возможность выйти сквозь череду таких следов к проблемным ситуациям и попыткам их преодоления, проследить адаптационную активность за пределами конкретных социальных структур и символических репрезентаций.

С этой целью он вводит понятие письма как фундаментальной области анализа взаимодействия людей с окружением, где фиксируются и сохраняются его следы. Она определяется разрывом между такими абстракциями, как метафизика присутствия, пространства (внешнее — внутреннее) и времени (прежде — теперь). След как ее элементарная составляющая «относится одновременно и к природе (он не является ни меткой, ни естественным знаком, ни знаком-указателем в гуссерлевском смысле), и к культуре — нечто физическое и вместе с тем психическое, биологическое и духовное. Именно след дает возможность становления знака немотивированным... а вместе с ним и все последующие оппозиции между *physis* и ее другим». Таким образом на аналитическом уровне след означает своего рода протоморф, результат процесса перехода от внеструктурной неопределенности к ее упорядочению, от чистого различия к формированию образа. «След нужно помыслить до мысли о сущем... Еще не став полем наличности, поле сущего структурируется сообразно различным (генетическим и структуральным) возможностям следа»¹. Иными словами, будучи по определению дистанцированным от уже существующих объективаций и знаковых презентаций социально-институциональной реальности, понятие следа становится важным инструментом познания. С его помощью можно выявить порождение форм в условиях неопределенности, провести различия между ними как необходимыми, оптимальными и контингентными при решении адаптационных проблем, про-

¹ *Derrida J. La dessimination. P., 1972. P. 309.*

следить построение культурных текстов. Все это имеет особую эпистемологическую значимость при изучении социокультурной микродинамики, в особенности механизмов интеракции, способствующих сохранению и воспроизведению элементов культуры при разрушении социальных систем, а также порождению культурных инноваций при выходе за пределы структурированного социокультурного пространства.

Разнородность символических образований. Системы знаков, составляющие «языки культуры», принято определять как конвенциональные по происхождению искусственные образования, не имеющие прямой связи с реальностью как таковой. Чтобы выполнять функции выделения, интеграции и коммуникации социально значимых фрагментов окружения, каждая из них строится и действует по определенным общепринятым правилам. Она должна:

— репрезентировать реальность, с которой имеет дело, в наиболее простых элементарных единицах;

— содержать правила их комбинирования в воображаемые целостности;

— включать в себя правила, запрещающие определенные операции со знаками как противоречащие «природе вещей».

Такая система рассматривается как своего рода аналитическая решетка, определяющая и ограничивающая пространство для комбинаторики тех исходных переживаний, через которые природа обнаруживает себя на уровне человеческих ощущений и восприятий. В то же время этот уровень социокультурной реальности, где существует прямая конвенционально установленная связь означаемого с означающим, в рамках постмодернистских построений дополняется другим, который считается столь же значимым. Речь идет о символических системах как таковых, в пределах которых действуют присущие им самим правила, не зависящие от фактических состояний и возможностей мира конкретных референтов. Это пространство для актуализации случайного, произвольного, свободного комбинирования составляющих его единиц. К нему обращаются как к области инструментов анализа тех феноменов, которым в теоретических системах классики и модерна отводилось маргинальное место.

Указание на отсутствие. Как известно, понятие знака использовалось главным образом для того, чтобы зафиксировать присутствие того, что он означает. Ж. Деррида раскрывает другую его сторону. В рамках концепции различения он оказывается обращенным к тому, что постоянно отсутствует, и от чего отличается обозначаемое им. Отсутствие фиксируется понятием «трасса». Оно отображает возникновение опыта и мысли из пересечения следов прошлых переживаний, а не из укорененности в настоящем. Соответственно Деррида возражает против сведения функции знака только к сооб-

щению о том, что актуально в настоящем. В коммуникативных процессах, по его мнению, дело обстоит гораздо сложнее.

Прояснение значений сообщений в процессах коммуникации предполагает процедуру особого смыслового «оборачивания», острания¹ — бриколажа, — примером которого может служить метафора. Это обусловлено контингентной природой порождения знаков. Еще Ф. Ницше отмечал, что при восприятии окружения и реакции на него интегрируются всего лишь нервные импульсы. Только потом человек описывает их в фигуративных категориях, используя свою способность «отождествлять неэквивалентное»². Соответственно знак всегда будет содержать гетерогенные элементы, поскольку представляет собой набор различных признаков, которые люди связывают с устойчивыми конфигурациями своих нервных импульсов. Иными словами, знак всегда содержит в себе метафору, содержащую скрытые возможности его интерпретации.

Понимание этого позволяет глубже проникнуть в природу коммуникации. Здесь всегда остается место для «игры шанса с необходимостью, случайности с законом»³, обусловленное неизбежностью острания при попытке понять значение знака, невозможностью с помощью знака передать свое переживание другому. Это приводит к порождению самодовлеющей эстетической игры в построение метафор, в которой проявляется столкновение интенций человека и компонент языка вокруг норм использования знаков и их стереотипных значений. Цель исследования в этом случае — выделить из значения его контингентные составляющие, чтобы понять, как происходит ускользание смысла при использовании знака в определенном коммуникативном контексте. Обращаясь к понятию письма и выделяя трассы различения, Деррида, считает возможным «принудить» язык к обнаружению «усилия», подчиняющего разнородные элементы метафоры знаку как целостности.

Указание на инобытие. Рационалистические модели реальности и ее символической представленности в их классическом варианте в значительной степени утратили эвристический потенциал при распространении концепции бессознательного. В сфере исследовательского внимания оказался тот аспект человеческого существования, который не дан субъекту в рефлексии: скрытые защитные механизмы, не поддающиеся обозначению причинности, обуславливающие его активность.

После признания этого факта в научной жизни предпринимались разного рода попытки теоретически осмыслить новую предметную область. Внутри и вне процессов мышления, на их пере-

¹ Термин В. Шкловского, означающий восприятие привычного как «странного» (отсюда — острание), необычного.

² *Nietzsche F. Werke.* Berlin: N. Y., 1973. V. III. P. 2. S. 381.

³ *Derrida J. La dissimulation.* P., 1972. P. 309.

сечении с другими психическими феноменами, в их собственных переплетениях постепенно обозначилось познавательное поле, некая «инертная плоскость» (М. Фуко), куда и было отнесено все немислимое и невыразимое.

Первоначальные столкновения с инобытием такого рода порождали попытки интегрировать его в классические познавательные рамки. Его отказывались принимать в качестве самодовлеющего феномена, считая лишь постоянным двойником объективной, рациональной реальности. Оно трактовалось как «в себе» в противоположность «для себя» в работах Канта и Гегеля, как «бессознательное», начиная с Шопенгауэра, как «отчужденный человек» у Маркса, как «скрытое», «недействительное», «осадочное», «несвершившееся» у Гуссерля. Везде инобытие в сопоставлении с рефлексивным разумом представлялось как нечеткая проекция способности человека к развивающемуся истинному познанию. Вне отнесенности к божественному началу такое Иное было лишено права на самостоятельное существование.

В настоящее время его самодовлеющая значимость в порождении символических образований полностью признана. Теперь оно не считается недоразвитой природой или архаическими пластами человеческой психики. По отношению к человеку немислимое трактуется как Иное, неосвоенное, либо не поддающееся освоению в принципе, порожденное не им и не в нем. Оно существует рядом и одновременно, в постоянной новизне и необратимой действительности.

Указание на несуществующее. В теоретических построениях постмодернизма значительное место отводится области воображения и фантазии. Они определяются как способность человека порождать представления о нереальном, которые тем не менее имеют конституирующую значимость в организации культурного опыта.

Считается, что на этом уровне конструируются «фигуры» таких абстракций, как «общество» и «культура». Здесь происходит изначальное определение проблемных ситуаций и обыгрывание их возможных решений. С помощью воображения строятся проективные картины альтернатив будущего. Все такого рода представления, будучи обозначенными, существуют в культуре наряду с другими, которые кроме этого и репрезентированы. Это сигнификации, относительно независимые от означаемых, но в известной степени детерминирующие выбор и организацию реальных взаимодействий, коммуникаций и используемых в их контексте артефактов. Сложность изучения этой, можно сказать, мнимой области культуры заключается в том, что все происходящее в воображении, с трудом поддается интерпретации, поскольку может быть определено только в модальности небытия¹.

Теоретическую модель, описывающую культурную производную работы воображения, предложил Ж. Лакан, основываясь на фрейдовской триаде «Оно — Я — сверх-Я». По аналогии с ней предлагается последовательность «реальное — воображаемое — символическое». Здесь «воображаемое» рассматривается как источник синтезирования субъективных, иллюзорных представлений, а «символическое» — как совокупность объективированных механизмов использования языков культурных репрезентаций. Вслед за Леви-Строссом Лакан считает символическое априорно структурированным и потому неосознаваемо упорядоченным.

Воображаемые единицы (сигнификации) в их теоретическом определении считаются не существующими в форме репрезентаций, поскольку им не соответствуют никакие элементы социокультурной реальности и чувственного опыта. Они не включают в себе никакого реального значения (денотата). Зато их коннотативные возможности многообразны, поскольку под ними можно подразумевать множество самых различных вещей. Они не имеют культурного места, подобного тому, которое занимают представления о реальных событиях, действиях, отношениях. Тем не менее такие единицы в совокупности образуют в социокультурной реальности определенное «силовое поле», влияющее на траектории реальных процессов.

Указание на невидимые порядки. Под влиянием структуралистских представлений Б. Уорфа и У. Гудинафа сложилось исследовательское направление, называемое этнонаукой, которое характеризуется переходом от изучения социальных институтов и структур к анализу обыденных представлений, знаний об окружении, а также форм их упорядочения и лексической репрезентации. Его немногочисленные сторонники видят цель своей работы в том, «чтобы лучше понять, каким образом люди воспринимают окружение и организуют относящиеся к нему представления»¹. В качестве материала они привлекают местные названия животных, растений, элементов природного ландшафта, а также их типологии и классификации. Как отмечает Г. Фрейк, «этнограф не может удовлетворяться лишь фиксацией компонент культурных экосистем в категориях западной науки. Он должен также описать окружение таким образом, как его воспринимают местные жители, с использованием понятий, употребляемых ими, чтобы выявить правила организации соответствующих представлений и поведения»².

В рамках этого направления складываются специальные методы сбора и анализа информации о том, как представители опре-

¹ *Morgan E.F.* Human Adaptability: An Introduction to Ecological Anthropology. North Scituate, 1979. P. 58 — 59.

² *Frake G.O.* Cultural ecology and anthropology // *American Anthropologist*. 1962. Vol. 64. № 1. P. 55.

деленной культуры воспринимают природное окружение (этно-экология), его флору (этноботаника), фауну (этнозоология), как они взаимодействуют друг с другом (этнометодология). Таким образом, принятое в культурной антропологии понятие «этнонаука» обозначает «фолк» — модели организации представлений об окружении и связях с ним. Подобные «этнознания» можно считать областью, порождающей движение к специализированному научному познанию.

Предмет этнометодологии — социологического варианта этнонауки — составляют процедуры повседневных взаимодействий и коммуникаций людей в контексте обыденной жизни. Исследователь «пытается трактовать практические действия, практические обстоятельства и практическое социологическое мышление как темы эмпирического исследования, уделяя самым заурядным действиям повседневной жизни внимание, которое уделяется обычно экстравагантным событиям, стремится познать их как феномены, сами по себе заслуживающие изучения»¹. В качестве исходного принимается допущение, что существуют неотрефлексированные, но устойчивые схемы поведения, которые делают действия людей взаимоприемлемыми и объяснимыми.

Соответственно задача заключается в том, чтобы выявить скрытую, неочевидную систематичность обыденной жизни, порождаемую и воспроизводимую людьми в ходе повседневных интеракций. Такая упорядоченность позволяет им ориентироваться в социокультурном пространстве и надлежащим образом строить свое поведение. Исследователь может понять смысл и значение повседневных событий только изнутри рассматриваемой ситуации, находясь в равной позиции с другими ее участниками. По отношению друг к другу они исполняют роли, связанные «взаимными перспективами»: актер становится «повседневным социологом», а исследователь вынужден осуществлять «этнометодологическую редукцию», «вынося за скобки собственную субъективность»².

Следует еще раз подчеркнуть, что сторонники этнонауки имеют дело со скрытыми, нерелексируемыми механизмами взаимодействия людей с окружением в ходе повседневных взаимодействий и коммуникаций.

Итак, в любых областях теоретизирования сторонники постмодерна считают необходимым преодолеть сложившееся культурные стереотипы, «вновь обрести способность воспринимать и выражать, ибо только так можно сохранить подлинную культуру в недрах цивилизации»³. Оценивая ситуацию в искусстве, Ж.Ф. Лиотар пишет: «Писатель и художник постмодерна находятся в позиции

¹ Новые направления в социологической теории. М., 1978. С. 333.

² Zimmerman D. Ethnomethodology // American Sociologist. 1978., Vol. 13. P. 9.

³ XXXIII Festival international des Teatro: Biennale die Venezia. 1985. S. 79.

философа: текст, произведение искусства, которые они создают, в принципе не управляются никакими предустановленными правилами, и соответственно не могут быть судимыми в соответствии с общепринятыми критериями и категориями. Само произведение искусства есть способ отыскания таких критериев и категорий. Художник и писатель, таким образом, не руководствуются [предустановленными] правилами, но в ходе деятельности формируют их»¹. В рамках постмодернизма аналогичным образом могут быть представлены порождающие уровни и микрогенеративные процессы и в других областях социокультурного пространства.

Следует подчеркнуть, что все эти феномены теперь не считаются «отклонениями», которые следует вернуть в рамки уже существующих социальных систем. Теперь принято анализировать их самоидентичность и социокультурный потенциал, где соотношение с нормативными порядками представляет всего лишь познавательную процедуру.

Однако все эти феномены для их теоретической идентификации и осмысления предполагают определенную точку отсчета. Ее отчасти обеспечивает идеально-типическая модель социокультурного порядка, представленная в структурно-функциональных социологических построениях. Но ее следует дополнить культурным измерением, которое позволит расширить представления о социальном пространстве и трактовать его как социокультурное. Во-первых, можно будет определить не только структуру, но и культурное содержание его составляющих. Во-вторых, появятся рамки соотнесений для иных проявлений социокультурной жизни.

Клпнятишоосоциокультурногокода. Определениекультурыкак эксплицитной, репрезентативной (Ф. Тенбрук) предполагает, что все представления, идеи, мировоззрения, убеждения, верования и т. п., а также структуры и институты представлены в объективированном виде. В совокупности они составляют конвенционально упорядоченное, или культурно кодифицированное, пространство общественной жизни.

Культурные коды. Представления людей об организованных совокупностях артефактов как объективно существующих являются действенными в силу их активного приятия или пассивного признания. В соответствии с повседневным здравым смыслом, пишет Бурдье, эти процессы считаются непосредственными и непринужденными, а способность восприятия, или восприимчивость индивидуально специфичны. Следуя феноменологическим и семиотическим исходным допущениям, он называет такое понимание иллюзорным. Восприятие окружения, даже искусственного, как

¹ Lyotard J.F. Answering the question: What is postmodernism? // Innovation/ Renovation. Hassan I., Hassan S. (eds.). Madison, 1983. P. 340.

дифференцированного фильтруется через конвенционально установленные коды, которые люди осваивают в процессах социализации и инкультурации и которыми впоследствии пользуются в ситуациях взаимодействий и коммуникаций.

Эти коды разнообразны и неоднородны. «Хорошо известна мысль Джеймса: наши верования можно разделить по разным отсекам, так что нет нужды, например, согласовывать регулярные посещения человеком мессы и его занятия эволюционной биологией. Конфликт между верованиями, служащими для различных целей, возникнет только тогда, когда будут обсуждаться вопросы о социальном сотрудничестве, когда нужно будет решать, что надо сделать. Таким образом, стремление к политической утопии отделяется и от религии, и от науки. Это стремление не имеет ни религиозных, ни научных, ни философских оснований, а только утилитарные и прагматические»¹. Современные социологи культуры, разделяющие постструктуралистские идеи, активно используют и обсуждают понятие культурных кодов. Так, Дж. Александер считает выявление внутренней культурной архитектуры социального смысла с помощью анализа понятий кодового, нарративного и символического действия главной задачей своей версии культурной социологии. Решая эту задачу, он опирается на теорию Дюркгейма, который описывал культуру как систему символических кодов, определяющих, что является Добром и Злом; символическую антропологию, структурную семиотику, постструктурализм, методы нарратива и деконструкции, что он называет структурной герменевикой.

П. Бурдьё обращается к этому понятию в связи со своей концепцией габитуса. Это индивидуально освоенное социокультурное образование, продуцирующее упорядоченные и дифференцированные паттерны поведения, определяется культурными кодами, то есть классификационными моделями, позволяющими понять их значения. Из построений Бурдьё можно вывести характеристики таких разделяемых механизмов, стандартизирующих отношения людей с окружением. Это позволяет субъекту не только «чувствовать свое место», но и определять места других. Во-первых, предполагается, что характерные для культуры классификационные модели через продуцирующие их интеракции связаны с социальными условиями. Во-вторых, будучи освоенными, они позволяют людям относить себя и друг друга к определенной социальной категории в соответствии с символами, характеризующими различные социальные позиции. В-третьих, предполагается, что социализированные субъекты способны различать связи между культурными паттернами и позициями в социальном пространстве. Иными словами, бла-

годаря кодам оно становится фактом повседневности и воспринимается на уровне здравого смысла, т. е. как изначальная данность.

Соответственно восприятие людьми друг друга и стандартных социальных ситуаций можно считать формой культурной расшифровки, способность к которой, согласно Бурдье, неравномерно распределена в обществе. Наиболее социально значимые задачи и статусные позиции предполагают выполнение сложных действий, которые могут быть осуществлены только теми, кто владеет необходимыми для этого кодами. Они транслируются такими институтами, как семья и образование, в качестве непреложных, вне зависимости от желаний индивидов, тем самым определяя набор различий, которые в обществе конвенционально принимаются как необходимые. Поскольку семьи и учебные заведения в значительной степени неравны в отношении доступа к различным культурным кодам, их функция может быть описана, по словам Бурдье, как трансляция «социально обусловленного неравенства культурной компетентности». Ее распределение, связанное с социальной структурой, обеспечивает воспроизведение системы общественного разделения труда и ее институциональных форм. А знания, навыки интеракции, стили жизни, транслируемые в пределах социальной стратификации, определяют культурную разнородность составляющих ее классов, слоев, групп. Особенности освоения и использования кодов передаются, согласно Бурдье, культурными средствами, а обеспечиваемые ими социальные преимущества воспринимаются скорее как отражение индивидуальных дарований, нежели изначальной социальной принадлежности. Однако хорошо известно, что положение семьи в обществе и образование, полученное в учебном заведении определенного ранга, при умелом их использовании трансформируют социально обусловленные различия в неравенство с точки зрения успешности продвижения по жизненному пути¹.

Все эти теоретические представления указывают не только на социальную необходимость культурных кодов, но и на способы их функционирования в обществе.

Социальные коды. Представления о социальном коде можно вывести из ключевых понятий теории структуризации Э. Гидденса «социальная структура», «социальная система». Он определяет структуру, или так называемые «структурирующие свойства», как связанные друг с другом генеративные (порождающие) правила и средства (ресурсы) организации социальных систем. Это виртуальный порядок, детерминирующий их базовые характеристики и связи их компонент (исключая субъекта) во времени и пространстве² по двум направлениям. Во-первых, оформление паттернов

¹ См.: Бурдье П. Цит. Раб. С. 35 — 36.

² См.: Giddens A. Central Problems in Social Theory: Action, Structure, and Contradiction in Social Theory. L.: Macmillan Press, 1979. P. 66.

интеракции (patterning of interaction), во-вторых, — конституирование временной протяженности взаимодействия¹. Таким образом, структурирующие свойства обуславливают существование более или менее одинаковых социальных практик во времени и пространстве и придают им «систематическую» форму.

Институциональные полномочия социальных систем обеспечиваются действием определенных механизмов. С одной стороны, это регулирующее начало (по Гидденсу, власть), выполняющее следующие основные функции. Первая — способность акторов достигать общих целей, несмотря на возможное сопротивление, противодействие со стороны окружения. Вторая — поддержание соответствия социальной системы нормативному характеру общественной жизни. Третья — конвенциональное установление и фиксирование в нормативной форме социально приемлемой пропорции результатов действия первых двух функций.

С другой — это функционирование ресурсов, которые в рамках концепции «дуальности структуры» Гидденс понимает как «основания» (bases) и «средства осуществления» (vehicles) динамики институциональных систем. В своей аллокативной (распределительной) форме они в рамках системы обеспечивают производство артефактов, соответствующих ее институциональному предназначению. В авторитативной (полномочной) — относятся к управлению людьми, акторами, занимающимися соответствующими видами деятельности.

Эти теоретические положения можно интерпретировать как основу для разработки концепции социального кода, который обеспечивает преобразование разнообразных индивидуально и социально ориентированных действий в институциональные системы их организации. Речь идет о вовлечении установленных порядков в социальную практику². Ее разновидности располагаются внутри взаимопересекающихся наборов правил и ресурсов, которые выражают собой характерные черты той или иной институциональной целостности.

Представленные теоретические предпосылки для концептуализации культурных и социальных кодов при кажущемся различии не противоречат друг другу. В первом случае речь идет о разделяемых содержательных показателях, в соответствии с которыми люди различают и идентифицируют друг друга. Во втором — о том, как возможна их организованная совместная активность. Если принять во внимание репрезентативный аспект социокультурной реальности, то обе модели оказываются теоретически взаимодополняющими. Соответственно появляется возможность для

¹ibid. P. 68-69.

² Ibid. P. 62-63.

построения концепции социокультурного кода, в рамках которой можно в наблюдаемых признаках представить как социальное, так и культурное его измерения. На этом основании можно дифференцировать социокультурное пространство, по крайней мере на институциональном уровне.

Контрольные вопросы

1. Концепция социального пространства в современной социологии: причины актуализации темы.
2. Современные социологические представления о социальном пространстве: познавательные возможности и ограничения.
3. Многомерность и неоднородность социокультурного пространства в свете идей постмодерна.
4. Соотношение социального и культурного в динамике социокультурного пространства.
5. Символический уровень социокультурного пространства: динамический потенциал.
6. Теоретический контекст актуализации представлений о культурных кодах в социологии.

Щ Глава 4. Теоретические основы представлений о социальном взаимодействии в современной социологии

Как уже было сказано, в качестве фундаментального основания конституирования социальной реальности и социального пространства как формы ее организации в социологии принимается социальное взаимодействие. Оно представлено в двух базовых модальностях — функциональной и символической.

Структурно-функциональная трактовка социального взаимодействия. Начиная с работ Б. Малиновского и А. Рэдклифф-Брауна эта теоретическая позиция была — и теперь остается — доминирующей в социологическом анализе совместной активности людей. С самого начала порождение функций, связи между ними, проявляющиеся во взаимодействиях людей, соответствующие образования, или институты, обосновывались двояким образом. С одной стороны, они выводились из необходимости удовлетворять человеческие потребности и запросы. С другой — из адаптационных императивов, связанных с поддержанием социальных связей и отношений. Истоки первого направления обнаруживаются в работах Б. Малиновского; второго — в исследованиях А. Рэдклифф-Брауна.

Концепция функции подразумевает антропологические предпосылки взаимодействия людей с окружением, причем, не только в экологическом, но и в социокультурном измерениях. Особое внимание в этих теоретических рамках уделяется технологиям и инструментам, порождаемым и используемым в процессах интеракции. Они рассматриваются как посредники, которые делают возможными координацию и интеграцию действий, направленных на удовлетворение потребностей и запросов людей, на поддержание обеспечивающих его социальных целостностей.

Наиболее развитая форма структурного функционализма выражена в концепции социальной системы. Она широко представлена в социологии такими фигурами, как Т. Парсонс, Р. Мертон, Э. Шилз, М. Леви, Д. Белл и др. Соответствующие теоретические принципы использовались и в антропологии (для интерпретации процессов адаптации: к природному окружению в рамках неозолуционизма, к социокультурному — в психологической антропологии). Более того, начиная с 60-х годов XX в. в социальных науках системная трактовка общества и культуры стала доминирующей.

Представление о социальном действии. Понятие социального действия подразумевает совместную активность людей, представленную через цели, средства, условия и результаты ее реализации и направляемую определенными интенциями. Составляющие ее акты могут быть элементарными и составными, разграниченными и перекрывающимися друг друга в зависимости от содержания процесса взаимодействия. Из этих элементарных единиц формируются отдельные функциональные образования, устойчивые и нормативно установленные объединения которых называются институтами.

Организованность и эффективность интеракций в этих условиях определяется качеством действий, которые Т. Парсонс разделяет на инструментальные и неинструментальные. К первым он относит те, что базируются на рациональных основаниях. Вторые несут импульсивный, реактивный характер. Они различаются в соответствии с содержанием побуждений. Ценностно-ориентированные действия структурируются культурно установленными стандартами и нормами и ранжируются в соотношении с ними. Мотивационные стимулируются интернализированными, заученными желаниями, интересами, запросами. По функциям Парсонс подразделяет их на несколько форм:

- когнитивные, соответствующие формированию представлений;
- катектические, связанные с осуществлением желаний, влечений;
- оценочные, направленные на достижение морально санкционированных результатов.

Такая дифференциация действий теоретически обосновывает не только разнообразие форм и содержания процессов взаимодействия, но и внутреннюю неоднородность каждого из них.

На идеально-типическом уровне Парсонс представляет реализацию всех этих типов действий в рамках социальной системы через бинарные позиции Эго и Альтер, которые в рамках нормативно установленных социальных систем находятся в отношениях дополнительности. Разнообразие составляющих таких диад отображено в понятии социальных ролей, определяемом через наборы выделенных категорий действий, правил их реализации, пределов возможных вариаций. Оно характеризует наборы функций, значение которых обуславливается характером системного целого. В контексте взаимодействия динамические связи между ролями можно рассматривать как механизмы поддержания его в интегрированном состоянии.

Если первоначально с точки зрения теории действия в рамках социальной системы понятия роли и актора по содержанию совпадали, то позже их пришлось разделить. По мере применения идеально-типической модели в разных исследовательских контекстах стало очевидным, что исполнение социальной роли отнюдь не означает полной причастности индивида к ней. Уже потому, что ролевые обязанности многообразны и диффузны и каждый индивид выполняет целый ряд ролей, в своих взаимодействиях он никогда не оказывается в сети безоговорочных обязательств. Отсюда несовпадение понятий личности и выполняемых ею социальных функций, тот концептуальный зазор, который допускает функциональную автономию личности в рамках любой социальной системы. Соответственно в этих рамках следует принимать во внимания два аспекта ее существования. В качестве актора она выполняет социально значимые действия, которые контролируются другими участниками взаимодействия в соответствии с нормативно-ролевыми предписаниями. Но в своей целостной воплощенности она обладает потенциалом и возможностями, выходящими за пределы любой социальной системы, и участвует в них лишь частично. Это расхождение определяет область порождения изменений и инноваций, подлежащую сложившимся и конвенционально установленным социальным системам.

*Нормы и дополнительность в контексте социального взаимодействия*¹. Рассматривая механизмы нормативного поддержания равновесия социальной системы, Т. Парсонс обращается к концепции дополнительности функций и ожиданий во взаимодействии Эго и Альтер. Как отмечает Э. Гоулднер, он трактует это понятие как взаимную дополнительность, хотя такое отождествление неправомерно при допущениях, что сами нормы суть производная социальных интеракций и что существует функциональная автономность акторов.

¹См.: Gouldner A. Op. cit. P. 213 — 218.

Взаимная дополнительность предполагает: то, что Эго определяет как свои права, считается обязанностями Альтер, а то, что Альтер полагает как свой долг, Эго рассматривает как свое право. Согласно Парсонсу, такие отношения устанавливаются при условии, что стороны разделяют общий моральный код. Дополнительность же в этих терминах, подчеркивает Гоулднер, предполагает нечто иное: в условиях взаимодействия каждая сторона имеет свои права и обязанности.

Оба вида структурирования совместной активности в ходе интеракции могут нарушаться. В первом случае Альтер может не признавать своим долгом права Эго, либо Эго может отказаться считать своими обязанностями права Альтер. Во втором — участники взаимодействия могут не считаться с автономностью прав и обязанностей друг друга.

Даже при допущении о взаимном воздействии различными оказываются его степени. Неоднозначность взаимозависимости и зависимости от системы в целом становится важным фактором вариаций или изменений ее состояний.

Таким образом, система не сводится только к ее равновесному состоянию, и интеграция ее функциональных единиц характеризуется неустойчивым балансом сил и, следовательно, напряженностью. В каждый период времени степень интегрированности системы определяется соотношением устойчивых и неустойчивых объединений групп интересов между собой и с властными структурами, равнодействующей их взаимных давлений, переговоров и компромиссов. Принятые в рамках системы моральные нормы и ценности в какой-то степени ограничивают их поведение в ситуациях торгов. Однако соображения групповых интересов нередко расходятся с провозглашаемым этосом и оказываются более сильными динамическими факторами, влияющими на характер взаимодействий участников.

Соответственно выявление разделяемых социальных норм и культурных ценностей отнюдь не достаточно, чтобы судить об интегрированном состоянии системы, поскольку их вербальное признание не означает обязательного следования им на уровне интеракций. Они далеко не всегда уменьшают и регулируют напряжения между тенденциями к интеграции и к автономизации тех, кто составляет социальную систему. Чаще всего это лишь показатели, устанавливающие их культурные пределы. Согласно Гоулднеру, сама природа норм такова, что через них выражаются социальные напряжения: они возникают как конвенциональное определение и «связывание» реальных и потенциальных конфликтов.

Длительное время в рамках структурного функционализма считалось, что моральные нормы поддерживают целостность социальной системы. Они осваиваются в процессе социализации, а

затем используются в ситуациях социального взаимодействия «автоматически». Сегодня фокус внимания сдвинулся к определению интеракционных механизмов поддержания моральных норм как таковых. Тем более, что представление об аномии, разработанное Э. Дюркгеймом, указывает на то, что они не вечны и могут нарушаться в массовом масштабе. В этом случае, считает Гоулднер, и возникает необходимость разделить понятия взаимной дополнителности и дополнительности, имея в виду, что последняя мобилизует эгоистические побуждения и закрепляет их в культурно установленных, в том числе нормативных формах.

Моральные нормы и отношения «власть – подчинение». Один из социально значимых способов поддержания моральных норм объясняется с помощью механизма власти в смысле могущества, силы. (Далее будут употребляться все три понятия.) Когда существует значительное неравенство в распределении силового потенциала, — а оно присутствует всегда, — в рамках социальной системы неизбежно возникают отношения эксплуатации. В этом случае более могущественный может принуждать более слабого следовать моральным нормам, не вознаграждая его за это должным образом.

В рамках сложившейся ранее версии структурного функционализма силовой потенциал (власть) как фактор поддержания равновесного состояния системы рассматривался в особом ракурсе. Акцент ставился на ограничениях, налагаемых на его использование моральным кодом. Позже было признано, что такого рода сдержки нельзя считать ни единственными, ни наиболее действенными. В том числе и для равновесного состояния системы. При дифференциации использования силы следует обращать внимание на то, как одни акторы контролируют других в этом отношении. Так, если взаимодействие направлено на удовлетворение запросов, прямо не относящихся к достижением властных позиций, мораль не допускает чрезмерных диспропорций в проявлениях могущества. В противном случае силовые состязания не только не ослабляются моральными нормами, но последние используются участниками борьбы для оправдания ее правоты.

Исследования постколониальных и глобальных процессов показали, что дифференциация властных полномочий не ведет ни к моральному консенсусу, ни к взаимодополнительности функциональных отношений, ожиданий, вознаграждений. Напротив, она несет в себе потенциал внутрисистемных напряжений. Правда, стабильность и целостность системы при этом могут сохраняться, пока соответствующее распределение легитимизировано или морально санкционировано, т. е. власть наделяется авторитетом.

Концепция функциональной автономии. Такие представления о функциях институциональных норм в регулировании взаимодействий в рамках социальных систем базируются на допущении

как взаимосвязанности, так и функциональной автономности их участников. Предполагается, что в этих процессах степень их взаимной зависимости и независимости (автономии) варьируется. Жизнеспособность одних может целиком или по большей части зависеть от таких отношений; другие удовлетворяют в их рамках лишь отдельные нужды. В первом случае речь идет о высокой, а во втором — о низкой степени функциональной автономии.

Система, таким образом, может быть определена как группа взаимодействующих акторов с их переменной зависимостью друг от друга. За этим кроется допущение, что социокультурная реальность не является тотальной единой целостностью. По шкале системности отношения между ее составляющими могут варьироваться от полной взаимосвязанности до полной независимости.

Дополнение структурно-функциональной теории концепцией функциональной автономии имело серьезные познавательные последствия. Во-первых, стало возможным рассматривать социальную систему по крайней мере в двух разных ракурсах. Если в центре внимания находится ее целостность, то предметом изучения становятся устойчивые, непрерывные, тесные взаимодействия между ее компонентами и механизмы, унифицирующие их форму и содержание. Переход к представлению об относительной независимости ее составляющих друг от друга подразумевает акцент на вероятностных, проблематичных аспектах их взаимозависимости. Открывается возможность изучать не только внутрисистемные, но и внешние взаимодействия входящих в нее индивидов и групп. Эти единицы трактуются теперь не просто как части единого целого, но и как имеющие самостоятельную социальную значимость. Их реальность не определяется только принадлежностью к определенной системе.

Во-вторых, когда система рассматривается лишь в равновесном состоянии, изучаются интеракционные механизмы, сохраняющие ее целостность и взаимозависимость ее частей. Концепция функциональной автономии предполагает выявление механизмов взаимодействия, которые способствуют поддержанию самоидентичности каждой из них. Это может сопровождаться снижением степени их взаимозависимости, ростом сопротивления давлению в сторону равновесия и интеграции. Иными словами, с точки зрения этой концепции внутри системы действуют две противоположенные силы. Одна из них — тенденция участников взаимодействия сохранять и даже расширять круг возможностей реализовать собственные интересы и запросы, т. е. сопротивляться полной включенности в систему. Другая — тенденция акторов, отвечающих за поддержание ее целостности, к более полной интеграции других, к сокращению степени их функциональной автономности.

В связи с властными позициями в рамках системы возникают особые проблемы. Их носители обычно отождествляют себя с

системой в целом (представители государственных структур — с обществом в целом, церковные чины — со всеми верующими, идеологи — с системой ценностей всего общества) и действуют соответствующим образом. В то же время у них есть собственные интересы, в том числе связанные с поддержанием автономии функциональных единиц, к которым они принадлежат, и своей собственной. Подобная двунаправленность порождает постоянную напряженность в отношениях между такими агентами и остальными и нередко приводит к социальным конфликтам.

При всей инструментальной полезности трактовок социального взаимодействия в рамках структурного функционализма здесь остается ряд до сих пор нерешенных проблем. Прежде всего, все процессы, происходящие внутри системы, интерпретируются только с точки зрения поддержания ее целостности. Проявления тенденций к функциональной автономии трактуются как отклонения или дисфункции, и основная задача видится в отыскании механизмов их интеграции в систему или нейтрализации. Далее, недостаточное внимание уделяется формам и содержанию интеракций. В результате теоретическая модель остается в большей мере статичной, чем динамичной, фиксирующей структуры, а не процессы. Наконец, при условии, что в рамках теории используются понятия функций, норм, ценностей, в сфере внимания находится их инструментальный аспект и за ее пределами остается семантический. Соответственно не учитывается важный аспект социокультурной динамики, связанный с изучением того, как модификации их смыслов и значений влияют на социально-структурные изменения.

Феноменологические представления об интеракции. В рамках социологии существует еще одно теоретическое направление, связанное с изучением социального взаимодействия и базирующееся на феноменологических основаниях. Основная проблема здесь заключается в том, чтобы преодолеть расхождение между представлением об индивидуальном сознании как конституирующем принципе в отношениях человека с окружением, с одной стороны, и очевидным наличием общей для людей социальной реальности и разделяемых смыслов и значений ее компонент — с другой. Иными словами, центральным оказывается вопрос, как вопреки изначальной субъективности мировосприятия возможна общность представлений об окружении у множества индивидов, или как формируется и поддерживается интересубъективность.

В этом случае предметной областью изучения становится тот уровень социальной реальности, где коллективно разделяемый опыт воспринимается как изначально данный и не подлежащий сомнению. Считается, что этот мир феноменов присутствует в сознании непосредственно и очевидно, до всяких логических умозаключений. Из этой своего рода «субстанции» в соответствии с зако-

номерностями познания формируются представления об окружении, которые всегда интенциональны, т. е. рождаются по каким-то причинам и для каких-то целей. Соответственно в рамках феноменологической социологии смыслы и значения социальной реальности вырастают из первичных интенций и «разделяемых всеми» значений, которые определяют ее организацию в ходе совместной практики людей.

В соответствии с такими теоретическими предпосылками представления об интеракции базируются на следующих допущениях:

— существует исходно значимый для всех разделяемый опыт, который можно обнаружить путем феноменологической редукции, т. е. «взять в скобки» все, что находится вне сознания, и свести индивидуальные вариации переживаний к фундаментальному уровню;

— такой реальности соответствует «естественная установка» (по А. Шюцу), т. е. непосредственное отношение к окружению, обусловленное пребыванием людей в «жизненном мире» и культурно не оформленное;

— из этих двух посылок следует возможность согласования установок и понимания разделяемого опыта, которая реализуется в процессах интеракции и порождает пространство intersубъективности.

Следует подчеркнуть, что во всех теоретических построениях подобного рода взаимодействие и порождаемая им реальность трактуются в терминах сознания и производных его активности — разделяемых символических репрезентаций. Это «символический интеракционизм» в самом широком его понимании.

Механизмы интеракции и intersубъективность. Краткое описание механизмов взаимодействия в их феноменологическом истолковании можно обнаружить в статье А. Шюца «Структура повседневного мышления»¹. Как и в представленной выше структурно-функциональной модели, здесь в качестве исходной идеально-типической единицы анализа принимается диада «Я — Другой» («Эго — Альтер»), Однако отношения между ее составляющими рассматриваются совершенно в ином, не функциональном, но коммуникативном ракурсе. Кроме того, речь идет о формировании и поддержании не институциональных, но межличностных отношений.

Базовыми механизмами взаимодействия, делающими возможными разделяемость, intersубъективность единиц, используемых участниками, и одинаковое понимание их значений, Шюц считает «обмен перспективами» («взаимность перспектив») и «совпадение систем релевантности». В первом случае речь идет о том, что, поме-

¹ См.: Шюц А. Структура повседневного мышления // Социологические исследования. 1988. № 2.

нявшись местами и точками зрения, участники придают ситуации и всему, что происходит в ее рамках, одинаковые значения. Во втором предполагается, что, оказавшись в определенной ситуации, оба будут определять ее сходным образом и выбирать для достижения соответствующих ей целей одни и те же средства. Соответственно становится возможной координация «коммуникативных актов», которыми обмениваются «Я» и «Другой», превращающая их в определенный осмысленный процесс.

Следующим важным механизмом интеракции, выводимым из рассуждений Шюца, следует считать типизацию. Ее можно представить в двух аспектах. Во-первых, формирование типичных представлений. «Взаимость перспектив — по его мнению — ведет к формированию такого знания, которое выступает как знание „каждого“ [как то, что знают все], оно представляется объективным и анонимным»¹. Иными словами, в ходе коммуникации ее единицы перестают быть уникально-субъективными и обобщаются в определенные типичные категории. Во-вторых, отнесение участниками друг друга к определенному личностному типу. Согласно Шюцу, «Я» может понять «Другого», только основываясь на самоидентификации, на собственном опыте, в том числе типологическом. Исходя из этого, каждый в контексте интеракции приписывает действиям другого те мотивы и значения, которые известны ему по собственным переживаниям или как характерные для определенного личностного типа.

Наконец, следует отметить механизмы, способствующие формированию категорий «Мы» и «Они». Совместным пребыванием и при обмене перспективами «Я» и «Другой» порождают разделяемую ситуацию «здесь и сейчас», где нет места индивидуальной рефлексии и стороны имеют дело только с тем, что происходит с ними в настоящем. «Это настоящее, общее для нас обоих, есть чистая сфера Мы. Мы соучаствуем безо всякой рефлексии в живой одновременности Мы... Мы не можем схватить наше собственное действие в его актуальном настоящем, а постигаем лишь те его моменты, которые уже прошли. Но действия другого мы переживаем в их живом свершении»². Таким образом создается пространство интерсубъективности, где коммуникация становится не просто возможной, но и эффективной (с точки зрения достижения взаимного понимания). Здесь объединяются «со —общники», образующие «Мы —отношения», хорошо знающие друг друга, позволяющие себе проявлять свою уникальность. К категории «Они —отношения» обращаются, когда речь идет о «современниках», уникальные биографии которых неизвестны или не имеют значения и по-

¹ См.: Шюца. Структура повседневного мышления. С. 131.

² Schutz A. Collected Papers. Hague, 1962. Vol. 1. P. 147. Цит. по: Ионин Л. Г. Понимающая социология. М.: Наука, 1979. С. 123—124.

ведение которых интерпретируется в терминах типизации. «Мы» воспринимают «Они» как идеальный тип, и в соответствии с этим строятся взаимодействия между ними, которые носят опосредованный характер. Но следует подчеркнуть, что и в этом случае медиаторами оказываются разделяемые (типичные) представления и их символические репрезентации. Иными словами, и такого рода отношения осуществляются в пространстве интересубъективности.

Идеи А. Шюца стали основополагающими для всего направления социологии повседневности — от П. Бергера и Т. Аукмана до последних работ И. Гофмана и сравнительно недавних Э. Гидденса. Однако до сих пор пространство интересубъективности описывается в самых общих терминах и остается теоретически неструктурированным. А что касается представлений об интеракциях, то ни формы, ни типичные последовательности и содержание соответствующих процессов пока до конца систематическим образом не осмыслены.

С о щ а л ь н о е в з а и м о д е й с т в и е и е в к о н т е к с т е к о н ц е п ц и и с т р у к т у р а ц и и. Своеобразным синтезом модифицированных версий институциональной и феноменологической социологии стала концептуализация социального взаимодействия в рамках теории структуризации Э. Гидденса. Он исходит из положения, что структурные свойства социальных систем существуют в постоянном воспроизведении общественных практик, не выводимых напрямую ни из интенциональности акторов, ни из институциональных структур.

И с х о д н ы е д о п у щ е н и я о б и н т е р а к ц и о н н о й п р и р о д е с о щ а л ь н ы х п о р я д к о в. В этих теоретических рамках представления о совместной активности людей и ее динамических последствиях базируется на совокупности исходных допущений, определяющих предметную область изучения темы:

— люди совместно производят и воспроизводят социальные порядки на основании практической реализации тех знаний и навыков, которыми они располагают и разными способами используют в процессах взаимодействий и коммуникаций;

— в то же время они создают эти порядки не в соответствии с рационально выстроенным планом, но в контексте интеракционных процессов и их непредвиденных последствий; при этом формы совместной активности и их вариации ограничены неосознаваемыми, принимаемыми как данное условиями существования;

— структурирование совместной активности людей производится и воспроизводится в ходе рутинной повседневной практики. Однако это не означает, что речь идет только об ограничениях, налагаемых на действия людей: структуры также создают возможности для их вариаций и модификаций.

Исходя из этих допущений, Гидденс обращается к понятию социальной системы, которое интерпретирует отличающимся от

структурно-функционального образом. У него такую целостность составляют размещенные в определенных пространстве и времени практики, взаимозависимость которых организует действующих индивидов в группу. Это означает, что агенты занимают определенные позиции по отношению друг к другу, выражаемые в их социальных идентичностях или ролях. Таким образом, как и в рамках структурного функционализма, социальная система трактуется как структурированная целостность, состоящая из совокупности единиц, каждая из которых наделена своими правами и обязанностями. Однако дальше начинаются отличия.

Социальную систему Гидденс рассматривает с точки зрения организации социального взаимодействия. Это воспроизводящаяся общественная практика, воплощенная в упорядоченные взаимосвязи и взаимозависимости индивидов и групп. Такие отношения, несмотря на свойственные им структурные свойства, не следует отождествлять со структурами как таковыми.

Далее, в организованной совместной активности людей Гидденс косвенным образом проводит различие между взаимодействием и коммуникацией. Это следует из его концептуализации правил, которыми она регулируется и которые предполагают реализацию «методических процедур» социального взаимодействия. В этом качестве они регулируют, с одной стороны, производство значений, а с другой — способы совместной социальной активности. Соответственно различаются использование правил и их формулирование. Причем, умение действовать не предполагает обязательных навыков четкого изложения, по каким правилам они осуществляются.

И еще одно важное отличие. Гидденс придает особое значение эмерджентным, или непреднамеренным последствиям взаимодействий и коммуникаций в рамках социальной системы. Они оказывают влияние на процессы, обуславливающие воспроизведение структурных характеристик системной целостности, а также обеспечивающие ее интеграцию, и могут порождать социальные противоречия и конфликты. Первые в трактовке Гидденса отличаются от общепринятого представления о «функциональной несовместимости» элементов системы. Он считает, что это «оппозиция или дизъюнкция структурных принципов социальной системы, где эти принципы *действуют в рамках друг друга*, но в то же время противоречат друг другу». Вторые он рассматривает как особую¹ форму социальной практики, которая представляет собой борьбу между акторами в контексте властных отношений.

Формы социального взаимодействия. В своих работах Гидденс выделяет два состояния социальной системы — интегрированное

¹ Гидденс Э. Последствия модерна. С. 141.

и конфликтное, — из которых можно вывести соответствующие формы социального взаимодействия. Состояние интеграции обеспечивается действием институциональных принципов воспроизведения системной целостности:

— действие причинно-следственных замкнутых связей («каузальных петель»), обеспечивающих гомеостазис системы;

— саморегуляция системы за счет действия механизма обратной связи, обеспечивающей фильтрацию информации в процессе взаимодействия с окружением;

— саморегуляция посредством рефлексии тех, кто составляет систему, относительно ее состояний и возможностей (саморефлексии).

Первые два принципа совпадают с теми, что определяют гомеостазис системы в рамках структурного функционализма. Последний ближе к феноменологической трактовке поддержания совместной активности людей. В свете этого можно рассматривать соответствующие процессы внутрисистемного взаимодействия.

Действие гомеостатических каузальных петель обусловлено взаимозависимостью индивидов и/или групп, составляющих систему. Речь идет о том, что изменение формы или содержания взаимодействий и коммуникаций в одной из ее компонент может стать причиной таких событий, происходящих в рамках других, которые нарушают их ранее сложившуюся рутинную последовательность. В свою очередь это влияет на форму активности инициатора изменений таким образом, чтобы вернуть ее к исходному состоянию. Согласно Гидденсу, этот важный принцип обуславливает действие простейших механизмов воспроизведения социальной системы.

Процессы саморегуляции, основанные на действии механизмов обратной связи, направлены на контроль над изменениями сложившихся в рамках системы динамических форм. Взаимодействия с окружением тех компонент системы, которые составляют «контролирующие информационные фильтры», направлены на то, чтобы отбирать и пропускать вовнутрь полезные для нее воздействия и блокировать нежелательные. Задача акторов, занимающих такие позиции, состоит в том, чтобы регулировать общие условия воспроизведения системной целостности. Они делают это, стимулируя либо сохранение, либо изменение рутинных паттернов совместной активности.

Деятельность, направленную на построение и применение механизмов контроля над внутрисистемными взаимодействиями и коммуникациями, Гидденс называет рефлексивной саморегуляцией. Она содержит две компоненты. Первая из них — это осознанное отслеживание (рефлексивный мониторинг) процессов, происходящих в рамках системы. Вторая — контролируемое воздействие одних членов системы на других в целях либо поддержания целостности системы, либо улучшения собственного по-

ложения в ее рамках. Иными словами, в этом случае происходит целенаправленное усиление действия механизмов обратной связи. Взаимодействия, направленные на интеграцию системных компонент, как правило, осуществляются, согласно Гидденсу, в рамках «легально-рациональных» институциональных организаций. Когда же представители определенных групп, составляющих систему, начинают отстаивать собственные интересы, социальная мобилизация приобретает внеинституциональный характер, как это происходит в случае формирования социальных движений. Иными словами, институциональные организации и социальные движения представляют собой две зоны социального пространства, где «в современном мире приводится в движение рефлексивное знание о социальной жизни»¹.

Другим базовым состоянием социальной системы Гидденс считает конфликт. Его необходимым условием является наличие социальных противоречий. Они неизбежно возникают в процессах взаимодействий, направленных на воспроизведение социальных порядков. Это происходит из-за непредвиденных последствий совместной активности людей, объединения которых характеризуются не только взаимосвязанностью, но и определенной степенью функциональной автономности.

Однако связь между этими понятиями неоднозначна. Противоречия не приводят к открытым столкновениям при следующих условиях:

— если акторы не осознают наличия глубоких социальных расхождений и вызываемых ими общественно значимых проблем, а также своих возможностей в их преодолении;

— если такие противоречия рассредоточены в социальном пространстве, т. е. их носители не находятся в непосредственных взаимодействиях.

Наслоение же противоречий и их осознание ведет к публичным столкновениям акторов, к их открытой борьбе, сопровождающейся попытками взаимных «направленных подавлений». Обе ситуации активизируют формы интеракции, нарушающие рутинный ход событий и чреватые изменениями.

При изучении такого рода движущих сил социокультурной микродинамики Гидденс предлагает исходить из следующих базовых допущений:

— действия осуществляются людьми, и их следует изучать в соответствии с теориями, репрезентирующими индивидов или группы как носителей определенных социокультурных характеристик;

— социальные взаимодействия осуществляются в определенных зонах социального пространства вокруг конкретных типов искусственных объектов (артефактов);

¹ Гидденс Э. Девять тезисов. С. 79.

— социальные взаимодействия могут быть направлены на поддержание или изменение существующих социокультурных порядков; в любом случае разные группы людей могут либо вмешиваться в существующее положение дел, либо воспроизводить его.

Таким образом, в теории Гидденса есть все указания на то, что успешное изучение микродинамических процессов, происходящих в обществе и влияющих на воспроизведение или изменение его состояний, возможно только при их локализации в социальном пространстве и определении характера отношений между реализующими их субъектами. В то же время ни он, ни кто-либо другой не предложили общих теоретических моделей, представляющих «идеальные типы» как социального пространства, так и форм взаимодействия, которые можно было бы использовать для описания процессов, происходящих в разных локусах, и определения их социокультурных последствий.

Проблемная ситуация социального взаимодействия: важность взаимосвязи понятий. Представленные теоретические концепции социального взаимодействия свидетельствуют о необходимости проследить его порождение, специфичные формы, способы реализации, последствия для акторов. При рутинных интеракциях все эти аспекты тесно переплетены и плохо поддаются аналитической дифференциации. В то же время известно, что они становятся более заметными, когда речь идет о проблемных ситуациях, где люди взаимодействуют более рефлексивно и демонстративно. В рамках социологии культуры проблемные ситуации и соответствующие им формы интеракции не стали объектами специального внимания. Однако такие сюжеты, как чрезвычайные, неизвестные или непредсказуемые обстоятельства, конфронтации интересов и т. п., вполне отвечают понятию «проблемная ситуация». Социологическое их осмысление можно представить двумя показательными для социологии культуры темами, которые сегодня широко обсуждаются в профессиональной среде — «культурная травма» в концептуализации П. Штомпки¹ и «риск» в интерпретации Э. Гидденса².

Концепция культурной травмы. Согласно П. Штомпке, культурная травма возникает, когда на уровне общества в массовом масштабе проявляются «деорганизация, смещения, несогласованности в социальной структуре или культуре, иными словами, когда контекст человеческой жизни и социальных действий теряет гомогенность, согласованность и стабильность, делаясь другим, даже противоположным культурным комплексом». Причем, при условии, что все это возникает быстро и неожиданно и охватывает ключевые

¹ Штомпка П. Социальное изменение как травма, images/pubs/2007/05/07/0000307513/1 — Shtompka.pdf. С. 8.

² Гидденс Э. Модерн и самоидентичность. Циг. раб.: Giddens A. Modernity and Self—Identity. Oxford UK: Blackwell Publishers, Ltd. 2002.

компоненты культуры, — ценности, верования, нормы. Концепция культурной травмы оказывается полезной при выявлении базовых принципов социального взаимодействия в проблемных ситуациях.

Это патологическое состояние проявляется при определенных обстоятельствах («благоприятный для него контекст»), когда деструктивное воздействие травмирующих факторов охватывает и социально-структурные, и культурные основания совместного существования людей. В таком контексте речь идет о столкновении с новыми аспектами окружения, которые становятся императивами к поискам новых способов социокультурной адаптации. В свете теории социального становления (в том числе микродинамики) «под этим следует понимать сложный, искусственный вид человеческой коллективности, дающий возможность его творческой самотрансформации»¹. Иными словами, имеется в виду актуализация механизмов социальных взаимодействий и коммуникаций, способствующих преодолению травмы.

Травматическая ситуация (событие) может быть определена как состояние напряжения в обществе, связанное с конкретными социальными изменениями. Они отличаются следующими характеристиками:

- во времени появляются неожиданно и быстро;
- по содержанию и размаху являются радикальными, глубокими, многомерными, затрагивающими основы социальных и культурных порядков;
- с точки зрения истоков считаются экзогенными, внешними негативными воздействиями (люди «страдают» от травм, травмы «происходят с ними»), они «сталкиваются» с травмами);
- на когнитивном уровне воспринимаются как нечто неожиданное, непредсказуемое, удивительное, шокирующее, отталкивающее.

Ответными реакциями на травмирующие события и ситуации становятся индивидуальные и коллективные попытки справиться с ними. По Дж. Александру², их конвенциональное определение как социально значимых проблем предполагает динамичный процесс культурного конструирования, или «травматическую последовательность» (traumatic sequence), которая состоит из следующих компонент:

- контролирование средств символического производства, или выделение наиболее социально приемлемых интерпретаций ситуации;
- кодирование (coding) травмы как «зла», как того, что необходимо преодолеть;
- наделение ситуации смысловым весом (weighting): «нормальное зло и радикальное зло не могут быть одинаковыми»,

¹ Штомпка П. Социальное изменение как травма. С. 24.

² См.: Семашко Л.М. Смыслы культурной социологии. <http://www.peacefromharmony.org/>

— нарративная представленность свойств ситуации с точки зрения содержания в ней «зла»: каковы его истоки, кто его жертвы, кто несет ответственность за них, каковы его последствия и т. п.

Риск как проблемообразующий фактор. Как подчеркивает Гидденс, в современных обществах риск стал постоянно действующим социальным?! фактором. Это происходит не только из-за увеличения сложности и динамизма окружения, с которыми приходится иметь дело людям. Качественное изменение претерпевают структуры их контроля над упорядоченностью текущей социокультурной жизни. Кроме того, все более непредсказуемым становится даже самое близкое будущее. Соответственно риск оказывается не столько чрезвычайной характеристикой современной социальной ситуации, сколько ее параметром и конституирующим фактором. Возрастающая неопределенность, «климат риска» в современном обществе приводят к тому, что «и для дилетанта, и для эксперта постоянным и непреложным опытом становится мышление в терминах риска»¹. Высокий уровень неопределенности в обществе не дает сложиться рутине повседневной жизни. Но именно она, согласно Гидденсу, обеспечивает людям онтологическую безопасность. Из нее, как правило, удаляются все те экзистенциальные моменты, которые чреватые нравственными беспокойством и кризисами. Люди стремятся изолироваться от ситуаций, которые потенциально опасны для их привычного существования². Это закрепляется в моральных нормах, нравах и обычаях. Такие культурные формы поддерживаются до тех пор, пока ритм обыденной жизни не нарушается факторами, находящимися вне власти индивидов, по ту сторону их «защитного контура».

В условиях неопределенности у людей появляется радикальное сомнение в устойчивости их жизненного мира. Но если они не располагают никакой опорой вовне (вера, авторитет, традиция), то их базисное доверие к своей онтологической безопасности и идентичности постоянно подвергается испытанию. Проблемные ситуации становятся частью социальной жизни, но не воспринимаются как ее норма: стремление к их срочному и социально приемлемому (адекватному) решению возрастает.

Осмысление этих явлений как в принципе поддающихся социальному контролю порождает процесс постоянных подсчетов соответствующих возможностей и ресурсов. В результате риски, связанные с проблемными ситуациями, институционализируются, чтобы стать объектом целенаправленного регулирования. Их постоянный рефлексивный мониторинг в современных обществах приводит к возникновению особых экспертных систем, где они осмысляются, оцениваются и на этой основе строятся рекомендации.

¹ Гидденс Э. Модерн и самоидентичность. С. 105.

² Там же. С. 108.

Но сами такие системы находятся в рамках трансформирующихся институтов, которые сейчас оказываются разобщенными и сосредоточенными на решении собственных проблем.

Анализируя особенности механизмов связи между социетальной структурой и миром повседневности, Гидденс отмечает, что институциональная рациональность сегодня расходится с необходимостями обыденной жизни¹. В немалой степени это связано с тем, что в процесс личностной идентификации оказываются вовлеченными абстрактные системы, которые предлагают целый набор альтернативных рекомендаций (педагогических, медицинских, психологических и т. д.). Они заменили собой однозначную и прозрачную для понимания традицию (этапы инициации, например)². С одной стороны, это позволяет каждому обретать новые полномочия, умения, опыт, с другой — означает зависимость от экспертных систем. Кроме того, сам факт умножения в обществе их разнокачественности и неоднородности привносит в возможность реализации рекомендаций элемент риска. Необходимость выбора среди них заставляет людей в повседневной жизни постоянно испытывать напряжение между чувством ненадежности окружающего мира и желанием обрести базисное доверие к нему.

Таким образом, хотя механизмы личностной идентичности испытывают существенное влияние со стороны трансформирующихся, т. е. нестабильных социетальных институтов, уровень субъективного доверия к ним оказывается невысоким. Однако для преодоления неопределенности в современном обществе чрезвычайно важной оказывается организация повседневной практики индивидов вокруг существующих институциональных форм. Это, по мнению Гидденса, становится основой онтологической безопасности личности: «Чувство доверия... является источником объективной стабильности внешнего мира и целостности самоотождествленного „Я"»³.

Все сказанное свидетельствует о том, что понятия травмы и риска связываются с представлением о неопределенности, напряженности социокультурной жизни, вызывающей, согласно Гидденсу, нарушение онтологической безопасности и базового доверия к окружению. Иными словами, их можно считать одним из важных показателей проблемной ситуации в обществе. Когда они обнаруживаются и на институциональном, и на обыденном уровнях социокультурной реальности, можно считать, что и на каждом из них, и между ними нарушена работа механизмов, ответственных за поддержание социально приемлемой степени определенности и предсказуемости социальных и культурных процессов. Все это побуждает людей к поиску выходов из ситуации, который активизи-

¹ Гидденс Э. Модерн и самоидентичность. С. 99.

² Там же. С. 106.

³ Там же. С. 101.

рует процессы социального взаимодействия и коммуникации. В то же время известно, что от его форм зависят и способы, и эффективность совместной активности. Однако им в работах, посвященных проблемообразующим факторам, не уделяется должного внимания. В то же время их изучение необходимо, поскольку позволит уточнить представления о механизмах, действующих в контексте социокультурной микродинамики и составляющих ее процессах.

Контрольные вопросы

1. Познавательная значимость понятия «социальное взаимодействие» в социологии культуры.
2. Структурно-функциональная трактовка понятия «социальное взаимодействие».
3. Феноменологические представления о социальном взаимодействии.
4. Функции понятия «социальное взаимодействие» в теории структуризации Э. Гидденса.
5. Особенности социального взаимодействия в экстремальных ситуациях.

И РЕЗЮМЕ

1. Определение понятия «культура» в антропологии и социологии различаются в соответствии с аналитической позицией, с которой оно рассматривается. В антропологии речь идет об искусственном мире человека, о содержании совместной жизни людей с выделением их ключевых составляющих. В социологии определение строится вокруг представлений о социально-структурной детерминированности культуры или культурной детерминированности социальной структуры, о связи понятия с категорией общественной практики. Эти позиции не противоречат друг другу, но освещают предметную область — созданное человеком окружение — с разных сторон. Их теоретическое объединение позволяет избежать сложившейся сегодня в рамках социологии культуры оппозиции «социальная структура — культура».

2. Понятие социальной реальности является фундаментальным по отношению к социальной структуре. Из него можно выводить представления и о социальных порядках, и о культурных феноменах. Сегодня в социологии оно начинает теоретически разрабатываться. Однако пока не отрефлексированы исходные основания, на которых оно может быть построено в качестве базы для анализа различных проявлений совместного существования людей.

3. В современной социологии понятие социальной реальности тесно связано с представлениями о социальном пространстве. Эта

тема пока только начинает разрабатываться, но уже сейчас видна ее теоретическая значимость для изучения динамики связей между социальными и культурными порядками в рамках социологии культуры. Сегодня трактовка понятия «социальное пространство» предполагает ряд исходных положений, на которых она базируется и которые определяют направления осмысления ее содержания. Прежде всего считается, что социальное пространство не тождественно физическому. Оно порождается и поддерживается совместной активностью людей в контексте их связей с окружением. По своему составу оно неоднородно из-за различия социальных субъектов и форм и последствий их интеракций. По строению оно внутренне дифференцировано из-за различий в направленности совместной активности людей. Однако пока это понятие остается скорее плодотворной метафорой, чем социально-научной категорией. Проблемы с его определением заключаются в том, что, во-первых, его невозможно представить без включения в его трактовку культурного измерения, а во-вторых, нужны определенные, отрафлексированные основания для его дифференциации. Пока же в рамках социологии культуры понятие социального пространства теоретически не структурировано, поэтому локализация социальных и культурных изменений и путей их распространений не поддается четкому теоретическому осмыслению.

4. Поскольку социальное пространство и происходящие в его пределах события рассматриваются как производные совместной активности людей, одно из центральных мест в социологии культуры занимает понятие социального взаимодействия. С позиций структурного функционализма оно трактуется с точки зрения соответствия принятым в обществе институционально установленным нормам и правилам. В рамках феноменологической традиции с ним связываются представления об обмене перспективами между акторами, о достижении ими взаимопонимания, порождающими пространство intersubjectivity. Сегодня оба представления используются как дополняющие друг друга (например, в концепции структуриации Э. Гидденса). До недавнего времени социальное взаимодействие связывалось главным образом с рутинными ситуациями на институциональном уровне и в контексте повседневной реальности, с поддержанием их устойчивых характеристик. Однако в отдельных случаях начинает проявляться интерес к совместной активности людей в экстремальных ситуациях. В то же время пока специального внимания не уделяется формам социального взаимодействия как процесса. Это не позволяет строить обоснованных прогнозов относительно социокультурной микродинамики и оценивать социально значимое содержание результатов совместного решения людьми жизненно важных проблем.

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ КАК АНАЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ МИКРОДИНАМИКИ

Итак, были описаны предпосылки актуализации теоретической социологии культуры, ее современное состояние и существующие в ее рамках проблемы, решение которых представляется необходимым для изучения одной из ее центральных тем — социокультурной микродинамики. Действительно, именно с выходом в эту область связаны и активное осмысление социологами понятия «культура», и признание его относительной автономности от традиционного концепта «социальная структура», и их обращение к антропологическим идеям. Выделенные здесь конструктивные соображения на этот счет составляют теоретический контекст, в рамках которого оказывается возможным построить теоретико-методологическую модель для анализа социальных и культурных изменений, их взаимосвязей и последствий.

И Глава 1. Основания изцечемин соципкцицирной микродинамики

Как известно, социальные и культурные изменения всегда были предметом особого внимания и социологов, и антропологов. Их описанию и объяснению посвящено множество работ. Они обобщены в такие макротории, как эволюционистская, волнообразная, диффузионистская. Однако вплоть до сравнительно недавнего времени они представлялись в объективированном виде, т. е. как события или результаты процессов, отличающиеся от того, что было прежде. До определенного времени такое положение дел считалось в пределах социальных наук вполне удовлетворительным. Однако увеличивающаяся степень сложности и динамизма социальной и культурной жизни, с одной стороны, и продвижение самих социальных наук — с другой, привели ученых к осознанию того, что прежние модели анализа не отвечают требованиям, связанным с решением новых задач.

Прежде всего стало очевидным, что представления о локализации и причинах макроисторических изменений гипотетичны и не поддаются ни доказательству, ни опровержению. Кроме того, способы их изучения не подходят для анализа современного положения дел. Далее, их социальные и культурные последствия систематическим образом не прослеживаются и, скорее, постули-

руются, чем обосновываются. Соответственно во многом на предположениях, а не на доказательствах основываются представления о масштабности их распространения в различных обществах. Так, в связи с темой глобализации она преувеличивается одними и преуменьшается другими. Наконец, пока изменения трактуются исключительно как дискретные феномены. Поскольку последовательность их порождения, становления и завершения остается неизученной, отсутствует теоретическая база для обоснованного различения социокультурных событий и процессов. В то же время эти вопросы становятся все более актуальными в пределах социологии культуры с ее преимущественной ориентацией на современную социокультурную микродинамику.

В ходе предпринятого выше анализа неоднократно приходилось делать вывод, что в рамках социологии культуры не хватает структурированного аналитического пространства, в пределах которого эта тема была бы представлена в четких теоретических терминах. Иными словами, социальные и культурные изменения следует локализовать с точки зрения их порождения на уровне институтов или обыденной жизни, определить формы активности их агентов, выявить их содержание и возможности распространения в виде определенным образом структурированных процессов. Оценка теоретического потенциала современной социологии, связанного с этой темой, позволяет утверждать, что здесь есть все предпосылки для ее разработки. Однако имеющиеся знания остаются разрозненными и несистематизированными.

Проблема. Они могут быть организованы применительно к проблеме, формулировка которой вытекает из результатов соответствующей познавательной ситуации, сложившейся в рамках социологии культуры. Она заключается в расхождении между признанием необходимости изучать социокультурную микродинамику и отсутствием необходимых для этого рационально выстроенных теоретических рамок. Из проведенного анализа следует, что ее можно уточнить, выделив два более частных направления. Во-первых, переход от дискретного фиксирования социальных и культурных изменений в их взаимных влияниях и автономии к их осмыслению в качестве событий и процессов затруднен отсутствием теоретической системы координат для их локализации и интерпретации. Во-вторых, определению содержания социальных изменений и их социальных и культурных последствий мешает несистематизированность теоретических представлений о формах социального взаимодействия, обуславливающих их содержание и возможности распространения.

Как уже отмечалось, имеющегося знания достаточно, чтобы преодолеть эти затруднения. Представления о социальной реальности и выделение социального и культурного измерений как осей

координат для ее изучения составляют основания для построения теоретической модели, позволяющей локализовать изменения, их агентов, содержание и пути распространения. При обобщении результатов исследования совместной активности людей проясняются причины порождения и структурирование процессов, определяющих характер соответствующих микродинамических тенденций.

Цель предлагаемого здесь направления социологии культуры состоит в том, чтобы представить две идеально-типические теоретические модели — социокультурного пространства и фундаментальных форм социального взаимодействия. Это позволит дать ответы на вопросы: где происходят социальные и культурные изменения, и благодаря каким формам интеракции они приобретают свои динамические конфигурации.

Теоретическая позиция, обуславливающая реализацию этой цели, определяется представленным здесь концептуальным контекстом социологии культуры и антропологическими идеями¹, имеющими отношение к рассматриваемой проблеме. Соответственно в самом общем виде формулируется три группы задач, связанных с построением:

— исходных антропологических и социологических оснований для разработки названных теоретических моделей;

— идеально-типической модели социокультурного пространства, базирующейся на специально разработанных концепциях социокультурного кода и артефакта;

— идеально-типической модели форм и парадигм социального взаимодействия на основе специально разработанных концепций проблемной ситуации и типов поведения людей в их рамках.

Предлагаемая теоретическая позиция предполагает выделение определенной *предметной области*, в пределах которой решение выделенных задач оказывается возможным. Это социокультурная реальность, определение которой базируется на сочетании социологических и антропологических исходных допущений. Она представлена в двух модальностях: структурной (социокультурное пространство) и динамической (социальное взаимодействие). В этом контексте *объектами* исследования становятся:

— в первом случае измерения, уровни, области социокультурного пространства;

— во втором — формы, парадигмы социального взаимодействия.

Формулировка проблемы и выделение предметной области для ее решения обуславливают выбор исходной теоретико-методологической позиции — социальный конструктивизм, который

¹ См.: Орлова Э.Л. Культурная (социальная) антропология. М.: Академический Проект, 2004; История антропологических учений. М.: Академический Проект, 2010.

предполагает объединение следующих *методов*, используемых в построении предлагаемых идеально-типических моделей:

- функциональный в его первоначальной антропологической интерпретации для обоснования дифференциации социокультурного пространства и парадигм социального взаимодействия;
- структурно-функциональный для построения морфологии социокультурного пространства;
- семантический для концептуализации социокультурного кода;
- динамический для представления парадигм социального взаимодействия в качестве процессов.

Все ключевые понятия, с помощью которых конструируются предлагаемые модели, операционализированы, т. е. представлены в концептуальных единицах анализа и наблюдения.

Исходные теоретические (социологические и антропологические) допущения

Построение идеально-типических моделей социокультурного пространства и парадигм социального взаимодействия предполагает формулировку исходных допущений, на которых она базируется.

1. Социальная природа человека, т. е. исходно вынужденное, неустранимое сосуществование людей в планетарном пространстве в границах, предопределенных условиями, необходимыми для выживания человечества как вида:

- в пренатальном состоянии каждый эмбрион непосредственно связан с материнским организмом;
- после рождения, ребенок находится в существенной зависимости от окружающих взрослых;
- жизненный путь каждый прокладывает в контексте связей с другими.

2. Видовое единство (принадлежность к одному биологическому виду) означает, если переинтерпретировать формулу У. Джемса, что все люди:

- имеет сходные (общие) характеристики, которые можно назвать антропологическими универсалиями;
- типологически различаются по конфигурации (соотношению степени выраженности) этих универсалий;
- индивидуально различаются по вариациям выраженности типологических характеристик.

3. Из положения о видовом единстве людей можно вывести следствие об общих для них (универсальных) императивах в построении отношений с окружением на вещественном, социальном, символическом уровнях. Ответы на них структурно универсальны (пассивность/активность, деструктивность/конструктивность), а содержательно зависят от конкретных условий существования.

4. Свойство людей поддерживать и менять конфигурацию связей с окружением обусловлено имманентной изменчивостью

— окружения, событий, происходящих в его пределах, влияющих на положение дел в сообществе или на состояние его жизненной среды;

— индивидуальных запросов, проявлений активности, отношений между участниками.

5. Возможности людей контролировать свое окружение ограничены, что обуславливает их объединение в сообщества, где в ходе интеракции их участники формируют подконтрольную им жизненную среду, которая характеризуется:

— упорядоченностью (устойчивостью, повторяемостью форм) связей между участниками, распределенностью функций между ними, обеспечивающих удовлетворение индивидуальных запросов, с одной стороны, и поддержание целостности сообщества (как условие, необходимое для этого) — с другой;

— разделяемостью форм активности, обеспечивающих воспроизведение этих связей и функций; она фиксируется:

- в стандартизованных действиях и их последовательностях как компонентах интеракции;
- во взаимных ожиданиях в контексте интеракции, зафиксированных в нормах (границах «требуется — запрещается») и правилах (вариации допускаемых нормами разделяемых способов деятельности и поведения);
- в знаковых и символических заместителях референтов, позволяющих на уровне коммуникации подтверждать или отрицать правомерность определенных действий и актов поведения в контексте интеракции, а также намечать возможные пути их коррекции в случае надобности.

6. Формирование, поддержание и варьирование подконтрольной сообществу жизненной среды за счет эффективных интеракций отвечает свойству людей экономить усилия за счет поддержания устойчивых связей с окружением. Эти процессы в контексте предлагаемой концепции обозначаются как адаптация.

7. Адаптационная активность обуславливает:

— формирование специфичной для человека как вида социальной реальности;

— она упорядочивается социокультурными кодами, преобразующими неопределенность в отношениях людей с окружением в разделяемые, не сводимые друг к другу порядки;

— они представляют собой социальные формы, отвечающие свойственным всему живому ориентациям как на устойчивость, так и на изменчивость связей с окружением.

8. Специфичная для человека как вида реальность может быть представлена совместной активностью людей в контексте их от-

ношений с окружением, ее процессами, результатами и пространством реализации в аспектах:

— социальном, т. е. структуры отношений между людьми в контексте различных форм процессов взаимодействий и коммуникаций;

— культурном, т. е. функциональное и символическое содержание, соответствующее этим структурам и формам;

— социокультурном, т. е. зависимость между социальными структурами и культурным содержанием, порождаемыми связями людей с окружением.

9. Социокультурная реальность воспроизводится и изменяется динамическими отношениями людей с окружением. Ее социально значимые формы и последствия закрепляются в стандартизованных, разделяемых типах артефактов:

— паттернах поведения, детерминированных необходимостью поддержания социальных отношений;

— вещественных объектах — для удовлетворения индивидуальных запросов и сохранения жизненной среды;

— символических образованиях — для идентификации элементов праксиса и экспериментирования с их заменителями.

10. Динамические отношения людей с окружением обозначаются термином «интеракция» с выделением трех уровней:

— вещественного — материалы, инструменты, вещи для личного и коллективного использования;

— социального — межличностные и межгрупповые обыденные и институциональные связи;

— символического — вербальный и письменный язык, невербальные образные средства репрезентации (изображения, музыка, танец), экстралингвистические проявления (мимика, жестикуляция, проксемика).

11. Эти отношения обусловлены свойством человека (организма) регулировать собственные ресурсы: их накопление и экономия при достижении определенной меры сменяется «сбросом» их избытка. Следствием допущения об этом свойстве можно считать смену ориентаций человека с поддержания устойчивости в отношениях с окружением на их изменение. Показателями экстремума в модальности этих отношений являются «стресс монотонии» в первом случае и тревожность, вызываемая неопределенностью, утратой контроля над жизненной средой, — во втором.

Определение ключевых понятий

Представляемое здесь направление социологии культуры определяется совокупностью взаимосвязанных ключевых понятий. Они в самом общем виде организуют и ограничивают предметное поле изучения и выделяют круг задач, которые могут решаться в его пределах.

Культура. Это понятие используется в том значении, которое наиболее соответствует антропологическим представлениям. Как было сказано ранее, в рамках этой науки оно значительно подробнее разработано и теоретически обосновано, чем в социологии. И современные социологи культуры склонны работать именно с ним, правда, не во всем его объеме, ограничиваясь главным образом символическим уровнем. Обобщая все наиболее значимые составляющие, которые выделялись в приведенных авторитетных высказываниях о содержании понятия культуры, можно сформулировать некоторое его интегральное определение.

В самом общем смысле культуру можно определить как искусственный мир человека, как содержание общественной жизни, представляющее собой биологически ненаследуемую информацию, искусственные, созданные людьми объекты (артефакты). Понятие относится к организованным совокупностям вещей, репрезентированных идей и образов; технологий их изготовления и оперирования ими; паттернов отношений между людьми и способов их регулирования; оценочных критериев, циркулирующих в обществе и зафиксированных в хранящихся здесь культурных текстах. Это созданная самими людьми искусственная среда существования и самореализации, источник организации и регулирования социальных интеракций.

Такое определение не только не противоречит концептуализации этого понятия в рамках социологии культуры, но во многом совпадает с ней. Следует подчеркнуть, что для социологов дефиниция не была основной задачей. Они пытались ответить на вопрос, является ли культура полностью детерминированной социальной структурой, либо автономным измерением совместной жизни людей. Сегодня почти все, отвечая на него, склоняются к признанию обоих параметров в качестве аналитически независимых друг от друга.

Социальная структура. Это понятие используется в области социологии культуры в его традиционном значении. Речь идет главным образом об институциональном уровне изучения общества. Под социальной структурой понимается организация связей между социетальными институтами. Их внутренняя организация и функционирование считаются доминирующими факторами, определяющими состояние общества в целом. При выделении культуры в самостоятельное измерение общественной жизни она сопоставляется именно с этими институтами.

Социальная структура как конфигурация отношений между социетальными институциональными образованиями рассматривается с точки зрения упорядоченности общественных отношений на макроуровне. Нормативная природа ее составляющих предопределяет границы допустимой социальной активности и формы ее организации, которые могут быть либо конвенционально признанными, либо устанавливаемыми и легитимизируемыми властью.

Однако двойственная сущность институтов обуславливает изменчивость в отношениях между ними. Дело в том, что по определению их функции распределены между удовлетворением запросов составляющих их акторов, с одной стороны, и поддержанием социального целого — с другой. Современные социологи считают, что баланс между этими ориентациями может быть представлен только как идеально-типическая модель и недостижим в реальности. Именно поэтому Э. Гидденс говорит не о структуре как стационарном социальном порядке, а о структурировании как процессе постоянного упорядочения людьми их совместного существования.

Тем не менее, в любом случае ее активная роль в организации общества признается, хотя после постмодернистской критики традиционных социологических теорий и не считается абсолютной детерминантой социальных и тем более культурных процессов. В рамках современной социологии культуры основное внимание уделяется динамике институциональных образований. И не столько изменениям их внутреннего строения, как это было принято в рамках структурно-функциональной теории, сколько влияниям в их рамках символических систем. Иными словами, структурные порядки продолжают сохраняться как важный концепт социологии культуры, но их погружение в культурный контекст порождает новые проблемы в концептуализации социальных изменений и стабильности.

Социальное взаимодействие. Адаптация в окружении представляет собой фундаментальную характеристику человека как вида. Ею определяются базовые связи людей с окружением и детерминированные ими ситуации интеракции. К ним можно отнести следующие направленности:

— на поддержание адаптационно целесообразных отношений с окружением или на их разрушение за ненадобностью или деконструкцию с целью изменения;

— на поддержание или изменение/разрушение ситуации как среды интеракции;

— на поддержание или изменение/деконструкцию группы интеракции в контексте ситуации реализации групповых интересов или ответа на адаптационные императивы;

— на удовлетворение индивидуальных запросов.

Окружение можно представить следующими «предметными областями»:

вещественное окружение

— предметно-пространственная среда, фиксирующая физическую организацию ситуации интеракции;

— инструменты, определяющие содержание интеракции и организацию функций ее участников;

— результаты итеракции, предопределяемые содержанием ситуации, где она осуществляется;

социальное окружение

— сообщества, с которыми единица интеракции находится в регулярных контактах, обусловленных взаимными

- обменах ресурсами при недостатке собственных для решения внутригрупповых или социально значимых задач и проблем;
- поддержкой при необходимости принять адекватное решение в проблемных ситуациях и получить одобрение курса (сценария) интеракции — в рутинных;
- зависимостью при невозможности выполнять предписанные функции или достичь необходимых результатов в рамках одной единицы интеракции;

— сообщества, с которыми единица интеракции находится в спорадических контактах

- в результате собственного направленного поиска участников, решивших что им такой контакт необходим;
- в результате обращения представителей других единиц;
- в результате случайного столкновения;

— общая атмосфера в той области социокультурного пространства, где реализуется активность единицы интеракции. Она может способствовать, препятствовать или быть нейтральной по отношению к направленности активности;

символическое окружение

— социокультурный код, используемый в рамках единицы;

— символическая репрезентация информации, используемой извне;

— социокультурные коды, используемые сторонами, с которыми единица находится в контактах.

Социальное взаимодействие в пределах определенной единицы рассматривается в качестве движущей силы, обуславливающей работу с помощью инструментов и материалов, а также коммуникацию (обмен сообщениями) в рутинных и проблемных ситуациях.

Интеракция в рутинных ситуациях предполагает воспроизведение стандартных паттернов с вариациями, не нарушающими установившихся здесь функциональных связей. Затруднения возникают из-за изменения предпосылок, обуславливающих социальное взаимодействие.

Интеракция в проблемных ситуациях, порождаемых как внутренними, так и внешними факторами, в идеально-типичном случае предполагает распределение и интеграцию усилий, направленных на решение проблемы. Ситуация усугубляется при изменении предпосылок, обуславливающих социальное взаимодействие.

В обоих случаях эффективность интеракции, направленной на решение проблемы, снижается. В случаях улучшения качества отношений это снижение можно считать временным из-за концентрации усилий участников на установлении новых моделей соци-

ального взаимодействия в ущерб совместному решению проблемы. Однако со временем эффективность повышается, поскольку интеракции становятся более организованными. В случаях ухудшения качества отношений между участниками проблемность ситуации нарастает, дистанция между ними увеличивается, функциональные связи ослабевают, процесс интеракции, связанный с совместным решением проблемы, угасает. При внешнем давлении, обуславливающем поддержание целостности единицы, во втором случае участники начинают выполнять свои функции либо механически, либо пытаясь извлечь из их выполнения личную выгоду, а отношения между ними ограничиваются формальными контактами. При отсутствии такого давления единица разрушается, ее члены по отдельности отыскивают или образуют новые группы принадлежности.

Понятие социального взаимодействия (интеракции) в рамках современной социологии культуры занимает центральное место. С его помощью объясняются как конституирование социокультурной реальности и ее пространственная организация, так и все обыденные и институциональные события и процессы, реализующиеся в пределах социокультурного пространства.

Социокультурный код. В качестве основания для структурной и культурной дифференциации институционального пространства, характерного для общества, принимается понятие социокультурного кода, позволяющее идентифицировать специфику базовых компонент каждой из его областей. В антропологических терминах такой код можно трактовать как сложный механизм трансформаций множественных и разнородных контактов людей с окружением и связанных с ними переживаний в упорядоченный социально значимый опыт. Подобного рода преобразования основываются на антропологических универсалиях (врожденных свойствах человека как вида), обуславливающих фундаментальные связи такого рода. Результирующий опыт представлен в интересубъективной форме артефактов (искусственных образований), опосредующих каждую из таких связей, и их объединений, представленных в нормативной форме (институтов).

Концепция социокультурного кода основывается на логическом объединении структурно-функциональных и семантических теоретических допущений, где:

— функциональные позволяют выделить адаптационно значимый тип активности, характерный для определенной фундаментальной связи человека с окружением;

— семантические определяют конвенционально установленные, разделяемые значения взаимодействий людей в пределах осуществления этой связи, а также символические репрезентации соответствующих отношений и артефактов;

— структурные обеспечивают возможность ставить вопрос о формах функциональных и семантических взаимосвязей в определенном контексте совместной активности людей.

Любую институциональную (специализированную) область социокультурного пространства можно представить в двух основных аспектах. Во-первых, в культурно-семантическом, исходя из концепции культурного кода с выделением его необходимых и достаточных компонент:

— функциональная доминанта, понимаемая как фундаментальная связь человека с окружением, вокруг которой выстраивается адаптационно значимая совместная активность людей в каждой конкретной области социокультурного пространства;

— «входы» и «выходы», предполагающие, что исходный неорганизованный материал, рассматриваемый как предмет изучения, путем социокультурного кодирования преобразуется в организованную совокупность артефактов;

— программы трансформации «входов» в «выходы», указывающие на основные направления взаимодействий и коммуникаций людей в конкретной области социокультурного пространства;

— логика преобразований «входов» в «выходы», раскрывающая характерные для этой области способы осуществления совместной и индивидуальной деятельности.

Во-вторых, в институциональном, предполагающем конвенционально установленную упорядоченность функциональных связей между людьми в контексте совместной специализированной деятельности. В этих случаях принято выделять:

— структуры отношений между участниками взаимодействий и коммуникаций, характерные для каждой из областей социокультурного пространства;

— социальные статусы и роли, указывающие на распределение функций между актерами по горизонтали и по вертикали;

— функциональные и семантические связи каждой из областей с более широким социокультурным контекстом.

С точки зрения изучения социокультурных изменений такая концептуализация обеспечивает возможность их точной локализации.

Артефакты. Для каждой из специализированных областей социокультурного пространства характерны свои типы искусственных объектов и образований, опосредующих специфичные для них связи людей с окружением. Их принято называть артефактами и сводить к следующим классам:

— вещи, создаваемые и используемые в качестве инструментов, предметов быта, товаров и т. п.;

— символы, репрезентирующие социально значимые идеи и образы и разделяемые людьми благодаря конвенциональному происхождению;

— практики, представляющие собой способы продуцирования и использования вещей, символов, а также воспроизведения социальных взаимодействий и коммуникаций;

— регулятивные образования, упорядочивающие отношения между людьми, вещами и символами в контексте интеракций;

— критерии оценки всех предыдущих классов артефактов, базирующиеся на утилитарных, этических, эстетических, познавательных и др. основаниях.

Соответственно применительно к изменениям в каждой из областей социокультурного пространства понятие артефакта позволяет судить о том, что именно меняется. В качестве опосредующего звена в адаптационных отношениях человека с окружением искусственные образования можно представить в трех основных измерениях:

— функциональное, указывающее на способы использования артефакта в определенной области социокультурного пространства;

— технологическое, относящиеся к способу построения артефакта;

— коммуникативное (культурно-семантическое), характеризующее значение и смысл артефакта в определенном социокультурном контексте.

При изучении социокультурных изменений эта дифференциация обеспечивает возможность не только отнести их к определенному классу артефактов, но и определить их направленность.

Концептуальная схема социологического изучения социокультурной микродинамики

На основании выделенных ключевых понятий можно построить общую концептуальную схему такого направления социологии культуры, которое ориентировано на изучение социокультурной микродинамики.

1. Адаптация человека в природном и искусственном окружении определяется фундаментальными антропологическими универсалиями, ограничивающими спектр соответствующих процессов и придающими им значение.

2. Социальная природа человека обуславливает совместную активность в поисках ответов на адаптационные императивы, обозначаемую как взаимодействие и коммуникация (в совокупности называемые здесь интеракцией).

3. Результаты такой активности объективируются в форме артефактов, из которых конструируется социокультурное пространство. Это происходит через механизм отбора: из различных вариаций выбираются те, что оказываются эффективными и социально приемлемыми. Они становятся социальными и культурными фактами. Из них в свою очередь в ходе взаимодействий и коммуника-

ций отбираются те их сочетания, которые отвечают как индивидуальным запросам людей, так и поддержанию значимых для них социальных связей. Они нормируются и в этом качестве представляют собой социальные институты как на общесоциальном, так и на обыденном уровнях социокультурной реальности.

4. В их терминах может быть представлено социокультурное пространство в силу их относительной устойчивости и отчетливой символической репрезентированности. Эта идеально-типическая модель образует систему соотнесения для изучения других форм проявления социокультурной активности.

5. Динамика социокультурного пространства определяется вариативностью проявлений социальных взаимодействий и коммуникаций. Для идентификации соответствующих процессов предлагается выделить идеально-типические формы интеракции, с которыми можно соотносить реальные проявления совместной активности людей.

6. Соответственно выстраиваются две базовые модели: социокультурное пространство, порождаемое, поддерживаемое и изменяемое в процессах социального взаимодействия и коммуникации; фундаментальные формы интеракции, которые обуславливают его существование и реализуются в его пределах.

Контрольные вопросы

1. Причины перехода к изучению социокультурной микродинамики в современной социологии культуры.
2. Исходные социологические и антропологические допущения, определяющие изучение социокультурной микродинамики.
3. Цели и задачи построения теоретических моделей социокультурного пространства и социального взаимодействия, необходимых для изучения социокультурной микродинамики.
4. Теоретическая связь между ключевыми понятиями, составляющими теоретические модели социокультурного пространства и социального взаимодействия.
5. Предметная область и объекты рассмотрения в рамках теоретических моделей социокультурного пространства и социального взаимодействия.

Глава 2. Концепция социальности реальности - - - - -

Объяснение происхождения и формирования культурных аспектов социального пространства целесообразно строить на более фундаментальном, чем культурные феномены, уровне. В данном случае принимаются социально-антропологические основания.

Построение морфологической модели такого пространства базируется на ряде исходных представлений о человеке, специально акцентирующих динамичность его связей с окружением. В определении культуры подчеркивалось, что объекты культуры созданы людьми. Следовательно, в концепции человека важно выделить его активную природу. Эти объекты люди создают для своих нужд, следовательно, необходим акцент на способности человека к результативному взаимодействию. Это одна сторона вопроса. Другая заключается в том, что человека можно представить одновременно существующим в двух модальностях — социальной и индивидуальной. В первом случае целесообразно различать антропологические универсалии, присущие виду (способности работать инструментами, представлять в символической форме внутренние состояния, обмениваться знаками и вещами и т. п.), с одной стороны, и специфические особенности поведения, деятельности, взаимодействия, присущие определенному сообществу (язык, нравы и обычаи, эстетические стили и т. п.) — с другой. Во втором — акцент ставится на специальных для каждого индивида конфигурациях врожденных свойств и приобретенных в ходе социализации и инкультурации личностных характеристик.

Из сказанного следует, что динамическая дифференциальная модель социокультурного пространства опирается на концепцию человека как активного существа, имеющего одновременно индивидуальную и социальную модальности: для результативного взаимодействия люди способны объединяться.

Фундаментальные свойства человека, обеспечивающие его связи с окружением

Концепция человека как активного существа, способного к результативному взаимодействию с окружением, предполагает выделение набора необходимых и достаточных потенциальных врожденных свойств, являющихся предпосылками для участия в нем. В обобщенном виде можно выделить следующие свойства такого рода.

Формированиеобразовозможныхнаправленийиполактивности. Есть основания утверждать, что при возникновении внутренних побуждений к взаимодействию (потребности, желания, интерес) или внешних стимулов (изменения природного характера, просьбы, приказы, социальное давление и пр.) у людей «включаются» поисковые механизмы. На уровне образного восприятия они обуславливают формирование обобщенного целостного представления об организации собственной активности во взаимодействии с окружением. С одной стороны, определяется, в какой ограниченной совокупности направлений побуждение или стимул будут реализованы с наибольшей вероятностью. С другой — устанавливаются примерные границы, в которых взаимодействие может быть

эффективным. Это свойство описано в теориях формирования образа.

Проведение различия между сформированным образом поля активности и внешним по отношению к нему «фоном». Результаты многочисленных исследований свидетельствуют о том, что человеческое восприятие предполагает постоянное, практически автоматическое соотнесение объекта внимания с другими элементами окружения. Причем сколь бы ни было сконцентрировано внимание на объекте, периферические каналы восприятия продолжают фиксировать информацию, прямо не относящуюся к нему. Адаптационная значимость такой способности заключается в том, что автоматически отслеживается возможность исходящих извне как опасностей, так и дополнительных ресурсов. Соответственно, поле активности как целостность обретает внешние границы. В теоретическом отношении это зафиксировано в гештальтистской концепции «фон — фигура».

Практическая активность в выделенном поле в намеченном направлении. Как известно, людям свойственно, взаимодействуя с окружением, пытаться найти его элементы и виды активности, которые помогают достичь удовлетворяющих их результатов. Такие поиски принято называть «методом проб и ошибок». На этой основе формируется опыт отбора «материалов», партнеров и способов действия, способствующих эффективному построению жизненной среды. Таким образом, выделенное поле активности начинает осваиваться практически. На это указывает теория деятельности.

Рационализация соотнесения целей, средств и результатов взаимодействия в установленных границах. Накопление эмпирического опыта, приносящего удовлетворительные результаты в поле усиленного внимания, обуславливает рационализацию путей их достижения. В науках о человеке принято выделять такие основные составляющие процесса, как цели, средства, результаты направленной активности, которая вследствие этого приобретает устойчивую упорядоченность, называемую деятельностью. В рамках социологии последовательности такого рода представлены в теории рационального действия.

Взаимодействие с элементами окружения и деятельность в ходе достижения результатов. Известно, что человеческая активность при всех ограничениях ее проявлений имеет достаточно широкую открытость по отношению к окружению. Иными словами, каждый имеет возможность воспринимать значительные по величине множества разнокачественных воздействий извне и отвечать на них таким образом, что значимые для него элементы окружения и его действия образуют устойчивые связи. В то же время, если какие-либо элементы окружения оказываются ненужными в процессе взаимодействия или нейтральными по отношению к нему,

можно прервать ранее установившиеся связи с ними. Это свойство вступать в контакт с элементами окружения и прерывать его распространяется у человека на природные объекты, на созданные людьми вещи, образы, на других людей. Подобные феномены отображены в представленных ранее концепциях взаимозависимости и функциональной анатомии.

Формирование правил деятельности и норм взаимодействия

с элементами окружения. Как свидетельствуют многочисленные исследования, повторение отдельных актов, определенные сочетания которых при многократном повторении приводит к однотипным результатам, складывается в стереотипные последовательности. Формируются своего рода алгоритмы результативной активности в ответ на определенные классы внешних стимулов или внутриличностных побуждений. Они выполняют функции устойчивых ограничителей и организаторов активности в стандартизованных, повторяющихся обстоятельствах. Иными словами, образуются нормированные ситуации, и людям не надо каждый раз заново определять соответствующие способы взаимодействия. Такого рода свойство объединять совместные действия в стереотипные последовательности для достижения воспроизводящихся результатов помогает экономить усилия при необходимости объединяться для реализации однотипных побуждений. Это подробно описано в функциональной теории социальных институтов.

Ожидание возможных непредвиденных вмешательств в процесс взаимодействия. Многие психологи и антропологи обращали внимание на то, что при формировании образа окружения, при целенаправленной деятельности, при концентрации внимания на каком-то объекте или ситуации у людей все же остается открытой так называемая периферия восприятия. Сколь бы ни был поглощен каждый из них каким-то занятием, он в известной мере готов к возможным воздействиям из окружения, находящегося за пределами поля его активности. Иными словами, представление о случайности, непредвиденных обстоятельствах, открывающихся возможностях как бы встроено в сами механизмы человеческого восприятия. Такое свойство в адапционном смысле хорошо дополняет способность к формированию стереотипов, поскольку делает возможным их «расшатывание» при несоответствии изменившимся обстоятельствам и вообще придает отношениям человека с окружением вероятностный, а не строго детерминированный характер. Об этом свидетельствуют психологические теории восприятия и концепции когнитивной антропологии.

Выделенный набор свойств с концептуальной точки зрения можно считать необходимым и достаточным. Его необходимость обусловлена тем, что перечисленные компоненты характеризуют целостный процесс адаптации людей в окружении: от его освоения

как среды совместной активности до получения желаемых результатов. Достаточность связана с указанием на основные антропологические универсалии, которые способствуют упорядочению взаимодействия, это свойства: воспринимать воздействие окружения; организовывать ситуацию взаимодействия; результативно действовать в ситуации, — которые нашли отражение в функциональных положениях авторитетных теорий.

Способности человека, связанные с результативной активностью

Перечисленные антропологические, врожденные свойства находят выражение в способностях, или их качественной определенности, проявляющейся в отношениях человека с окружением. Иными словами, то, что в контексте конкретной ситуации взаимодействия превращает вызванную внешним или внутренним побуждением активность в упорядоченную деятельность. Соответственно человек как активное, результативно действующее существо может быть охарактеризован следующими способностями.

— Формирование образа поля активности, отделение его от фона остального окружения, общее видение себя в этом поле соответствует способности людей к образному восприятию реальности, к эстетическому в широком смысле слова ее осмыслению.

— Практическая совместная активность в выделенном поле обусловлена способностью к взаимодействию, т. е. коллективным целенаправленным действиям со специально отобранными элементами окружения для достижения определенного результата.

— Рационализация процессов интеракции в установленных границах связана со способностью человека к познанию окружения и самого себя.

— Результативному взаимодействию с окружением отвечает способность людей к организации своих связей с его элементами в динамические управляемые системы.

— Формирование устойчивых регуляторов в отношениях с окружением в процессах достижения определенных результатов отражается в способности людей к нормированию таких отношений.

— Вероятностная природа связей человека с окружением, внимание к случайному, возможному, неподвижному отражается в его способности к формированию метафизических представлений о реальности.

В процессе взаимодействия человека с окружением, при реализации определенных побуждений, достижении желаемых результатов такого рода способности трансформируются в конкретные процедуры деятельности. Они закрепляются в навыках, которые приобретаются и совершенствуются в повторяющихся ситу-

ациях при многократном воспроизведении однотипных действий. В ходе использования и совершенствования процедур происходит структурирование способностей, их развитие, что в свою очередь делает отношения с окружением более дифференцированными, организованными, подконтрольными. В соответствии с названными выше врожденными свойствами и способностями людям, чтобы достигать желаемых результатов, приходится осваивать следующие классы процедур:

— в образной форме выделять непосредственную социальную, предметную и символическую среду как жизненное пространство взаимодействий и самореализации, выделять его значимые элементы как объекты особого внимания;

— совершать конкретные действия в отношении этих объектов; отбирать и закреплять те действия, которые приводят к желаемым результатам;

— выделять значимые элементы среды как объекты результативного взаимодействия, выбирать цели и подчинять их достижению применяемые средства и собственные действия;

— уделять внимание устойчивым элементам окружения как тем, которые определяют границы поля приложения усилий, так и тем, которые можно произвольно видоизменять или использовать инструментально, упорядочивать последовательность действий в повторяющихся ситуациях реализации определенных побуждений;

— соотносить элементы собственного поля активности или собственной жизненной среды с более широким социальным, культурным, природным контекстом, учитывать возможность вмешательства случайных и непредвиденных факторов; предусматривать их возможные взаимные воздействия, предполагать последствия этих воздействий;

— тренировать приобретенные навыки, пополнять и удерживать полученные знания; не давать им угасать.

Поскольку названные связи людей с окружением являются фундаментальными, а человек исходно есть социальное существо, то их проявления на уровне психической и физической активности имеют не только индивидуальную, но и общественную значимость. Представления о социальной природе человека, способности людей к объединению в процессе совместного достижения желаемых результатов позволяет говорить о необходимости кумуляции и трансляции соответствующего опыта в общественно установленных формах. Благодаря этому он становится важным ресурсом повышения эффективности процессов социального взаимодействия.

Уровни рассмотрения социокультурной реальности

При изучении динамических аспектов совместного существования людей целесообразно в самом общем виде выделить эле-

дующие области кодирования такого опыта. Во-первых, это организация общественной жизни, коллективного жизнеобеспечения, результативных взаимодействий. Кумуляция и освоение такого опыта необходимы для поддержания общего и индивидуально-благополучия при повторяющихся и вновь возникающих жизненных ситуациях. В этом случае можно говорить о культурных аспектах социальной организации. Во-вторых, это порождение и упорядочение социально значимой информации, относящейся к фундаментальным связям человека с окружением. Такая информация, концентрируясь и локализуясь в особых областях культуры, составляет резервный запас соответствующего специализированного знания. Люди обращаются к этому резерву в затруднительных обстоятельствах в отношениях со средой. В-третьих, это каналы массовой трансляции культурного опыта, содержащие и проводящие социально значимые знания и представления. С их помощью осуществляются процессы социальной коммуникации и социализации. Поскольку представления людей об окружении не являются врожденными, такие каналы оказываются необходимыми в обществе и культуре любого типа.

Говоря о кумуляции социокультурного опыта, следует обратить особое внимание на способ его приобретения и использования: специализированное или же нерелексивное. Такое различие важно, поскольку в каждом случае механизмы освоения окружения и способы обращения с его элементами специфичны и порождают различные результаты.

В отношении первого уровня следует обратиться к концепции общественного разделения труда. Она фиксирует качественную неоднородность форм и видов деятельности, дифференциацию и сосуществование их в обществе. Следовательно, с одной стороны, выделяются навыки, необходимые людям для воспроизведения видов и областей профессиональной активности, а с другой — определяется направленность выхода за их границы при обострении проблемных ситуаций в обществе. Таким образом, категория «общественное разделение труда» фиксирует в социокультурной жизни структурированную динамическую область, в силу своей дифференцированностиTM и упорядоченности позволяющую проследить источники и характер изменений специализированных культурных объектов (артефактов).

Однако социокультурная жизнь не исчерпывается областью общественного разделения труда. В социальных науках принято отделять ее от другой, называемой повседневной реальностью. На этом уровне исследуются взаимодействия, отношения людей, связанные с поддержанием межличностных связей, непосредственной жизненной среды, с саморазвитием, рекреацией, восстановлением сил, затрачиваемых в сфере труда и т. п. Такие процес-

сы имеют культурно установленные формы. Но в отличие от системы общественного разделения труда они не закреплены в качестве социетальных институтов, и носят характер привычек, нравов, обычаев и т. п. Соответственно различия в качественной определенности активности на выделенных уровнях социокультурной реальности следует дополнить специфичными для каждого из них способами приобретения и использования знаний и навыков: специальные в первом случае и неспецифичные — во втором. На этой основе проводится различие между специализированными и неспецифичными формами социокультурной реальности.

Неспецифичные формы — отношения в семье, неформальных группах, распределение свободного времени, домашние занятия — принято называть обыденной реальностью, повседневной жизнью. Она характеризуется тем, что люди осваивают и используют необходимые знания и навыки не специально организованным образом, а на уровне повседневных интеракций друг с другом, с ближайшим предметным окружением, за счет использования общедоступных информационных средств. Единственной специальной формой обучения на этом уровне можно считать систему общего образования. В самом общем виде повседневная реальность — это совокупность действий, отношений, структур поведения, связанных с непосредственными индивидуальными переживаниями и межличностными контактами. Это также совокупность привычных взаимодействий, направленных на удовлетворение первичных жизненных потребностей. В обыденной жизни люди действуют по большей части «автоматически», не задумываясь. Свои затруднения они, как правило, относят прежде всего к личной сфере, осмысливают и пытаются решить на основании здравого смысла и практического опыта.

Социальные последствия событий в таком контексте обусловлены характером существующих здесь нормативных границ, правил и санкций со стороны непосредственного окружения. Нормативные границы частично кодифицированы в правовых документах, частично закреплены в поведении как привычки, нравы, обычаи и т. п., а также в устойчивых разделяемых людьми представлениях. Они принимаются неререфлективно, но тем не менее организуют взаимодействие и коммуникацию. По структуре своей такого рода регулятивные образования базируются на антропологических универсалиях, а по содержанию они культурно специфичны. Например, конфликт, сотрудничество, отношение «власть — подчинение» и т. п. существуют и нормируются во всех сообществах, однако их регулирование происходит в различных культурах неодинаково. Скажем, межличностный конфликт в одних группах может разрешаться прямым столкновением сторон, в других — через посредника, в третьих сублимироваться, т. е. переводиться в иные формы отношений и т. п. Разумеется, люди живут не «по нормам», а

«внутри» них и «между» ними. Имеется в виду, что в рамках нормированных и находящихся вне нормирования социокультурных пространств у них остается достаточно свободы для индивидуального регулирования процессов собственной жизни, для выбора среди элементов своего культурного окружения и способов взаимодействия с ним, для индивидуального отыскания соотношений между устойчивыми и изменчивыми аспектами своего образа и стиля жизни. Последствия индивидуальных действий, поведения, решений на обыденном уровне культуры имеют микрогрупповое значение, т. е. оцениваются и вызывают реакцию в непосредственной жизненной среде. В частности, выход за установленные нормативные рамки фиксируется здесь быстро и четко благодаря непосредственному наблюдению. Нарушение правовых норм карается по закону; нарушение традиционных обычаев в настоящее время влечет за собой относительно слабые социальные санкции, а отступление от современных нравов вызывает негативную групповую реакцию.

В отличие от обыденных институциональные социокультурные формы реализуются в официально установленных, легитимизированных организациях. Это — труд и организованная общественно-политическая, любительская, благотворительная активность. Люди осваивают необходимые для ее реализации знания и навыки в процессе специализированного обучения: в специальных учебных заведениях, из специальной литературы, из специальных инструкций других людей в ходе взаимодействий и коммуникаций. В значительной степени именно на этом уровне создаются артефакты, удовлетворяющие широкие общественные запросы. Загруднения здесь осознаются людьми прежде всего как профессиональные; они осмысливаются и разрешаются на основании специализированных знаний и навыков.

Социальные последствия такого рода совместной активности определяются их местом в социокультурной жизни и установленными, специфичными нормативными границами их реализации. Сегодня значительную часть времени и усилий большинство членов общества отдают работе. Именно к ней относится категория «общественное разделение труда»: она носит коллективный характер, институционализована и регулируется совокупностью кодифицированных норм. В их рамках взаимодействие и коммуникации осуществляются по установленным правилам, которые являются достаточно четкими и определенными в их выражении и понимании, осознаются и заучиваются людьми в ходе специальной подготовки. Нормы, относящиеся к труду, обусловлены его целью, способами, критериями оценки. Те, что регулируют общественную активность, определяются побуждающими ее интересами. В то же время, внутри этих рамок остается значительное пространство для индивидуальной свободы в выборе манеры работы. Последствия

специализированной деятельности, ее продукты имеют широкое социальное значение, т. е. оцениваются и вызывают реакцию на социетальном уровне. Выход за официально зафиксированные границы в одних случаях рассматривается как правонарушение и карается в соответствии с законом, а в других носит характер культурной инновации и может вызывать не только негативные, но и позитивные социальные санкции. В то же время подобные факты фиксируются здесь не сразу, ибо те, кто их порождает, находятся не в таком непосредственном контакте и не под таким прямым контролем в отношениях с другими, как в обыденной жизни.

Таким образом, различие между двумя уровнями социокультурной реальности — обыденным и специализированным — определяется тем, что каждый из них характеризуются своей направленностью по отношению к окружению, особыми видами и способами организации взаимодействий, специфичными критериями оценки их качества и результатов, собственным местом в совместном существовании людей.

Формирование специализированного уровня следует рассматривать в историческом измерении в свете процессов выделения и дифференциации целых областей деятельности, отношений, представлений, оценок на основе наиболее значимых связей человека с окружением. Как уже было сказано, такого рода связи (свойства, способности, процедуры) антропологически универсальны. В то же время они меняются по степени развитости, по содержанию, в зависимости от изменения жизненных условий людей. Качественная определенность этих связей в контексте изучения социокультурного пространства дифференцируется в соответствии с основными их функциональными характеристиками. Во-первых, адаптационными, т. е. регуляция соотношения активного воздействия человека па окружение и приспособления к нему. Во-вторых, динамическими, т. е. регуляция соотношения устойчивого и изменчивого в отношениях людей с окружением.

Концепция социокультурного пространства

Все сказанное свидетельствует о том, что социокультурную реальность следует рассматривать в пространственных терминах, т. е. выделить области кумуляции общественно значимого опыта, его трансляции и использования разными группами людей в целях адаптации в отношениях с окружением.

Модель функциональной дифференциации социокультурного пространства. Необходимые предпосылки формирования концепции социокультурного пространства сводятся к определенным группам факторов, связанных с организацией совместного существования людей. Соответственно целесообразно выделить своего рода домены, где кумуляция социокультурного опыта осуществляется в институциональной форме:

— организация и реализация социальной практики. Кумуляция такого опыта необходима для поддержания общественного и индивидуального существования при повторяющихся и вновь возникающих ситуациях взаимодействия людей с природным окружением и друг с другом;

— социально значимые знания, соответствующие выделенным ранее фундаментальным связям человека с окружением. При кумуляции они составляют актуально используемый и резервный запас, к которому люди обращаются при жизненных затруднениях;

— каналы массовой трансляции социально значимой информации общего характера; ее кумуляция и циркуляция необходимы для процесса социальной коммуникации, социализации и ресоциализации.

Выделение дифференциальных динамических фундаментальных связей человека с окружением и их разграничение на специализированном и обыденном уровнях, с одной стороны, и доменов, где кумулируется общественно значимый опыт — с другой, позволяет схематически наметить морфологическую модель социокультурного пространства. Она предназначена для локализации порождения и распространения социокультурного опыта. Каждая из морфологических единиц представляется через специфические для нее социокультурные функции, ресурсы и артефакты как необходимые предпосылки упорядочения социально значимых областей связи людей с окружением, порождения, накопления и распространения соответствующего опыта. Такого рода схема имеет следующий общий вид.

На специализированном уровне порождения и кумуляции социокультурного опыта прежде всего следует выделить домен, включающий в себя группу специализированных областей социокультурного пространства, связанных с социальной организацией. К ним относятся *хозяйственная* область, базирующаяся на совместной практической деятельности людей, направленной на жизнеобеспечение; *политическая*, основу которой составляет способность людей к организованному взаимодействию в процессах целедостижения; *правовая*, основанная на свойстве человека «нормировать» свои отношения с окружением.

Другой домен объединяет специализированные области социокультурного пространства, где осуществляются порождение и сохранение социально значимого знания. В нее включаются *философская* и *религиозная* области как совокупность представлений, способов построения суждений, переживаний, ориентированных главным образом на определение абсолютов и универсалий в жизненном мире людей и устойчивых связей этого мира с тем, что находится за его пределами, трансцендентно ему. Очевидно, что ядром этих областей являются способности человека к периферическому

восприятию окружения, вероятностному мироощущению, синтезированию приобретаемого опыта. При этом философская картина мира является «светской», «мирской», базирующейся на рациональных принципах построения; тогда как религиозная представляет собой образ священного социокультурного порядка, основывающийся на вере и не предполагающий необходимости рационального доказательства. К этой группе относится также наука, обеспечивающая достоверное логически упорядоченное знание об окружении, о связях с ним людей, об устойчивых и изменчивых их аспектах. Она базируется на способности человека рационализировать свой опыт, т. е. формировать проверяемые устойчивые концепты относительно реальности; Сюда же следует отнести искусство, функции которого связаны с формированием образных, целостных, эмоционально окрашенных, гибких представлений о ситуациях существования людей; ядро этой области социокультурного пространства составляет способность человека к формированию образов.

Третий домен организации специализированной деятельности представлен институциональными каналами трансляции социально значимого опыта. Они выделяются, чтобы проследить, какими путями осуществляется обмен информацией (в широком смысле) между специализированным кумулятивным и обыденным уровнями социокультурного пространства, а также между отдельными специализированными его областями. Кроме того, обращение к ним позволяет проследить те трансформации, которые претерпевают элементы специализированного и обыденного уровней в этом домене. Здесь целесообразно говорить о следующих специализированных областях. Во-первых, система общего образования, функции которой состоят в передаче общеобязательных, социально необходимых знаний и навыков от старших поколений к младшим. Во-вторых, средства массовой информации и шире — область массовой культуры, основная функция которой определяется как публичная демонстрация упорядоченных определенным образом социокультурных образцов, ценностей, норм, событий и фактов культуры, имеющих социальную значимость на текущий период времени. В-третьих, область просвещения, (учреждения культуры), которая в данном случае представляет интерес как «экран» публичной демонстрации устойчивых и признанных в обществе культурных ценностей.

Выделение и упорядочение специализированных доменов социокультурного пространства позволяет установить взаимное соответствие его дифференцированных областей и зон повседневной активности. Таким образом, при их сопоставлении обеспечивается возможность прослеживать различия в проявлениях фундаментальных антропологических свойств, способностей, процедур, а также конкретные пути движения элементов соответствующего социокультурного опыта от одного уровня к другому. В свете это-

го обыденный уровень дифференцируется следующим образом. Социальная организация может быть представлена во вполне доступных для наблюдения формах. Системе общественного разделения труда примерно соответствует домашнее хозяйство. В него включаются поддержание жилища, приобретение товаров, пользование общественно установленными услугами, подсобное хозяйство и т. п. С политической областью сравнимы обыденные формы организации межличностных отношений: стереотипное распределение ролей и идентичностей, феномен группового лидерства, обыденные формы групповой организации и регулирования конфликтов. Правовая может быть сопоставлена с областью морали, нравственности, с такими зафиксированными операциональными единицами, как нравы, обычаи, обыденные нормативные и ценностные регуляторы.

Социально значимые обыденные представления и знания также могут быть дифференцированы по функциям, аналогичным выделенным на специализированном уровне. Так, с философией правомерно сопоставлять обыденное мировоззрение, убеждения, а также «народную мудрость», фиксирующие наиболее стереотипные представления о мире вообще, о человеческой природе. По аналогии с религией выделяются народные верования и суеверия, «нормирующие» связь между событиями повседневной жизни и миром вероятного, случайного, непредвиденного. Наука примерно соотносима с практическим знанием. Оно фиксируется в представлениях о наиболее частых жизненных ситуациях и стратегиях поведения в их рамках, в обыденных типологиях и классификациях, парадигмах построения суждений, нормах и правилах целенаправленной активности. Наконец, к искусству близка обыденная эстетика, кумулирующая в культурно зафиксированных элементах стиля жизни — мимика, жесты, одежда, убранство жилища, внешний имидж, бытовые игры, танцы, музицирование и т. п. — опыт образного освоения реальности, приобретаемый и используемый в повседневной жизни.

Динамические аспекты модели социокультурного пространства. Рассматривая регулятивные функции как компонент этой аналитической модели по отношению к динамическим аспектам в совместной жизни людей, можно сказать следующее. Специализированные области социокультурного пространства неоднородны по своей ориентированности на устойчивые или изменчивые аспекты связей человека с окружением. «Инварианты мироустройства», «абсолютное» являются объектом особого внимания в сферах философии и религии, в задачу которых входит постоянное слежение за «внечеловеческим универсумом», базовым «фоном», на котором выделяются и с которым соотносятся «константы» человеческого жизненного мира. В сфере человеческих отношений

ориентация на поддержание их устойчивых форм свойственна религиозной этике на уровне представлений о сакральном и в области права — в контексте светской культуры. Регулирование соотношения устойчивого и изменчивого можно считать доминирующей функцией науки и сферы хозяйствования. В науке устойчивое рассматривается прежде всего как границы, внутри коих человек может с пользой для себя воздействовать на окружение, т. е. преимущественный интерес здесь обнаруживается прежде всего к изменениям. В сфере хозяйствования для каждого конкретного состояния общества решается вопрос о соотношении в ее пределах процессов воспроизводства и обновления ее ключевых компонент: рабочей силы, сырья, технологии, продукции. Важной специализированной областью, где это соотношение рационально трансформируется в динамические последовательности организационных форм, объединяющих людей для совместной жизни, является сфера политики. Изменчивое попадает в зону особого внимания

II искусстве. Именно этот вид деятельности теснее всего связан с непосредственными переживаниями людей, а следовательно, с их прямыми реакциями на подвижность жизненной среды и собственных личностных состояний. В проблемных ситуациях люди обращаются к специализированным областям социокультурного пространства как к социально значимым фондам опыта, обеспечивающим нормализацию их совместной жизни.

Отношения между обыденным и специализированным уровнями социокультурной реальности не однолинейны. Разумеется, каждый человек, участвующий в общественном разделении труда, является носителем и профессионального, и обыденного опыта. Более того, на основе последнего осуществляется взаимодействие представителей различных специализированных сфер культуры. Тем не менее это не предполагает постоянного непосредственного контакта между уровнями. Скажем, обыденная жизнь представителей большинства исполнительских профессий: рабочие, работники сферы обслуживания, инженерно-технический персонал и служащие среднего звена — может быть свободной от существенных элементов их профессиональных знаний. В образе жизни различных людей специализированные области представлены в специфичных по количеству и составу композициях: они обращаются отнюдь не ко всем из них и не к одинаковым их наборам. Например, любители искусства вполне могут быть равнодушными к процессам, происходящим в науке, или к религиозным обрядам и ритуалам. В то же время в отдельных специализированных областях обыденная жизнь отображается с различной степенью полноты, и интерес, проявляемый к ней, неодинаков. Так, она еще только начинает изучаться в отечественной науке, но уже давно интенсивно осмысливается в современном искусстве.

В свою очередь специализированные области социокультурного пространства различаются по степени реализации способности человека порождать и осваивать новое. Во-первых, некоторые из них являются источниками культурных инноваций в большей степени, чем другие. Таковы, например, наука, искусство, политика. Во-вторых, в определенных областях осмысление последствий новых событий и артефактов для человека происходит с акцентом на их уникальность, в отличие от других, где их стараются редуцировать к уже хорошо известному. Например, к первому типу относятся наука, искусство, а ко второму — религия, право. В-третьих, деятельность в различных областях формирует у людей неодинаковый интерес к инновациям, различную степень развитости навыков к их созданию и освоению.

Последнее обстоятельство имеет особую важность для изучения динамических аспектов социокультурного пространства. В системе общественного разделения труда, а следовательно, на его специализированном уровне можно отметить различие между исследовательско-экспериментальными, организационными, исполнительскими типами деятельности. К первому относится поиск нового, разработка решений социально значимых проблем на сущностном, предметном уровне. Второй связан с объединением людей для совместного целедостижения и контролем над поддержанием сложившихся организационных структур и результатов их функционирования. Третий включает в себя совокупность действий, обусловленных замыслами исследователей-экспериментаторов и осуществляемых под руководством организаторов. В этом случае речь идет о различных типах не только деятельности, но и профессиональной культуры.

Для исследовательско-экспериментального типа профессиональной культуры характерны весьма сложные и развитые представления о тех сторонах окружающего мира, с которыми они имеют дело, и навыки обращения с его элементами. Сегодня здесь утвердился генетический подход к области изучения, объединяющий знания о прошлых, настоящих и будущих ее состояниях. В отношениях с окружением профессионалы руководствуются «антропным» конструктивным принципом, определяющим и ограничивающим возможности человека в активном целенаправленном воздействии на него. Этими людьми в соответствующих областях культуры накоплен существенный запас сведений о природе, человеке, обществе, возможностях и пределах их интенционального преобразования. В гуманитарных областях знания, общественных науках, в искусстве специалисты постоянно осмысливают и конструируют различные способы взаимодействий и коммуникаций в меняющейся социокультурной среде, выявляют сходство и различия таких способов в разные времена, в разных культурах, у разных групп людей.

Благодаря пребыванию в такого рода культурной среде и активному поиску нового приобретаются и развиваются навыки оперирования множеством разнокачественных представлений, «моделирования» из них разнообразных значимых для людей ситуаций, проверки адекватности моделей с помощью профессионально доступных средств. Все подобные функции связаны с постоянным выявлением проблемных ситуаций и отыскиванием путей их решения. Таким образом, эти виды деятельности и соответствующие области культуры, являясь источниками культурных инноваций, одновременно обеспечивают способы и навыки адаптации к ним.

Далее следует обратиться к тому виду профессиональной культуры, который ориентирован на организацию взаимодействия и ресурсов для решения социально значимых проблем. Долгое время она характеризовалась — а в отечественной культуре характеризуется и теперь — чисто практическими знаниями и навыками, приобретенными скорее на уровне обыденного опыта, нежели путем специализированного обучения. Программы функционирования здесь ориентированы на текущую ситуацию, хотя и включают в себя наряду с настоящим краткосрочные перспективу и ретроспективу. Используемые навыки реализуются следующим образом: с точки зрения тактической — организация людей для кратковременной совместной деятельности, при которой достигается разовый эффект, с точки зрения стратегической — поддержание долговременного социального взаимодействия (группового или межличностного) для выполнения конкретных функций. Проблемные ситуации для представителей этой области возникают каждый раз, когда приходится иметь дело с новой группой, с ее переориентацией на новые задачи, когда возникают межличностные или функциональные конфликты внутригруппового и межгруппового характера. Со временем у людей вырабатываются стереотипные методы разрешения типичных проблемных ситуаций, которые автоматически переносятся на новые условия.

Часть таких профессионалов связана с другими участниками социального взаимодействия лишь в той степени, в какой это необходимо для организации производства, координации его отраслей, распределения его продукции. Само производство сегодня во многом основано на принципах естественнонаучной рациональности, которые, как известно, исключают человеческую субъективность. Они сохраняются и в управлении этой областью общественного разделения труда. И уже сейчас очевидно влияние на их изменение других антропологических измерений — биологического либо чувственного, или эмоционального. Ибо то, что по расчетам представляется оптимальным для функционирования производства, часто не может удовлетворить людей ни по физическим, ни по психическим параметрам.

Другая функция управления — организация массовых и групповых целенаправленных социальных действий. Это политическая деятельность. Сегодня в стране она также не имеет профессиональной базы. Накопленные в прошлом немногочисленные и достаточно примитивные образцы политической организации — ориентация на карательные меры, на иерархию, на искусственное поддержание социального напряжения и т. п. — в настоящее время перестают быть результативными. Перенесение логики управления производством на социокультурную политику не дало позитивных результатов. Замена не была найдена, что привело к фактическому отсутствию в стране такой функциональной области, как социокультурная политика. В то же время в современных условиях, отличающихся многообразием и динамизмом событий, все более значимой становится конструктивная организация совместного существования разнородных групп людей, их жизненных сред. В этом случае необходимо, чтобы политика приобретала профессиональный статус, основанный на современных специализированных знаниях о социальной и культурной жизни. Но сегодня подобный опыт еще не накоплен. Соответственно эти виды деятельности и области культуры становятся источником негативных социальных явлений. Устаревшие формы организации сталкиваются с изменившимися массовыми процессами, и такое столкновение порождает конфликтные ситуации в обществе, разрушительные как для стереотипов управления, так и для элементов социального порядка, которым они соответствовали в прошлом. Отсутствие привычки к рефлексии, ориентация на возможно более быстрое достижение результата ведут к тому, что набор политических средств ограничен и способствует воспроизведению напряжений в ситуации, когда необходимо интегрировать социокультурные изменения в приемлемые для большинства членов общества практико-идеологические модели.

Исполнительно-технические функции в отличие от деятельности первых двух типов не связаны ни с социальной практикой по установлению, поддержанию и изменению связей с окружением, ни с полным контролем над ситуацией в целом. На производстве, в сфере обслуживания, на уровне администрации среднего и низшего звеньев функциональные параметры исходно заданы не теми, кто работает, а заранее установленными нормами и правилами. Сегодня в области исполнительской деятельности существует высокая степень внутренней дифференциации, поскольку лишь при условии узкой специализации оказывается возможным на практике обеспечить удовлетворение меняющихся запросов членов современного многослойного общества. В этом случае люди выполняют свою профессиональную работу, слабо осваивая даже объективированное в ее процессе и продукте естественно-научное зна-

ние. Проблемные ситуации, согласно действующим здесь нормам, представляются крайне нежелательными. Их стремятся свести к возможному минимуму за счет совершенствования организации труда, технологий, средств управления. Обычные профессиональные ситуации по типам немногочисленны и довольно однообразны по содержанию. Соответственно развивается лишь ограниченный набор навыков в весьма незначительной степени. Знания о людях, природном и культурном окружении в состав профессионально необходимых сведений в этом случае не входят.

Множество таких специалистов независимо от своего желания и понимания участвуют в более широких процессах общественно-го производства, социокультурной жизни, результаты, которых им не подконтрольны и даже часто не осознаются. Тем не менее эти факты становятся частью их жизненного мира, воплощаясь в новые практики, предметы быта, элементы предметно-пространственной среды. Парадокс состоит в том, что людям, участвующим в производстве инноваций, со временем приходится осваивать их, приспосабливаться к ним, включать в свою повседневную жизнь. Затруднения здесь неизбежны, ибо для представителей исполнительно-технических функций характерен относительно узкий спектр знаний и навыков, которые непосредственно не связаны с порождением инноваций.

Контрольные вопросы

1. Общие представления о социокультурной реальности и социокультурном пространстве: связь между понятиями.
2. Антропологические основания представления о социокультурной реальности.
3. Уровни рассмотрения социокультурной реальности.
4. Основания функциональной дифференциации социокультурного пространства.
5. Динамические характеристики социокультурного пространства.

Резюме

1. Социология культуры может стать теоретическим полем для изучения социокультурной микродинамики. Для этого есть достаточные познавательные предпосылки, обусловленные современным сближением социологии с антропологией, с одной стороны, и тенденцией рассматривать культуру как необходимое независимое — наряду с социальным — измерение совместного существования людей — с другой. Объединение этих измерений при трак-

товке организации и распределения социальных взаимодействий и коммуникаций позволяет говорить о социокультурном пространстве. Сами же эти процессы могут быть типологизированы в соответствии с их фундаментальными формами, которые определяются антропологически универсальными способами реагирования людей на проблемные (стрессовые) ситуации.

2. Построение предметного поля изучения социокультурной микродинамики предполагает выделение исходных социологических и антропологических допущений, которые позволяют систематическим образом объединить понятия социокультурного пространства и социального взаимодействия. В их терминах интерпретируется набор ключевых понятий, с помощью которых строятся их логически совместимые модели.

3. Понятие социальной реальности пересматривается в этом случае в свете антропологических оснований. Выделяются фундаментальные свойства и способности людей, обеспечивающие возможность объединяться для совместного решения проблем и задач, связанных с их адаптации в окружении. Формы такого объединения определяются социальным измерением этих процессов. Концепция результативной активности отражает культурное измерение совместного существования людей. Разделение его институциональной (специализированной) и обыденной модальностей позволяет обоснованно проводить различия между способами структурирования соответствующих уровней социокультурного пространства.

РАЗДЕЛ II
ПРОСТРАНСТВО
СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ МИКРОДИНАМИКИ

**ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО СОЦИАЛЬНОГО
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ**

Важность выделения институционального уровня социокультурного пространства обусловлена значимостью социальных институтов в организации и регулировании совместного существования людей. Социальный институт определяется как совокупность устойчивых норм, правил и ролевых функций, сформированная общими усилиями для решения постоянно воспроизводящихся в обществе проблем — удовлетворения потребностей, реализации интересов и запросов, поддержания сообществ. Иными словами, институты существуют как ответ на адаптационные императивы.

Понятие «социальный институт» используется в двух частично различающихся смыслах. В более общем речь идет о любом нормативно-функциональном установлении, имеющем значимость в любом масштабе социальных отношений и связей: конкретная моральная норма, субкультурный паттерн, юридический закон и т. п. Более специальное значение понятие приобретает применительно к социетальному (общесоциальному) уровню рассмотрения общества. В этом случае оно означает определенную структурную единицу, выполняющую совокупность однородных социально значимых функций, нормативные положения которой распространяются на общество в целом, например правовые, образовательные, экономические, политические и др. институты. В дальнейшем понятие будет употребляться в этом втором смысле.

Выделение институционального пространства при изучении социокультурной микродинамики имеет двойную значимость. Во-первых, следует знать о том, какие его аспекты и в каких формах определяют стабильность или изменения в обществе, каковы социальные последствия этого. Во-вторых, важно представлять себе институциональные формы взаимодействий и коммуникаций, определяющие культурное содержание различных его областей.

Наконец, важно подчеркнуть, что концепцию институционального пространства следует эксплицитно строить как социокультурную. Дело в том, что социологическое рассмотрение институтов включает в себя культурную компоненту, поскольку предполагает содержательный, а не только структурный аспект соответствующих социальных ролей, норм, правил. Когда же речь заходит о культурных нормах, ценностях, паттернах, подразумевается, хотя чаще всего не анализируется, их социальная природа и пото-

му стандартизованные структуры. Соответственно теоретическое объединение обоих аспектов — социального и культурного — позволит сделать доступным для изучения как структурные, так и содержательные компоненты институционального измерения социокультурного пространства.

Его топологический аспект определяется концентрацией совместных усилий людей для решения антропологически значимых проблем, которые в силу своей воспроизводимости в обществе приобрели институциональные формы.

При изучении упорядочения социокультурного опыта в обществе и культуре целесообразно обратиться к теоретико-информационным концептам и категориям. Это позволит в доступной для наблюдения форме провести различие между социальным взаимодействием (обмен действиями, объединение усилий, совместное оперирование инструментами и материалами) и культурной коммуникацией (обмен сообщениями, взаимопонимание, совместное оперирование символами). Как уже подчеркивалось ранее, есть резон для концептуального разграничения такого рода: не все процессы социального взаимодействия сопровождаются коммуникативными, но и последние могут осуществляться самостоятельно.

В этой связи необходимой становится концептуализация опосредующего звена между активностью и ее символическим отображением, с одной стороны, и возможностями перехода из одной качественно определенной, институционализованной, специализированной области социокультурной реальности в другую. Обе задачи становятся разрешимыми, если обратиться к понятию кодирования, о котором уже говорилось, но которое следует конкретизировать применительно к построению концепции социокультурного пространства.

В самом общем виде под кодированием понимается процесс отображения состояния одной системы через состояние некоторой другой, реализуемый с целью передачи информации. Соответственно можно говорить о том, что отношения людей с окружением отображаются в формах социального взаимодействия, которые в свою очередь фиксируются на уровне коммуникации и все это можно представить через процессы кодирования. Такие трансформации осуществляются с помощью специфичных систем условных знаков (символов) и их комбинаций, которым присваиваются особые значения, соответствующие выделенным областям социокультурного опыта и институционализированные, т. е. имеющие общесоциальную значимость и закреплённые нормативно. С точки зрения упорядочения социокультурного пространства код можно определить как некоторое организованное множество действий и их функциональных значений, которым в ситуациях социального взаимодействия определенных классов поставлено в соответствие организован-

пое множество символов, имеющих те же значения. Правда, социокультурные коды относятся к разряду так называемых необратимых, т. е. при их использовании нельзя полностью восстановить ситуацию взаимодействия во всей полноте событий; отображаются главным образом ее общезначимые, разделяемые черты.

Социокультурные коды определяются совокупностью признаков, совместное присутствие которых характеризует специфику трансформаций побуждений и действий, приводящих к результатам, соответствующим выделенным классам социальных потребностей.

Прежде всего, выделяется *функциональная доминанта* организованного взаимодействия, на основании которой институционализируются, т. е. нормируются соответствующие ситуации, формы, технологии и качество результатов взаимодействия. Она обуславливает выделенность и специфичность конфигураций организованных совокупностей взаимодействий и коммуникаций, разграниченность их даже при условии реализации сходных действий и использовании общих символов. Иными словами, она придает каждому классу институциональных взаимодействий не только социальное значение, но и культурный смысл.

Следующие наборы признаков характеризуют так называемые *входы* и *выходы* определенной институциональной области социального взаимодействия. Под «входами» понимаются неупорядоченные поля активности, обусловленной выделенными антропологически универсальными адаптационными императивами. «Выходы» здесь рассматриваются как соответствующие каждой такой области социокультурные порядки, т. е. организованные наборы ситуаций, форм, технологий и результатов взаимодействий (артефактов).

Далее, коды характеризуются классами операций, связанных с процедурами упорядочения социально значимой активности, составляющих *программ/1 трансформации* ее в организованные ситуации взаимодействия и коммуникации. Специфика этих процедур диктуется содержанием побуждений, характером действий и качеством «материала» («входов»), соответствующих выделенным социально-антропологическим императивам.

Кроме того, важно выделить *логику упорядочения действий* и символов, соответствующих специализированным, институционализированным областям социокультурной активности. Она характеризует специфику деятельности, трансформирующей «входы» в «выходы» для каждой из выделенных социокультурных областей.

Наконец, следует определить *институционализацию* каждого кода, соответствующего рассматриваемым социокультурным трансформациям. Речь идет о действии таких институциональных механизмов, как нормы, задающие границы соответствующих

трансформаций; правила преобразования входов в выходы на уровнях взаимодействия и сопровождающей его коммуникации; критерии оценки адекватности получаемых результатов, релевантности их каждой из специализированных областей социокультурной активности.

С помощью этих наборов признаков можно структурировать институциональное измерение социокультурного пространства с точки зрения его кодификации. Она является необходимой производной социальности, поскольку обеспечивает возможность поддерживать общественное разделение труда. Пользование кодами позволяет людям объединяться для решения социальных задач и проблем; использовать стандартизованные определения ситуаций и распределения функциональных ролей, а не начинать каждое взаимодействие заново; распознавать и идентифицировать ситуации взаимодействия по их социокультурному содержанию; выбирать из репертуара освоенных паттернов действий и поведения те, что соответствуют институционально определенным ситуациям.

Но для того чтобы эффективно пользоваться такими системами, нужно владеть также навыками декодирования. Речь идет о процессе преобразования закодированных определенным образом сообщений в их первоначальную форму. В социокультурном контексте следует выделить следующие аспекты этого процесса. Прежде всего речь идет о сведении выраженных в определенной интерсубъективной форме действий и символов к функциям, побуждениям и переживаниям, обусловившим их порождение. Далее, коммуникативные единицы могут сопоставляться с соответствующими паттернами действий и взаимодействий. Наконец, предполагается перевод социокультурной информации с одного специализированного языка на другой или на обыденный.

Освоение институционализованных социокультурных кодов является необходимой составляющей процессов социализации и инкультурации. Благодаря этому люди приобретают навыки ориентироваться в институциональном социокультурном пространстве и осваивать его в масштабах, значительно превосходящих их непосредственный жизненный опыт.

Сказанное позволяет представить в терминах кодов области институционального пространства, составляющие его ранее выделенные домены: социальная организация, социально значимое знание и трансляция социально значимой информации.

Глава 1. Институциональное пространство социальной организации

17G Совместная жизнь людей осуществляется в определенных организационных формах, значительная часть которых институционализована. Они характеризуются особыми наборами функций,

т. е. помогают людям решать определенные типы социальных и индивидуальных задач. Им присущи специфичные социокультурные коды, по которым люди определяют социально значимые ситуации и характер взаимодействия в них. Принадлежность людей к таким формам позволяет характеризовать общество и культуру в их относительно устойчивых и воспроизводящихся чертах, т. е. с точки зрения социальной структуры.

Структурный аспект рассмотрения процессов социальной организации имеет принципиальное значение для изучения механизмов упорядочения взаимодействия и коммуникации в тех областях совместного существования людей, которые имеют ключевую значимость для поддержания общества. Речь идет о социетальном (общесоциальном) уровне, где организуются ключевые стороны социокультурной жизни и обеспечивается ее воспроизведение.

К этому уровню следует отнести:

— хозяйственную область, т. е. исторически сложившиеся и институционально зафиксированные формы социального взаимодействия, направленного на жизнеобеспечение, или систему общественного разделения труда;

— политическую область, или институционализированные механизмы и способы объединения людей для реализации групповых интересов или решения социально значимых проблем; разграничения конкурирующих групп интересов; распределения «силовых полей» в обществе;

— правовую область, или интегральный результат реализованной способности людей в процессах социального взаимодействия сохранять предпосылки и условия социокультурной жизни с помощью установленной и общеобязательной нормативной базы.

Иными словами, совместная активность людей на институциональном уровне осуществляется в рамках домена социальной организации, структура которого определяется процессами жизнеобеспечения (хозяйственная область), распределением социальных сил в этих процессах (политическая область) и нормативными границами, в которых осуществляется социальное взаимодействие (правовая область).

Эти области институционального пространства конструируются и поддерживаются благодаря функциям, которые они выполняют, воспроизводя организацию социальных взаимодействий и коммуникаций на социетальном уровне. Каждая из них представляет особый аспект такой организации, который не может быть ни сведен к другому, ни заменен им. Хозяйственная область рассматривается под углом зрения того, как люди решают в общесоциальном масштабе вопросы жизнеобеспечения и использования необходимых для этого ресурсов. Выделение политической области высвечивает механизмы, способствующие или препятствующие вы-

работке и реализации социально значимых решений при разнонаправленном™ групповых интересов и неравенстве сил в процессах жизнеобеспечения и распределении ресурсов. Правовая область определяет нормативные формы, указывающие на общезначимые границы и правила, в соответствии с которыми социальная жизнь регулируется в предыдущих двух областях. Таким образом, каждая из этих областей обеспечивает воспроизведение специфического аспекта институциональной организации социального взаимодействия, и соответствующий опыт кумулируется здесь в виде специальных знаний и навыков, принципов и процедур организации целенаправленной активности, технологий и способов достижения результатов, символических систем и оценочных критериев — всего, что составляет их коды. В зависимости от степени их освоенности люди с разной степенью эффективности используют имеющийся у них опыт в реализации производственных процессов, их координации; в осмыслении и выработке решений социально значимых проблем, связанных с распределением социальных сил и ресурсов; в актуализации своих прав и свобод при осуществлении этих процессов.

Здесь закодированы и их изменения в ответ на воздействия социокультурного окружения, с одной стороны, и связанные с внутренним, имманентным движением каждой из них — с другой.

В условиях ускорения и усложнения социокультурных процессов, возрастания степени неопределенности в обществе они продолжают воспроизводиться. Однако эффективность составляющих их институтов снижается, поскольку в их рамках к задачам организации социального взаимодействия добавляется необходимость решения задач, связанных с их внутренними структурными изменениями в ответ на внешние императивы. Соответственно в хозяйственной области меняется технологическая программа и конечные результаты производственных процессов. В политической области усиливается конкуренция за распределение общественных ресурсов между группами интересов, партиями, общественными организациями и конфронтация предлагаемых ими социальных действий. Изменения в правовой области начинают следовать за динамикой общественной жизни и давлением групп интересов.

При изучении процессов, происходящих в этих областях, важно принимать во внимание не только хозяйственные, политические, правовые артефакты, запечатленные в вещах, технологиях, символах. Следует уделять внимание и принципам организации, функционирования и изменения самих институтов. Иными словами, речь идет о действии соответствующих социокультурных кодов.

Институциональная область хозяйственной жизни

17В *Функциональная доминанта* этой области связана с упорядочением и воспроизведением процессов социального взаимодействия

и коммуникации, направленных на жизнеобеспечение и использование соответствующих ресурсов. Такая организация может рассматриваться в двухмерной системе координат: характер собственности и свойства материалов. В первом случае речь идет о шкале использования ресурсов, полюсы которой составляют частная и государственная формы собственности. Второе измерение может быть представлено следующими качественными позициями в общественном разделении труда: промышленное и сельскохозяйственное производство, сфера услуг, область интеллектуальной деятельности. Функциональная доминанта определяет все остальные составляющие кодовой модели.

«Входы» и «выходы» здесь определяются структурой процесса жизнеобеспечения: производство — распределение — потребление, каждой из ее составляющих. Так, для производства на входе находятся сырье и материалы, а на выходе — полуфабрикат для дальнейшей обработки или продукт, готовый к потреблению. Входом в системе распределения является продукт производства, который на выходе преобразуется в товар. В структуре потребления входом можно считать товар (услугу), а выходом — предмет потребления.

Входы этой институциональной области перерабатываются в выходы с помощью характерных для нее *трансформационных программ*. На уровне производства можно выделить сумму технологий работы с сырьем, с полуфабрикатами, с элементами сборки готовых продуктов в структурах производства средств производства, предметов потребления, услуг. На уровне распределения товаров и услуг важно выделить каналы связи, существующие между производителем и потребителем. К ним следует отнести организационные структуры оптовой и розничной торговли, а в последнем случае можно построить шкалы от мелкой индивидуальной торговли в разнос до рынков и от маленьких торговых лавочек до крупных сетей супермаркетов. На уровне связи «производство — распределение — потребление» ассортимент, качество и объемы продукции, находящейся в товарообороте, определяются соотношением динамики спроса и наличных производственных мощностей. А оптовые и розничные цены зависят от себестоимости продукции, с одной стороны, и соотношения спроса и предложения — с другой. Важный тип трансформационных программ в институционализованной области хозяйственных отношений является финансово-кредитная система, придающая им необходимую подвижность за счет введения эквивалентных единиц, опосредствующих процессы хозяйственных обменов, включая вознаграждение за труд. Такими единицами считаются деньги и ценные бумаги. Именно в этой области находят прямое выражение процессы ценообразования.

Логика социокультурных трансформаций, осуществляемых в этой области, определяется спецификой ее функциональной до-

минанты и программ преобразования «входов» в «выходы». В отношении владения, распоряжения и пользования собственностью их способы и организационные структуры различаются в соответствии с предложенной ранее шкалой с выделением государственных и частных форм управления производством и ресурсами. Логика производственных процессов определяется характером используемых технологий. Они могут быть классифицированы на основании качественной определенности труда: ручной, физический, машинный, автоматизированный, компьютеризированный. Интеллектуальную деятельность также можно рассматривать с точки зрения ее технической оснащенности. На уровне отношений «производство — распределение — потребление» особую значимость представляют способы осуществления финансовых и кредитно-банковских операций. Именно в соответствии с такой логикой сегодня различаются, и обозначаются типы хозяйственных систем: раннеиндустриальная, индустриальная, постиндустриальная.

Существование хозяйственной области институционального социокультурного пространства обеспечивается активностью специфических для нее *субъектов (функциональные роли)*. Их можно разделить на несколько классов.

Прежде всего это владельцы функциональных единиц в сферах производства, распределения и обмена. Они составляют группы интересов, отстаивающие свои позиции в системе рыночных отношений. Далее следует выделить класс высшего менеджмента — людей, занимающихся разработкой и реализацией стратегических программ масштабных хозяйственных единиц различных типов (транснациональные корпорации, международные банки, крупные национальные корпорации и банки). Следующий класс субъектов хозяйственной деятельности составляют представители среднего менеджмента, решающие тактические задачи крупномасштабных и стратегические в более мелких хозяйственных единицах. Класс исполнителей можно разделить на три группы в соответствии с качеством труда и квалификацией:

- высшая связана со сложной поисковой работой, направленной на улучшение качества их функционирования;
- средняя со сложными нормативно предписанными операциями;
- низкая с простыми действиями.

Для формируемой этими субъектами социокультурной области можно выделить специфические *пространственные и временные* характеристики. В физическом пространстве она размещается в регионах, в поселениях различных типов; выделяется определенной территорией и архитектурными знаковыми чертами, позволяющими говорить о промышленной, торговой, банковской архитектуре. Для нее характерны особые виды интерьеров, форма которых обусловлена спецификой распределения функций и размещения

оборудования, соответствующей разным классам хозяйственных единиц. Социальное пространство этой области конструируется такими факторами, как общественный приоритет, масштабность, производительный потенциал хозяйственных единиц; степень их интегрированности в системы; социокультурная дистанция между ними. Хозяйственной области институционального пространства соответствует своя структура времени. Прежде всего следует подчеркнуть его дискретность. Люди занимаются общественно необходимым трудом не постоянно, но институционализированное рабочее время перемежается с приватным, так называемым свободным временем. В процессах трудовой деятельности структура социокультурного времени определяется длительностью выполняемых операций и ритмикой их чередования.

Следует еще раз подчеркнуть, что все перечисленные позиции, конструирующие хозяйственное социокультурное пространство, имеют *институциональную форму*, т. е. они классифицированы, стандартизованы и нормированы. В этом виде они носят название системы общественного разделения труда.

Мера освоенности хозяйственной области институционального пространства определяется понятием «профессиональная компетентность», обозначающим степень соответствия знаний, навыков и включенности индивидов институционально-нормативным требованиям, релевантным занимаемому месту или исполняемой функциональной роли в системе общественного разделения труда.

Политическая область институционального социокультурного пространства

Функциональная доминанта политической области институционального социокультурного пространства может быть определена как организация отношений между группами интересов в его границах, которые также поддерживаются политическими средствами. В идеально-типическом смысле область политики связана с поддержанием социальной безопасности. Эти функции в определенной совокупности устойчиво воспроизводятся из поколения в поколение, поскольку обуславливающие их социокультурные проблемы не имеют безусловного и окончательного решения. Прежде всего, людям свойственно существовать в социокультурном пространстве и достигать определенных социально значимых целей не в одиночку и не на уровне «общества в целом». В этом отношении их можно объединить в реальные или статистические группы на основании общности их интересов. Последние могут быть разнонаправленными или преследоваться в условиях дефицита ресурсов, на которые они ориентированы. Конфронтация групп интересов порождает угрозу социальной безопасности. Вот почему отношения между

ними регулируются институциональными средствами. Вместе с тем любое государство существует в исторически определенном геополитическом пространстве, т. е. находится в различного рода отношениях с другими такими же единицами. В этом случае постоянно воспроизводятся проблемы поддержания или расширения сфер влияния государственного образования в таком пространстве, сохранения или укрепления его позиции в международных отношениях. Связанные с такими проблемами социальные взаимодействия также подлежат институциональному контролю, поскольку их неурегулированность влечет за собой напряженности геополитического масштаба.

В соответствии с определенной таким образом функциональной доминантой области политики можно конкретизировать представления о ее «входах» и «выходах». В качестве «входов» рассматривается множество разнонаправленных и конфронтирующих интересов и столкновений между людьми, мешающих их реализации. Однако известно, что именно она побуждает людей поддерживать существующие общественные отношения. Поэтому институционализация политической области обеспечивает на «выходе» организованные группы интересов и структуры управления социальными процессами по уровням: социальный, региональный, локальный. Она распространяется также и на неорганизованную общественность, члены которой имеют статус граждан, а в период выборов кампаний составляют электорат.

«Входы» трансформируются в «выходы» с помощью определенных институциональных программ политической активности. В качестве таковых можно рассматривать так называемые *режимы*, или формы отношений между властными структурами и гражданами, в том числе группами интересов. Их можно свести к трем основным: абсолютизм, олигархия, демократия. При *абсолютизме* право принимать социально значимые решения принадлежит носителю власти во всех ее модальностях — законодательной, исполнительной, судебной (например, монарху). В этом случае группы интересов не имеют законных прав и составляют, если они формируются и выживают, теневую сторону политики. *Олигархия* предполагает сращивание государственной власти с крупным капиталом. На этом уровне принимаются социально значимые решения. Законные права принадлежат группам интересов, входящим в состав олигархии. Другие группы такого рода остаются в сфере теневой политики. *Демократический режим* предполагает выборные органы власти, представляющие различные социальные слои и группы интересов. Принимаемые социально значимые решения в идеально-типичном смысле должны учитывать интересы не только большинства или политических образований, приближенных к власти, но и мень-

шинств. При демократическом режиме все граждане государства имеют законное право на участие в активной политической жизни.

Такого рода программы реализуются посредством определенных *логик* трансформации «входов» в «выходы», определяющих содержание отношений между властными структурами и гражданами. В этом случае речь идет о стилях функционирования политических институтов. В общем виде к ним можно отнести *авторитарный, патерналистический* и *общественно-договорной (партнерский)*. При авторитарном политическом стиле властные структуры добиваются выполнения принимаемых ими решений путем давления, угроз и системы наказаний. Основным инструментом осуществления власти являются подавляющие силовые структуры. Патерналистский стиль политического управления базируется на негласной сделке между властями и гражданами: граждане предоставляют структурам управления неограниченные полномочия в обмен на получение минимальных жизненных благ без особых приложений усилий. В этом случае бюрократические структуры выполняют двойную функцию. Во-первых, с их помощью осуществляется распределение таких минимальных ресурсов в обществе. Во-вторых, они поддерживают непроницаемые барьеры между гражданами и властью. Общественно-договорной политической стиль предполагает полицентризм власти, существующий на договорной основе. В этом случае граждане тяготеют к определенным институционализированным группам интересов, составляя в совокупности с ними субъекты выработки и реализации политических решений. Государственные и бюрократические структуры имеют при этом в основном инструментальное значение: они регулируют политические процессы, но не выполняют функций управления и контроля в отношении них. Следует подчеркнуть, что политические режимы и стили не связаны отношениями взаимно-однозначного соответствия. Одному и тому же режиму управления могут соответствовать разные стили (например, автократия может быть авторитарной или патерналистской); одинаковым может быть стиль при разных режимах (патернализм может сопутствовать и автократии, и олигархии).

Говоря о логике политических трансформаций, следует учитывать направленность институциональных движущих сил в отношении существующего политического режима. Консервативная ориентация связывается с защитой интересов традиционных политических и экономических верхов. В современной политической жизни она ассоциируется с идеями свободного рынка и минимального участия государства в экономическом и социальном управлении. Либеральная направленность предполагает защиту гражданских прав и свобод и рыночных позиций представителей среднего, а иногда и низшего слоя среднего класса. В настоящее время такого рода позиция ассоциируется с концепцией социаль-

ного государства, т. е. государственной поддержки социально слабо защищенных групп граждан и бездоходных организационных структур (учреждения образования, культуры, здравоохранения, социального обслуживания). Радикализм характеризуется стремлением его сторонников изменить существующий режим, доведя до крайности либо консервативную, либо либеральную его составляющую. В первом случае режим сдвигается в сторону олигархии или абсолютизма; во втором — к анархизму (доминантой становится идея свободы), либо к социализму (доминантой становится идея уравнилельной справедливости). Такие логики на символическом уровне принимают форму политических идеологий и выражаются в соответствующих наборах принципов, деклараций и лозунгов, сформулированных так, чтобы убедить и привлечь на сторону определенной группы интересов нужное ей количество сторонников.

Такого рода логики осуществляются в рамках определенных *институциональных единиц*, составляющих структуру этой области социокультурного пространства и имеющих специфичные для них сферы политического влияния — государство и гражданское общество. Государственные органы управления (законодательные, исполнительные, судебные) осуществляют свои функции на социетальном (общесоциальном) уровне. Иными словами, принимаемые или санкционируемые ими решения являются обязательными либо для всех граждан, либо для тех, на кого они распространяются конкретно. В случаях необходимости на этом уровне законом предусмотрено право применять принудительные, в том числе насильственные меры. Соответственно государственные органы располагают специальными силовыми структурами (армия, службы внутренней и внешней государственной безопасности).

Другой класс институциональных компонент политического пространства, представляющих гражданское общество, составляют политические партии. Они организуются и имеют политический вес благодаря активности социально значимых, имеющих высокий общественно-политический статус групп интересов. Значимость этих групп определяется либо их величиной (например, рабочие партии), либо их экономическим статусом (партии, за которыми стоит крупный капитал), либо их функциями по отношению к существующему политическому режиму (проправительственные или оппозиционные партии).

К гражданским, институтам следует отнести общественные организации. Они формируются членами общества для защиты их интересов — профессиональных, социальных, благотворительных и т. п. Их сфера влияния в политических взаимодействиях более ограничена, чем у партий, на государственном уровне, однако они являются ключевой компонентой политической организации гражданского общества.

Важной составляющей этой области институционального пространства считаются и социальные движения. Члены общества формируют их для решения определенных социально значимых проблем общих (экологические, миротворческие, антивоенные и др. движения) или частных (молодежные, женские, эстетические, историко-культурные и др.-движения). Эта форма гражданской политической активности также характерна для гражданского общества. Общественные организации и движения как институциональные единицы не имеют права на представительство в государственных структурах. Свои интересы они могут лоббировать через формирование коалиций и блоков с определенными партиями или через демонстративную поддержку государственных, чаще всего правительственных структур.

Субъектов, или функциональные роли политических взаимодействий можно определить следующим образом. Их внешнюю и представительную сторону составляют публичные политические лидеры. Они являются знаковыми фигурами, репрезентирующими институциональные политические единицы различного масштаба: глава государства, глава правительства, лидер партии, общественной организации или движения. К политическому лидерству можно также отнести руководителей институциональных организаций (министерств, ведомств, государственных комитетов), относящихся к юрисдикции исполнительной, законодательной и судебной ветвей власти. Эти функциональные роли предполагают право санкционировать, а иногда разрабатывать и принимать социально значимые решения. Последнее отнюдь не всегда обязательно, хотя такие решения принято персонифицировать именно именем или статусом определенного лидера.

Чаще всего разработкой политических идеологий, стратегий и тактик занимаются профессионалы, не появляющиеся в сфере публичной политики и остающиеся в тени властных структур. Это помощники, советники, консультанты, которые, собственно говоря, и занимаются разработкой или подготовкой решений или материалов к ним. Следующая группа ролей связана с обеспечением репрезентативной стороны публичной политики. Это работники службы связей с общественностью (*public relation*), имиджмейкеры, спичрайтеры, пресс-секретари и т. п. Кроме того, в сфере политики существует большой штат государственных служащих, выполняющих разного рода бюрократические функции.

Наконец, следует подчеркнуть значимость ролей электората, от которого зависит судьба публичных политиков. В гражданском обществе политическая значимость избирателей проявляется не только в период выборов и предвыборных кампаний. Между выборами они через свои организации осуществляют контроль над деятельностью публичных политиков с помощью массовой информации и установленной системы отчетности.

Политическая область определяется специфичными для нее *пространственными* и *временными* характеристиками. Физическое пространство определяется выделенностью особых территорий для политической активности. С одной стороны, это архитектурные объекты и помещения: официальные здания и площади, штаб-квартиры партий и общественных организаций. С другой стороны, речь идет о временных территориях, т. е. об официальном выделении мест для осуществления санкционированных митингов, собраний, демонстраций и других ситуаций массового волеизъявления граждан.

Социокультурное пространство этой области отличается особой подвижностью. Поскольку происходящие здесь процессы связаны с реализацией различных интересов, она характеризуется значительной концентрацией активности, напряженности и тенденцией к экспансии в другие специализированные области социокультурной жизни. В силу общественной значимости этой области политические роли имеют высокий социальный статус, обеспечивающий их носителям престижную позицию в социальной структуре. Выделенность этой области в институциональном пространстве имеет культурно-символическое выражение. Во-первых, существует определенная политическая символика — от государственных герба, флага и гимна до отличительных знаков политических партий и общественных организаций. Во-вторых, здесь распространена особая лексика, отличающаяся от языков других специализированных областей социокультурного пространства.

Эта область отличается и своими временными характеристиками. Они определяются чередованием событий политической жизни. Рутинное время государственной внутренней политики структурируется выделением и публичным представлением приоритетных социально значимых проблем, разработкой и обсуждением соответствующих программ, началом и окончанием (прекращением) их реализации. В отношении внешней политики оно определяется частотой контактов и переговоров политических деятелей страны с коллегами из других государств, а также длительностью участия страны, представленной внешнеполитическими институтами, в международных договорных отношениях —• экономических, политических, гуманитарных и т. п. Другой аспект политического времени связан с периодичностью выборов: время предвыборных кампаний обусловлено большей частотой смены событий, чем время между выборами, когда периодичность встреч электората со своими избранными существенно снижается. Наконец, третий аспект структурирования политического времени обусловлен частотой и ритмами публичных волеизъявлений общественности. Речь идет о регламентации таких стереотипных форм политической жизни, как демонстрации, митинги, собрания, а также о приурочении их к знакам, характеризующим социокуль-

•турное время большего масштаба, вплоть до социокультурного, например, таким как юбилеи, периодичные институциональные события внутригосударственного или международного масштаба, чрезвычайные обстоятельства.

Из сказанного следует, что политическая область институционального пространства внутренне неоднородна и многомерна. Изменчивость, подвижность политической активности по каждому из измерений различна. Поэтому неоднородным и многомерным следует считать и социокультурное время, характерное для политической жизни.

В процессах социализации люди приобретают социокультурный опыт гражданских взаимодействий и поведения. Такой опыт необходим в современных демократиях членам гражданского общества для того, чтобы контролировать действия властей всех уровней, заставлять их обеспечивать условия для реализации различных социально приемлемых интересов и препятствовать установлению абсолютистских или олигархических государственно-политических режимов. Мету освоенности такого опыта можно назвать политической компетентностью (профессиональной или гражданской).

Институциональное правовое пространство

В правовой области институционального социокультурного пространства реализуются важнейшие функции, связанные с организацией социального взаимодействия. Здесь задаются границы и структуры социальных порядков в обществе, а также обеспечиваются легитимные (узаконенные) механизмы его поддержания и изменения.

Функциональную доминанту этой области можно представить следующим образом. Во-первых, определение правовых процессов и их нормативное закрепление. Иными словами, выделение тех аспектов социокультурной жизни, которые ставятся под институциональный контроль. Во-вторых, регулирование отношений между людьми в социально значимых процессах и ситуациях социального взаимодействия. Речь идет о том, что для выделения такого рода отношений устанавливаются правила, нормы, границы и формы. В-третьих, определение оптимальных условий для эффективного взаимодействия в социально значимых проблемных ситуациях. Это осуществляется за счет нормативного регулирования социальных напряженностей и конфликтных ситуаций, а также гарантий соблюдения договоров, заключаемых в обществе.

Структура правового пространства определяется выделением и нормированием антропологически универсальных типов социальных отношений. Прежде всего это массовое воспроизведение процессов, которые позволяют поддерживать упорядоченность социокультурной жизни. В этом случае регламентируются отношения:

- природопользования, связанные с сохранением природной среды обитания людей и ресурсосбережением;
- складывающиеся в процессах производства благ и услуг и связанные с установлением критериев оценки их качественных характеристик, эффективности технологий их производства, соотношения затрат и выгод;
- трудовые, где нормируются требования к специализациям и квалификации труда, его условиям и оплате;
- имущественные, складывающиеся в процессах владения, распоряжения и пользования объектами собственности;
- связанные с охраной здоровья людей;
- брачные и семейные;
- складывающиеся в процессах научных исследований и разработок, формирования информационных процессов, коммуникативных систем и пользования ими.

Правовое нормирование распространяется также на процессы управления этими процессами. Здесь регламентации подлежат отношения в сферах:

- разработки норм права и их кодификации;
- правопорядка;
- формирования и реализации государственной власти и местного самоуправления;
- межгосударственного взаимодействия;
- квалификации правонарушений и определения вида и меры ответственности.

Таким образом, в области институционализированного правового пространства фиксируется обязательный для данного общества социальный порядок. Здесь в явном, квалифицированном виде представлены как регламентация в обществе процессов жизнеобеспечения, отношений между группами интересов, социальных взаимодействий в значимых для гражданина и общества ситуациях, так и механизмы, обеспечивающие нормативное регулирование поведения граждан.

При такой функциональной доминанте «входы», связанные с институциональной областью права, можно определить как множества ситуаций в отношениях между людьми, носящих проблемный, в основном неразрешимый характер. К ним можно отнести ситуации, чреватые конфликтами, ущемлением круга возможностей для самореализации, социальной незащищенностью, нарушением социальной безопасности. Все это с неизбежностью воспроизводится людьми в институциональных и обыденных условиях, из поколение в поколение. Но когда такие отношения складываются, взаимодействия обычно принимают конфликтную форму, которая, как известно, совершенно непродуктивна ни для целей жизнеобеспечения, ни для реализации групповых интересов. Вот почему

«*выходы*» здесь — это нормирование отношений людей в спорных и конфликтных ситуациях, которое формируется на основе принятых в обществе представлениях о справедливости.

«*Программы*» трансформаций потенциально или реально конфликтных ситуаций в социально приемлемые и нормированные определяются содержанием отношений, подлежащих правовому регулированию. Их типы были выделены при определении функциональной доминанты этой области. Как видно из приведенного перечня, фиксируются и кодифицируются разделы права, регулирующие взаимодействие людей в ситуациях, наиболее значимых с точки зрения возможности нарушения личной или социальной безопасности.

Соответственно выделяются разделы гражданского, семейного, финансового, административного, международного, уголовного и т. п. права. В их рамках установлены общеобязательные нормы и правила регулирования в отношении специально определенных ситуаций и субъектов правоотношений.

«Логика» реализации правоотношений в юридически значимых ситуациях определяется формами и процедурами их организации. Ключевое значение в этом случае принадлежит правовой норме. Она налагает ограничения на взаимодействия людей в пределах от того, что требуется от каждого из участников, до того, что им запрещается. Однако это отнюдь не означает, что люди должны поступать строго по предписаниям. Социологи и антропологи говорят, что человек живет не по нормам, а между ними. Между требованиями и запретами, нарушение которых влечет за собой наложение на нарушителей обязательных, установленных законом санкций, находится достаточно просторная область относительно свободного выбора индивидуального поведения. Зона социально одобряемого или порицаемого поведения определяется ценностными критериями, характерными для различных социальных слоев и групп. Нарушение такого рода ограничений не влечет за собой значительных для судьбы индивида социальных санкций, кроме высказываний или других символических проявлений неудовольствия. Но и в этих границах остается поле свободного самоопределения, предполагающее выбор из доступных образцов действий и поведения по удобным основаниям: экономия времени и/или усилий, соответствие собственным способностям и навыкам; удобство, выгода и пр.

Правовая норма как общеобязательный ограничитель свободы действий в структурах социального взаимодействия включает в себя три необходимых компоненты. Во-первых, условие ее применения во времени и пространстве и по кругу лиц, при наличии которого следует поступать определенным образом, или гипотеза. Во-вторых, четкое правило поведения (действия), которое указывает на то, как следует поступать при наличии данного условия, или

диспозиция нормы. В-третьих, указание на неблагоприятные последствия в случае несоблюдения диспозиции, или санкция. Таким образом, норма устанавливает правило поведения (действия) в определенном типе социально значимых ситуаций, условия его применения и меры принудительного обеспечения его выполнения.

В рамках права существует специфичное определение *субъектов* правоотношений, отличное от принятых в других областях социокультурного пространства. Здесь четко зафиксированы их *роли*, устойчивые формы *ролевых отношений*, устанавливающие их взаимные права и обязанности, а также точно предписанный ход взаимодействия (процесс). Субъектами права могут быть лица («физические лица») и организации («юридические лица»). Проводится разграничение и точная нормативная определенность профессиональных ролей. Так, в состязательном процессе это прокурор — обвиняющая сторона, адвокат — защищающая сторона и судья — тот, кто сопоставляет аргументы сторон и выносит решение. Зафиксированы также и роли граждан в правоотношениях. Так, при юридическом решении споров выделены истец — тот, кто предъявляет претензии в отношении своих прав; ответчик — тот, к кому обращены претензии. Юридическое скрепление договорных отношений осуществляется нотариусом. Обозначены и их стороны. Выделена динамика смены ролей в уголовном процессе: подозреваемый становится задержанным, а затем обвиняемым после сбора необходимых фактов, указывающих на его вину; в ходе следствия по рассматриваемому делу его называют подследственным; в рамках судебного процесса он предстает в качестве подсудимого; после вынесения обвинительного приговора он обозначается как осужденный, а будучи помещенным в место заключения — как заключенный.

Специфика поведения субъекта в правовом пространстве определяется его правомочием, т. е. гарантированной законом возможностью совершать определенные действия и требовать таковых от другой стороны правоотношений, а также обращаться в специальные органы в случае нарушения его прав. Социальное положение граждан также имеет юридическую фиксированность. Самое начало жизни человека отмечается свидетельством о рождении. Его гражданский статус подтверждается паспортом. Каждая ступень по пути образования, как и профессиональной квалификации, фиксируется юридическими документами (аттестат зрелости, диплом о высшем образовании, об ученых степенях и званиях и прочие свидетельства).

Правовая область отличается своим* *пространственными* и *временными* особенностями. Все ее учреждения имеют пространственную выделенность: на территории поселения прокуратуре, адвокатуре, суду, нотариату принадлежат специальные здания или

помещения, снабженные соответствующими вывесками. Зал судебных заседаний характеризуется совершенно особым, нигде не дублирующимся интерьером. Особые внешний вид и интерьеры характерны для тюрем.

Специфично место правовой области и в социокультурном пространстве в силу ее функциональной доминанты: поддерживать рамки социальных отношений и взаимодействий, регулировать их в проблемных ситуациях. Соответственно, по определению, она консервативна, поскольку законы создаются не применительно к конкретному случаю, но к устойчивым и/или повторяющимся проблемам в обществе. Все ее детерминанты и структурные составляющие зафиксированы в своде законов, а также разного рода ведомственных нормативных документах. Общественная значимость правовых ролей обеспечивает их носителям высокий социальный статус и престижную позицию в обществе. Выделенность этой области в институциональном пространстве обеспечивается культурно-символическим образом. Во-первых, все правовые нормы кодифицированы и заключены в своды законов. Во-вторых, здесь используется лексика, где каждый термин имеет четкое определение и минимально размытое значение.

Область права характеризуется специфичными урегулированностью и порядком во времени. Так, действие закона начинается с момента вступления его в силу, о чем специально указывается в соответствующем документе, и прекращается с момента его официальной отмены или по истечении срока, на который он был рассчитан, либо в силу его замены другим законом, изданным позже. Законом устанавливаются временные параметры разного рода договорных отношений: трудовых, коммерческих, семейных и пр. В соответствии с ним определяются сроки рассмотрения гражданских и уголовных дел, подачи заявлений, жалоб, ознакомления с судебными документами. Четко определены временные параметры гражданских и уголовных процессов, называемые процессуальными сроками.

Исполнительные механизмы, осуществляющие реализацию программ и логики, характерных для правовой области, представлены специфичными для нее *институтами*. Институт законодательства обеспечивает связь политической и правовой области социокультурного пространства. В его рамках происходит выделение тех проблемных ситуаций в обществе, которые определяются как подлежащие правовому регулированию, их нормирование и кодификация. Институты правоприменительного характера обеспечивают юридически регламентированное регулирование правоотношений в процессах их осуществления. Правоохранительные органы контролируют соблюдение субъектами права норм, установленных законом, и препятствуют их нарушению.

Сказанное выше свидетельствует о том, что правовое пространство объединяет совершенно определенные аспекты социальной жизни. Прежде всего оно включает в себя наиболее устойчивые и общезначимые отношения в обществе и государстве, выраженные в понятиях «правопорядок» и «положение гражданина». Далее, эти отношения находят в области права особое отражение: рассматриваются только с точки зрения их поддержания. На это направлена юридическая практика разрешения гражданских споров и назначения мер наказания за нарушение закона. Наконец, нормативный характер этого пространства обуславливает четкую, недвусмысленную формулировку юридических норм, их разграничение и кодификацию.

Необходимость освоения этой области социокультурного институционального пространства не вызывает сомнений. Каждый член общества должен хорошо ориентироваться в ее рамках, чтобы в стандартных проблемных ситуациях социального взаимодействия понимать и использовать свои права и обязанности социально приемлемым, соответствующим правовым установлениям образом. В случае же сомнений в этом отношении он должен знать, куда следует обратиться за нужной информацией. Такое знание характеризует правовую компетентность членов общества.

Контрольные вопросы

1. Понятие социокультурного кода и его познавательные функции в связи с построением институционального уровня социокультурного пространства.
2. Институциональное пространство социальной организации, его составляющие и их динамический потенциал.
3. Хозяйственная область социокультурного пространства: организация жизнеобеспечения в обществе.
4. Политическая область социокультурного пространства: организация отношений между группами интересов.
5. Правовая область социокультурного пространства: регулирование отношений между гражданами, сообществами, институтами.

И Глава 2. Конституция организации армии значимого знания

Общественная жизнь упорядочивается не только в пределах институционального пространства организации социального взаимодействия. Как отмечалось ранее, оно сопровождается коммуникацией. Ее единицы — представления, образы, модели, связанные с такого рода процессами, — выражены в интересующей

символической форме. Их тоже можно представить в терминах институционального социокультурного пространства, имеющего символическое выражение.

В этом его домене закреплены представления людей об их наиболее значимых, устойчивых и распространенных связях с природным и искусственным окружением; переживания, обуславливающие их воспроизведение или изменения; соответствующие отношения, базирующиеся на определенных оценочных критериях — утилитарных, этических, эстетических и пр. Этот субстрат зафиксирован в символической форме, и фиксирует особый социокультурный опыт, транслируемый и осваиваемый в процессах социализации и инкультурации. Его объективация в теоретических категориях и формулах, письменных и музыкальных текстах, иконических изображениях, пластических и архитектурных формах, технологических разработках составляет совокупность артефактов-носителей культурной информации. В таком опосредованном виде она может собираться, храниться и широко тиражироваться.

Поскольку речь идет о зафиксированных в знаковой форме и через нее транслируемых intersубъективных, разделяемых представлениях, условно можно назвать такого рода информацию социально значимым знанием. В этом случае метафизические, образные, рациональные построения можно рассматривать с точки зрения их функций, связанных с организацией, упорядочением окружения, вниманием к нему, контролем над ним. Причем не имеет значения, реальны или воображаемы элементы символического пространства, конструктивность или декомпозиция заложена в интенциях автора. Важно, что речь идет об определенном обосновании и выражении отношении людей к миру, высказываниях о нем, претендующих если не на истинность, то хотя бы на значимость для других.

Этот домен необходим людям, чтобы обмениваться информацией в условиях, где часть параметров социального взаимодействия остается относительно устойчивой, а часть меняется преднамеренно или «естественным» образом. Особенно важна его освоенность для членов динамичного общества, отмеченного высокой степенью социокультурной неопределенности. В этих рамках в любых условиях можно выделить устойчивые характеристики и изменчивые черты, причем с различением в них тех, что подконтрольны и неподконтрольны человеку. Здесь проектируются цели социальных взаимодействий, определяются пути движения сообществ и человечества от прошлого к будущему, а также возможности регулировать его и т. п.

В силу социальной значимости этот домен, поддерживаемый символической и коммуникативной активностью людей, институционализирован как области религии, искусства, философии,

науки. Каждая из них заключает в себе не сводимые друг к другу представления о реальности, специфичные выразительные средства, особый социокультурный код. Каждой из них свойственна собственная институциональная структура, фиксирующая особые классы решаемых задач, принципы и правила решения, нормы и пределы отношений с реальностью и критерии их оценки, организационные формы деятельности, взаимодействий, коммуникаций. Различны дистанции между ними и обыденной жизнью людей. Так, искусство в его популярных формах существенно ближе к повседневной реальности, чем философия и наука. Различаются они и по акцентам на устойчивых или изменчивых характеристиках реальности. Если религия и философия сфокусированы на универсалии и абсолюты, то в науке и искусстве предметом интереса является множественное и относительное.

Порядок дальнейшего изложения обусловлен движением от упорядочения представлений, наиболее тесно связанных с переживаниями, к организации рациональных концептов и категорий.

Религия — это область социокультурного институционального пространства, порождаемая способностью человека верить, т. е. принимать определенные утверждения без доказательства, лишь на основании священного авторитетного источника, из которого они исходят, а также желанием опираться на такой авторитет при построении собственных суждений. Религиозный код для обыденной жизни и некоторых других областей социокультурного пространства, например философии, искусства, обеспечивает социально разделяемые символы и этические критерии, признаки принадлежности к определенной социокультурной общности. Институциональные формы религии таковы, что минимизируют дистанцию между ней и повседневной реальностью через разделяемые символы веры. В рамках этого пространства особую роль играет представление о сакральности (священности) его составляющих: переживаний, ритуалов, объектов, символов.

Столь же близка дистанция между обыденной жизнью и искусством, правда, без сакральных оснований. В этой области в образной, окрашенной переживаниями форме сконцентрированы представления о реальности и фантазии людей, выраженные профессиональными художниками на эстетическом языке. При любой степени сложности он может быть освоен. А популярное искусство вообще общедоступно. Соответственно статус этой области в общем социокультурном пространстве можно определить как место экспериментирования с образами реальности, отыскания приемлемых для человека, «соизмеримых» с ним связей с окружением. Институциональные формы существования искусства в обществе напрямую связывают его с аудиторией. Театры, концертные и выставочные залы, книгопечатание — все это составляет совокуп-

ность каналов широкого распространения художественных произведений. К этому добавляются средства массовой информации, благодаря которым события из области искусства также становятся доступными широкой общественности.

Область философии ориентирована прежде всего на осмысление конечных, предельных оснований бытия и познания, вне зависимости от того, идет ли речь о природе, обществе, культуре, человеке. Поэтому здесь сконцентрированы представления о всеобщих законах земного мира и мироздания вообще, человеческого бытия и жизни животных, общественных отношений и индивидуального существования. В отличие от философского научное познание направлено на выявление соотношений устойчивых, повторяющихся связей в природе и обществе и изменчивых, единичных, случайных событий. В рамках науки изучается характер и причины процессов, происходящих в природе и обществе (фундаментальный уровень), а полученное знание обычно используется в качестве оснований для построения технологий (прикладной уровень). Философская и научная области познания определенным образом взаимосвязаны. Каждая наука в разной степени содержит ряд исходных допущений, «гипотез о мире», носящих априорный, метафизический характер, которые всегда могут быть обнаружены. В свою очередь динамика научного познания обуславливает изменение философских представлений. Новые знания, получаемые с помощью научных методов, при попытках их интегрирования в целостную картину мира обычно побуждает философов пересматривать ранее принятые принципы и положения. Обе эти области символического пространства связаны с обыденной жизнью опосредованно, чаще всего через другие, более близкие к ней. Так, определенные философские позиции закреплены в религии, в ее онтологии и этике; в праве — например, в концепции справедливости; в искусстве — скажем, в представлениях о пространстве и времени; в политике — в форме определенной идеологии. Научное знание входит в обыденную жизнь, будучи трансформированным в технологические процессы, технические устройства, в консультации специалистов и пр.

При изучении социокультурной микродинамики важно выявить соотношение этих областей в более широком социокультурном пространстве с точки зрения доминирования одной или нескольких как обеспечивающих разделяемые в обществе представления о мире и отношения к нему. Следует, однако, подчеркнуть, что из их содержания нельзя делать прямой вывод о том, что происходит в институтах, связанных с социальной организацией и как это влияет на реальную общественную практику. Между тем, что люди знают и утверждают, и тем, что происходит в ситуациях социального взаимодействия, существуют значительные различия, которые следует объяснять специально.

Религия: область кумуляции опыта духовной жизни

В данном случае религия осмысливается как область социокультурного пространства, т. е. не с какой-либо одной точки зрения, например религиозоведческой, политической или психологической, но в ее социокультурной многомерности и многозначности. Такое ее рассмотрение оказывается наиболее успешным при сопоставлении с другими областями кумуляции социокультурного опыта, где люди осваивают свои связи с окружением, представленные в символической форме. Выделение социокультурного кода этой области позволяет выявить ее содержание, функции, формы религиозного опыта; то общее, устойчивое и определенное, что позволяет идентифицировать этот опыт по отношению к другим типам переживаний. Он исторически сложился, базируясь на свойстве человека переживать связь с тем, что выходит за пределы его жизненного мира как нечто трансцендентное, универсальное, вечное и священное в своей сверхъестественности. Все эти представления обнаруживаются во всех религиозных системах независимо от их принадлежности к определенным культурам и эпохам.

В качестве *функциональной доминанты* религиозного пространства следует выделить его предназначенность для обретения духовного опыта связи с трансцендентным, принципиально непознаваемым с помощью обычного разума, недоступным рациональным процедурам. Он определяется как сверхчувственный и посылаемый человеку свыше в откровении. Для его обретения считаются ненужными анализ, доказательство, эмпирическая проверка — он непосредственен и целостен. Речь идет о прямом постижении Истины, минуя любое опосредование. Переживание связи с трансцендентным непереложимо на язык внешних проявлений. Духовный опыт интегрален и невыразим, ибо приобщение к Богу рассматривается как откровение, перед которым человеческий разум и язык бессильны. Религиозная область институционализованного социокультурного пространства существует для организации такого опыта, освоения способов его упорядочения и внешнего выражения.

С этой точки зрения на «входе» по отношению к этой области находятся множества жизненных впечатлений и событий, представляющихся независимыми от желаний и действий людей. К ним следует отнести внезапные прозрения, неожиданное счастливое или неудачное стечение обстоятельств, вера в необходимость идти по избранному пути вне зависимости от препятствий, в высшее вознаграждение за терпение и страдания и т. п. Такие переживания, как известно, свойственны всем людям, причем, будучи неорганизованными, они всегда неожиданны, необычны, сопровождаются глубокими внутрилличностными потрясениями. Институционализованная религия «связывает» их, придает им

универсальный смысл и определенность через отнесение к проявлениям трансцендентной воли. Соответственно «на выходе» наличествует зафиксированное в священных текстах представление о том, что все события в человеческом мире предустановлены свыше, что людям не дано предугадать Божий промысл и следует ему поклониться, т. е. быть готовыми к любым неожиданностям. Миропорядок, установленный в религиозные доктринах, считается непреложным и имеет священное обоснование, т. е. рассматривается как божественное творение.

Программы трансформации индивидуального духовного опыта в религиозный связаны с самой этимологией слова «религия»: religio от лат. religare означает «связывать вокруг». Религия объединяет людей вокруг определенной универсальной концепции мирового порядка, который представляется как данный свыше и потому сакральный, и предписаний, как следует жить в его рамках. Но этим функция объединения не ограничивается. Речь идет также об онтологической связи человека с трансцендентным, с божественным началом. И через эту связь — откровение — божественное начало осуществляет свою волю в человеческом мире. Милость Божью люди могут заслужить, совершая богоугодные дела и следуя праведным путем. Предустановленные законы жизни и возможности руководствоваться ими находят отражение в священных текстах, соответствующих определенным религиозным доктринам. Они устанавливают картину мира через ее божественную сущность и сакральные нормы, детерминирующие духовное и мирское бытие людей. Доктринами определяются конфессиональные рамки, придающие культурный смысл и упорядоченность образу жизни верующих через определенные символы веры, характерные для каждой религиозной системы. Такие символы позволяют верующим идентифицировать себя по конфессиональной принадлежности и ограничиваться от других конфессий.

Лотка трансформации индивидуальных верований в разделяемый и доступный для освоения духовный опыт определяется специфичными для этой области нормами и правилами религиозного поведения, духовными практиками. Она определяет содержание храмовых служб и богослужений, которые направлены на организацию коллективных религиозных представлений и переживаний, актуализирующих связь верующих с трансцендентным. Значимое место в каждой религии отводится семейной и индивидуальной молитве, определяющей такую связь на личностном уровне. Священнослужители постоянно обращаются к сакральным текстам, черпая там фундаментальные основания для «расшифровки» Божьего промысла в меняющихся социально значимых ситуациях. В ряде религиозных систем существует институт исповеди, позволяющий верующему осознать и оценить свою мирскую жизнь,

поступки, отношения с другими с точки зрения религиозной этики и открывающий ему возможности исправить собственные ошибки и несовершенства и тем самым обрести Божью благодать. Существуют также ритуалы крещения и причастия, которые на уровне сакральных практик подтверждают непосредственную связь Бога с человеком как творца с его творением. В принципе это логика постоянного самосовершенствования, труда во славу Божию, осуществляемых согласно нормам и правилам, предписанных Священным Писанием.

Совершенно специфичны и отличны от всех других областей социокультурного пространства *субъекты* религиозной жизни. Их равно составляют живые люди и трансцендентные воплощения Добра и Зла. Причем сила последних оказывается несравненно большей по сравнению с людьми, даже священнослужителями высшего ранга. В то же время люди могут обращаться к святым и даже к Богу за советом, за помощью, вступая с ними в непосредственный контакт, который осуществляется в пределах сакральной реальности. Здесь особая роль принадлежит посреднику между Богом и человеком, которого можно найти во всех больших религиях — христианстве, мусульманстве, буддизме, — и который является своего рода гарантом того, что молитвы каждого верующего будут услышаны творцом и каждый обретет спасение от грехов и сил зла. В земной жизни субъекты религиозной жизни разделяются на духовных пастырей и паству. Причем роли пастырей институционализированы, и выполнение соответствующих функций возможно лишь посвященными людьми — священнослужителями. Одни из них исполняют роли учителей и просветителей, несущих мирянам свет божественной истины и руководящих их духовной жизнью. Другие полностью посвящают себя служению Богу и уходят от мирской жизни в стены монастырей или становятся отшельниками.

Пространственная организация духовной сферы носит вертикальный характер. По возрастающей степени святости — от близости к земному, телесному миру до приближенности к божественному Духу — выстроена небесная иерархия. Именно по этим ступеням распределяется могущество небесных сил, в том числе в степени и масштабах их влияния на земную жизнь. Небесный порядок в земном религиозном пространстве дублируется иерархией священнослужителей. Каждой из ее ступеней соответствует определенный объем прав и обязанностей, фиксированный нормами священного права. В частности, дистанции между верующими и различными чинами такой иерархии неодинаковы. Так, члены религиозной общины — первичной земной единицы религиозного пространства — находятся в достаточно частых контактах со священнослужителем храма, вокруг которого она организуется, и дистанция между ними минимальна. К более высоким чинам прос-

тые верующие могут обращаться только в неординарных случаях. Дистанция между высшими иерархами и верующими и даже низшим духовенством максимальна, а их контакты строго обусловлены нормами священного права.

Онтологическое время в религиозной сфере разграничено на две совершенно различные формы. Земная жизнь определяется антропологически — движение от рождения к смерти, — которая считается не концом существования божественного начала в человеке — души, — но порогом его перехода в пространство, определяемое небесной иерархией. И здесь кончается предел земного времени и начинается вечность, когда о времени говорить уже бессмысленно.

Но кроме такой религиозной онтологии пространства и времени существует иной их аспект, связанный с осуществлением религиозной активности людей. Они имеют специфичную выраженность и выделенность с помощью особой религиозной символики на территории любого поселения или в специально отведенном месте. Архитектура религиозных сооружений определяется концепцией мироздания, но и в их рамках выделяются сакральные пространства, доступ к которым запрещается непосвященным. Структура времени, связанного с осуществлением коллективной активности такого рода, организуется сакральными событиями, такими как общерелигиозные и храмовые праздники, установленным чередованием совместных молитв членов религиозной общины. На индивидуальном уровне оно определяется сменами постов и обычного образа жизни, молитвами в домашних условиях, именинами, паломничествами в святые места.

Институционализация религиозного социокультурного пространства осуществляется в форме особых организаций, имеющих иерархическую упорядоченность. Образ жизни духовных лиц определяется характером их связи с мирской средой. Как уже отмечалось выше, одна их часть постоянно соприкасается с этой средой и, согласно религиозным установлениям, имеет право не только на пастырские роли, но и на участие в широкой политической жизни. Другая часть ведет монашеский образ жизни, существенным образом отличающийся от мирского такими чертами, как проживание на территории монастыря; особый режим существования, при котором значительная часть суток отводится молитве; особая диета; обет безбрачия. Важным проявлением институционализации религиозной жизни является наличие священного права, в котором содержатся внутренние установления, связанные с функционированием религиозных организаций, а также нормы, регулирующие отношения духовенства с мирянами и между собой. Такого рода нормативы наделены сакральным статусом, т. е. предполагается их универсальный и инвариантный характер. Изменение какого-то

из них является экстраординарным событием, нередко ведущим к расколу внутри религиозной доктрины.

Освоение этой области социокультурного пространства значимо и для верующих, и для атеистов, поскольку составляет предпосылку для сознательного выбора: принадлежать к тем или другим. В случае присоединения к верующим индивид научается упорядочению своих связей с трансцендентным (неизвестным, непознаваемым, случайным) с помощью духовных практик, а в настоящее время толерантности в отношении представителей других конфессий. В случае атеистического выбора люди все равно должны иметь представление о духовной жизни. И это важно не только потому, что религиозная символика занимает в культуре значительное место, но и потому, что феномен веры распространяется на всех людей, и каждому следует знать, что он имеет исторически установленную и чрезвычайно утонченную форму. Соответственно атеисту необходимо отрефлексировать, что он сам принимает без доказательств, «на веру», и освоить границы толерантности в отношении приверженцев определенных конфессий. Критерием оценки приобщенности человека к религиозному пространству можно считать меру его духовной продвинутости.

Искусство: образное освоение реальности

Многочисленные археологические и этнографические исследования убедительно доказывают, что проблема формообразования, отыскания средств для выражения внутриличностных состояний и переживаний, внешней реальности решались на протяжении всей человеческой истории. На этой базе формировались живописные, пластические, музыкальные, вербальные выразительные средства и особая область социокультурного пространства, искусство, художественная культура со специфичным для нее кодом трансформации интрасубъективных эстетических переживаний в интерсубъективные объективированные образы. Эта область занимает важное место в совокупности отношений человека с окружением, поскольку предполагает свободное экспериментирование с его элементами, моделирование социокультурных ситуаций с помощью образных заместителей реальности. Такое виртуальное воспроизведение и изменение жизненной среды обуславливает большую эффективность реальных взаимодействий, поскольку, во-первых, не дает угаснуть вниманию людей к рутинным аспектам повседневной жизни, а во-вторых, позволяет выявить новые связи и возможности, содержащиеся в этой среде.

Функциональная доминанта искусства, таким образом, определяется тем, что в его рамках осуществляется организация отношений человека с окружением в образной форме, установление

соразмерности окружения возможностям людей, трансформация внешних условий существования человека в построенную по его меркам жизненную среду. Эта область базируется на свойстве и способности человека формировать образы. Ее становление связано с развитием эстетических средств выражения людьми своих переживаний и фиксации их результатов в различных видах и жанрах специализированной деятельности — искусства. Носитель этих способностей и профессионально усовершенствованных навыков называется художником и занимает определенное место в системе общественного разделения труда.

Как специфичная компонента социокультурного пространства, искусство представляет собой область кумуляции, распространения и тиражирования образцов осмысления и репрезентации окружения в художественном языке, средств их создания; отбора и профессиональной подготовки художников — с целью развития в обществе способности к формированию образов и навыков оперирования ими.

По отношению к этой области на «выходе» можно обнаружить изменчивый поток разрозненных впечатлений людей о внешних событиях и внутриличностных переживаниях, которые в изначальном неупорядоченном состоянии представляют собой фрагментарные, размытые образы отношений людей с окружением. «Выходами» художественных трансформаций реальности можно считать организацию такой неопределенности в относительно устойчивые формы, выстроенные в соответствии с эстетическими принципами. В искусстве разнообразие способов их применения к текущим событиям и модификаций под влиянием меняющегося жизненного опыта, т. е. множественность интерпретаций реальности социально санкционированы и представлены широкой публике как художественные произведения. Эстетическая форма существует наряду с рациональной и характеризуется специфичными познавательными особенностями. Они обусловлены природной способностью людей «схватывать» ситуацию или явление в целом, понимать ее смысл без перебора множества примеров и все же с уверенностью в его адекватности.

Художественная деятельность часто стимулируется расхождением между социокультурными стереотипами и личностным мироощущением художников, уловивших перемены в окружении. В ответ они благодаря профессионально утонченному восприятию по едва заметным, разрозненным признакам создают обобщенные образы связей с окружением, жизненных ситуаций и явлений: крупномасштабных и камерных, в настоящем и будущем, общих и детализированных, простых и сложных. Такого рода целостности антропны, т. е. соразмерны человеческой личности. Сам способ эстетического отношения к реальности позволяет воссоздать мно-

гозначные живые «картины» жизненных ситуаций. В то же время конкретность художественных образов указывает на пределы их применимости в освоении окружения.

Программы трансформации непосредственных связей людей с окружением в intersубъективные эстетические формы следует рассматривать сквозь призму концепции «остранения» (В. Шкловский). Речь идет о том, что искусство — это не подражание и не отражение реальности, а такой вид отношений с ней, при котором привычное становится «странным», необычным, а едва заметное попадает в сферу внимания и приобретает значимость. С этой точки зрения можно говорить о двух генеральных классах такого рода преобразований, определяемых выделением в области искусства видов и жанров. Виды искусства определяют различные позиции остранения реальности. В соответствии с материалом, используемым для трансформаций, различаются литература, предполагающая работу с языком и подразделяющаяся на прозу, драматургию и поэзию; музыку — со звуком; живопись — с визуальными формами и цветом; танец — с человеческим телом и т. д. В соответствии с динамическим характером классы произведений искусства можно разделить на связанные с симультанной или последовательной представленностью. К первым следует отнести архитектуру, скульптуру, живопись, графику; ко вторым — литературу, театр, музыку, танец. Кроме того, в них отображается необратимость или обратимость времени. Первая характерна для изобразительных искусств и архитектуры, завершенных в их статичной целостности. Вторая возможна в таких видах искусства, как литература, музыка, танец, где часто используются приемы повторов и циклические формы. Виды искусства различаются и по способам представленности: книга (а сегодня и электронные носители) — для литературы; сцена — для театра, музыки и танца; выставочные пространства — для живописи, графики, скульптуры; открытые пространства — для архитектуры, монументального искусства. Таким образом, виды искусства как трансформационные программы определяются не каким-то одним признаком, а целой их совокупностью, определяющей аспекты построения отношений человека с окружением.

Другим генеральным направлением трансформации можно считать жанры искусства. Они различаются по основаниям классификации и аспектам рассмотрения социально (лично) значимых ситуаций. Так, в трагедии демонстрируется достойное поведение человека в экстремальных обстоятельствах, где он оказывается на грани гибели и не способен преодолеть обстоятельства. Драматическое видение событий определяется неразрешимостью проблем в человеческих отношениях, указанием на неизбежность таких проблем и необходимость умения подчиняться судьбе.

202 Повествовательные, нарративные жанры ориентированы на «объ-

ективное» описание жизненных ситуаций с акцентом на определенную значимость каких-то привычных их сторон: эстетическую, этическую, утилитарную, познавательную. Лирический жанр передает интимные переживания. Комическое видение ситуаций демонстрирует возможность подчинить себе даже самые сложные и опасные из них, найти неожиданный выход из тупика и пр. Можно считать жанровую программу эстетических трансформаций совокупностью оснований для интересубъективного, культурно установленного определения социально или личностно значимых ситуаций и стратегий поведения в их рамках.

Такого рода программам соответствуют определенные *логики* преобразования эстетических переживаний в художественные образы, в произведения искусства. Наиболее общие трансформационные модели задаются эстетическими стилями, понимаемыми здесь как устойчивая совокупность принципов формообразования, характерная для определенного периода исторического времени. В искусстве к таким принципам относятся исходные представления о пространстве и времени, логика построения композиции художественного произведения, выразительные средства, рассматриваемые как нормативно допустимые и приемлемые для профессиональной среды и публики. Но различие видов и жанров искусства, динамический характер самих образов предопределяет вариативное отношение художников и аудитории к эстетическим нормативам. Вот почему в области искусства выделяются определенные эстетические школы и направления. Они представляют собой вариации сочетаний и соотношений общепринятых принципов построения художественной формы. Наконец, следует обратить внимание на авторские манеры работы художников. Они характеризуются не просто тонкой индивидуальной вариативностью настроений и выразительных средств в рамках определенных направлений и стилей. Речь идет о поле деятельности, на котором становятся заметными отступления от принятых в данный период времени эстетических норм или осознанный, целенаправленный выход за их пределы. Такого рода логики трансформации делают художественное пространство максимально открытым и приближенным к аудитории, поскольку по принципам формообразования оно дробно дифференцировано от броских общедоступных и общепринятых эстетических знаков и символов до тонких нюансов выразительности, акцентирующих едва заметные начала изменений в отношениях человека с окружением.

Говоря о логике трансформаций эстетических переживаний, следует указать также на формы художественных произведений. Эти эстетические целостности соответствуют видам и жанрам искусства, внешними, воспринимаемыми признаками, выделяя соответствующее социокультурное содержание. Они дифферен-

цированы по видам искусства. Например, литературе свойственны такие формы, как роман, представляющий широкую панораму социокультурной реальности в прошлом или настоящем; трагедия и драма, выделяющие остро проблемные или конфликтные ситуации; повесть или поэма, связывающие в логический процесс последовательную цепь событий, происходящих с героями; комедия, подчеркивающая смешную, забавную, юмористическую сторону жизненных ситуаций; новелла и лирическое стихотворение, передающие переживания автора или лирического героя в неординарной конкретной жизненной ситуации. В музыке можно выделить симфонию, масштабное оркестровое произведение, представляющее собой многомерную динамическую целостность, построенную на основании единого настроения, выделяемого с помощью тональности; сюитную форму, или набор небольших отдельных произведений, связанных общими жанровыми (например, танцевальной), интонационными (например, этнокультурной) и др. характеристиками; сонату — инструментальное произведение, выражающее чередование настроений или личностных состояний, объединяемых в смысловую целостность по принципам подобия и контраста. В живописи различаются картина, которая через сюжет представляет определенное социально значимое событие или же через совокупность формальных характеристик задает логику упорядочения элементов окружения или фрагментов личностных переживаний; пейзаж, фиксирующий определенные настроения и личностные состояния через их соотнесение с определенным образом организованными ил выделенными частями естественной природной или архитектурной среды, с погодными условиями; натюрморт, призывающий зрителя любоваться искусственными композициями природных объектов (в основном плодов, цветов, того, что используется в пищу) или мелких артефактов (статуэтки, шкатулки, украшения, предметы одежды и т. п.); интерьеры, представляющие на полотне организацию непосредственной предметно-пространственной жизненной среды людей. Свои формы можно выделить для театра, например, музыкальные (опера, оперетта), драматические (драма, комедия, эстрада), танцевальные (балет, народные танцы). Такого рода формы устанавливают те меры, с которыми человек соотносит объекты окружения и их динамику с собственными масштабами и биоритмами.

Области искусства соответствуют специфичные для нее социокультурные *субъекты* и функциональные *роли*. В самом общем виде их можно разделить на два класса: профессионалы и аудитория. Разумеется, каждому из них соответствует собственная внутренняя дифференциация. Профессиональные роли различаются по ряду оснований. Прежде всего это деление по видам искусства: литераторы, музыканты, деятели изобразительного искус-

ва, театра, архитекторы. Но в каждой из этих категорий выделяются более дробные функциональные роли. Так, в литературе — это прозаики, драматурги, поэты, литературные критики и литературоведы. В музыкальной области выделяются композиторы и исполнители, причем к последним относятся дирижеры, оркестранты, солисты. Здесь также следует упомянуть музыкальных критиков и музыковедов. Театральное искусство может быть представлено драматическими, оперными, балетными артистами, режиссерами, театральными критиками, театроведами. В области изобразительного искусства профессионалами считаются живописцы, графики, скульпторы, дизайнеры или представители прикладного искусства. Соответственно и здесь есть свои критики и искусствоведы. Относительно архитектуры можно говорить об архитекторах, занимающихся проектированием зданий, пространственной среды, интерьеров, художниках-монументалистах. Существуют также теоретики архитектуры. Из сказанного следует, что субъектов художественной деятельности можно разделить на три крупных категории: художники, те кто создает произведения искусства, а в областях музыки и театра предлагают свою художественную интерпретацию авторских работ; искусствоведы, чьи функции заключаются в теоретическом осмыслении закономерностей построения и изменения художественных форм; художественные критики, выполняющие посредническую функцию между художниками и публикой, раскрывающие публике эстетический и социальный смысл произведений искусства.

Другой класс субъектов художественной области составляет публика. Она тоже имеет культурно установленную внутреннюю дифференцированность. Наиболее близка дистанция между профессиональным искусством и любителями, т. е. людьми, занимающимися различными видами искусства, но не являющимися профессионалами. Они непосредственно включены в художественную деятельность, а также составляют существенную часть аудитории. Следующую категорию составляют знатоки. Это люди, обладающие высоким уровнем художественной компетентности, но не участвующие в художественной деятельности непосредственно. Наряду с любителями они составляют самое квалифицированное ядро публики. Наиболее показательной с этой точки зрения можно считать категорию коллекционеров. Они представляют собой тех, кто не только систематическим образом собирает произведения искусства, но и сохраняет их в качестве культурных ценностей. Знатоки следят за тем, что происходит в области искусства, посещают концерты, спектакли, выставки, читают серьезную художественную и искусствоведческую литературу, работы художественных критиков. Именно с ними как с аудиторией соотносят результаты своей деятельности представители профессионального

искусства. Значительно большей является дистанция между художниками и теми, кто просто интересуется искусством и не обладает высоким уровнем эстетической компетентности. На их суждения о прочитанном, увиденном, услышанном оказывают влияния мнения художественных критиков, а также любителей и знатоков. Тем не менее, они составляют значительную часть публики и с их мнением считаются в профессиональной художественной среде. Наконец, следует упомянуть и тех, кто равнодушен к искусству, но оказывается в сфере его влияния случайно или по соображениям, далеким от эстетических, например социально-престижным.

Сказанное позволяет определить внутреннюю форму *пространственной* и *временной* организации искусства. Само художественное пространство, его дифференциация определяется видами и жанрами искусства, художественными формами, а его структура — характерными для определенного стиля принципами формообразования, построения композиции художественных произведений и их репрезентации. С этой точки зрения можно говорить о пространстве не только сцены, картины, скульптуры, или архитектурного сооружения, но также романа или симфонии. И хотя его условность во многом определяется не только автором, но и теми, кто воспринимает произведение искусства, оно всегда организовано и детерминирует их отношения с соответствующими эстетическими образами.

Художественное время также имеет своеобразные формы. Как уже отмечалось, оно может быть необратимым, как в изобразительном искусстве; обратимым, как в художественной литературе или театре; циклическим, как в поэзии и музыке, где существуют особые циклические формы (например, рондо). Кроме того, оно неравномерно и может быть растянутым и спрессованным, непрерывным и дискретным. Именно в искусстве относительность представлений о пространстве и времени проявляется наиболее очевидно по сравнению с другими областями социокультурного пространства и доступно даже неподготовленному восприятию.

Но можно также говорить о пространстве и времени существования художественных произведений. Так, для хранения книг существуют публичные и домашние библиотеки, для их распространения — книжные магазины и ярмарки. Произведения изобразительного искусства представляются публике в музеях и выставочных залах. Музыка звучит в концертных залах и фиксируется в записи на разного рода носителях. Спектакли ставятся на сцене театров. Чаще всего все эти места в пространстве поселения имеют архитектурную выделенность и снабжены вывесками, на которых обозначены их названия.

По величине дистанции между произведениями искусства и аудиторией художественная область разделяется на элитарную,

популярную и массовую зоны. Первая характеризуется концентрацией наиболее сложных и инновативных эстетических форм. Вторая и третья отличаются широкой доступностью для восприятия, привычностью форм в первом случае и их простотой — во втором.

Время существования художественных произведений в социокультурном пространстве тоже имеет сложную форму организации. Оно по-разному определяется по отношению к разным видам, искусства. Так, в книжном мире оно определяется выходом в свет литературного произведения и устойчивостью внимания к нему критики и публики. Причем угасание интереса отнюдь не означает прекращения его существования в культуре. Он может возродиться или существовать на профессиональном уровне. Представленность произведений изобразительного искусства публике не непрерывно. У музеев и выставочных залов существуют определенные дни и часы посещений. Кроме того, здесь время задается сменой экспозиций. Театральное и концертное время определяется периодичностью их работы, причем в этом случае речь идет не только о рабочих и выходных днях, не только о часах работы. Здесь выделяется специфичная временная единица, называемая сезоном, и время существования спектакля или концертной программы зависит от того, сколько сезонов они продержались на сцене.

Таким образом, можно говорить о специфичной для искусства пространственной и временной организации. Причем она неоднородна и для построения художественных произведений, и для поддержания отношений между ними и публикой.

Институциональная организация художественной деятельности сегодня существует в каждом обществе. Можно выделить несколько ее ключевых форм. Во-первых, существует государственная поддержка искусства, а при авторитарном стиле политического управления — контроля над художественной деятельностью. Речь идет о министерствах или их департаментах, распределяющих бюджетные средства на деятельность художников и учреждений искусства. Парламентские структуры, связанные с этой же областью, должны защищать их интересы, устанавливать нормы, гарантирующие сохранение и использование художественного наследия. Во-вторых, следует указать на общественные институты, осуществляющие организацию профессионалов в области искусства. Это ассоциации, творческие союзы, обеспечивающие художникам коммуникационную среду, а также защиту их профессиональных интересов. К общественной поддержке также относятся институты меценатства и спонсорства, т. е. безвозмездное вложение средств в сферу искусства, осуществляемое состоятельными людьми или специальными фондами.

Существует и такая институциональная структура, как академия. В одних странах она имеет государственный статус; в других — общественный. Однако в любом случае этот институт предназначен для того, чтобы отметить, выделить выдающихся деятелей искусства, мастеров высочайшего класса в соответствии с определенными и порой меняющимися критериями оценки их деятельности. Ими могут быть следование художественной традиции, инновативность, популярность, идеологические соображения. Но обычно члены академии занимают в обществе престижную социальную позицию.

Освоение принципов формообразования, эстетических навыков важно для людей потому, что образный уровень их отношений с окружением имеет, так сказать, онтологический статус и объективирован в предметно-символической форме. Вне зависимости от собственного желания они вынуждены вступать в контакты с этой областью социокультурного пространства, с его популярными или элитарными составляющими. Умение оперировать образами важно для свободного самоопределения людей в виртуальном символическом пространстве. Мерой освоенности подобных знаний и навыков можно считать эстетическую компетентность.

Философия: мир предельных значений

Философия — это область социокультурного пространства, максимально удаленная от обыденной жизни благодаря обобщенности, абстрактности используемых в ее рамках понятий и категорий. Ее можно определить как производную умозрительных нормативных представлений, которые не могут быть достоверным образом подтверждены или опровергнуты ни эмпирическим, ни логическим способом. Соответственно философию как общее учение о бытии и познании, об отношении человека к миру, о всеобщих законах развития природы, общества, культуры не следует, как это нередко делается, называть наукой. В этой познавательной области представлены гипотезы о мире, абстрактные, априорно-нормативные, условные построения, которые не предполагают необходимости использования экспериментальной логики, являющейся ядром научного познания. Соответственно законы здесь ближе к правовым установлениям, нежели к научным обобщениям. Философия — совершенно самостоятельная область познания, не сводимая ни к каким другим его формам. Это область рационально-логически выстроенного мировоззрения, и философская картина мира может рассматриваться как своеобразная карта, обеспечивающая людям ориентацию в социокультурном пространстве в ситуациях выбора оснований для построения собственного мировидения

Функциональная доминанта философии обуславливает ее
208 значимость в институционализованном социокультурном про-

странстве. Этот тип познания предназначен для построения целостной картины мира. Такая система представлений необходима людям, чтобы определить границы своих возможностей в отношениях с окружением, с одной стороны, и быть готовыми к неожиданностям и случайностям, с которыми им приходится сталкиваться и истоки которых находятся за пределами установившихся жизненных порядков — с другой. По отношению к другим типам познания, например религиозному, гуманитарному, научному, философия выполняет чрезвычайно важные функции. Она обеспечивает тот первоначальный уровень исходных оснований построения суждений, которые определяют предметную область познания, ее границы и внутреннее строение, но оказываются недоказуемыми и непроверяемыми. Они принимаются а priori и представляют собой не достоверные утверждения, но первоначальные допущения или гипотезы о мире. В этом и в нормативности построений философия сходна с религией. Но в построении суждений между ними можно провести существенное различие. Религиозные суждения полностью основываются на вере, и этот тип рациональности не предполагает необходимости логического доказательства их правомерности и истинности. Философское познание предполагает по возможности полную экспликацию исходных оснований и логики построения суждений, которые и обеспечивают критерии их достоверности.

В качестве «входов» в систему философских трансформаций представлений людей об их связях с окружением можно принять исходные неопределенность их структуры и случайность, непредсказуемость внешних событий. «Выходы» таких трансформаций представлены в виде нормативных утверждений о бытии, о началах, формах и строении мира. На базе этих априорных суждений выстраиваются общие законы, «управляющие» описаниями процессов, происходящих в природе, обществе, культуре, поведения и отношений людей. Как уже отмечалось, такие законы ближе к религиозным или правовым построениям, устанавливающим границы допустимого в отношениях людей с окружением, нежели к научно обоснованным закономерностям, указывающим на выделенность определенной относительно устойчивой целостности на фоне менее организованного окружения и на регулярность чередования событий в пределах такой целостности.

В совокупности философские построения составляют мир предельных представлений, т. е. таких, за границами которых начинается небытие и непознаваемое. Именно поэтому можно говорить о философской картине (скорее, карте) Мира, на которой обозначены фундаментальные формы бытия, строения миропорядка, существования человека в его пределах; базовые состояния природы, общества и культуры. Причем, каждое из этих представлений содержит нормативные предельные значения соответствующих

категорий, составляющих единицы символической репрезентации результатов этого типа познания.

Следует также специально подчеркнуть, что в любой период времени, в любой культуре существуют не одна, но всегда несколько философских систем, представляющих различные картины мира. Если к этому добавить философское наследие прошлого, можно утверждать, что у людей всегда есть выбор предельных значений для осмысления своих критических состояний и проблемных ситуаций, возникающих в отношениях с окружением.

Трансформация разрозненных и разнородных представлений людей об окружении и о самих себе в философские обобщения осуществляется в соответствии с определенными *программами*. Их направленность и содержание детерминированы, во-первых, предельностью значений философских, категорий; во-вторых, антропной базой установления связей человека с миром. Они могут быть выделены в соответствии с общепринятыми разделами философского познания. Так, на уровне онтологии определяются границы, отделяющие бытие от небытия, существование от неопределенности, искусственный мир от природного, человека от его окружения; формы их представленности, отношения между ними. В рамках гносеологии проводятся разграничения между познанным и непознанным, тем, что считается познаваемым и рассматривается как принципиально непознаваемое, между истинным и ложным. Здесь определяются формы познания и их соотношение с точки зрения приближения к истине. В каждый исторический период на этом уровне также решается вопрос о природе и статусе истины. Эстетика это область философии, где проводится водораздел между хаосом и порядком, образом, формой и неопределенностью. В ее рамках задаются принципы и методы формообразования, к которым обращаются при необходимости преодолеть неопределенность в отношениях с окружением. Здесь также устанавливаются критерии различения между эстетически приемлемым и неприемлемым. Этика как раздел философского познания связана с определением границ между представлениями о добре и зле, о требуемых и недопустимых формах поведения людей и отношений между ними. В этих рамках осуществляются выявление и квалификация локальных моральных (нравственных) норм с точки зрения их вклада в социальный порядок, а также их обобщение и выделение универсалий, позволяющих ставить вопрос об этическом миропорядке в глобальном масштабе. Наконец, обращаясь к логике, следует отметить ее значимость в качестве методологии построения истинных философских суждений. Вне зависимости от того, с какого типа логиками — традиционными или нетрадиционными — люди имеют дело, речь идет о правилах обоснования и построения суждений, доказательства или опровержения их достоверности, установления

истинности или ложности высказывания. В этих рамках осуществляется еще одна важная для философии процедура — проведение границы между рациональными, иррациональными и внерациональными формами связей человека с окружением.

Таким образом, программы философских трансформаций организуют непосредственный жизненный опыт людей в соответствии с фундаментальными универсалиями в их отношениях с миром: пребывание в нем; его познание; упорядочение по человеческим меркам; выделение в нем начал, способствующих и препятствующих общественному благоденствию и личностному благополучию; построение суждений, имеющих интерсубъективную значимость.

Логика трансформаций непосредственных представлений людей в философские обобщения и суждения определяется несколькими измерениями. Во-первых, речь идет о различиях между природным, независимым от человека, и социокультурным, созданным человеком, мирами. Соответственно выделяются философия естествознания и философия культуры, социальная философия, трансформационные логики которых различаются. В первом случае человек познает или осваивает природное окружение, к созданию которого он не имеет отношения, которое как «вещь в себе» («вещь сама по себе») представляется принципиально непознаваемым, последствия реакций которого начеловеческое вмешательство непредсказуемы. Во втором случае познается и осваивается окружение, созданное людьми, следовательно, доступное пониманию и целенаправленному регулированию. Причем, в определенных ситуациях — с высоковероятной предсказуемостью социокультурных последствий подобных вмешательств в ход событий. Во-вторых, важно обратить внимание на разграничение материализма и идеализма. Это разграничение уже более ста лет не предполагает онтологической интерпретации. Оно подразумевает преимущественный акцент в логике философского познания. Движение от непосредственного опыта контактов с реальностью к символическим обобщениям относительно ее свойств и закономерностей связывают с материалистической ее трактовкой. Смещение фокуса внимания к движению от априорных представлений, задуманного плана или предварительно рассчитанного проекта к его физическому или символическому воплощению принято называть идеализмом. В-третьих, в философии различаются трансформационные логики экзистенциализма и позитивизма. В первом случае речь идет о различных модальностях существования человека в мире — рациональных и внерациональных; имеющих для него и для других позитивный и негативный смысл; индивидуальных и коллективных. Акцент при этом ставится на границах существования человека в мире. Во втором случае основное внимание уделяется получению «позитивного» знания о мире. Имеется в виду, что человек может применять

его для целенаправленного контроля над окружением: использования благоприятных возможностей и избежания неблагоприятных обстоятельств. Соответственно акцент помещается на процессы Познания и их социокультурные последствия. Наконец, в-четвертых, следует выделить различия в толковании сущности категорий. Как известно, они составляют операциональные единицы построения философских картин мира, и поэтому их трактовка во многом определяет логику трансформации непосредственного жизненного опыта, знаний и навыков, освоенных через культурные источники, в обобщенные рациональные суждения. В философии это различие определялось в свое время противопоставлением реализма и номинализма, а сейчас — онтологизации, реификации категорий и их логической сконструированностиTM. В первом случае подразумевается, что категории как обозначающему соответствует реально существующий объект. Во втором — категорию можно отождествить с собирательным, обобщающим символом, объединяющим однородные черты окружения, значимые для решения определенной познавательной задачи. Разумеется, соответствующие логики трансформаций различны. При реификации категорий подразумевается, что философские высказывания относятся к реальности как таковой. Конструктивная трактовка категорий предполагает, что такие высказывания высвечивают область отношений человека с окружением, позицию Наблюдателя, выделяющего в ней и обобщающего те характеристики, которые значимы для поддержания или изменения сложившейся в этой области ситуации.

К *субъектам* философского познания можно отнести несколько категорий людей. Прежде всего можно выделить тех, для кого философские построения составляют содержание постоянных занятий. Это могут быть философы-«профессионалы», посвятившие себя решению текущих метафизических проблем и задач. Речь идет также о преподавателях, в функции которых входит трансляция философского наследия обучающимся в ходе учебного процесса с помощью специально построенных программ. Наконец, можно выделить людей, не включенных в институциональные структуры философии, но уделяющие философствованию большую часть времени и усилий.

Далее, следует отметить, что в определенных ситуациях к этой области социокультурного пространства оказываются причастными профессионалы, не имеющие к нему непосредственного отношения. Это могут быть менеджеры, политики, юристы, ученые, художники, религиозные деятели, оказавшиеся в условиях, при которых продолжение их рутинной деятельности становится неэффективным или даже опасным для них и для окружения. В этом случае необходимыми оказываются рефлексия к используемым метафизическим основаниям, или гипотезам о мире, и их пересмотр в со-

ответствии с новыми знаниями или «позицией наблюдателя». При смене познавательных парадигм, затрагивающей и философское познание, метафизические поиски нефилософов оказываются значимыми для его развития или переориентации, для формирования новых категорий, для изменения картины мира.

Наконец, в течение жизненного цикла каждый человек несколько раз становится своего рода философом или по крайней мере бывает открыт к мировоззренческим идеям. Это связано с возрастными кризисами, характерными для людей. Соответственно выделяется начало юности, когда человек уже обладает некоторым жизненным опытом и у него появляется необходимость личностного самоопределения в социуме, о котором он пока знает очень мало. Далее хорошо известен кризис середины жизни, когда человек подводит промежуточный итог своей жизни и оказывается перед выбором, продолжать прежний путь или переориентироваться на что-то новое. Отмечается также кризис биологического угасания, когда человеку предстоит принять решение о том, как жить в условиях сужения социокультурного пространства существования, обусловленного уменьшением объема индивидуальных возможностей. Серьезное внимание уделяется кризису завершения жизненного цикла, когда человеку приходится осознать неизбежность ухода из этого мира. Во всех таких ситуациях люди обращаются не только к своему или чужому жизненному опыту, в том числе зафиксированному в культурных объектах. У них возникает необходимость в метафизических представлениях, находящихся за гранью человеческого опыта, обеспечивающих обоснования личностного выбора.

Философия как и любая другая область социокультурного пространства отличается характерными для нее формами *пространственной* и *временной* организации. Прежде всего следует подчеркнуть, что концепты пространства и времени всегда находились в сфере внимания философов. В рамках различных создаваемых ими систем трактовка этих категорий неодинакова. Одни философы считают их универсальными характеристиками бытия, благодаря которым оно объективируется и трансформируется. Другие выстраивают пространственно-временные координаты существования объективной реальности. Одними системами предполагается наделение пространства и времени абсолютным статусом. В других они трактуются в относительном смысле. Для одних метафизических позиций характерно представление об онтологичности пространства и времени. Для других — представление о них как о сконструированных категориях, особенно в их эталонных значениях. При одних подходах пространство и время считаются целостными, однородными, непрерывными. При других — им приписывается разнородность форм и структур, дискретность. Таким образом, следует признать, что здесь не существует общей концеп-

ции пространства и времени, а следовательно, единой организации этого типа знания.

В социокультурном пространстве философская деятельность занимает свое место в системе общественного разделения труда. Как уже говорилось, здесь можно выделить пространство познавательной и трансляционной ее форм. Следует также выделить пространство специальной литературы, которое обозначено специфической лексикой, используемой в соответствующих текстах. По-своему организуются профессиональные диспуты и конференции. Их особенности определяются характерными для философии тематикой и составом участников. Социокультурное время существования этой области также нельзя считать однородным. Так, в условиях смены познавательных парадигм новые философские идеи появляются чаще, а коммуникация между их носителями становится интенсивнее. В условиях установившейся парадигмы инновации относительно редки и практически не оказывают влияния на изменения общепринятых оснований познания, поскольку их носители насколько возможно изолируются от рутинных обсуждений такого рода тематики. Еще один аспект социального времени существования этой области связан с изменением отношения к прошлому, т. е. к конкретным фактам и объектам философского наследия. Скажем, на начальных стадиях смены парадигм системы прошлого, особенно не ставшие классическими, актуализируются и окрашивают текущие представления философов. На пике процесса социокультурное время философии как бы исчезает, поскольку критике подвергаются сами основы этого типа познания как в прошлом, так и в настоящем. На завершающем этапе особенно заметной становится ориентированность в будущее, на формирование новой совокупности познавательных оснований.

Что касается связи философии с обыденной реальностью, то об этом можно сказать следующее. С точки зрения социокультурного пространства следует еще раз подчеркнуть значительную дистанцию между принятым здесь профессиональным знанием, языком и обыденными представлениями. Во временном отношении расхождения мировоззренческими стереотипами становятся те представления, которые в самой этой области считаются анахронизмами.

Следует особо подчеркнуть, что философское социокультурное пространство по своей природе и ориентации на абсолютное и универсальное консервативно. Изменения здесь носят в основном характер вариаций, а не структурных трансформаций. Новые представления принимаются с трудом и не столько сменяют предыдущие, сколько продолжают сосуществовать с ними. Идеи прошлого философы не торопятся квалифицировать как устаревшие. И даже если на какое-то время они оказываются в тени, отнюдь не исключено, что при иных условиях они станут лидирующими.

Философия как область социокультурного пространства *институционализована*. Она легитимизирована как область познания и обучения, т. е. существуют узаконенные документы, удостоверяющие право людей заниматься философскими познанием или преподаванием профессионально, в предназначенных для этого институтах и получать за это установленное вознаграждение. Движение вверх по квалификационной шкале фиксируется присуждением ученых степеней и званий. В России философия причислена к статусу академических областей познания и имеет свое подразделение в системе Российской академии наук. Соответственно философы имеют право вертикальной восходящей мобильности в системе академических званий. На общественном уровне у них существуют профессиональные ассоциации, обеспечивающие им среду для обмена информацией.

Освоение этой области социокультурного пространства в процессах социализации и инкультурации, возможно, и не обязательно, хотя желательно с точки зрения приобщения человека к мировой и отечественной культуре. Однако соответствующие знания значимы не только как свидетельства высокой эрудиции. На их базе происходит формирование общих представлений человека о мире, в котором он живет, о возможностях познания окружения. Человек владеющий этим социокультурным кодом, считается интеллектуалом.

Наука: рациональное общезначимое знание

Научное познание занимает особое место в пространстве социально значимого опыта. В отличие от других типов рациональности оно в наибольшей степени характеризуется интересубъективностью, достоверностью (благодаря эмпирической проверяемости) и возможностью результативного вмешательства человека в установившиеся связи с окружением. Этот тип познания рождается из практического опыта. Работа с разного рода материалами убеждает людей в том, что они одинаково реагируют на сходные воздействия, воспроизведение которых приводит к тождественным результатам. Передвижение по разным территориям приводит к тому, что люди выделяют устойчивые пути, отмеченные распознавательными признаками, и фиксируют их с помощью изображений. Вообще на обыденном уровне в своих отношениях с окружением люди подмечают и осваивают их устойчивые характеристики, которые выражают, дублируют в символической форме. Это делает их транслируемыми в вербальном и письменном виде, а не только на уровне практических действий. Такого рода познание основано на базовой способности человека соотносить и связывать в единую систему цели, средства и результаты действий и взаимодействия, придавать этой системе символическое выражение, делая ее интересубъективно значимой.

Функциональной доминантой научной составляющей социокультурного пространства можно считать выделение устойчивых и повторяющихся связей человека с окружением; отделение их от изменчивых событий; различение в этих отношениях элементов, поддающихся и не поддающихся целенаправленному изменению и контролю. Но не только это. В рамках науки осуществляется объяснение причин такой устойчивости и изменчивости, внутренней и внешней форм изучаемых явлений, а также экспликация процедур их установления. Все это позволяет переводить научное знание в технологии, т. е. в системы взаимодействий с окружением, позволяющие при одинаковых условиях получать сходные нужные людям результаты. Таким образом, в научном социокультурном пространстве концентрируется рациональное, т. е. обоснованное, достоверное, надежное знание людей об окружении и самих себе. Это знание intersубъективно, т. е. может разделяться и транслироваться людьми в коммуникативных процессах.

Следует подчеркнуть, что научный тип рациональности не является единственным в осмыслении людьми своих связей с окружением. Можно говорить о рациональности мифологических, идеологических, религиозных, фантастических построений. Причем эти построения занимают в человеческих отношениях значительно большее место, чем научные. Люди руководствуются ими в обыденной жизни, а нередко и в профессиональной деятельности значительно чаще, чем научными. Можно заметить, что достоверного, эмпирически проверяемого intersубъективного знания в культуре не так уж много в сравнении с множеством фрагментов субъективного опыта и представлений, принимаемых на веру. Однако сила этого типа познания определяется его действенностью, переводимостью в технологии, позволяющие людям целенаправленно менять элементы своего окружения.

При обсуждении науки как одной из составляющих социокультурного, в частности, познавательного пространства целесообразно провести различие между научным и гуманитарным видами познания. Это имеет смысл, поскольку в российской культуре принято словосочетание «гуманитарные науки», неадекватным образом объединяющие совершенно различные познавательные модели. Гуманитарное знание не имеет отрефлектированных оснований; используемые в этой области термины многозначны по содержанию, границы их применимости не определяются; утверждения экспериментально не проверяются, но обычно иллюстрируются отдельными примерами; рассуждения носят характер интерпретации событий и явлений с неотрефлектированной точки зрения. В науке исходные основания построения суждений выявлены; категории и понятия операционализированы, т. е. переведены на язык наблюдения и измерения; здесь используется экспериментальная

логика, обеспечивающая высокую степень достоверности и объяснение причин и форм в области связей человека с окружением.

Когда речь идет о трансформации человеческого опыта, осуществляемой в пределах этой области, в качестве «входов» можно рассматривать неорганизованные фрагменты непосредственного опыта отношений с окружением, представления, принятые на веру, фантазии, идеологемы, мифологемы и пр. Всеми этими элементами познавательной активности люди обычно пользуются неререфлексивно, т. е. не задумываясь о мере их достоверности, и с низкой степенью эффективности, если речь идет о необходимости целенаправленных изменений окружения или собственного поведения. Преодолению именно такой неопределенности соответствует научный тип познания. На «выходе» он обеспечивает репрезентацию закономерностей, т. е. устойчивых и повторяющихся характеристик в области связей человека с окружением. Но это лишь первая ступень научного познания. Его основной целью принято считать построение объяснительных теорий, связывающих закономерности, установленные в определенной предметной области, в единую систему, позволяющую объяснить, почему выделенная для изучения часть этой области обладает определенными характеристиками, и в каких пределах человек может эффективно взаимодействовать с ними. Теории как модели разного рода систем связей человека с окружением позволяют воспроизводить эти целостности в рациональных intersубъективных формах и на их основе строить доступные для освоения и многократного использования организованные схемы последовательных действий, приводящих к желаемым практическим результатам, т. е. технологии.

Программы трансформации обыденных представлений в научные знания принято разделять по следующим основным измерениям. Во-первых, по характеру обусловленности, направленности и результатов можно выделить фундаментальные и прикладные типы исследований. Фундаментальные исследования обуславливаются внутренними проблемами, возникающими в самой научной сфере. Это могут быть расхождения между существующими теориями и новыми фактами, необъяснимыми в их рамках, либо между теориями и методами их проверки или опровержения. Такие исследования ориентированы на получение нового знания об отношениях людей с окружением. Прикладные разработки побуждаются какими-либо практическими необходимостями, стремлением сконструировать определенные искусственные приспособления, облегчающие, упорядочивающие или повышающие эффективность связей человека с окружением. В их рамках фундаментальное научное знание используется для решения практических проблем и задач.

Во-вторых, можно выделить различные формы получаемого знания. Фундаментальные теории устанавливают закономерности пред-

метной области, изучаемой в пределах определенной научной программы, направленной на решение крупномасштабной познавательной проблемы. Они предназначены для объяснения широкого круга явлений и событий, реализующихся в этой области, рассматриваемой с определенной точки зрения. Их можно назвать общими, поскольку в их рамках фиксируются устойчивые характеристики и связи, поддерживающие целостность изучаемого, а также динамические процессы, свойственные ему, но не нарушающие его целостность. Формы представленности такого знания могут быть различными. Систематическое описание представляет изучаемую область через обоснованное выделение ее составных частей с указанием на их внутреннее соотношение. Классификации строятся для упорядочения этих составляющих по общему основанию. Объяснения позволяют выделить причины, обуславливающие порождение и динамику изучаемых явлений, факторы и механизмы поддержания или изменения рассматриваемой целостности.

Теории промежуточного (среднего) уровня представляют собой обобщение эмпирически установленных закономерностей, относящихся к какому-либо отдельному классу явлений, выделенных из крупномасштабной познавательной области, определяемой общими теориями. Если основания последних составляют философские допущения и закономерности, установленные в смежных областях науки, то для теорий среднего уровня основания черпаются из их выводов и утверждений. Эмпирические обобщения можно рассматривать как переходное звено от фундаментального знания к его прикладному использованию.

Прикладные разработки ориентированы на решение конкретных практических проблем и задач. Их суть состоит в том, чтобы в пределах выделенных закономерностей, т. е. в концептуальном пространстве, форма которого задана устойчивыми и повторяющимися характеристиками предметной области или одной из ее компонент, найти возможности для целенаправленных изменений или организации элементов, поддающихся воздействию, для получения желаемых практических результатов.

Следует подчеркнуть, что названные формы представленности научного знания, хотя и обладают относительной самостоятельностью и выполняют важные функции в упорядоченности связей человека с окружением, могут также рассматриваться как звенья одной познавательной цепи. Так, систематическое описание — это первое ее звено, позволяющее выделить изучаемую предметную область по отношению к другим и идентифицировать ее самостоятельность. Классификация составляет второе звено, связанное с установлением качественной определенности и внутренней упорядоченности этой области. Объяснение как третье звено познания позволяет установить причинную или функциональную обусловленность ее устойчивости и внутренней динамики. Важно также

отметить, что прикладные разработки невозможно осуществлять без опоры на фундаментальное научное знание. Именно понимание устойчивых характеристик или свойств предметной области позволяет увидеть возможности и пределы целенаправленных изменений ее элементов.

К программам трансформаций следует отнести и классификацию наук. По характеру изучаемых предметных областей: естественные, социальные, технические науки и гуманитарную область познания. Класс естественных наук составляют те, в рамках которых изучаются природные закономерности, которые можно выделить как независимые от человеческой активности. Разумеется, само научное познание есть форма человеческой деятельности и потому всегда связано с определенной позицией! исследователя по отношению к природному окружению. Она предопределяет выделение и отбор единиц анализа и наблюдения, а также связей между ними; того, что считать значимым, а чем можно пренебречь. Но все же в этом случае допущение независимости таких явлений от человека можно считать вполне приемлемым. И этим определяется логика построения естественно-научного знания.

Другой класс наук составляют социальные. В их пределах изучаются события и явления, относящиеся к совместному существованию людей. Предметная область здесь является полностью производной от человеческой активности. Люди формируют свои отношения, создают искусственную жизненную среду; их взаимодействия обуславливают как устойчивость, так и изменчивость социокультурного окружения. Если в естествознании исследователь занимает в основном позицию наблюдателя, то в социальных науках он вынужденно оказывается участником-наблюдателем, поскольку изучает реальность, порождаемую и поддерживаемую такими же людьми, как он сам. Соответственно логика социально-научного познания обуславливается этим фактом.

Следующий класс наук — технические. В этом случае речь идет о создании артефактов, расширяющих круг возможностей человека практическим, физическим образом контролировать и менять свое природное и искусственное окружение. Основные акценты здесь помещаются на свойствах материалов и возможностях преобразования их в такие инструменты, механизмы, инженерные конструкции, которые усиливают воздействия человека на окружение и расширяют их круг. Именно это обуславливает логику познания в области технических наук.

Наконец, следует упомянуть гуманитарный тип познания. Как уже отмечалось ранее, его можно рассматривать как пограничный по отношению к научному. Обычно он относится к тем областям связей человека с окружением, которые либо находятся в первоначальной стадии формирования (освоение чего-то принципиально

нового), либо утрачивают социальную значимость, либо непознаваемы научным путем. В отношении таких областей научная рациональность бессильна, поскольку для их идентификации и упорядочения еще или уже не существует собственных категорий. Вот почему в гуманитарном познании так широко используются метафоры, аналогии, перенесения и иные виды тропов. Теоретическим пределом представленности его результатов может стать систематическое описание. Следует подчеркнуть, что этот тип познания столь же значим для организации связей людей с окружением, как и другие. Он помогает им снять неопределенность, которая здесь периодически возникает из-за динамической природы человека, общества и культуры. Такого рода функциональное назначение отделяет специфичную логику гуманитарного познания.

Логика трансформации обыденных представлений в научное знание относится к способу его получения и обычно называется методологией. Прежде всего в этом случае следует отметить направленность познавательных процедур. Индуктивный метод предполагает движение от непосредственного опыта, прямых наблюдений к эмпирическим обобщениям, а от них к генерализациям более высокого порядка. Дедукция означает выведение частных положений из более общих, априорно заданных. В реальных исследованиях ни один из методов не встречается в чистом виде. Индуктивные построения базируются на некоторых исходных допущениях теоретического порядка, которые определяют направленность научного поиска, хотя нередко остаются неотрефлексированными. Высказывания дедуктивного порядка всегда явно или неявно содержат ссылки на эмпирический опыт, либо лежащий в основе исходных теоретических положений, либо привлекаемый в качестве показательного примера.

При рассмотрении способов получения научного знания особое место отводится экспериментальной логике. Она определяет построение исследования любого типа: фундаментального и прикладного, теоретического и эмпирического, естественно-научного, социально-научного и технического. Суть ее заключается в следующем. В процессе исследования сравниваются два однородных объекта, представляющих научный интерес. Один из них — экспериментальный — подвергается целенаправленному воздействию (независимая переменная) на определенные его составляющие (зависимая переменная) с целью получения желаемого или предполагаемого состояния объекта или его характеристик. Другой, называемый контрольным, остается предоставленным самому себе. Их сравнение по определенным, заранее заданным параметрам позволяет сделать вывод о характере и величине искусственно вызываемых изменений экспериментального объекта. Иными словами, речь идет о выявлении возможностей целенаправленного конт-

ролируемого воздействия на определенные элементы окружения и пределов его осуществимости.

Научный поиск предполагает обязательное построение его программы, которая содержит ряд стандартных процедур. Формулировка проблемы предполагает выявление определенного, значимого с социальной или внутринаучной точки зрения расхождения в рассматриваемой познавательной области, которое представляется необъяснимым с позиции общепринятых теоретических положений. Гипотеза намечает предположительное решение, которое позволит интерпретировать это расхождение как нормальное или преодолеть его. Выбор цели исследования означает выделение его направленности, которая позволит подтвердить или опровергнуть гипотезу. Задачи отмечают последовательность стадий в движении к реализации цели. Все это определяется в контексте конкретной предметной области, где обнаруживается расхождение (проблема), и применительно к такому объекту, в рамках которого проблема проявляется с максимальной очевидностью. Построение программы исследования предполагает также выбор методов, позволяющих проверить гипотезу и соответствующих изучаемой предметной области.

Представленные программы и логика трансформаций непосредственного опыта отношений человека с окружением задают качественную предопределенность получаемого знания. Его обоснованность связана с опорой на уже имеющиеся теории, содержащиеся в рамках имеющихся теорий. Надежность подтверждается воспроизводимостью программы и результатов исследования в сходных условиях различными учеными. Достоверность определяется возможностью эмпирической или теоретической проверки программных утверждений. Но эти позиций налагают достаточно строгие ограничения на качество знания, которое можно правомерно отнести к научному. Несоответствие утверждения хотя бы одному из них выводит его за рамки науки. Следует еще раз подчеркнуть, что ни познание вообще, ни даже рациональный его тип не сводимы только к науке. Каждый иной тип познания выполняет свои функции в организации связей человека с окружением.

Субъектов, действующих в научном пространстве, можно классифицировать по нескольким основаниям. Во-первых, в соответствии с предметными областями, которыми они занимаются. Класс представителей естественных наук подразделяется на физиков, биологов, химиков, представителей междисциплинарного знания, например, биофизиков, биохимиков и т. п.; внутри каждой науки ее представители разделяются по специальностям, например, в физике — это оптики, ядерные физики, акустики и т. д.; в химии — те, кто занимается органической, неорганической, высокомолекулярной и т. п. ее областями. Класс тех, кто занимается со-

циальными науками, подразделяется на экономистов, социологов, демографов, психологов, социальных (культурных) антропологов и пр. Здесь также существуют более дробные деления, например, социологи труда, религии, культуры, управления и т. п. В технических науках существует своя профессиональная дифференциация и по областям деятельности (например, строительство, авиация, машиностроение и т. п.), и по специализациям (например, в строительстве — промышленное и гражданское строительство; теплогазоснабжение и вентиляция, дорожное строительство, строительство мостов и тоннелей). Иными словами, в настоящее время научные роли в высокой степени дифференцированы по областям познания.

Другое основание классификации таких ролей связано с типом осуществляемой деятельности, со вкладом в приращение научного знания. Он максимален у тех, кто успешно осуществляет поисковую деятельность в области фундаментальной науки. Далее следуют разработчики новых идей и технологий, уточняющие и конкретизирующие фундаментальное научное знание вплоть до его практического использования. Наконец, это популяризаторы науки, не вносящие в нее ничего нового, но зато способствующие трансляции научного знания в более широкий социокультурный контекст. Здесь же уместно упомянуть об ученых степенях и званиях, отмечающих уровень профессиональной квалификации научных работников и степень их самостоятельности в выборе тематики исследований.

Субъекты научной деятельности могут быть разделены на индивидуальных и коллективных. К первым относятся ученые, выполняющие ранее обозначенные ролевые функции. Вторые подразделяются на исследовательские структуры (институты, подразделения высших учебных заведений) и профессиональные ассоциации (локальные, региональные, национальные, международные). Особая роль здесь принадлежит академиям наук, принимающим активное участие в определении научной политики.

Что касается специфических для науки *пространственных* и *временных* характеристик, то прежде всего следует выделить пространство и время как предметные области научного познания. Классическая трактовка этих категорий позволяет по единым стандартам количественно соизмерять протяженности, величины и объемы различного рода физических объектов, а также ритмы и темпы их изменений. Неклассическое их понимание связано с рассмотрением каждой из них как производной от различий, изменчивости и их форм. Считается, что пространство и время порождаются идентификацией и сменой событий, а также формами процессов, в терминах которых конструируется изучаемая предметная область. В этой связи можно говорить о физических, социальных, культурных времени и пространстве. В классическом

понимании этим категориям приписываются свойства непрерывности и однородности. Постклассические представления позволяют говорить об их дискретности и структурной разнородности.

С точки зрения реализации научной деятельности также можно говорить об особенностях ее институциональной пространственной и временной организации. Для научной работы отводятся специальные здания, помещения. Специфичными помещениями для такой работы являются научные лаборатории, предназначенные для осуществления экспериментов и оснащенные необходимым для этого оборудованием. Научные учреждения снабжены вывесками, информирующими о характере их деятельности. Время в этой области социокультурного институционального пространства определяется мерой включенности ученых в профессиональную деятельность и неравномерным характером чередования интеллектуальных всплесков, открытий и повседневной рутинной работы. Вот почему в системе общественного разделения труда этот его вид считается ненормированным.

Институциональная организация науки определяется соотношением содержания тех структур, в рамках которых она осуществляется. Такая организация легитимизирована, т. е. в отношении нее существуют определенные правовые установления, регулирующие отношения внутри науки, а также между ней, обществом и государством. Связь между научным пространством и государством осуществляется через соответствующие органы исполнительной власти (министерства, ведомства) и президентские структуры. Связь с государством и обществом реализуется через парламентские комитеты и комиссии. Профессиональная деятельность осуществляется в рамках научно-исследовательских институтов и подразделений высших учебных заведений. Отношения внутри этого пространства регулируются академиями наук и профессиональными ассоциациями. Иными словами, эта область в силу ее общественной значимости институционализована, а деятельность здесь нормативно упорядочена.

Освоение этой области социокультурного пространства в современном обществе необходимо по ряду причин. Прежде всего в настоящее время большую часть жизненной среды человека составляют технические приспособления, сконструированные на научной основе. Контроль над ними, их безопасное использование предполагает определенные, пусть даже элементарные научные знания. Далее, современные общество и культура столь сложны и динамичны, что для контроля над социокультурным окружением, свободной ориентации в нем непосредственного индивидуального опыта оказывается недостаточно; нужны специальные социально-научные знания. Наконец, условия жизни в современном обществе таковы, что для построения в их рамках

собственного образа жизни людям приходится все более руководствоваться принципами рациональности и в первую очередь научного типа. Освоение таких принципов характеризует индивида как знающего.

Анализ домена социального значимого знания позволяет сделать некоторые выводы о его общей конфигурации, определяемой по нескольким измерениям. Во-первых, следует выделить отношение составляющих его областей к устойчивости и изменчивости. С этой точки зрения религия и философия, где сконцентрированы представления о «законах» бытия, о нормах, регулирующих отношения в природе и обществе, поддерживают устойчивость, упорядоченность, самотождественность этой составляющей социокультурного пространства, создают критерии правильности построения символических форм. Искусство интегрирует опыт образного освоения окружения, и в силу динамичной и неустойчивой природы образа как такового оно в большей степени, чем остальные области социально значимого знания, связано с интересом к изменчивым характеристикам опыта. В области науки концентрируются способы и правила установления отношений между устойчивым и изменчивым. Так, индуктивная модель познания содержит правила извлечения общего и устойчивого из наблюдений за множеством разрозненных и изменчивых событий; дедуктивная модель позволяет упорядочить изменчивую реальность, налагая на нее сеть устойчивых концептуальных принципов организации в соответствии с решением определенных проблем в отношениях человека с окружением.

Во-вторых, следует указать на различия дистанции между областями этого пространства и обыденным опытом. Из областей, где сконцентрированы представления об устойчивом и обобщенном, религия оказывается значительно ближе к повседневной реальности, чем философия. Ведь религиозный опыт базируется на вере и непосредственных переживаниях, присущих каждому человеку. Тогда как философские представления носят рациональный и абстрактный характер, г. е. в рамках философии обыденные представления и опыт обобщаются и трансформируются в генерализованные категории и системы. И хотя обе кодовые системы людям приходится осваивать в процессах специального научения, язык религии с его мощным подкреплением непосредственными переживаниями более доступен массовому освоению, нежели отвлеченный от них язык философии. Что касается областей, более связанных с отслеживанием изменчивого, то и они также по-разному дистанцированы от повседневной реальности. Искусство, основанное на образном, чувственном освоении человеком связей с окружением, оказывается ближе для обыденного восприятия, чем наука. Последняя предполагает абстрагирование устойчивых связей и за-

кономерностей из множества наблюдаемых меняющихся событий. Такие обобщения неочевидны, требуют специальных процедур для их установления и специальных разъяснений для освоения соответствующих представлений. Поэтому образный код искусства осваивается легче, чем рациональные научные концепции и теории. Язык научной терминологии принципиально отделяется от обыденного, и будучи менее многозначным и более конструктивным, он предполагает освоение определенных, достаточно сложных навыков для его адекватного инструментального использования.

Таким образом, можно сказать, что философия и религия определяют так называемую картину мира, т. е. общую нормативную матрицу упорядоченности окружения. В ее пределах символические порядки связей человека со средой устанавливаются в рамках искусства на образном, а науки — на рациональном уровнях осмысления реальности.

Совершенно очевидно, что освоение этой части социокультурного пространства значимо для личности. Здесь кумулируется опыт репрезентации и трансляции в символической форме представлений об организации практических связей человека с окружением. Владение соответствующими навыками позволяет личности свободно переходить от уровня социального взаимодействия к культурной коммуникации.

Контрольные вопросы

1. Социокультурное институциональное пространство социально значимого знания, его составляющие и их динамический потенциал.
2. Религиозная область социокультурного пространства: организация духовной жизни.
3. Философская область социокультурного пространства: репрезентация «картин мира».
4. Научная область социокультурного пространства: кумуляция социально значимого рационального знания.
5. Искусство как область социокультурного пространства, связанная с образным освоением реальности.

Глава X Трансляция социокультурного опыта: институциональное пространство — — — — —

Принципы и формы социальной организации, навыки социального взаимодействия, социально значимое знание — все это люди должны осваивать, чтобы адекватно существовать в социокультурной среде, формировать свой образ жизни. Соответственно между

двумя доменами накопления культурного потенциала — культурные формы социальной организации и социально значимое знание — с одной стороны, и его актуализацией в профессиональной деятельности и обыденной жизни — с другой, располагаются институциональные каналы его трансляции. Их функции состоят в том, чтобы обеспечить на уровне общества условия для массовой социализации его членов. В настоящее время можно выделить три типа таких каналов. Во-первых, начальные и считающиеся в обществе необходимыми знания о человеке, обществе, природе транслируются с помощью системы общего образования. Во-вторых, представление о динамике социокультурных событий, вызывающих общественный интерес, распространяются с помощью средств массовой информации и специальных учреждений культуры, таких как театры, музеи, библиотеки, концертные и выставочные залы и т. п.

Общее образование — это процесс приобщения каждого нового поколения к культуре. Оно способствует сохранению историко-культурной преемственности, распространению в массовом масштабе социально значимых, традиционно установившихся форм знаний и опыта, которые считаются в обществе необходимыми для новых поколений в качестве исходных в их последующей социокультурной жизни. Институционализированные в учебных заведениях способы обучения и суммы знаний меняются на протяжении истории в зависимости от динамики общества и культуры. Более устойчивые их состояния предполагали заучивание готовых формул, приобщение к бесспорным ценностям, овладение стереотипными образцами решения социально значимых типичных задач. Ускорение социокультурных процессов побуждало к обучению принципам построения связей индивидов и групп с их природным, социальным, культурным окружением, к комбинаторике, к проблемной ориентации в приобретении знаний. Однако в любом случае система общего образования отличается определенным консерватизмом. И это естественно, поскольку основная ее функция состоит в обучении новых поколений базовым для культуры знаниям и навыкам; владению родным языком, умению распознавать специализированные языки культуры и хотя бы первоначальному уровню оперирования ими и т. п. Все это становится основой для дальнейшего познания и освоения социокультурного пространства, для профессиональной специализации, для последующей социализации.

Участие в современных процессах взаимодействия и коммуникации предполагает навыки адекватного использования социально значимой информации. В настоящее время она широко доступна через печатную продукцию, радио, телевидение, Интернет. В условиях растущих динамизма и неопределенности социокультурной жизни они действуют как механизм, фиксирующий значимость

происходящих событий. Сообщения о них, хотя и предназначены для массовой аудитории, но различаются по типам содержащейся в них информации:

- идеологическая и правовая, обеспечивающая нормативные ориентиры для социальных взаимодействий;
- просветительская и образовательная, содержащая элементы социально значимого знания;
- новостная, представляющая аудитории каждодневные события, объявления, рекламу;
- рекреационная, т. е. теле- и радиопередачи, печатная продукция, фильмы, выполняющие развлекательную функцию.

Все это передается в виде культурных текстов, предназначенных для всеобщего восприятия и понимания.

Представление широкой общественности культурных ценностей, уже признанных и новых, составляет функцию специальных институциональных организаций, называемых учреждениями культуры. Музеи, театры, концертные и выставочные залы традиционно обеспечивают возможности для аудитории знакомиться с произведениями искусства, с эталонными образцами ремесла и мастерства. Библиотеки являются хранилищами и каналами распространения информации, запечатленной в письменных текстах. Однако роль учреждений культуры в современных условиях претерпевает существенные изменения. При наличии радио, телевидения, при распространении компьютерной техники, выполняющих информационные и рекреационные функции эффективнее хотя бы по причине широты охвата аудитории, они теряют свою былую значимость. Об этом свидетельствуют сокращение государственных дотаций на их поддержание, уменьшение численности аудитории, поиски новых организационных структур и источников финансирования. В стране идет активное обсуждение современного состояния учреждений культуры. Заметна тревога как специалистов, так и общественности по поводу снижения эффективности их функционирования и сворачивания их культурной активности. Единодушно мнение о том, что необходим поиск новых форм их работы, отвечающих как запросам аудитории, так и современной социокультурной необходимости обеспечить ей ориентацию в ценностном поле. Пока нет общего согласия относительно направлений и форм такого поиска. Однако очевидно одно — специфика их кода позволяет им сохранить жизнеспособность в условиях конкуренции со средствами массовой коммуникации.

Как следует из сказанного, роль институциональных форм трансляции социально значимой культурной информации в общественной жизни существенна. Они обеспечивают условия для непрерывной социализации членов общества. Соответственно от адекватности их функционирования зависит уровень общекультурной

компетентности людей. Связанные с ней проблемы обусловлены разрывом между рассредоточенным в специализированных социокультурных областях культурным потенциалом, с одной стороны, и недостаточной степенью его освоенности или хотя бы представленности на уровне общественности — с другой. Культурный потенциал в обществе может быть значительным. Могут существовать в достаточном количестве каналы его распространения — учреждения общего образования, культуры, средства массовой информации. Однако это не означает высокого культурного уровня членов общества. Речь сейчас не идет о мотивированности к освоению знаний и навыков, соответствующих адаптированности в сложных и динамичных социокультурных условиях. Она сегодня во многом обусловлена эффективностью функционирования массовых каналов трансляции социально значимой информации. От того, отвечают ли школьные программы требованиям адаптации младших поколений к сегодняшней профессиональной деятельности и обыденной жизни в сложной и динамичной социокультурной среде; помогают ли средства массовой информации членам общества упорядочивать изменчивое окружение; обеспечивают ли им учреждения культуры условия для доступа к ценностям «высокой» культуры и их понимания, зависит качество культурной информации, распространяемой в массовом масштабе, а следовательно, уровень культурной компетентности в обществе.

Образование: пространство трансляции социально необходимого знания

Сфера образования выделена в социокультурном пространстве специально в силу необходимости массовой трансляции социокультурного опыта из областей его кумуляции, от старших поколений к младшим. Такая необходимость обусловлена самой природой человека. Социокультурное пространство, создаваемое одними поколениями, оказывается вполне функционально пригодным для других. Поэтому нет нужды каждый раз строить жизненную среду заново, но можно ее осваивать путем межпоколенных взаимодействий и коммуникаций. Социокультурная информация многообразна, разнородна и в полном объеме не может передаваться и осваиваться на индивидуальном уровне. Вот почему в обществе институционально устанавливаются те ее типы и объемы, которые при каждом определенном состоянии социокультурной жизни считаются социально необходимыми и доступными индивидуальному освоению. Таким образом, *функциональная доминанта* институционального образовательного пространства обусловлена необходимостью широко-масштабной трансляции социально значимых знаний и навыков, носящих специализированный характер и недоступных для пере-

дачи в повседневных непосредственных контактах. Объемы и содержание такого рода информации не остаются постоянными. Они меняются в зависимости от динамики социокультурной жизни. В то же время ее базовая структура остается постоянной: трансляция информации от культурно компетентных к менее опытным, от профессионально подготовленных преподавателей к неспециализированной аудитории.

«Входами» в эту область социокультурных трансформаций можно считать разрозненные знания и навыки, размытые представления, освоенные человеком на обыденном уровне. Обычно такого рода информации остается неотрефлексированной. Поэтому она достаточно синкретична, партикуляризована, т. е. однозначно привязана к конкретным ситуациям. Абстрактные представления на этом уровне носят в основном мифологический характер. Осваиваемые здесь практические навыки утрачивают эффективность за пределом узкого круга повседневных рутинных ситуаций. Соответственно в сложных обществах «выходы», являющиеся следствием пребывания индивидов в образовательном пространстве, можно определить как институционально организованную совокупность знаний и навыков, определяемых в обществе как социально необходимые. По содержанию они носят специализированный, а не обыденный характер. С точки зрения структуры учебные дисциплины, через которые они транслируются в среде общего образования, задают упрощенные схемы специализированного знания. В идеале получаемая здесь культурная информация составляет основу для продолжения образования. В рамках организационных структур высшего образования люди осваивают специализированные знания и навыки в объемах и степени дифференцированности, необходимых для адекватного участия в профессиональном разделении труда.

Соответственно *программы* социокультурных трансформаций, осуществляемых в этой области, следует соотносить с их стадийностью. В образовательном пространстве можно выделить его основные уровни: общий и специальный. Общее образование составляет особую область институционального социокультурного пространства, предназначенную для массовой трансляции от поколения к поколению социокультурного опыта, признанного в обществе социально необходимым. В ее рамках происходит первоначальное освоение ключевых кодов, языков культуры, приобретаются навыки их распознавания, оперирования ими в стандартных социокультурных ситуациях. Можно считать, что общее образование обеспечивает следующую после первичной ступень социализации младших поколений, закладывает основу успешной адапта-

ции в сложных и подвижных социокультурных условиях, готовит их к взрослой жизни.

Специальное образование обеспечивает институционально организованную подготовку младших поколений к участию в системе общественного разделения труда. При этом в сфере высшего специального образования транслируются знания и навыки, связанные с наиболее сложными формами профессиональной деятельности. В этой зоне образовательного пространства происходит интенсивное, углубленное освоение определенного класса отношений человека с окружением, зафиксированного в категориях специальностей и учебных дисциплин. Здесь люди научаются пользоваться соответствующим языком — терминологией, приобретают навыки специализированной деятельности и оперирования символами, замещающими ее элементы символами.

Другой аспект стадиальности, институционально закрепленной в этой области, можно связать с уровнем осваивания специализированного опыта. Так, то, что приобретается в структурах среднего специализированного образования, оказывается достаточным для выполнения простых и узких функций в пределах конкретного вида профессиональной деятельности. Высшее образование подразумевает, что человек научается организовывать специализированные знания и деятельность — собственные и других людей, — для решения задач и проблем, возникающих в соответствующей области общественного разделения труда. Последующие стадии, связанные с получением ученых степеней, можно связывать с образованием как таковым лишь отчасти. Это в большей степени самостоятельная профессиональная деятельность. А публичная представленность новизны и социальной значимости ее результатов есть институционализация права личности на собственный выбор ее направления.

Логика трансляции социокультурного опыта, осуществляемая в рамках выделенных программ, определяется существующими в обществе и в образовательной профессиональной среде представлениями о целях образования. Их можно различать по следующим направлениям: тип личности, детерминированный образованием, и тип технологии трансляции соответствующих знаний и навыков.

В первом случае известны несколько идеологий, которые сменяют друг друга в зависимости от состояния общества. Ориентация на подготовку просвещенного гражданина соответствует относительно установившимся социокультурным ситуациям, при которых существует общественное согласие относительно того, что считать общезначимыми в отношении общекультурных и специализированных знаний и навыков. Поэтому логика трансляции социально значимой информации определяется ее представленностью в виде готовых формул и правил оперирования ими в стандартных ситуациях.

Ценность узкого специалиста связана с подчинением общекультурной информации решению специализированных задач и проблем, характерных для различных составляющих системы общественного разделения труда. Соответственно все внимание на уровнях как общего, так и специального образования уделяется трансляции и углубленному освоению высоко дифференцированных профессиональных знаний и навыков. Такая идеология соответствует переходному состоянию общества, когда уровень социальных взаимодействий характеризуется высокой степенью изменчивости, которая не может интерпретироваться с помощью общераспространенных мировоззренческих категорий. В такие периоды в пределах системы общественного разделения труда усиливается поисковая деятельность. Однако она не имеет общей направленности и фокусируется в соответствии с дифференциацией этой системы. В образовательном пространстве это фиксируется как обучение решению сложных проблем и задач, поисковой деятельности, но в строго ограниченных пределах.

Заслуживает также внимания и смешанный тип идеологии, соединяющий определенные основания первых двух. Она появлялась в критических ситуациях, когда структурные изменения в сфере социального взаимодействия сопровождаются сменой культурных парадигм, мировоззренческих принципов. В этом случае людям приходится одновременно решать проблемы, связанные с упорядочением в меняющихся условиях как структур и направленности своих взаимодействий, так и содержания процессов социальной коммуникации. На уровне образования в такие периоды актуализируется представление о том, что узко специальное знание должно быть вписанным в представления о более широком социокультурном контексте. Соответственно встает вопрос о рефлексии к основаниям таких знаний и представлений. Логика трансляции социокультурного опыта носит, как и в предыдущем случае, проблемный характер. Однако проблемное поле распространяется не только на профессиональную область, но и на контекст ее существования, а ставшая необходимой оценка ее социокультурных последствий принимает форму обсуждения вопросов профессиональной этики и гражданской ответственности. При этом усиливается значимость изучения того, что сегодня называется социально-научными дисциплинами, которые в силу своей подвижной природы удовлетворительным образом заменяют значительно более консервативные и ставшие функционально неадекватными философские представления в их наборе, соответствующем предыдущему периоду.

Каждому из типов идеологии соответствует свой тип технологий трансляций социокультурного опыта. Так, в первом случае обучение ограничивается приобретением навыков использования

набора, заученных формул и познавательных ситуаций. Во втором случае в системе образования люди научаются решать проблемы, т. е. не только использовать имеющиеся знания, но и порождать новое, правда, в ограниченных пределах своей профессиональной области. К этим пределам подгоняются получаемые ими общекультурные знания. Наконец, в третьем случае содержанием образования становится освоение способов программных и стратегических построений, не только включающих профессиональную активность в более широкий социокультурный контекст, но и позволяющих целенаправленно воздействовать на определенные его компоненты.

Как уже отмечалось, сфера образования выполняет в обществе консервативные функции трансляции социально необходимых знаний и навыков из фондово-культурного наследия общества. Поэтому в большинстве случаев ее состояние расходится с характером общей социокультурной ситуации, а форма и степень ее динамики отстают от тех, что свойственны любому конкретному состоянию общества.

В социально-структурном отношении *функциональные роли* в образовательном пространстве делятся на обучающих и обучающихся. Первые являются институционализированными носителями социально необходимых знаний и навыков и технологий их трансляции, а также критериев оценки качества их освоения. Вторые — это те, кому предписывается обязанность приобретать институционально установленный социокультурный опыт в тех объемах и степенях глубины, которые приняты в обществе. Характеристики таких ролей с точки зрения культурного содержания варьируются, и вариации зависят от характера отношений обучающих и обучающихся друг к другу и к осваиваемой информации. С этой точки зрения отношения между ними могут быть сведены к нескольким базовым формам.

Авторитарная форма предполагает такую качественную определенность ролей, при которой обучающий оказывается носителем истины в конечной инстанции, наделенным правом или присвоившим его применять принудительные меры, чтобы заставить обучающегося рассуждать и действовать в соответствии с заучиваемыми формулами и правилами. Обучаемому в этой ситуации отводится роль, связанная с пассивным послушанием по отношению к обучающему. Такие отношения предполагают максимальную дистанцию между сторонами и двойные стандарты поведения. В институционализированных образовательных ситуациях определяемые ими нормы и правила используются несимметричным образом: ученик должен непременно соблюдать их, тогда как учитель ограничивается лишь вербальным их провозглашением. За пределами таких ситуаций обе стороны руководствуются совершенно други-

ми стандартами. Причем и здесь отношения имеют асимметричную форму. Агент, установивший несоответствие повседневного поведения субъекта требуемым в образовательном учреждении нормам, имеет (или присваивает себе) право наказать его. Ученик же такого права не имеет, и может ограничиться только заглазным осуждением учителя.

При либеральном (название условно) типе отношений между обучающим и обучающимся приоритет отдается последнему. В этом случае плохая освоенность им учебного материала вменяется в вину преподавателю. В образовательном пространстве доминирует ориентация на индивидуализированный подход, на дополнительные занятия с отстающими. Любые культурные образцы, предлагаемые в процессе образования, могут быть подвергнуты учащимися критике: следование установленным в учебном заведении нормативам они не считают обязательным. Можно сказать, что в образовательные структуры привносятся нормы из других, чаще всего быденных областей социокультурного опыта. Благодаря этому структура и границы этого пространства размываются, а социально значимые функции образования ослабляются.

Тот тип отношений между обучающим и обучаемым, который условно можно назвать конструктивно-демократическим, ориентирован не на удержание учащихся в этом пространстве, как в первых двух случаях, но на решение задач, возникающих в ходе освоения социально значимых знаний и навыков. Различия в степени культурной компетентности сохраняются. Однако отношения строятся на партнерской основе. Каждая из сторон не только включена в общий образовательный процесс, но и обладает определенной степенью функциональной автономности. Иными словами, они не претендуют на вмешательство в частную жизнь друг друга, и ученики обмениваются соответствующей информацией с учителями добровольно, а не по принуждению, как в случае авторитарных отношений. Процесс совместного решения задач позволяет учащимся освоить не только соответствующие формулы и правила, но и понять их функциональный смысл и границы применимости.

Следует подчеркнуть, что любая однозначная и абсолютная — позитивная или негативная — оценка каждого из типов отношений и соответствующей им качественной определенности ролей оказывается неверной. Авторитарный тип обучения соответствует ситуации нормативно установленной социокультурной ситуации, когда критика оснований транслируемого опыта оказывается нецелесообразной, особенно на уровне общего образования. Достаточным для последующей социокультурной жизни учащегося становится заучивание стандартных схем действий в стереотипных социально значимых ситуациях. Либеральная модель подходит для обучения особо талантливых людей. В этом случае им необходимо социаль-

ное пространство для самоактуализации и безопасного экспериментирования с выходом за пределы общепринятых в культуре эстетических или познавательных нормативов. Но такая перmissивность не должна касаться правовых и фундаментальных этических норм. Конструктивно-демократическое поведение соответствует ситуациям социальной неопределенности в обществе, когда обеим сторонам приходится решать социально значимые проблемы, в том числе совместно, в ходе учебного процесса. В этом случае взаимопризнанная степень функциональной автономии позволяет каждой из них вносить свой вклад в определение и поиск соответствующих решений.

Образовательная институционализованная область имеет *пространственную* и *временную* организацию. Говоря об информационном пространстве, следует отметить, что по сравнению с другими областями оно отличается интегративной природой. Здесь представлены сведения из всех тех сфер социокультурной жизни, которые при определенном состоянии общества считаются необходимыми. В то же время содержательно оно беднее каждой из специализированных областей культуры.

В его рамках соответствующая информация отбирается по признаку общезначимости и преподносится в особых институциональных формах. То же можно сказать и о каналах связи между обучающими и обучающимися. Учебные программы и пособия, особым образом построенные занятия, специально разработанные критерии и способы оценки качества освоенных знаний и навыков — все это составляет структурообразующие характеристики образовательного пространства.

Физическое пространство институциональной области образования также имеет специфику организации. Учебные заведения всех типов имеют свою архитектурную выделенность и снабжение вывесками, обозначающими их характер. Многие из учебных зданий имеют свою внешнюю территорию, определяющую их границы в общем пространстве поселения. Некоторые из них располагают дополнительными площадями, предназначенными для спортивных или практических занятий. Причем иногда они могут находиться в отдалении от самих зданий. Специфичны также и интерьеры образовательных учреждений. Их организация обусловлена спецификой учебных процессов, характерных для них технических приспособлений, оборудования и технологий.

Представление о времени, транслируемые в ходе учебных процессов, соответствуют тем, которые доминируют в более широком социокультурном контексте. Что же касается временной организации образовательного пространства, то ее особенности определяются структурой реализуемых здесь процессов. Так, учебное время отдельно от внеучебного. При этом первое достаточно дифферен-

цировано. Во-первых, следует выделить общий срок пребывания в различных учебных заведениях: для каждого типа он свой. Далее, определенное время отведено на изучение различных дисциплин и разграничивается по астрофизическим стандартам: по годам, месяцам, неделям, дням и часам, с одной стороны, и стадиями освоения учебного материала — с другой. Разделяется время, отводимое на изучение обязательных дисциплин и проверку знаний. В свою очередь такой контроль имеет рутинную (опросы на уроках в школе, семинары в высших учебных заведениях) и экзаменационную периодизацию. Особым образом отмечается окончание учебного заведения. Во внеучебном времени также выделяется его образовательная часть, связанная с приготовлением домашних заданий. Правда, в отличие от строгой институциональной регламентированности организованных учебных процессов работа дома регулируется самими учащимися.

Институциональная организация сферы образования определяется статусом учебных заведений. Они подразделяются на государственные и частные и имеют обязательную официальную лицензию. Их деятельность регламентируется действующим законодательством и уставными нормативами. Контроль над состоянием этой области осуществляется органами исполнительной власти (государственными и региональными министерствами и ведомствами). Корректировка нормативов, определяющих ее функционирование, осуществляется законодательными органами. Здесь следует особо выделить государственные стандарты построения учебных программ, в том числе для подготовки собственных кадров. Они отражают представления, существующие в обществе и в профессиональной сфере, о том, какие знания и навыки должны осваиваться младшими поколениями. Наконец, важным аспектом институционализации в рамках этой области является сертифицирование полученного образования, т. е. документа об окончании учебного заведения. Он санкционирует право получившего полное (или неполное) образование занимать соответствующее место в системе общественного разделения труда.

Из всего сказанного следует, что пребывание в этом пространстве признано в обществе социально необходимым. Образование обеспечивает каждому приобщенность к своему обществу и культуре, разделяемым здесь знаниям и навыкам, открывающую доступ в различные социально значимые ситуации. Он получает законное право на полноценное участие в институционализированной социокультурной жизни, в первую очередь в системе общественного разделения труда, в политической деятельности на уровнях государства и гражданского общества. Ориентированность на воспроизведение образованных и профессионально подготовленных граждан, на трансляцию культурного наследия, на социальную ин-

теграцию обуславливает известный консерватизм, присущий этой институциональной области социокультурного пространства. Но он не только оправдан, но и необходим для существования любого общества, где инерционность столь же значима, сколь и изменения. Совершенно очевидно, что дистанция между этой областью и обыденной реальностью минимальна. Более того, она составляет промежуточное звено, позволяющее осуществлять обмен информацией между специализированным и обыденным уровнями культуры, между институциональными процессами и приватной жизнью. Люди, успешные в ее рамках, считаются образованными.

Институциональное социокультурное пространство просвещения: учреждения культуры

Наряду со сферой образования в современном обществе одной из важных областей кумуляции, трансляции и циркуляции социально значимой информации является институциональное пространство просвещения. В дальнейшем речь пойдет об общих характеристиках специальных организаций, называемых учреждениями культуры и предназначенных для трансляции дополнительной к образовательной социально значимой информации. Речь идет о ценностях, формирующихся в рамках других институциональных областей.

В обществах и общностях, характеризующихся слабой дифференцированностью, на уровне первичных групп культурные ценности передаются посредством традиции, т. е. прямо «из рук в руки, из уст в уста». Закрепляются они через механизмы сравнения, оценки, отбора и конвенционального удержания в культуре определенных социокультурных образцов, складывающихся в процессах повседневной жизни. В результате формируются стандартные ситуации взаимодействия и паттерны социальных отношений, обеспечивающие традиционное воспроизведение культурных ценностей. Их циркуляция, передача, кумуляция осуществляется в процессах воспроизведения обрядов, обычаев, ритуалов, церемоний, сохраняющих здесь преемственность устойчивых черт и культурную идентичность.

В современной урбанизированной среде в ходе модернизации общества усиливаются процессы дифференциации, специализации в области общественного разделения функций, социокультурная изменчивость интенсифицируется. При этом происходит ослабление локальных и первичных социальных связей (семейных, родственных, соседских и т. п.). И перестают действовать традиционные способы трансляции культурных ценностей. В этих условиях складываются иные, опосредованные и более массовые формы такого рода, называемые просветительскими. Наиболее показательным

их институциональным примером следует считать учреждения культуры.

Говоря о *функциональной доминанте* области просветительского пространства, следует отметить, что учреждения культуры представляют собой государственные, общественные, частные организационные структуры, которые являются проводниками различных совокупностей эталонных артефактов, признанных как профессионалами, так и широкой общественностью в качестве социально значимых и достойных публично демонстрации и освоения. Они представлены общественности в определенных специально выделенных ситуациях (зритель в музее, член клуба и т. п.). В рамках институциональной области просвещения сконцентрированы, сохраняются и ревитализуются ценности, составляющие фонд культурного наследия общества.

К учреждениям культуры принято относить театрально-зрелищные (театры, кинотеатры, концертные организации), спортивные комплексы, библиотеки, музеи, клубы. Это организации с определенным штатом служащих и администрации, предназначенные для приобщения публики к социально значимым культурным ценностям, для просвещения общественности, трансляции социокультурной информации, дополнительной по отношению к получаемой в области образования и в повседневной жизни. Их функции, структура, цели и задачи определяются нормативными документами. Соответствие им реальной работы государственных учреждений такого рода контролируется специальными органами исполнительной власти.

«*Входами*» этой области можно считать наличный потенциал культурных объектов, относящихся как к прошлому, так и к настоящему на «*выходе*» широкой аудитории представляются специальным образом отобранные те из них, которые признаны профессионалами и общественностью в качестве социально значимых культурных ценностей. Они отбираются по ряду критериев и распределяются по особым просветительским каналам, институционализированным в форме учреждений культуры.

Программы трансформации культурных образцов в ценности, достойные публичной представленности, определяются по двум основным измерениям: временная отнесенность и принадлежность к определенной культурной категории.

С точки зрения временной отнесенности можно выделить объекты культурного наследия и современные. Первая достаточно неопределенная категория обозначает необходимость отдавать дань культурным достижениям прошлого. Во-первых, речь идет о памятниках, т. е. объектах, символизирующих определенные исторические эпохи, события, даты, факты религиозной жизни. Во-вторых, сюда же можно отнести эталонные образцы традиционной культу-

ры, т. е. передающихся из поколения в поколения в непосредственном взаимодействии — ремесла, ритуалы, обряды, художественные направления, научные, философские школы и т. п. В-третьих, заслуживающими публичной представленности всегда считались уникальные и экзотические объекты прошлого.

Другой класс культурных ценностей, представленных в просветительском пространстве, относится к настоящему времени. Это все те артефакты, которые по тем или иным основаниям представляются — обычно в профессиональных кругах — в качестве показательных примеров текущих культурных достижений. Критерии предпочтений могут быть различными. По принципу инновативности, авангардности отбираются объекты, определяющие возможные перспективы культурных изменений. Демонстрация следования традиции подтверждает жизнеспособность, функциональность в современных условиях эталонов прошлого. В соответствии с идеологическими соображениями выделяются те артефакты, которые, по предположениям заинтересованных групп, помогут повлиять на общественное мнение и поведение в нужном им направлении.

Принадлежность к определенной культурной категории фиксируется распределением отобранных артефактов по учреждениям, предназначенным для кумуляции и распространения различных классов просветительской информации. Так, библиотеки концентрируют письменные источники прошлого и настоящего. В музеях хранятся специально подобранные художественные произведения, документы, мемориальные вещи и т. п. Выставки, сменные экспозиции демонстрируют текущие культурные достижения. Театры и концертные залы суть места для представления классических и современных произведений драматического и музыкального искусства, с одной стороны, и исполнительского мастерства — с другой. Клубы помогают людям объединяться по интересам к определенным видам культурной активности — профессиональной, любительской, связанной с коллекционированием или рекреацией.

Таким образом, в каждый период времени в современном обществе существует дифференцированное социокультурное пространство, где концентрируются институционально признанные культурные ценности.

Логика трансляции такого рода ценностей определяется необходимостью их представленности в доступной аудитории и упорядоченной форме, соответствующие каждому из типов учреждений культуры. Так, в библиотеках поиск информации облегчают специальным образом составленные каталоги, согласно которым шифруются все единицы хранения. Это дополняется постоянными выставками печатных изданий к определенным случаям, а также новых поступлений. Кроме того, здесь есть штатные консультанты, помогающие читателям ориентироваться в библиотечном про-

странстве. В театрах и концертных организациях принята система тематических абонементов. Каждый из них составлен по определенному плану, позволяющему его держателю получить более углубленное представление об определенном художественном стиле или жанре, отдельном авторе, мировых шедеврах и т. п. Кроме того, здесь приняты специальные представления и концерты, предназначенные для детей и юношества. Обычно они сопровождаются комментариями искусствоведов. В музеях и на выставках подготовка экспозиций обуславливает отбор и расположение в интерьере демонстрируемых артефактов. Далее, опытные экскурсоводы интерпретируют содержание экспонатов. Для этого же предусмотрены специальные каталоги. Наконец, при многих музеях существуют структуры, предназначенные для любительских занятий. Клубная деятельность организована в соответствии с двумя базовыми моделями. Закрытые заведения для узкого круга людей, объединяющихся по профессиональной, политической, социально-групповой принадлежности, предназначены для конфиденциальных бесед и уединения. Их организация обусловлена целью создания максимально комфортабельных условий для выполнения этих функций. Клубы второго рода — это открытые объединения людей по любительским интересам. Соответственно здесь деятельность организована так, чтобы любители получали возможность не только заниматься интересующими их видами деятельности (драматическим, вокальным, изобразительным искусством, спортом, механическим конструированием, киносъёмками, фотографией и пр.), но и публично демонстрировать свои достижения.

Итак, просветительские функции учреждений культуры осуществляются таким образом, чтобы отвечать двум основным источникам побуждений обращения к культурным ценностям. Во-первых, постоянная публичная представленность институционализованного ценностного культурного фонда, приобретение к которому поощряется в обществе. Во-вторых, желание членов общества осваивать социокультурное пространство в объеме, более широком, чем в обыденной жизни и в сфере образования.

Действующих в этой области социокультурного пространства *субъектов* можно разделить на несколько категорий в соответствии с их ролевыми функциями. Профессиональные работники учреждений культуры обеспечивают их бесперебойную деятельность, а при высокой эффективности — привлечение и объединение максимально возможного количества любителей. Библиофилы, краеведы, меломаны, любители фольклора — все эти люди актуализируют культурные ценности в повседневной социокультурной жизни. Обычные посетители учреждений культуры обращаются к ним — периодически или от случая к случаю — за дополнительной специализированной информацией или из престижных соображений.

Пространственная и временная организация этой институциональной области определяется ее ценностной природой и просветительно-рекреационным характером функционирования. Концепции пространства задаются здесь масштабами представленности соответствующих артефактов, их объемом и плотностью распределения по определенным культурным категориям. Масштабности соответствуют категории мировая, отечественная культура, региональный, локальный (поселение и его часть) уровни. В этих пределах артефакты могут быть репрезентативными по количеству или показательности, либо просто знаковыми. Например, в солидных музейных экспозициях специально подобранные произведения изобразительного искусства характеризуют избранную тему в необходимой полноте: представляют определенный стиль, жанр, исторический период. Когда поле выбора ограничено, общую идею экспозиции можно выразить наиболее представительными образцами, иллюстрирующими ее. Темы могут репрезентировать определенную точку зрения на мировую культуру, конкретный историко-культурный регион, ценности отечественной культуры на разных уровнях обобщенности.

Такого рода пространства различаются по степени упорядоченности. Это могут быть достаточно случайные совокупности артефактов, как, например, в музеях малых городов, общественных библиотеках, провинциальных театрах и т. п. Они состоят из единиц, относящихся к стилям, странам, эпохам, имеющим неодинаковые качественные характеристики. Их можно упорядочить по принадлежности к определенному стилю или направлению. Тогда основанием организации культурного пространства становятся принципы формообразования. Отобранные объекты могут представлять характерные черты определенного историко-культурного региона, создавая его целостный виртуальный образ. Они могут быть подобраны таким образом, чтобы в совокупности составить символ поселения: одни города знамениты своими театрами; другие — особыми экспонатами изобразительного искусства или архитектурными сооружениями; третьи — уникальными книгами, хранящимися в библиотеках. И это символы, благодаря которым они входят в состав мирового культурного пространства.

Во временном отношении можно говорить о разных способах и концептуализациях представленности исторического времени в разных классах культурных ценностей. Оно демонстрируется как непрерывное, когда акцент помещается на преемственности, характерной для определенного художественного стиля, направления научного или философского познания, профессиональной деятельности и любительства. В других случаях подчеркивается его дискретность, когда акцент ставится на стилевых, концептуальных, технологических различиях артефактов, располагающихся

в просветительском пространстве. Здесь обнаруживается также относительность культурного времени, когда в разновременных артефактах подчеркивается одинаково высокий уровень мастерства и утонченности либо изображаются одни и те же типы человеческих отношений и переживаний. Представленность настоящего времени задается сменой артефактов в сетке особых периодически повторяющихся событий: выставки, ярмарки, фестивали, конкурсы, юбилеи и т. п. Благодаря их регулярности заметными становятся изменения культурных ценностей, составляющих институциональное просветительское пространство.

С точки зрения выделенности этой области в более широком социокультурном пространственном и временном контексте можно отметить следующее.

Пространство здесь определяется местоположением в поселении, архитектурой и соответствующими вывесками. Для него характерна особая организация интерьеров, обусловленная свойствами представляемых артефактов, необходимостью доступа к ним, работы с ними, нужными для этого оборудованием и технологиями. Время существования учреждений культуры в социокультурной жизни определяется календарным расписанием их работы.

Как было сказано, эта область социокультурного пространства институционализована. Учреждения культуры *институционально* определены в нормативных функциях и требованиях. Они лицензируются и имеют статус юридического лица. В отношении собственности они могут быть государственными, муниципальными, частными. В зависимости от этого различаются источники их финансирования и степени свободы функционирования. Последнее обстоятельство связано с их институциональной подчиненностью. Так, деятельность государственных и муниципальных учреждений культуры регламентируется соответствующими органами исполнительной власти. Частные учреждения функционируют в рамках действующего законодательства, а содержание предлагаемых услуг определяется, во-первых, рыночными механизмами, а во-вторых — предпочтениями собственников.

Осуществляемое в этих рамках просвещение повышает степень социокультурной компетентности людей, помогая лучше ориентироваться и действовать в пространстве культурных ценностей. Оно также способствует улучшению качества жизни, поскольку насыщает свободное время разнообразным культурным содержанием. Наконец, благодаря нему люди получают возможности более четко определить и сформировать свой стиль жизни, фиксирующий особенности их социокультурной идентичности. Иными словами, просвещение делает для них доступной и подконтрольной более широкую область социокультурного пространства, чем та, что соответствует обязательному образованию и личной приватной жизни.

Эта область ориентирована на трансляцию культурных ценностей прошлого и современности. В силу своих трансляционных функций она открыта для доступа широкой публики. Дистанция между нею и более образованными слоями общества несравненно меньше, чем для малообразованных людей. Поэтому ее структуры принято считать носителями в большой степени элитарной и популярной, нежели массовой культуры. Приобщенность к этой области характеризует общекультурную компетентность людей.

Средства массовой информации в структуре институционализованного социокультурного пространства

Трансляция социально значимой информации с помощью технических средств массовой коммуникации составляет сегодня один из наиболее значимых факторов, определяющих строение социокультурного пространства. Такие средства, как печать, радио, телевидение, Интернет, представляют широкой аудитории специальным образом отобранный и организованный материал, рассматриваемый как заслуживающий всеобщего внимания.

Совокупность организационных структур, каналов, сообщений, язык, стилистические особенности, принципы построения обменов информацией, характерные для этой области, конституируют ее как особое институциональное пространство. Оно складывается из упорядоченных процессов широкой трансляции социально значимой общедоступной информации с помощью специальных технических каналов. Его открытость обусловлена массовой направленностью сообщений, построенных определенным образом.

Способы их репрезентации делятся на устные, печатные, визуальные, т. е. апелляция к аудитории подкрепляется различными взаимодополняющими средствами. В соответствии с характером содержания они распределяются по рубрикам, постоянно представляющим их однородные категории — политические, художественные, спортивные и т. п. Иными словами, каждый канал этой области открыт в определенный набор источников социально значимого знания, откуда черпаются сведения для массового представления с различной, но динамичной степенью оперативности.

Функциональная доминанта этой области связана с тем, что она обеспечивает общезначимый, общепонятный язык, необходимый для понимания и оценки текущих социально значимых событий. Для адаптации в современном динамичном обществе людям постоянно требуются упорядоченные представления об их ближайшем окружении и более широком социокультурном контексте. Причем подтверждение достоверности такой информации в одних случаях может ограничиваться верификацией в индивидуальном опы-

те, тогда как в других людям необходима опора на общественное мнение или на суждения квалифицированных экспертов. Область массовых коммуникаций составляет информационное пространство, откуда люди могут почерпнуть представления, знания, оценки, относящиеся к стереотипным и нестандартным осваиваемым социокультурным ситуациям.

Здесь можно выделить ряд функциональных направлений, обращение к которым помогает людям ориентироваться в текущих событиях.

Информирующая функция обеспечивает массовую аудиторию сведениями о том, что происходит вокруг. Их отбор определяется указанием на изменения событий, происходящих в рамках различных социокультурных порядков — хозяйственном, политическом, правовом, познавательном, религиозном и т. п.

Просветительская функция состоит в трансляции информации, относящейся к социально значимым ценностям прошлого и настоящего, облегчающей ориентацию в сфере товаров и услуг. В этом случае обширная аудитория оказывается осведомленной об одних и тех же совокупностях событий, способах их организации и оценок. Соответственно здесь складывается специфичный общепринятый язык культуры, связывающий ее специализированный и обыденный уровни, позволяющий всем членам общества участвовать в социально значимых коммуникативных ситуациях.

Регулятивная функция связана с трансляцией нормативной информации. Речь идет не только о том, что здесь постоянно представляются и комментируются правовые документы — законы, указы и т. п. Средства массовой информации широко освещают общепринятые моральные суждения и оценки, результаты опросов общественного мнения. Благодаря этому происходит постоянный своеобразный мониторинг социокультурного пространства с выделением в нем динамических фокусов внимания, культурных тем в качестве социально значимых. Таким образом, фиксируются и транслируются стандартные нормативные и ценностные представления, обоснования правомерности или аномальности определенных событий и явлений, социально допустимая величина отклонений от этих стандартов.

Социально манипулятивная функция обусловлена стремлением коммуникатора — кем бы он ни был — убедить в чем-то аудиторию или побудить ее к совершению определенных действий. В этом случае решаются практические задачи, связанные с повышением эффективности воздействия сообщений на аудиторию. В результате здесь концентрируется совокупность технологий манипулирования общественным мнением и поведением. Одна часть из них оказывается вполне действенной с точки зрения убедительности и мобилизационного потенциала. Другая — в силу клишированное™

и чрезмерной идеологической нагруженности — остается неэффективной. Тем не менее эти наборы технологий активно используются, и считается, что их избыточность гарантирует успешность воздействия коммуникатора на общественное мнение.

Наконец, рекреационная функция, которая связана с переключением внимания людей от обыденной жизни и профессиональной деятельности на мир игры, праздника, фантазии. В этом пространстве сконцентрированы разные типы такой информации. Во-первых, речь идет о сфере искусства: беллетристические разделы газет и журналов, литературные, театральные, музыкальные рубрики на радио и телевидении, представленность изобразительного искусства в печати и на телевидении. Обращаясь к ним, люди получают удовольствие от любимых эстетических объектов. Во-вторых, следует сказать об игровом пространстве. Это всевозможные игры, лотереи, викторины, состязания в культурной компетентности. В этом случае аудитория переключается от утилитарного взгляда на вещи к пониманию их самоценности, многозначности, комбинаторного потенциала. В-третьих, существуют, в первую очередь на телевидении, разного рода шоу: спортивные передачи, праздничные представления, показы моды, презентации различного рода событий и т. п. Они позволяют людям отрешиться от повседневности и на время погрузиться в мир красочных, фантастических образов, острых переживаний.

Перечисленные функции средств массовой информации в настоящее время универсальны для всех культур. Однако их структура, содержание, стилистика, отношение между коммуникатором и аудиторией подвижны. Изменения обусловлены динамикой, во-первых, внешних обстоятельств, т. е. содержанием событий социокультурной жизни; во-вторых, интересов и профессионализма коммуникатора, от которого зависит форма представленности сообщений; в-третьих, заинтересованности аудитории, которая может обращать свое внимание совсем не на то, что нужно коммуникатору.

Программы трансформации многообразных социокультурных событий и явлений в упорядоченные сообщения, транслируемые средствами массовой коммуникации, можно представить следующим образом. Во-первых, следует выделить типы каналов распространения информации. Наиболее традиционными из них являются издательства книг, журналов, газет, обеспечивающие аудиторию носителями информации длительного хранения. Хотя содержание такой информации, например газетной, может иметь скоропреходящую значимость. Электронные средства массовой информации — радио, телевидение, Интернет — отличаются оперативностью передачи разного рода сообщений, вплоть до прямых трансляций и обменов. При современных технических формах записи информация подобного рода может сохраняться сколь угодно

долго. Более того, потребитель через Интернет имеет доступ к ее хранилищам.

В настоящее время у большинства людей есть возможность пользоваться всеми типами каналов коммуникации. Можно в разное время обращаться то к одним, то к другим из них, проверять достоверность получаемых сведений путем сопоставления содержания передаваемых ими сообщений.

Во-вторых, следует обратить внимание на тип информации, транслируемой с помощью существующих каналов. В зависимости от содержания сообщения можно условно подразделить на осведомляющие, развлекающие и убеждающие. Осведомляющие сообщения предназначены для того, чтобы предоставить аудитории социально значимые сведения. Часть таких сведений относится к социальной организации совместной жизни людей, ее хозяйственным, политическим, правовым аспектам. Другая часть связана с областями социально значимого знания — философией, наукой, искусством, религией. Такая информация транслируется как в профессиональной, так и в популярной форме через специально предназначенные для этого коммуникативные каналы. Из них образуется информационное пространство, осведомляющее членов общества о том, что происходит в мире.

Развлекательная информация направлена на выполнение рекреационных функций. Эстетические, игровые, демонстративные, спортивные сообщения составляют пространство, предоставляющее людям возможность отвлечься от повседневных профессиональных и домашних дел и переключиться на то, что их забавляет, удивляет, доставляет им удовольствие; переносит их из привычной жизни в виртуальный мир фантазий и иллюзий.

Убеждающая информация имеет формы пропаганды и рекламы. В обоих случаях программная цель заключается в том, чтобы посредством информационного давления оказать влияние на поведение аудитории. Пропаганда предназначена для изменения или укрепления определенных идеологических представлений в сфере общественного мнения. Реклама направлена на то, чтобы побудить конкретное потребительское поведение. Таким образом, в этой зоне концентрируется информация, ориентирующая людей на рынках идеологий, товаров и услуг.

Обобщая сказанное выше, следует подчеркнуть, что конфигурация институционального пространства массовых коммуникаций на социальном, региональном и локальном уровнях зависит от соотношения названных типов программ. Причем каждая из них предполагает особую величину дистанции в отношениях с аудиторией. Она максимальна в случае пропаганды, поскольку рано или поздно люди начинают понимать манипуляторский алгоритм и высвобождаются из-под его воздействия. Ближе всего к ауди-

тории рекреационная зона массовых коммуникаций. Однако она отдаляет людей от реальных событий и повседневных интересов. Оптимальной можно назвать дистанцию, создаваемую осведомляющими сообщениями и рекламой. Здесь представляются определенные факты, контекст, в котором они имеют место, и определенные комментарии относительно их возможных последствий. Далее людям предоставляется возможность выбора собственной позиции по отношению к ним.

Логика трансляции социокультурной информации в соответствии с названными программами может быть представлена известной формулой Аасуэлла: «Кто передает информацию — что сообщается — в какой форме — кому предназначены сообщения — через какие каналы они передаются — с каким эффектом».

Источник информации, или коммуникатор, обычно включает в себя целый ряд функциональных единиц. Сюда относятся институты, отвечающие за поддержание пространства массовой коммуникации (органы исполнительной власти, общественные организации, государственные и общественные комитеты и комиссии); структуры, технически обеспечивающие функционирование этой области (государственные, общественные и частные средства массовой информации); группы интересов, финансирующие распространение определенных сообщений. Следует при этом подчеркнуть, что большинство работников средств массовой информации нанимаются представителями либо государственных структур, либо групп интересов.

Содержание сообщений можно определить несколькими параметрами. Во-первых, они должны иметь социальную значимость, т. е. быть связанными либо с социетальными процессами, либо с непосредственными нуждами людей. Во-вторых, они должны быть культурно значимыми, т. е. вызывать интерес у аудитории; содержать социально приемлемую пропорцию известной и новой информации; апеллировать к личности реципиента. В-третьих, их выразительные средства должны легко восприниматься, пониматься и запоминаться.

Форма трансляции информации определяется спецификой языка массовых коммуникаций. Его ядро составляют стандартизованные элементы выразительности, характерные для различных культурных кодов: обыденный, литературный, официальный язык, визуальные и музыкальные образы, специализированные термины. В то же время он богат подвижными, изменчивыми элементами. Он полистилистичен, ибо содержит элементы как обыденной, так и специализированных сфер культуры. Он ориентирован на сегодняшний день, на содержание текущих социокультурных событий. В его недрах происходит упрощение «академических» языков философии, религии, искусства, науки вплоть до общедоступного.

Он прямо вплетен в обыденную жизнь, поскольку служит для освещения повседневных событий. Владение языком массовых коммуникаций позволяет членам общества без особых затруднений обращаться к широкому кругу социокультурных феноменов в стандартных коммуникативных ситуациях.

Форма коммуникации определяется также стилистикой репрезентации сообщений. Они должны быть лично значимыми и эмоционально окрашенными. Их характеризует рациональная организация, т. е. хорошо распознаваемая логическая упорядоченность, соответствующая коммуникативному намерению. Наконец, желательно подкреплять их авторитетным суждением, для дополнительной убедительности. Все вместе способствует созданию эффекта соучастия в коммуникативном процессе.

Каналы массовой коммуникации были представлены ранее. Это печать, радио, телевидение, Интернет.

Аудитория этой области социокультурного пространства обозначается как массовая. Однако информация, транслируемая по соответствующим каналам, за исключением специализированных изданий, рассчитана на понимание аудитории, дифференцируемой по социально значимым основаниям: гендерным, возрастным, субкультурным, конфессиональным и т. п. Подробнее об этом речь пойдет при рассмотрении субъектов — участников массовой коммуникации.

Относительно эффекта коммуникативных процессов пока не существует однозначных, достоверных представлений даже в профессиональной и научной среде. Тем не менее общая логика трансляции сообщений сегодня соблюдается во всех средствах массовой информации.

Субъектов массовой коммуникации в общем виде можно разделить на два класса: коммуникатор и реципиент (аудитория), т. е. совокупности тех, кто передает и кто принимает информацию. Оба класса субъектов внутренне неоднородны.

Под коммуникатором понимается субъект, транслирующий информацию. В структуру этого понятия включается определенный набор ролевых функций:

— представители групп интересов, преследующие определенные политические цели и стремящиеся привлечь массовую аудиторию к участию в их достижении хотя бы в форме поддержки на уровне общественного мнения;

— художники или ученые, желающие представить результаты своей деятельности массовой аудитории.

Эти функциональные роли являются источником коммуникативных намерений:

— работники средств массовой информации (репортер, комментатор, критик, дизайнер рекламы, автор и ведущий рубрики, продюсер и т. п.).

Эти функциональные роли связаны с переводом коммуникативного намерения и специализированного языка их выражения — экономического, политического, научного, эстетического и т. п. — на общедоступный язык массовой информации:

— технические специалисты, обеспечивающие адекватное функционирование каналов массовых коммуникаций в технологическом отношении.

Эти функциональные роли центрированы на технологиях трансляции социально значимой информации.

Таким образом, коммуникатор — это понятие, обозначающее неоднородную совокупность функциональных ролей, инициирующих и организующих процессы массовой коммуникации. От их связей и отношений зависит динамика конфигураций этой области институционального социокультурного пространства.

Но в его формировании участвует и другая сторона — реципиент, или аудитория. Как уже отмечалось, термин «массовая аудитория» отнюдь не означает, что информационные процессы протекают в однородной неструктурированной среде. Подобно тому как инициаторы коммуникации различаются по использованию каналов, жанров, стилистики трансляции информации в зависимости от преследуемых ими целей, так и реципиенты обращаются к разным зонам этого пространства в силу разных побуждений. Более того, аудитория разнородна не только по интересу к тематике сообщений и степени восприимчивости, понимания их содержания. Она дифференцируется по субкультурным признакам и соответствующим особенностям восприятия информации: направленности интересов, уровню культурной компетентности, ценностным ориентациям. Если сообщения «не вписываются» в пространство представлений реципиента, коммуникативные намерения автора не будут восприняты, а их воздействие становится непредсказуемым.

Практически во всех культурах принято выделять в аудитории «массы» и «образованное меньшинство». Неважно, являются ли эти социокультурные группы неизбежным социальным фактом или моделями коммуникации, создаваемыми и поддерживаемыми стандартными коммуникативными ситуациями. Такое разделение повсеместно имеет значимые последствия для организации массовых информационных процессов.

Мировая практика свидетельствует о том, что большая часть аудитории мало образована, поверхностна, индифферентна по отношению к повышению собственного уровня культурной компетентности. Этим людей более всего привлекают развлечения, облегченная сиюминутная информация о том, что касается непосредственно их интересов, сплетни и скандальные истории.

Часть аудитории, составляющая образованное меньшинство, обладает высоким уровнем культурной компетентности. Эти люди ориентированы на сложные культурные формы. Они, как правило, критически относятся к большей части продукции средств массовой информации. Правда, для них существуют особые зоны информационного пространства, отличающиеся культурной сложностью и глубиной (специальные печатные издания, каналы теле- и радиовещания, рубрики). Из средней продукции они отбирают новости.

Однако при сравнительно непротивительных запросах большей части публики ориентация только на них имела бы для культуры катастрофические последствия. В этом случае из массового оборота изымается тот общепризнанный фонд социально значимой информации, те символические коды, которые обеспечивают членам общества гарантированный уровень компетентности, необходимый для ориентации в сложной и подвижной социокультурной реальности. Иными словами, считается, что элитарный уровень культуры с необходимостью должен детерминировать содержание массовых коммуникаций.

Важные отличительные особенности этой области обусловлены ее пространственными и временными характеристиками.

У нее своя *пространственная* организация. В периодической печати и электронных средствах массовой информации отслеживаются различные события, которые могут представлять общественный интерес, и категоризируются по важности. Они размещаются на полосах газет или в сетке вещания в соответствии с определенными рубриками. Последние составляют организационное начало пространства сообщений. Так, рубрика «новости» представляет информацию о текущих событиях. Более крупные информационные единицы связаны с детальным обсуждением тех тем, которые представляют общественный интерес, либо с организацией «своей» аудитории вокруг привлекательных для нее сюжетов, связанных с политикой, финансами, искусством, спортом и т. п. Еще более укрупненные типы сообщений обычно носят обобщающий характер: обзор событий, произошедших в обществе и культуре за длительный промежуток времени, оценка состояния какой-либо значимой области общественной жизни — экономики, образования, политики и т. п. Рубрики организуют информационное пространство в соответствии с категориями, определяющими распределение содержания сообщений: осведомляющие и просветительские; политические, экономические и т. п. Из них составляются устойчивые композиции, по которым аудитория ориентируется в пространстве событий привычным образом. Оно, кроме того, маркируется с помощью определенных распознавательных знаков: шрифтов, логотипов, иконических или звуковых заставок и т. п.

Следует подчеркнуть, что средства массовой информации имеют разную пространственную организацию для тех, кто передает и принимает информацию. Техническое оборудование, необходимое для трансляции — типографское, электронное, — размещается на специальных территориях, в зданиях, архитектура которых обусловлена характером производственных процессов. По сравнению с другими видами профессиональной деятельности для работников средств массовой информации характерен синтез исследовательского, образного и трансляционно-технического процессов, предполагающий пространственное объединение необходимых для этого предметных атрибутов и помещений.

Особыми являются предметно-пространственные параметры приема информации. Распространение печатной продукции осуществляется либо через почтовые отделения (подписные издания), либо через библиотеки, либо через торговые точки (книжные магазины, газетные киоски и лотки). Все это специально выделенные и маркированные пространства для такого распространения. Теле- и радиоинформацию реципиент может получать в среде, где есть возможность подключиться к ее источникам через приемное устройство. Присоединение к Интернет сегодня не требует стационарных блоков питания. С изменением технической оснащенности средств массовой информации меняется и их пространственная организация, однако ее специфика продолжает сохраняться.

Массовые коммуникации имеют свою *временную* организацию. Во-первых, время здесь дискретно. Репрезентация событий фиксирует их начало и конец, а цикл сообщений о каком-либо устойчивом явлении представляет его через последовательность отдельных состояний. Кроме того, всегда и во всех каналах существуют перерывы в трансляции информации — между выпусками печатной продукции, теле- и радиопередачами, рубриками, сериями в телесериалах.

Во-вторых, это время неоднородно и складывается из периодической смены разнокачественных событий. Своя периодичность у новостей, просветительских, развлекательных, спортивных, детских программ; своя сетка работы у каждого из каналов трансляции информации. Четкое временное разграничение этой области позволяет аудитории легко ориентироваться в ее рамках.

В-третьих, время здесь в принципе обратимо, поскольку всегда существует — и обычно используется — возможность вернуться к материалам о происшедших событиях. И не только, чтобы зафиксировать изменение: так было, а так стало, — но и чтобы указать на повторяемость событий: это уже было и не раз.

Обращаясь к *институциональной* организации этой области социокультурного пространства, следует отметить несколько ее уровней. Существует система государственных средств массовой

информации. Она имеет иерархическую организацию со специальной единицей во главе (министерство, комитет и т. п.), в задачи которой входит как разработка государственной информационной политики, так и обеспечение ее реализации (финансирование, кадровое обеспечение, мониторинг обратной связи с аудиторией, корректировки и т. п.). Ниже располагаются региональные и локальные органы, контролирующие реализацию государственной политики на местах (распределение ресурсов, соответствие выполнения поставленным целям и т. п.). Основные функции институтов этого уровня связаны с приобщением широкой аудитории к социально значимой информации (социальная интеграция), с одной стороны, и с организацией адресности при ее трансляции (социальная дифференциация) — с другой. Основными формами коммуникации здесь являются информирование, просвещение, убеждение.

Далее, следует отметить общественные институты двух типов. Один из них связан с организацией средств массовой информации, независимых от государства. Другой — с общественным контролем над функционированием различных информационных каналов. В первом случае институциональными субъектами являются негосударственные корпорации и объединения, владеющие определенной материальной базой (издательство, теле- и/или радиовещательная станция) и располагающие необходимым персоналом. Такие единицы могут существовать на различных уровнях социальной организации — транснациональном, национальном, региональном, локальном. В их рамках осуществляется собственная информационная политика.

Во втором случае для общественного контроля над качеством массовой информации создаются специальные комитеты и комиссии. Функциями таких единиц являются мониторинг и экспертиза сообщений, оценка работы информационных каналов с позиций общественного блага. В демократических обществах они существуют в качестве механизма ослабления монополии государства, корпораций и коммерческих каналов на определение содержания массовой информации.

Коммерческий уровень институционализации этой области в отличие от предыдущих, преследующих идеологические цели, ориентирован на выгодное вложение капитала и получение высоких прибылей. Стратегии деятельности строятся здесь на принципах максимально быстрого и массового обеспечения аудитории той информацией, за которую она готова платить. Поскольку в такого рода институтах не принято руководствоваться соображениями общественного блага, предлагаемая информация может быть недостоверной, сомнительной в моральном отношении и потакать социально неодобряемым, неприемлемым скрытым побуждениям аудитории.

Эта институциональная область социокультурного пространства обеспечивает едва ли не самые динамичные связи между специализированным и обыденным уровнями культуры. Благодаря оперативности информация о социокультурных изменениях быстро становится общественным достоянием. Она обеспечивает также общезначимый, общепонятный для членов общества язык, необходимый для реализации социального взаимодействия. Как известно, отношения людей с окружением не остаются постоянными: круг контактов расширяется или сужается; меняются групповая принадлежность, интересы и т. п. Соответственно им постоянно требуется информация о том, что происходит вокруг. Институциональная область массовых коммуникаций составляет ту часть социокультурного пространства, из которой они могут почерпнуть представления, знания, оценки, относящиеся к стандартным социокультурным ситуациям, подлежащим освоению, а также свидетельства достоверности этих элементов социокультурного опыта. Приобщенность к этой области характеризует информированность членов общества.

Контрольные вопросы

1. Социокультурное пространство трансляции социально значимого опыта: строение и динамические характеристики составляющих.
2. Область образования как пространство трансляции социально необходимых знаний и навыков.
3. Социокультурное пространство просвещения и его функции по сравнению с образованием.
4. Организация социокультурного пространства средств массовой информации.

Резюме

1. В этом разделе представлена модель институционального социокультурного пространства, состоящего из теоретически упорядоченных областей социального взаимодействия и коммуникации, зафиксированных в дифференциальных кодах. Его форма обусловлена тем, что интеракции людей устойчивым образом организованы и приводят к общезначимым результатам. В этих рамках выделяются ключевые домены связей человека с окружением.
2. Домен социальной организации представляет кодифицированные области взаимодействия людей, направленные на поддержание социального контекста их совместного существования. Хозяйственная область ориентирована на организацию процессов

жизнеобеспечения; политическая — на регулирование отношений между группами интересов; правовая — на нормативное структурирование поля совместной жизни и деятельности людей. Причем в этих пределах правовая область представляет собой наиболее устойчивое организационное начало социального взаимодействия; политическая — наиболее подвижное, а хозяйственная объединяет устойчивую необходимость удовлетворения базовых потребностей людей с изменчивостью культурного содержания основанных на них запросов и способов их удовлетворения.

3. Домен социально значимого знания представляет кодификацию различных аспектов символического упорядочения связей людей с окружением. Здесь философия и религия репрезентируют относительно устойчивые «картины мира», представление об упорядоченности и границах пространства существования людей. Искусство и наука — это области социокультурного пространства, где устанавливается соразмерность «картины мира» повседневному существованию людей. Причем в области искусства кодифицируется подвижный опыт образных связей человека с окружением, а в науке — опыт выделения устойчивых и повторяющихся характеристик из кажущихся уникальными событий, упорядочения того, что представляется хаотичным.

4. Домен трансляции социокультурного опыта связан с кодификацией различных способов передачи социально значимой информации. Наиболее устойчивую область этой части институционального пространства составляет образование, предназначенное для трансляции знаний и опыта, составляющих фондовую культурную информацию, освоение которой является социально необходимым. Наибольшей подвижностью отличается область средств массовой информации, предназначенная для упорядочения текущих изменчивых событий. Область просвещения объединяет культурные ценности прошлого с теми, что признаны таковыми в настоящем. При этом отнюдь не обязательно, что артефакты, получившие широкое признание на волне моды, со временем входят в ценностный фонд культуры.

5. Все члены общества так или иначе соприкасаются с каждой из областей институционального пространства, составляющего обязательную компоненту жизненного мира современного человека. В рамках одних они осуществляют свою профессиональную деятельность. Продукцией других они пользуются. Еще раз следует подчеркнуть, что каждая из составляющих этого пространства характеризуется особенностями организации взаимодействия человека с окружением и специфичным кодом, фиксирующим ее в символической форме. Для поддержания совместной жизни люди должны уметь декодировать такого рода информацию не только на профессиональном, но и на обыденном уровне.

6. Качество освоения кодов институционального социокультурного пространства характеризует соответствующий аспект культурной компетентности членов общества. Степень такой компетентности у них неодинакова. Она обусловлена императивами общественного разделения труда. Известно, что выполнение различных ролевых функций предполагает неодинаковые объем и глубину освоенности соответствующих знаний и навыков. Таким образом, можно говорить не только о неоднородности строения институционального социокультурного пространства, но и о неравномерности его освоения членами общества. И это зависит от другого измерения социокультурного пространства —• социальной стратификации и приватной жизни людей.

СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО ОБЫДЕННОЙ ЖИЗНИ**■ Глава 1. Механизмы формирования социокультурного пространства обыденной жизни**

Импульс к анализу этого уровня социокультурного пространства обнаруживается в различных направлениях философской и социальной мысли XX в., например, в работах философа-прагматика У. Джеймса, в лингвистических трактатах Л. Витгенштейна, в социологии М. Вебера, в идеях интеракционизма Дж.Г. Мида. Специальным объектом анализа повседневная реальность стала в работах социологов феноменологической ориентации, которые положили начало ее научному изучению (А. Шутц, Г. Гарфинкель, Э. Тириакийн и др.).

В отечественной науке в 1960-е гг. к проблемам обыденной культуры (в основном на историческом материале) обращались М.М. Бахтин, Б.Ф. Поршнев, А.Я. Гуревич, Ю.М. Лотман и др.

На этом уровне выделяются процессы, преемственности поколений, устойчивые тенденции и структуры отношений, действий, оценок, словом, все то, что обозначается термином «традиция». Воплощающими ее культурными объектами принято считать нравы, обычаи, ритуалы, обряды, привычки. Обычно в теориях и истории общества и культуры действие традиционных образований рассматривается на временном и на социальном макроуровне — историко-культурные регионы, общества, субкультуры. Соответственно оказывается возможной лишь констатация их наличия и функционального назначения как поддерживающих социальные связи и отношения, препятствующих распаду культурно установленных форм социальности (взаимопомощь, взаимопонимание, упорядоченность межличностных отношений, ролей, идентичностей и т. п.). Однако нераскрытым остается вопрос, каковы социальные и культурные механизмы действия традиции, поскольку они принципиально ненаблюдаемы в этом масштабе. Их действие можно понять, только если обратиться к рассмотрению непосредственных межличностных связей и отношений, к изучению так называемых первичных групп и социальных сетей: семья, ее ближайшее окружение в формах соседских, дружеских, нефор-

мальных профессиональных отношений, связей ее членов с другими на основе общих интересов — профессиональных, любительских, рекреационных и т. п.

Соответственно особую важность в этом случае приобретают ответы на вопросы, каким образом на этом уровне происходит кумуляция, освоение и актуализация социокультурного опыта; какие его элементы удерживаются, а какие меняются; какие функции выполняют первичные группы в воспроизведении социокультурного пространства.

Социокультурные характеристики первичных групп: структура, содержание связей

Структура первичных групп определяется рядом признаков:

— люди здесь связаны непосредственными межличностными отношениями, а не специализированными нормативами, свойственными системе общественного разделения труда;

— люди на этом уровне воспринимают друг друга прежде всего как личностей, а не как носителей определенных социальных позиций и статусов (положения в обществе, должности, профессиональной роли). Соответственно в первичной группе культурная определенность (личностная идентичность) имеет для индивида более важное значение, чем функции, выполняемые в системе общественного разделения труда (социальные роли);

— отношения между членами первичной группы характеризуются интенсивной эмоциональной окрашенностью, высокой степенью доверительности, стремлением к взаимопониманию (в том числе через взаимное вчувствование, эмпатию), к прямому, непосредственному обмену культурным опытом. Этим они отличаются от функционально-ролевых групп, где доминируют эмоциональная нейтральность, регулируемость стандартными предписаниями, правилами интеракции, где взаимопонимание и доверительность строго ограничены пределами выполняемых функций;

— критерии оценки людьми друг друга в этом случае носят обобщающий интегративный характер: оценивается личность, ее человеческие свойства и качества, а не эффективность ее социально- профессионального функционирования, отношения оцениваются по степени их глубинности, эмоционального удовлетворения, которое они приносят членам группы, а не в зависимости от их социальной результативности; группа в целом оценивается с точки зрения обеспечения социальной безопасности, определенного культурного уровня, психологического комфорта, а не с точки зрения социального статуса;

— сети первичных связей — это существенные области обитания на уровне социокультурного пространства в отличие от социетально-институциональных.

Таким образом, первичные группы и социальные сети, характеризующиеся всеми перечисленными признаками, выполняют в обществе и культуре весьма важные функции, связанные с поддержанием личного и группового жизненного мира. Во-первых, разделяемые ценности, образцы поведения, взаимодействий, отношений составляют основу идентификации людей с определенной личностно-культурной категорией, с определенным сообществом. Так они формируют свое социокультурное пространство, внутренние параметры которого задаются спецификой общих черт структуры и содержания их образа жизни. Во-вторых, представление о включенности в такое пространство позволяет людям на базе своей культурной идентичности проводить социально значимые различия между собой и представителями других групп.

Эти различия закрепляются во внешне проявляемых признаках: манера одеваться, говорить, особенности поведения, времяпрепровождения, использование определенных вещей как символов групповой принадлежности — словом, все, что можно обозначить понятием «стиль жизни». Стиль жизни как явление культуры, как обобщенный показатель групповой принадлежности позволяет людям различать друг друга не просто как индивидов, но и как представителей определенных социокультурных слоев и сообществ. Соответственно речь идет о базовом социальном уровне, на котором зарождаются, формируются, поддерживаются и изменяются такие культурно-распознавательные признаки.

Структуры первичных групп различаются по степени упорядоченности. Наиболее четко организованной является семья. Семейные роли во многом определяются демографическими различиями, закрепленными в культурных формах. В идеально-типичном случае классической западной семьи они таковы. Роль мужчины как главы семьи, носителя тех нормативных начал, которые связывают ее с более широким социокультурным контекстом, обеспечивает постоянное соотнесение процессов, происходящих в семье, с критериями социального статуса, престижа, существующими в обществе. Роль женщины как хозяйки дома, организующей здесь межличностные отношения, обеспечивает внутреннюю стабильность структуры семьи, связи внутри нее и между нею и родителями и родственниками своими и мужа. Роль ребенка определяется тем, что, с одной стороны, родители несут ответственность за его подготовку к нормальной социокультурной жизни взрослого человека и потому по мере возможностей помогают ему в освоении культуры через механизмы, свойственные первичной группе. С другой стороны, осваивая элементы культуры, ребенок как человек с иными, чем у родителей, стартовыми условиями, вносит в них свои индивидуальные или характерные для поколения вариации. Тем самым он подвергает «испытанию на прочность» тради-

ционные семейные стереотипы и ценности, а также открывает родителям особенности мироощущений, представлений, намерений, свойственных представителям его поколения. Разумеется, объем функций семейных ролей варьируется в зависимости от социального положения семьи: он возрастает с движением вверх по статусной шкале. Отношения между ее членами тем сложнее по содержанию, чем выше их культурный уровень. Тем не менее базовые функции этих ролей в качестве идеальных типов можно рассматривать так, как они представлены выше.

Идеально-типические структурные характеристики других первичных групп обычно выражены не столь четко, как в семье. Так, в сети дружеских отношений, объединениях по интересам может отсутствовать иерархия в отношениях между ее членами. Здесь лидерство может либо отсутствовать, либо ситуативно переходить от одного участника к другому. Если речь идет о неформальных отношениях в формальной группе, то здесь нередко наблюдаются расхождения между позициями человека в каждой из областей. Так, при высоком социальном статусе индивид может в неформальных отношениях проявлять полную конформность к нормам и ценностям первичной группы и не стремиться нести ответственность за преодоление возникающих здесь затруднений. С другой стороны, тот, кого называют «душой общества», может быть полностью непригодным к самостоятельному решению проблем, соответствующих его формальным социальным обязанностям. В то же время бывают случаи, когда человек занимает высокое положение одновременно в обеих сферах социальных отношений.

Какие формы принимает структура первичных групп, зависит скорее от предпочтений людей, нежели от совокупности групповых функций. Дружеские отношения могут держаться как на авторитарных началах, так и на базе полного равноправия. В любительских объединениях может доминировать нормативная система, близкая к профессиональной сфере, а может существовать атмосфера игры. В неформальных контактах между членами формальных групп могут сохраняться стереотипы официального поведения, а может преобладать личностная раскованность.

Таким образом первичные группы — это социокультурные среды, в которых происходит накопление и использование культурного опыта: формирование личности, ее социокультурной идентичности, устойчивых межличностных отношений, знаков и символов групповой принадлежности, выделенности группы из более общего социокультурного пространства. Все это происходит в непосредственных взаимодействиях, актах поведения, обменах культурной информацией и эмоциями, на глазах друг у друга, при максимальном внимании к деталям. Каждый элемент активности или ее результатов проходит через селективные механизмы соотношения с

разделяемыми нормативами, с ценностями полезности для поддержания отношений, для личного удобства, удовлетворения любопытства, эстетических запросов, устойчивости или изменений и т. п. Складываясь в определенные конфигурации, соответствующие типичным для сообщества ситуациям, они объединяются в специфичные для него социокультурные образцы действий, поведения, взаимодействий, особенности стиля жизни. Таким образом формируется и поддерживается его микрокультура.

Названные характеристики не привносятся сюда специально, не налагаются извне в обязательном порядке. Но они и не составляют принципов, на которых она строится изначально. Социокультурные образцы как бы выращиваются самими членами группы по мере ее становления от стадии первичных побуждений людей к стадии устойчивой структуры межличностных отношений и связей. Участники отбирают и фиксируют как ценности те элементы культуры, которые сохраняют целостность сообщества, но в то же время не мешают личной самореализации. Отбор происходит как на рациональном, так и на неосознаваемом уровнях. В первом случае определенные микрокультурные факты являются предметами обсуждения и вербальных оценок. Во втором — позитивное или негативное отношение к ним формируется на уровне поведения и выражается в жестах, мимике, интонациях и т. п.

Трансляция и освоение элементов культуры, в том числе специфичных для первичной группы, осуществляется в ее рамках за счет действия определенных механизмов, включающихся для этих целей на уровне непосредственных межличностных контактов.

Механизмы обмена социокультурным опытом в первичных группах

Обмен культурным опытом в форме устных или письменных сообщений (нарративные формы). В этом случае члены группы рассказывают или сообщают в письмах друг другу о том, что они считают лично значимым культурным опытом, событием, представляющим интерес для других; полезными сведениями и т. п. Такого рода информация обычно передается в нарративной форме, т. е. линейно выстроенной вербализованной репрезентации последовательности переживаний, действий, событий. Основной акцент при коммуникации ставится на способе упорядочения индивидуального культурного опыта, на логике его организации. По сути дела, речь идет о преобразовании людьми собственного жизненного потока в определенные отрезки структурированных, взаимосвязанных культурно оформленных событий и фактов. С помощью таких сообщений они обмениваются информацией и получают

друг от друга подтверждение или опровержение групповой значимости своих переживаний и способов их репрезентации. Благодаря таким коммуникативным свойствам нарративные формы обмена культурным опытом выполняют в группе функцию механизма отбора и закрепления рациональных начал организации культурных элементов в целостности, соответствующие определенным разделяемым людьми состояниям и настроениям, типичным для группы ситуациям интеракции.

Обменсоциокультурным опытомвпроцессахвзаимодействия.

Взаимодействие в первичных группах можно представить в его типичных формах. Одни из них связаны с поддержанием устойчивых характеристик групповой жизни. Другие — с вариативностью совместной активности.

Поддержание устойчивых характеристик группы. К основным механизмам такого рода можно отнести следующие. Во-первых, *помощь*, когда один из членов группы оказывается не в состоянии справиться с затруднениями и ему нужен другой, который добавил бы в ситуацию дополнительные ресурсы: знания, навыки, усилия, технологические средства и т. п. Действие этого механизма обеспечивает формирование способов совместного преодоления неблагоприятных обстоятельств.

Во-вторых, *разделение функций* в процессе совместного решения житейских проблем или достижения целей. В этом случае методом проб и ошибок члены группы распределяют между собой наборы функций, каждый из которых ситуативно закрепляется за кем-то одним. Он фиксируется в форме либо вербальных высказываний, либо стереотипных реакций на типичные групповые ситуации. Благодаря этому формируется функционально-ролевая дифференциация группы, соответствующая типичным для нее стандартным и проблемным состояниям.

В отличие от системы общественного разделения труда, где каждый в идеале выполняет конечный набор четко определенных функций, ролевая дифференциация в первичных группах не отличается однозначной строгостью. В разных ситуациях одни и те же члены группы могут выполнять неодинаковые функции. Так, человек, лидирующий в ситуации, связанной с необходимостью быстрых решений и действий, может быть всего лишь исполнителем в случаях, когда доминирующей оказывается стереотипная, монотонная активность. С другой стороны, в одинаковых ситуациях разные члены группы могут быть взаимозаменяемыми. Так, в случаях внутрigrупповых конфликтов взяться за их урегулирование может любой, кто в это время оказывается готов к этому. Действие такого механизма обеспечивает, прежде всего, функциональную структуру первичной группы, пространство внутренне упорядоченной социокультурной активности.

В-третьих, *обряды и ритуалы*, которые воплощают механизм остранения реальности, делающий видимыми и придающий устойчивые и повторяющиеся формы комплексам отношений и переживаний, которые на уровне повседневного рутинного существования не замечаются и не связаны друг с другом. В их ходе воспроизводятся представления об организованности, целостности оснований сообщества. С ними в максимальной степени ассоциируется «историческое» измерение групповой жизни, преемственность поколений. Все это выражается в использовании традиционных символов групповой идентичности: предметов, жестов, слов, предпочтений, унаследованных от предшественников и имеющих для группы своего рода сакральный смысл.

Пространство вариаций совместной активности. Действие этих социокультурных механизмов связано, прежде всего, с остранением повседневной реальности. Дело в том, что хорошо отлаженная быденная жизнь обычно достаточно монотонна. Механизмы ее поддержания и регуляции работают так, чтобы предотвратить возникновение серьезных жизненных проблем. Однако, как известно из антропологии, периодическое повторение однообразных действий и событий вызывает у людей — у одних раньше, у других позже — негативную реакцию, называемую сатиацией (насыщением) или стрессом монотонии. В этом случае в действие вступает врожденный механизм, предупреждающий полное привыкание человека к формам отношений с окружением и заученным действиям. Он сигнализирует о необходимости вернуться к их исходным значениям или внести в ситуацию какие-то изменения. Эта антропологически универсальная особенность закрепилась в быденной культуре в особых формах остранения реальности.

Праздники представляют собой зоны быденного социокультурного пространства, которые обеспечивают людям возможность за счет -украшения привычной территории (жилище, общественные помещения, улицы, площади), изменения собственной внешности (праздничный имидж), диеты нарушить монотонное течение повседневной жизни и привычный облик, свой и собственной жизненной среды. Особые функции в этом отношении выполняют такие культурные формы, как карнавалы, маскарады. В подобных ситуациях перед участниками открываются возможности в известной мере выйти за пределы привычных правил этикета и дать выход спонтанным побуждениям, импровизировать в избранной маске. В контексте таких ситуаций люди в какой-то степени по-иному относятся к своему предметно-пространственному и социальному окружению. Это позволяет заметить индивидуальные особенности ставших привычными людей и мест.

Игровое пространство по острающим функциям его компонент неоднородно, и в самом общем виде дифференцируется

в соответствии с ролевыми, состязательными (азартными), лингвистическими, подвижными формами совместной активности. Обычно основное внимание уделяется играм детей и подростков. Действительно, на первых этапах жизненного цикла эта форма активности занимает одно из ведущих мест в процессе социализации в пространстве первичных групп. Однако к ней люди обращаются на протяжении всей жизни. Ролевые игры позволяют людям через механизмы подражания, вчувствования обмениваться перспективами, обращать внимание на мотивации, внутренние состояния, побуждения, представления друг друга. Более того, в силу безопасности, выделенности из рутинной функциональности, утилитарности повседневной жизни, ситуации обмена ролями, смен идентичности, шутливых вызовов обеспечивают людям возможность в остранинном виде представить друг другу привычные стереотипы поведения. Таким образом демонстрируются пределы их функциональных возможностей. Состязательные игры становятся полем относительно безопасного воспроизведения конфликтных ситуаций. В этом случае монотонность обыденной жизни прерывается ситуациями конфронтации, риска, компромисса, торга, переживаниями побед и поражений. В лингвистических играх (загадки, скороговорки, шутки, анекдоты) люди обмениваются не только знанием родного языка: показать связи между означающим и означаемым и операционализировать их (загадки, анекдоты); продемонстрировать навыки отчетливой речи (скороговорки); воочию убедиться в действии грамматических форм и пределов их лабильности (коллективное составление текстов). Такие ситуации обеспечивают также возможность обмена перспективами и остранения привычных словесных клише, стандартных манер говорения (шутки, передразнивания). Подвижные игры и танцы становятся важным инструментом, позволяющим менять привычные телесные практики, координировать друг с другом движения и пластические формы.

Важно еще раз подчеркнуть, что игры и праздники всех типов, выполняя рекреационные функции, обеспечивают остранение реальности. Они выделяют специальные ситуации, в которых обыденные отношения и предметы приобретают необычные функции, значения, смыслы, причем это зависит не столько от желания каждого, но от согласия партнеров. Такие ситуации позволяют искусственным образом вызвать определенные наборы ярких переживаний, нечасто встречающихся в рутине обыденной жизни.

Игры и праздники в детском и зрелом возрасте имеют важное функциональное различие. У детей речь идет в первую очередь об овладении культурными навыками и своими возможностями в их использовании. Взрослые в таких ситуациях проявляют навыки комбинаторики в отношении освоенных элементов культуры, бо-

лее произвольного их сопоставления и сочетания, чем это допускается в рутинных ситуациях обыденной жизни. Кроме того, периодический «сброс» устоявшегося образа повседневных паттернов активности и связей с окружением и наложение на них иных схем упорядочения (правила игры, праздничные обычаи) позволяет людям хотя бы ненадолго выйти за рамки привычного и «заново» увидеть его составляющие.

Механизмы реализации обыденных культурных форм активности в первичных группах. Выше были представлены механизмы обмена культурным опытом, специфичные прежде всего для первичных групп. Благодаря их действию отношения здесь приобретают приемлемое для людей соотношение устойчивых оснований и изменчивых черт существования сообществ, не нарушающее их культурную специфичность. Но здесь работают и другие психоантропологические механизмы, которые обеспечивают освоение и реализацию таких форм.

Подражание. Механизм подражания связан с попытками людей копировать и воспроизводить на практике внешние проявления активности друг друга: элементов и паттернов деятельности, поведения, суждений и т. п. Его включение обусловлено предпочтением, выбором таких единиц по определенным основаниям: польза, этические, эстетические соображения, экономия усилий и т. п. Через подражание происходит обмен перспективами и упорядочение интеракций, приведение индивидуальных побуждений в соответствие с принятыми в группе эталонами.

Эмпатия. Она активизирует способность людей вчувствоваться в настроения и переживания друг друга. Благодаря этому складываются разделяемые эмоциональные реакции на типичные для группы жизненные ситуации, фиксируется характерная для ее членов структура чувств. Соответственно здесь формируется своеобразное созвучие переживаний, критериев предпочтений и оценок по отношению к окружению, к элементам и воздействиям более широкого культурного контекста.

Комбинирование. Действие этого механизма побуждает членов группы к перебору используемых здесь артефактов: вещей, идей, образов, способов действий, критериев оценок — и составление из них различных композиций в соответствии с собственными желаниями, интересами, любопытством и т. п. Оно обуславливает ряд последствий для микродинамики групповой субкультуры, обеспечивая:

— необходимую степень вариативности действий, поведения, событий при сохранении структурной самоидентичности, культурной идентичности группы;

— поддержание жизнеспособных групповых норм. Путем комбинирования и оценки его результатов и последствий члены

группы прямо наблюдают границы допустимых, т. е. взаимоприемлемых вариаций действий и поведения, а также через применение позитивных и негативных межличностных санкций воспроизводят такого рода границы в качестве групповых нормативов;

— «эволюционную», постепенную модификацию содержания групповых норм под влиянием таких вариаций. Те из них, что значимы в данный период времени для поддержания целостности группы, ограничивают этот тип изменчивости, приводят ее к относительно стереотипным формам, например этикету. Те же, что утратили функциональное значение, сами становятся объектами манипулирования и произвольного комбинирования. В этом случае в нормированные области групповой культуры проникают импровизационные начала.

Импровизация. Поддержание первичной группы как социокультурной целостности предполагает наличие не только границ, нормативов, правил, стереотипов и т. п. — основных структурных элементов, обеспечивающих ее устойчивость по отношению к окружению. Столь же необходимыми для ее существования являются поля свободной самореализации людей, причем не на приватном уровне, а в присутствии и при поощрении других. Импровизация предполагает демонстративное выражение индивидуального видения явлений групповой жизни, используемых артефактов, личного своеобразия действий, поведения, необычного взгляда на вполне привычные и обыденные ситуации. Действие этого механизма проявляется также как привнесение членами группы в ее микрокультуру образов, идей, практик, критериев оценок из более широкого социокультурного контекста. Такого рода объекты соотносятся с наличными образцами, предпринимаются попытки «встроить» их в имеющийся культурный фонд группы и в используемые здесь оценочные шкалы. Соответственно часть из них оказывается приемлемой, а часть отвергается. Механизм импровизации обуславливает освоение новых возможностей собственной микрокультуры, ранее неизвестных образцов из более широкого культурного контекста. Для группы как целого его действие обеспечивает формирование специфичных для нее способов изменений, а также выделение областей микрокультуры, где изменчивость является необходимой и желательной.

Описанные механизмы реализации форм обыденной культуры носят общий антропологический характер. Однако на уровне первичных групп специфика их действия связана с формированием и изменением феноменов именно микрокультурной, а не индивидуальной жизни. На этом уровне они выполняют функцию селекции, механизма отбора, с помощью которого индивидуальные переживания приобретают интерсубъективный смысл; в стереотипы групповой жизни вносятся изменения; осуществляется доб-

ровольное заимствование образцов из более широкого социокультурного контекста.

Таким образом, в самом общем виде приведенные здесь механизмы обмена социальным и культурным опытом можно рассматривать прежде всего как обеспечивающие устойчивость общих черт группового образа жизни, культурную идентичность сообщества, воспроизведение его своеобразных характеристик. Их действие поддерживает пространство для проявления вариаций совместной активности в пределах принятых здесь норм и правил, а также внесения изменений в стереотипы действий и взаимодействий, суждений и мнений. Благодаря этим фундаментальным свойствам первичная группа представляет собой базовую, непосредственную, интимную среду существования для ее членов. Это именно среда, т. е. освоенное и подконтрольное людям социокультурное пространство, территория с установленными, поддерживаемыми границами, со слабой и контролируемой проницаемостью извне.

Внутренняя структура, упорядоченность активности, нормативные образования, свойства первичной группе, обеспечивают ее членам постоянную поддержку в самореализации, в решении индивидуальных и межличностных проблем и задач. Ненормированные области этого пространства оставляют людям возможности для индивидуальных идиосинкразических проявлений, для безопасного экспериментирования с артефактами. Иными словами, это исходное пространство порождения и освоения социокультурных феноменов, их поддержания и изменения на уровне обыденной жизни. Такие группы фиксируют распределение социокультурных «территорий» между объединениями людей на уровне сетей непосредственных межличностных связей. Они представляют собой социокультурные среды, гарантирующие относительную безопасность людям, объединяющимся, чтобы совместными усилиями контролировать более широкое и менее освоенное окружение.

Первичные социокультурные сети

Все сказанное выше относится к первичной группе как аналитической, идеально-типической единице социальности, культурной специфичности. Однако несколько раз в тексте приходилось говорить о включенности первичной группы в более широкое социокультурное пространство в связи с обсуждением поддержания ее идентичности и изменений в групповой жизни. Важность этого вопроса предполагает необходимость более подробного рассмотрения строения обыденного уровня социокультурного пространства.

Семья. В качестве прототипа первичной группы можно рассматривать нуклеарную семью, состоящую из мужа, жены и ребен-

ка. Значимость семьи для поддержания социокультурной жизни заключается в том, что она является первоначальной единицей, по структуре и функциям необходимой и достаточной для воспроизведения культурных форм социальности. Вступая в брак, мужчина и женщина объединяют ранее полученные в своих семьях образцы и навыки семейной жизни и на их основе строят собственный дом. Таким образом удерживаются и воспроизводятся некоторые традиционные характеристики культуры семейных отношений, с одной стороны, и их модификация за счет проявления индивидуальных особенностей каждого из супругов — с другой. Ребенок здесь впервые осваивает элементы социокультурной реальности через отношения с родителями, через их атмосферу. Таким образом он приобретает навыки взаимодействий и коммуникаций и соответствующие знания. Отношения со взрослыми как с более сильными дают ему представление о социальной иерархии, о преимуществах и издержках различных позиций в ее рамках. Жизненный опыт родителей, их неизмеримо больший объем знаний, навыков по сравнению с ребенком на начальных стадиях социализации знакомит его с действиями механизмов контроля над окружением. Система поощрений и наказаний, используемых в семье, позволяет ему на практике включиться в отношения «власть — подчинение». Тесные эмоциональные связи в семье, непосредственность контактов обеспечивают ребенку возможность развития эмпатических способностей, языка чувств.

В семье представлены фундаментальные социально-демографические различия: между мужчиной и женщиной, мужскими и женскими ролями; между поколениями и культурными позициями взрослых и детей. В рамках этой социокультурной единицы осуществляется совместное хозяйство. Она имеет свое пространственное воплощение — принадлежащие ей территории, помещения, вещи; положение в обществе. Через элементы образа жизни ее члены фиксируют социальное, значимое для них время. Иными словами, здесь можно обнаружить набор предпосылок, необходимых для освоения и воспроизведения исходных социально значимых знаний и навыков, основных элементов социокультурного опыта.

Родственные связи. Обычно семья не ограничивается нуклеарной формой. У супругов, как правило, сохраняются связи с собственными родителями, братьями, сестрами, другими родственниками. Они образуют первый круг социокультурных сетей, порождаемых тесными межличностными отношениями. На этом уровне осуществляется действие семейных традиций. Одновременное сосуществование и постоянное или периодическое взаимодействие представителей трех, а то и четырех поколений, связанных родственными узами, со специфичными для них культурно установленными образцами интимных отношений, позволяет последователь-

но передавать семейные ценности, нормы, стереотипы поведения, действий, а в определенных случаях социальное положение, престиж от поколения к поколению, от старших к младшим, от прямых ветвей к боковым.

Включенность различных членов семьи в разнородные группы принадлежности — профессиональные, дружеские, ассоциации по интересам и т. п. — существенный фактор ее обеспечения многообразной культурной информацией как общего, так и специализированного, например, профессионального, конфиденциального характера. В ходе взаимодействия и обмена такого рода информацией приняты здесь нормы, правила, стереотипы поведения и отношений подвергаются постоянной проверке «на прочность». Те из них, что оказываются устойчивыми организационными принципами по отношению к изменениям окружения, составляют то, что входит в понятие семейных традиций. Те же, что проявляют слабую организационную эффективность, необоснованность, адаптационную несостоятельность, начинают подвергаться сомнению, считаться необязательными и образуют такие слабые места в структуре семейных нормативов, которые разрушаются под напором внешних и внутренних воздействий и открывают каналы для проникновения новых культурных образцов.

В этом контексте работают механизмы сохранения и изменения традиционных семейных устоев от поколения к поколению. Те из них, которые держатся на переживаемом жизненном опыте, общем для всех их представителей, — это могут быть устойчивые черты общесоциальной ситуации (стабильность или кризис в обществе); состояния самой семьи (бедность или богатство, концентрация в одном месте жительства или рассеянность в географическом пространстве); повторяющиеся ситуации (праздники, ритуальные контакты, конфликты и т. п.) — скорее всего и сохраняются при трансляции от старших поколений к младшим. Те же устойчивые черты, которые более используются как символы, демонстративные признаки принадлежности к семье, или же удерживаются по привычке, утратив свои адаптивные свойства или связь с непосредственными переживаниями, становятся объектами изменений, порождаемых младшими поколениями. Для их представителей такие действия, суждения, связи и т. п., которые не созвучны их опыту, не имеют непосредственной значимости, личного смысла, кажутся ненужными, лишними, устаревшими и т. п. Соответственно молодые пытаются преодолеть такие семейные стереотипы, установить какие-то более приемлемые для себя порядки в отношениях и взаимодействиях с родственниками.

За счет включенности членов семьи в иные группы она приобретает второй круг социальных связей — друзья — и третий — знакомые. Разделение этой зоны социальных сетей на друзей и

знакомых имеет важный теоретический смысл для изучения обыденного социокультурного пространства. Дело в том, что в первом случае отношения обычно носят более открытый, эмоционально более глубокий характер, чем во втором. В дружеских отношениях допускается высокая степень импровизационности, культурного экспериментирования, игры, тогда как связи, обозначаемые понятием «знакомые», носят более ролевой, формальный характер, они более поверхностны и эмоционально более нейтральны.

Дружеские связи. По отношению к динамике семейных отношений дружеские связи выполняют важные функции. Во-первых, члены семьи проверяют в этом контексте те позиции в межличностных отношениях, которыми они овладели в семье, — лидера, опекаемого, баловня, пассивного исполнителя и т. п. Друзья либо позволяют индивиду сохранять приобретенные в семье стереотипы поведения в ситуациях взаимодействия, либо побуждают изменить их. В первом случае личность укрепляет свою полученную идентичность, тогда как во втором ей приходится либо выбирать новую, искать свое место в этой дружеской группе, либо переходить в другую.

Во-вторых, члены семьи привносят в ее микрокультуру опыт, освоенный в дружеских группах. Это могут быть новые навыки действий и поведения, иные критерии оценок социокультурных феноменов, новая информация и т. п. Они могут приниматься или отвергаться родными, однако оказывают определенное влияние на отношения в семье, на течение повседневной жизни в ее рамках.

В-третьих, в дружеских группах члены семьи могут компенсировать дефицит переживаний, впечатлений, информации, неизбежно существующий в ограниченном родственном кругу. Среди друзей обычно допускается больше импровизаций, экспериментирования с объектами культуры, попыток переоценки общепринятых ценностей и т. п., чем в рамках семьи. Ведь она строится как такая единица обыденного социокультурного пространства, где текущие процессы по мере возможностей подчиняются соображениям целесообразности и экономии усилий, т. е. являются максимально рутинизированными. В дружеских же группах при наличии разделяемых норм и ценностей, символических ритуальных элементов поведения важную роль играют вариации совместных форм активности, обмен новой информацией, обсуждение индивидуальных переживаний и впечатлений, социально значимых событий и проблем.

В зависимости от характера семейных отношений дружеские связи членов семьи могут способствовать либо их поддержанию, либо разрушению. Чем ближе ценностные ориентации друзей к общим для всех членов семьи представлениям, тем в большей степени можно ожидать их укрепления. Чем значительнее расхождение между разделяемыми семейными и групповыми ценностями и

чем большую компенсаторную роль для кого-то из семьи играет эта группа, тем больше дистанция между ним и остальными родственниками.

В-четвертых, дружеские группы становятся источниками социальной защиты, поддержки, помощи для семьи, когда в ней возникают серьезные проблемные ситуации. В таких случаях друзья помогают советами, реальными действиями, деньгами; они подключают к решению таких проблем своих знакомых, которые могут не иметь прямых отношений с этой семьей. Таким образом, семейные и дружеские отношения образуют наиболее плотную и прочную сеть первичных социокультурных связей. Здесь постоянно происходят процессы использования, проверки на пригодность, изменения, отвержения, отбора артефактов, составляющих содержание повседневной жизни людей. В этих пределах воспроизводятся, укрепляются, контролируются границы социокультурных «пространств», которые объединившиеся люди считают своими. Это контекст для утверждения и поддержания признаков и символов групповой идентичности.

Особый интерес представляют случаи, когда дружеские и семейные группы состоят из представителей сходных или близких профессиональных областей, в первую очередь тех, что связаны со сложной культурной деятельностью (политикой, искусством, наукой и т. п.). В этом случае весьма условной становится граница между обыденными и специализированными уровнями повседневной жизни таких людей. В подобных семьях и дружеских группах рабочие проблемы становятся предметом постоянного обсуждения. Специфика первичных отношений позволяет людям в свободное время относиться к объектам профессиональной деятельности как к элементам своеобразных интеллектуальных игр, ставить их в необычные символические условия, смещать их ценностные приоритеты, словом, обращаться с ними так, как не позволяют правила в официальных или стандартных рабочих ситуациях. Соответственно первичные сети приобретают свойства механизмов резонанса индивидуальных побуждений к изменениям, культурному экспериментированию за счет доброжелательного интереса и любопытства ближайшего окружения к тому, что может получиться, и компетентности этих людей в оценке результатов изменения и его последствий для специализированного уровня культуры.

Образуется совершенно своеобразная среда, где ее элементы порождаются и осваиваются в системе абсолютно неформальных, близких, эмоционально окрашенных отношений между людьми, объединенными не только взаимной симпатией, но и общими профессиональными интересами. Такого рода первичные сети выполняют в культуре весьма важные функции. Во-первых, они являются теми социокультурными пространствами, где научные, политиче-

ские, религиозные идеи, художественные образы и т. п. существуют не в отчужденной форме, но являются «естественным» языком тех, кто их порождает, которым они привычно пользуются для выражения своих мыслей и переживаний. Иными словами, где специализированная деятельность составляет основное содержание повседневной жизни людей. Во-вторых, они образуют среды для формирования и освоения культурных изменений и инноваций. Ведь чувство безопасности, обеспечиваемое первичными группами, побуждает людей, привыкших ставить и решать сложные проблемы, к более смелым экспериментам с артефактами, чем это допускается на их рабочем месте. Кроме того, большая открытость отношений в первичных группах, состоящих из профессионалов, позволяет тому, кто сделал или нашел что-то необычное, без опасений представить это родным и друзьям и обсудить возможную судьбу изобретения или открытия. В-третьих, благодаря накоплению сложного профессионального опыта, переживаемого как основное содержание индивидуальной и групповой жизни, такие области социокультурного пространства становятся местом высокой концентрации культурного потенциала. Чтобы стать членом такой группы, человеку приходится осваивать необходимые и весьма сложные знания и навыки, доказать свою подготовленность к равноправному участию в жизни группы. Иными словами, подобные среды можно рассматривать как области формирования культурных элит.

Связи по интересам. Следующий уровень социальных сетей составляют свободные ассоциации людей, объединяющихся в соответствии с общими культурными интересами. Речь идет не об экономически-политических интересах, поскольку это предмет особого рассмотрения. Имеются в виду совместные развлечения — любительские занятия искусством, техническими изобретениями, коллекционирование, путешествия, другие формы проведения досуга; а также различного рода общественно полезная непрофессиональная деятельность — благотворительность, волонтерство, добровольное социальное участие и т. п. Между членами таких групп складываются довольно близкие, доверительные отношения, которые со временем могут сочетаться с дружескими, семейными; однако это совсем не обязательно. Хотя в этом случае можно, безусловно, говорить о первичных группах, они по своим нормам и предпочтениям существенно отличаются от первых двух представленных типов. Они значительно менее полифункциональны, а их микрокультура намного проще, из-за специальной ориентированности на реализацию совершенно конкретных целей. Разумеется, их неформальный характер обуславливает то, что межличностные отношения являются здесь дополнительной самоцелью. Однако и они выстраиваются прежде всего вокруг предметов общего интереса, поэтому нормы и правила взаимодействий здесь не особенно сложны.

Влияние таких групп на глубинные культурные процессы не так уже велико, поскольку их функции совершенно очевидно компенсационные: люди реализуют здесь свои однонаправленные интересы, восполняют дефицит коммуникации и активности, возникающий на работе и дома, заполняют свободное время удовлетворяющим их образом. Иногда объединения по интересам точно соприкасаются с «творческими» субкультурами: встречи с представителями культурных элит у любителей искусства; контакты с искусствоведами, историками у коллекционеров и т. п. Однако в большинстве случаев их члены имеют дело с культурными образцами, созданными профессионалами, и практически ничего нового в них не привносят. Тем не менее такие группы представляют определенный интерес как носители культурных традиций.

Круг знакомых. Еще более далеким от ядра тесных межличностных связей является круг знакомых. Отношения такого рода могут поддерживаться длительное время, но в форме спорадических или же ритуальных (например, поздравления с праздниками) контактов. Благодаря ним происходит обмен общей или специальной информацией — либо обязательной, либо необязательной, либо по особому случаю, — когда к знакомому обращаются, чтобы получить от него сведения, которыми он располагает в большей степени, чем представители более близкого окружения. По-видимому, можно рассматривать отношения такого рода не только как механизм трансляции культурной информации, включающийся по мере необходимости. Они служат также воспроизведению ролевых отношений на уровне обыденной культуры. Ведь обычно знакомые поддерживают связи как представители определенных социальных позиций, а не как индивидуализированные личности. Соответственно на этом уровне не принято обсуждать сугубо личные, семейные проблемы, но разговоры строятся вокруг лично нейтральных тем: события политического, художественного характера, общие вопросы обыденной жизни и т. п. Отношения между знакомыми не являются официальными, но их нельзя назвать близкими. Обычно в культуре существуют определенные стандартные признаки дистанции и формы контактов такого рода, например, стереотипы обращения, обмена репликами при случайных встречах, поддержания связей во времени.

По отношению к первичным группам с тесными межличностными связями среда знакомых выполняет важные функции. Во-первых, в ней складывается, поддерживается и меняется общественное мнение о том, насколько в обсуждаемых на этом уровне первичных группах соблюдаются социокультурные нормы, насколько они социально полезны, либо интересны. Таким образом они идентифицируются, классифицируются, оцениваются в более широком социокультурном пространстве и вследствие этого стано-

вятся социально значимыми его областями. Во-вторых, в этой среде складывается и поддерживается социальный статус и престиж определенных, фиксированных совокупностей первичных групп, т. е. здесь формируются общие представления об имеющемся в обществе социокультурном расслоении. В-третьих, эта среда является своеобразным медиатором между первичными группами с тесными межличностными отношениями. Представители групп, между которыми нет контактов, всегда при надобности могут найти возможность установить их через общих знакомых, которые, как правило, обнаруживаются внутри одних и тех же, либо в близких друг к другу слоях.

Таким образом, рассматривая социокультурные механизмы поддержания или изменения артефактов и общественных отношений важно определить, в каких сетях социальной коммуникации происходит обмен информацией лицом к лицу. Ведь именно в этой среде действует традиция, т. е. передача культурного опыта, что называется «из рук в руки, из уст в уста», и, следовательно, здесь воспроизводятся нравы, обычаи, обыденные образцы, нормы, привычки. В этой же среде зарождаются вариации культурных черт, а в некоторых ее точках и культурные инновации. Действие механизмов освоения и трансляции культурной информации обуславливает либо социальное санкционирование, либо отвержение культурных изменений.

Было показано, что идеально-типический набор общностей, обеспечивающий возможность первичных межличностных связей, относящихся к воспроизведению обыденного социокультурного пространства, имеет определенную форму. Ядро таких отношений составляет семья; к ее первому кольцу окружения относится сеть дружеских связей; второе образуется свободными ассоциациями людей по интересам; третье — знакомыми. Эта форма обусловлена различиями в тесноте, частотности, интенсивности связей между людьми: по мере движения от центра к периферии величина всех названных переменных убывает.

Контрольные вопросы

1. Концепция первичных групп: характеристики социальных связей.
2. Механизмы трансляции социокультурного опыта в первичных группах.
3. Механизмы освоения культурных форм активности в первичных группах.
4. Концепция первичных социокультурных сетей.

г Глава 2. Обыденный и институциональный уровни

Энциклопедия пространства: характер взаимосвязи

Обыденный уровень социокультурного пространства был аналитически выделен для того, чтобы провести различие между специализированной деятельностью, объединяемой системой общественного разделения труда, и повседневным существованием людей за пределами этой системы. Некоторые классы феноменов этого уровня концентрируются в определенных социальных локусах (семейные, неформальные связи), но по большей части они рассредоточены в различных институциональных областях, заполняя их структурные элементы индивидуальными и групповыми пристрастиями, межличностными отношениями, обыденными представлениями и суждениями. Зоны обыденного социокультурного пространства порой сложно отделить от институциональных. Этому способствует и тот факт, что явления первого рода массовы, повседневны, нерелексивны, незамечаемы. Тем не менее при изучении социокультурной микродинамики это различие следует проводить, поскольку связь обоих уровней всегда является внутренним источником и регулятором соответствующих процессов.

Понятие «обыденная жизнь», или «повседневная реальность», объединяет разнородные явления и используется скорее как образ, чем как научная категория. Поэтому перед тем как перейти к обсуждению темы, необходимо сделать несколько методологических уточнений. Во-первых, понятие «обыденное социокультурное пространство» используется для разграничения социетальных и локально слоевых и групповых институциональных аспектов и форм социокультурной жизни. Такое разграничение особенно удобно проводить по отношению к современному развитому обществу. Во-вторых, понятие пространства обыденной, приватной жизни можно считать частным по отношению к более общему и более философскому — «повседневная реальность», обозначающему ординарное, привычное течение социокультурной жизни. Такое разведение является важной аналитической процедурой. С ее помощью удается обнаружить и объяснить движение от нерелексивных, синкретичных аспектов совместной жизни людей к дифференциальным и оторефлексируемым в ходе непосредственных взаимодействий, а не только благодаря экзистенциальным прорывам. В-третьих, признавая специфику обоих уровней социокультурного пространства, следует постоянно иметь в виду их взаимопереходы, которые правомерно считать одним из важных источников социокультурных изменений.

Структура обыденного уровня культуры пространства

Обыденная область социокультурного пространства имеет определенную пространственно-временную локализацию. Места, где протекает повседневная жизнь, в нем сегодня специально установлены. Между ними и местами профессиональной деятельности проведены различного рода пространственно-временные границы. Каждое из них соответствует особым видам обыденных отношений, действий, поведения. В домашних условиях реализуются семейные, родственные и дружеские отношения. В школах, высших учебных заведениях, а также на рабочем месте поддерживаются неформальные отношения в коллективе. Для связей по интересам существуют специальные объединения. В публичных местах — театрах, музеях, концертных залах, а также на собраниях, съездах, фестивалях и т. п. — происходят организованные встречи как знакомых друг с другом, так и незнакомых людей. Наконец, улицы и общественный транспорт, учреждения бытового обслуживания — это места их случайного скопления. Пребывание в некоторых из жизненных пространств независимы от индивидуального выбора людей — по крайней мере в определенные периоды жизни. Так, ребенок долгое время живет в доме родителей, его помещают в детские учреждения, не считаясь с его личным желанием. Неизбежны столкновения людей на улицах, в общественном транспорте, в учреждениях бытового обслуживания, таких как магазины, поликлиники и т. п. Однако целый ряд мест пребывания индивид выбирает сам. Например, он может предпочесть то или иное специальное учебное заведение, место работы, публичного пребывания. Даже те пространства, где столкновения людей неизбежны, предполагают некоторый диапазон альтернатив для индивидуального выбора. Каждый может предпочитать одни виды транспорта или учреждения бытового обслуживания другим, в особенности в современных урбанизированных условиях.

Локализация обыденной жизни тесно связана с реализуемыми в каждом из пространств формами интеракций, а следовательно, их структурами. Так, в домашних условиях осуществляются домашнее хозяйство, межличностные отношения семейного, родственного, дружеского характера, первичная, неформальная социализация младших поколений. В этих условиях люди восстанавливают физические силы за счет еды и сна, осуществляют уход за собой, реализуют домашние формы досуга, такие как чтение, пользование средствами массовой информации, самостоятельное ремесленничество, игры. Дом — это постоянное место для приватной жизни, предполагающее сложную и разнообразную активность. Поэтому структура домашних отношений многомерна, а ее динамика обусловлена жизненным циклом семьи, с одной стороны, и числом

внешних для нее межличностных и информационно-культурных связей — с другой.

Рабочее место предназначено прежде всего для выполнения социально значимых функций; их выполнение в принципе тем эффективнее, чем жестче выстраивается у работников круг прямых контактов в процессе их деятельности. Однако при высокодифференцированном разделении труда сегодня вся профессиональная деятельность носит коллективный характер; многие ее виды требуют длительного совместного пребывания людей на рабочем месте. Естественно, что в дополнение к функциональным связям здесь возникают неформальные межличностные отношения различной степени интенсивности — от дружеских до совсем поверхностных. Эти элементы обыденной культуры встраиваются в производственные структуры и в известной мере определяют их динамику, способствуя или препятствуя их соответствию функциональным задачам. Неформальные отношения в профессиональной сфере продолжительны и имеют устойчивую форму благодаря тому, что производственная деятельность занимает существенную часть жизненного цикла современных людей. Причем их строение достаточно сложно благодаря множественности профессионально обусловленных контактов, а также внутренней логике динамики.

Связи по интересам осуществляются в институциональных формах клубов, обществ, ассоциаций. Поскольку центром объединения людей в этом случае является общий предмет интересов и соответствующая деятельность — коллекционирование, тот или иной вид спорта, увлечение техникой, искусством, наукой на любительском уровне и т. п. — обычно отношения здесь достаточно формализованы и даже в какой-то степени приближаются к профессиональным. Правда, объединения по интересам в отличие от профессиональных единиц строятся и поддерживаются на целенаправленной деятельности в такой же мере, как и на межличностных отношениях. Благодаря этому и устойчивости во времени их структура сложна и подвижна, они развиваются во времени, хотя и в пределах предмета общего интереса.

Публичные места, где происходят встречи как знакомых между собой, так и незнакомых людей, обычно предназначены для однотипных событий. Музеи, выставки, концертные залы, театры и т. п. обеспечивают доступ широкой публики к профессиональному искусству. Собрания, съезды дают возможность лично познакомиться друг с другом представителям различных профессиональных сфер культуры. Кафе, рестораны, парки посещаются для того, чтобы «побыть на людях». Во всех местах пребывание обычно кратковременно, и на этот срок поддерживаются свои, простые формы отношений, при которых участники ситуаций не мешают друг другу, но в то же время имеют возможность «людей посмотреть и себя

показать». Поэтому сдержанность поведения здесь обычно сопровождается демонстрацией своей причастности к моде.

Наконец, улицы, городской транспорт, учреждения бытового обслуживания — это места постоянных скоплений случайно встречающихся людей. Поскольку такие столкновения неизбежны, они имеют относительно устойчивую структуру, обусловленную специальными правилами и предписаниями, облегчающими пребывание людей в соответствующих ситуациях. И коль скоро речь идет о случайных совокупностях людей, эти правила достаточно просты, однозначны и общеобязательны.

Выделяя пространственно-временную локализацию обыденной жизни, подробнее остановимся на тех формах активности, которые осуществляются в каждой из перечисленных ситуаций. В домашних условиях поддерживаются и воспроизводятся непосредственная жизненная среда, первичные межличностные связи, компенсируются затраты энергии, происходящие в профессиональной деятельности. Место работы расширяет круг контактов людей. Здесь сталкиваются представители различных социокультурных слоев, складываются различные структуры неформальных отношений, благодаря которым происходит обмен не только профессионально, но и социально значимой культурной информацией неспецифического характера. В объединениях по интересам происходит более глубокое освоение определенных культурных ценностей. В этих ситуациях деятельность и взаимодействие участников направлены на личностное развитие. Публичные места обеспечивают возможность получить социально значимую информацию специфического характера. Учреждения культуры и собрания в этом случае представляют собой связующее звено между специализированными и обыденными областями культуры, канал, по которому результаты профессиональной деятельности распространяются в более широкий социокультурный контекст. Рестораны, парки, праздничные гуляния дают людям возможность увидеть внешние признаки социокультурного расслоения. Это же характерно для пребывания на улицах, в транспорте. Улицы также благодаря афишам, объявлениям, рекламе становятся источником социально значимой информации. В учреждениях бытового обслуживания люди приобретают товары и пользуются услугами. Через такие учреждения осуществляется распространение продуктов производства и услуг в повседневную жизнь, т. е. связь между экономической и обыденными областями социокультурного пространства.

Трансляция и освоение общекультурной информации

В совокупности обыденные формы социальности и их пространственно-временная локализация образуют устойчивые ком-

поненты приватной среды, определяющие внерабочую структуру образа жизни людей. Она обусловлена распределением времени и усилий на участие в перечисленных выше типах действий и отношений, в формах обмена социально значимой информацией различного качества.

Разумеется, такое участие предполагает, что члены общества обладают соответствующими знаниями и навыками, которые, как говорилось ранее, неспецифичны по сравнению с профессионально необходимыми. Обыденное знание в сопоставлении со специализированным характеризуется неспецифичностью, синкретизмом, ярко выраженной оценочной компонентой. Единицей их анализа принято считать представление. Эта социально-научная категория позволяет описывать когнитивный слой обыденной жизни, который пересекается со сферой профессиональной деятельности.

Обыденное знание приобретается через особые институты, к которым в первую очередь следует отнести воспитание и общее образование, средства массовой информации, искусство и игру.

Институты общего образования. Социокультурные институты воспитания и общего образования представляют собой своеобразные хранилища неспецифичного знания и механизмы его трансляции из поколения в поколение. В домашних условиях можно говорить об обычаях, связанных с социализацией в различных социокультурных группах. На социальном уровне наиболее показательным институтом является общеобразовательная школа. Школьные программы выстраиваются с намерением дать людям некоторые общие представления о мире, о своей стране, о культурных ценностях, о нормах социальной жизни. Естественно, что для столь обширной программы срок школьного обучения оказывается относительно малым. Поэтому в процессе обучения приобретаются наборы разнородных и общих представлений, которые служат самыми первичными и приблизительными ориентирами в социокультурном пространстве.

В школе приобретаются также определенные навыки поведения и интеракций в официальных и неформальных институциональных ситуациях, представления о культурных идентичностях. Эти навыки являются социально значимым дополнением к опыту интимных контактов, приобретаемому в семье. Здесь осваиваются представления о социокультурных статусах, ролях, нормах и санкциях. Их непосредственное воздействие в коллективе в системе отношений «учитель — ученик» и сверстников друг с другом позволяет человеку видеть себя глазами других, благодаря чему определенные способы организованной активности, оценочные критерии закрепляются в социально приемлемые привычки и стереотипы поведения, в определенные культурные идентичности. Таким образом, в результате школьного обучения приобретаются самые

общие представления об окружении без навыков оперирования его элементами, а также конкретные навыки поведения в рамках институциональной организационной структуры без их специального осмысления. Такое положение дел восполняется за счет иных источников жизненного опыта.

Средства массовой коммуникации. Важным источником неспецифического знания в современном обществе являются средства массовой коммуникации. Печать, радио, телевидение, кино обеспечивают людям широкое и разнообразное информационное поле, содержащее множество областей, различных по характеру сведений, представляемых в разных формах. Пространственно-временные границы этого поля постоянно меняются за счет перемещений фокуса внимания, обусловленных отношением людей к текущим социокультурным событиям. Средства массовой коммуникации выполняют в обществе функции своеобразного полиэкрана, на который проецируются социально значимые события, сведения, оценки. Разумеется, через этот канал транслируются в самый широкий социальный контекст и результаты деятельности, осуществляемой в рамках социетальных институтов. Однако они для распространения этими средствами особым образом трансформируются: специализированная информация доводится до уровня доступности для непрофессионалов. В самом общем виде такой процесс можно назвать популяризацией. Обычно на этом уровне опускаются все тонкости рассуждений и доказательств, приводящие специалистов к определенным выводам, и относительность этих выводов. В результате специализированное знание, относительное и изменчивое по самой своей природе, приобретает в сфере массовой коммуникации вид законченных формул, афоризмов, предписаний. В таком виде оно становится широко доступным каждому современному человеку и служит источником обыденных представлений о мире, в котором он живет.

Средства массовой коммуникации сегодня универсальны, но выбор из представляемых ими сообщений обусловлен групповой принадлежностью людей и их индивидуальными предпочтениями. Поэтому равный доступ к информационным каналам не означает унификации социального распределения обыденного знания. Представители различных социокультурных групп по-разному воспринимают и интерпретируют даже одни и те же события. Они ориентируются на поиск информации о разных сферах культуры: о политике, об искусстве или о спорте и т. п. Они оказывают предпочтение определенным формам подачи материала. Наконец, они неодинаково усваивают и запоминают транслируемые сведения. Так что неспецифическое знание, полученное с помощью такого рода каналов, качественно неоднородно не только в разных социокультурных группах, но оно своеобразно и у каждой личности.

Благодаря школьному обучению и средствам массовой коммуникации люди, таким образом, приобретают социально установленный необходимый набор общекультурных знаний. Эти социокультурные институты помогают людям приобрести информированность о собственном окружении, представленном в различных масштабах. Однако знание подобного типа не является единственным видом опыта, приобретаемого в рамках обыденной культуры. Есть еще то, что обычно называется пониманием, и что в самом общем виде можно определить как существующее наряду с информированностью о фактах умение интерпретировать их смысл или оперировать ими в более или менее широком культурном контексте. Понимание — наиболее непосредственный опытный процесс. На этом уровне представления, умозаключения и последующие действия формируются иными путями, нежели при «сборе информации». Но несмотря на крайнюю индивидуализированность понимания существуют особые области социокультурного пространства, доступные практически каждому члену общества, где этот опыт формируется и развивается для нужд повседневной жизни. Это домашнее воспитание, игра, искусство, религиозная практика. Домашнее воспитание имеет сегодня минимальную общесоциальную институционализацию; игры передаются в культуре от поколения к поколению благодаря четко зафиксированным правилам и, таким образом, носят характер традиционных культурных институтов; искусство в современном обществе представлено в специально установленных, общезначимых, институциональных формах. Религиозная практика осуществляется как в семейных условиях, в индивидуальных формах, так и в общезначимых, институциональных.

Домашнее воспитание. Воспитание в домашних условиях обеспечивает человеку знания и навыки, необходимые для жизни в непосредственном окружении. Люди научаются здесь обращаться со своей предметной средой, поддерживать глубинные эмоциональные отношения с другими, понимать их. Здесь формируются первоначальные представления личности о самой себе. В отличие от школьных общих знаний и неотрефлексированных навыков, в семье приобретает типичное для определенных групп знание о социальном расслоении, осваиваются локальные обычаи, нравы, моральные нормы. Практические навыки приобретаются на фоне тесных эмоциональных отношений, способствующих не только их освоению, но и пониманию.

Следовательно, помимо того, что неспецифичные знания и навыки, полученные в школе и через каналы массовой информации, с одной стороны, и в семье — с другой, относятся к разным социокультурным областям, они различаются по глубине интериоризации. Освоенное в непосредственном опыте представляется человеку более достоверным, органично влетается в его образ жизни,

удерживается дольше и в большей мере определяет его действия, чем то, что он узнает в форме сведений, поучений, принимаемых на веру готовых формул. Это важно учитывать для определения того, какими знаниями и навыками люди будут пользоваться в различных социально значимых ситуациях на быденном и профессиональном уровнях,

Но овладение знаниями и навыками, необходимыми для оперирования предметами повседневного обихода и участия в первичных группах, недостаточно для адекватной включенности в быденную жизнь. Представленные выше структуры составляющих ее отношений между людьми свидетельствуют о том, что речь идет о многомерном и значительном по объему пространстве. Поэтому быденный опыт носит не только конкретный практический утилитарный характер, но и более обобщенный, приобретенный на базе понимания.

Игра. Определенный класс таких знаний и навыков формируется в игре. При освоении окружения игры способствуют не только приобретению определенных навыков поведения, но и остранению реальности, когда привычные повседневные явления вдруг замечаются и приобретают особый смысл. В сферу игры люди вступают в раннем детстве и обучаются оперированию предметами не только как физическими, но и как символическими объектами. В этих процессах осваиваются и познаются их личностные и социальные смыслы предметов, их полифункциональность, ценностные свойства. Существуют типы игр, в которых человек получает возможность выйти за рамки стереотипов своей непосредственной жизни — это ролевые игры, передразнивания, розыгрыши и т. п. Участие в них может служить подготовкой к расширению индивидуального ролевого набора или же компенсацией желаемого, но почему-либо не достигнутого.

Другой тип игр, который условно можно назвать состязательным, связан с достижением (например, спортивные, азартные), они развивают способности человека строить тактику и стратегию своего поведения в напряженных ситуациях взаимодействия. В этом случае тренируется умение по минимальным признакам уловить намерения партнеров, в кратчайший период времени адекватно оценить ситуацию и отреагировать на нее, экономить собственные ресурсы.

Игры типа загадок, головоломок, рифмования способствуют развитию способности к познанию и наиболее тесно связаны с феноменом остранения быденной реальности. С их помощью люди тренируют память, наблюдательность, проникают в структуру логических построений и т. п.

В последние годы получили распространение компьютерные игры, которые объединяют признаки всех перечисленных выше

типов игр. Благодаря изобразительному ряду, программному обеспечению компьютер моделирует игровую ситуацию, по сложности и неопределенности приближенную к реальности. Соответственно играющие могут научиться действовать в сложных жизненных обстоятельствах. Однако нередко пребывание в виртуальном пространстве становится способом уходить от решения личностных проблем, испытывать сильные эмоции вне контактов с другими людьми.

Разумеется, знания и навыки, полученные опытным путем во всех этих случаях, имеют достаточно узкий диапазон: они ограничены принятыми в определенных социокультурных группах формами игр, а приобретаемый культурный опыт прямо зависит от индивидуальных способностей и склонностей. И в то же время все освоенное личностно воспринимается как достоверное благодаря непосредственно чувственному характеру. Развиваемые в игре знания и навыки люди могут переносить из игровых ситуаций в иные — как бытовые, так и связанные с профессиональной деятельностью.

Эстетические объекты. Специализированной областью социокультурного пространства, развивающей навыки понимания ©кружения в наиболее широком для обыденной жизни объеме, является искусство. Из всех социокультурных кодов оно наиболее тесно связано с повседневной жизнью. С одной стороны, здесь обыденная жизнь в наибольшей степени, чем в других кодовых системах, становится предметом осмысления. С другой стороны, профессиональное искусство включается в обыденную реальность в наибольшем количестве институционализированных форм: учреждения культуры, специально предназначенные для его восприятия (театры, концертные залы, музеи и т. п.); средства массовой информации, в том числе реклама; архитектурные сооружения, ландшафтная и парковая архитектура; объединения художественной самодеятельности; современный фольклор; общественные и домашние интерьеры; производственная и бытовая дизайн-продукция. Все эти формы обеспечивают людям широкое и разнообразное поле реализации и развития способности к эстетическому переживанию, накопления соответствующих знаний и навыков.

Их характер определяется специфичной для искусства образной формой построения отношений с окружением. В пределах этой области социокультурного пространства художники и публика воспринимают реальность в соответствии с особыми правилами. В произведениях искусства, даже самых обобщенных, образы достаточно индивидуализированы. Опыт их восприятия развивается у человека умение увидеть и понять общее в индивидуальном. Сколь бы реалистичными ни были работы художников, они благодаря специфике языка искусства представляют мир в условной, остранинной форме. Такого рода опыт отношений с окружением

помогает человеку структурировать и развивать свою способность по-разному видеть одно и то же, выделять необычное в привычной жизненной среде. Наконец, каждое произведение искусства есть целостность, выстроенная в соответствии с законами композиции, основанными на эстетических переживаниях. Осваивая эти целостности, люди «тренируют» способность «конструировать» свою культурную среду, а не просто пребывать в ней.

Религия. Специализированной областью культуры, столь же тесно, как и искусство, связанной с обыденной жизнью, является религия, которая основана на свойстве людей принимать без доказательств определенные представления и утверждения. Такая вера служит почвой для распространения религиозных переживаний, совершения особых культовых действий, поведенческих актов, объединяющих людей, упорядочивающих их отношения с миром и связь между собой. В этих пределах верующему предлагается определенная «картина мира», основания которой сакральны, т. е. не подлежат сомнению, будучи заданными свыше. Принимаемые на веру, они обеспечивают множеству людей принципы жизненной философии, истолкования типичных социальных и индивидуальных ситуаций. В религиозной практике люди руководствуются эталонными образцами, нормами и правилами поведения в обыденных ситуациях, построения образа жизни, решения жизненно важных проблем.

Таким образом, религия, как и искусство, оказывается тесно связанной с повседневной жизнью, но задающей предпосылки для ее морально-нормативного, а не эстетического упорядочения. Последнее здесь служит лишь дополнением к духовному опыту. Религиозные практики санкционированы самым высшим священным авторитетом. Именно поэтому здесь ярко выражены дидактические, императивные, этические начала, организующие обыденную жизнь верующих.

Социальное распределение культурного опыта. Все перечисленные навыки служат людям для освоения окружения не только через информированность о нем, но и через понимание. Общеобразовательная школа и средства массовой информации обеспечивают людям знания и сведения об их окружении в широком плане. Домашнее воспитание, игра, искусство, религия способствуют развитию как познания, так и понимания. Но и здесь есть свои различия по широте освоения культурной среды. Так, в домашних условиях приобретаются практические знания и навыки, необходимые для адекватного существования в непосредственной жизненной среде. Игра развивает общую способность взаимодействовать с более широким кругом элементов окружения. При контакте с искусством формируются навыки образного, доэмпирического экспериментирования с ними. Религиозный опыт при-

общает людей к пониманию внеэмпирического абсолютного порядка в природе и социальном мире, который приобретает для него нравственную окраску.

Выше уже было показано, что участие в названных выше формах отношений, а также владение различными по содержанию обыденными представлениями и навыками распределены в культуре неравномерно. Культурная дифференциация определяется спецификой способов организации людьми своего существования, затрат времени и усилий на различные его составляющие, т. е. образом жизни. Различия в этом отношении в существенной степени зависят от места членов общества в *социально-институциональном социокультурном пространстве*. Различные его области предполагают неодинаковые затраты времени и усилий на профессиональную деятельность, на соотношение рабочего и свободного времени. Более того, позиция в этих рамках в значительной степени определяет меру обусловленности обыденной жизни профессиональными знаниями и навыками.

В этой связи целесообразно вернуться к качественному различию между исследовательско-экспериментальной, управленческой и исполнительской формами деятельности. Все три формы существуют в каждой институциональной области социокультурного пространства. Так, в производстве исследовательско-экспериментальная форма деятельности осуществляется ведущими инженерами-конструкторами и рабочими-рационализаторами; управленческая — администрацией, инженерно-техническим персоналом, осуществляющим регулирование технологических процессов, исполнительская — теми, кто непосредственно реализует технологические программы или следит за точностью их исполнения. Примерно то же можно обнаружить, скажем, и в сфере искусства. Исследовательско-экспериментальной здесь можно назвать собственно профессиональную художественную деятельность композиторов, режиссеров, дирижеров, солистов, представителей изобразительного искусства, писателей ит. п. Управленческие функции выполняют продюсеры, администрация соответствующих учреждений, общественных организаций художественных объединений, коллективов. Исполнительская деятельность осуществляется в структурах, специально установленных для ее коллективного выполнения — например, оркестр, хор, кордебалет в музыкальном театре; театральные и художественные мастерские и т. п.

В рамках такой дифференциации становится очевидным, что разные формы труда неоднородны по затратам времени и усилий на подготовку, поддержание квалификации и собственно профессиональную деятельность. Так, приобретение квалификации, необходимой для участия в исследовательско-экспериментальной деятельности занимает (исключая общеобразовательную подготовку)

около 10 лет для науки и ряда искусств, а для некоторых их видов и более. Поддержание же квалификации, соответствующей уровню мировой культуры, требует постоянного тренинга в течение всей трудовой жизни. В этих случаях рабочий день не может быть нормированным, поскольку соответствующая активность продолжается постоянно. Для управленческой деятельности (исключая научное и художественное руководство профессиональными коллективами), нужна подготовка в объеме высшего образования и интенсивное освоение практических навыков в течение первых лет соответствующей работы. После этого становятся возможным использование приобретенных стереотипов в стандартных ситуациях. Такого рода деятельность связана — за исключением управления техническими системами — с поддержанием широкого круга деловых контактов. Поэтому профессиональная сфера окрашивается в этом случае большую часть образа жизни людей. Что касается исполнительской деятельности, то, как правило, она предполагает профессиональную подготовку в сфере производства и обслуживания, длящуюся не более 2 — 3 лет. Затем происходит овладение навыками на рабочем месте, которые в дальнейшем становятся в основном стереотипными, не требующими специального тренинга для поддержания. Правда, сегодня таким работникам приходится периодически, через специальное обучение обновлять профессиональные навыки, повышать уровень квалификации. У них вне рабочее время, как правило, никак не связано с содержанием их специализированных занятий.

Из сказанного видно, что сама профессиональная принадлежность обуславливает необходимость более широкой освоенности культуры в исследовательско-экспериментальных видах деятельности и необязательность такого освоения (только в рамках специальности) в управленческой и исполнительской областях. Поэтому уровень культурной компетентности в двух последних случаях во многом зависит от интенсивности освоения ими социокультурного пространства с помощью тех средств, которые имеются для этого на обыденном его уровне.

Обыденные формы социокультурной дифференциации обуславливаются различиями в образе жизни, во вкусах, предпочтениях определенных знаний, навыков, структур повседневных взаимодействий и коммуникации, которые воспроизводятся в обществе и имеют социально установленную форму. Это так называемые стиль жизни и социальная идентичность, понятия, относящиеся к способам репрезентации людьми своей принадлежности к определенной субкультуре. Их культурно значимые признаки можно разделить на типы, легко различимые по качественной определенности. Наиболее броские относятся к вещественному уровню. В этом случае люди идентифицируют и отграничивают себя от других че-

рез специфику предметов домашнего обихода — мебели, посуды, украшений, жилища, убранства интерьера. Это же осуществляется с помощью одежды, предметов личного пользования. Значимые различия демонстрируются во внешних проявлениях людей — манерах поведения, речи, особенностях лексики, интонирования, мимики, пластики. Они обнаруживаются также в тематике коммуникаций и способах времяпрепровождения.

По всем этим параметрам одни социокультурные слои и группы людей проводят внешние границы, отделяющие их от других, и по соответствующим совокупностям признаков можно определить дифференциацию быденного уровня социокультурного пространства.

В то же время *трансляционные области социокультурного пространства* связывают между собой быденный и специализированный его уровни. Благодаря институтам образования, просвещения и массовой коммуникации опыт, соответствующий каждому из них, становится общественным достоянием.

Так, образцы и ценности, относящиеся к труду, соединяют экономическую культуру и домашнее хозяйство. Право через соответствующие представления, знания и навыки оказывается связанным с моралью. Философские представления, сложившиеся на профессиональном уровне, хотя и очень опосредствованно, но оказывают влияние на житейскую мудрость. В то же время ее максимы находят отображение в философских трактатах. Научный образ мышления проникает в сферу быденного, но при смене познавательных парадигм происходит обращение к здравому смыслу. Достижения профессионального искусства определенным образом отражаются в эстетике быденной жизни, которая в свою очередь оказывается питательной средой для художников. Религиозные верования нередко переплетаются с суевением. Следует подчеркнуть, что обмен информацией между быденной реальностью и специализированными социокультурными кодами осуществляется не только через трансляционные институты.

Эти связи изначально обусловлены тем, что на быденном уровне обнаруживаются аналоги (генетически являющиеся истоками) специализированных областей социокультурного пространства.

Функциональные различия феноменов быденного и специализированного уровней социокультурного пространства

Различие между быденным и специализированным уровнями социокультурного пространства современного общества определяются прежде всего теми функциями, которые обеспечиваются

соответствующими формами взаимодействия и коммуникации. Обыденная приватная жизнь складывается на основе природных, социальных, культурных предпосылок существования людей в связи с организацией непосредственных жизненных условий (своя территория, кров, дом и т. п.), с упорядочиванием первичных межличностных отношений, с прямым обменом индивидуальным жизненным опытом. Через ее структуру человек в условиях привычной социальной среды удовлетворяет первичные потребности, обеспечивает сохранение собственной идентичности. Привычность, стереотипность, непосредственность социокультурного опыта такого рода обуславливают его синкретичность, нерасчлененный характер восприятия ближайшего окружения. В то же время полная освоенность этой среды снижает вероятность возникновения здесь проблемных ситуаций и ведет к стереотипизации поведения. Иными словами, формируется определенный социокультурный микропорядок, позволяющий каждому индивиду по своему усмотрению регулировать расход жизненных ресурсов.

Специализированный уровень актуализирует у человека потенции, связанные главным образом с социальными предпосылками существования дифференцированных институциональных областей культуры. Здесь важна социально значимая реакция на окружающее; индивидуальный опыт одного человека принимается в расчет только тогда, когда оказывается социально приемлемым и полезным. В этом случае он приобретает значение социально-типичных образцов.

Занимаясь профессиональной деятельностью, различные группы людей углубленно и целенаправленно взаимодействуют с отдельными сторонами реальности, с определенными классами предметов и явлений. В этом случае их воздействию подвластен больший объем социокультурной практики, нежели в случае обыденного опыта. Но при специализированном освоении и использовании знаний и навыков люди вынуждены абстрагироваться от многих конкретных качеств окружения. Взаимодействие с ним специалистов по необходимости приобретает либо выборочный, либо узко направленный характер.

Проблемы, соответствующие институциональному уровню, более сложны по сравнению с обыденным, приватным уровнем. Их, как правило, не удается решать непосредственно, используя имеющиеся стереотипы действий и представлений. Необходимо сформулировать проблемную ситуацию, найти социально приемлемые пути и средства ее решения, привлечь к нему необходимых участников и т. п. Таким образом специализированные области социокультурного пространства связаны с масштабным, долгосрочным, опосредствованным упорядочиванием социального взаимодействия. От людей в этом случае требуются более сложно организо-

ванные усилия, нежели те, которые актуализируются в обыденной практике. Соответственно различие между обоими уровнями обнаруживается в степени рационализированности соответствующих им областей социального опыта. Разумеется, и в частной жизни, и в институциональной деятельности люди типизируют ситуации, решают проблемы, планируют будущее, т. е. в обоих случаях действует способность человека к рациональному познанию. Однако характер познавательных операций неодинаков.

Так, в обыденном опыте предвидение основано на ожидании привычного; оно распространяется на ближайшее будущее. В этом случае человек свободно импровизирует, подчиняя свои действия ближайшим целям, существующим запросам. Он не претендует на точное и широкое знание обстановки, действуя как обыватель. Субъект специализированной деятельности способен прогнозировать будущее более основательно, рассчитывая не только на уже известное, но и на непознанное, неожиданное. Он работает как эксперт, оперирующий универсальными категориями и большими объемами информации. Его действия подчинены определенным стандартным технологиям. Они в целом методически обоснованы, экспериментально проверяемы и функционально целесообразны.

Специфичны и «картины» мира, которые складываются на обыденном и специализированном уровнях социокультурного пространства. Сравнительно небольшой объем мира, в который включен человек в рамках частной жизни, компенсируется опытным его освоением и целостностью восприятия. Зато «сужение» взгляда на реальность в пределах институционального пространства компенсируется сложностью, расчлененностью, многослойностью действий и представлений, характерных для каждой из них.

Специфичность социальных функций обоих уровней обусловила различные способы овладения характерными для них навыками. Обыденную культуру человек начинает осваивать с первых дней жизни, в процессе непосредственных контактов в семье, в контексте межличностных отношений. Таким образом человек спонтанно овладевает теми знаниями и стереотипами поведения, которые приобретают характер базисных и нередки в последующей жизни сохраняются как устойчивые, прочные образования. Многие из того, что было освоено в раннем детстве, составляет основу, на которой будет надстраиваться новый жизненный опыт.

При анализе овладения специализированными знаниями и навыками необходимо обратиться к системе общественного разделения труда. Полноценная включенность в ее рамки предполагает обязательную профессиональную подготовку, требующую различных затрат времени и усилий в зависимости от характера труда. Такого рода опыт занимает значимое место в образе жизни человека, в исполнении частных, гражданских, трудовых ролей. Продукты

профессиональной деятельности можно отнести к двум различным качественным категориям в зависимости от того, предназначаются они для поддержания и развития самой специализированной области социокультурного пространства или же для обращения в более широком культурном контексте. Примерами первого рода могут служить технологические инновации в промышленности, фундаментальные теории в науке, принципы построения художественной формы в искусстве и т. п. Во втором случае речь идет о производстве товаров широкого потребления, изменении их качественных характеристик за счет практического применения науки, научно-популярной литературе, популярном искусстве и т. п. Обе категории необходимы для развития как специализированной, так и обыденной областей социокультурной реальности. С деятельностью первого типа связано йорождение культурных инноваций, имеющих потенциальную социальную значимость. Второй тип обеспечивает воспроизведение социокультурной среды и удовлетворение жизненно важных потребностей и запросов людей.

Особенности содержания и социальной значимости в обыденной и специализированных сферах социокультурного пространства обуславливают различие в средствах и способах представления ее результатов. Обыденному уровню соответствуют неспецифичные, понятные всем и общедоступные знания, полученные благодаря непосредственному межличностному общению в первичных группах, общему образованию и средствам массовой коммуникации. Инструментами деятельности в этой области являются товары массового потребления и продукты самодельности в предметной сфере и практические знания — в познавательной. Процессы и результаты такой деятельности порождают два важных класса артефактов. Во-первых, домашнее хозяйство и, во-вторых, культурные институты, обеспечивающие повседневное социальное взаимодействие: нравы, обычаи, образцы деятельности, поведения, отношений. По своему культурному содержанию эти феномены являются общедоступными, требующими не специальной подготовки, но лишь непосредственной включенности в повседневную жизнь определенной социокультурной группы.

Специализированный уровень социокультурного пространства в отличие от обыденного воспроизводится и меняется благодаря специальным знаниям и навыкам. Они объективируются и накапливаются во времени как культурные фонды, составляя «вещественную» историю каждой отдельной области. Так, в философии — это собрание философских текстов, относящихся к различным культурным регионам и временным периодам; в искусстве — совокупности художественных произведений, представляющие различные виды, стили и жанры искусства; в науке — «работоспособные» теории, относящиеся к различным дисциплинам

и разработанные в разное время. Эти совокупности культурных объектов динамичны. Количественные изменения происходят за счет прибавления новых и переоценки уже существующих результатов с выведением части их из профессиональной практики как архаичных. Качество таких объектов меняется за счет их описания и комментирования применительно к более широкому подвижному культурному контексту. Таким образом, над «вещественной» историей каждой специализированной области «надстраивается» история осмысления и концептуализации соответствующих артефактов.

Такого рода совокупность знаний осваивается в процессе профессиональной подготовки. Специализированная деятельность предполагает использование специфичных навыков. Прежде всего — это овладение методологией и технологией оперирования теми объектами, которые составляют культурное поле каждой из областей. Далее, это умение использовать их инструментально для решения профессиональных и социально значимых задач и проблем. Наконец, это навыки «перевода» специализированного практического опыта в профессиональные, т. е. в устойчивые культурные формы, а затем на обыденный язык, делающий их доступными для понимания неспециалистов. В этой связи можно говорить о нескольких способах представления результатов профессиональной деятельности: методологическом (инструментальном), специфично содержательном или социально содержательном. Именно последний способ включает результаты профессиональной деятельности в обыденную жизнь.

Следует указать еще на одну особенность воспроизведения специализированных навыков и знаний. В современном обществе изменения методологического и концептуального характера в различных институциональных областях происходят столь динамично, что работнику в период трудовой деятельности приходится регулярно обновлять свои профессиональные ресурсы. Таким образом, процессам функционирования специализированных навыков в отличие от процессов функционирования обыденных стереотипов присущи более быстрые темпы обновления.

Различие структурных составляющих обыденного и специализированного уровней социокультурного пространства

Различие в социальных функциях и характере деятельности между приватным и социетально-институциональным уровнями социокультурного пространства обуславливает специфику структуры взаимодействия и отношений между людьми на каждом из них. Обыденная культура складывается на базе семейно-родствен-

ных, дружеских межличностных отношений и принадлежности к определенному социокультурному слою. Эти факторы обуславливают структурную и содержательную специфику межличностного взаимодействия, коммуникации и социальных контактов, определяют характер таких устойчивых образований, как паттерны поведения и отношений, обычаи, нравы. Они также оказывают формирующее влияние на социокультурное содержание образа жизни членов общества как на индивидуальном, так и на групповом уровне. Социально-дифференциальная специфика повседневной жизни выражается в специально демонстрируемых культурных признаках личностной или групповой идентичности, обозначаемых как стиль жизни. В этой области связующими звеньями межличностных отношений являются моральные факторы: чувство долга по отношению к детям, пожилым людям, слабым и беспомощным членам группы; чувство взаимной симпатии, эмоциональная привязанность; привычка.

Структура межличностных и социальных связей на институциональном уровне обусловлена прежде всего характером общественного разделения труда. Чем оно сложнее, тем значительнее степень профессиональной дифференциации, настоятельнее необходимость координации социально значимых действий людей. В современных условиях включенность в эту систему обеспечивает членам общества значительно больше социально необходимых связей, чем обыденная жизнь. Вместе с тем их объем не может возрастать бесконечно, будучи ограниченным индивидуальными потенциями людей. Здесь доминируют социально-функциональные, институционализированные отношения, которые в принципе не зависят от взаимных оценок объединяемых ими людей, не предполагают эмоциональной личностной вовлеченности.

Качество межличностных и социальных отношений на обоих уровнях социокультурного пространства определяет специфику их институционализации. В обыденной жизни социальные институты, обеспечивающие воспроизведение и поддержание таких отношений, в значительной степени складываются в ходе повседневных интеракций и фиксируются в форме привычек, обычаев, нравов, ритуалов, обрядов. Их культурное содержание составляют образцы поведения и суждений в социально значимых ситуациях. Эти институты по своему содержанию локальны, часто не полностью отрефлексированы и не кодифицированы.

Однако целый ряд аспектов обыденной жизни подвергается регуляции через социетальные институты. Так, экстремальные ситуации в межличностных отношениях разрешаются средствами права. Законодательному регулированию подвергаются также часть семейно-родственных отношений (например, права и обязанности супругов, родителей и детей, право наследования, воспитание де-

тей и т. п.). Общесоциальную значимость приобретают важнейшие институты социализации — общее образование и средства массовой информации, — а также институты, связанные с поддержанием здоровья членов общества. Институционализована в таких формах общественная активность (профсоюзы, добровольные общества и ассоциации и т. п.); это относится в значительной степени к сфере досуга (учреждения культуры).

Как уже говорилось, специализированные области социокультурного пространства в современном обществе организованы с помощью узаконенных институциональных структур. Нормы и правила, которые регулируют здесь отношения и продукцию, кодифицированы. Они осваиваются и реализуются людьми в процессе профессиональной подготовки и деятельности как непреложные компоненты. Такое различие институциональных и обыденных структур предполагает особенности социальных санкций, применяемых к тем, кто выходит за нормативно установленные пределы.

На обыденном уровне «отклонение» имеет микрогрупповое значение, т. е. оценивается и вызывает действительную реакцию в сети непосредственных отношений. Оно фиксируется быстро благодаря прямому наблюдению. Нарушение правовых норм карается по закону; вненормативный подвиг вознаграждается в соответствии с социально установленными формами. Нарушение нравов и обычаев в настоящее время влечет за собой относительно слабые негативные санкции; социально полезное или образцовое поведение вызывает одобрение со стороны той группы, в границах которой оно проявляется.

В специализированных сферах культуры выход за нормативные рамки в одних случаях рассматривается как правонарушение, а в других — как культурная инновация. В первом случае нарушитель карается в соответствии с законом, во втором — продукты ненормативной деятельности предстают перед судом экспертов, подвергаются практической проверке. Если доказана их значимость для специализированной сферы культуры или более широкого культурного контекста, они обретают право на существование и в определенных случаях их создатель получает социально установленное вознаграждение. В то же время «отклонения» здесь редко поддаются непосредственному фиксированию, ибо те, кто их совершает, могут трансформировать способ и результаты своей деятельности не сразу, а постепенно вводя в нее новые элементы.

Наконец, еще один значимый признак, различающий обыденный и специализированный уровни, — это степень связи с другими культурами. Феномены обыденной жизни, в том числе свойственные ей нормы и правила, в основе своей являются антропологично универсальными, а по структуре и содержанию они культурно специфичны. Так, семейные отношения существуют в любом

обществе, но их формы варьируются от нуклеарной со слабыми родственными связями до разветвленной и солидарной. Или же домашнее хозяйство, которое ведется в каждой семье, но имеет разное содержание в зависимости от локальных или национальных особенностей сообщества. Межкультурные связи на этом уровне минимальны, ибо обусловлены непосредственными контактами представителей разных культур. Разумеется, при современном развитии средств массовой информации круг знакомства представителей каждой культуры с другими существенно расширился. Однако само знакомство не выходит за пределы осведомленности о существовании других культур и знаний о различиях между ними. Освоения этих культур не происходит.

Специализированные области имеют антропологические основания, но в отличие от обыденного уровня общей для них является культурная кодификация, наблюдаемая в глобальном масштабе. Поэтому локальны здесь не столько формы, сколько особенности предмета интереса и способы выражения. Искусство, наука, право, религия — их межкультурные сопоставимость, равно как и обмен, возможны именно благодаря общим для всех культур основаниям их выделенности. Формы межкультурных связей на институционально-социальном уровне отличаются от обыденных. В рамках каждой из областей накапливается информация об истории ее развития в разных странах; соответствующие знания осваиваются и используются в процессах профессиональной подготовки и деятельности.

Кроме того, динамика каждой из них во многом зависит от знакомства с текущими достижениями, имеющимися в других странах. Причем оно не ограничивается простой осведомленностью, но включает в себя освоение, практическую проверку соответствующих явлений. Так, в науке каждое новое положение или теория, созданные в одной стране, обсуждаются, подвергаются критическому анализу на уровне мировой научной общественности. В искусстве новые направления, выразительные средства, сложившиеся в одних культурных регионах, обязательно апробируются в других. Политические инновации быстро распространяются через каналы межгосударственных связей и т. п. Собственно говоря, из наиболее удачных образцов решения социально значимых проблем в институциональных областях благодаря обмену между разными странами и регионами складывается то, что можно назвать ценностным пространством мировой культуры.

Итак, отмеченные различия позволили выделить структурно-функциональные границы между обыденным и специализированным уровнями социокультурного пространства. Это различия в задачах, в специфике деятельности и подготовки к ней, в средствах и результатах деятельности, в организационных структурах и санк-

циях, связанных с их поддержанием или нарушением, в характере межкультурных связей. В этих пределах можно рассматривать обыденную жизненную среду с точки зрения специфических динамических закономерностей ее существования.

контрольные вопросы

1. Обыденный уровень социокультурного пространства: особенности строения.
2. Источники социализации в контексте обыденной жизни.
3. Функциональные различия институционального и обыденного уровней социокультурного пространства.
4. Связи между институциональным и обыденным уровнями социокультурного пространства в контексте обыденной реальности.

Глава 3. Теоретическая модель образа жизни: связи человека с социокультурной средой

Изучение социокультурного пространства через подвижные совокупности связей людей с окружением предполагает обращение к их социокультурной жизни, ибо в обыденных и профессиональных формах деятельности и взаимодействия люди предстают как члены общества, носители культуры. Этим социальным их качествам соответствуют специфические наборы артефактов, знаний и навыков обращения с ними, особые «пространства». В этом случае внимание исследователя сосредоточивается на социокультурных механизмах порождения, поддержания, изменения и освоения людьми элементов своего окружения в ходе обыденной жизни и профессиональной деятельности. В настоящее время такого рода анализ предполагает использование концепции образа жизни, обеспечивающей теоретическую представленность личности, соответствующую изучению динамики ее связей со средой.

Образ жизни как социокультурная категория

Категория «образ жизни» широко используется представителями различных дисциплин, связанных с изучением общества и культуры: экономики, социологии, социальной психологии, истории, теории культуры и т. п. Сегодня это понятие функционирует как социально установившаяся социально-научная категория. Возрастание интереса к рассмотрению социокультурной жизни с такой точки зрения обусловлено как общественно-практическими, так и научно-теоретическими факторами.

Актуальность изучения образа жизни людей в современных условиях связана прежде всего с практикой целенаправленных социокультурных изменений. За время существования каждого общества постепенно происходит становление, а затем развитие специфичных для него форм экономической, политической, быденной жизни людей. Трансформация условий существования членов общества влечет за собой изменение способов организации соответствующих процессов, т. е. образа жизни. Иными словами, можно говорить о его чертах и особенностях, специфичных для определенных состояний изучаемого общества. В настоящее время стало очевидным, что ускорение смены социокультурных событий, изменения в конфигурации социальной структуры во многом обусловили динамику содержательных характеристик повседневной жизни людей, массовые проблемы с личностной и социальной идентификацией. Так, появление в социокультурной среде новых технических средств для удовлетворения множасеющегося разнообразия запросов людей по отношению к питанию, жилищу, одежде, предметам бытового и личного назначения вызвали изменения в оценочных критериях: возросли требования к их качеству. Растущая дифференциация показателей благосостояния, самочувствия людей, содержания их занятий углубляет неравенство качества жизни в обществе и порождает новые основания для социальной идентичности.

Интерес к динамике социокультурной жизни обуславливает выделение того уровня ее анализа, на котором можно было бы увидеть не столько конечные результаты взаимодействий людей, сколько процессы взаимодействий и коммуникаций, в конкретных условиях существования. Иными словами, рассмотреть в относительноузких временных пределах (одно — три поколения) личностный и групповой аспекты формирования социокультурных «сред», норм, ценностей, стереотипов отношений; механизмы их актуализации на различных уровнях социальной реальности; преднамеренные и непредвиденные, характерные для отдельной области культуры и для более широкого контекста социокультурные последствия этих процессов. Понятие «образ жизни» вполне отвечает такого рода требованиям.

Однако обращение к этой теме имеет и «внутринаучные» истоки. Дело в том, что в течение последних двух десятилетий в рамках различных областей социально-научного и гуманитарного знания (социологии, социальной психологии, психологии, лингвистики, истории, этнографии и т. п.) накоплен значительный объем эмпирических данных и теоретических обобщений, касающихся существования людей в их социальном, культурном и природном окружении. В частности, разрабатывались и продолжают разрабатываться такие понятия и категории, относящиеся к активным

сторонам связи человека с окружением, как «личность», «идентичность» «интенциональное действие», «агент», «ценности», «маргинальность» и т. п. Вместе с тем при изучении общественной жизни были развиты и уточнены некоторые специальные понятия и категории, характеризующие свойства условий социокультурной жизни. Среди них такие, как «социальная структура», «социальные институты», «социокультурная реальность», «предметно-пространственная среда», «социализация», «смыслы и значения культурных объектов». Были намечены также аналитические границы, отделяющие социальное от культурного. Таким образом, к настоящему времени накоплена значительная информация об индивидуальных и социальных факторах, побуждающих человека к активности, с одной стороны, и о предметных и символических характеристиках среды, в которой эти формы реализуются, — с другой.

В результате в науках об обществе и культуре сейчас не только многое стало известно об отношениях людей с окружением и их результатах, но и есть достаточные теоретические основания для изучения содержания, структур, форм, динамики соответствующих процессов, механизмов взаимодействия человеческих побуждений и артефактов. Иными словами, исследовательское внимание сейчас привлекает вопрос о том, как в определенных исторических условиях, в частности, в настоящее время, происходят процессы порождения, поддержания и изменения социокультурных норм, ценностей, образцов деятельности и взаимодействия людей в различных областях социальной реальности, как с их помощью люди организуют свою жизнь в неоднородном и динамичном окружении.

Такое положение дел нашло отражение на уровне методологии исследования общества и культуры в специальной теоретической схеме, которая позволила связать систематическим образом личностные характеристики человека, элементы его дифференцированного социокультурного окружения, а также процессы и формы его повседневной жизни. Функция такого инструмента — обеспечить возможность наблюдать и объяснять механизмы освоения людьми социокультурного окружения, преобразования индивидуального опыта в социально значимый, порождения и изменения культурных феноменов в процессах взаимодействия и коммуникации в различных ситуациях. Как будет показано в дальнейшем, категория «образ жизни» позволяет охватить этот круг явлений.

Основные теоретические положения, определяющие содержание категории «образ жизни»

Как известно, вплоть до недавнего времени в социальных науках сравнительно мало внимания уделялось систематическому теоретическому анализу социальных и культурных процессов на

микроуровне повседневной жизни. Исследовательские усилия концентрировались в основном на выявлении закономерностей движения общественно-исторического процесса в целом либо поддержания социокультурной системы как таковой. Вопросы микродинамики социокультурной жизни затрагивались лишь от случая к случаю. Тем не менее можно выделить некоторые общие теоретические принципы изучения повседневной реальности, аналитические границы этого подхода, хотя и без внутренней его детализации. Они не составляют единой системы и выделены как основания, сформулированные для предлагаемой здесь модели образа жизни. Последняя представляет процесс активного взаимодействия личности с меняющимся Окружением на протяжении жизненного цикла. В самом общем виде эти принципы могут быть сформулированы следующим образом.

1. Воспроизведение жизни — общая предпосылка существования человеческой культуры. Эта необходимость реализуется; при меняющихся исторических условиях в различных социальных и культурных формах, зависящих от содержания общественной практики и выражающих способы существования людей в этих условиях.

2. Социальные структуры, культурная и природная среда суть условия, в которых люди реализуют свои потребности, желания и интересы определенным образом. Иными словами, между ними существует позитивная и негативная обратная связь. Поскольку активным началом здесь является человек, изучение его жизненного цикла — необходимое звено исследования общества и культуры.

3. Исторический процесс в современных теориях Отнюдь не сводится к макровременному уровню. Он трактуется и как история поступков, решений, жизненного выбора представителей различных классов, групп, партий, т. е. речь идет о выявлении их влияния на отношения и взаимодействие людей. Иными словами, при изучении динамики общества и культуры исходят Из того, что люди сами порождают, поддерживают, меняют, разрушают свою социокультурную среду.

4. В любых исторических условиях формы социокультурной жизни людей обусловлены некоторыми всеобщими, универсальными антропологическими характеристиками. В то же время эмпирические данные свидетельствуют о многообразии ее конкретных групповых и индивидуальных проявлений. При изучении социокультурного пространства следует анализировать и интерпретировать как общие, так и специфические черты в пределах изучаемого общества.

5. Культурные и социальные значения и смыслы того, что делает человек, как он живет и т. п. (т. е. социокультурная определенность способов его существований) обуславливается тремя видами

факторов. Во-первых, это фундаментальные (часто называемые материальными) условия, определяющие, что и каким образом могут делать люди для реализации своих потребностей, интересов, целей, т. е. устанавливающие границы и формы самореализации людей в определенный исторический период. Во-вторых, это выработанные и закрепленные в ходе общественной практики — и потому intersubjective — способы организации и регуляции социокультурной жизни: нормы, ценности, образцы интеракции и составленные из них институты. Эти установленные образования составляют «субстанцию» социокультурной реальности. В-третьих, это индивидуальные характеристики личности, определяющие ее склонности и возможности при построении своего жизненного пути в названных условиях. Все три группы факторов оказывают формообразующее влияние на способы организации людьми своего образа жизни и определяют логику перехода от внешних к внутриличностным его детерминантам.

6. Согласно современным знаниям, социокультурная жизнь в каждый исторический период реализуется в различных формах. Они определяются социальной, региональной, демографической дифференциацией общества. Поскольку такая неоднородность и обуславливающие ее факторы имеют важное значение для изучения социокультурной динамики, вполне правомерно их выделение в качестве особого предмета исследования.

Таковы в самых общих чертах теоретические основания, исходя из которых можно рассматривать способы организации людьми своего существования в меняющихся условиях. В этом случае необходимо более детальное исследование того их уровня, на котором прослеживаются конкретные формы взаимодействия людей с окружением. Особенно важно такое знание для прогнозирования изменений форм и направленности социокультурных процессов. Понятие «образ жизни» позволяет выделить способы их организации и оценить реальную картину их распределения в социокультурном пространстве в сопоставлении с прошлым и возможным будущим состояниями общества и культуры. Это важно также в связи с построением соответствующих современности критериев оценки качества жизни членов общества.

Определение понятия «образ жизни»

Определение понятия «образ жизни» подразумевает выявление личностной специфики жизненного пути людей в дифференцированной социокультурной реальности.

Понятие (категория) «образ жизни» обозначает организованную совокупность процессов и явлений, связанных с самоопределением людей в обществе. Способы такой организации определя-

ются естественно-географическими, социальными и культурными условиями, с одной стороны, и личностными характеристиками представителей различных социокультурных групп — с другой. Понятие относится к повседневной жизни людей и служит для выявления соотношения ее установившихся, типичных и изменчивых, индивидуальных характеристик в определенных областях социокультурного пространства. Содержание образа жизни определяется тем, как живут люди, чем заняты, какие виды взаимодействия и коммуникации заполняют их жизнь. Форма образа жизни определяется способом организации людьми процессов деятельности, поведения, взаимодействия, коммуникации в различных сферах совместного существования. Важно также принимать во внимание, как представители различных социокультурных групп оценивают в соответствии с этой культурной категорией себя и других, а так же условия своего существования. Следовательно, образ жизни — это динамический социокультурный «портрет» членов общества, представленный через упорядоченность их жизни в определенных условиях, целостность, обладающая культурным смыслом и обусловленная способностью человека к результативной активности.

Природные, социальные, культурные условия оказывают фундаментальное формообразующее влияние на организацию людьми многообразия своих жизненных проявлений. Они обеспечивают и ограничивают конкретно-исторические возможности выбора форм самореализации личности в социокультурной жизни. Поэтому при анализе образа жизни людей изучение таких условий представляет собой необходимую компоненту исследования. Однако они не включаются в само понятие, но рассматриваются как социокультурные детерминанты форм организации людьми своего существования.

Следует подчеркнуть его интегративный характер по отношению к таким понятиям, как «уклад жизни», «уровень жизни», «качество жизни», «стиль жизни», «стандарт жизни». Все они раскрывают и конкретизируют содержание образа жизни применительно к различным уровням и областям социокультурного пространства.

«Уклад жизни» характеризует конкретные исторические социально-экономические и политические аспекты общества и культуры, в рамках которых разворачивается образ жизни людей. Его показатели: степень урбанизованности (соотношение городского и сельского населения), характер собственности на средства производства, тип экономики, форма социальных институциональных отношений, политические режим и стиль, ведущие идеологии и т. п.

Понятие «уровень жизни» используется для прямой и косвенной количественной оценки степени удовлетворения потребностей и запросов членов общества в рассматриваемый период времени. Его дифференциальные показатели для представителей раз-

ных социальных групп включают в себя: размер заработной платы и дохода, льготы и выплаты из общественных фондов потребления, структура потребления продовольственных и промышленных товаров, уровень развития систем здравоохранения, образования, бытового обслуживания, состояние жилищных условий.

Понятие «качество жизни» отражает степень удовлетворения потребностей и запросов более сложного характера, не поддающихся прямому количественному измерению, и выполняет социально-оценочную функцию по отношению к категории «образ жизни». К его показателям относятся характер и содержание труда и досуга, степень комфорта на рабочем месте и в быту (включая качество жилых, производственных помещений и окружающей предметной среды), уровень знаний, общественной активности, самоактуализации, реализации существующих в обществе моральных норм и ценностей, степень удовлетворенности членов общества всем этим. Сюда можно отнести также показатели средней продолжительности жизни, заболеваемости, естественного прироста населения, его демографической и социальной структуры.

Понятие «стиль жизни» применяется для обозначения специфичных способов самовыражения представителей различных социокультурных групп, проявляющихся в их повседневной жизни: в деятельности, поведении, отношениях. Его показателями можно считать особенности индивидуальной организации приемов и навыков трудовой деятельности, выбор круга и форм социальных связей, характерные способы самовыражения (включая демонстративные черты поведения), специфику структуры и содержания потребления товаров и услуг, а также организации непосредственной социокультурной среды и свободного времени. Это понятие тесно связано с общекультурным понятием моды.

«Стандарт жизни» — это теоретическое аналитическое понятие, сконструированное как статистическая «мода» параметров образа жизни, чтобы обеспечить точку отсчета при их сравнении у представителей различных социокультурных групп. В этом смысле можно говорить о характерных для них и общества в целом стандартах уклада, уровня, качества жизни в рассматриваемый период времени.

Выше в общих чертах была определена структура понятия «образ жизни». Теперь следует коротко охарактеризовать его познавательные функции при исследовании социокультурной микродинамики.

Познавательные функции понятия «образ жизни»

Изучение дифференциации социокультурного пространства с точки зрения образа жизни позволяет увидеть, как культура обще-

ства проявляется в конкретных взаимодействиях и коммуникациях представителей различных социальных групп, как на уровне повседневности реализуются те возможности, которые имеются на социетально-институциональном и обыденном уровнях в рассматриваемый период. Такой анализ позволяет осмысливать значимость относительной независимости друг от друга форм организации приватной жизни людей, с одной стороны, и изменений социальной структуры общества — с другой. Речь идет об объяснении того факта, что образ жизни различных людей неодинаково динамичен в одних и тех же социокультурных условиях. Очевидно, что такая постановка вопроса предполагает обязательное включение личностных характеристик в общетеоретическую схему исследования. Это позволяет проследить, как индивидуальные особенности людей в одних и тех же объективных условиях влияют на способ организации ими жизненной среды и процессов самореализации в их рамках.

Говоря о специфике анализа социального расслоения с помощью понятия «образ жизни», необходимо отметить следующее. Во-первых, речь идет об определенном временном ограничении: соответствующие процессы и явления рассматриваются при фиксированных фундаментальных компонентах условий их реализации в пределах времени, сравнимых с жизненным циклом человека (от одного до трех поколений). Во-вторых, рассмотрению подлежат формы взаимодействия и коммуникации, в которых участвуют люди на протяжении индивидуального существования. В-третьих, изучается обыденный уровень социокультурной жизни, на котором берут начало, поддерживаются и изменяются предметная среда, нормы, ценности, образцы поведения и интеракций.

Таким образом, можно сказать, что в сфере исследовательского внимания оказывается область явлений, которая занимает промежуточное положение между общими закономерностями динамики социальных институтов и процессами повседневного существования людей. При изучении социокультурной микродинамики это делает понятие «образ жизни» специфичным и незаменимым по отношению к таким понятиям, как «социальная структура», «социокультурные институты», «культура», «общество». Оно становится теоретической базой для обоснования концепции социальной стратификации. В этой связи следует более подробно остановиться на качестве информации, получаемой с его помощью, т. е. на его теоретико-познавательных функциях и возможности.

Выделяющий (идентифицирующий) аспект понятия. Понятие «образ жизни» используется с целью указать на специфичные, но существенные характерные особенности представителей различных социокультурных групп, выделяющие (определяющие, идентифицирующие) их по отношению друг к другу. Такая идентификация в зависимости от исследовательской задачи осуществляется

двояким образом. Во-первых, по социально-типологическим признакам. В этом случае люди характеризуются с точки зрения значимых социальных и культурных факторов, определяющих условия и формы их повседневного существования в зависимости от групповой принадлежности или этно-региональных особенностей уклада жизни. Например, выделение «традиционного» или «современного» образа жизни означает характеристику членов общества в соответствии с типичными для социально-экономической и политической системы чертами условий и способов его организации. Выделение городского или сельского образа жизни идентифицирует людей по особенностям его формы и содержания, которые определяются спецификой характерного для этих типов поселений уклада жизни. Во-вторых, по индивидуально-специфичным признакам. Речь идет о выделении группы людей или индивида по стилевым особенностям, характеризующим, например, принадлежность молодежи к различным субкультурам, взрослых — к определенным социокультурным слоям. Однако идентификация людей в этом случае осуществляется не столько по фундаментальным признакам содержания их деятельности, сколько в соответствии с особенностями демонстрируемых внешних проявлений.

Сравнительный аспект понятия. Понятие «образ жизни» позволяет сравнивать различные способы организации людьми процессов существования в пространстве не только одной и той же, но и различных культур. Сравнение уже идентифицированных по образу жизни людей может проводиться по ряду параметров. Во-первых, с точки зрения социально-экономических и культурных условий, в которых он реализуется. Так, сравнивая современные городские и сельские условия, можно отметить, что первые обеспечивают для человека большее разнообразие возможностей выбора среди видов деятельности, форм взаимодействия и коммуникации, стилей поведения, чем вторые. Во-вторых, по структурным характеристикам организации людьми процессов своей повседневности. Например, можно сравнивать соотношение труда и досуга в образе жизни рабочего и учителя, место и формы освоения искусства в образе жизни школьника и студента и т. п. При изучении социокультурных микропроцессов основой для сравнения могут стать такие параметры, как сложность и динамизм образа жизни представителей различных социальных групп.

Оценочный аспект понятия. Понятие «образ жизни» можно использовать с целью социально значимой оценки членов общества. Ей могут подвергаться соответствующие изменения во времени. В этом смысле следует понимать высказывания о том, что образ жизни определенного человека стал более организованным, более упорядоченным или же менее стандартным и т. п. Представители различных социальных групп оценивают, насколько (в терминах

оценивающего) с этой точки зрения одни «лучше», чем другие. Как правило, основу такого сопоставления составляют представления о месте и роли человека в окружающем мире, о добре и зле, о тенденциях развития общественной жизни. В каждой культуре в системе идеологии существует набор более или менее выраженных нормативных представлений об образе жизни как «лучшем из возможных при данных условиях».

Интегрирующий (синтезирующий) аспект лоня/пия. Определение понятия «образ жизни» как способа организации людьми своего повседневного существования означает, что оно интегрирует в единую теоретическую систему структурные, содержательные и динамические особенности этих процессов в пределах индивидуального жизненного цикла. Причем теоретическому синтезу подлежат виды деятельности, взаимодействия, коммуникации, поведения во всех тех областях социокультурного пространства, в которых человек принимает участие. Это позволяет дать целостную оценку специфичных или типичных черт повседневной жизни членов определенной социокультурной группы.

Так, с точки зрения условий труда и быта — стандарт ее уровня жизни. С точки зрения структуры потребления товаров и услуг, а также освоенности культурного окружения — стандарт группового качества жизни. С точки зрения структуры и содержания образа жизни — типичные для членов группы виды деятельности (производственной и внепроизводственной), поведения и взаимодействия, типичные нормы и ценности, которыми они руководствуются в этих процессах. С точки зрения оценки — соотнесение всех перечисленных выше параметров с существующими в обществе нормативными критериями.

Образ жизни можно представить в проявляемых признаках. Обо всех его составляющих и способе организации можно судить, наблюдая за процессами деятельности, поведения, взаимодействия, коммуникации или за их результатами. Заметными являются также компоненты внешних условий, определяющие содержание и форму образа жизни людей.

Перечисленные функции и познавательные возможности понятия «образ жизни» позволяют с его помощью решать ряд актуальных исследовательских задач, связанных с изучением пространства социальной стратификации. Во-первых, рассматривая предлагаемую здесь модель институционального социокультурного пространства можно выявить распределение и соотношение активности между различными его областями и уровнями, запечатленные в образе жизни различных членов общества. Это позволяет оценивать как динамические тенденции в его рамках, так и степень реализации людьми возможностей, обеспечиваемых им. Во-вторых, изучение образа жизни представителей различных социокультур-

ных групп позволяет судить о дифференциальной мере контроля над различными институциональными областями культуры.

Соответственно обращение к понятию образа жизни как основанию социальной стратификации позволяет конкретизировать представление о ней по отношению к определенному состоянию общества. Это позволяет выявить общие черты и различия в структурах и содержании повседневных процессов, разграничивающие социальные слои и группы, характерные формы их организации.

«Социальная стратификация» на теоретическом уровне представляет определенное измерение социокультурного пространства наряду с социетально-институциональным. Понятие же «образ жизни» выполняет по отношению к нему дифференцирующую и классифицирующую функции.

Компоненты понятия «образ жизни»

Как уже отмечалось, образ жизни людей при определенном состоянии общества определяется окружением, с одной стороны, и личностными характеристиками — с другой. Внешние условия и факторы, дифференцирующие его, подразделяется следующим образом:

— естественные: географические, климатические, экологические, биологические, демографические и т. п.;

— социальные: характер разделения труда и его условия, политические режимы и стили, действенность правовой системы;

— культурные: объем культурной информации и ее распределение по уровням и областям культуры, структура действующих здесь социокультурных норм и ценностей — экономических, социально-политических, идеологических, познавательных, этических, эстетических и т. п.

Теоретическое пересечение этих групп переменных, детерминирующих социокультурную жизнь, определяет дифференциацию образа жизни в соответствии с фундаментальным распределением видов активности в специализированных и обыденных областях социокультурного пространства.

К личностным факторам, влияющим на образ жизни представителей различных социальных групп, относятся, с одной стороны, интерпретация ими внешних условий своего существования, а с другой — их побуждения, ценностные ориентации, интересы, запросы, цели. Специфика взаимодействия этих переменных определяет различия в содержании, структуре и форме способов самосуществования людей в одном и том же обществе. Поэтому важно более подробно остановиться на рассмотрении обуславливающих ее факторов и механизмов.

Социокультурные возможности личностных проявлений жизненной активности при каждом состоянии общества имеют свою

качественную определенность. Они установлены и признаны в культуре как социально значимые и отграниченные друг от друга зоны индивидуального и коллективного приложения усилий. Их характеризует относительно устойчивый способ организации предметно пространственных характеристик окружения, определенных типов взаимодействий и коммуникаций людей, их биопсихических процессов и психических состояний вокруг конкретной социально значимой цели или функции (или вокруг их совокупности). В современном обществе они могут быть типологизированы на основании фундаментальных функций, обеспечивающих воспроизведение существования общества и личности. Соответственно выделяются:

1. Организация материальных и социальных основ жизнеобеспечения:

- труд на производстве;
- труд в домашнем хозяйстве;
- деятельность, связанная с приобретением и потреблением

товаров и услуг.

2. Организация процессов социализации:

- приобретение общего образования;
- профессиональная подготовка;
- общественная активность;
- любительские занятия;
- физкультура и спорт.

3. Социальная коммуникация:

- профессиональное (формальное) взаимодействие;
- неформальные (в том числе дружеские) контакты;
- семейные отношения;

— получение информации через средства массовой коммуникации;

- путешествия;
- передвижения внутри населенного пункта.

4. Восстановление энергетических затрат (рекреация):

- потребление пищи;
- соблюдение личной гигиены;
- пассивный отдых, сон.

При анализе социальной стратификации с точки зрения образа жизни людей эти зоны сопоставляются с областями социетально-институционального пространства. Соответственно выявляется, каким социально значимым формам активности представители различных социальных слоев уделяют основные усилия и время, как оценивают их, иными словами, каково распределение структур образа жизни, определяющее социокультурное пространство стратификации.

Структура образа жизни людей представляет собой относительно устойчивое во времени сочетание «сред», а также видов

социальных взаимодействий и коммуникаций, в которых они принимают участие. Эти структурные компоненты служат представителям разных слоев и групп в качестве организационной основы, позволяющей им переживать как социально и культурно значимую целостность свой индивидуальный опыт в конкретных жизненных обстоятельствах. Они обеспечивают каждому возможность адекватно переходить от одной социально значимой ситуации к другой, быть распознанным в этой ситуации другими, определить свое место среди них. Как социальное существо, человек обычно расходует основную часть своего времени и ресурсов на эти культурно обязательные и санкционированные виды активности. В связи друг с другом они образуют устойчивую структуру, человек подчиняет ей свои спонтанные проявления. Именно через них люди поддерживают свое предметное окружение, осваивают и реализуют социокультурные нормы, образцы деятельности, поведения, взаимодействия, социальное знание, моральные, этические и эстетические представления и ценности, что составляет содержание их образа жизни.

Такая организация происходит под воздействием факторов как экзогенного, так и эндогенного характера. К первым относятся возможности выбора «сред», видов активности в определенных социокультурных условиях, их социально-функциональная значимость и сложившаяся в культуре оценка социального престижа. Вторые представляют собой конкретные индивидуальные выборы, организацию и оценку людьми всего этого, выражающиеся как степень удовлетворенности своим образом жизни.

Говоря о структуре и содержании образа жизни людей, следует отметить, что они не остаются неизменными во времени. Их динамика также определяется экзогенными и эндогенными факторами. Первые составляют некоторые обязательные или же доступные для всех членов общества виды активности, в которых они принимают участие и которые на определенный период являются устойчивыми компонентами их образа жизни (например, обучение в средней школе, трудовая деятельность и т. п.). Вторые связаны с изменением значимости для индивида того или иного вида деятельности (например, по мере включения в работу человек начинает испытывать большой интерес к своей профессии, чем во время обучения) или, наоборот, с отказом принимать участие в каком-либо из них (например, после нескольких лет обучения в высшем учебном заведении человек решает оставить его и пойти работать), а также со сменой предпочтений в предметном мире (например, смена места жительства, домашнего интерьера, предметов личного пользования). Индивидуальный выбор людьми из «заданных», имеющих в обществе к моменту их рождения культурно установленных видов активности, их предметных условий, средств и результатов, способов организации элементов окружения в различные периоды

жизненного цикла определяет не только структуру их образа жизни, но и промежуток времени, в течение которого все это остается устойчивым.

Последнее обстоятельство имеет особую важность при изучении социокультурного пространства и динамических тенденций в его рамках, поскольку временные параметры воспроизведения определенных форм образа жизни, характерных для различных социальных слоев и групп, позволяют классифицировать их в соответствии с тенденцией к сохранению имеющегося состояния или к изменению. Это в свою очередь дает основание для суждения о динамических трендах внутри институционального социокультурного пространства в рассматриваемый промежуток времени. Однако для окончательных выводов отнюдь недостаточно просто констатировать наличие более или менее выраженных признаков изменения в образе жизни представителей определенных социокультурных групп. Необходимо также определить их реальные и потенциальные социокультурные последствия и смысл. Такого рода оценка подразумевает сопоставление потенциально значимой для динамики социокультурного пространства формы образа жизни с еще двумя, имеющими регулятивное значение. Во-первых, с формой, типичной для представителей других социальных групп; а если какая-то из них занимает престижное место в обществе, то можно говорить об определенной вероятности более широкого распространения этой динамической тенденции. Во-вторых, с идеально-нормативными («как должно быть») представлениями об образе жизни, наиболее распространенными в культуре. В этом случае, если изменчивость является общественно одобряемой чертой в культуре, можно ожидать укрепления в ней более динамичных форм образа жизни.

Образ жизни как процесс: понятие жизненной ситуации

Влияние внешних условий и личностных состояний людей на способы организации ими своего образа жизни периодически меняется. Распределение времени и усилий между фундаментальными формами, уровнями и областями социокультурной жизни различаются не только по социальным группам, но и по стадиям индивидуального жизненного цикла. Изучение их смены в подвижном социокультурном контексте придает анализу образа жизни динамический характер.

Для того чтобы представить последовательность структурных и содержательных состояний образа жизни людей во времени, нужна специальная теоретическая модель, с помощью которой можно было бы проследить связь между:

— условиями, в которых он реализуется, с одной стороны, и способом его организации — с другой;

— его формой, содержанием, условиями его реализации, с одной стороны, и оценкой их людьми — с другой.

Иными словами, выделяется особое физическое и социокультурное пространство повседневности, единица анализа образа жизни, позволяющая изучать форму его динамики, изменения в его структуре и содержании с помощью существенных характеристик его состояний в конкретных условиях. На аналитическом уровне они могут быть представлены через детерминирующие их направленности индивидуальной активности, через преобладающие в это время виды деятельности, взаимодействия, коммуникации и их результаты, через оценку тенденций к устойчивости или изменчивости. В совокупности такие измерения служат для организации наблюдаемых событий и процессов в культурную целостность, обозначаемую жизненной ситуацией. Это понятие теоретически объединяет условия и процессы образа жизни людей, характерные для определенного периода времени, и предназначено для отграничения одного его состояния от других.

Концепция жизненной ситуации системна. Она выделяет динамическую элементарную социокультурную целостность, имеющую специфичную структуру, т. е. набор устойчивых компонент (композиций жизненных условий, форм, содержаний активности и их оценок), «оформляющих» образ жизни людей как направленный процесс. Выход каких-либо действий за эти рамки без структурных изменений можно рассматривать как вариации внутри ситуации. Изменение конфигурации ее компонент является показателем возможного перехода от одной ситуации к другой. Таким образом, в сфере исследовательского внимания оказываются и поддержание, и изменение формы процесса.

Каждая из этих характеристик может быть объектом самостоятельного изучения. В первом случае предметом исследования становятся гомеостатические механизмы, воспроизводящие сложившуюся структуру. Во втором — выявляются факторы, потенциально или актуально обуславливающие смену ситуаций, и механизмы, усиливающие их действие.

Рассмотрение этой единицы как определенного отрезка жизненного пути предполагает выделение тех компонент условий образа жизни, которые являются относительно устойчивыми его детерминантами. Вследствие этого они принимаются в качестве границ ситуации, но в принципе могут быть изменены и, следовательно, приспособлены к структуре образа жизни человека, переживающего ситуацию. Благодаря этому становится очевидным, в каких пределах люди могут менять условия своего повседневного существования и на какие именно их элементы воздействовать.

В свою очередь, устойчивые и поддающиеся изменению компоненты жизненной среды можно рассматривать по двум важнейшим измерениям. Во-первых, это ее содержание (предметное и информационное), к которому следует отнести природные и искусственные объекты, социокультурные институты, структуры взаимодействия, доступную информацию. Во-вторых, степень социальной значимости ее элементов: от общесоциальных, распространяющихся на абсолютное большинство членов общества, через локально-групповые, характерные для каждой социокультурной группы, до индивидуальных, специфичных для образа жизни отдельного человека.

Объекты, идеи и образы, технологии, нормативные и ценностные образования, дифференциально распределенные в социокультурном пространстве, составляют относительно упорядоченные множества, обеспечивающие ресурсы, ориентиры, регулирующие принципы для реализации образа жизни людей. Его особенности обуславливаются сочетанием факторов, детерминирующих его организацию, и индивидуальных оценок людьми условий своего существования и своих возможностей. В этой специфике заложен ключ к пониманию источников изменений действий, поведения, суждений, структур взаимодействия и отношений людей и, следовательно, социокультурной микродинамики в пространстве их существования.

Понятие «жизненная ситуация» позволяет проследить механизмы поддержания или изменения элементов окружения на индивидуальном уровне. С помощью этого понятия выделяются различные периоды в жизненном цикле человека, для которых характерно относительное постоянство структуры, содержания и направленности его активности. Концептуальная модель жизненной ситуации выстраивается на основе следующих измерений:

- непосредственные условия и структура образа жизни, определяющие характер ситуации;
- стимулы, побуждающие действия, направленные на поддержание или изменение ситуации;
- социокультурные ограничители и регуляторы процессов в ситуации;
- индивидуальные оценки ситуации, возможностей и результатов самоактуализации в ее пределах.

Выделение этой единицы анализа образа жизни определяется присущим человеку свойством воспринимать поток своего существования не только в непрерывности, но и в дискретности, разделяя его на части в зависимости от обстоятельств. Жизненная ситуация рассматривается как такой отрезок процесса, для которого характерны некоторая внутренняя целостность, временные границы и специфичный смысл в более широком контексте индивидуальной биографии.

Человек стремится определить свое место, возможности самореализации в социокультурном пространстве, упорядочивая и оценивая окружение и возможные формы активности в соответствии с побуждениями и запросами, специфичными для него как для личности и представителя своего слоя. Он таким образом организует собственную социокультурную среду и свою жизнь в ней и определяет ситуацию как фиксированный период образа жизни, границы которого очерчиваются устойчивыми компонентами условий существования, с одной стороны, и оценкой их индивидуальной значимости — с другой.

При изучении социокультурных процессов важным измерением жизненной ситуации является ее связь с решением определенных индивидуально или социально значимых проблем. Концептуально это отражается в понятиях «установившаяся» и «проблемная» жизненная ситуация. В первом случае предполагается относительно устойчивая структура условий и процессов образа жизни, повторяющиеся привычные действия, формы взаимодействий и поведения. Все встречающиеся при этом затруднения люди решают, обращаясь к стереотипным правилам, представлениям, оценкам. Направленность процессов в ситуациях подобного рода достаточно четко определяется и самим индивидом, и исследователем. Разумеется, их не следует рассматривать как протекающие автоматически, без напряжений и затруднений. По интенсивности затрат и усилий они могут быть достаточно напряженными. Однако распределение времени и усилий в этих случаях заранее предусмотрено установившейся структурой образа жизни.

Проблемная ситуация возникает на основе либо неопределенности, либо чрезмерной сложности отношений людей с окружением, либо расхождением между их запросами и наличными ресурсами. Она характеризуется необходимостью пересмотра, изменения (вплоть до отказа) привычных сложившихся структур распределения времени и усилий, процедур и правил действий и взаимодействий, ибо обуславливающие ее факторы порождают такие задачи, для которых многие из ранее установленных социокультурных форм не могут обеспечить адекватных решений. На этапе возникновения она связана с высокой степенью неопределенности в представлениях индивида о ее смысле, источниках, способах решения. В этот период направленность соответствующих процессов плохо представляют себе и переживающий ее индивид, и исследователь. Детерминирующие ее факторы нарушают упорядоченность привычного течения жизни, побуждают человека к целеполаганию, принятию жизненно важных решений, выбору определенной стратегии действий, средств и способов достижения целей.

Необходимость сделать этот выбор создает напряженность ситуации, делая высоко вероятным в этот период изменения сложившейся формы образа жизни. Неприспособленность индивида

к решению некоторых проблемных ситуаций или неразрешимость последних в силу внешних или внутрилличностных причин ухудшает его отношения с другими, приводит к конфликтам.

Проблемные ситуации характеризуются необходимостью структурных изменений паттернов поведения, форм организации жизнедеятельности, связей с окружением. Такая необходимость порождается рядом обстоятельств:

— резкое изменение внешних жизненных условий, психических состояний и т. п.;

— длительная кумуляция «микроизменений» активности и условий ее осуществления, становящаяся новым ситуационным фактором.

Проблемные ситуации распознаются людьми в континууме представлений от неопределенного «что-то не так» до четкого осознания источника и характера затруднений.

Динамика образа жизни в таких ситуациях начинает определяться с того момента, когда у индивида складывается относительно четкое представление о том, чего можно и чего нельзя хотеть при имеющихся условиях, о целях индивидуальной деятельности, когда начинается отработка путей и способов их достижения.

Проблемные ситуации с высокой степенью вероятности могут стать поворотным пунктом жизненного пути человека. В связи с этим необходимо оценить наличные факторы, способствующие, препятствующие, нейтральные по отношению к решению проблемы. Первая и вторая их группы могут оказывать существенное влияние на форму образа жизни, поскольку они либо помогают, либо мешают благополучному преодолению затруднений.

Изучение процессов, реализующихся в пределах социокультурного пространства, предполагает необходимость учитывать то, как люди будут относиться к имеющимся шансам, поскольку констатация их присутствия не дает оснований для суждения о характере разрешения ситуации. Так, наличие благоприятных возможностей есть условие необходимое, но недостаточное для решения проблемы. Человек может не заметить их, особенно, если они являются новыми; они могут быть встречены сопротивлением, особенно в случае расхождения с привычными стереотипами, наконец, их использование может быть неадекватным. Точно так же наличие неблагоприятных факторов совсем не обязательно предполагает неудачу. Благодаря своей активности человек может преодолеть препятствия, мешающие ему получить нужный результат. Он может отыскать новые способы нейтрализовать неблагоприятные черты ситуации. Наконец, он может переждать, пока обстоятельства, мешающие ему, сменятся более подходящими. В любом случае процесс достижения цели или решения проблемы растягивается во времени, но человек делает все, чтобы адекватно завершить его. Однако возможен и иной исход ситуаций такого рода. Индивид может полностью попасть под влияние их неблагоприятных черт.

В этом случае он, в конце концов, перестает действовать в направлении изменения ситуации. Он может примириться с наличием нерешенной проблемы, приспособиться к такому состоянию, включив в структуру своего образа жизни ряд компенсационных приспособлений; отказаться от ранее поставленной цели, заменить ее другой, что связано с необходимостью переопределить ситуацию.

Существенное влияние на образ жизни людей оказывает степень новизны жизненных ситуаций. Они возникают благодаря изменению внешних обстоятельств, а также психических или физических состояний людей. Новые факторы порождают необходимость их освоения, адаптации к ним, включения в образ жизни. Такие ситуации благоприятны для приобретения нового опыта, расширения сферы представлений и навыков. Они стимулируют также изменения в предметной среде, в знаниях и оценках, относящихся к различным ее компонентам, в нормах и правилах, регулирующих отношение к ней. В то же время новизна ситуации предполагает существенную напряженность, повышенное внимание, готовность к реакциям. При решении каждой жизненной проблемы люди встречаются с новыми факторами. И когда их становится чрезмерно много, появляется необходимость в структурных изменениях образа жизни.

Обобщая сказанное выше, можно сделать вывод, что понятие «жизненная ситуация» представляет собой полезную теоретическую единицу анализа образа жизни как процесса. Во-первых, появляется возможность установить границы между его различными стадиями. Во-вторых, разделение ситуаций на установившиеся и проблемные позволяет более детально понять механизмы порождения и усиления импульсов к поддержанию сложившегося положения дел или отклонению от него. В-третьих, соотнесение динамики образа жизни с более широким социокультурным контекстом открывает перспективу для понимания антропогенных истоков происходящих здесь изменений.

Исследование образа жизни представителей различных социокультурных групп, их проблемных жизненных ситуаций позволяет перейти от анализа непосредственных действий людей, направленных на преодоление затруднений, к обобщению способов их организации в рамках различных уровней и областей социокультурного пространства, к выявлению типичных реакций на социально значимые проблемы.

Контрольные вопросы

1. Теоретическая концепция образа жизни: динамика связей людей с социокультурным окружением.
2. Образ жизни и сопутствующие категории: познавательные функции.

3. Структура образа жизни.
4. Образ жизни как процесс. Понятие жизненной ситуации.
5. Познавательные функции понятия «образ жизни» как формообразующего начала в организации пространства обыденной жизни.

Глава 4. Освоение социокультурного пространства - - - - -

Изучение формирования личности, отклонений индивидуального поведения от норм и их последствий рассматриваются в той ветви психологической антропологии, которая связана с изучением корреляции между психическими и социокультурными закономерностями и носят специальное название «культура и личность».

Понятия «социализация» и «инкультурация»

Процессы освоения индивидом социокультурного пространства обозначаются понятиями «социализация» и «инкультурация», которые перекрывают друг друга по содержанию.

Наличие таких близких по смыслу терминов обусловлено двумя обстоятельствами. Во-первых, тем, что приобретение биологически ненаследуемого опыта является предметом анализа и в социологии, и в культурной антропологии. Как уже говорилось ранее, между познавательными областями существуют определенные различия в точке зрения на эту тему: внимание к массовым процессам в социологии, к первичным группам и индивидам в психологической антропологии. Этим можно объяснить, желание исследователей разграничить термины. Во-вторых, несходством представлений о культуре в рамках самой культурной антропологии. Те, кто относит понятие ко всем животным и обозначает им биологически ненаследуемые последствия существования популяций в жизненной среде, склонны употреблять термины практически как синонимы. Те же, кто ограничивает его содержанием общественной жизни только человека, считают целесообразным разводить термины. С этой точки зрения в процессе инкультурации индивид «осваивает традиционные способы мышления и действий, составляющие культуру и отличающие его общество от других человеческих групп». Этот сложный процесс начинается в раннем детстве приобретением навыков овладения своим телом и элементами непосредственной жизненной среды и продолжается всю жизнь. «Каждый человек проходит через процесс инкультурации... поскольку без него не может существовать как член общества»¹. Понятие же «социализация» связывается с приобщением к социальным нормам и институциональным формам взаимодействия.

В этих процессах принято выделять две основных стадии: первичную, или детскую (обычно включая подростковый возраст), и вторичную, относящуюся к взрослым (включая процессы ресоциализации в психиатрических клиниках и пенитенциарных учреждениях). На первом этапе дети впервые осваивают самые общераспространенные, жизненно необходимые элементы социокультурного пространства. Задача взрослых здесь — сформировать у нового поколения адекватные навыки, необходимые для нормальной социокультурной жизни. Задача детей — максимально полно овладеть «азбукой» взаимодействия и коммуникации. Для этого периода в любых обществе, социальном слое, группе существуют специальные приспособления, которые минимизируют степень риска при использовании детьми полученных знаний и навыков в их повседневной практике. Ярким и показательным примером такого рода может служить феномен игры. Ранняя социализация характеризуется превалированием роли взрослого в отношениях, связанных с трансляцией социокультурного опыта, вплоть до использования механизмов принуждения ребенка к постоянному выполнению определенных стереотипных форм активности. Эта ступень социализации рассматривается как один из ключевых механизмов, обеспечивающих стабильность социокультурного пространства.

Основные черты второй стадии обусловлены правом индивида на самостоятельность в пределах, установленных в данном обществе, социальном слое, группе. Он начинает комбинировать полученные знания и навыки для решения жизненно важных задач; расширяются его возможности принимать решения, которые могут иметь значимые последствия для него и для других; он получает право участвовать во взаимодействиях, результатами которых могут быть культурные изменения. Причем индивид во всех этих ситуациях сам должен контролировать степень индивидуального риска при выборе альтернатив.

Таким образом, начальные этапы освоения окружения способствуют сохранению стабильности институциональных социокультурных форм. Поскольку трансляция старшим и воспроизведение новым поколением уже имеющихся паттернов отношений контролируют беспрепятственное проникновение в совместную жизнь людей случайных и новых элементов. На последующих ступенях членам общества приходится принимать на себя ответственность за экспериментирование в социокультурном пространстве, за внесение в него изменений различного масштаба. Эти процессы обеспечивают в каждой его области нормальное формирование личности и поддержание жизненной среды.

Социализация, инкультурация ребенка как предпосылка трансформации его во взрослую, способную к адекватному участию в социокультурной жизни личность составляют одну из цен-

тральных проблемных областей психологической антропологии. Она отличается спецификой теоретических оснований и предмета исследования по отношению к другим областям социальной и культурной антропологии. Речь идет об изучении процессов освоения ребенком знаний и навыков, необходимых для его существования в ближайшем окружении, в социокультурной жизни, характерной для социальной группы, слоя, общества, к которым он принадлежит. Детский опыт формируется на первоначальной стадии благодаря взаимодействию врожденных предпосылок ребенка (свойств и потенций) с социокультурными образцами, нормами, правилами, характерными для его социальной сети и передаваемыми с помощью механизма традиции, то есть путем непосредственной межличностной трансляции (от старшего к младшему, от знающего и умеющего к неопытному).

Детство понимается главным образом не как самостоятельная стадия индивидуального существования, но как период культурного приобщения человека к полноценной социокультурной жизни. Взрослым индивидом считается в случае приобретения им определенной совокупности врожденных и приобретенных характеристик:

— достижение необходимой степени зрелости организма, как правило, несколько превышающей наступившую способность к воспроизведению потомства;

— овладение навыками собственного жизнеобеспечения на уровнях домашнего хозяйства и общественного разделения труда;

— овладение достаточными знаниями и практическим опытом через участие в определенных первичных и формальных группах и знакомство с различными социокультурными кодами;

— принадлежность к конкретным социальным слоям, группам, позициям, характерным для взрослых членов общества.

Обычно достижение состояния «взрослости» отмечается в любой культуре обрядом инициации или его аналогами. С их помощью специально выделенные институциональные структуры в лице исполнителей особых ролей утверждают за индивидом право не только осваивать социокультурное пространство, но только пребывать в нем, но и менять его элементы. Как правило, во всех обществах и культурах от взрослого индивида ожидаются проявления способностей, возможностей и эффективной активности, направленных на воспроизведение социокультурной жизни в ее ключевых измерениях (социокультурное взаимодействие, создание вещей, идей, образов, воспроизведение потомства).

Первичная социализация (ранний этап)

В исследовании детства можно выделить три основных акцента: ребенок в процессах социализации и инкультурации; ребенок как субъект в отношениях с другими; социокультурная среда с позиции

детского опыта. Последний аспект исследования является достаточно новым и познавательным интересным. Он открывает дополнительные возможности в изучении микроизменений социокультурных образцов при их освоении в детстве и дальнейшем использовании во взрослом возрасте, а также формирования личностных предпосылок и предрасположенности к инновативным поискам.

С этих позиций изучение процессов формирования личности на ранних стадиях жизненного цикла, или первичной социализации, предполагает ответы на вопросы о механизмах приобретения «раннего опыта»; способностях человека к научению; соотношении врожденного и заученного в онтогенетическом процессе; структуре приобретения жизненного опыта от момента рождения до вхождения во взрослую жизнь. Решение этих проблем осуществляется в таких предметных областях, как межличностная коммуникация, процессы научения, детская культурная активность.

Предпосылки формирования коммуникативных навыков (контакты с родителями)

В 80-х годах XX в. на передний план исследований выдвигаются коммуникативные аспекты первичной социализации, прежде всего в контексте отношений детей с родителями, начиная с раннего возраста и до момента овладения членораздельной речью. В качестве показательных рассматриваются ситуации «мать — ребенок», «родители — ребенок», «незнакомые — ребенок». Выяснено, что недостаток внимания к детям в раннем возрасте может стать причиной ряда заболеваний, в том числе психических. Тогда как тесный контакт развивает его интеллект, способность к решению задач в большей степени, чем при значительной дистанции между ними. Выяснилось также, что кормления и гигиенического ухода недостаточно, чтобы сформировались важные предпосылки для дальнейшей инкультурации ребенка. Необходимо, чтобы родители разговаривали, играли с ним, создавали эмоционально насыщенное межличностное пространство. Особое значение имеет в этот период ориентация близких на желаемый образ поведения ребенка. По результатам исследований подобные культурные ожидания дети начинают воспринимать с трехмесячного возраста.

Опыт глобальных сравнительно-культурных исследований, создание мирового этнографического атласа, начавшееся в 40-х годах XX в. под руководством Г. Мердока, подтвердили научную и практическую значимость изучения процессов ранней социализации. Сравнения позволили исследователям систематическим образом осмыслить различия в проявлениях отношений между родителями и детьми, наблюдаемых в различных культурах и субкультурах. На базе данных атласа Г. Мердока была построена теория социализации, связанная с родительским разрешением — запрещением. На основе вариаций этих переменных по определенной формальной

схеме осуществляются интерпретация, объяснение и предсказание поведения, интеллектуальных, эмоциональных реакций будущего взрослого в определенных социокультурных ситуациях. Схема строится на оценке одновременного влияния на тип поведения ребенка двух параметров: дистанция и характер родительского отношения, с одной стороны, и частота проявления определенного типа отношения — с другой. По первому параметру выделяются четыре типа дистанций в отношениях родителей к ребенку: понимание, теплота, любовь; враждебность и агрессивность; индифферентность; контроль. По второму параметру устанавливается четырехбалльная шкала оценки соответствующих проявлений: редко (в исключительных случаях); иногда; часто; всегда (по большей части). В свою очередь родительский контроль оценивается как отсутствующий, слабый, твердый, следящий, ограничивающий автономию. Анализ данных в соответствии с такой схемой позволяет не только выявить распределение в обществе типов семейной первичной социализации и определить доминирующий здесь тип, но и проинтерпретировать или предсказать поведение взрослых индивидов в стандартных социокультурных ситуациях.

Основные предпосылки научения

Относительно научения у исследователей до сих пор существуют серьезные расхождения в понимании соотношения врожденных свойств и воздействий среды при трактовке успешности этих процессов. Одни считают, что способности человека и базирующиеся на них навыки — особенно на ранних этапах развития — формируются в соответствии с естественным созреванием генетически предопределенных механизмов. Другие утверждают, что ребенок обучается во взаимодействии с окружением, и в этом процессе у него формируются не только навыки, но и способности. Проверка гипотез, базирующихся на каждой из названных позиций, осуществляется на обширном и разнообразном сравнительно-культурном материале. Изучается развитие интеллектуальных, образных, предметно-наглядных, двигательно-стереотипных навыков оперирования элементами окружения. Рассматриваются и интерпретируются различия в сенсомоторных реакциях, особенностях памяти, внимания, других психических функций у детей из различных культур и социальных слоев. Выявляется и интерпретируется характерная для них специфика восприятия цвета, звука, пространства. Исследуется влияние культурных особенностей на развитие эмоциональной сферы ребенка, в особенности таких чувств, как любовь, ненависть, страх, удивление, радость, горе.

Результаты эмпирических исследований, проведенных М. Мид и Ж. Пиаже, позволили им поставить под сомнение тезис Леви-

31В Брюля об уподоблении мышления ребенка и «дикаря». Согласно

их независимым друг от друга выводов, мышление ребенка в примитивных культурах реалистичнее, чем у взрослых; дети не приписывают случайным событиям сверхъестественного значения; им не свойственно анимистическое мышление и т. п. Все это, говоря словами М. Мид, «оказывается детерминированным культурой, потенцией человеческого ума», но не является ранней стадией индивидуального развития или существования человеческой культуры. Что касается овладения родным языком, то исследования показали, что дети не учат язык как таковой, но осваивают разные стереотипные схемы и стили языковой коммуникации, которые позволяют им функционировать в качестве компетентных участников различных ситуаций. В процессе социализации они осваивают необходимый набор мировоззренческих представлений, которые удостоверяют и поддерживают их социокультурные идентичности.

Научение невербальному поведению является предметом исследований в рамках этологического направления. Они тяготеют к одному из двух основных полюсов интереса. С одной стороны, делается акцент на выявлении биологических предпосылок, значимости наследственных факторов в развитии этих навыков. С другой стороны, заметно тяготение к тщательному анализу его социокультурных детерминант. Следует подчеркнуть, что обе ориентации не находятся в оппозиции друг с другом. Двойная детерминация невербального поведения сегодня общепринята. Речь идет о доминанте исследовательского интереса.

Внимание исследователей к экстралингвистическим аспектам человеческой коммуникации, к их генезису в раннем детстве, в период от рождения до овладения членораздельной речью вполне объяснимо. В этот период отношения с окружением, эмоциональные переживания и состояния выражаются через жесты, мимику, позы, и механизмы их формирования более очевидны, чем у взрослых. Сравнительно-культурные исследования обеспечивают дополнительную информацию для понимания общих и специфических структурных, функциональных, символических особенностей невербальной коммуникации в процессах ранней социализации в различных культурах. В настоящее время ведется разработка детальных «словарей» ее языка. Так, например, выделено 136 терминов и их сочетаний, применяемых для описания различных эмоциональных состояний детей; только улыбок перечисляется 10 видов¹. В качестве важных коммуникативных средств, используемых ребенком для выражения отношения к отдельным элементам окружения, выделяются общая мимика, выражение глаз, улыбка; довербальное интонирование; жест. Сейчас постепенно складывается своеобразный «словарь» такого невербального «языка».

¹ *Brannigan Ch.R., Humpers D.A. Human non-verbal behavior // Ethological Studies of Child Behavior. Blurton J.N. ^ed.)- Cambridge, 1972.*

Особой темой в изучении освоения окружения ребенком является формирование избирательности по отношению к социокультурному пространству. В качестве ее показателей на довербальном уровне принимаются комплексные реакции оживления и страха по отношению к людям, предметам, ситуациям. Этот тип поведения наблюдается уже в двухмесячном возрасте. Причем способность узнавания, различения знакомого и незнакомого проявляется намного раньше, чем страх перед последним¹.

Вопрос о причинах боязни чужих и одновременного любопытства к ним остается пока нерешенным, а ответы на него носят гипотетический характер. Одни исследователи считают это врожденным антропологическим свойством, аргументируя тем, что оно проявляется у детей, не имевших соответствующего негативного опыта. Предполагается, что существуют какие-то исходящие от людей сигналы, одни из которых вызывают настороженность, а другие настраивают на дружеский лад. Личное знакомство в значительной степени блокирует механизмы тревожности. Поскольку при постоянных непосредственных контактах принимаются уже знакомые сигналы, люди, живущие среди родственников и друзей, не испытывают напряжения². Но это лишь предположение, поскольку пока неизвестно, в соответствии с какими признаками осуществляется дифференциальная избирательность людей по отношению друг к другу, тем более, что дети боятся не всех незнакомых, а выборочно.

Культурная активность ребенка

Среди культурных форм, оказывающих существенное влияние на социализацию ребенка, на выход его в область самостоятельных решений и действий, важнейшее место принадлежит игре. Это пространство, внутри которого самостоятельность детей поощряется, однако ее последствия не связаны с серьезным риском, поскольку существуют определенные правила, организующие соответствующие виды активности. В зависимости от характера осваиваемых навыков можно, как уже говорилось, разделить игры на следующие типы:

- физические, в которых тренируется моторная активность;
- стратегические, развивающие способность прогнозировать возможные результаты и оценивать их личностную вероятность;
- стохастические, где решающая роль принадлежит случаю, удаче, приучающие ребенка к тому, что он может встретиться с неконтролируемыми обстоятельствами, к представлению о риске;

¹ Salzen E.A. Social attachment and a sense of security / Human Ethnology. Von Cranach et al. (eds.). Cambridge (Mass.), 1979. P. 603.

² Эйбл-Эйбсфельде И. Общественное пространство и его социальная роль // Культуры. 1983. № 1. С. 119.

— ролевые, предназначенные для того, чтобы ребенок осваивал технологии перехода из одних стандартных социальных ситуаций в другие¹.

По другому социализующему основанию классифицировал игры Э.Г. Эриксон: «аутокосмическая игра, направленная на собственное тело, микросферическая игра, имеющая предметом игрушки, и макросферическая, направленная в мир играющего»². В этой культурной форме развиваются такие личностные свойства, как интеллект, способность к обучению, фантазия, воображение. Эриксон придавал ей большое значение в процессе иикультурации: здесь ребенок учится проверять и воспроизводить реальность через модели ситуаций, копирующих повседневную социокультурную жизнь³.

Значимое место в процессах первичной социализации принадлежит освоению полезных практических навыков и формированию ценностного отношения к труду. Культуры и социальные слои различаются с точки зрения возраста, в котором ребенок вовлекается в соответствующие процессы, и, следовательно, по конфигурации детского образа жизни (соотношения в нем игры, труда и праздности).

В настоящее время этот аспект социализации представляется исследователям особенно важным. Современные технологии, переменчивость экономической конъюнктуры в развитых обществах обуславливают существенные изменения в этой составляющей социализации. Сегодня из системы общественного разделения труда исключаются целые классы традиционных профессий, а на их месте возникают совершенно новые. Меняется техногенная среда повседневной жизни. И необходимы новые схемы ранней социализации, адаптирующие детей к этим условиям.

Многочисленные сравнительные исследования доказывают правомерность утверждения о влиянии детского опыта на формирование личности, стандартных элементов социализации на воспроизведение культурных стереотипов. Тем не менее сегодня исследователи не склонны, как, скажем, в 20—40-х годах. XX в., преувеличивать значимость этого влияния. Изучение индивидуального жизненного цикла, психобиологических и культурных особенностей его различных стадий все более становится фокусом исследовательского интереса. И уже есть данные, хотя и не особенно многочисленные, о том, что со временем личностное социокультурное пространство претерпевает существенные структурные изменения и что приобретенные в детстве стереотипы вполне могут

¹ *Roberts M., Sutton-Smith B.* Child training and game involvement / *Ethnology*. 1962. Vol. 1. №2. P. 166.

² *Honigman J.J.* Culture and Personality. 1954. P. 255 — 256.

³ *Ibid.* P. 257.

быть полностью вытеснены или трансформированы в более зрелом возрасте.

Значительное внимание в этой связи уделяется такому нормативному аспекту культуры, как «эталонная» личность или идентичность. Сравнительные исследования обнаруживают наличие подобного феномена во всех культурах. Соответственно предметом исследования становятся место, роль и функции, которые принадлежат в процессах социализации и на ранних стадиях жизненного цикла такого рода эталонам. Исследования показывают, что в сообществе может быть несколько типов такой идентичности, соответствующих различным статусам, ролям, типичным социально значимым ситуациям. Они в наглядной форме задают идеальный план действия и презентации себя в стандартных обстоятельствах. В то же время исследуется, в каком возрасте и почему реальные правила результативной активности в этих условиях расходятся с эталонными.

Из всего сказанного выше следует, что в рамках психоантропологического изучения социокультурной жизни детству уделяется большое внимание, поскольку в этот период приобретает первый и, возможно, сильнее всего запечатлевающийся опыт включения в ее пространства. Динамика становления личности, ее жизненного пути, как свидетельствуют результаты исследований, сложным образом, и отнюдь не напрямую, как считалось раньше, связана с ранним детством. Тем не менее в этот период осваиваются важные предпосылки дальнейшей социализации. Как отмечала Дж. Данн, «мы лишь тогда начали понимать человеческое развитие, когда стали изучать детей в их реальном социальном мире»¹.

Социализация после раннего детства

Освоение различных областей социокультурного пространства не ограничивается опытом раннего детства. Оно с различной степенью интенсивности происходит несколько раз в течение жизненного цикла человека и тоже называется социализацией.

В самом общем виде под социализацией после раннего детства понимается совокупность культурно оформленных и социально установленных процессов приобретения людьми знаний и навыков, необходимых для адекватного совместного существования, т. е. взаимодействия и коммуникации в социально значимых ситуациях; выражения личностно значимых переживаний и побуждений в культурно приемлемых формах; подчинения действий и поведения установленным нормам и индивидуальной ответственности за

¹ *Dunn J.* Understanding human development: Limitation and possibilities of an ethological approach. Human Ethology. M. von Cranach et al (eds.). Cambridge (Mass.), 1979. P. 639.

их соблюдение или нарушение. Социализация — это непреложная часть общественной жизни и универсальный фактор динамики личности в сложном и подвижном социокультурном пространстве.

Уровни освоения окружения

Ранняя социализация обеспечивает основные предпосылки для дальнейшего освоения жизненной среды, социальной структуры, представленных в культуре в виде стереотипов и образцов действий, поведения, взаимодействий, нормативных предписаний и запретов, ценностных суждений, которые кодифицируются и специально демонстрируются в поведении как социально значимые. В этом процессе происходит структурирование фундаментальных видовых способностей и задатков человека.

Уровню практических действий соответствуют навыки поискового и стереотипного оперирования предметами и научение ему. Операциональными единицами здесь являются отдельные действия или акты поведения, а суть процесса заключается в построении цепей из таких единиц, соответствующих достижению определенного практического результата. Социализация в этом случае основывается на природной способности человека к организации собственной активности так, чтобы взаимодействовать с людьми и артефактами, существующими в его социокультурном пространстве.

Уровню образного освоения окружения соответствуют навыки выделения его целостных сложных областей и планов, начиная от самого общего «фона» («картина мира», «определение ситуаций») и кончая неустойчивыми единицами восприятия в выделенных пределах. За операциональную единицу можно принять образ, который позволяет людям воспринимать социокультурное пространство с различной степенью обобщенности и устойчивости. Социализация на этом уровне основывается на природной способности человека к формированию и распознаванию образов.

Уровню мыслительных процессов соответствуют навыки доэмпирического оперирования представлениями, обобщения количественных и качественных элементов окружения, кодирования и декодирования социокультурной информации. Операциональными единицами такой активности становятся знаки и символы, а ее суть заключается в распознавании или установлении связей, организующих их в устойчивые или нестабильные целостности, имеющие значение для практической деятельности, для адаптации человека в социокультурном окружении. Возможность социализации обеспечивается природной интеллектуальной способностью человека.

Эмоциональному уровню соответствуют навыки дифференциальной оценки своих переживаний, элементов и состояний социокультурного окружения, собственных способов освоения и

использования культурных объектов. В качестве операциональных единиц принимаются чувства удовлетворенности или неудовлетворенности. Первое из них побуждает человека поддерживать сложившиеся отношения с окружением и их эмоциональные эквиваленты, а второе стимулирует к их изменению. Социализации подлжит природная способность человека строить свои отношения со средой выборочно.

На каждой стадии индивидуального жизненного цикла и в различных областях социокультурного пространства эти уровни структурируются по-своему. Социализацию можно считать адекватной, если все они формируются в соответствии с состоянием, структурой и динамикой соответствующих ситуаций.

Культурно-пространственное измерение социализации

Рассматривая процессы социализации в определенном обществе, необходимо принимать во внимание все, что было сказано ранее о социокультурном пространстве. Социально значимые элементы культуры имеют здесь свою временную и социально-структурную распределенность, границы которой позволяют выявить локусы социализации (институты, группы, информационные блоки) и их дифференциальную доступность для членов общества в разные возрастные периоды. Выделение в таком пространстве его специализированного и обыденного уровней позволяет отличать процессы и институты, связанные с приобретением профессиональных знаний и навыков, от тех, что характерны для общего образования и культурных форм повседневной жизни.

Конкретизировать содержание социализации можно, обратившись к концепции образа жизни членов общества. В качестве его структурных составляющих выделяются культурно установленные модусы самореализации людей как представителей общества.

Следует напомнить, что с точки зрения содержания приобретаемых и используемых знаний и навыков можно выделить следующие:

- жизнеобеспечение: профессиональная деятельность, домашний труд, приобретение и потребление товаров и услуг;
- личностное развитие: приобретение общего и профессионального образования, общественная активность, любительские занятия;
- социальная коммуникация: формальные и неформальные отношения, путешествия, физические передвижения;
- восстановление энергетических затрат: потребление пищи, соблюдение личной гигиены, пассивный отдых, сон.

Каждый из перечисленных модусов имеет социокультурное содержание, т. е. предполагает освоение связанных с ним способов действий, побуждений, ценностных представлений, «правиль-

ного» поведения. Рассмотрение социализации с этой точки зрения позволяет фиксировать те формы социокультурной жизни, которые осваиваются всеми представителями общества, и те, освоение которых становится отличительным признаком принадлежности к определенным субкультурам или социокультурным слоям.

Проблема социализации в пространственном аспекте основывается также на представлении о границах, которые люди проводят между собой и своим социальным окружением. Она трактуется через дихотомии «я — другие» на индивидуальном уровне, «мы — они» — на групповом, т. е. через анализ факторов и механизмов, обуславливающих установление границ в совместном существовании людей, в процессах социального взаимодействия, культурной коммуникации. Такого рода исследования направлены на то, чтобы объяснить, каким образом происходит установление и прерывание контактов между людьми, при каких условиях возникает необходимость укреплять личностные и групповые границы, а при каких они становятся более проницаемыми.

Регулирование отношений «я — другие» на индивидуальном уровне составляет один из важнейших принципов в формировании межличностных отношений. Соответственно культурные выражения и закрепления их форм и структур занимают важное место в процессе социализации. Антропологический механизм такого регулирования формируется на всех уровнях существования человека: на органическом — это способность организма отличать внутренние для него сигналы от внешних; на телесном — это ощущение границ персонального пространства; на социально-психологическом — это эмоциональная связь (близость — отчуждение); на культурном — это способность выражать и понимать сигналы межличностной дистанции. Нарушение его адекватного функционирования имеет негативные последствия как на индивидуальном, так и на социальном уровнях. В первом случае это ведет к потере идентичности — психическому состоянию или заболеванию, при котором человек теряет способность к различению внутреннего и внешнего мира, «я» и «не-я». Во втором — порождает агрессивные реакции и конфликтные отношения.

Регуляция приватности культурными средствами осуществляется с помощью вербальных сигналов, знаков экспрессивного и проксемического (пространственного) поведения, характера одежды, средствами организации предметно-пространственной среды. Это непрерывный процесс, осуществляемый различными «я», составляющими общество, вступающими во взаимодействие друг с другом и выходящими из него. Таким образом, соотношение социальности и приватности представляет собой механизм избирательного контроля над проницаемостью границ персонального пространства, основание индивидуального права выборочно

открывать или закрывать его для воздействия со стороны других. Фундаментальность таких процессов для формирования социокультурного пространства обуславливает важность для психологической антропологии ответа на вопрос: «как в культуре используется вариабельность уровней поведения для регуляции отношений „я — другие"»¹. Степень приватности в различных культурах, субкультурах, социокультурных ситуациях варьируется от максимальной открытости к максимальной закрытости. Тем не менее даже в предельных случаях, как показывают сравнительно-культурные исследования, всегда сохраняется определенное соотношение процессов социальности и приватности, всегда имеется культурная выделенность последней².

Развитие урбанизации и возникновение мегаполисов породили социокультурные проблемы высокой плотности и скученности расселения. Жителям таких городов приходится часто попадать в ситуации вынужденных контактов с незнакомыми людьми — на улицах, в учреждениях обслуживания, в городском транспорте. Скученность обуславливает постоянную угрозу нарушения «персонального пространства». В связи с этим в культуре мегаполиса усиливаются в массовом масштабе тенденции к приватности и формируются соответствующие образцы поведения и области социокультурного пространства. Так, общество мегаполисов является «анонимным»: люди не просто могут быть незнакомыми друг с другом будучи жителями одного квартала, но они не хотят этого и имеют на это право. Городские жители законом ограждаются от вмешательства в их приватную жизнь даже ближайших соседей. Закон в мегаполисах как механизм регулирования социального взаимодействия существенно преобладает над моралью (локальными нравами и обычаями). Основной способ адаптации и, следовательно, социализации в этих условиях связан с развитием индивидуальных механизмов регуляции коммуникативных процессов, приобретением навыков контроля над обменом информацией, формированием защитных реакций в сфере эмоционального обмена (маскировка, подавление эмоций). Именно культура крупнейших городов породила феномен «ролевого поведения», сводящего контакты между людьми в институционализированных ситуациях к максимально возможной рационализованной и функциональной форме. Сегодня такие барьеры становятся устойчивыми стереотипами поведения в современном урбанизованном обществе. Однако, как всегда в культуре, такая тенденция на первоначальных стадиях формирования оказывается далекой от оптимума в своем проявлении.

¹ Altman I. Privacy as an interpersonal boundary process // Human Ethology. Ed. Mvon Cranach et al. Cambridge etc., 1979. P. 121.

² См.: Эйбл-Эйбесфельдт И. Общественное пространство и его социальная роль // Культура. 1983. № 1. С. 118 — 119.

Усталость от множества изменчивых и интенсивных воздействий окружения побуждает людей искать благоприятные пространственные условия, ограждающие приватность. Последняя становится культурной ценностью, будучи подкрепленной массовым предпочтением этого состояния. Тенденция к поддержанию эмоциональной дистанции по отношению к «чужим» распространяется на ближайшее окружение личности — родственников, друзей, знакомых. Обособление приобретает патологические формы ощущения безвыходности, изоляции, одиночества, непреодолимости психологических барьеров в сфере межличностных контактов, неумения выразить себя адекватным (приемлемым для себя и для других) образом. В результате в крупнейших городах возникают соответствующие формы как психических, так и поведенческих патологий, нормализация которых является одной из важнейших задач специалистов в области социализации (образования, психиатрии, пенитенциарной системы, адаптационного консультирования, социальной помощи).

Временное измерение социализации после раннего детства

Помимо культурно-пространственного измерения социализация имеет и временное. В этом процессе можно выделить несколько периодов. Исключительное место, как уже отмечалось, принадлежит ранней стадии, когда младенец впервые попадает в социокультурное пространство. Здесь формируются предпосылки для остальных ступеней социализации, периодизация которых может определяться тем, какие из модусов социокультурной жизни являются ведущими на каждом из них и, следовательно, какие знания и навыки предполагается осваивать и развивать на их начальных стадиях.

Первый период можно назвать первичной социализацией. Она связана с приобретением на базе раннего детского опыта социально обязательных общекультурных знаний и навыков, носящих неспецифичный в культурно-кодовом отношении характер. В этот период их приобретение и практическое освоение становится ведущим модусом образа жизни, а соответствующими институтами — детские дошкольные и школьные учреждения. Индивид отдает пребыванию в них значительную часть времени и усилий. Приобщение к профессиональным субкультурам осуществляется в специализированных школах и училищах, сочетающих общее образование с обучением профессии. Начальное представление о существовании социальной стратификации и разных субкультур приобретается в этот период через семью, контакты с детьми из других социокультурных слоев, с воспитателями и преподавателями. В подростковом возрасте начинается осознанное вхождение в специфично молодежную субкультуру.

Второй период— это профессиональная социализация. Она состоит в овладении специализированными трудовыми знаниями и навыками в приобщении к соответствующим институциональным кодам и структурам. В образе жизни людей на этом этапе такая подготовка становится социально установленным ведущим модусом, предполагающим значительные затраты индивидуальных усилий и времени. Институты, обеспечивающие соответствующие знания и навыки — это специальные учебные заведения (высшие и средние). Здесь начинается культурная дифференциация молодых членов общества, поскольку они приобщаются к различным институциональным областям социокультурного пространства со специфичными для них взглядами на мир, ценностными представлениями, обусловленными соответствующими историей и традициями. Социализация общекультурного характера в период профессиональной подготовки осуществляется, во-первых, как освоение молодым человеком нового, уже не детского статуса в семье; во-вторых, как приобретение новых знаний и навыков за счет значительного расширения в этот период круга социальных контактов; в-третьих, путем обсуждения и интерпретации своего нового статуса и нового опыта в рамках молодежной субкультуры. В этой сфере также развиваются навыки существования в неоднородном социокультурном пространстве и пользования признаками социокультурной дифференциации.

Третий период характеризуется включением личности в систему общественного разделения труда. Здесь социализация состоит в овладении необходимыми знаниями и навыками на рабочем месте, в попытках соединить с ними полученный ранее опыт, а также в адаптации в профессиональной субкультуре. Трудовая деятельность в этот период становится на долгие годы ведущим модусом в образе жизни индивида. В это время он становится полноправным гражданином общества, и его дальнейшая социализация осуществляется не на базе специальных институтов социализации, а в непосредственных контактах — формальных и неформальных — в широком круге социокультурных ситуаций, характерных для его социального слоя и групп принадлежности.

В профессиональной социализации в этот период целесообразно проводить различие между первоначальной адаптацией на рабочем месте и повышением квалификации. В первом случае необходимая компетентность приобретает в непосредственной трудовой среде. Для второго случая существуют институциональные формы, которые отличаются от первых двух этапов обучения фокусированностью на узкой специализации. Временные затраты, связанные с повышением квалификации, влияют на структуру образа жизни индивида до тех пор, пока это переобучение происходит. В период полной включенности людей в социокультурную жизнь

закрепляется их дифференциация по профессионально-квалификационным, демографическим признакам, по степени гражданской активности, т. е. их позиция в социокультурном пространстве. При этом, чем меньше социально значимых контактов с другими видами занятий предполагает профессия, чем ограниченнее цели группы политической принадлежности индивида, тем беднее его жизненная среда, тем менее она способствует повышению уровня культурной компетентности личности.

Общая социализация человека в период полной включенности в систему общественного разделения труда и полноправную гражданскую жизнь происходит за счет как субкультурных, так и общесоциальных механизмов. Адаптируясь в этих областях социокультурного пространства, он под влиянием позитивных и негативных санкций (поощрений и наказаний, одобрений и осуждений) со стороны окружающих осваивает принятые здесь образцы деятельности, взаимодействия, поведения, коммуникации, ценностные и нормативные представления. Далее, жизнь взрослого человека подразумевает его включенность в сети межличностных связей: семью, дружеские группы, группы по общим культурным интересам и т. п. Участие в каждой из них или перемена группы принадлежности обязательно предполагает дополнительную социализацию. Ведь в этих ситуациях возникает необходимость осваивать и применять иные по сравнению с имеющимся опытом социокультурные образцы, ценности, нормы. Но наряду с этим члены общества используют и институционально организованные средства: массовую информацию, учреждения культуры и т. п. Профессиональная деятельность и участие в группах принадлежности характеризуют структуру и содержание образа и стиля жизни представителей различных социокультурных групп, особенности которых поддерживают социальную стратификацию.

Четвертый этап социализации связан с пенсионным возрастом или утерей трудоспособности. В этот период человек оказывается за пределами системы общественного разделения труда. У него высвобождается время, ранее занятое профессиональной деятельностью, и ему приходится заново структурировать свой образ жизни так, чтобы не потерять свое лицо как члена общества. В различных культурах этот период социализации институционально обеспечен не одинаково. Однако его значимость как в индивидуальном образе жизни, так и на социальном уровне неоспорима. Если люди при резкой смене жизненных обстоятельств остаются вне активной социокультурной жизни и не существует специальных институциональных структур, позволяющих пожилым людям адаптироваться в условиях поиска новой социальной и культурной идентичности, начинается «сползание» личности в более примитивное маргинальное пространство, ее деградация.

Таковы основные периоды социализации и связанные с каждым из них навыки и знания, которые необходимо осваивать при переходе из одного социально-возрастного статуса в другой. В дополнение к этому следует особое внимание обратить на различие между ее тремя этапами: первичная ранняя (младенчество), первичная (первый этап) и вторичная (второй, третий, четвертый этапы). О младенчестве, как уже отмечалось, можно сказать, что здесь формируются предпосылки для дальнейшего освоения социокультурного пространства. В период первичной социализации происходит обучение, то есть овладение исходными практическими навыками и знаниями, а также умением научиться — и это ее цель. Вторичная социализация характеризуется применением навыков научения как средства для получения лично и социально значимых результатов, в том числе для повышения культурной компетентности. На этапах ранней и первичной социализации человек с необходимостью подвергается воспитанию, когда в него «вкладываются» социально обязательные элементы культуры. Основу этого процесса составляет подражание ребенка действиям и поведению взрослых, с одной стороны, и их директивные предписания — с другой. В период вторичной социализации изменения в поведении человека происходят благодаря самостоятельному отбору новых знаний и навыков, а также за счет применения к нему положительных и отрицательных санкций со стороны окружающих в различных ситуациях взаимодействия.

Описание процессов социализации будет неполным, если не упомянуть о так называемой ресоциализации. Это понятие соотносится с такими институтами, как пенитенциарные и психиатрические учреждения, и с такими категориями людей, как делинквенты (люди с отклоняющимся поведением), правонарушители, душевнобольные. В этом случае подростки и взрослые подвергаются специальным принудительным воздействиям, способствующим разрушению прежних, социально неприемлемых схем поведения и представлений, и формированию других, не вступающих в конфликт с образцами и нормами, установленными в обществе и культуре.

Норма и отклонение

Важной темой психологической антропологии в связи с концепцией социализации была и остается относительность грани между психической нормой и патологией. Сама тема и базовая точка зрения на нее были заданы статьей Р. Бенедикт «Антропология и патология»¹. Развивая идеи З. Фрейда, она выдвинула гипотезу о том, что каждая культура содержит особственные представления о здоровье, а также особые, характерные для нее черты, которые вызывают специфические психопатологические реакции. Ей при-

надлежит допущение, что нормальными считаются поведение и состояния, находящиеся в соответствии с установлениями данного общества, оправданные в нем. Таким образом, представление о культурной норме приобрело релятивистскую окраску.

Кроме того, следует принимать во внимание неоднозначность самого термина. С одной стороны, в социальных науках нормой считается такое устойчивое регулятивное или референтное (обязательное для соотнесения с ним) образование, которое в этом качестве утверждено, признано и оправдано членами сообщества, а часто даже кодифицировано, то есть облечено в устную или письменную формулу, составляющую часть морального кодекса. С другой стороны, этим же термином обозначается норма в статистическом смысле, то есть часто даже неотрефлексированные формы взаимодействия, коммуникации, поведения, предпочтений, которые оказываются общими для большинства членов социального слоя, группы и проявляются только на уровне совместной активности. Из этого следует, что далеко не все виды общераспространенного поведения могут оправдываться на уровне принятого в сообществе морального кодекса, а массовое одобрение некоторых нормативных предписаний отнюдь не означает обязательного следования им.

Трактовка и объяснение отклонений от социокультурных норм, выявление порождающих их факторов, их последствий для личности и ее культурного окружения, механизмов их социальной и культурной институционализации осуществляются на базе культурно-антропологической интерпретации данных психиатрии и анализа правонарушений. Изучение народной медицины и этнопсихиатрии позволили выявить не только разнообразные виды терапии по отношению к известным душевным заболеваниям. Стало очевидным, что их значение и смысл неодинаковы в различных культурах. Варьируются оценка социокультурного статуса больного, его самовосприятие, граница, отделяющая психическую болезнь от здоровья и т. п. Соответственно расширились аналитические рамки для изучения устойчивости социокультурных структур по отношению к индивидуальным девиациям (отклонениям), а также последствий такой устойчивости для сохранности форм социокультурного пространства.

В этнопсихиатрических исследованиях многообразие психических отклонений и порождающих их факторов рассматриваются в двух основных аспектах. С одной стороны, изучается специфика девиантного поведения, особенности психозов и их истоков в зависимости от особенностей различных культур. С другой стороны, анализируются психические последствия перехода общества из традиционалистской в модернизованную форму: сравниваются особенности дисфункций психики в обоих типах обществ, место и роль в них наркотических культур (алкоголизм, наркомания, токсикомания).

Самостоятельную тему исследований составляет изучение психических отклонений, пограничных состояний личности как источников культурных инноваций (творчества). Интересный материал для изучения закономерностей индивидуальной обусловленности формирования культурных знаков и символов, культурной семантики обеспечивается сравнительно-культурным анализом сновидений.

Релятивизация концепции социокультурной нормы, проблематизация ее неизменности позволили исследователям более тонко изучить темы нормы и отклонения, здоровья и заболевания. Вненормативное поведение перестало однозначно трактоваться как патология органического или психического происхождения. Общесоциальные кодифицированные и статистические нормы больше не рассматриваются как безоговорочно и навсегда связанные с адаптацией людей к своему окружению и к сохранению личностного благополучия. В результате в модели изучения «отклонений» от общепринятых стандартов поведения выделяется три уровня их функционирования: норма для индивидуального организма задается видовой обусловленностью, наследственностью, физическими и психическими ресурсами человека как вида и т. п.; норма для группы обусловлена ее функциональной и структурной спецификой, особенностями свойственных ей нравов и обычаев по сравнению с другими группами; общесоциальная норма отражает общие принципы социального взаимодействия и регулирования конфликтов для всех членов общества на социетальном институциональном уровне.

Соответственно отклонение от определенного вида таких образований не следует сразу диагностировать как аномалию, но нужно подвергнуть анализу с точки зрения адаптационных последствий. Например, нарушение групповых или общесоциальных стереотипов отнюдь не свидетельствует о психическом заболевании индивида. Может оказаться, что найденная им позиция в отношении к окружению более отвечает критериям личностного или группового благополучия, чем общепринятые. Отклонения других типов могут носить разрушительный для индивида и группы характер. И поскольку социальная значимость инновации часто становится заметной лишь с течением времени, люди склонны не принимать ее сразу, продолжать придерживаться установившихся стереотипов и считать новое отклонением, нарушением, а иногда и патологией.

Подобным же образом не следует без проверки относить к преступным группам те, что в своих действиях выходят за рамки не только социально санкционированного морального кодекса, но даже некоторых правовых установлений. Может оказаться, что конкретные нормы, имеющиеся в определенной области социокультурного пространства, перестали соответствовать изменившейся ситуации, способствовать решению текущих жизненно

важных проблем. В то же время всегда обнаруживается сообщество, где найдены адекватные формы существования в изменившихся условиях, причем такие, что могут быть социально приемлемыми. Однако есть также группы, где инновации, способствующие приращению благополучия их членов, могут не только противоречить кодифицированным общесоциальным нормам, но и угрожать адекватному функционированию механизмов поддержания порядка, удовлетворяющего большинство членов общества. В этом случае общесоциальные нормы оказываются более действенными не только по традиции, но и по существу.

Проявления отклонений от норм поведения на одном из названных уровней не обязательно ведут к нарушениям на других. Так, психическое заболевание или индивидуальное преступление даже при условии их определенной статистической вероятности не разрушают социокультурных групп и общества. Институционализация такого рода событий позволяет локализовать их, «выгородить» из более широкого социокультурного пространства с его рутинными установившимися процессами. Клиники для душевнобольных, пенитенциарные учреждения (места для содержания и ресоциализации преступников), монастыри и т. п. суть те институциональные структуры, в которые помещаются несоциализованные или больные индивиды. Аналогичным образом противоречия и конфликты на уровне общественной идеологии могут никак не повлиять на образ жизни конкретных индивидов. Люди будут продолжать зарабатывать на жизнь, воспитывать детей, строить отношения друг с другом в соответствии с теми же стереотипами, что были им свойственны раньше.

Эмпирические критерии индивидуальной, социальной, культурной аномалии, патологии, по свидетельству многочисленных исторических и сравнительно-культурных исследований, меняются от эпохи к эпохе и от культуры к культуре. Эти различия становятся важным показателем их относительного своеобразия благодаря той социальной значимости, которая приписывается идее порядка в организации жизненного пространства людей. Соответственно поддержание и изменение представлений в обществе о норме и патологии определяет «логику» и философию истории, зафиксированные в культуре¹.

Контрольные вопросы

1. ПОНЯТИЯ «социализация» и «инкультурация», их познавательные функции при изучении поддержания и изменения социокультурного пространства обыденной жизни.

¹ *Herskovits M. Cultural Anthropology. N. Y., 1955. P. 273 (см. также работы М. Фуко).*

2. Концепция первичной социализации: качество освоения социокультурного опыта и его влияние на последующий образ жизни.
3. Социализация после детства и ее стадии.
4. Социокультурное пространство социализации.
5. Временные аспекты социализации.
6. Представления о норме и отклонении,

Главе 5. Дифференциация личности в социокультурном пространстве

Категории «социализация» и «образ жизни» позволяют концептуально связать понятия личности и социокультурного пространства. Однако, чтобы понять механизмы динамики такого рода связей, необходима более детальная проработка внутренней структуры личностной переменной. Это позволяет выделить аналитическую область, где легко прослеживается, каким образом индивидуальные побуждения, знания, навыки, привычки, способности поддерживают или изменению отношений между людьми в процессах социального взаимодействия.

Концептуализация связей личности с ее социокультурным окружением осуществлялась в рамках как психологии, так и социологии. Однако долгое время эти две точки зрения на человеческую жизнь не смешивались друг с другом. Специалист по личности все внимание уделял процессам, происходящим «внутри» субъекта, а социальный теоретик — событиям, происходящим вне него. Различными были их предметы изучения, а также принципы объяснения направленности и способов реализации человеческой активности. В случае изучения личности система теоретических представлений относится к ее внутренней структуре, выражаемой и различными терминами: «характер», «темперамент», «базовые личностные черты» и т. п. Устойчивые составляющие этой структуры выводятся из действия таких фундаментальных антропологических свойств, как побуждения, потребности, способности и пр. К ним и редуцируются формы проявляемой индивидуальной активности.

При изучении социальной организации описываются взаимодействия между ее членами, формы которых интегрируются в категориях «общество», «общность», «институт» и т. п. Структурные характеристики подобных форм выводятся из присущих им внутренних регуляторов межличностных отношений — правил, норм. К этим механизмам и обращаются обычно здесь при объяснении поведения людей.

Соответственно развивались и методологические позиции каждой из ориентаций. В психологии основной задачей стала разработка такой исследовательской техники, с помощью которой

можно было бы эффективно эксплицировать, прояснить, выразить внутриличностный опыт, вызвать характерные психические реакции или измерить силу побуждений, обуславливающих активность индивида. В социологии совершенствование методик исследования определялось необходимостью точно категоризировать функции и операции организаций; типологизировать устойчивые схемы отношений внутри них; объяснить правила, регулирующие стереотипы поведения их членов.

Если коротко обобщить различия между обоими взглядами на поведение людей, можно вслед за Д. Миллером¹ выделить набор проясняющих их дихотомий:

— в психологии основной интерес проявляется к личностным диспозициям, а в социологии — к жизненным условиям как факторам, детерминирующим поведение людей;

— в психологии доминирует трактовка человека как субъекта, агента порождения и изменения социальных отношений; в социологии человек рассматривается чаще как объект, поведение которого формируется под влиянием внешних социальных воздействий;

— в психологии главное внимание уделяется конкретной индивидуальной специфичности личности; в социологии человек представлен в абстрактных типичных социально значимых характеристиках (социально-демографических, социально-функциональных, профессиональных и т. п.);

— в психологии временное измерение — важная составная часть исследования, будь то личностные изменения в ходе жизненного цикла или определение времени реакции; в социологии концепция личности атемпоральна (не включает в себя категорию времени) и представлена в структурно-функциональных, но не динамических характеристиках;

— в психологии предметом исследования является совокупность интраперсональных (внутриличностных) феноменов: когнитивных процессов, эмоциональных состояний, переживаний и т. п.; в социологии в первую очередь изучаются интерперсональные явления, т. е. те черты социального взаимодействия, которые разделяются многими людьми, — стереотипы, правила, нормы ит. п.

Сегодня стало очевидным, что оба направления не противостоят друг другу, но освещают одну и ту же предметную область изучения — человеческую активность — с различных сторон. Накопленный к настоящему времени научный материал — эмпирические данные, исследовательские методы, теоретические модели — свидетельствует о том, что позиции можно рассматривать как взаимодополнительные. Более того, в рамках культурной ан-

¹ Handbook of method in cultural anthropology / Ed. by R. Naroll, R. Cohen. N. Y., 1973. P. 511-514.

тропологии двойная обусловленность феноменов культуры— со стороны свойств человека и со стороны его внешнего, в том числе социального, окружения — уже давно является широко признанным объяснительным принципом.

Социологическая представленность личности в контексте социального взаимодействия

В свете такой двойной обусловленности изучение процессов, происходящих в рамках социокультурного пространства и его динамики, состоит в рассмотрении социального взаимодействия с точки зрения сохранения или изменения их форм и структур и выявлении способов фиксирования такого рода динамических характеристик. Для решения этой задачи методологически важно выделить устойчивые конфигурации интеракций, имеющие символическое закрепление в культуре, служащие механизмами поддержания социокультурных порядков в обществе. Если в рамках социологии такие образования находят отражение в понятии «социальная структура», описывающем функциональные связи между институтами в повторяющихся социально значимых ситуациях, то в культурной антропологии обычно обращаются к категориям «нормы» и «правила», трактуемым в контексте межличностных отношений. Представления о формах их существования и способах обнаружения во многих случаях разноречивы. Однако изначально полагается, что они придают определенность и социально значимый смысл действиям и поведению людей в ситуациях взаимодействия. Они выражены в определенных культурных кодах и закреплены в текстах, формулах речи, актах поведения, последовательностях действий.

Соответственно выделяется пространство нормативных образований, с помощью которых люди организуют ситуации взаимодействия на уровне практик и представлений. Личность в этом случае представлена концептами «позиция», «статус», «роль», «идентичность». В культурной антропологии, социологии, социальной психологии они указывают на связь между порядками действий и представлений.

Понятие «социальная позиция» обозначает определенную категорию культуры, с помощью которой люди выделяют себя и друг друга как некоторое множество, объединенное общим признаком или набором общих признаков. Такие культурно установленные позиции, как «молодежь», «этническое меньшинство», «бюрократический аппарат», «больные» и т. п., содержат указание на выделенность этих людей в социокультурном пространстве. Соответствующие категории такого рода выполняют в культуре важные функции, а именно:

- фиксируют социокультурную дифференциацию по различным основаниям, принятым в обществе как социально значимые;
- определяют социокультурную модальность соответствующих групп;
- становятся предметом обязательного массового освоения.

Однако понятия «позиция» недостаточно, чтобы дифференцировать функции личности в системе общественного разделения труда или в границах образа жизни, а также оценить место, занимаемое ею в обществе. Такие характеристики следует упорядочить в соответствии со шкалами, отражающими различия осуществляемых действий и решений и степень ответственности за их социальные и культурные последствия. Это можно сделать, обращаясь к взаимным правам и обязанностям, регулирующим социальное взаимодействие в стандартизированных ситуациях.

В науках об обществе и культуре принято конкретизировать нормативное представление о социальной позиции в понятии «статус». Оно обозначает фиксированные письменно, устно или в стереотипах поведения наборы прав и обязанностей, соответствующих определенным позициям, а также правила их культурно установленного распределения в социокультурном пространстве. В этом случае речь идет об уточнении социокультурной дифференциации не только по функциям, но и по внутренней организации их осуществления. Иными словами, в статусных отношениях фиксируются структурообразующие принципы устойчивых социально значимых форм взаимодействия.

Благодаря акценту на нормативных аспектах социальных отношений понятие помогает упорядочить членов общества в соответствии с иерархией прав и обязанностей в зависимости от объема, качества, силы социальных последствий их отправления. Так, статус государственного деятеля в этом отношении выше статуса крупного коммерсанта, поскольку действия первого в большей степени влияют на общественную жизнь, чем действия второго. Поскольку, как следует из определения понятия «позиция», закрепленное в культуре представление о социокультурной дифференциации многомерно, люди, выполняющие различные наборы функций, могут иметь одинаковый статус. Так, в культурном отношении статусы титулованного академика и выдающегося художника примерно равноценны; то же можно сказать, сравнивая менеджера высокого ранга и крупного коммерсанта и т. п. Можно раскрыть это положение более подробно.

Определяющие социальный статус права и обязанности суть границы социального функционирования не столько в строгом юридическом, сколько в коммуникационном смысле. Речь идет о стереотипных формах обмена действиями, предметами, информацией, оценками в культурно зафиксированных ситуациях взаи-

модействия. Иными словами, понятие объединяет в себе как правовые, так и обыденно-культурные нормы, детерминирующие, например, такие индивидуальные преимущества в этих условиях, как право предшествования, авторитетного суждения, установления межличностной дистанции и т. п. На этой основе становится возможным сравнение по статусу людей, занимающих в обществе различные позиции.

Это понятие занимает важное место в структуре категории «образ жизни». Поскольку личность в каждой своей жизненной ситуации участвует в некоторой совокупности неоднородных социокультурных отношений, различны не только ее функции, но и положения, занимаемые ею в системах таких отношений. Иными словами, личность может иметь разный статус по разным позициям, к которым она одновременно принадлежит. Для ее образа жизни расхождение в статусе может иметь важные динамические последствия. Так, если человек с высоким статусом в официальных кругах имеет низкий статус в семье или дружеском сообществе, у него возникает эмоциональное напряжение, требующее разрешения, т. е. определенных изменений в образе жизни.

Из сказанного становится очевидным различие между понятиями «позиция» и «статус». Первое указывает на то, что в культуре предусматриваются категории, предназначенные для дифференциации членов общества по различным социально значимым основаниям. Второе позволяет упорядочить и «прошкалировать» членов общества по их функциям, представленным через их права, обязанности и меру ответственности. Познавательные возможности понятия «статус» делают его важным аналитическим инструментом при изучении строения социокультурного пространства и динамики событий внутри него. В то же время для выделения функциональных характеристик активности носителя определенного статуса применяется понятие «роль».

Разумеется, оно представляет собой метафору западной научной культуры, акцентирующую упорядоченные, рациональные компоненты поведения личности в ситуациях социального взаимодействия. Такой акцент может помешать исследователю увидеть социальный и культурный порядок в других обществах, где названные компоненты не занимают доминирующего положения в организации социального взаимодействия. И все же при умелом применении это понятие имеет важные познавательные возможности. Оно выделяет предписания, соответствующие определенным социальным позициям и статусам в подразумеваемых ими структурах социальных отношений или детерминированных ими жизненных ситуациях. Иными словами, понятие относится к так называемым оперативным нормам: что следует делать, как, в какой последовательности в определенной системе взаимодействия. С точки

зрения упорядочения связей между людьми оно отражает установленные и символически зафиксированные взаимные ожидания участников типичных социокультурных ситуаций. Такие организующие начала отличаются от тех, что включаются в понятие «статус». В последнем случае подразумевается, что значительная часть поведения ориентирована прямо на других людей.

Роль же предполагает правила, организующие конкретные действия индивида для реализации определенных потребностей, интересов, запросов в стандартных социокультурных ситуациях. Часть такого поведения описывается в соотношении с определенными правами и обязанностями, например, в роли родителей людям под давлением общественного мнения и даже закона приходится придерживаться достаточно жестких нормативных рамок, предписанных данной культурой или субкультурой.

Другая часть поведения может рассматриваться с позиций его внутренней организации, т. е. стандартизированных последовательностей действий, которых люди склонны придерживаться в целях экономии усилий. Такие правила принимаются индивидом по собственному выбору из альтернатив, культурно зафиксированных в рамках определенной роли. Так, в процессе обучения преподаватель может представить учебный материал в более простой или более сложной форме, с большей или меньшей степенью наглядности, преимущественно с фактологическим или теоретическим акцентом. Выход за рамки правил подобного рода по сравнению с первым случаем в значительно большей степени контролируется самой личностью, а не ее окружением.

Ролевая концепция личности оказывается весьма полезной при изучении динамики культуры. Рассмотрение набора ролей, исполняемых индивидом с определенным статусом в конкретной жизненной ситуации, позволяет увидеть динамическое поле его образа жизни. Составляющие этого набора могут быть конгруэнтными, т. е. сходиться к реализации сходных или дополнительных функций. В этом случае более вероятно воспроизведение имеющейся ситуации. Однако они могут вступать в столкновение. Тогда индивид ощущает неудобство от необходимости одновременно исполнять несовместимые роли (например, отца и юриста по отношению к сыну-правонарушителю) или в одной ролевой ситуации выполнять действия, последствия которых будут отрицаться в другой (например, как политик человек поддерживает определенную форму налогообложения, а как налогоплательщик страдает от нее). Соответственно в подобных случаях индивиду приходится искать выход из ситуации за счет изменения поведения, представлений, ориентаций во взаимодействии. Это влияет на динамику его образа жизни. Индивид может вносить изменения и в правила, организующие последовательности действий, соответствующих выполнению

определенных ролевых функций. Их сочетания могут становиться более согласованными или же выстраиваться на новых основаниях, обуславливая таким образом изменения в структуре образа жизни.

Аналитическая ценность категорий «позиция», «статус» и «роль» состоит в том, что они предполагают выявление и операциональное описание устойчивых связей между их теоретическим содержанием и наблюдаемым поведением. Последнее может быть представлено в обоснованных эмпирических показателях, соответствующих его воспроизводящимся схемам в однотипных ситуациях.

Концепция культурной идентичности

Выше были проанализированы понятия, представляющие личность в социокультурном пространстве через ее социокультурную активность. Однако, как известно, активность людей не исчерпывается только нормированными формами. Существуют значительные по объему зоны этого пространства, где она не имеет четкой регламентации. Например, в современной культуре такая категория, как молодежь, кроме возрастных пределов практически не обладает конкретной статусной и ролевой определенностью. Или же представление о таланте не указывает на положение человека в обществе, на совокупность его прав и обязанностей, выполняемых им функций. Следовательно, есть необходимость в понятии, которое определяло бы личность в культурном контексте, объединяя как нормированные, так и свободные аспекты ее самореализации. В таком качестве в культурной антропологии используется концепция идентичности. Она выделяет область исследования, где с наибольшей очевидностью можно наблюдать порождение стимулов к действию, выбор форм активности, механизмы социокультурной организации в любых ситуациях взаимодействия между людьми. С точки зрения когнитивных процессов, т. е. внутриличностных переменных, понятие указывает на специфичность индивидуальных, групповых способов организации представлений о событиях: как они переживаются, интерпретируются, оцениваются. С точки зрения социокультурного пространства, его параметров, понятие определяет особенности культурного «оформления» такого упорядочения, т. е. его представленности в предметном и символическом выражении. Таким образом, обращение к нему открывает возможность увидеть механизмы связи между внутриличностной — осведомленностью, интерпретация, оценка — и «внешней» социокультурной — предметы, символы — обусловленностью действий в любых ситуациях интеракции. Это делает понятие ценным с точки зрения изучения микродинамики процессов, происходящих в социокультурном пространстве.

В контексте же модели образа жизни его использование позволяет проследить внутреннюю смену событий, организуемых

личностью в рамках установившихся или проблемных жизненных ситуаций, а также пути перехода от одного их типа к другому. Обращение к понятию «идентичность» при рассмотрении образа жизни личности открывает большие познавательные возможности при изучении его микродинамики, в особенности эндогенно обусловленной. С одной стороны, речь идет о дифференциальной представленности личности в обществе и культуре. С другой — в этом контексте акцентируется непосредственная связь с категорией «я», обозначается его культурная представленность в различных ситуациях социального взаимодействия. Соответственно становится возможным анализ атрибутов обыденного или специализированного уровней культуры, используемых личностью при организации модусов (форм) своей социокультурной активности.

Поскольку понятие идентичности неотделимо от социального взаимодействия, в исследовании оно обозначает центр социокультурной среды, в каждом из структурных элементов которой личность занимает хорошо известное ей место. Важно также отметить, что оно указывает на культурно обозначенную единицу — личность, или группа, — определяемую стереотипными наборами атрибутов: поведенческих, предметных, символических. Атрибут может быть физическим, например, цвет кожи; социальным, например, статус семьи человека в сообществе; психологическим, например, качество интеллекта и т. п. Если признак такого рода заметно влияет на отношения между людьми, т. е. является социально значимым, он обычно приобретает культурное обозначение, своего рода «ярлык», выделяющий его носителя из ряда других и подразумевающий оценку последствий его действий. Например, идентичность по признаку принадлежности к национальному меньшинству предполагает во многих бывших метрополиях поддержание по отношению к нему значительной социальной дистанции. Или же идентификация человека как мудрого подразумевает априорное уважение к нему, обращенность к его жизненному опыту в сложных ситуациях и т. п.

Подобного рода культурные «метки», относящиеся к личности или группе, придают их образу жизни определенную содержательную окраску, а иногда и структурную специфику. Так, принадлежность к национальному меньшинству в условиях демократического правления побуждает людей совершать определенные действия, связанные с сохранением собственной культурной идентичности, затрачивая на это время и усилия. Или же идентификация человека как мудрого заставляет его отвечать требованиям, предъявляемым к нему как к своеобразному культурному эксперту.

В ситуациях социального взаимодействия содержание и оценка действий имеет не один, а несколько культурных смыслов, обусловленных особенностями не только ситуативных, но и личност-

ных характеристик участников. Так, в ситуации «учитель — ученики» у преподавателя есть намерения, которым он подчиняет свою активность, тогда как учащиеся имеют собственные представления о ее значимости и эффективности. Иными словами, следует принимать во внимание различия в процедурах, а иногда и основаниях идентификации, имеющихся у участвующих во взаимодействии сторон. Соответственно для понимания изменений, механизмов их возникновения в контексте образа жизни людей, их социальных отношений простого описания существующих в культуре идентичностей недостаточно. Нужна еще дополнительная информация.

Во-первых, важно знать, как они упорядочены иерархически или классифицированы в этих рамках. Во-вторых, следует принимать во внимание, что социальные идентичности различаются по способам их приобретения, и нужно определить принципы их формирования. Это существенный аспект изучения социальной дифференциации, поскольку в зависимости от того, насколько фундаментальны источники и весомы основания идентичности, можно определить ее культурную значимость. Соответственно в культурной антропологии принято выделять набор идентичностей, присутствующий в каждой социокультурной ситуации.

■- Объективная публичная идентичность означает совокупность личностных черт, которая фактически проявляется в ситуации взаимодействия.

— Коммуницируемая или демонстрируемая публичная идентичность подразумевает комплекс реакций окружающих на активность человека в ситуации, картину представлений о нем, передаваемые ему через их поведение.

— Субъективная публичная идентичность означает представление человека о своей идентичности в конкретной ситуации взаимодействия для определенных категорий людей.

— Я-идентичность относится к приватным, индивидуальным представлениям человека о самом себе.

Такое разграничение имеет важное значение для изучения источников микрокультурных дифференциаций в конкретных ситуациях социального взаимодействия. Прежде всего расхождение между любой парой идентичностей может иметь внутрилличностные последствия. Так, различие представлений о том, как себя вести в данной ситуации, у личности и у членов группы, к которой она принадлежит, может побудить ее либо подчинить свое поведение принятым стандартам, либо выйти из состава сообщества. Расхождение между я-идентичностью и публичной субъективной идентичностью на начальных его этапах может стать причиной личностного стресса, а при устойчивом воспроизведении породить проблемную жизненную ситуацию. В обоих случаях индивиду приходится предпринимать усилия для нормализации своих отношений с окружением.

Далее, изменение я-идентичности может стать источником изменения сложившейся структуры межличностных отношений. Например, расширение спектра ролей в ходе жизненного цикла означает не только приращение знаний и навыков, но и изменение представлений индивида о себе, о своих возможностях, о собственной ценности. Преднамеренно или невольно это проявляется в его поведении, в отношениях с другими людьми, оказывая влияние на уже установившуюся объективную публичную идентичность. При определенной силе такого рода изменений могут возникнуть напряжения межличностного характера, преодоление которых, возможно, лишь за счет переструктурирования прежних связей. Хорошо известная ситуация — это сложности в семейных отношениях, возникающие на различных стадиях взросления ребенка и разрешаемые за счет изменений в образе жизни всех членов семьи.

Наконец, сдвиг в культурных представлениях об определенной идентичности может повлиять на пересмотр я-идентичности у множества людей. Например, при законодательном повышении статуса национальных меньшинств реальное улучшение их социальной позиции зависит от того, насколько трансформируется я-идентичность большинства их представителей. Соответственно определенные сдвиги будут происходить в образе и стиле жизни этих людей, особенно в тех их секторах, которые выравнивают их статусные отношения с другими социокультурными группами.

Говоря об идентичности в контексте микродинамики социальной дифференциации, следует специальное внимание уделить специфике индивидуальных проявлений, или личностной идиосинкразии, актуализирующейся в социальных взаимодействиях. Для обозначения этого явления применяется понятие субидентичности, означающее набор специфических личностных черт, проявляемых индивидом в каждом конкретном типе отношений. Это существенное дополнение к понятию социокультурных ролей, позволяющее выделить важный уровень рассмотрения динамики их структур.

Как уже было сказано, в социологии роль определяется через устойчивый набор социально значимых функций, правил их реализации, ожиданий по поводу содержания и качества их выполнения. Культурно-антропологическое измерение этот термин приобретает при включении в него переменной, отражающей личностную специфику соответствующего поведения. В этом случае в сфере исследовательского внимания находится уникальный набор особенностей индивида, которые лишь он один может проявлять в рамках роли. Таким образом, понятие субидентичности указывает на аналитическую область, позволяющую наблюдать вариации определенных культурных черт, обусловленные личностными различиями членов общества.

Как известно, эта область — важный источник изменений ролевого поведения и шире — прав и обязанностей, нормирующих реализацию социально значимых функций. Хорошо известно, что социокультурное санкционирование широкой вариативности индивидуальных проявлений в рамках определенной роли означает, что ее социально установленная форма перестала отвечать массовой необходимостью или же она сама утрачивает социальную значимость.

Так, индивидуализация содержания преподавательской деятельности в системе образования указывает на расширение зоны поиска средств социализации в ответ на несоответствие получаемых в школе по классической модели знаний и навыков адекватной адаптации личности в обществе и культуре. Или же индивидуализация поведения высоких должностных лиц в современных условиях означает постепенное вытеснение из культуры роли так называемых номенклатурных работников.

Если более глубоко исследовать этот источник изменения в содержании культурно установленного социально значимого поведения, то следует более дифференцированно трактовать понятие «я-идентичность». Для этого имеются определенные теоретические основания. Так, К. Юнг выделял понятие «персона», а И. Гофман — представительное или репрезентируемое «я» как часть идентичности, которую личность наиболее склонна предъявлять на людях. Это понятие дополняет идиосинкратичным (индивидуально специфичным) содержанием представление о субъективной публичной идентичности. Остальной объем я-идентичности индивид сохраняет как приватное достояние, ограждая от вмешательства внешних воздействий или обстоятельств свой индивидуальный мир или избегая демонстрации нежелательных атрибутов в конкретной ситуации взаимодействия.

Следует подчеркнуть, что демонстрируемая и приватная области имеют как осознанные, так и бессознательные компоненты. Такое расчленение я-идентичности в контексте изучения социокультурной дифференциации имеет важное значение. Во-первых, выделение приватной ее области указывает на наличие у индивида определенного объема резервов социальных навыков, которые могут не проявляться в конкретных ситуациях взаимодействия. Однако их актуализацию в определенных типах ситуаций не следует интерпретировать как случайность или спонтанность и уж тем более как культурное новшество. Речь идет о выделении области культурных личностных ресурсов, являющихся источником возможных вариаций ролевого поведения.

Например, нейтральная позиция ученого при обсуждении его теории в различных аудиториях отнюдь не означает, что он не идентифицирует себя как полемист, не имеет навыков активно утверждать свою позицию. Более того, в других ситуациях он мог неоднократно пользоваться такими навыками. Поэтому проявле-

ние его идентичности активного полемиста не следует считать неожиданностью или новым для него способом поведения.

Во-вторых, расхождение между демонстрируемыми и приватными личностными характеристиками могут стать источником внутрличностных напряжений. Так, если объем демонстрируемого поведения, предписываемого ролью в определенной ситуации, оказывается существенно меньше, чем имеется в резерве у индивида, он может воспринимать это как ограничение личной свободы. Если же требования превышают его потенциал, то он чувствует свою неадекватность. В обоих случаях возникающее напряжение побуждает личность к изменению ситуации: либо отказаться от выполнения функций, либо реализовать свои возможности в иных структурах, либо освоить новые знания и навыки.

Наконец, в-третьих, динамика осознанного и бессознательного в обеих областях я-идентичности определяет не только вариативность освоенных культурно установленных форм поведения, но и потенциальное внесение новшеств в них. Так, бессознательный импульс к экономии усилий может стать побудителем к отысканию более компактных последовательностей действий, познавательных моделей, более емких художественных образов и т. п. Их использование в ситуациях взаимодействия оказывает влияние на изменение идентичности индивида: и он сам, и его окружение начинают воспринимать его как носителя инноваций.

Следует подчеркнуть, что идентичности членов группы определенным образом фиксируются и объективируются либо через название, например, в обыденной культуре «добряк», «весельчак», «мизантроп» и т. п., либо через демонстративное поведение, проявляемое в различного рода церемониалах. Более того, можно говорить об их измерении. Иными словами, общее ядро набора соответствующих черт является точкой отсчета для некоторой линейной шкалы, фиксирующей степень их представленности у члена группы. Например, «добряк» может проявлять свою доброту в разных ситуациях в большей или меньшей степени; «строгий отец» в некоторых обстоятельствах может проявлять минимальную жесткость требований к ребенку и т. п.

Такие шкалы можно использовать и по отношению к каждой из личностных характеристик в рамках разных идентичностей: первые оцениваются неодинаково в зависимости от содержания вторых. Так, человек, который в семейном или дружеском кругу может оцениваться как скупой, в рамках профессиональной роли коммерсанта может считаться бережливым. Такие измерения идентификационных черт относятся к содержательным, функциональным их аспектам. Однако подобные показатели не дают оснований судить о том, какое значение им придается в обществе. В то же время для изучения стратификации общества такое знание, без

сомнения, необходимо, поскольку оценка людьми друг друга представляет собой значимый механизм функционирования санкций, поддерживающих границы социальных групп и слоев.

Исследования, проводимые в этом направлении, свидетельствуют о том, что параллельно каждому измерению качественной представленности, интенсивности проявления идентичности или составляющих ее черт можно выделить ценностные их измерения. Они шкалируются в культуре по различным основаниям: утилитарным (полезность — бесполезность для общества или личности), этическим (соответствие — несоответствие установленным культурным нормам), эстетическим (совершенство — безобразность) и т. п.

Оценка личности со стороны членов группы по таким критериям выполняет функцию социальной санкции, т. е. одобрения или осуждения ее поведения, следующим образом. Чем более значима идентичность для других, тем более выраженным, т. е. заметным, символически зафиксированным является ее измерение. Важными языковыми показателями этого могут служить, например, объем синонимов, относящихся к ней, и дробность обозначений для степени интенсивности ее проявлений. Далее, наиболее явные измерения идентичности, как правило, закрепляются в групповой системе ценностей. Соответственно люди с такими признаками располагаются одновременно и на шкале престижа. При нарушениях или сменах субъективной публичной идентичности или демонстрируемой я-идентичности личность получает со стороны своего окружения сигналы, свидетельствующие об их приятии или отвержении. Это становится для нее стимулом настаивать на своем новом положении в группе или вернуться к исходному.

Итак, можно сказать, что ценность, приписываемая идентичности и ее ключевым чертам, интенсивности их проявления определяют высоту положения личности на шкале престижа или уважения. С этой точки зрения можно выделить следующие компоненты престижа.

Объективное публичное уважение, выражаемое в реальных одобрениях или порицаниях, которые человек получает от окружающих; во влиянии, которое он может оказывать на них. Изменение этого параметра существенно влияет на расширение или уменьшение объема социальных связей личности — ее привилегий.

Коммуницируемое публичное уважение, демонстрирующееся со стороны других символическими знаками признания или непризнания человека. Оно может не совпадать с объективным престижем человека, однако имеет важное значение как канал обратной связи между проявлениями идентичности и их групповым восприятием.

344 Представления личности о том, как высоко ценят ее окружающие, о публичном уважении. Расхождение между ними и реаль-

ным положением дел может стать источником групповых напряжений или изменений поведения. Так, завышенная оценка своего престижа в группе нередко побуждает индивида к превышению ролевых полномочий, что порождает предпосылки возникновения конфликтной ситуации в отношениях с другими. Недооценка собственного престижа в группе в ряде случаев становится стимулом к самосовершенствованию.

И последнее: самоуважение, заключающееся в представлении личности о собственной ценности. Уровень самоуважения может повышаться или снижаться в зависимости от изменения предыдущих трех переменных.

Для анализа социокультурной микродинамики определенную значимость имеют также некоторые дополнительные аспекты понятия «идентичность», связанные с ее вероятностным измерением. В литературе на эту тему принято, например, выделять ее актуальный и потенциальный аспекты. В первом случае рассматривается, кем человек является в настоящее время. Во втором — выдвигаются предположения о том, на что он может реально рассчитывать, если будет действовать в направлении достижения определенной цели. Сопоставление обеих характеристик позволяет, во-первых, оценить вероятность, а во-вторых, относительную скорость такого целедостижения. Далее, проводится различие между негативной и идеальной идентичностью. Первое понятие указывает на то, кем человек может стать при худших для него обстоятельствах. Второе отражает то состояние или положение в социокультурном пространстве, к которому личность недостижимо стремится. В динамическом смысле рассмотрение обеих вероятностей обеспечивает возможность оценить реальный отрезок образа жизни личности с точки зрения подъема или спада ее устремленности к социокультурному самоутверждению.

Социальная и культурная представленность личности: динамика связей

Каждая культурно выделенная социальная позиция и связанные с ней статусы определяются не одной, но несколькими сопряженными идентичностями в рамках одного и того же типа стандартизованного взаимодействия. Так, люди обычно не ограничиваются восприятием государственного деятеля как «президента» или «министра», он для них еще «молодой» или «старый», «справедливый» или «несправедливый», «демократичный» или «авторитарный» и т. п. При этом статусные отношения взаимодействующих индивидов или групп следует рассматривать по отдельности от отношений идентичностей. Первые указывают на связь взаимных прав и обязанностей, тогда как вторые определяют качество, стиль реализации такой взаимности.

Обращаясь к логическому соподчинению рассматриваемых понятий по строгости нормирования поведения, можно предложить такую последовательность:

1. Позиция представляет собой общее указание на то, что люди выделяются в культуре и обществе на основании социально значимых признаков и категоризируются в соответствии с ними; например, по полу, возрасту, принадлежности к социальным слоям или группе (аристократы, мещане, чиновники и пр.), по обобщенным культурно установленным качествам (больные, работающие, горожане и пр.).

2. Статус фиксирует распределение прав и обязанностей людей, взаимодействующих в рамках как одной, так и нескольких позиций в некоторой социально значимой ситуации. Так, в позиции «государственный деятель» статус тех, кто относится к аппарату государственного управления, указывает на их права и обязанности в структуре принятия политических решений; а, скажем, статус академика задает определенные права и обязанности человека как культурного эксперта не только в профессиональной среде, но и в более широком социокультурном контексте.

3. Роль описывает операциональные нормы, правила взаимодействий и коммуникаций, а также взаимные ожидания в рамках статусных отношений. Так, в статусе аппарата государственного управления роли президента, главы правительства, министров определяют не только их взаимные права и обязанности, но и способы выполнения функций, а также круг установленных полномочий.

4. Идентичность позволяет дать качественную характеристику, выделить культурную специфику человека, выполняющего определенные социально значимые функции; например строгий отец, демократический лидер и пр.

Исследователь осваивает изучаемое социокультурное пространство подобно тому, как дети включаются в жизненную среду. Вначале происходит знакомство с типичными и стандартными схемами поведения, взаимодействий, оценок и т. п. И определение их функциональной значимости. Затем внимание постепенно сдвигается к вариациям нормативно определенной социокультурной активности, к исключениям из норм, наконец, к ненормированным областям такой активности.

Осознание людьми своей или чужой социальной и культурной идентичности, в том числе ролевой, ограничено по сравнению с тем, что принято считать объективной идентичностью, и с тем, что может увидеть исследователь. Во-первых, ограничения связаны с вербальными обозначениями или стереотипами поведения, в которых зафиксированы представления о соответствующих функциях и ожиданиях. Соответственно то, что остается в этих рамках неосознанным, нестереотипизированным, можно рассматривать

как источник вариаций и изменений форм активности. Во-вторых, ограничения налагаются представлениями и стереотипами, соответствующими культурным функциональным единицам более высокого порядка обобщенности, например связанными со статусом. В этом случае различия детерминируют неоднородность поведения даже при выполнении одного и того же типа социальных ролей. Например, поведение отцов в семьях, принадлежащих к разным социальным слоям, неодинаково во многом благодаря различию в их статусных характеристиках.

Подобные различия также представляют собой область вариаций и порождения изменений в формах социокультурных отношений. При их изучении с этой точки зрения важно отметить различие в динамических характеристиках между уровнем действий и уровнем представлений об их способе организации и смысле: первый значительно динамичнее, чем второй. Соответственно между конфигурациями ролевой (статусной) активности, их выражением в сфере идентичностей и их принятым в культуре нормативным закреплением могут возникнуть расхождения, становящиеся побудителями к переосмыслению правил поведения, действий, а порой прав и обязанностей в контексте типичных ситуаций социального взаимодействия.

В наибольшей степени стандартизируются те их компоненты, которые чаще всего повторяются в структурах связей людей с ближайшим социокультурным окружением. Они и составляют основания представлений о нормативных аспектах ролей и статусов, о границах я-идентичностей. Однако на жизненном пути каждому приходится сталкиваться с другими, которые являются носителями иных социальных и культурных идентичностей. Вступая с ними в ситуации взаимодействия, личность должна соотноситься с этими различиями; иначе взаимодействие не будет эффективным. Соответственно происходят изменения ее представлений и поведения, влияющие на динамику ее образа жизни.

Еще раз следует подчеркнуть, что реальные последствия в ситуациях интеракции в первую очередь имеют действия, а не представления о них или их наименование. И идентификация людьми друг друга в культуре, в том числе в научных терминах, осуществляется прежде всего через восприятие собственной активности, социальных взаимодействий, последствий действий, и только как результат такого восприятия формируется символическое и знаковое выражение социальной и культурной идентичности. Характер позиций, статусов, ролей, идентичностей проявляется через определение взаимных прав и обязанностей, устойчивых последовательностей социокультурного обмена. В свою очередь эти аспекты социальных отношений можно выявить только на базе изучения соответствующих процессов, причем не ограничиваясь анализом

лишь вербальных реакций респондентов. Вообще, лингвистические обозначения не являются надежными показателями названных единиц социокультурной дифференциации.

Так, в современной отечественной культуре идентификация человека в терминах «духовный — бездуховный» не несет значимой культурной информации, поскольку не имеет четкой внутренней дифференциации. Иными словами, даже высокочастотное употребление категории не является достаточным основанием для суждения о ее реальной функциональной значимости. С другой стороны, определенная идентичность может не иметь специального термина для своего выражения, но быть зафиксированной в других символических формах. Так, существуют определенные характеристики стиля жизни, такие как манера одеваться, говорить, держаться, способ проведения досуга и т. п., по которым люди отличают одни социокультурные группы от других. Часть таких групп имеет наименование, например «хиппи», «интеллигенция», «группы риска» и т. п. Однако другие остаются без названия. Например, выделяющиеся по демонстрируемым поведенческим проявлениям группы современных профессионалов с высоким уровнем культурной компетентности не имеют в культуре общепринятого названия.

Понятия «статус» и «роль» сложились в социальных науках на базе западных представлений о собственном обществе и культуре. Их применение к культурам других типов может помешать исследователю увидеть специфичные для них порядки, в рамках которых не существует соответствующих аналогов. В этом отношении концепция культурной, социальной идентичности более нейтральна и позволяет зафиксировать любую устойчивую схему обмена культурной информацией, действиями, объектами.

Итак, все эти категории можно рассматривать как познавательный инструмент, позволяющий исследователю упорядочить представления о личности и ее образе жизни, об их динамике в социокультурном пространстве. При этом не следует ожидать, что при изучении общества и культуры в них обнаружится нечто подобное «табели о ранге» с четкой упорядоченностью, иерархизацией статусов и ролей, а тем более идентичностей. Однако осмысленное использование этих категорий с пониманием границ их применимости при изучении социокультурного пространства и происходящих в его рамках событий оказывается весьма полезным. Они помогают фиксировать динамику изменений в рамках образа жизни и в социокультурной среде, а также определять их причины и возможные последствия.

Выявление нормативных границ, регуляторов поведения и взаимодействий предполагает обязательную проверку достоверности получаемой информации. По крайней мере необходимо осуществлять челночное движение представлений между вербализован-

ными или кодифицированными в текстах нормами и эмпирическим поведением. В этом случае обращение к понятию личности при изучении процессов социализации обеспечивает возможность узнать, как люди организуют и транслируют представления друг о друге, о социальном взаимодействии; какие формы активности связаны с такими представлениями; как влияет изменение этих форм на способы их символического выражения. Уточнить и проследить механизмы такой динамики на микроуровне (индивидуальной активности, межличностного взаимодействия), как следует из ранее изложенной концепции образа жизни, позволяет теоретическая модель жизненной ситуации. На нее проецируются способы организации индивидом социальных позиций, статусов, ролей и идентичностей, которые присущи ему в рассматриваемый период и отношения между которыми задает формы и степень динамичности образа жизни в это время.

Контрольные вопросы

1. Социологическая представленность личности в контексте социального взаимодействия.
2. Понятие идентичности: культурная представленность личности в контексте социального взаимодействия.
3. Социальная и культурная представленность личности в пространстве обыденного уровня социокультурного пространства: динамика связей.
4. Познавательные возможности концепции личности в изучении социокультурного пространства.

Глава 6. Стратификационное социкультурное пространство

Из сказанного следует, что различия в образе жизни, в сетях межличностных контактов, в социальных позициях, статусах, ролях, идентичностях обуславливают расслоение в обществе. И совершенно очевидно, что оно детерминировано отнюдь не только экономическими факторами. Анализ ряда наиболее показательных классических и современных работ, связанных с социальной стратификацией, показывает, что, скажем, принадлежность к высшему классу до сих пор определяется в большей степени семейным происхождением, нежели размером собственности. Позиция в рамках высшего слоя среднего класса может быть выше у представителя топ-менеджмента, чем у хозяина разрушающейся корпорации; богатому дельцу теневого бизнеса может быть закрыт доступ в гораздо менее состоятельные круги интеллектуальной элиты, которая,

кстати, имеет в обществе не меньший вес, чем высокооплачиваемые политики или крупные предприниматели. В качестве исходных допущений принимаются положения о различии функций каждого социального слоя в контроле над окружением; о формировании воспроизводящегося социокультурного пространства соответствующей конфигурации; о наличии механизмов поддержания структуры и границ каждой зоны этого пространства.

Классическая модель социальной стратификации предполагает выделение трех классов субъектов социокультурной жизни — высшего, среднего и низшего. В основу классификации заложен ряд существенных, верифицированных характеристик образа жизни индивидов или членов групп, которые в совокупности позволяют отнести их к определенному классу. Наборы таких признаков неодинаковы в разных работах по количеству, но качественно однородны. В данном случае принимаются следующий набор: социальное происхождение; место проживания; уровень и место получения образования; профессия; социальный статус; стиль жизни; социальная позиция партнера по браку; вероисповедание. При уточнении формы соответствующего пространства в каждом из выделенных классов принято различать по три слоя: высший, средний и низший. В результате получается шкала последовательных переходов, что позволяет по одной и той же совокупности признаков проследить императивы поддержания каждого из них, а также восходящей и нисходящей вертикальной, а также горизонтальной социальной мобильности. Перечисленные признаки можно считать необходимыми и достаточными, чтобы описать стратификацию. Они являются необходимыми, поскольку представляют основные черты, образа жизни, характерные для каждого социального слоя. Их достаточность определяется тем, что они фиксируют формы сетевых отношений, по которым распознается пространственная конфигурация каждого из них.

Следует отметить, что концепция стратификации носит характер эмпирического обобщения, а не объясняющей теории. Однако подтверждающие данные из истории, сравнительной социологии, антропологии и социобиологии позволяют использовать ее для выделения относительно устойчивых характеристик дифференциации социокультурного пространства, обуславливающих воспроизводящиеся черты его обыденного уровня, а также связи с институциональным. С этой точки зрения, хотя деление общества на высший, средний и низший классы и представляется условным, можно принять его как идеально-типическую модель, измерение, позволяющее принимать во внимание этот аспект организации социокультурного пространства при изучении происходящих здесь событий.

Высший класс

В современных обществах высший класс чаще всего рассматривается как общая категория без подразделения на высший, средний и низший слои. Дело в том, что глобальные процессы модернизации обусловили быструю пролиферацию среднего класса и существенную дедифференциацию высшего. Однако, несмотря на это, он во многих странах сохраняется, а его функциональная значимость и социокультурное влияние таковы, что соответствующие модели образа жизни, сетевой организации следует принимать во внимание.

Высший класс в его классическом определении сегодня относительно немногочислен. К нему принято относить королевские дома и представителей потомственных дворянских родов в старом свете; богатых и влиятельных потомков первых переселенцев в новом свете. За XX век к нему стали причислять семьи потомственных владельцев крупнейших состояний, а также представителей самых высших кругов государственной администрации: семьи президента и узкого круга его помощников, главы и членов правительства. Следует тем не менее подчеркнуть, что высшие должностные лица и их семьи сохраняют свое положение в высшем классе, если и ранее принадлежали к нему. В противном случае после окончания сроков службы они вытесняются в высший средний слой.

Социокультурное пространство, формируемое в обществе этим классом, определяется характерным для его представителей образом жизни. Качество и стиль жизни его представителей характеризуются ориентированностью на владение и пользование сложными социокультурными образцами. Им принадлежат поместья, здания, произведения искусства, имеющие высокую, иногда уникальную историко-культурную ценность. На их одобрение ориентируется высокая мода, рынок самой дорогой и элитарной художественной продукции. Они задают образцы изысканного вкуса и хорошего тона в обществе, хотя в этом им чаще всего помогают профессиональные консультанты. Как от столпов общества от них ожидаются безупречная репутация, следование высоким этическим принципам. В то же время им прощается определенная экстравагантность поведения, правда, не выходящая за эти рамки.

Их жизнеобеспечение в принципе не связано с общественным разделением труда, поскольку высокий уровень благосостояния позволяет им быть в этом отношении независимыми. Тем не менее представители этого класса обычно участвуют в различных видах социально престижной деятельности: в основном почетные и представительские, а нередко руководящие роли в политической и экономической областях. Они также занимаются благотворительностью и меценатством, причем в большинстве обществ это считается едва ли не их непреложной обязанностью.

Структура социальной коммуникации, характерная для высшего класса, особым образом организует его социокультурное пространство. Прежде всего следует отметить его относительную закрытость. Она проявляется в наличии барьеров и селективных механизмов, существенным образом препятствующих проникновению сюда представителей более низких слоев. Те, кто принадлежит к нему, имеют возможность получать социально значимую информацию из самых разных, в том числе весьма конфиденциальных источников со всего мира, и потому наиболее авторитетные лица являются самыми информационными в политическом отношении членами общества. В то же время они заботятся о том, чтобы сведения, поступающие отсюда вовне, были строго дозированными. В границах этого класса удастся скрыть или прекратить любую скандальную историю, а характер санкций, налагаемых на виновного узким кругом связанных с ним людей, остается неизвестным общественности.

Отношение между людьми здесь носят в основном межличностный, сетевой характер и опосредованы социальными институтами в минимальной степени. Существенная роль в структурировании социокультурного пространства принадлежит внутрисемейным связям. Чаще всего браки внутри этого класса заключаются между его представителями, хотя бывают случаи, когда один из партнеров принадлежит к среднему классу. Сетевые отношения зафиксированы в форме закрытых клубов. Контакты со средним классом ограничены в основном институциональными политическими и экономическими формами. Тем не менее обновление состава происходит именно за счет него, особенно его высшего слоя. Восходящая вертикальная мобильность в этом случае осуществляется путем либо заключения браков, либо дарования дворянства (в европейских монархиях), либо установления тесных партнерских отношений.

Представители высшего класса по большей части космополитичны. Они не только много путешествуют, но и находятся в контактах, а порой и в родственных отношениях с себе подобными в других странах. Более того, они владеют землями и недвижимостью в разных частях света. Таким образом, их социокультурное и физическое пространство экстерриториально по отношению к стране проживания, и они постоянно передвигаются в его пределах.

Отношения с другими социальными слоями носят достаточно напряженный характер. Высший и средний слои высшего класса нанимают представителей средних и низших для разного рода обслуживания. Из средних слоев обычно выбираются менеджеры, высококлассные специалисты и т. п. для работы в частных корпорациях; управляющие поместьями; архитекторы, дизайнеры; разного рода консультанты для решения задач, связанных с управлением собственностью и домашними делами. Выходцы из низшего класса по-

ступают на работу в качестве прислуги. В современных обществах, где превалируют демократические режимы, между такого рода нанимателями и работниками социальная дистанция поддерживается с обеих сторон. Представители «социальной элиты» сохраняют ее, поскольку «положение обязывает», а выходцы из средних и низших — в силу высокой степени функциональной автономии (наличие гражданских прав, рабочих мест, системы социальной защиты и т. п.). В то же время исключительное положение высшего класса в обществе нередко оценивается в средних и низших его слоях как проявление социальной несправедливости. Вот почему даже при условии, что этот класс обеспечивает рабочие места, выгодные заказы, благоприятнее условия труда, уплату едва ли не самых высоких налогов, образ жизни его членов находится под пристальным вниманием критически настроенной общественности.

Существует представление о высшем классе как о праздном, где основное время в структуре образа жизни — свободное. Но это не так. Мужчины и женщины здесь заняты общественной деятельностью, участвуют в системе общественного разделения труда, обучаются в учебных заведениях, т. е. у них, как и у представителей других социальных страт, есть и рабочее, и свободное время.

Реакреация представителей этого класса полностью обеспечена. К их условиям лучшее медицинское обслуживание, новейшее высококачественное оборудование. Занятия спортом являются для этих людей непрременной составляющей образа жизни. Наряду с широко распространенными тренажерами и плаванием здесь приняты дорогостоящие, не массовые его виды: гольф, теннис, верховая езда и т. п. К их условиям самые разнообразные и изысканные диеты, каждая из которых может быть обеспечена в любое время года и в любом месте пребывания.

Социализация представителей высшего класса направлена на их подготовку к воспроизведению соответствующих структур образа жизни и удержанию границ своего социального слоя. Для обучения детей и молодежи здесь существуют особые учебные заведения. Правда, в демократических обществах они не являются закрытыми для представителей средних слоев. Однако их окончание является важным признаком принадлежности к высшему классу. В учебных заведениях, в том числе при получении образования за границей, молодые люди приобретают опыт сосуществования и взаимодействия с другими социальными слоями. Но нормы, ценности, паттерны поведения, характерные для своего слоя, они получают в контексте сетевых отношений. В высших классах не принято, чтобы в семье родители уделяли специальное время образованию и воспитанию детей. Для этого нанимаются гувернеры. Когда же речь идет о специфике семейного воспитания, имеется в виду, что дети наблюдают за поведением взрослых и подражают ему, замечают

свои и чужие нарушения этикета и следующие за этим негативные санкции и таким образом в непосредственной практике осваивают стандарты поведения, которым можно научиться только в контексте взаимодействий и коммуникаций. На этом уровне молодые люди приобретают характерный стиль жизни, представленный в определенных демонстративных признаках. Здесь принята особая манера речи, отличающаяся правильностью грамматических построений и хорошим произношением. Контакты людей характеризуются нейтральной доброжелательностью, закрепленной в стандартных формулах обращения друг к другу, поддержания беседы и завершения ее. Выражение лица должно быть стандартно приветливым, но подчеркивать значительную дистанцию в отношении с другими. С этим же связаны стереотипные паттерны жестикуляции и проксемического (пространственного) поведения. Жесты отличаются скупостью, но отточены; внешне демонстрируется персональное пространство и строго соблюдаются соответствующие границы других людей. Молодые люди обучаются также искусству одеваться дорого, но неброско и быть эталонами элегантности. Они приобретают опыт характерного для своего класса времяпрепровождения: элитарные виды спорта, посещение премьер и вернисажей, благотворительные мероприятия и т. п. Все это в совокупности составляет навыки светской жизни. Причем здесь задаются ее эталоны, и потому манера поведения у этих людей отличается большей изысканностью, чем у представителей средних классов.

Обобщая сказанное, можно подчеркнуть функциональную доминанту высшего класса в обществе: сохранение фондовых культурных ценностей, эталонных образцов этикета. На этом уровне вслед за оценкой профессиональных экспертов в качестве ценностей отбираются и утверждаются культурные инновации. Соответственно можно говорить о том, что здесь выполняются функции торможения социокультурной изменчивости. Позиция этого класса в обществе является престижной, привлекательной для представителей среднего класса, стремящихся подражать стилю жизни, принятому здесь, попасть в это социокультурное пространство. В то же время его закрытость и кажущаяся высокомерная самодостаточность принадлежащих к нему людей являются источником социальной напряженности.

Средний класс

В современных социальных науках средний класс рассматривается как наиболее сложная и динамичная зона социокультурного пространства. Современные демократические общества нередко называются обществами среднего класса, поскольку здесь относя-

щиеся к нему люди составляют более половины населения. При его изучении обязательно выделяются его высшие, средние и низшие слои, а внутри них определенные группы интересов. Только такое дробное описание позволяет отразить многообразие направлений социальной активности, характеризующее относимых к нему людей. В то же время им свойственны определенные черты образа жизни, отличающие их от представителей других классов.

Жизнеобеспечение осуществляется собственным трудом, виды которого здесь сложны и многообразны. К высшему слою среднего класса относятся владельцы и управляющие крупных экономических, в том числе транснациональных образований; политические деятели среднего звена; высококвалифицированные юристы и экономисты, врачи, специалисты в области науки и искусства; профессура высших учебных заведений; высшая бюрократия. Они могут быть собственниками соответствующих организационных структур, либо занимать в них высокие посты. В любом случае речь идет о том, что их доходы обусловлены активной деятельностью, связанной с управлением этими единицами или выполнением ключевых функций в их рамках. Это высокооплачиваемая и наиболее профессионально компетентная часть членов общества, от качества деятельности которой зависит эффективность его функционирования.

Средний слой этого класса составляют предприниматели и бизнесмены, связанные с корпорациями и банками относительно небольших масштабов; биржевые дельцы и разного рода посредники; специалисты в области экономики, права, не участвующие в принятии стратегических организационных решений; работники науки, образования, медицины, выполняющие исполнительские, а не поисковые функции; антрепренеры и продюсеры в искусстве; работники крупных корпораций средств массовой информации; чиновники среднего ранга. Кроме владельцев относительно небольших организационных структур — банковских, производственных, юридических, — остальную часть этого слоя составляют наемные работники. Их доходы ниже, чем у представителей высшего среднего слоя, но достаточны для вполне комфортабельного существования. Кроме того, именно отсюда исходит инициатива в отношении обеспечения гражданских прав и свобод, социальной защиты, снижения налогообложения и т. п.

Низший средний слой занимает то пространство в системе общественного разделения труда, которое связано с осуществлением квалифицированных исполнительских и обслуживающих функций. Другую его часть составляют представители мелкого бизнеса, жизнеобеспечение которых зависит только от их собственной предприимчивости и оборотистости, поскольку масштаб их дела

не позволяет нанимать высококвалифицированных менеджеров. Сюда можно отнести богему, включая менеджеров шоу-бизнеса. Доходы этих людей могут быть сопоставимыми с теми, что характерны для предыдущего слоя. Межслоевая граница определяется структурными различиями: представители среднего слоя по своему социальному положению вынуждены участвовать в более сложных формах социального взаимодействия и коммуникации и проявлять большую степень культурной компетентности, чем те, кто относится к низшему слою.

Социальная коммуникация в рамках этого класса характеризуется максимальной сложностью, динамизмом и открытостью. Однако эти черты проявляются в каждой страте по-своему. Коммуникативная модель высшего среднего слоя приближается к той, что наблюдается в высшем классе. В этом случае в относительно узком круге членов закрытого клуба или коллег циркулирует конфиденциальная информация, предназначенная только для посвященных. Публично из нее представляется только то, что связано с привлечением дополнительных сил для реализации каких-либо проектов, либо с манипулированием общественным мнением для социального санкционирования действий, которые могут иметь социально значимые последствия. С этими же целями устраиваются преднамеренные утечки такой информации. В то же время профессиональная и приватная жизнь представителей этого слоя оказывается более открытой для широкого обсуждения, например в средствах массовой коммуникации. Возникающие здесь политические, экономические или личные скандалы выводятся на всеобщее обозрение и становятся предметом сплетен на уровне широкой общественности. Надо сказать, что в рамках этого слоя такие скандалы случаются чаще, чем в высшем классе, поскольку свойственные ему динамизм и ориентации на инновации обуславливают достаточно высокую частоту ситуаций, связанных с риском.

Специфика отношений с другими слоями обусловлена этими же его свойствами. Он открыт как для восходящей, так и для нисходящей вертикальной мобильности. Движение его представителей в высший класс обычно определяется либо браками, либо выдающимися общественно признанными заслугами. Следует подчеркнуть, что и то и другое происходит не часто. В то же время официальные и приватные контакты с высшим классом носят регулярный характер в силу близких дистанций в институциональных отношениях — экономических, политических, правовых, образовательных, а также связанных с выполнением конфиденциальных заказов.

Восходящая вертикальная мобильность из среднего в высший слой осуществляется путем личных достижений, успешного осуществления эффективных проектов, установления и поддержания личных связей с нужными людьми и т. п. Такие случаи носят регу-

лярный характер, за счет чего этот слой постоянного пополняется энергичными и предприимчивыми людьми.

Нисходящая вертикальная мобильность в его пространстве также имеет две формы. Из высшего класса сюда попадают люди либо вытесненные из него в связи с публичным скандалом, мезальянсом, либо добровольно предпочитающие более свободный от условностей и рискованный образ жизни. А представители высшего слоя переходят в средний или даже низший в результате политических провалов, разорения, противозаконных действий и т. п. В то же время контакты между этими слоями постоянны, поскольку их представители выполняют функции различного рода наемных работников, исполнителей в структурах социокультурного пространства высших слоев.

Средний слой среднего класса в коммуникативном отношении вполне открыт. Более того, многим из его представителей — бизнесменам, ученым, Политикам — нужна реклама, и они ищут возможностей публично продемонстрировать себя, свое дело, свои достижения. Правда, у широкой общественности большинство из них не вызывает интереса. В то же время здесь выделяется категория людей, образ и стиль жизни которых постоянно широко обсуждается — это богема, артистическая среда. Они не только не пытаются избегать скандалов и сплетен, но, наоборот, специально провоцируют их и придают широкой огласке в основном через средства массовой информации. Интерес в низших слоях к приватной жизни «звезд» позволяет им рекламировать себя, удерживать интерес к себе, без чего их карьера оказывается невозможной.

Вертикальная мобильность в рамках этого слоя обусловлена меньшей степенью внутренней подвижности и инновативности по сравнению с высшим слоем. Правда, именно здесь происходит зарождение новшеств на индивидуальном уровне и с большой степенью риска. Их социальная успешность — удачный экономический проект, эффективная технология, перспективное научное открытие, современное произведение искусства и т. п. — сразу открывает путь таким людям в высший слой среднего класса. Иными словами, те, кто достигает успеха, в среднем слое этого класса не задерживается. Восходящая вертикальная мобильность в этот слой из низшего среднего или высшего низшего слоев — частое явление. Как это характерно для среднего класса вообще, она обусловлена личными достижениями: хорошим образованием, упорным трудом, предприимчивостью, нужными знакомствами, удачным браком. Нисходящая мобильность связана здесь не только с личными просчетами и неудачами, но и с общей неблагоприятной социальной ситуацией, на которую представители этого слоя, в отличие от предыдущих, не имеют возможности повлиять — экономический кризис, война, катастрофы. В силу высокой степени зависимости от конъюнктуры рынка они более, чем предыдущие слои, в таких

ситуациях оказываются под угрозой разорения и безработицы. И когда такое случается, за их счет пополняются более низкие слои общества. Такое движение практически всегда оказывается вынужденным, недобровольным. Поэтому для наиболее подвижных представителей средней страты опасность этого становится дополнительным стимулом «пути наверх», подтверждением правильности их позиции и соблюдения нормативных рамок. О контактах с высшими слоями уже говорилось выше. Что же касается отношений с представителями более низких страт, они демократичнее, чем в предыдущем случае, поскольку здесь не так выражена связь «управление — подчинение», «принятие решения — его выполнение».

Что касается зарубежных связей, то сегодня представители этого слоя ведут совместные дела с фирмами в других странах, заключают контракты и работают по найму за границей и т. п. Такие возможности увеличивают их степень свободы в выборе образа жизни и расширяют пространство самоосуществления.

Они составляют основную публику концертных и выставочных залов, пользователей библиотек. В отношении средств массовой информации — это не только значительная часть аудитории, но некоторые сами содержат или контролируют информационные структуры, а также выступают в роли рекламодателей.

Говоря о пространстве социокультурной коммуникации, характерном для высшего и среднего слоев среднего класса, следует подчеркнуть его открытость по вертикали и по горизонтали. Вертикальные коммуникативные связи с высшими слоями общества определяются необходимостью координировать действия в соответствии с решениями высшей государственной администрации и участием в решении социально значимых проблем в качестве полномочных представителей гражданского общества. С более низкими слоями такого рода связи обусловлены отношениями типа «руководитель — подчиненный», «работодатель — наемный работник», «производитель — пользователь». В то же время для этих слоев характерна широкая и динамичная сеть горизонтальных связей, обусловленная их социальной позицией. Для поддержания достаточно высокого уровня и качества жизни их представителям приходится постоянно заниматься инновативной деятельностью и на этой базе строить новые организационные структуры. Иными словами, здесь постоянно существуют предпосылки для горизонтальной социокультурной дифференциации. Причем отношения между такого рода единицами носят не только конкурентный, но и партнерский характер, поскольку каждой организации, особенно вновь образовавшейся, нужна специально созданная среда взаимодействия, стабилизирующая ее существование.

358 Рекреация в среднем слое среднего класса обеспечивается на высоком уровне. Это является необходимым, поскольку его пред-

ставителям приходится вести чрезвычайно активный образ жизни и затрачивать много энергии на жизнеобеспечение и социальную коммуникацию, чтобы не снизить свою позицию в обществе, а зачастую и повысить ее. Соответственно они пользуются высококачественным медицинским обслуживанием. Условия их домашней жизни гигиеничны и комфортабельны; возможности для отдыха разнообразны и привлекательны. Занятиям спортом принадлежит в их рекреационном пространстве значительное место. Хорошая физическая форма, как и в высших слоях общества, здесь высоко ценится. Диета этих людей разнообразна и может быть сколь угодно целесообразно сбалансирована. Иными словами, рекреационные возможности в рамках этого слоя таковы, что позволяют адекватным образом компенсировать высокий уровень затрат усилий.

Процессы социализации здесь полностью подчинены освоению паттернов адаптации в сложном и динамичном окружении. Получаемое образование носит более прагматичный, нежели престижный общекультурный характер. Молодые люди достаточно рано начинают самостоятельную жизнь, нередко вдали от дома, в том числе за границей. В этом случае они рано осваивают навыки взаимодействия и коммуникации в разного рода социально значимых ситуациях и свободного перехода из одной в другую. Те, кто получает образование в престижных учебных заведениях и приобретает там полезные связи, имеют шанс уже в молодости продвинуться в более высокий социальный слой. Они рано начинают обеспечивать себя независимо от уровня жизни родителей. Вообще говоря, для этого слоя не характерны традиционные модели сохранять общественное положение семьи. Оба супруга обычно не только работают, но и вынуждены вести активную социальную жизнь. В раннем возрасте дети, живя дома, не находятся под постоянным контролем и воздействием родителей. В то же время в семье они осваивают определенные эталоны качества и стиля жизни как нечто естественное, необходимое, спускаться ниже которых считается неприличным.

В связи со стилем жизни в рамках этого слоя следует выделить две заметные ориентации. Одна проистекает из соотнесения деловой части его представителей с высшим слоем как референтной группой. Это буржуазное, респектабельное существование, характеризующее сдержанностью поведения, хорошими манерами, умением со вкусом (буржуазным) одеваться и организовывать жизненную среду. Другая порождается богемой — люди, занимающиеся искусством, работающие в шоу-бизнесе, в средствах массовой информации. Для них характерны демонстративность, публичность, экстравагантность в поведении, манере одеваться и держаться. Именно в этой среде создается и апробируется мода в ее наиболее острых проявлениях. Разумеется, подобный стиль жизни

предполагает особые модели социализации, приучающие к публичности. Обычно богема не воспроизводится через семейные династии. Сюда попадают склонные к искусству представители высших и более низких слоев общества. Первые оказываются здесь главным образом по призванию. Вторые — не только из стремления к творческой самореализации, но и потому, что ориентируются на богему как на культурный эталон. Соответственно социализация первых связана прежде всего с совершенствованием профессионального мастерства, а вторых — с приобретением навыков демонстративности.

Таким образом, средний слой среднего класса образует социокультурное пространство, динамика которого обусловлена следующими основными тенденциями. Во-первых, консерватизмом тех, кто обеспечил себе относительно стабильную позицию в обществе и удовлетворен этим. Такие люди поддерживают буржуазные нравы и обычаи, позволяющие сохранять благополучный образ жизни. Во-вторых, стремлением части людей занять более высокую социальную позицию. Для этого им приходится выходить за рамки стиля жизни средней буржуазии, идти на риск, размывая таким образом границы консервативного пространства. Это составляет источник его изменчивости, социокультурных напряженностей внутри него. В-третьих, внутренняя динамика богемы, определяемая стремлением ее представителей занять позицию «звезд». Они также способствуют расшатыванию буржуазных нормативов, особенно за счет влияния на молодые поколения. Наконец, в-четвертых, восходящая вертикальная мобильность из низших слоев общества, которые вносят в это пространство, аномические элементы, поскольку, отказываясь от своих обычаев, они в течение определенного времени оказываются плохо адаптированными в новом окружении. Таким образом, средний слой представляет собой самую подвижную и напряженную часть социокультурного пространства среднего класса, источник культурных инноваций, совокупность путей вертикальной социальной мобильности.

Социальная коммуникация в рамках низшего слоя среднего класса ограничена в основном институциональными контактами с представителями более высоких и низких слоев общества. Как правило, тесные межличностные связи с ними не устанавливаются. Представители более высоких слоев по своей инициативе дистанцируются от него. По отношению к низшему классу представители этого слоя стремятся сами держать максимально дистанцию. В современных урбанизированных условиях здесь сохраняются по-прежнему локальные отношения на базе соседства или конфессиональной общины. Но в принципе низший слой среднего класса представляет собой дисперсное социокультурное множество со слабыми внутренними институциональными и сетевыми связями.

В качестве источника информации эти люди в основном используют средства массовой коммуникации. Из них черпаются представления о том, что происходит в обществе и в мире, а также эталоны образа, качества, стиля жизни. Этот слой является основным потребителем продукции массовой культуры. На него рассчитаны сериалы, популярная музыка и литература, ток-шоу. Им адресована реклама, дамские и мужские журналы. Все это обеспечивает им язык коммуникации, стереотипы представлений, стандарты поведения и пополняет их весьма ограниченный личный опыт. Ведь их профессиональная деятельность не требует глубоких знаний и навыков принятия решений; в межличностных отношениях они не пользуются конфиденциальной информацией. Для выполнения институциональных обязанностей им не нужны зарубежные связи. Функциональные роли здесь таковы, что не имеют многочисленных внешних выходов. Компенсацией обеденности институциональных контактов является приватная жизнь. Здесь наибольшую значимость, по сравнению с другими слоями, имеют семейные межличностные отношения. Брак и семья не считаются факторами поддержания престижного социального положения, но обеспечивают безопасную приватную среду. В рамках этого слоя люди предоставляют друг другу широкий спектр услуг: множество кафе и недорогих ресторанов, доступных по ценам магазинов, массовые зрелища и т. п., — где можно побыть на людях.

Их рекреация также хорошо обеспечена. Благодаря медицинским страховкам они могут поддерживать свое здоровье. Социальное законодательство гарантирует им относительно обеспеченную и спокойную старость. К их услугам доступные по цене спортивные залы и клубы. Они живут в комфортабельных условиях. Их диета не отличается изысканностью, но вполне может быть здоровой.

Социализация в этом слое связана в основном с приспособлением к стереотипам принятого здесь образа жизни. Значительная роль в этом отношении принадлежит семье. Здесь дети приучаются ценить приватную жизнь, осваивают все связанные с ней привычки. Трудовая деятельность рассматривается только как источник дохода. Правда, добросовестное отношение к своим обязанностям, характерная для представителей среднего класса, распространяется и на низший его слой. В рамках этого слоя уровень образования его представителей невысок, а получается оно в массовых учебных заведениях. Только немногие люди готовят себя к движению вверх по социальной лестнице. Причем шансы на достижение позиции в высшем и среднем слоях у них совсем невелики. Большинство же ориентировано на рутинное существование, не требующее особых затрат усилий и высокого уровня культурной компетентности.

Обобщая сказанное, следует отметить, что социокультурное пространство низшего слоя среднего класса отличается concentra-

цией образцов приватной жизни. Поэтому его представители в основном аполитичны и далеки от публичной социальной активности. Это достаточно консервативный слой, воспроизводящий рутинные мелкобуржуазные паттерны образа жизни. При беспокойных состояниях общества молодежь здесь оживляется и включается в разного рода социальные движения. Однако, когда ситуация угасает, а молодые взрослеют, они, как и представители среднего слоя, возвращаются в более консервативные нормативные рамки.

Низший класс

Низший класс составляют люди, не имеющие собственности, с низким уровнем образования, работающие по найму, далекие от публичной социальной жизни. К нему также относятся те, кого называют социально слабо защищенными группами из этого же класса или низшего среднего слоя — пенсионеры, инвалиды, бездомные, безработные. Образ жизни здесь, включая работу, отличается от других слоев относительной простотой и рутинностью. Стремление сохранить эти качества обуславливают низкие уровень и качество жизни.

В социальных государствах во второй половине XX в. предпринимались многочисленные попытки борьбы с бедностью. Представители этих слоев обеспечивались льготами для получения образования, воспитания детей, медицинского обслуживания; при распределении жилья и рабочих мест; при выдаче кредитов на организацию собственного дела и т. п. Однако пока все эти меры не привели к ожидаемым результатам. Исследования свидетельствуют о том, что лишь немногие из этого класса воспользовались предоставленными возможностями и продвинулись вверх по социальной лестнице. В основном это были люди из более высоких слоев, попавшие в стесненные обстоятельства и вынужденные снизить свою социальную позицию. Либо они сами пытаются восстановить ее, либо делают все, чтобы побудить к этому своих детей. Что касается «потомственных» представителей низшего класса, то, как свидетельствует опыт, они не хотят затрачивать усилий на улучшение своего качества жизни.

В рамках низшего класса принято выделять высший, средний и низший слои.

Жизнеобеспечение осуществляется в этих слоях по-разному. Высший слой низшего класса составляют рабочие высокой и средней квалификации, мелкие клерки, владельцы малых фермерских хозяйств. Они живут на собственные заработки и заботятся о том, чтобы сохранить место работы. В этом они близки к представителям низшего слоя среднего класса, которые также готовы добросовестно выполнять свои обязанности и довольствоваться скромным

уровнем и качеством жизни. Средний слой низшего класса составляют работники низкой квалификации, а также временно безработные. Только часть из них характеризуется полной занятостью; другие могут рассчитывать лишь на неполное рабочее время; третьим приходится довольствоваться случайными заработками. К этому же слою относятся пенсионеры и инвалиды из более низких, но не самых низших социальных страт. В социальных государствах их жизнеобеспечение гарантировано не только пенсиями и пособиями, но также возможностью работать и даже получить новую профессию. Соответственно для этого слоя характерны относительно невысокие уровень и качество жизни, которые, однако, позволяют им не опускаться. Низший слой низшего класса составляют декласированные элементы. Эти люди не работают и живут на разного рода пособия, достаточные для выживания, но обеспечивающие самые низкие уровень и качество жизни. Причем для их повышения нет никаких оснований, поскольку сами люди в этом не заинтересованы, и их вполне удовлетворяет существующее положение дел. Вообще говоря, сегодня жизнеобеспечение низшего класса осуществляется за счет среднего, откуда исходят как запросы на низкоквалифицированную рабочую силу, так и налоговые и благотворительные выплаты, обеспечивающие пособия для нетрудоспособных или не желающих работать. Сами же они оказываются неспособными к организации собственного жизнеобеспечения.

Социальная коммуникация в рамках этого класса ограничена и по кругу контактов, и по объему, и по содержанию. В высшем слое социальные связи упорядочены и рутинны. Институциональные контакты, обусловленные содержанием выполняемых работ, обычно имеют линейную, а не разветвленную, как при сложных видах деятельности, форму. Соответственно такие люди поддерживают отношения с теми, с кем они находятся в непосредственных горизонтальных сетевых контактах, и не более того. Отношения по вертикали носят главным образом официальный характер при соблюдении значительной межличностной дистанции. Основной круг контактов составляют семья и соседи, компаньоны по играм и выпивке в барах и кабачках. Обращение к средствам массовой коммуникации также предельно ограничено: для мужчин — информация о спорте; для женщин — дешевые женские журналы, «мыльные оперы» по телевидению; для молодых — комиксы и желтая пресса. В кругу этих людей не принято обращаться ни к более сложным, ни к более модным типам информации — художественной, экономической, политической, религиозной. Последняя ограничена принадлежностью к локальной религиозной общине. Связи с представителями более высоких и более низких слоев здесь также ограничены, поскольку ни для тех, ни для других такие связи не представляют ни интереса, ни пользы. Часть людей из этого слоя,

особенно из небогатых стран, отправляется на работу за границу, в развитые страны. Однако это не сильно расширяет их коммуникативное пространство, поскольку им приходится проживать в ограниченном круге своих землячеств, а основное население от них дистанцируется. Более того, в чужой стране их социальная позиция снижается, и они попадают в низший слой низшего класса и редко — в средний.

Коммуникативное поле среднего слоя низшего класса еще более ограничено. Здесь семейные отношения весьма непрочны. Соседские контакты поверхностны и случайны. Дружеские связи в рамках этого слоя устанавливать не принято. Его представители не пользуются даже средствами массовой информации. Это группа атомизированных людей со слабыми внутрисловесными связями и информационными потоками низкой плотности и узкой фокусированности. Ее границы поддерживаются как извне, так и изнутри, но вынужденно, а не потому, что люди удовлетворены своим положением. Верхнюю охраняют люди с более высоким социальным положением, не желающие смешиваться с бедными и обездоленными. Нижнюю — те, кто составляет этот слой. Они сами стараются не переступить ее, поскольку за этой чертой начинается подлинная нищета.

Социальная коммуникация в низшем слое низшего класса является предельно обедненной. По структуре он оказывается еще более дисперсным и внутренне слабо связанным, чем предыдущий. Здесь нет развитых социальных сетей, поскольку крайне редки и непродолжительны семейные отношения; отсутствуют соседские и дружеские связи, принадлежность к религиозным общинам. Его представители склонны к алкоголизму и наркомании, и дешевые притоны являются тем миром, где они сталкиваются друг с другом.

О рекреации, по-видимому, следует говорить только применительно к высшему и работающей части среднего слоев низшего класса. Для них в большинстве развитых стран существует бесплатная медицинская помощь. В отношении инвалидов и пенсионеров речь идет о социальной реабилитации, и для этого имеются государственные программы, которые направлены на их интеграцию в нормальную социокультурную жизнь. Такие же программы на разных уровнях, в том числе и на общественном, включая благотворительность, разрабатываются и осуществляются для алкоголиков, наркоманов, ВИЧ-инфицированных. Специальное внимание уделяется бездомным. Муниципалитеты, благотворительные организации пытаются обеспечить их питанием, медикаментами, одеждой, кровом. Активное участие в благотворительных делах, адресованных социально слабо защищенным группам, принимают религиозные общины. Из сказанного следует, что значительная часть этого слоя живет за счет налогоплательщиков, а в организации их

образа жизни большое место занимают государственные, муниципальные и общественные программы по борьбе с бедностью.

Для этого класса характерны особые модели социализации. В основном молодые поколения здесь предоставлены сами себе. Только в рамках высшего его слоя дети и подростки получают начальное, а иногда среднее специальное образование и некоторую семейную социализацию. В других слоях, где семьи крайне нестабильны или вообще отсутствуют, дети, рожденные вне брака, либо попадают в приюты, либо, оставаясь с матерью (в редких случаях с отцом), становятся «детьми улицы». И хотя возможность посещать бесплатные школы у них есть, а в ряде стран образование считается обязательным, большинство относится к этому как к неприятной обязанности и практически не приобретает даже элементарных школьных знаний. Они рано начинают самостоятельную жизнь, либо довольствуясь случайными заработками, либо попадая в криминальную субкультуру. Жизненный опыт приобретается в непосредственных контактах и стереотипных ситуациях взаимодействия, характерных для среднего и низшего слоев этого класса. Для соответствующего образа жизни они оказываются хорошо социализированы, поскольку с раннего возраста вынуждены на практике приспосабливаться к окружающим условиям. Однако приобретенные знания и навыки оказываются достаточно примитивными и пригодными только для субкультур этих слоев.

Следует отметить, что социокультурное пространство низшего класса принято называть обществом или культурой бедности. Для него характерны такие черты, как слабая социальная организация (нестабильная семья, отсутствие устойчивых соседских, дружеских, приходских связей); низкий уровень и качество жизни; ограниченная культурная компетентность; равнодушие к социальному участию; привычка к иждивенчеству. Все это сопровождается нежеланием прилагать усилия для повышения собственного социального положения и даже адекватно использовать в таких целях государственную и общественную помощь. Соответственно речь идет о наиболее простой части, социокультурного пространства, для воспроизведения которой не требуется хорошо организованных взаимодействий, предполагающих специальное сложное и длительное обучение. Поскольку здесь каждый сам может удовлетворять свои примитивные потребности за счет результатов продуктивной активности других членов общества, социальные связи могут оставаться слабыми и неустойчивыми, а нормы и ценности не артикулированными. Помимо внутренней пассивности, доминирующей в пределах этого класса, его границы поддерживаются извне. От него ограждают себя представители как среднего класса, так и криминальной субкультуры, во избежание его деморализующего влияния, ослабляющего побуждения к поддержанию социо-

культурного порядка и взаимоприемлемых структур эффективного социального взаимодействия. Необходимо подчеркнуть, что исследования подтвердили наличие такого класса практически в любом обществе, независимо от степени его модернизированности и богатства. Письменные источники свидетельствуют о существовании культуры бедности в прошлом. Более того оказывается, что независимо от историко-культурных различий структурные ее характеристики сходны в разных странах.

Криминальная субкультура

Пространство социокультурного расслоения было бы неполным, если оставить без внимания криминальную субкультуру. Нередко она причисляется к низшим слоям общества. Но это не совсем верно, поскольку ее представители не только вхожи в различные социокультурные слои, вплоть высшего среднего, а иногда и высшего класса, но и являются выходцами из них.

Эту область социокультурного пространства также условно можно разделить по аналогии с общей стратификацией. Высший слой представляет собой маргинальные зоны институционального пространства социальной организации — хозяйственной, политической, правовой. Криминал в хозяйственной области, называемый теневой экономикой, имеет несколько стандартный форм. В производственной сфере — это незаконное производство наркотиков, спиртных напитков, оружия и других продуктов, связанных с угрозой социальной безопасности. В сфере услуг — это незаконный игорный бизнес, проституция, притоны для наркоманов и другие предприятия, связанные с нарушением общественных норм добропорядочности. В сфере распределения — это контрабанда, торговля запрещенными товарами, а в области финансовых операций — разного рода крупные мошенничества типа пирамид, ложные банкротства, изготовление фальшивых денег и ценных бумаг, т. е. все то, что подрывает принципы буржуазной деловой этики.

В политической области криминал является побочным продуктом бюрократических структур. Одно направление его структурирования обусловлено коррупцией чиновников, контролирующей легитимизацию и функционирование утилитарных структур. Здесь открывается целый спектр возможностей для вымогательства, предусматриваемый неопределенностью и двусмысленностью бюрократических нормативных документов, что позволяет чиновнику назначать цену за выполнение своих функциональных обязанностей. Другое направление связано с рудиментами феодальных порядков. Речь идет о постоянной выплате некоторого процента с доходов крупных теневых предпринимателей чиновникам, обеспечивающим беспрепятственное продолжение деятельности.

В этой области распространен также подкуп политиков, соглашающихся лоббировать интересы крупного криминального капитала. Наконец, здесь следует отметить феномен казнокрадства. Он обусловлен обязанностью специальных чиновников контролировать движение финансовых потоков, связанных с реализацией социально значимых программ и проектов. В этом случае они вступают в сговор с администрацией исполнителя и совместно утаивают и делят между собой определенный процент выделенных ресурсов.

Образ жизни этих людей в чем-то сходен, а в чем-то отличен в сравнении с высшим слоем среднего класса. Сходство обнаруживается не только в уровне, но и в качестве жизни. Условия их существования комфортабельны: им принадлежит столь же крупные недвижимосты и земли в разных странах; они пользуются столь же высококачественными товарами и услугами; их дети могут обучаться в таких же престижных учебных заведениях. Различие состоит в том, что не только нувориши из высших криминальных слоев, но и вторые и даже третьи поколения не имеют доступа в высшее общество из-за господствующих здесь нравов и обычаев. В частности, в рамках высшего класса и высшего слоя среднего класса обычно прозрачными являются родословные, родственные связи или личные заслуги, соответствие которых принятым стандартам подтверждает право семьи занимать соответствующую позицию. Далее, здесь достаточно высок нормативный уровень общекультурной компетентности, приобретаемый не только за счет образования, но и в личных контактах. Наконец, распространенные в рамках этих слоев характеристики стиля жизни, особенно поведения, могут быть приобретены только в непосредственных взаимодействиях, причем начиная с детского возраста. Иными словами, сам по себе капитал не является единственным фактором, определяющим принадлежность индивидов, семей, групп к высшим слоям общества. Поэтому крупные криминальные группы сохраняют маргинальное положение в обществе, где есть традиционные высшие слои.

К средним стратам криминальной субкультуры можно отнести следующие категории людей. Прежде всего это совершающие те же типы правонарушения, что и в первом случае, но в меньших масштабах и контактах с чиновниками более низких рангов. Кроме того, обычно они не имеют доступа в политические круги. Далее, к ним же можно причислить рэкет, при котором дань взимается со средних и мелких предпринимателей. Наконец, следует выделить тех, кто занимается крупными грабежами, мошенничеством, шантажом. В этот слой входит также профессиональные экономисты и юристы, находящиеся на службе у крупных криминальных структур.

Образ жизни этих людей близок к стандартам среднего слоя среднего класса. Их характеризует достаточно высокий уровень и

качество жизни. Это позволяет им пользоваться разнообразными благами: комфортабельное жилье, модная одежда, беспечный досуг. Правда, по стилю жизни они отличаются на уровне досугового времяпрепровождения: ночные клубы, игорные дома, вечеринки с наркотиками и женщинами легкого поведения. Здесь соблюдение криминальной этики — строгое следование договоренностям, сохранение тайны, заранее обусловленное распределение добычи и т. п. — обеспечивает людям возможности следовать по избранному пути, а несоблюдение грозит физическим уничтожением. Эта область социокультурного пространства, как и предыдущая, отличается высокой степенью риска. Поэтому социализации здесь уделяется специальное внимание. Она имеет традиционную форму: новичок последовательно осваивает необходимый опыт в контексте реальной практики. С этой точки зрения представители среднего криминального слоя обладают многообразными знаниями и навыками, позволяющими им обходить закон, обманывать других с выгодой для себя, присваивать себе их имущество, что закрывает им доступ в средний слой среднего класса, несмотря на его предельную открытость. Скорее отсюда в криминальные круги попадают люди, склонные к риску и неразборчивости в средствах обогащения.

Низший слой криминальной субкультуры составляет разного рода мелкие воры и мошенники, наемные убийцы, сутенеры и т. п. К ним примыкают уличные молодежные шайки хулиганов, из которых черпается пополнение в средний и низший криминальные слои. Их образ жизни близок к аналогичным слоям низшего класса. Круг контактов здесь ограничен. Время распределено между добычей средств к существованию и их достаточно быстрому проживанию. Времяпрепровождение отличается примитивностью и грубыми развлечениями: наркотики, алкоголь, беспорядочные сексуальные связи, простейшие игры. Жизнь этих людей полна риска, но на довольно примитивном уровне. Поэтому в ходе социализации они осваивают крайне узкий набор навыков, используя их в стандартных ситуациях. Уровень их культурной компетентности сопоставим с тем, что характерен для низшего слоя низшего класса. Существенное отличие от него заключается в том, что низший криминальный слой значительно лучше организован. Благодаря круговой поруке здесь можно обнаружить признаки общинной жизни. Эта группа характеризуется также высокой степенью активности, правда, деструктивной в отношении законопослушных граждан, а нередко и представителей своего класса.

Обобщая характеристики криминального образа жизни, можно выделить ключевые черты, отличающие формируемую ими область пространства социокультурной стратификации от всех остальных. Прежде всего следует подчеркнуть ее маргинальность

по отношению к существующей концептуализации стратификации в целом. Это область граничит практически со всеми социальными слоями, но не интегрируется ни в одну из них. Далее, по степени закрытости она сопоставима только с высшим классом. Полноправное существование в рамках криминальной субкультуры возможно лишь при прохождении через строгие ситуации посвящения, прочно связывающие с нею новичков узами серьезных правонарушений, а также при соблюдении всеми ее членами установленных жестких норм и правил. Причем, принятая здесь этика непреложна внутри нее, но не распространяется на других членов общества. Следует также отметить, что для нее характерна самая высокая в обществе степень риска. Соответственно традиционные модели социализации, связанные с непосредственным освоением необходимых знаний и навыков, носят жесткий и авторитарный характер. С этим связана также и строгая внутренняя организация криминальной субкультуры с максимальными негативными санкциями — вплоть до физического уничтожения — за нарушение принятых здесь норм и правил. Законы здесь используются не в качестве общесоциальной матрицы оптимальной организации социальных взаимодействий и минимизации конфликтов. Напротив, их нарушают, обходят, используют во вред другим, что обнажает несовершенство и бреши в любом из них.

Такое положение криминальной субкультуры в обществе предполагает проницаемость для ее влияния границ практически любого социального слоя. При наличии в обществе правовой системы и законопослушных граждан она становится источником угрозы социальной безопасности: разрушаются регуляторы стандартных взаимодействий, с одной стороны, и типичных конфликтных ситуаций — с другой. Таким образом происходит деструкция матрицы общественно полезной активности и социального консенсуса и открывается путь произволу.

Контрольные вопросы

1. Концепция социальной стратификации как измерение пространства социокультурной дифференциации на обыденном уровне.
2. Высший класс и его расслоение: специфика социокультурного пространства и механизмы его поддержания.
3. Средний класс: социокультурное пространство микродинамических процессов.
4. Низший класс: пространство адаптации в условиях минимальных жизненных возможностей.
5. Криминальная субкультура: пространство распространения и социокультурные функции.

Глава 7. Распределение социокультурного потенциала по типам поселений

Результат концептуального совмещения институциональной и стратификационной точек зрения на организацию совместной активности людей и ее результатов в обществе можно назвать его социокультурным потенциалом. Он распределен и реализуется в конкретных местах проживания людей, т. е. в поселениях различных типов. Социальная значимость таких различий в социальных науках признана давно. Речь идет не просто о том, что людям свойственно распределяться в физическом пространстве неравномерно и концентрироваться в определенных его зонах. И не только о том, что они неодинаковы по количеству населения. Дело в том, что типы поселений различаются по формам организации совместной жизни людей.

Существующая в настоящее время форма их типологии включает в себя такие единицы, как село, малый город, средний город, крупный город, мегаполис (включая столичный город). Типы поселений варьируются по их социокультурному потенциалу, и это обуславливает специфику конфигурации социокультурного пространства каждого общества.

Столицы и региональные центры

В соответствии с институциональным измерением можно выделить количество и иерархическую представленность институциональной сферы общества в каждом из типов поселений. Максимальная представленность институтов от общесоциального до локального уровня и в наиболее полном функциональном объеме свойственна столичному городу. Здесь сосредоточены высшие органы государственного управления, все структуры законодательной, исполнительной и судебной власти. В столице и ее агломерации существует высоко развитая хозяйственная деятельность в самых продвинутых формах ее производительной, обменной и потребительской областей. Здесь сосредоточены основные политические институты и силы, отношения между которыми определяют остроту и динамизм соответствующих процессов, социальную значимость принимаемых решений.

В столице сходятся пути международных, национальных, региональных экономических и политических отношений, концентрируются научные, религиозные, художественные события всех этих уровней. Отсюда исходят экспертиза и санкционирование образовательных и просветительских программ. Сюда стекается оперативная и фондовая информация, значимая для диагностики текущего положения дел в стране и в мире и для решения текущих задач

и проблем. Принимаемые здесь решения имеют общесоциальную и даже международную значимость, что предполагает особую организацию их выработки и реализации. Прежде всего участвующие в этом люди имеют высшие полномочия. Им доступна самая конфиденциальная и оперативная информация. К их услугам консультанты высокого ранга и центральные средства массовой информации.

В силу высокой степени напряженности институциональных процессов система общественного разделения труда в столице обеспечивается высококвалифицированным персоналом и новейшими технологиями. Без этого высокоскоростные коммуникативные процессы, оперативные принятия решений, отслеживание текущих событий, контроль над процессами, происходящими в стране, были бы неосуществимыми.

Иными словами, институциональная структура столичного города и региональных центров является максимально дифференцированной и разветвленной. Выполняемые здесь функции связаны с контролем над социетальными процессами, а принимаемые решения имеют общесоциальную значимость. Функции административных центров в обществе связаны с концентрацией здесь высококвалифицированных профессионалов в области экономики, политики и права. Динамизм и напряженность такого функционирования предполагает обобщение и фиксирование порождаемых им множественных социокультурных процессов в символической форме. Вот почему здесь доминируют самые сложные представления институциональной информации и обмена ею.

Социальная стратификация в столичном городе и региональном центре также представлена в максимальной полноте и дифференцированное™. Высокая степень концентрации на одной территории людей, несходных по типам образа жизни, обуславливает остроту проблемы разграничения различных социокультурных групп. Статусная иерархия социальной стратификации, с одной стороны, и пространственная близость страт — с другой, побуждают представителей высоких социальной позиций постоянно и тщательно охранять свою социокультурную территорию. Концентрацию в столицах и региональных центрах крупных капиталов, активных экономических обменов, богатства и роскоши порождает разного рода авантюры и криминал в наиболее сложных формах. Эти же факторы обуславливают наличие здесь многочисленных представителей самых низших слоев общества, пользующихся побочными последствиями богатой столичной жизни.

В силу того, что столицы представляют собой самые оживленные перекрестки международных отношений страны, их культура всегда космополитична и характеризуется плюрализмом ценностных и символических систем. А благодаря особенностям институционального пространства и концентрации наиболее сложных со-

циокультурных функций в столице она обладает особой привлекательностью для самых подвижных представителей высшего и среднего слоев среднего класса. Стремление этих людей занять здесь высокие общественные позиции побуждает их к высокой социальной активности и изобретательности. Образ жизни большинства столичных жителей отличается высоким уровнем напряженности, динамизма, сложности, разнообразия. В сочетании с разветвленной сетью полифункциональных институтов он детерминирует существование здесь многомерного и изменчивого социокультурного пространства, существование в пределах которого не поддается полной нормативной упорядоченности. Вот почему в крупнейших городах сосредоточены самые сложные виды художественного, научного, философского осмысления связей человека с окружением, позволяющие людям отслеживать и контролировать их динамику.

Таким образом, социокультурное пространство крупнейших урбанизованных центров, в том числе столиц, отличается максимальной полнотой и сложностью дифференциации. Сосуществование многочисленных и разнородных компонент предполагает разветвленную структуру координационных и субординационных отношений между ними. Динамизм жизни в таких городах предполагает подвижность социальных и культурных механизмов регулирования существующих здесь отношений.

Эти общесистемные представления следует дополнить социально-антропологическим, т. е. принять во внимание, что создают, контролируют и меняют это пространство сами люди. И чем сложнее оно оказываться, тем больше знаний и навыков высокого уровня нужно освоить тем, кто несет ответственность за его упорядоченность и эффективное воспроизведение. Но и на исполнительском уровне необходимо приобретение достаточно сложного жизненного опыта адаптации и даже простого приспособления в многомерной и динамичной высокоурбанизированной среде. Соответственно процессы ее освоения отличаются максимальной степенью сложности, социокультурной дифференцированностьюTM, качественными различиями агентов социализации и транслируемой ими культурной информации. Эффективность результатов этих процессов верифицируется тем, насколько младшим поколениям удастся сохранить или повысить социальную позицию, обеспечиваемую семьей; в какой степени они могут контролировать динамику своих уровня и качества жизни; какова мера их свободы в формировании собственного образа жизни.

Крупные города

372 Крупные города, не имеющие признаков столичности, отличаются своими особенностями социокультурного пространства.

Обычно такие поселения формируются по нескольким функциональным признакам. Чаще всего они связаны с хозяйственной областью социокультурного пространства, например, портовые города, поселения, основания на базе сложного промышленного производства или крупных корпораций и т. п. Нередко это исторически сложившиеся поселения с богатым культурным наследием. В их пределах социальная структура выстраивается вокруг основных градообразующих начал.

Функционирование крупных хозяйственных единиц предполагает сложную многомерную деятельность работников разной, в том числе высокой, квалификации. Рядом с ними существуют достаточно развитые структуры производства, распределения, обмена и потребления товаров и услуг — бытовых, медицинских, образовательных, развлекательных. Одна их часть ориентирована на обеспечение удовлетворительных уровня и качества жизни горожан. Другая связана с распространением продукции, производимой ключевыми хозяйственными единицами. Когда у подобных городов есть длительная история существования, их социокультурное пространство оказывается достаточно сложным. В первых, разветвленной является их институциональная структура. Властные полномочия здесь обычно разделяются между хозяйственными субъектами и выборными муниципальными органами. В отношениях между ними постоянно существует напряженность, если только они не сливаются в единое целое, когда хозяйственный субъект занимает высшие позиции муниципального управления. Но существуют и внешние институциональные связи. Одно их направление обусловлено региональной принадлежностью поселения. Другое — отношениями доминирующих хозяйственных субъектов с государственными или общественными структурами общесоциального уровня (крупные партии, профсоюзные, религиозные и др. организации).

По этим признакам можно судить о сложности социокультурного расслоения в поселениях такого рода. Ключевые позиции здесь занимают немногочисленные представители высшего среднего класса, напрямую связанные с высшими государственными структурами. Степени свободы их социального поведения нередко оказываются более множественными, чем у представителей региональных властей. Средний слой среднего класса здесь представлен в меньшем качественном многообразии, чем в столице. Это относительно немногочисленные представители крупного хозяйственного и муниципального менеджмента. Следует подчеркнуть, что решения, принимаемые на уровне высших и средних слоев в таких поселениях, имеют локальную и региональную (в функционально обусловленных масштабах) значимость. Только иногда и в очень узких пределах такие решения имеют значение для властных

структур более высокого уровня. Но в пределах общесоциального социокультурного пространства решения, принимаемые в отдельных городах, не оказывают существенного влияния. Основное население таких городов составляют средний слой среднего класса и высший слой низшего класса, осуществляющие исполнительские функции. Это работники расположенных здесь крупных производственных единиц; средние и мелкие собственники; люди, занятые в сферах образования, просвещения, здравоохранения; чиновники низкого ранга. Низшие слои низшего класса здесь составляют инвалиды и пенсионеры, а также безработные, которые в большей степени, чем в столичных городах, стремятся сохранить приличное социальное положение за счет миграции в другие города и регионы, либо работы на приусадебных участках, либо перемещения в сферу самого мелкого бизнеса.

Изменчивость социокультурных процессов задается здесь прежде всего извне: реформами в обществе, необходимостью радикальной модернизации доминирующих хозяйственных структур и т. п. Но такого рода перемены обычно касаются субъектов принятия решений и гораздо в меньшей степени затрагивают исполнительский уровень. А поскольку эти социальные слои составляют здесь большинство и социальная дистанция между ними и немногочисленными субъектами принятия решения велика, основные характеристики образа жизни носят консервативный характер.

Достаточно сложные и разветвленные социокультурные связи, в том числе внешние, определяют необходимость наличия культурно-символических поисковых форм активности, прежде всего в художественной форме. Это обусловлено мерой многообразия и изменчивости, свойственной такого типа поселениям. Она достаточно велика, чтобы ее важно было отслеживать и фиксировать в образной форме, но не в такой степени, чтобы стать предметом сложного рационального осмысления и обобщения.

В то же время высокая степень автономности трех уровней социальной структуры — общесоциального, регионального и муниципального — позволяет достаточно долго удерживать консервативные паттерны деятельности и социальных отношений. Тем более, что для поддержания межгрупповых границ здесь не требуется особых усилий. Вертикальная восходящая мобильность имеет сравнительно невысокую вероятность, и претендентов на нее не так уж много. Горизонтальная социокультурная дифференциация, особенно на уровне законопослушного среднего слоя среднего класса, ограничивается малоподвижным набором относительно рутинных социокультурных функций, обусловленных сравнительно невысоким институциональным статусом таких городов.

В силу относительной консервативности и высокой степени упорядоченности социокультурного пространства криминальные

структуры здесь оказываются более подконтрольными локальным властям, чем в столичных городах. Да и сама криминальная активность оказывается более простой, поскольку наиболее сильные и предприимчивые люди из этой среды перемещаются в центральные города, где жизнь значительно богаче, но и сложнее. Здесь им легче укрыться и действовать из-за значительных по размерам зон нормативной неопределенности.

Обобщая сказанное, следует подчеркнуть, что социокультурное пространство крупных городов имеет сложную и динамичную конфигурацию. Однако эти характеристики ограничены контролем, обусловленным их административной подчиненностью, с одной стороны, и отсутствием настоятельной необходимости в структурных изменениях — с другой. Поэтому форму социокультурной динамики здесь можно охарактеризовать как в основном вариативную, а не инновативную. Культурные инновации — философские, научные, художественные — порождаются редко отдельными индивидами и побуждаются не попытками организовать и обобщить сложное динамичное окружение, а стремлением компенсировать рутинность образа жизни, преодолеть стресс монотонии. Соответственно социализация в такого рода поселениях ориентирована на освоение и поддержание сложного, но вполне подконтрольного жителям социокультурного пространства. В то же время от субъектов социализации не требуется, а потому сдерживается поисковая, инновативная активность. Здесь поощряется следование, подражание сложным, но уже установившимся в культуре познавательным, эстетическим, идеологическим образцам, а в качестве нового принимаются их вариации или приложение к конкретному локальному материалу. Вот почему те, у кого ориентации на изменчивость оказываются сильнее, чем освоенные в процессах социализации навыки и локусы их реализации, стремятся покинуть такого рода поселения. Они мигрируют в те, где социокультурное пространство является более сложным и динамичным, сопоставимым с поисковым потенциалом.

Средние и малые города

Столица, региональные центры и крупные города составляют один качественно определенный тип социокультурного пространства с центром тяготения к столице. Он характеризуется высокой степенью концентрации людей на территории поселения и сложностью форм образа жизни и социальной организации. Принимаемые здесь решения имеют обесocialную значимость или крупномасштабные социокультурные последствия. Нижней границей, сдерживающей распространение социокультурных инноваций, заимствованных из-за рубежа или сформированных в

столице, являются в этой области социокультурного пространства крупные города с их относительно консервативной формой социальной организации.

Средние города можно считать такого рода центрами тяготения для малых городов и сел. Правда, с одним существенным различием. Свойственная им степень консерватизма рутинизированности образа жизни является наименьшей по сравнению с остальными меньшими по объему типами поселений. Они могут быть сформированными вокруг какой-то монопрофильной хозяйственной единицы, чаще всего добывающей. В этом случае город по составу почти полностью совпадает с этой единицей. Но он может выполнять функцию интегрирующего центра для малых городов и сел с их мелкими и дисперсными хозяйственными структурами и замкнутым образом жизни. В любом случае в среднем городе сосредоточены институциональные единицы, необходимые для организации поселений мелкого масштаба в некое подобие общего социокультурного пространства. Поэтому далее речь пойдет о чертах, характеризующих такую целостность без дальнейшей дифференциации. В качестве показательного примера выбран средний город, представляющий все его ключевые социокультурные особенности.

Институциональная организация жизни здесь относительно проста, поскольку представлена хозяйственными и правовыми институтами, главным образом исполнительского характера. Самый высокий уровень политических процессов здесь ограничивается локальным самоуправлением. Самый высокий уровень внешних институциональных связей — близлежащими крупными городами. Система общественного разделения труда представлена главным образом исполнительскими функциями. Руководство производственными единицами — собственники и менеджмент — составляют в городском населении меньшинство. Масштабы и последствия их деятельности ограничиваются пределами этой единицы и как максимум — крупного города. Последствия политических решений, принимаемых в этих типах поселений, также не выходят за их пределы.

Вертикальные политические связи обычно поддерживаются с муниципальными властями близлежащего крупного города. Несмотря на локальное самоуправление, такие связи оказываются необходимыми, поскольку расширяют источник экономических ресурсов средних городов (банковские кредиты, сырье и полуфабрикаты, производственная и бытовая техника, товары широкого потребления), с одной стороны, и информационных (более высокий уровень образования, лучшая комплектация библиотек, более широкая сеть массовых коммуникаций, более крупные учреждения культуры) — с другой. Выходы на более высокий уровень связей — региональный центр, столица — нечасты и, как правило, ограничиваются контактами с чиновниками среднего ранга.

Правовая сфера также представлена здесь учреждениями низшего звена. Любые локальные нормативные документы должны быть согласованы с региональными правовыми установлениями и содержанием договорных отношений с представителями более крупных поселенческих единиц. Принятые здесь судебные решения могут быть опротестованы в более высоких инстанциях.

Иными словами, социальная организация средних городов в принципе не требует проявлений гражданской инициативы, поскольку нормативные матрицы хозяйственных, политических и правовых процессов задаются извне. Соответственно возможности гражданской и деловой социализации, равно как и проявления институциональной активности, здесь ограничены по сравнению с крупными поселениями, имеющими больше степеней свободы в сфере принятия социально значимых решений.

Относительная простота социокультурной жизни в этих типах поселений обуславливает низкий уровень ее динамизма. Более того, изменения здесь, как правило, обуславливаются не внутренней необходимостью, но индуцируются извне. Правда, такие внешние импульсы обычно бывают достаточно слабыми, а их последствия в смысле реальных изменений совсем не обязательны. Ведь от положения дел в такого рода поселениях почти ничего не зависит в решениях и процессах социетального уровня. Это объясняет консерватизм населения таких городов, пассивное неприятие здесь любых попыток внедрения инноваций, которые могут усложнить социокультурное пространство. Соответственно, если говорить о символической, коммуникативной области этого пространства, то она отличается бытовой стереотипностью и мифологическими представлениями о более широком контексте общественной жизни. В большинстве такого рода поселений отсутствуют локусы для философского и научного познания, а искусство ограничено его развлекательной и знаковой функциями.

Следует, однако, сделать оговорку. Консерватизм и множественность средних и малых городов сдерживают динамизм современных обществ. Поэтому в настоящее время наблюдаются определенные тенденции интегрирования поселений такого типа в процессы социокультурной модернизации. Это может быть их организация в агломерации вокруг крупных городов. Речь идет о формировании территорий, объединенных общностью хозяйственной и политической деятельности, сопровождаемой целенаправленным разделением функций между их компонентами. Другое решение предполагает насаждение в средние (реже малые) города современных поисковых видов активности: высокотехнологичные предприятия; художественные объединения; организация различных сложных форм туризма. Нередко организуются места для встреч представителей бизнеса, науки, искусства — дома отдыха,

гостиницы с конференц-залами и помещениями для неформальных обменов мнениями. Обе тенденции направлены на внесение культурных инноваций, динамики и усложнения в консервативную среду за счет прямого участия в ней подвижных членов общества из крупных модернизирующихся поселений.

Тем не менее пока результаты таких попыток в модернизирующихся странах, в том числе в России, значительно менее эффективны, чем ожидалось. Приезжие и местное население пока не образуют социокультурной общности, и между этими слоями существует разрыв, а не постепенная шкала переходов. Инновативные группы пополняются, пока для этого есть возможности, за счет выходцев из крупных городов, имеющих лучшее образование и более высокий уровень общекультурной компетентности, чем местные жители. Кроме того, возможности увеличения количеств таких людей достаточно быстро исчерпываются в связи с пределами организационного роста, и эти сообщества становятся все более закрытыми и косными. Единственный тип поселений такого рода, сохраняющий динамизм, — это университетские города. Но, как известно, образовательная область сама по себе одна из наиболее консервативных составляющих институционального социокультурного пространства. Соответственно это качество характеризует даже средние города университетского типа. Подобные попытки преодолеть консерватизм средних городов, несмотря на их невысокую эффективность, все же открывают возможности более сложной социализации для тех их жителей, особенно молодых, которые склонны к поисковой деятельности и социальной активности.

Из сказанного следует, что средние города определяют наличие в обществе многочисленных анклавов консервативного социокультурного пространства. В силу особенностей социальной организации (хозяйственная, политическая, правовая области) они не являются источниками крупномасштабных и социально значимых инноваций. Их характеризуют преимущественно исполнительские виды деятельности в системе общественного разделения труда и рутинизированный тип образа жизни. И хотя качество жизни здесь может, как в развитых странах, не отличаться от характерного для крупных городов, стиль жизни оказывается совершенно иным. Относительная простота и устойчивость социокультурного пространства не побуждают жителей к поисковой активности, инновациям. Любые попытки такого рода подавляются как с помощью негативных социальных санкций, так и из-за отсутствия социокультурного поля для их реализации. Зато воспроизведение культурных стереотипов поощряется. Этим объясняется низкий уровень организованной преступности в такого рода поселениях. Им более свойственны бытовые правонарушения и хулиганство.

Все эти черты образа жизни и социальных отношений транслируются молодым поколениям в процессах социализации. По-

сколькx они практически не участвуют в сложных формах социокультурной жизни, их опыт ограничивается поверхностным знанием функциональной значимости соответствующих процессов и результатов, полученным из книг и средств массовой информации. В процессах такой социализации люди не получают практических навыков существования в многомерной и динамичной социокультурной среде и оперирования сложными символическими системами и культурными кодами. Подвижное и разнообразное внешнее окружение остается для них малопонятным и упорядочивается в представлениях мифологического порядка. Вот почему даже самые активные представители этой области социокультурного пространства, мигрируя в крупные города, вынуждены проходить через процессы ресоциализации. Но неинституционализированность подобных процессов в крупных городах нередко так и не освобождает их от привычек все упрощать и приобрести навыки, необходимые для выработки стратегических решений и прогнозирования их социально значимых последствий.

Контрольные вопросы

1. Концепция социокультурного потенциала.
2. Территориальное измерение социокультурного пространства: познавательные функции.
3. Особенности социокультурного пространства мегаполисов как источника социокультурных изменений.
4. Социокультурный потенциал средних городов.
5. Малые города и села: факторы, обуславливающие их консервативные функции в динамике социокультурного пространства.

РЕЗЮМЕ

1. Рассмотрение обыденного уровня социокультурного пространства сквозь призму социальных сетей открывает возможности для его понимания как источника социокультурной динамики. В этом случае выявляются локусы и механизмы взаимодействий и коммуникаций в структурах межличностных, а не организационно-институциональных отношений; определяется, как связанные ими люди пользуются артефактами, варьируя и изменяя их функции, значения, смыслы. В этом случае возможно изучение механизмов поддержания первичных групп, что позволяет понять закономерности взаимодействия и коммуникации в процессах их социального существования. Сетевой анализ упорядочивает обыденную реальность как предметную область исследования порождения и освоения культурных объектов, событий, фактов; трансформации личных представлений, суждений, результатов деятельности в интересующую информацию. Здесь просле-

живаются механизмы ее распространения от семьи в более широкую социокультурную среду — родственные, дружеские группы, объединения по интересам, знакомые. Такой анализ имеет важное значение при исследовании механизма традиции, которая рассматривается как непосредственная трансляция знаний, навыков, чувствований от одного человека к другому, от поколения к поколению в контексте сетей межличностных отношений.

2. Структурирование обыденного социокультурного пространства с точки зрения образа жизни обеспечивает упорядоченную общую картину того, как люди на индивидуальном и групповом уровнях организуют свои связи с окружением. Каждая из составляющих образа жизни отличается определенным, только ей свойственным набором культурных и социальных функций, предполагающих специальную подготовку и реализацию в различных областях социокультурного пространства. Это позволяет выявить и локализовать основные тенденции, направленные как на сохранение, так и на изменение определенных форм связей между обыденным и институциональным его уровнями. Задача построения концепции образа жизни и изменчивости его социокультурного пространства решалась совмещением институциональных и обыденных его составляющих. Это позволило увидеть, сколь социально значимой — реально или потенциально — является та проблема, ответом на которую является организация жизненного пространства людей и какова вероятность распространения ее решения за пределы локуса ее возникновения и существования. В этом случае акцент ставится на распределение времени и усилий людей между социокультурными составляющими образа жизни.

3. Тема освоения социокультурного окружения, приобретения культурной компетентности связывается с процессами обучения, социализации. Именно эти процессы трансляции социокультурного опыта от старших поколений к младшим, от более культурно компетентных членов общества к менее подготовленным придают изучению общества и культуры временное измерение.

Детский опыт освоения культуры был выделен в связи с его значимостью в структуре жизненного цикла человека: в ранний период социализации и инкультурации ребенок на довербальном, нерефлексивном уровне осваивает первые навыки отношения с окружением. Они устойчиво сохраняются и с трудом поддаются изменению благодаря их адаптационным свойствам, с одной стороны, и неотрефлексированности — с другой.

Однако было бы неверным считать такой опыт единственной основой формирования личности, а последующие знания и навыки лишь развитием того, что было освоено в детстве. В ходе жизненного цикла индивиду приходится иметь дело с различными ситуациями социального взаимодействия, социокультурными кодами, с необходимостью решать разноплановые задачи.

Поэтому личности приходится затрачивать усилия на их осмысление, освоение, упорядочение и самой быть инструментом в этих процессах. Разнородность осваиваемого предполагает вхождение в различные структуры взаимодействия с ними у одной и той же личности. Причем такие структуры могут быть полностью несопоставимыми друг с другом и даже взаимоисключающими. Все это способствует личностным модификациям.

4. На каждой стадии личностного становления индивиду приходится осваивать новые формы социокультурной представленности, выраженные в понятиях позиции, статуса, роли, идентичности. Они отнюдь не всегда органично сочетаются друг с другом, и это несовпадение может стать источником изменения в образе жизни и стимулом к дальнейшей социализации. Соответственно место личности в социокультурном пространстве претерпевает как содержательные, так и структурные изменения. Они вызываются столкновениями индивида с различными ситуациями, в рамках которых при первом знакомстве с ним другие определяют его принадлежность к конкретным социокультурной группе, образу жизни в их проявляемых культурных признаках.

5. Все эти концепции позволили дополнить институциональное измерение социокультурного пространства социально-групповым, стратификационным, позволяющим уточнить место определенных событий и процессов в динамике разных его областей. Концепция социального расслоения акцентирует категоризацию и «шкалирование» членами общества друг друга в зависимости от социальных позиций, возможностей, обеспечиваемых ими, степени влияния.

Она является существенно важным инструментом описания дифференциации социокультурного пространства и построена на принципе объединения членов общества в слои по признакам их участия в системе общественного разделения труда и в повседневной жизни, с одной стороны, и оценки их общественного авторитета, престижа — с другой. Иными словами — по сходным чертам их образа (уровня, качества, стиля) жизни. Для исследования социокультурного пространства это измерение имеет особую значимость. Прежде всего через изучение расслоения становится очевидным относительно устойчивое распределение культурного потенциала между социальными группами и его активного использования, выявляются области его концентрации. Далее, это позволяет выдвигать гипотезы о тех, которые с наибольшей вероятностью будут лидировать с точки зрения поддержания или изменения социальных структур и культурных форм. Наконец, оценка их социального престижа позволит прогнозировать, насколько приемлемыми в обществе будут предлагаемые идеологии, ценности, нормы, образцы активности.

6. Обращение к категории поселения позволяет дифференцировать социокультурное пространство еще по одному важному

для изучения микродинамики общества и культуры измерению. Само определение поселения включает в себя устойчивые культурные черты и социальные формы, характерные для сообщества и обусловленные распределением социокультурного потенциала в территориальном аспекте. Такого рода характеристики задают некоторую доступную наблюдению и анализу социокультурную матрицу организации совместной жизни людей, воспроизводящуюся от поколения к поколению. Относительно нее можно проследить вариации и изменения образцов действий и взаимодействий, ценностей и норм. В ее пределах прослеживается социокультурная стратификация сообщества и оценивается его институциональный потенциал. Кроме того, акцент на устойчивых характеристиках социокультурного пространства поселений привлекает внимание к механизмам такой устойчивости. Следовательно, появляется возможность проследить процессы, благодаря которым одни культурные инновации гасятся действием подобных механизмов, а другие интегрируются в «фонд» культуры поселения.

7. Таким образом, концептуальная модель измерения социокультурного пространства в аспекте социальной стратификации позволяет понять закономерности и формы распределения культурного потенциала в сообществах с их дифференциацией на основании образа жизни. Его обыденная составляющая связана с концепцией сетей межличностных отношений, что открывает возможность изучать действующие здесь механизмы порождения, воспроизведения и изменения форм интеракций и артефактов. Территориальная стратификация составляет его особое измерение, отображающее характерную для общества матрицу распределения социокультурного потенциала в физическом пространстве. Благодаря этому становятся понятными механизмы поддержания устойчивых культурных форм, порождения и отбора инноваций, характерных для различных типов поселений

РАЗДЕЛ III
ФОРМЫ И ПАРАДИГМЫ
СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

СОЦИАЛЬНО ЗНАЧИМЫЕ ПРОБЛЕМЫ КАК ИСТОЧНИК СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

Глава 1. Концепция социально значимой проблемной ситуации

Определение проблемной ситуации

В рамках социальных отношений наступает момент, когда под влиянием внутренних или внешних факторов их динамические формы оказываются необратимо нарушенными, а механизмы восстановления отсутствуют. Например, личность с определенным социальным положением и профессиональной подготовкой при неблагоприятных условиях более не может поддерживать приемлемый для нее уровень жизни. Производственная единица при наличии материально-технической оснащенности теряет партнеров и рынки сбыта. У организации (партии, социального, политического движения) при имеющейся структуре уменьшается количество сторонников. Институт (орган законодательной, исполнительной власти) теряет свою социальную эффективность, т. е., несмотря на предпринимаемые действия, ситуация, подконтрольная ему, ухудшается. Такое положение дел можно назвать проблемной ситуацией. Она характеризуется следующими условиями:

- способы взаимодействия и коммуникации, их нормативные и ценностные регуляторы перестают приводить к ожидаемым результатам;
- это представляется людям нежелательным;
- в ближайшем социокультурном окружении не находится социально приемлемых образцов нормализации ситуации.

Необходимость решить проблему побуждает людей не только продолжать социальное взаимодействие, но одновременно менять его формы методами проб и ошибок, заимствования новых образцов, целенаправленного проектирования. Таким образом, на этот период времени, во-первых, они несут двойную нагрузку, и во-вторых, эффективность их совместных действий снижается.

Следует подчеркнуть, что порождают, определяют, разрешают проблемные ситуации любого масштаба именно люди, а не группы, организации, общества, культуры. Поэтому при анализе содержания социокультурного взаимодействия в их рамках, важно понимать, что они переживают, как и с каким результатом действуют.

Основания типологии проблемных ситуаций

Целенаправленное использование образцов социального взаимодействия в проблемных ситуациях подразумевает традиционное отношение к ним. Это означает необходимость выявления обуславливающих их факторов; вызываемых ими функциональных нарушений; их краткосрочных и долговременных последствий. В конечном счете речь идет о необходимости определения типа проблемы.

Источники проблемы. Источниками проблем принято считать расхождения между имеющимся и необходимым положением дел. В социокультурной сфере их можно свести к следующим основным (идеальным) типам.

Во-первых, несоответствие между запросами людей и возможностями их удовлетворения. У индивидов это проявляется как желание достичь более высокого уровня и качества жизни, социального положения, престижа, самореализации. На уровне социокультурных групп — это стремление избежать распада; увеличить степень организованности, повысить социальный статус. Для организационной структуры — это ориентация на более эффективное функционирование, на расширение и укрепление внешних позиций.

Во-вторых, ситуация, когда стереотипные, привычные формы отношений в изменившихся условиях утрачивают свою функциональность. На индивидуальном, групповом и организационном уровнях речь идет о степени культурной компетентности, недостаточной для успешного достижения социально или индивидуально значимых результатов. Кроме того, может обнаружиться, что сохранение наличных структур взаимодействий и коммуникаций чревато ухудшением ситуации.

В-третьих, расхождение между необходимостью рационально подойти к решению проблемы и нежеланием людей затрачивать на это усилия. На индивидуальном уровне оно обычно проявляется как неэффективные несистематизированные действия, настойчивая демонстрация собственной независимости, индивидуальности. Для групп последствием становится декомпозиция ролевой структуры, т. е. нарушение межличностных отношений, неопределенность взаимных прав и обязанностей в группе. В организациях начинается дезинтеграция, т. е. разрушение связей между составляющими и дисфункциональность, при которой эти единицы перестают отвечать на внешние запросы.

Такого рода расхождения можно считать необходимыми условиями возникновения проблемной ситуации. Достаточным условием становится неосвоенность или отсутствие в культуре образцов (паттернов) взаимодействия и поведения в подобных обстоятельствах. Действительно, если люди не имеют знаний и навыков, необходимых для упорядочения своих отношений с окружением,

любые их попытки исправить положение дел будут лишь ухудшать его. Неэффективность их активности будет вызывать ответные негативные реакции окружения, необратимые изменения в отношениях с ним, непредсказуемость его воздействий, внутренние индивидуальные или групповые напряжения.

При наличии в культуре образцов преодоления подобных затруднений люди вполне могут заимствовать их и тем самым внести коррективы в свои отношения с окружением. Тем не менее целесообразно считать такие ситуации проблемными. Во-первых, переобучение индивидов и переструктурирование групп или организаций требуют определенного времени, в течение которого обстоятельства для них продолжают оставаться неблагоприятными. Во-вторых, люди, как правило, инерционно продолжают воспроизводить неэффективные стереотипы поведения даже при их негативных последствиях и не торопятся вносить в них изменения. Эти обстоятельства способствуют ухудшению как внутреннего состояния личности или социальной системы, так и качества их внешней среды.

Однако возможны ситуации, при которых для преодоления возникших расхождений в культуре не существует ни теоретических, ни практических образцов. Такие ситуации можно считать проблемными в полном смысле слова, и их появление и воспроизведение становятся признаком нарастания непредсказуемых последствий. Их можно назвать социально значимыми.

Социальная значимость проблемы. Она определяется в соответствии со следующими поддающимися оценке параметрами:

— степень воспроизводимости в культуре: от уникальных до повторяющихся из поколения в поколение. Примером первых могут служить природные и антропогенные катастрофы. Ко вторым относятся нарушения механизмов социализации, социальные напряженности и кризисы;

— степень устойчивости: от проблем, решаемых в течение отдельных периодов индивидуальной жизни, до принципиально неразрешимых. Примером первых можно считать личные и групповые поиски социальной позиции или культурной идентичности в конкретном социокультурном контексте. Вторых — социальное неравенство, правонарушения, злоупотребления властью;

— степень распространенности в обществе: отличностно специфичных до актуально или потенциально общезначимых. Так, плохая адаптированность в социокультурной среде может быть личностной проблемой нерадивого индивида. Но она может стать массовой при устаревании или разрушении институтов социализации;

— степень угрозы социальной безопасности: от нереализованности индивидуальных желаний до физического или социального выживания. В первом случае даже массовая неудовлетворенность

запросов на модные товары и услуги не вызывает необходимости структурных изменений в обществе. Во втором — даже локальные проявления голода, нарушения территориальности, социальных притеснений и т. п. чреваты угрозой социальному порядку.

Когда по большинству этих параметров проблема имеет высокую оценку и осознается в массовом масштабе, ее можно определить как социально значимую. Ее распространение ведет к непредсказуемым и нередко к необратимым последствиям в обществе, поскольку активизируется действие определенных социальных механизмов. Во-первых, наблюдается прямая зависимость между ее значимостью и уровнем социальной напряженности в обществе, затратами времени и усилий в проблемной зоне. Она может стать источником деструкций, дедифференциации, дезинтеграции социальных систем. Во-вторых, концентрация жизненно важных ресурсов для преодоления проблемы в одних областях социокультурного пространства ведет к их уменьшению и перераспределению в других. А это означает возможность накопления в них нерешенных задач, т. е. дополнительных затруднений. Таким образом, в обществе формируется социально значимая проблемная ситуация. Она характеризуется воспроизведением факторов, обуславливающих порождение и распространение проблемы; массовым осознанием ее наличия; отсутствием в культуре общепринятых образцов ее решения.

Такого рода ситуации включают в себе высокую вероятность возрастания степени динамизма, изменчивости, неопределенности социокультурной жизни. Во-первых, за счет проб и ошибок, непредсказуемых последствий, вызываемых спонтанными попытками людей преодолеть свои затруднения. Во-вторых, из-за интенсификации процессов информационного обмена в обществе: большая откровенность на межличностном уровне; гласность --- на общесоциальном. В-третьих, благодаря возрастанию степени изменчивости в сфере социальных связей: разрываются прежние групповые, межгрупповые, организационные отношения; распадаются ранее существовавшие группы и организации, формируются многочисленные новые с подвижными и неопределенными функциями и отношениями, большая часть которых оказывается недолговечной. В-четвертых, по причине все большего понимания людьми неадекватности привычных культурных оснований и оправданий стереотипных действий: они перестают быть эффективными, не ведут к желаемому результату, их воспроизведение утрачивает сначала личностный смысл, а затем и ценностную поддержку.

Попытки преодоления такого рода проблемных ситуаций ведутся на всех уровнях социальной организации — индивидуальном, групповом, общесоциальном. Они сопровождаются целым рядом изменений в структурах социального взаимодействия, межличностной и межгрупповой коммуникации, социокультурных от-

ношений. Они становятся разноориентированными; интерпретации проблемной ситуации — разнородными. Поскольку решение проблемы требует времени и предполагает определенные затраты общественных ресурсов, времени, человеческих усилий, вокруг ее конкретных определений формируются группы большей или меньшей степени устойчивости, образующие динамичное социокультурное поле разнонаправленных социальных взаимодействий и коммуникаций. Эффективность таких «естественным» образом складывающихся объединений может быть оценена в соответствии со следующими показателями: готовность участников к совместному определению ситуации, решению проблемы и наличие необходимых для этого ресурсов; адекватное распределение функций в ходе совместных действий. Лидеры организации таких иитеракций должны распознавать и использовать эти показатели. В противном случае любые попытки извне придать взаимодействию рациональную форму вызовут негативную реакцию со стороны его участников.

Предпосылки поведения людей в проблемной ситуации

Возможность рациональным образом решить общественно значимую проблему обусловлена действием индивидуальных и социальных механизмов, подготавливающих людей к этому. Если в культуре не существует стандартных способов справиться с ней, то напряженность, неопределенность ситуации возрастают, и среди ее участников распространяется ощущение тревоги и беспокойства. Стремление преодолеть эти состояния становится побудителем к более эффективным действиям и благоприятствует переходу от случайных проб и ошибок к целенаправленному поиску к специальной организации социального взаимодействия и коммуникации для выработки и реализации соответствующих решений. В этом случае определение проблемной ситуации предполагает ряд процедур:

- оценить по обозначенным выше показателям социальную значимость проблемы;
- выявить степень восприимчивости и готовности заинтересованных людей к ее рациональному решению;
- определить тип организации и стратегии социального взаимодействия, подходящих для ситуации.

Определение границ проблемной ситуации. При определении проблемной ситуации следует принимать во внимание, что она может распространяться либо в рамках отдельной социокультурной единицы, либо в больших масштабах. В первом случае речь идет о реорганизации форм социального взаимодействия, которая доступна актерам в контексте окружения, представляющего собой поле реализации соответствующих возможностей.

Во втором случае затруднения могут осознаваться людьми либо ошибочно как специфичные, либо адекватно как общесоциальные. Однако оказывается, что в культуре не существует стандартных способов их преодоления. Соответственно необходимы изменения моделей социального взаимодействия, т. е. формообразующих характеристик, таких как определение ситуации, выбор соответствующих социокультурных технологий. Это осуществляется в двух планах. Во-первых, «фоновый уровень», обусловленный наличием социально значимой проблемы независимо от особенностей функционирования конкретной социальной единицы. Во-вторых, уровень ее самой, где такая проблема имеет конкретные формы выражения.

Социальная эффективность решения проблемной ситуации, т. е. его приемлемость для других и высокая вероятность улучшения положения дел, существенным образом зависит от степени готовности ее участников рационально преодолевать имеющиеся затруднения. Соответственно механизмы кристаллизации структур взаимодействия должны соответствовать проблемообразующим факторам.

Стадии формирования отношения людей к проблемной ситуации. Как известно, значимая проблема любого масштаба в начале ее массового осознания ощущается людьми как личностная. Люди, будучи членами определенных социальных групп и организаций, прежде всего на индивидуальном уровне, убеждаются в неэффективности устаревших культурных образцов, ценностей, норм для преодоления имеющихся у них затруднений. Чувство тревоги и беспокойства в этом случае побуждает их к поисковой активности. При отсутствии в культуре стандартных способов решения проблемы существенно увеличивается степень разнонаправленности поисков. Появляются вначале единичные, а затем множественные «отклонения» от ранее принятых в обществе регуляторов социальных отношений. Их интегративные функции ослабевают. Активность людей размывает ранее установленные нормативные рамки; разрушаются структуры связей внутри социальных систем; существенно и ощутимо ослабевает эффективность их функционирования; уменьшается количество благ, ранее обеспечиваемых их членам за счет адекватного выполнения предписанных действий. В результате вокруг всего этого образуется поле социальной дезорганизации, последствия которой зависят от характера как «фоновой» социально значимой проблемой ситуации, так и специфичных для различных социальных систем затруднений.

Одновременно в этом поле постепенно, на индивидуальном и межличностном уровне, путем проб и ошибок начинают формироваться вначале образы, а затем и рациональные представления о проблемной ситуации: определяются ее источники; текущие и

возможные негативные последствия; необходимые для ее преодоления ресурсы и способы деятельности; характер и признаки выхода из нее. Социальная значимость проблемы активизирует обмен информацией между людьми об альтернативных возможностях такого рода. Интенсивная социальная коммуникация сопровождается процессами их формирования, сравнения и оценки; отбора наиболее приемлемых для совместной реализации; кристаллизации групп, ориентированных на каждую из них. Иными словами, они становятся основанием новых границ групповой дифференциации в обществе. Соотношение сил в ее рамках, степень расхождения в определении ситуации обуславливают интенсивность и направленность социокультурной динамики.

Когда проблема воспринимается в массовом масштабе как личная и не имеет разделяемых групповых определений, перед каждым социальным агентом открывается широкий круг возможностей выдвинуть и отстоять свое определение ситуации и на его основании предложить направление совместных действий. Они сохраняются и на стадии кристаллизации групповых представлений о ситуации и форм активности в ее пределах. Однако теперь агенту приходится считаться с ними и адресовать свои предложения тем, для кого они приемлемы. Если же в обществе сложилось несколько различных позиций, это означает децентрированность определений ситуации, когда существует несколько равносильных. из которых одни являются точными и реалистичными, а другие — нет. В таких условиях предлагаются различные модели социального взаимодействия, направленного на выработку и реализацию социально значимых решений. Следует подчеркнуть, что обычно по-разному и не всегда адекватно оценивается соотношение общесоциальной и специфичной для системы проблем: чаще всего преувеличивается значимость либо одной, либо другой. И эти различия оказывают существенное влияние на способы и содержание транслируемого социокультурного опыта.

Типы реакций людей на проблемную ситуацию. Реакции людей на проблемную ситуацию неодинаковы. В общем виде, согласно парадигме А. Адлера, можно выделить четыре базовых типа реакций: активно-деструктивный (агрессия), пассивно-деструктивный (деградация), активно-конструктивный (инновация), пассивно-конструктивный (поддержание наличного положения дел)¹. При агрессивной ориентации люди стремятся разрушить те факторы, которые, по их мнению, порождают ее. Она характеризуется воз-

¹ Подробно об этом см.: *Китаев-Смык Л.А.* Психология стресса. М., 1988; *Дридзе Т.М., Орлова Э.А.* Основы социокультурного проектирования. М., 1995. С. 95 — 99; *Орлова Э.А.* Современная городская культура и человек. М., 1987. В данном случае оба типа пассивного реагирования сводятся в один, поскольку для идеально-типической модели различия между ними не имеют значения.

бужденностью, повышенной эмоциональностью, деструктивной активностью, сужением поля восприятия, ослаблением механизмов регуляции поведения. Деструктивность может быть направлена на окружение социокультурной единицы или внутрь нее. В первом случае люди стремятся найти виновников своих затруднений вовне и нейтрализовать их путем резких нападок, критики, борьбы. Во втором — в группе начинаются взаимные обвинения, преследования и т. п. Таким образом, агрессивный тип реагирования людей на проблемную ситуацию приводит к конфликту: межгрупповому, если агрессия направлена на окружающие их группы; внутригрупповому — при обращенности агрессии вовнутрь.

Пассивная реакция на проблемную ситуацию характеризуется отказом людей от участия в ее решении и сопровождается депрессивным состоянием, отсутствием побуждений к активности, страхом перед новизной. В группах с такой доминантой усиливаются тенденции к консолидации, формированию оборонительной позиции по отношению к возможным изменениям. Избежание решения проблемы может носить внутригрупповой характер или быть связанным с поиском поддержки вовне. В первом случае ресурсы расходуются на сохранение группового статус-кво. Во втором — предпринимаются некоторые попытки объединиться с себе подобными, дабы усилить пассивную оборону в отношении перемен. Соответственно такой тип реагирования вызывает внутригрупповые и межгрупповые тенденции к консолидации консервативных сил вокруг разделяемых культурных образцов, ценностей, норм, оправдывающих их неучастие в решении проблемы.

Конструктивный тип реагирования на проблемную ситуацию характеризуется активной направленностью людей на ее разрешение без деструктивных последствий для себя и окружения. Он отличается стеничным, состоянием личностной мобилизации, попытками взаимодействовать с проблемообразующими факторами так, чтобы путем различных комбинаций и реструктурирования отношений с ними найти удовлетворительное решение проблемы, приемлемое и для социокультурной единицы, и для ее окружения. В этом случае члены группы становятся инициаторами поиска эффективных форм интеракций на внутригрупповом уровне и с окружением. Внутри группы это способствует выбору формы социального взаимодействия, открытого для корректировки. В отношениях группы с окружением доминирует стремление нейтрализовать или нормировать факторы, обуславливающие наличие проблемы в более широком социокультурном контексте. Таким образом, конструктивное поведение обеспечивает широкое поле для переговоров и торгов на обоих уровнях.

392 Следует подчеркнуть, что перечисленные типы реагирования на проблемную ситуацию — это теоретические идеализации, которые

редко встречаются в реальности и в чистом виде. Обычно речь идет об их смешанных проявлениях, хотя всегда можно заметить определенную организующую доминанту: агрессивную, пассивную или конструктивную. В рамках социальных систем, даже с ярко выраженными типами реакции на проблемную ситуацию, отнюдь не все участники ведут себя одинаково. Всегда в каждой из них имеются проявления всех трех типов. Однако одни из них на какое-то время становятся преобладающими, оттесняют на задний план, подавляют побуждения действовать иным образом. Именно этим объясняются возможности перехода от одной ориентации в решении проблемы к другой как внутри группы, так и в ее отношениях с окружением.

Предпосылки организации социального взаимодействия в проблемной ситуации¹.

В соответствии с определением источников можно выделить типы социально значимых проблем, определяющие области социокультурного пространства их распространения. Это предполагает специальную концентрацию ресурсов и организацию социального взаимодействия при условии, что в обществе существует стремление преодолеть проблемную ситуацию.

Расхождение между массовыми запросами и возможностями их удовлетворения. Расхождение между запросами и возможностями их удовлетворения в определенном локусе приобретает форму социально значимой проблемы при достижении массового масштаба. Такая ситуация характерна для модернизирующегося общества, когда новые социокультурные образцы — товары, услуги, ценностные ориентации, нормы отношений, мнения, суждения и т. и. — распространяются благодаря проникновению из более развитых стран, с одной стороны, и наличию более модернизованных областей социокультурного пространства — с другой. Качественные характеристики таких артефактов определяют массовый интерес к ним и желание использовать их в повседневной жизни. Однако низкая скорость и неравномерная распределенность модернизационных процессов, ориентированность в первую очередь на использование результатов модернизации, а не на формирование ее предпосылок на институциональном уровне, обуславливают невозможность удовлетворить такой спрос и вызывает соответствующие реакции. Активно-разрушительный тип поведения приобретает в этом случае две базовые ориентации. Одна связана с враждебностью к проявлениям модернизации. Люди объединяются, чтобы оказывать сопротивление их проникновению и распространению в обществе таких образцов, вступать в борьбу с их носителями,

¹ Подробнее о типах проблемных ситуаций см.: Дридзе Т.М., Орлова Э.А., Основны социокультурного проектирования. М., 1995.

возбуждать общественное мнение против соответствующих процессов и тем самым попытаться разрушить новые запросы. Другая обусловлена стремлением определенных групп людей захватить контроль над такими образцами (проникновением, распространением, использованием), а также принуждать других следовать им. Они объединяются, чтобы усилить запросы, вызвать массовое недовольство их недостаточной удовлетворенностью, вести борьбу с противниками модернизации, пытаясь разрушить таким образом существующее в обществе сопротивление изменениям. Следует подчеркнуть, что в обоих случаях проявляются деструктивные тенденции, распознаваемые по занимаемой позиции «против»: против образцов и сторонников модернизации в первом случае; против недостаточно быстрой модернизации и тех, кто тормозит или не принимает ее, — во втором.

При пассивной позиции выраженность новых запросов сочетается с отсутствием побуждений проявлять активность, направленную на их удовлетворение собственными силами. Одни люди группируются вокруг сохранения привычных культурных стереотипов: им придается статус «традиционных ценностей», «культурного наследия»; вокруг них создается атмосфера поклонения вплоть до наделения их сакральным смыслом. Другие объединяются с целью обесценивания новых запросов. Признавая в принципе позитивное значение модернизационных образцов, эти люди подчеркивают, что без них можно обойтись, и порой вполне убедительно доказывают свою позицию. Таким образом, в обоих случаях проявляется желание защититься от культурных новшеств, особенно от необходимости обучаться их созданию. Они согласны скорее свернуть собственные запросы и отстаивать ценность следования привычным, хотя и неэффективным культурным стереотипам, нежели мобилизовать усилия для активизации модернизационных процессов.

Конструктивный тип поведения определяется ориентацией людей на приведение условий своего существования в соответствии с изменяющимися запросами. Они объединяются, чтобы обновить элементы своего окружения, создать на институциональном и/или обыденном уровне предпосылки для воспроизведения собственными силами тех модернизационных образцов — вещей, знаний, технологий, качества жизни, — которые при заимствовании извне оказались наиболее приемлемыми. Часть людей при таком подходе ориентирована на полное обновление тех элементов окружения, которые обеспечивают удовлетворение изменившихся запросов. Они совместно осваивают, адаптируют, изобретают социокультурные новшества для утверждения их значимости в современном образе жизни. Другие, следуя изменившимся интересам, предпочитают опираться в основном на имеющиеся элементы окружения. Своими взаимодействиями и коммуникациями они

помогают модернизировать, рекомбинировать такие элементы и с минимальным обновлением собственными силами создать возможности для улучшения качества жизни. В обоих случаях проявляется ориентация на модификацию элементов окружения в соответствии с собственными ориентациями, а где это оказывается невозможным — на переориентацию запросов, но в модернизированном, а не в традиционалистском направлении.

Неосвоенность культурных инноваций. Расхождение между привычными стереотипами поведения и изменившимися условиями жизни проявляется как социально значимая проблема в массовой неосвоенности культурных инноваций. Речь идет о том, что при наличии в обществе достаточно высокого культурного потенциала — знаний, навыков, ценностных ориентаций и т. п. — многие социально полезные его элементы не используются людьми в профессиональной и обыденной жизни, т. е., по сравнению с величиной, он реализуется в непропорционально низкой степени. И хотя в принципе он составляет источник ресурсов для освоения культурных инноваций, общепринятые способы его использования не соответствуют этой цели.

Люди, занимающие активно разрушительную позицию, стремятся уничтожить или обесценить элементы нового в культуре. Они предпринимают попытки блокировать пути освоения культурных инноваций. Такая ориентация принимает различные формы. Это может быть воинствующий консерватизм, представленный в идеологиях национализма, религиозного фундаментализма, любой другой социально-групповой непримиримости. Сюда же относятся контркультурные идеологии, в рамках которых неосвоенность культуры вообще становится центральным принципом существования. Наконец, следует упомянуть эзотерические культуры, сложные практики которых помогают их хранителям игнорировать меняющиеся элементы окружения. Каждая из подобных культурных форм предполагает свои средства объединения людей против освоения нового. Общее же для них — это активное сопротивление императивам адаптации в меняющихся условиях.

Люди, пассивно отказавшиеся от освоения культурных инноваций, пытаются не обращать на них внимание. Одни занимают социокультурные ниши, связанные с низкой культурной компетентностью, обеспечивающей, однако, им вполне сносное существование. В условиях модернизирующегося общества, еще не достигшего постиндустриальной стадии, подобного рода группы составляют работники низкой квалификации, в том числе те, кто занимает значимые позиции в сферах управления, образования, науки, права и т. п. Они объединяются, чтобы лоббировать против повышения уровня культурной профессиональной компетентности в массовом масштабе. Это проявляется в пропаганде ценностей

индивидуального практического опыта, в упорной ориентации на частные вопросы, консервативные системы производства, управления, образования; в сопротивлении социальной необходимости высокого уровня образованности, генерализованной, абстрактной формы знания, теоретического обоснования решения социокультурных проблем.

Другие составляют маргинализированный, люмпенизированный слой общества. Они принципиально или в силу сложившихся обстоятельств существуют в социокультурном пространстве, допускающем их иждивенческое существование. Там, где им это доступно, они пользуются культурными инновациями, созданными другими людьми. Однако также паразитическим способом: вещи крадутся и перепродаются; неумело используются, преимущественно разрушаются и т. п. Чаще всего, однако, большинство культурных инноваций прямо не затрагивает таких людей, находясь за пределами их жизненного мира. Разумеется, новые сложные объекты, процессы, явления культуры в качестве общего социокультурного контекста оказывают на них косвенное влияние, но не осваиваются. Несмотря на социокультурные различия представителей обеих групп объединяет полное нежелание иметь дело с чем-то выходящим за пределы их непосредственного личного опыта, обесценивание знания, стремление сузить горизонты культуры.

Конструктивная ориентация на недостаточную освоенность культурных инноваций проявляется в попытках овладеть новыми знаниями и навыками. Люди, придерживающиеся ее, готовы затрачивать время и усилия на обучение и переобучение необходимым в современных условиях видам деятельности; использовать полученный опыт для улучшения условий своего существования. В ходе освоения нового они обычно активно привлекают доступный им культурный потенциал. Во-первых, интенсифицируется использование объективированной информации. Во-вторых, более частыми становятся межличностные контакты, позволяющие им непосредственно обмениваться накопленным опытом. В-третьих, активизируются процессы культурной диффузии: из более развитых источников черпаются образцы знаний, навыков, технологий, а также способов и каналов их освоения. Такие люди объединяются, чтобы научиться владеть новыми элементами окружения, восстановить и не утрачивать контроль над динамичной жизненной средой в необходимой полноте. Они утверждают в обществе ценности образованности, компетентности, ответственности, сложности и утонченности культурного опыта.

Расхождение между необходимостью и нежеланием рационально согласовывать действия. Социальная значимость проблемы, обусловленной расхождением между необходимостью и нежеланием действовать рационально, связана с ослаблением в обществе

функциональных связей, действенности нормативных регуляторов социокультурной жизни и, наоборот, с усилением ценности межличностных отношений, управляемых взаимными ситуативными эмоциональными реакциями. Такое положение дел характеризуется снижением уровня социальной организации в обществе, обусловленным ослаблением и упрощением его институтов. Дезинтеграция проявляется в том, что устаревают, но не заменяются новыми, адекватными изменившимся условиям, нормы и правила социального взаимодействия. Соответственно люди, убедившиеся в неэффективности ранее установленных предписаний, перестают следовать им. В результате каждый начинает все более вольно трактовать свои права и обязанности и все менее считаться с ожиданиями других. Таким образом, интегрированность социальных систем снижается. Дедифференциация связана с тем, что структура социальной системы постепенно утрачивает четкие очертания, а ее элементы утрачивают функциональную необходимость. Часть из них поглощается другими, более сильными; часть — продолжает существовать, не неся полезной нагрузки; часть — разрушается. В результате структура системы размывается, границы между ее элементами теряют определенность и она переходит в синкретичное, т. е. слабо упорядоченное, состояние, при котором может выполнить только самые примитивные функции с низкой степенью эффективности. Люди реагируют на подобного рода процессы неодинаково.

В таких условиях активно разрушительный тип реакции определяется направленностью на полную деструкцию системы и проявляется в попытках людей на словах и на деле доказать ее ненужность. Дисфункциональными становятся действия, наносящие вред как самой системе, так и ее окружению. В таких условиях люди разрывают имеющиеся между ними функциональные связи, а если и объединяются, то случайным образом и ненадолго, чтобы нанести очередной удар целостности системы. Рациональные основания для согласованного взаимодействия внутри нее утрачиваются, поскольку ее значимость для окружения сводится к минимуму. Люди перестают усматривать смысл в продолжении совершаемых ранее действий и переориентируют их на разрушение того, что они считают причиной своих неудач. При подобном состоянии системы даже активное внешнее воздействие, например, распоряжения вышестоящей организации или сильный лидер, не смогут упорядочить ее. Рациональное объединение тех, для кого характерна разрушительная ориентация, для выполнения совместных действий невозможно, поскольку они по инерции будут придерживаться ее поодиночке или в случайных быстро распадающихся группировках.

Пассивная позиция обычно способствует переходу социальной системы в состояние деградации, которое может сохраняться неопределенно долго. Отказ от рационального решения проблемы

приводит к ее воспроизведению. А нежелание терять занимаемые в рамках системы социальные позиции удерживает людей от разрушительных действий или отказа от участия. Соответственно их вялые усилия направлены лишь на удержание собственных позиций. Это обычно осуществляется несколькими способами. Во-первых, на индивидуальном уровне проявляется так называемая псевдо- или квазидеятельность¹. В этом случае сохраняется видимость целесообразной активности, которая не приводит ни к каким социально полезным результатам. Во-вторых, случайные группировки спорадически объединяются, направляя усилия на сохранение статус-кво. В этих формах сохраняются социально бесполезные функциональные подразделения, рабочие места, должности и звания, обеспечивающие определенные социальные позиции с сопутствующими благами. В-третьих, в контексте межличностных отношений осуществляется взаимная бытовая помощь и эмоциональная поддержка, позволяющие людям отгеснить тревогу и страх перед неопределенностью, непредсказуемостью воздействий внешней среды, собственной беспомощностью в этих условиях. Они остаются в рамках системы на любых социальных позициях, поскольку последние для них лишь средство инерционного сохранять сложившиеся отношения взаимной поддержки, которые оказываются для них важнее, чем престиж или продвижение в карьере. Соответственно их активность не становится вкладом в эффективное решение проблемы. Таким образом, пассивная реакция на необходимость рациональной организации социального взаимодействия в проблемной ситуации ведет к увеличению степени дисфункциональности системы.

Люди с конструктивной ориентацией в такой ситуации вынуждены рационально согласовывать друг с другом свои действия, понимая, что социально значимая проблема на индивидуальном уровне неразрешима. Соответственно их организованные совместные усилия направлены не просто на сохранение системы, к которой они принадлежат, но на поддержание ее целесообразности. Необходимость такой организации в условиях нормативной неопределенности, исчерпанности предыдущих культурных образцов предполагает затрату дополнительных усилий на совместную выработку частных механизмов регуляции взаимодействия в конкретных условиях. Воспроизведение его позитивных результатов также требует специальных усилий. Соответственно людям приходится рационализировать свои действия по нескольким направлениям:

— для определения того, какие совместные действия будут функциональными для решения проблемы;

¹ Термины, введенные в употребление Т.М. Дридзе. См.: Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. М.: Наука, 1984.

- для организации взаимодействия, направленного на реализацию этих функций;
- для выработки и поддержания регуляторов взаимодействия и отношений в проблемной ситуации;
- для оценки качества результатов взаимодействия и корректировки его направленности.

Разумеется, эффективность функционирования социальной системы при таких обстоятельствах не может быть высокой. Однако благодаря рациональной организации она не разрушается, как при активной деструкции, и не утрачивает целесообразности, как при пассивном воспроизведении. В этом случае согласованность интеракции ее членов становится залогом не только ее предохранения от разрушения, но и выполнения социально полезных функций, направленных на решение социально значимой проблемы.

При организации взаимодействия в проблемных ситуациях следует принимать во внимание их типологию и тенденции соответствующего поведения людей. Благодаря этому знанию у людей появляется возможность в каждом конкретном случае более точно определить подходящую стратегию совместных действий и форму их организации.

Пусковые механизмы определения и решения социально значимой проблемной ситуации

Социально значимую проблемную ситуацию характеризует массовое распространение представлений о неопределенности социокультурных норм и взаимных ожиданий; социальной напряженности, тревожности. Одновременное действие этих факторов можно рассматривать как обобщенный показатель, или индекс такой ситуации. Определение его значения в различных областях социокультурного пространства позволяет дифференцировать потенциальные возможности изменения ситуации. Соответственно можно ожидать, что готовность к освоению и реализации определенных форм социального взаимодействия будет больше в тех группах, где показатель осознания проблемное™ ситуации и конструктивности выше.

Социокультурная неопределенность в социальной системе

Неопределенность следует считать необходимым измерением проблемного состояния социальной системы. Ведь адекватность ее функционирования в социокультурном окружении существенным образом зависит от поддержания самоидентичности (идентичности) и предсказуемости.

Понятие неопределенности применительно к социальной системе. Неопределенностью называется такое состояние социокультурной системы, при котором ни ее члены, ни представители

ее окружения не имеют оснований для четкой идентификации ее структуры и функций, для предсказания результатов ее функционирования. Это понятие, как видно из определения, имеет относительное, а не абсолютное значение. Иными словами некорректно утверждать, что система «является» неопределенной (раньше сказали бы «объективно неопределенной»). Правильнее говорить, что у наблюдателя (внутреннего или внешнего) возникает представление (так сказать, «субъективное») о нечеткости, неоднозначности, невоспроизводимости процессов, протекающих в ее пределах. Соответственно, когда речь идет о таком состоянии социокультурных объектов, всегда предполагается тот, кто его фиксирует. Совершенно очевидно, что степень его проявленности будет оцениваться по-разному.

Констатируя неопределенность ситуации или состояния социальной системы, люди обычно приписывают это качество отдельным классам культурных объектов по разным основаниям. Образцы поведения, деятельности, взаимодействия теряют определенность, если они выглядят как случайные сцепления проб и ошибок, а не организованная последовательность целеориентированных действий; если их результаты оказываются непредсказуемыми. Нечеткость критериев их оценок характеризуется тем, что предпочтения людей в отношении одних и тех же явлений в идентичных условиях оказываются различными. Нормы и правила становятся неоднозначными при их внутренней противоречивости, когда некоторые предписания или запреты одновременно утверждаются и отрицаются. Культурный объект теряет в глазах наблюдателя идентичность, когда размываются его границы и форма. Неопределенность социальных структур констатируется, когда они утрачивают свойства интегративных и дифференцирующих механизмов по отношению к выполнению общественно значимых функций.

Источники социокультурной неопределенности. Источники социокультурной неопределенности следует соотнести с теми факторами, которыми определяются проблемные ситуации. Так, расхождение между общераспространенными стереотипами и изменившимися жизненными условиями порождает это состояние в области социализации. Люди теряют уверенность в том, что принимаемые ими действия будут координироваться с действиями других; что цели этих действий социально приемлемы; что на их основе возможно взаимодействие, обеспечивающее вознаграждение. В этой ситуации не существует общепринятых культурных образцов, которые можно было бы в готовом виде освоить, чтобы сделать социальное взаимодействие эффективным. Соответственно направленность и содержание социализации, т. е. представление об общезначимом культурном опыте, теряют четкость.

400 Расхождение между массовыми запросами и возможностями их удовлетворения в пределах имеющегося социального порядка

вызывает институциональную неопределенность, Люди не находят официальных организационных структур, где могли бы законным образом удовлетворять свои запросы. Все попытки осуществить это в рамках имеющихся институтов оканчиваются неизменными неудачами и разочарованиями, а незаконные пути вызывают негативные социальные санкции. Попытки представителей официальных органов перенаправить интересы людей на существующие культурные ценности дают лишь кратковременный эффект, хотя и требуют приложения значительных усилий. Соответственно нарастающая неудовлетворенность интересов и запросов порождает неопределенность в отношении правомерных социально приемлемых средств их реализации. Она длится до тех пор, пока не сложатся институциональные формы ее преодоления.

Расхождение между необходимостью и нежеланием рационально действовать в социально значимых проблемных ситуациях обуславливают состояние нормативной неопределенности. Люди перестают признавать ранее общепринятые социальные нормы из-за их неэффективности при попытках в изменившихся условиях достичь социально значимых целей: прочного общественного положения, престижа, власти, богатства, безопасности и т. п. Они начинают руководствоваться предпочтениями, вкусами, ситуативными побуждениями, которые не являются — в отличие от норм — обязательными регуляторами социального взаимодействия. Многократность повторения несовпадений взаимных ожиданий и определений ситуаций приводит к тому, что люди теряют уверенность не только в соответствии собственных интересов, оценок, целей, способов действия аналогичным характеристикам других, но и в необходимости такого соответствия. В результате, отказываясь от устаревших и не имея новых общепризнанных прав и обязанностей, требований и запретов, определяющих эффективность взаимодействия в социально значимых ситуациях, люди сталкиваются с нормативной неопределенностью.

Фоновый и пороговый уровни социокультурной неопределенности. Сколь бы упорядоченным ни было состояние системы, в ее рамках всегда наличествуют некоторые зоны неопределенности. На уровне правовых норм они легитимизированы известной формулой «разрешено все, что не запрещено». Иными словами, там, где кончается действие общеобязательных правовых механизмов, в силу вступают свободные выборы, непредписанные действия, спонтанные побуждения и т. п. Но и в случаях, когда удовлетворение запросов, приобретение культурного опыта, согласование действий регламентированы законом, поведение людей регулируется неформальными нравами, обычаями, ритуалами. Когда они находятся в соответствии с нормами юридического права, стандартные ситуации социального взаимодействия имеют высокую

степень согласованности и предсказуемости. Если же между ними существуют расхождения, то образуются зоны неопределенности, где люди избирают способы действий, поведения, целедостижений, руководствуясь собственными побуждениями. Неопределенность обнаруживается и между проявлениями социально значимой активности, регламентируемыми общесоциальными и локальными нормами. Такие проявления в отношениях людей к окружению характерны для любой области социокультурного пространства. Так, в экономике существуют зоны риска и свободной конкуренции; в политике — закулисная активность; в праве — ненормированные области социального поведения; в религии — уровень профанного; в философии и науке — инновации, выходящие за пределы доминирующей познавательной парадигмы; в искусстве не вписывающиеся в рамки господствующего стиля индивидуальные манеры или групповые направления художественной деятельности. В совокупности все это можно считать составляющими так называемой фоновой неопределенности социокультурного пространства. Она существует параллельно с социокультурными порядками и лишь в критических ситуациях становится источником для каких-то их изменений.

Однако расхождения между законом и обычным правом; групповыми идеологиями; общепризнанной познавательной парадигмой и корпусом нового, не соответствующего ей знания; господствующим стилем в искусстве и совокупностью новых художественных направлений; религиозной доктриной и ересями и т. п. могут стать столь сильными и широко распространенными, что возникают затруднения в отыскании оснований для эффективного социального взаимодействия. Действительно, в таких случаях нормативные и вненормативные феномены выравниваются в силе реального проявления, т. е. ранее действующие регулятивные механизмы перестают выполнять свою функцию. В то же время прежде считавшиеся маргинальными формы активности оказываются столь многочисленными, разноориентированными, а их носители столь уверенными в их функциональной целесообразности, что трудно отыскать основания для их обобщения и формирования новых общепризнанных порядков. В этом случае неопределенность в организации социального взаимодействия начинает нарастать. Своего порогового значения она достигает в обществе при одновременном ослаблении действия социокультурных норм в рамках основных областей социокультурной организации — экономической, политической, правовой — а в группе или институциональной структуре — при их функциональной дезинтеграции и дедифференциации, когда реализация индивидуальных интересов оказывается более выгодной и экономичной в смысле затраты усилий, чем групповых или институциональных.

Дифференциация неопределенности в пределах социальной системы. Констатация социокультурной неопределенности в рамках социальной системы не означает равномерной распределенности этого состояния по всем ее структурным составляющим. Ее дифференциация может быть оценена по ряду основных параметров. Во-первых, по интенсивности проявления в элементах или подсистемах. Так, в условиях проблемной ситуации одни функциональные единицы, например, руководство организации, могут находиться в состоянии нормативной неопределенности, задаваемой ослаблением ее социальной полезности. В то же время на другие единицы, например, исполнителей вспомогательных ролей, связанных с уборкой помещений, размножением материалов, секретарскими и т. п. обязанностями, это состояние не распространяется. Во-вторых, по степени понимания причин такого состояния. Так, членам организации, включенным одновременно во внутренние и внешние связи и вынужденным практическим образом реагировать на их изменения, приходится в большей степени осознавать его источники, обнаружившиеся в рамках системы, чем исполнителям только внутрисистемных функций. В-третьих, по функциональной значимости единиц, в рамках которых степень неопределенности оказывается особенно высокой. Если это относится к единицам, ответственным за принятие решений или их реализацию, то возможны серьезные нарушения функционирования организации, чреватые необходимостью ее структурных изменений. Если же речь идет об отдельных исполнительских единицах, это может не повлечь никаких серьезных последствий для существующего порядка.

Признаки проблемообразующего уровня неопределенности в ситуации. Ощущением неопределенности становится пусковым механизмом, побуждающим людей к активности. Поэтому важно знать, в каких зонах социокультурного пространства это состояние проявляется и осознается в наибольшей степени, каковы его истоки, в каком направлении целесообразно действовать. Соответственно можно выделить те его наблюдаемые признаки, которые свидетельствуют о возможности изменений в системе.

Прежде всего важно определить, о каком уровне — фоновом или пороговом — идет речь. Показателями фоновой неопределенности в рамках системы можно считать относительное безразличие участников к пропорции предписанных действий и свободных выборов в их ролевых функциях; относительную независимость качества внешних «выходов» — материального продукта, социально значимых решений и обусловленных ими действий — от свободного выбора индивидов; относительную независимость степени их вознаграждения от существующей здесь пропорции согласованных и взаимонезависимых действий. К показателям порогового уровня неопределенности можно отнести негативное отношение

участников к объемам свободы выбора в пределах их ролевых функций; ухудшение качества «выхода» системы в связи с их расширением; снижение вознаграждения из-за ослабления согласованности действий. При такой оценке следует принимать во внимание, что социальные системы существенным образом различаются по степени терпимости к неопределенности. И тот уровень, который в одних организационных структурах воспринимается их членами как фоновый, в других может считаться пороговым, и наоборот. Соответственно следует говорить о характерном для каждого их типа индексе терпимости к неопределенности, для чего необходимо конкретизировать и выразить в наблюдаемых признаках ее источники.

О неопределенности, вызванной расхождениями между запросами членов организации и их реальным удовлетворением, можно судить по вербальному и невербальному поведению людей. На вербальном уровне — это выражение общей осознаваемой неудовлетворенности, если запрос отчетливо не отрефлексирован и не сформулирован; недовольства по поводу отсутствия конкретных объектов, организационных структур, социокультурного «пространства», удовлетворяющих запрос, если он осознан и сформулирован. На невербальном уровне можно наблюдать усиление поисковой активности, не находящей выхода в приемлемых способах целедостижения.

Показатели неопределенности, вызываемой расхождением между привычками людей и изменившимися условиями, на вербальном уровне выражаются как недоумение по поводу того, что кажущиеся целесообразными действия не приводят к желаемым результатам. На невербальном уровне — усиление недоверия к ранее несомненным культурным образцам, ценностям, нормам; тенденция к рефлексии в отношении неэффективности совершаемых действий и используемых оценок и нормативов.

Показателями неопределенности, вызванной расхождением между необходимостью и нежеланием рационально действовать в социально значимых ситуациях на вербальном уровне можно считать высказывание людьми недовольства поведением друг друга, его несоответствием взаимным ожиданиям. На невербальном обнаруживается стремление индивидов сохранять относительную автономию, с одной стороны, и в неэффективности этой позиции с точки зрения величины вознаграждения, экономии усилий, времени — с другой.

Показатели значимости для системы имеющейся в ее рамках степени неопределенности формируются как суммарная оценка следующих факторов. Во-первых, соотношение количества функциональных единиц, в которых она проявляется и не проявляется. Во-вторых, функциональная важность структурных единиц с

наиболее интенсивными ее проявлениями. В-третьих, количество измерений, по которым она обнаруживается, и ее относительная величина по каждому из них. Эту сумму следует соотносить с характерным для рассматриваемой системы индексом терпимости к неопределенности для прогнозирования ее сохранения или изменения в проблемной ситуации.

Тревожность в социальной системе

В динамике проблемной ситуации важная роль принадлежит тревожности. Как известно из многочисленных исследований, именно это состояние становится механизмом мобилизации людей к отысканию причин и путей преодоления любых нарушений в отношениях с окружением.

Понятие тревожности. Тревожностью применительно к социокультурным отношениям можно считать личностное состояние, характеризующееся неприятным ощущением внутренней разбалансированности; предчувствием неблагоприятных событий; беспокойным желанием что-то делать, чтобы избавиться от подобных переживаний.

Она обычно вызывается реальными причинами, такими как общие предпосылки социально значимых проблемных ситуаций. И не имеет значения, осознают люди их наличие или нет. Их устойчивость нарушает социально приемлемую степень эффективности привычных стереотипов активности: они все чаще перестают приводить к удовлетворительным результатам в массовом масштабе. В этом случае у людей нарастает тревожность, свидетельствующая о еще не осознанном неблагополучии в их отношениях с окружением. Представления о ее источниках могут быть адекватными или иллюзорными. В первом случае речь идет об установлении реального соответствия между типом собственного поведения индивида и не удовлетворяющей его реакцией среды. Причем важным показателем достоверности становится либо высокая частотность связи между действием и неприемлемым ответом на него, либо сила негативного переживания, связанного с этим. Последнее обстоятельство порой вызывает неадекватное представление об источнике тревожности, поскольку сильная реакция иногда оказывается случайной. И если в первом случае побуждаемые этим состоянием действия могут привести к коррекции утратившей эффективность связи с окружением, отказу от нее или формированию новой, то во втором они не приведут к результатам, снимающим тревожность. И чем более активными будут попытки индивида устранить ее причину, тем устойчивее она будет воспроизводиться. В первом случае она является полезным для индивида и системы состоянием, указывающим на реальное неблагополучие в их связях с окружением и на конкретный его источник. Во втором — можно утверждать,

что неблагополучие также существует. Однако ни сам индивид, ни внешний наблюдатель не могут установить подлинного его источника, поскольку при многократном неадекватном усилении она из временного личностного состояния переходит в устойчивое и утрачивает свои полезные функции.

Источники тревожности. Источники тревожности вполне определимы, и каждому соответствуют специфичная направленность и способы действия, ведущие к установлению контроля над проблемной ситуацией. Во-первых, это расхождения, которые были выделены в качестве проблемообразующих. До тех пор пока они не осознаются в качестве таковых, люди продолжают воспроизводить привычные структуры взаимодействий, которые лишь ухудшают положение дел, способствуют нарастанию этого состояния. По мере того как некоторые начинают понимать его социокультурную причину, они выделяют класс ситуаций, где их поведение является наименее эффективным. Дальше они могут изменить либо то, либо другое — в зависимости от собственных возможностей. В этом случае уровень тревожности снижается.

Во-вторых, это социокультурная неопределенность. Если в предыдущем случае состояние вызывается недостатком социокультурных ресурсов, необходимых для эффективного социального взаимодействия, то теперь речь идет о затруднениях людей, связанных с ослаблением предпосылок для его осуществления. Люди либо утрачивают смысл своей деятельности, либо не знают своих прав и обязанностей, либо не понимают друг друга и т. п. Положение дел улучшается по мере совместного определения ситуации, установления разделяемых представлений, взаимоприемлемых правил и норм взаимодействия в рамках проблемной ситуации. Это происходит, даже если расхождения, вызвавшие такое состояние, не преодолеваются, поскольку достигается консенсус в отношении норм и правил существования в имеющихся условиях.

В-третьих, в группе могут быть индивиды с нереалистичной тревожностью, которую они передают другим. В проблемной ситуации с характерными для нее дефицитом социально значимых ресурсов и ощущением неопределенности люди предрасположены к настороженности и беспокойством воспринимать любую новую информацию. Такие индивиды постоянно являются источником неприятных слухов и предположений, резонанса соответствующих настроений. В этом случае улучшение настроений в группе достигается за счет либо их вытеснения, либо осознанного общего недоверия к получаемой от них негативной информации.

Фоновый и пороговый уровень тревожности как побудитель активности. При любом, даже самом спокойном и сбалансированном состоянии социальной системы, люди, каждый по отдельности, будут периодически испытывать состояние тревожности в связи с

какими-то личными неурядицами. Такое положение дел не ведет не только к разрушению системы, но даже не вызывает в ней никаких серьезных изменений. Сложности начинаются тогда, когда значительная часть людей испытывает это состояние и понимает, что оно не является индивидуально специфичным, скоропроходящим. При таких условиях можно с высокой вероятностью ожидать следующих изменений в рамках групповой активности. Во-первых, усиливается интенсивность внутригрупповой коммуникации: люди стремятся ослабить ощущение тревоги, поделившись им друг с другом, совместно обсудив свои опасения и страхи. Во-вторых, в группе нарастает напряженность на внутриличностном и межличностном уровнях, которую можно рассматривать как показатель готовности части ее членов к активности, направленной на преодоление проблемной ситуации. В-третьих, усиливается стремление выработать совместное определение ситуации, чтобы реализовать эту готовность. Когда эти изменения начинают признаваться членами группы и становятся заметными сторонним наблюдателям, можно говорить о том, что тревожность здесь достигла порогового уровня, и люди реально готовы к поиску решения проблемы.

Дифференциация тревожностивситуации. Изсказанпотоследует, что нет смысла вычислять для системы какой-то усредненный уровень тревожности, свидетельствующий о степени ее готовности к изменениям. В то же время можно выделить измерения для дифференциации этого состояния, чтобы повысить точность при прогнозировании характера возможных изменений. Во-первых, степень интенсивности его проявлений в отдельных составляющих систем. Там, где сконцентрированы наименее просвещенные люди со слабо развитыми навыками рефлексии и идентификации, страхи возникают быстро, чаще всего без серьезных оснований, и удерживаются максимально долго, скорее блокируя, нежели мотивируя конструктивные побуждения. Люди с высоким уровнем культурной компетентности своевременно реагируют на существенные изменения ситуации, однако для них тревожность является показателем того, что нужно искать истоки неблагополучия и приемлемые способы его преодоления. Во-вторых, степень понимания истинных причин этого состояния. Так, наиболее продвинутые члены группы скорее поймут их, оценят их глубину и вероятность нейтрализации, чем наименее опытные и подготовленные. В последнем случае следует ожидать нереалистичных объяснений этого состояния; спонтанных вспышек беспокойства, отсутствия его четкой фокусированности. В-третьих, распределение тревожности по социальным позициям. Сколь бы точно ни понимали ее причин люди, не имеющие доступа к принятию социально значимых решений, они не смогут повлиять на изменение ситуации. И напротив, те кто, занимают властные позиции в системе, имеют возможность

вносить в нее изменения даже при неадекватных и неустойчивых поводах для тревожности.

Признаки проблемообразующего уровня тревожности. При рациональном решении проблемных ситуаций важно как можно точнее определить распределение тревожности в социальной системе. Это позволит выявить не только те ее компоненты, в которых интенсивные проявления такого состояния обуславливают высокую готовность к переменам, но и наиболее вероятный характер ожидаемых изменений. Соответственно следует выделить те наблюдаемые явления, которые могут быть использованы в качестве признаков и показателей такого распределения.

Показатель порогового уровня строится на основании объединения следующих необходимых признаков:

- для значительной части членов группы характерно устойчивое состояние ситуативной тревожности;
- высокий уровень недовольства этим состоянием;
- формирование представления о том, что его причины преодолимы. В этом случае можно с высокой вероятностью предполагать, что в социальной системе имеется готовность к каким-то переменам;
- степень реалистичности определения причин тревоги, которую можно представить как дистанцию между реальными факторами, обуславливающими проблемную ситуацию, и представлениями о них;
- степень доступности членам различных subsystems средств убеждения;
- наличие в системе ресурсов, отвечающих каждому из источников тревожности;
- вероятность присоединения большинства членов системы к каждому из определений ситуации.

Знание о содержании альтернатив определения источников тревожности и о степени их реалистичности является необходимым. Но оно не достаточно для оценки вероятного направления будущих изменений в системе. Для этого следует построить показатель социокультурного лидерства в системе в соответствии со следующими наборами признаков:

- формальная позиция групп с наиболее и наименее реалистичным определением источников пороговой тревожности: прямо связанная с принятием социально значимых решений и контролем над их реализацией; имеющая влияние на эти процессы; не влияющая на них;
- неформальная позиция такого рода групп: формирующая общественное мнение; влияющая на него; не влияющая на него;
- общая ориентация мнений в данной социальной системе: на формальных лидеров; на неформальных лидеров; на мнение большинства;

— различие между мнениями формальных и неформальных лидеров, с одной стороны, и оценка этих различий с точки зрения общей ориентации мнений в системе — с другой.

Благодаря такой оценке выявляется определение источников тревожности, которое имеет высокую вероятность стать общепризнанным. Это позволяет перейти к рассмотрению пускового механизма реальных действий, связанных с решением проблемной ситуации.

Напряженность в социальной системе

Важным фактором, определяющим направленность поведения людей в проблемной ситуации, является уровень напряженности в отношениях между ними. Она представляет собой тот мобилизационный ресурс, который участники готовы затратить на преодоление причин — истинных или мнимых, — вызвавших пороговое значение тревожности.

Определение понятия «напряженность». В контексте социокультурных отношений напряженность можно определить как состояние готовности к затрате усилий, направленных против препятствий на пути к решению проблемы. В условиях пороговой тревожности напряженность может проявляться в двух основных формах. Во-первых, в форме мобилизации для длительного приложения совместных усилий к последовательному, постепенному преодолению затруднений. В этом случае состояние носит конструктивный характер и способствует упорядочению и организации социального взаимодействия. Во-вторых, в форме побуждений к быстрому разрушению тех аспектов ситуации, которые ее участники считают источниками проблемы. В этом случае напряженность имеет деструктивные последствия, выливаясь в агрессивное поведение, препятствующее упорядочению социального взаимодействия. В обоих случаях речь идет о стеничном состоянии людей, поэтому пассивный тип реагирования в данном случае не рассматривается.

Источники напряженности в ситуации. Напряженность возникает в системе при условии длительной неразрешенности социально значимых проблем. Это состояние может быть вызвано устойчивым расхождением между запросами и возможностями их удовлетворения. Его интенсивность увеличивается при отсутствии соответствующих институциональных средств. Лица с конструктивным типом реакции концентрируют индивидуальные усилия на таких способах преодоления ситуации, которые помогают, во-первых, обойти неэффективные существующие нормы, во-вторых, минимизировать усилия. Они не столько снижают свои требования, сколько в зазорах социального институционального пространства стараются произвести необходимые товары, услуги,

знания. Как правило, это происходит на уровне мелких функциональных единиц. Соответственно за счет такой индивидуализации в сфере спроса — предложения затягиваются процессы социально значимых институциональных преобразований. В то же время люди сами обеспечивают собственное благополучие.

Люди, склонные к деструктивному типу реакции, стремятся разрушить существующую систему спроса — предложения, концентрируясь на полюсе спроса и минимально включаясь в сферу предложения. Они рассматривают соответствующие институциональные — а порой и внеинституциональные — структуры, как источник неудовлетворенности запросов. Поэтому напряженность превращается в агрессию против них, мешая функционированию уже существующих и формированию новых.

Напряженность, вызываемая недостаточной готовностью к модернизационным преобразованиям, имеет разные последствия в зависимости от типа реакции на нее. Если он конструктивный, то люди мобилизуются к активному освоению культурных инноваций. Они адаптируются в изменяющихся условиях и таким образом создают базу для последующей эффективной совместной активности. Деструктивная реакция побуждает людей к агрессивному отказу от освоения нововведений, а порой и к их разрушению. Совершенно очевидно, что в этом случае они могут объединиться и консолидироваться, но это приводит лишь к углублению проблемной ситуации.

Расхождение между необходимостью и нежеланием рационально объединять усилия для решения проблем порождает напряженность, тип реакции на которую определяет форму социального взаимодействия. Конструктивный тип побуждает людей к активным индивидуальным поискам решения проблемы, воспринимаемой ими как личностная. В этом случае множество разнонаправленных рациональных действий добавляют неопределенности в проблемную ситуацию, но обуславливают разумное прорастание в ее рамках каких-то целесообразных и адаптационно полезных структурных образований. Некоторые из них могут стать центрами, вокруг которых при желании и приложении определенных организованных усилий можно сформировать зоны конструктивного преодоления затруднений. Деструктивный тип при напряженности ведет к разрушению остатков прежних структур социального взаимодействия и препятствует образованию новых. Его носители могут спорадически объединиться для совместных агрессивных действий (митинги, забастовки, погромы и т. п.), но эти образования распадаются сразу после того, как напряженность получает разрядку.

Фоновый и пороговый уровни напряженности. В рамках социальной системы напряженность в той или иной степени и форме присутствует постоянно. Это объясняется самой ее природой. Ведь реализация предписанных ей функций — это решение участника-

ми социально значимых задач, требующее мобилизации усилий при необходимости варьировать свои действия в зависимости от изменчивости окружения. Кроме того, здесь всегда обнаруживаются определенные расхождения между ролевыми и межличностными отношениями. Стремление помешать их негативному влиянию на социально значимое функционирование системы обычно ухудшает отношения между людьми на обоих уровнях. К этому следует добавить спорадические недовольства, привносимые в систему ее членами из других областей их образа жизни. В совокупности все это составляет фоновую напряженность в системе. При возникновении проблемной ситуации к ней добавляется ситуативно специфичная.

При этом одна часть ситуативных факторов, вступая в резонанс со сходными фоновыми, усиливает их действие; другая, будучи новой для системы, вызывает дополнительные зоны напряженности. Длительная нерешенность проблемы (неудовлетворенность запросов, плохое владение элементами окружения, слабая рациональная организованность) доводит это состояние до порогового уровня, при котором активизируются спонтанные действия участников, обращенные на ее изменение. В рамках системы формируются группировки, происходит поляризация сил на конструктивные и деструктивные, т. е. под влиянием напряженности здесь перераспределяются степень готовности к действиям и их направленность.

Дифференциация напряженности в ситуации. Из сказанного ранее следует, что по степени интенсивности и проявлениям напряженности система не бывает однородной даже при пороговом значении этого ее параметра. Соответственно, чтобы организовать в ее рамках социальное взаимодействие для решения проблемы, необходимо знать дифференциальное распределение этого состояния в структурном и временном аспектах. По характеру его проявления следует выделить фоновые и ситуативные, конструктивные и деструктивные зоны. Это позволяет предположить, к какого рода изменениям, связанным с решением проблемы, готовы разные группы, составляющие систему. По степени интенсивности проявлений определяются как более, так и менее напряженные области. В этом случае появляется возможность оценить распределение потенциала активности в системе по отношению к решению проблемы. По организационным тенденциям выделяются зоны индивидуализма и коллективизма. Соответственно становится ясным, куда в первую очередь следует направить совместные усилия, чтобы найти выход из проблемной ситуации.

Помимо структурной распределенности большую значимость для контроля над напряженностью имеет динамика ее проявления. В соответствии с возможностями рационального регулирования ситуации целесообразно выделить следующие стадии:

—латентное нарастание состояния: накопление непроявляемых, неконтролируемых негативных настроений, вызываемое постоянными фрустрациями ожиданий, удовлетворения запросов и интересов и т. п. Зоны социального напряжения следует обнаруживать в этой стадии, ибо здесь оно лучше всего поддается преднамеренному регулированию;

— обострение состояния: нарастание тревоги и беспокойства у большинства участников взаимодействия; осознание неудовлетворенности существующим положением дел; поиск альтернативных определений ситуации и выходов из нее. На этой стадии регулировать напряженность можно с помощью предложения альтернатив решения проблемных ситуаций и приведения их в соответствие с существующими у людей представлениями;

— пик напряженности: открытые проявления недовольства, раздражения, массовое признание непереносимости ситуации; спонтанная агрессивность. На этой стадии конструктивные целенаправленные действия не будут эффективными; здесь возможен только рационально организованный контроль над агрессивными проявлениями, чтобы они не привели к необратимым для системы разрушения;

— спад напряженности: возвращение к спорадическим вспышкам недовольства; примирение с ситуацией; распространение депрессивных настроений. На этой стадии необходимо предпринимать целенаправленные усилия, во-первых, для предотвращения массового распространения социальной пассивности; во-вторых, для поддержания конструктивно ориентированных элементов системы.

Оценивая влияние распределения социальной напряженности на возможности конструктивного решения проблемной ситуации, следует отметить два важных обстоятельства. Во-первых, разные системы или их компоненты имеют неодинаковый уровень терпимости по отношению к напряженности. Поэтому абсолютное значение этого параметра не должно вводить в заблуждение субъекта рационального решения проблемной ситуации. Там, где толерантность к этому состоянию низка, ее пороговое значение не превышает второй стадии: она обостряется, но не достигает пика агрессивности. Такие единицы отличаются значительной открытостью по отношению к внутренним и внешним конструктивным предложениям и гибкостью в их реализации. Там, где значение этого показателя велико, следует ожидать всех стадий проявления. Для таких единиц это состояние является привычным; воспринимается как неизбежное, а агрессивное поведение в пиковых ситуациях считается нормальным. Поэтому здесь попытки элиминировать причины напряженности вызовут серьезные затруднения.

Во-вторых, следует принимать во внимание, на какой стадии предпринимаются попытки взять под контроль социальное вза-

имодействие. Это может привести к повышению его эффективности при вмешательстве в ситуацию на первых двух стадиях и предотвращению полного разрушения системы на двух других. Соответственно следует четко соотносить выбираемую стратегию поведения с диагнозом динамического состояния напряженности в системе.

Признаки проблемобразующего уровня напряженности.

Выделение единиц анализа и наблюдения социально значимого уровня напряженности важно для организации конструктивных действий в проблемной ситуации. Определение групп, имеющих потенциал активности, готовности и способности к таким действиям, возможно по признакам и показателям, сформированным для следующих измерений.

О пороговом уровне напряженности можно судить по совокупности следующих наборов наблюдаемых проявлений в сопоставлении с фоновой нормой:

- высокая частотность открытого проявления недовольства, раздражения, страха, возбуждения;
- массовое распространение тревожных слухов и недоверия к доминирующим в системе нормам и ценностям;
- высокая частотность спонтанных и организованных проявлений агрессивности;
- усиление коммуникативной активности в системе; формирование группировок.

Такой интегральный показатель напряженности свидетельствует о готовности людей к активным действиям, направленным на изменение социальной системы. Наиболее вероятные динамические альтернативы можно определить для каждой ее дифференциальной единицы по показателю, составленному из следующих наборов признаков:

- степень активности единицы: готовность к переменам, спонтанные действия, ориентированные на изменение ситуации; стеничное состояние ее членов;
- характер активности единицы: преимущественные вербальные и поведенческие проявления, которые оцениваются с точки зрения их конструктивной или деструктивной ориентированности;
- тип организации активности: вербальные и поведенческие реакции, свидетельствующие о преимущественной ориентации либо на индивидуальное, либо на коллективные действия;
- содержание предпринимаемых действий и их соотношение с необходимыми для решения проблемы с точки зрения соответствия, препятствования или нейтральности.

Описание ситуации в соответствии с этими признаками и показателями позволит оценить расстановку сил в системе, векторы их направленности, структуру взаимодействия. Прогнозирование

изменений этих характеристик во времени позволит судить о форме динамики системы.

Регулирование напряженности в проблемной ситуации становится возможным при диагностике ее динамических состояний, каждому из которых соответствуют специфичные, доступные для наблюдения проявления.

Показатели латентной стадии напряженности можно построить на обобщении следующих классов признаков:

- наличие порогового уровня тревожности;
- более активные — по сравнению с фоновой нормой — жалобы на фрустрацию ожиданий, удовлетворения запросов и интересов, сопровождаемые угрозами;
- высокая негативная оценка переживаемой ситуации.

Такой диагноз позволит искать способы перенаправить напряженность в конструктивное русло, насколько это возможно.

Показателями обострения напряженности можно считать совокупности следующих наборов признаков:

- наличие порогового уровня тревожности;
- устойчивые альтернативы определения ситуации с указанием на конкретные источники проблем;
- учащение агрессивных проявлений по отношению к фоновой норме.

При таком состоянии альтернативы конструктивных решений проблемы можно привести в соответствие с настроениями и поведением, доминирующими в рамках системы.

Показатели пика напряженности определяются как совокупности следующих наборов признаков:

- на уровне общественного мнения: массовое признание непереносимости ситуации;
- на уровне вербального поведения: полностью негативная оценка ситуации и системы; угрозы разрушить систему или ее ведущие элементы;
- на уровне реального поведения: к спонтанным единичным проявлениям агрессивности прибавляются более частые — по сравнению с фоновыми нормами — организованные (например, манифестации, забастовки и т. п.), а также массовые стихийные собрания, митинги, беспорядки.

Выявление по этим показателям пикового значения напряженности позволит тем, кто хочет решить проблему, не тратить усилия на попытки организовать конструктивное взаимодействие, но употребить их на сохранение системы или ее основных элементов от полного разрушения.

О спаде напряжения могут свидетельствовать показатели, обобщающие следующие наборы признаков:

— возвращение к единичным спонтанным вспышкам агрессивности; отсутствие организованных и массовых ее форм;

— проявления на уровне общественного мнения и поведения готовности смириться с имеющимся положением дел; признание необходимости существовать, выживать в данной ситуации; следование ранее принятым нормам отношений; выполнение требований лидеров и т. п.;

— проявления депрессивных настроений и окрашенного ими поведения; высказывания о собственном разочаровании в социальной системе, о безнадежности в отношении ее изменения, о ее бесперспективности — на уровне общественного мнения; значительно более вялое, замедленное, небрежное — по сравнению с фоновыми нормами — выполнение предписанных функций, пассивное сопротивление любым переменам — на уровне поведения.

В этом случае тем, кто ориентирован на решение проблемы, не следует затрачивать усилия на активизацию социального взаимодействия. Лучше сконцентрироваться на стратегиях, помогающих, во-первых, насколько можно приостановить массовое распространение депрессии; во-вторых, максимально сохранить и поддержать развитие конструктивных элементов системы.

Глава 2. Познательные возможности проблемно ситуативного анализа

Теоретические ограничения концепции проблемной ситуации

На основе всего сказанного выше можно выделить ограничения, налагаемые на такую трактовку проблемной ситуации исходными дефинициями и теоретическими основаниями. Понятие проблемы было ограничено набором допущений, позволившим свести многообразие представлений об этом явлении к достаточно строгому операциональному определению.

Во-первых, предметом рассмотрения стала та сфера отношений людей, которая определяется их социальной природой и имеет культурное оформление. Соответственно рассматриваются социально разделяемые, а не индивидуально специфичные мнения и акты поведения; культурно распознаваемые, «прочитываемые» явления, имеющие интерсубъективное значение, а не индивидуальный смысл. Эти феномены помещаются в контекст социального взаимодействия, а не атомизированной индивидуальной деятельности. Изучение социального взаимодействия ограничивается такими объектами, где оно может быть сведено к социальным сетям (цепям личных контактов между людьми) — первичными группа-

ми и институциональными организациями, имеющими достаточно четкие функциональные и символические границы в социокультурном пространстве (социальные системы), *— и не распространяется на иные социокультурные единицы, такие как социальный слой, этнос, общество в целом.

Во-вторых, объектом внимания стали фундаментальные классы проблем, наличие которых чревато существенными структурными изменениями рассматриваемых типов социальных систем. Более того, выделение признаков социальной значимости проблемы — массовая распространенность, устойчивость во времени, угроза социальной безопасности — позволяет убедительно обосновать, почему можно ограничиться этими классами проблем. Действительно, социально значимое расхождение между массовыми запросами и возможностями их удовлетворения свидетельствует о нарушениях в работе функциональных единиц системы, что угрожает разрушением ее нормативных установлений, определяющих формы жизнеобеспечения. Исправление ситуации предполагает переориентацию тех целей, средств и результатов, от которых зависит удовлетворение конкретного класса запросов. Массовая неосвоенность культурных инноваций свидетельствует о плохой институциональной организации социализации и неумелого использования ее функциональных составляющих. Соответственно изменение знаний и навыков у участников системы становится неизбежным. Расхождение между необходимостью и нежеланием людей рационально организовать социально значимые действия свидетельствует о структурных нарушениях в системе, угрожающих ее разрушением. Важно использовать механизмы интеграции и регулирования взаимодействий, отношений, поведения, обеспечивающих существование и социальную полезность системы.

Из сказанного следует, что эти классы расхождений имеют фундаментальное значение для «выживания» социальной системы с точки зрения составляющих ее людей, поскольку именно они сохраняют такие предпосылки ее существования, как функциональность, механизмы контроля ее отношений со средой, взаимодействие с другими системами. Есть основания полагать, что иные расхождения, которые принято указывать в качестве причин или источников социально значимых проблем, могут быть сведены к одному из этих основных классов. Следует подчеркнуть, что проблемами называются здесь такие расхождения, для преодоления которых в культуре не имеется образцов функциональных единиц, механизмов, способов действий и взаимодействий, и для структурных изменений системы требуется изобретение или заимствование культурных инноваций. Если такие образцы существуют или если структурных изменений в системе не требуется, предлагается говорить не о проблемах, а о задачах, решение которых будет способствовать исправлению ситуации.

В-третьих, такого рода проблемные ситуации рассматриваются только с одной точки зрения— социальности, социальных отношений и культурных способов их выражения, а не экономических, политических, правовых ресурсов. Иными словами, речь идет не о полном решении проблемы, а только социокультурном взаимодействии при ее: решении. Соответственно она описывается при помощи трех фундаментальных антропологических параметров, которые можно считать необходимыми и достаточными с точки зрения человеческих отношений. Прежде всего это *неопределенность* ситуации, которая ведет к. рассогласованию действий людей в системе, к взаимному непониманию, к ощущению бессмысленности деятельности,; осуществляемой в ее рамках, и т. п. Она представлена в наблюдаемых признаках и показателях, свидетельствующих, о том, что: люди ощущают некоторое неблагополучие в ситуации, но не понимают его; причин и истоков. Такое положение дел порождает у людей состояние *тревожности*, которое принимается в качестве второго параметра,; детерминирующего проблемность ситуации. Будучи по определению механизмом мобилизации индивида к поисковому поведению, она побуждает людей в проблемной ситуации как-то определить ее¹ характер; причины, истоки. Выделенные признаки и показатели тревожности позволяют судить о том:; какие¹ культурные символы участники системы привлекают для выделения и названия источников проблемной ситуации. Такое определение сопровождается мобилизацией сил в рамках системы, которая названа здесь *напряженностью*. Это третье измерение проблемности ситуации позволяет судить о распределении социальных сил внутри нее. Оно включает действие механизмов, побуждающих людей концентрироваться вокруг сформировавшихся: определений проблемной ситуации с целью либо преодолеть ее, либо приспособиться к ней. Описывающие напряженность наблюдаемые признаки и показатели позволяют прогнозировать направленность действий различных групп, составляющих систему, и характер оправдания таких действий.

Выделенные параметры являются необходимыми, поскольку относятся к фундаментальным антропологическим, свойствам, определяющим: поведение людей: при: нарушении их значимых связей с окружением. Они могут считаться достаточными, т. к. описывают ключевые стадии подготовки людей к совместному решению проблемы: ощущение неблагополучия, определение его источников, мобилизация ресурсов, для его преодоления.

Диагностика проблемной ситуации

Для: эффективного социального взаимодействия в проблемной ситуации следует прежде всего осуществить ее диагноз, который включает в: себя следующие процедуры. Прежде всего по выделенным признакам зафиксировать происходящие в социальной систе-

ме события. Далее, в соответствии с обобщенными показателями определить ее состояние. Важно также выявить интерпретацию этих событий представителями различных групп, составляющих систему. Наконец, проследить расстановку социальных сил, которая определяет динамику системы. Иными словами, диагностика проблемной ситуации позволяет понять, сочетание каких обстоятельств и интересов людей порождает предпосылки, условия, пусковые механизмы для выбора конкретных стратегий совместных действий.

Состояние сообщества. Социальное взаимодействие в рамках любой социокультурной системы предполагает наличие различных социокультурных групп: институционально предписанных (организационно-ролевых) или санкционированных (общественная деятельность), а также базирующихся на межличностных отношениях. Поэтому важно определить их специфичную структуру, уровень организованности, идентичность их членов, степень функциональной автономности. Иными словами, выявить распределение функций, в ее рамках т. е. направлений деятельности, и соотношения взаимных прав, обязанностей, ожиданий. Важно также зафиксировать носителей таких ролей, как «лидеры», «идеологи», «активисты», и проследить, становятся ли они непосредственными инициаторами определения ситуации и выбора стратегии взаимодействия в ее рамках. Если такие стратегии есть, то проследить, как они распространяются на профессиональные и личные аспекты внутригрупповой активности, функциональные и эмоциональные стороны существующих здесь коммуникативных связей.

Разделяемое людьми, составляющими систему, определение ситуации складывается в рамках ее реальных коммуникативных сетей. Соответственно необходимо рассмотреть, как они поддерживаются непосредственными межличностными контактами, при которых люди на внутри- и межгрупповом уровнях обмениваются взглядами на происходящие события, информацией об интересах и запросах друг друга, оценками текущих процессов. Такие сети дополняют структуру функциональных организационных связей, поскольку действия людей имеют не только утилитарное значение. Поэтому следует определить, какая информация о личностных смыслах, мотивах, оценках, связанных с участием в ситуации, циркулирует в сообществе и в каких вербальных и невербальных формах (мимике, жестике, интонациях и т. п.). В совокупности все это позволит выявить своеобразную «материю» из которой формируются представления, оценки, действия, разделяемые участниками социального взаимодействия.

Возможности решения проблемы. Рациональное построение решения проблемы начинается с установления ее причин и источников; интенсивности вызываемых ею нарушений в системе; действий, которые уже направлены на улучшение положения дел; со-

циальных сил и ресурсов, которые реально могут быть привлечены к этому. Особое внимание следует уделить уровню напряженности ситуации и ее источникам. Если это обстоятельства, то следует определить, как можно мобилизовать ее на активные действия с теми элементами проблемной ситуации, которые в данный момент поддаются воздействию. Если это стереотипы поведения или отношений, следует понять, как обратить ее па преодоление их несоответствия устойчивым аспектам ситуации, а также на взаимное приспособление таких стереотипов и поддающихся изменению обстоятельств. Если это личностные особенности людей, то следует обратиться к способам так направить их напряженность, чтобы она способствовала улучшению ситуации или как минимум не вызывала ее ухудшения.

После определения проблемной ситуации следует выбрать возможные пути ее решения, оценивая вероятность достижения каждой из намеченных альтернативных целей при выявленных ранее характеристиках сообщества. Для такой оценки можно обратиться к динамической схеме целедостижения (К. Левин, Н. Миллер и др.), определяемой взаимодействием двух переменных: степень привлекательности (валентности) и близости цели для субъекта. Согласно схеме:

- тенденция стремления тем сильнее, чем ближе цель (градиент стремления);
- тенденция избегания тем сильнее, чем ближе объект, внушающий опасения (градиент избегания);
- градиент избегания растет быстрее градиента стремления, т. е. в ситуации целедостижения ощущение опасности оказывается более сильным мотивом поведения, нежели желание получить выгоду;
- в случае конкуренции двух несовместимых побуждений или реакций побеждает более сильное;
- сила подкрепляемой тенденции реагирования возрастает по мере повторности подкреплений.

Соответственно можно выделить идеально-типичные тенденции выбора цели в проблемной ситуации:

- избегание — избегание: все альтернативы решения проблемы оказываются для участников взаимодействия нежелательными; в результате выбор решения определяется стремлением понести меньшие потери и с большей вероятностью сохранить существующую структуру системы;
- стремление — избегание: оптимальное решение проблемы одновременно содержат для них как выгоды, так и существенные издержки; выбор в этом случае определяется тем, достаточны ли ресурсы системы, чтобы первоначальные затраты позволили дожидаться последующих выгод;

—■ двойное стремление — избегание: все альтернативные решения проблемы одновременно несут в себе как выгоды, так и существенные издержки: соответственно выбирается та, при которой потенциальные выгоды максимальны, а потенциальные издержки минимальны в соотношении с ресурсами системы.

Результаты решения социально значимых проблем

Решения: социально значимых проблем направлены в конечном: итоге на то, чтобы в обществе различия в образе жизни, знаниях, навыках, структурах повседневных интеракций воспроизводились и были организованы! в культурно установленных формах. Они представляют собой разделяемые референтные образования, с которыми: люди соотносят свою групповую^ и личностную: идентичность Их можно разделить на легко различимые типы по их качественной определенности и функциям регулирования отношений людей в ситуациях, общественная опасность которых уже преодолена совместными усилиями. Одни из них — социокультурные образцы — характеризуют множество частных удачных способов преодоления затруднений. Другие; — культурные ценности— указывают на предпочтительные конвенционально установленные ориентиры при выборе из образцов', соответствующих определенным ситуациям. Наконец, третьи — социальные нормы — предписывают или запрещают определенные виды активности в угрожающих людям или неразрешимых проблемных ситуациях. По этим параметрам одни решения проблем отличаются от других, а по воспроизведению соответствующих признаков определяются установившиеся паттерны взаимодействий и коммуникаций в рутинных ситуациях.

Социокультурные образцы. Дифференцирующие признаки, относящиеся к стилю и: образу жизни людей. к совместной активности в: системе общественного разделения труда, разумеется, не произвольны. Они формируются и складываются в определенные конфигурации на основе решения социально значимых проблем в процессах социального взаимодействия и коммуникации. Речь идет о самоопределении личности в обыденной жизни, с одной стороны, и установлении, поддержании, изменении индивидуальных и групповых связей в институциональном окружении — с другой.

На обоих уровнях социокультурного пространства в ходе совместного преодоления затруднений: в отношениях с окружением: формируются и поддерживаются совокупности устойчивых конфигураций связей людей друг с другом, с предметно-пространственной средой. Они определяют фиксированные наборы мест, где происходят соответствующие взаимодействия, используемые в них артефакты, критерии оценки их хода, способы и правила та ко-

го использования. С их помощью выполняется важная социокультурная функция — постоянное воспроизведение сетей отношений, взаимодействия, взаимопонимания. Они служат не только объединению людей для совместной активности, но и детерминируют поведение каждого участника соответствующих ситуаций. Они становятся основанием для взаимодействия обучающего и ученика в начале профессиональной социализации, а также представителей различных профессий.

Тем не менее эти образования в отличие от социетально-институциональных норм и правил носят неосознанно-практический характер и воплощаются в особые культурные формы, которые обычно называют социокультурными образцами («паттернами»). Это могут быть стереотипные схемы интеракций, использования артефактов, отдельные поступки, реакции людей, которые помогли решению социально значимой проблемы и стали использоваться в типичных ситуациях, где она могла бы повториться. Например, нравы и обычаи как способы предотвращения ролевых конфликтов в сообществе. Такие целостности являются образцами, потому что заключают в себе в свернутом концентрированном виде определение ситуации, предписанное поведение в ней, критерии, по которым оценивается адекватность развития действий человека или его связей с окружающим миром, иными словами, носят синкретичный характер. Они дают возможность людям действовать в привычной среде без излишних затрат энергии. Закрепляясь в культуре в качестве определенных структур совместной активности, образцы порождают сложный порядок совместных действий людей, их связей, суждений, предотвращают повторение проблемы как социально значимой.

Социокультурные паттерны формируются в ответ на затруднения и реализуются в стандартных ситуациях главным образом на уровне поведения, опыта, а не рационального познания. В постоянно воспроизводящихся ситуациях, поддерживающих сложившиеся повседневные связи, — это культурные стереотипы. Для типичных жизненно значимых затруднений они принимают форму образцов их идентификации и решения. Следование определенным паттернам, соотнесение с ними собственных представлений, суждений, поведения в обыденном социальном пространстве составляет зону свободного выбора личности в рутинных ситуациях и индивидуального экспериментирования в проблемных.

Их освоение и использование способствует формированию образа и стиля жизни людей, наделению их не только индивидуальным смыслом, но и социальным значением. Они помогают людям в непрерывном жизненном потоке выделить дискретные воспроизводящиеся ситуации или уникальные события и определить свои действия, отношения с другими с точки зрения либо их поддер-

жания, либо изменения. Следовательно, если социально значимая проблема решается на этом уровне, то они становятся достаточно многочисленными конвенционально принятыми единицами организации совместной активности людей в рамках обыденного социокультурного пространства, регулирующими динамику ее сложившихся структур.

Культурные ценности. Включенность в структуру социокультурных образцов критериев для оценки адекватности его функционирования позволяет проследить в проблемной ситуации процессы формирования и поддержания другого типа социально значимых единиц, связанных с ее решением, — ценностей. Они представляют собой результаты сопоставлений и ранжирования образцов отношения людей друг к другу и к жизненной среде, построения образа жизни и институциональной активности. Эти процессы актуализируются тогда, когда социально значимая проблема не преодолевается на уровне локальных групп и различных приемлемых для них решений. В этом случае интенсифицируются межгрупповые взаимодействия и коммуникации, в ходе которых они сравниваются и приобретают дифференциальную оценку в соответствии с их значимостью для преодоления затруднений и определенными — прагматическими, эстетическими, моральными и т. п. — критериями. На уровне поведения, мнений, суждений в различных группах складываются предпочтения разных социокультурных образцов, а в более широком социокультурном пространстве и в обобщенной форме образуются ценностные «шкалы» способов решения социально значимых проблем, где нижний предел означает приемлемость, средняя позиция выражает предпочтительность, а высшая — идеал.

Люди используют представления подобного рода как векторы совместной активности в таких условиях, чтобы ранжировать и перераспределять значения уже существующих и новых образцов и использовать их для преодоления неблагоприятных обстоятельств. С их помощью фиксируются качества определений ситуаций, способов действий, структур отношений, результатов взаимодействий. Те социокультурные паттерны, которые на групповом или общесоциальном уровнях принимаются как наиболее эффективные решения проблемы и в то же время положительно оцениваются большинством, можно назвать культурными ценностями.

По сравнению с образцами они представляют собой более строгий регулятор социальных отношений в затруднительных обстоятельствах. Их использование налагает заметные ограничения на индивидуальные проявления, поскольку в значительной степени детерминирует их направленность.

Как механизмы, организующие и регулирующие совместную активность в подобных случаях, они занимают промежуточное

положение между образцами и кодифицированными нормами. По сравнению с первыми они базируются на социально установленным, а не на нерелексивных критериях для определения людьми ситуаций и своих действий в их рамках. Культурные ценности всегда носят коллективный характер: они суть продукты совместного, а не индивидуального опыта. От вторых их отличает относительная свобода выбора, поскольку это пространство предпочтений, а не требований.

Эти референтные образования различаются также и по последствиям отклонений от них. Массовые нарушения общезначимых норм в социально значимой проблемной ситуации означает возможность изменения ранее установленного порядка. Соответственно это создает напряженную обстановку в обществе. В то же время нарастание многообразия ценностных систем означает дифференциацию фиксированных предпочтений эффективных целей и средств, связанных с преодолением затруднений. Это порождает дискуссии, которые помогают прояснить стратификационные границы в условиях нормативной неопределенности. Область социокультурных образцов и ценностей представляет собой существенное связующее звено между решениями проблемы на обыденном и специализированном уровнях социокультурного пространства. Так, образцы и ценности, относящиеся к труду, соединяют экономическую культуру и домашнее хозяйство. Право через соответствующие представления, знания и навыки начинает рефлексивно сопоставляться с моралью. Философские представления, складывающиеся на профессиональном уровне, хотя и очень опосредствованно, но оказывают влияние на житейские обобщения. Ценности пауки, научный образ мышления проникают в сферу обыденного познания. Художественный мир профессионального искусства определенным образом отражается в эстетике обыденной жизни. Религиозные верования организуют суеверные представления. Таким образом, в социально значимых проблемных ситуациях усиливаются связи между обыденной реальностью и специализированными социокультурными кодами через такие референтные образования, как социокультурные образцы и ценности. Это вполне естественно, поскольку в обыденной культуре обнаруживаются аналоги (генетически являющиеся истоками) специализированных областей.

Социальные нормы. По сравнению с ценностями кодифицированные нормы (правовые, моральные) являются социально непреложными и используются людьми для регулирования социальных отношений в воспроизводящихся или неразрешимых проблемных ситуациях. Они формируются, когда преодолеть массовые затруднения не удается на уровне ценностей. В то же время именно из последних отбираются те, которые оказываются социально наиболее

значимыми, г. е. обеспечивают людям безопасность. Нарушение общепринятой нормы считается выходом за пределы социально установленного порядка. Соответственно это влечет за собой строгие санкции— наказание, изоляция от общества. Отказ же личности или группы от одних ценностей в пользу других предполагает всего лишь переход либо личности в другую группу, либо группы в иное культурное состояние. Фиксирование норм в виде законов или моральных кодов означат , что социально значимая проблема либо урегулирована, либо признана неразрешимой. В любом случае речь идет о предписанных и/или запретных действиях в соответствующих ситуациях. Конечно, как говорилось ранее¹, при определенных обстоятельствах эти регулятивные образования сами могут стать источниками напряженности. Однако в силу их непреложного статуса людям приходится смиряться с таким положенном дол.

Установленные в ходе решения социально значимой проблемы социальные нормы представляют собой существенное организующее и ограничивающее начало для взаимодействий на обыденном и специализированном уровнях социокультурного пространства. Так. законы, относящиеся к изменению способов жизнеобеспечения, регулируют институционализированные формы хозяйствования не только в государственной, но и в частной сферах. Правовая система через соответствующие предписания и запреты распространяется на определенные области приватной жизни, такие как семья, личностное достоинство и др. Религиозные доктрины направлены на преодоление суеверий, регулирующих обыденное поведение в опасных ситуациях.

Таким образом, нормирование проблемной ситуации предписывает стандартные общеобязательные способы преодоления затруднений на уровне обыденной реальности. Соответствующими социокультурными кодами в этом случае регулируются не только результаты взаимодействий и коммуникаций, но и характер иен ользуемых в их ходе образцов и ценностей. Итак, решения социально значимых проблем, начинаясь на обыденном уровне социокультурного пространства, под действием механизма вариаций, отбора и удержания могут приобрести статус институциональных норм.

Контрольные вопросы

1. Понятие проблемной ситуации в контексте изучения социокультурной динамики. Антропологические предпосылки поведения людей в проблемной ситуации и т. а. ц и.
2. Пусковые механизмы социального взаимодействия в проблемных ситуациях: общие представления.
3. Социокультурная неопределенность, ее источники и последствия для социальной системы.

- 1. Тревожное п. как механизм, стимулирующий поисковую активность н проблемной ситуации.
- 5. Напряженность как механизм силовой организации взаимодействия в проблемной ситуации.
- 6. Диагностика проблемной ситуации.
- 7. Результаты (решения (социально значимых проблем.

ПАРАДИГМУ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ПРОБЛЕМНОЙ СИТУАЦИИ

Все сказанное выше позволяет перейти к обсуждению организации возможных форм и направленности взаимодействия в проблемной ситуации по двум существенным измерениям. Во-первых, с точки зрения реальной расстановки сил при определенном состоянии проблемной ситуации. Это позволит определить степень соответствия действий каждой из единиц определенным альтернативам решения проблемы. Во-вторых, в аспекте необходимой расстановки сил. Это важно для определения рациональной организации взаимодействия в данный момент в соответствии с процессом решения проблемы в целом. Сопоставление полученных результатов позволит оценить имеющиеся расхождения и скорректировать либо реальное поведение, либо нормативную схему. В качестве категории, связывающей проблемную ситуацию и происходящие в ней процессы, принимается «парадигма взаимодействия». Она охватывает не только форму — стратегию (генеральную тенденцию) и тактику (приемы) взаимодействия — но и обуславливающие их ситуативные факторы.

Парадигмы взаимодействия могут быть представлены через следующие измерения проблемной ситуации:

- нормативные ориентации участников по отношению друг к другу, которые определяют их позиции в ситуации;
- общие намерения, относящиеся к цели взаимодействия, которые формируют критерии для оценки эффективности процесса;
- ожидания участников в отношении друг друга и результатов взаимодействия; это измерение задает критерии для регулирования хода процесса;
- особенность организации информационного обмена между участниками, которая обуславливает форму и содержание коммуникативных процессов в ситуации.

Эти измерения являются необходимыми для систематического описания процессов взаимодействия, поскольку определяют: их границы — через нормативы; направленность — через намерения и ожидания; содержание — через структуру коммуникации. Они являются достаточными, поскольку полностью охватывают ключевые характеристики системы взаимодействия.

В терминах этих измерений будут описаны три общие идеально-типические парадигмы, определяющие доминирующую ориентацию социального взаимодействия в проблемной ситуации: на сохранение межличностных отношений (консолидация); на индивидуальное целедостижение без учета интересов других (конфликт); на решение проблемы при сохранении системы (переговоры).

II Глава 1. Консолидация и солидарность

Для преодоления проблемной ситуации люди могут объединить усилия, сплотиться. В этом случае основной парадигмой, на которой выстраиваются их отношения и взаимодействия, становится консолидация. Люди прибегают к ней для того, чтобы «выстоять» перед угрозой распада социальной системы или хаоса окружения, для победы в борьбе.

Ситуация, благоприятная для консолидации

Предпосылки и условия возникновения ситуации консолидации. Объединение или интеграция людей для совместного решения проблемы — это процесс, предполагающий затрату определенных усилий как на формирование, так и на поддержание солидарности. Соответственно он начинается спонтанно или целенаправленно только тогда, когда для этого имеются особые предпосылки и условия.

Под предпосылками в данном случае понимаются те совокупности причинных и побудительных факторов, благодаря которым такая парадигма взаимодействия возможна в принципе. К ним относятся:

— ориентация на объединение в проблемной ситуации для снижения порождаемого ею высокого уровня напряженности и неопределенности;

— образование социальной системы, в рамках которой связи между людьми как ее членами оказываются более устойчивыми и интенсивными, чем между ними и окружением;

— распределение функций между ними, интеграция их усилий, направленных на достижение определенных, значимых для них результатов.

Для их реализации нужны особые условия. Речь идет о необходимой и достаточной совокупности внешних факторов, индивидуальных побуждений, связывающих их культурных форм, которую можно рассматривать как среду, благоприятную для консолидации в большей степени, чем для других парадигм, взаимодействия.

Ее выбор обуславливается стремлением, людей в проблемной ситуации быть членами определенной группы, ощущать свою при-

надлежность к ней, идентифицироваться с ней; подчинять свои действия общему, а не индивидуальному плану, т. е. социальному контролю; быть включенными в систему устойчивых аффективных связей, снижающих интенсивность индивидуальной тревожности. Иными словами, к такой парадигме прибегают люди, склонные трактовать проблемную ситуацию в терминах безопасности и проявлять по отношению к ней защитные реакции.

Далее, люди обращаются к ней, чувствуя, что по одиночке не могут реализовать свои интересы. Поэтому они ищут кооперации друг с другом, надежность которой обеспечивается стремлением каждого удовлетворить собственные желания и вероятностью взаимопомощи в условиях, когда без нее эти желания неудовлетворимы. Следовательно, ее использование диктуется утилитарными соображениями.

Наконец, она становится привлекательной, когда в проблемной ситуации люди пытаются сохранить свою принадлежность к определенной культурной категории, т. е. групповую идентичность. В этом случае объединение помогает им удерживать некоторые привычные паттерны поведения, отношений, взаимодействий, значимых для них по тем или иным причинам и закрепляемых в конвенциональных нормах. Таким образом, парадигма может применяться в целях социокультурной идентификации.

В случаях целенаправленного объединения людей на базе консолидации его основания и необходимые для этого условия можно разделить на несколько типов.

1. Условия, связанные с утилитарными соображениями. Они зависят от наличия следующих факторов:

— степень, в которой ассоциация членов группы может удовлетворить их нужды;

— соотношение ориентаций на поддержание межличностных отношений и функциональных достижений (результатов деятельности членов группы, адресованных социальной системе, в состав которой она входит); приемлемое для окружения;

— эффективность функционирования системы и контроля над этим соотношением;

— представленность в группе требований более широкого социокультурного контекста.

Каждый фактор может быть представлен специфичными для него группами признаков и показателей. Так, возможности группы удовлетворить нужды ее членов определяются совокупностью таких признаков, как возможность заниматься предпочтительным видом деятельности в рамках группы; степень функционального разнообразия в группе; степень взаимной симпатии членов группы; степень предпочтения именно данной группы по сравнению с другими. Обобщенным показателем этого качества можно считать индекс удовлетворенности членов группы принадлежностью к ней.

Соотношение тесноты межличностных связей и функциональных достижений, требуемое от группы в рамках системы, можно представить такими признаками, как пропорция времени, затрачиваемого на личные нужды, межличностные отношения и выполнение предписанных функций; расхождение между реальным и нормативным значением этой пропорции; соотношение вознаграждений за эффективность и наказаний за неэффективность групповой деятельности; мера внешнего контроля над межличностными отношениями в группе; степень удовлетворенности членов группы соотношением в ее рамках межличностных связей и функциональных достижений. ИШ® этим: признакам можно судить о ее статусе: в окружении.

Контроль над обозначенным выше соотношением и соответствующий агент определяются такими признаками, как пропорция количества предписаний и требований их эффективного исполнения; частота и строгость проверки исполнения; уровень компетентности и статус эксперта, осуществляющего контроль. Эту характеристику группы можно считать показателем ее: функциональной значимости.

Представленность, требований, более широкого социокультурного: контекста в; группе можно распознать по. следующим признакам: частота и содержание обращений: членов группы за ее пределы; права членов группы принимать решения в сфере этих контактов; соотношение общекультурных и специфично групповых нормативов, которыми пользуются члены группы в ситуации принятия значимых для. ее поддержания решений; ситуации и степень наказания членов группы за предпочтение общекультурных нормативов специфично групповым. Эти признаки обобщаются в показатель: функциональной автономии группы.

В совокупности по таким: признакам: и показателям можно судить об условиях, обеспечивающих определенное соотношение социально: утилитарных и экспрессивных (связанных с позитивными межличностными отношениями) функций, выполняемых группой в проблемной ситуации. Величина такого соотношения, удовлетворяющая большинство членов группы, обуславливает высокую вероятность: использования парадигмы консолидации.

2. Условия, облегчающие возможность консолидации в проблемной ситуации. появляются, когда люди:

- разделяют одни, и те же точки зрения, общие цели и намерения:
- разделяют общие: смыслы и значения, пользуются одним: и тем же культурным кодом:
- нравятся друг другу.

В этом случае: условия благоприятны для формирования или поддержания групповой идентичности, разграничения с иными

группами и символами групповой принадлежности. Каждый тип факторов может быть выражен в специфичных показателях, составленных из соответствующих признаков.

О том, что люди разделяют общие нормы и предпочтения, можно судить по следующим признакам: они предпочитают стандартные типы поведения, отношений, взаимодействий для совместного решения задач; им нравятся и не нравятся схожие ситуации и люди; они осуждают одни и те же типы поведения, личностные черты; они принимают решения на единых основаниях. На базе этих признаков можно построить показатель, свидетельствующий о том, что при взаимодействии люди пользуются одинаковыми регулятивными механизмами.

Судить об общности культурных кодов реальной или потенциальной группы солидарности можно по следующему набору признаков: люди пользуются одинаковыми ключевыми категориями и придают им один и тот же культурный смысл; в ходе коммуникации они используют идентичные модели обмена информацией (рационалистичные или экспрессивные; проясняющие или скрывающие текущие личностные переживания; снижающие или сохраняющие возникающую в ходе коммуникации неопределенность). Их обобщение позволяет построить показатели уровня культурной компетентности и принадлежности к единой субкультуре, которые указывают на степень понимания членами группы друг друга и того, что происходит вокруг них и, следовательно, на эффективность отбора и использования информации в проблемной ситуации.

На то, что люди симпатизируют друг другу, указывают такие признаки, как частота взаимных услуг, доброжелательных обращений, отзывов друг о друге; дополнение функционального взаимодействия проявлением личной доброжелательности; экстралингвистические проявления взаимной приязни. Обобщение этих признаков приводит к построению показателя межличностной привлекательности, позволяющего судить о перспективах дружелюбности, сплоченности и прочности отношений в группе.

По этому набору признаков и показателей можно судить о наличии, достаточности или недостаточности условий для формирования или поддержания в проблемной ситуации «группы солидарности» с выраженными и осознанными тенденциями ее членов к групповой идентификации.

3. Условия, обеспечивающие совместимость людей как членов такой группы. Их можно представить с помощью следующего набора факторов:

— взаимность в возможностях и желаниях удовлетворить запросы друг друга;

— комплементарность (дополнительность) действий в ходе взаимодействия, связанного с таким удовлетворением;

— сходство в оценке интенсивности и результатов обмена действиями, связанными с удовлетворением индивидуальных и групповых нужд.

Все эти условия указывают на возможность функционального синергизма в группе, т. е. интеграции усилий людей в проблемной ситуации и высокую вероятность их стремления к согласованности действий. Они выражаются в соответствующих признаках и показателях.

Признаками взаимности можно считать: желание каждого из участников взаимодействия реализовать не только собственные интересы, но и интересы других, не только использовать других как средство достижения собственных целей, но и предлагать им свои услуги; готовность членов группы помочь друг другу. Эти признаки составляют показатель взаимности, свидетельствующий о готовности людей к объединению усилий.

Признаки комплементарности можно представить следующим образом: навыки и знания одних членов группы отвечают запросам других; действия одних удовлетворяют нужды других; предложения одних соответствуют спросу других — и наоборот. Из этих признаков складывается показатель комплементарности, указывающий на механизмы распределения функций между членами группы, делающие отношения между ними устойчивыми.

Признаки наличия в группе единой модели социального обмена обнаруживаются в таких внешних проявлениях, как частота и повторяемость стереотипных стимулов и реакций; выражение благодарности за оказанную услугу; выражение недовольства при нарушении стереотипных связей между стимулом и реакцией. Показатель формы социального обмена, составленный из этих признаков, характеризует группу с точки зрения структурных особенностей организации в ее рамках отношений взаимности и комплементарности, т. е. синергетических связей.

Однако эти условия сами по себе не достаточны, чтобы парадигма консолидации пришла в действие. Ее «запуск» зависит от решения членов группы объединить усилия для общего дела. Но и простой контакт между ними, вызванный давлением внешних сил и внутренними побуждениями, не достаточен для эффективности совместных действий. Необходим некоторый набор норм и правил, отобранных из общекультурного фонда и сформированных в определенный «моральный код», специфичный для данной группы и регулирующий отношения между ее членами. Соответственно в качестве достаточных условий можно назвать такие личностные выборы членов группы, как присоединение и согласие.

Присоединение можно определить как активное участие человека в делах группы, в поддержании прочности групповых отношений, позитивного ее имиджа во «внешней» среде. Оно обеспечива-

ет результативность функционирования группы. Согласием: здесь называется; такой тип взаимодействия, при котором поведение людей подчиняется или соответствует легитимизированным ожиданиям других, установленной ролевой структуре (вне: зависимости от индивидуальных: различий ее членов). Оно поддерживает устойчивость группы: как таковой. По сути дела, речь идет о формировании специфичной морали как: источника: солидарности ее членов:.

Выше были представлены необходимые и достаточные предпосылки и условия для формирования в проблемной ситуации объединения людей, готовых использовать парадигму консолидации в качестве стратегии социального взаимодействия:.. Эти условия представляются: необходимыми, так, как способствуют формированию:

и. поддержанию социокультурной группы как системы, ограждающей ее членов от стохастических воздействий окружения к обеспечивающей им: безопасность, реализацию: определенных интересов и возможность идентификации. Их можно считать: достаточными, поскольку они обеспечивают соответствующую этому структуру взаимодействия:..

Участники групп солидарности

Группы солидарности многофункциональны и системны, т. е. представляют собой упорядоченную совокупность комплементарных (дополнительных по отношению друг к другу) функций. Им соответствуют идеально-типические роли:, фиксированное выполнение которых обеспечивает поддержание жизнеспособности таких групп.

Два их основных класса обеспечивают, во-первых, решение функциональных задач: и. во-вторых, поддержание: групповых отношений.

Содержание: ролей, связанных с решением функциональных задач, имеет отношение не столько к непосредственной реализации индивидуальных интересов, сколько к выполнению группой ее утилитарных функций в более широком социокультурном контексте. В .пом случае принято выделять следующие наборы ролей:..

Лидерские роли, определяющие организацию взаимодействия. Одна из них — это источник идей, г. е. способность обобщать, групповое определение: ситуации, формировать приемлемые для группы цели взаимодействия:, подбирать соответствующие им способы и средства осуществления взаимодействий, обеспечивать критерии: для внутригрупповой оценки получаемых результатов. Для: этого нужен высокий (относительно среднего: уровня: в группе); интеллектуальный и личностный статус. Другая — организатор реализации идей, способный осуществить расстановку сил в группе, координировать действия ее членов для решения задачи:, распределять ресурсы между ними, получать вовремя готовые результаты.

Роли ответственных исполнителей. Они связаны с осуществлением таких действий, как внесение предложений, обращение за информацией, обеспечение необходимой информации, реализация отдельных процедур, необходимых для получения требуемого результата, промежуточное обобщение результатов. Их действия, контролируются лидерами.

Роли рядовых исполнителей. Они выполняют рутинные действия и не несут ответственности за решение задачи. В дополнение к этому за счет проявлений непонимания, вопросов, ошибок они способствуют уточнению задач, типов и критериев оценки результатов.

Между лидерами и исполнителями обычно существуют медиаторы двух типов. Один из них — это *«инструктор»*, разъясняющий исполнителям их позицию, задачи, способы действия при решении каждой конкретной задачи. Другой — *«эксперт»*, способный точно оценить соответствие результатов работы исполнителей групповым целям и требованиям той социальной единицы, которой подчиняется группа.

Таков необходимый и достаточный набор ролей, который связан в группе солидарности с выполнением институционально предписанных функций. Он может рассматриваться как необходимый, поскольку относится к фундаментальным аспектам функционирования группы: интерпретация внешних требований в соотношении с интересами членов группы; направление действий исполнителей на получение удовлетворительного для группы и ее окружения результата; его оценка и корректировка. Его можно считать достаточным, поскольку здесь представлены все основные элементы системы, от которых зависит ее функционирование: выработка решений; организация исполнения решений; реализация решений; контроль над качеством и результатами деятельности членов группы.

Другой набор связан с поддержанием согласия в группе. В этом случае центр межличностных отношений представлен *экспрессивным лидером*. Он может быть носителем либо *патерналистских*, либо *авторитарных*, либо *партнерских* ориентаций. Однако в любом случае он должен обладать или наделяться харизмой, т. е. привлекательностью для людей, добровольно признающих его первенство. Функции такого лидера заключаются в том, чтобы регулировать межличностные отношения, консолидирующие группу: вознаграждать лояльность и самопожертвование, побуждать к согласию, нейтрализовать конкуренцию, осуждать за отклонение от групповых нравов и обычаев.

Рядом с ним обычно существует набор дополнительных ролей, функции которых связаны с укреплением тенденций к консолидации. Во-первых, это *идеолог*, который находит оправдание «групповому единству», требованиям лидера лояльности по отношению к

группе и к себе как ее символу; облакает в легко воспринимаемую и запоминаемую форму распоряжения лидера, групповые цели, моральные нормы; создает групповые предания и мифы. Во-вторых, это «*проповедник*», человек, занимающийся пропагандой групповых норм, оценкой с их точки зрения поведения членов группы, предупреждением о возможных негативных последствиях и наказаниях в связи с их нарушением. В-третьих, это «*примиритель-интерпретатор*», задача которого заключается в том, чтобы придавать всем вариациям групповых отношений и поведения значение консолидирующих; интерпретировать поступающие извне сведения, противоречащие групповым представлениям, ценностям, нормам, в терминах принятых нравов и обычаев. Все они составляют достаточно закрытое ядро группы солидарности, дистанцированное от приверженцев, роли которых практически не дифференцированы. Их функции — следовать указаниям лидера, проявлять лояльность к групповым нормам, избегать внутренних разногласий и т. п.

Этот набор экспрессивных ролей в группах солидарности можно считать необходимым и достаточным. Его необходимость обусловлена рядом обстоятельств. Во-первых, поддержание солидарности никогда не осуществляется автоматически: этим кто-то должен заниматься специально. Во-вторых, для этого нужны по крайней мере три взаимоподкрепляющих составляющих: действенная, социально-организационная и символическая, — каждой из которых соответствуют свои роли. В-третьих, такая группа разделяет моральные нормы, действие и значимость которых должны периодически демонстрироваться. Его достаточность определяется тем, что он охватывает все основные системообразующие измерения: организацию взаимодействия, специфику групповой культуры, нормативный уровень сотрудничества и согласия в группе.

В группах солидарности роли отражают более широкое институциональное окружение. Обычно в рамках организации официальный руководитель одновременно представляет интересы как ее, так и институциональной системы. В первом случае он становится организатором преимущественно либо межличностных процессов, либо функционально-прагматических, либо сочетает то и другое. В любом случае его действия могут способствовать удовлетворению личностных нужд членов группы и купировать трения между ними. Во втором он несет ответственность за выполнение функций, предписанных вышестоящими организационными структурами. В этом качестве он поддерживает соответствующие стандарты и нормы и отчитывается перед институциональным руководством.

Другие автономные группы солидарности, такие как локальные общины, группы по интересам, неформальные объединения, могут не иметь специального агента, связывающего их с конкретной институциональной системой. Их лидеры, хотя и обладают

меньшими властными полномочиями, чем руководители формальных групп, но консолидируют участников, выполняя функцию проводников групповой идеологии.

Подразумевается, что они обращаются к моральной риторике, мобилизующей «рядовых исполнителей» действовать не во имя личных интересов, но с целью достижения общего блага. Их специфика по сравнению с формальными лидерами заключается в том, что они репрезентируют в группе не конкретную институциональную систему, но общество как таковое. Благодаря этому они могут побуждать своих приверженцев к действию без применения силы или принуждения и без обещания вознаграждения. Следует подчеркнуть, что совокупность лидерских ролей в группах солидарности может выполнять один человек. Так, в формальной организации руководитель может быть одновременно интеллектуальным, административным и экспрессивным лидером. А экспрессивный лидер в неформальном сообществе может совмещать роли идеолога и «проповедника».

Помимо функциональных ролевых действий необходимо также обращать внимание на стиль ролевого поведения. Он задает характер согласия в группе.

Компетентный лидер, высокопрофессиональные ответственные исполнители, равнодушные участники при консолидированном взаимодействии образуют стиль взаимодействия, который можно обозначить как демократический. Лидер здесь не просто выслушивает отчеты подчиненных, но обращается к ним за советом, побуждает к инициативе. Решения, как правило, вырабатываются коллективно, поскольку каждый из ответственных исполнителей рассматривается как уникальный специалист и эксперт, знания и навыки специалистов считаются в этом процессе необходимыми. Медиаторы выполняют более информационные, нежели контрольные функции. Инструктор передает исполнителям общие схемы заданий, предоставляя им самим выбирать средства их выполнения и право обращаться за разъяснениями только в случаях необходимости. «Эксперт» выносит суждения в соответствии с совместно выработанными критериями, не затрагивая личностных характеристик людей. В таких группах согласие удерживается за счет общей заинтересованности в совместной активности.

Когда лидер представляет собой администратора и отбирает ответственных исполнителей, в первую очередь, в соответствии с критериями лояльности, а не компетентности, формируется авторитарный стиль руководства. Его носитель отдает распоряжения и требует их исполнения на основе личной преданности и поддержания дисциплины. Это для него важнее, чем качество результатов взаимодействия и принимаемых решений. Ответственные

исполнители оказываются в позициях, близких к экспрессивным. Они в большей степени выполняют функции идеологов, «проповедников», интерпретаторов, утверждающих групповую мораль, и в меньшей — инициаторов новых идей и технологий. Решения обычно принимаются лидером единолично или с привлечением ближайших доверенных лиц. Основная часть группы отстранена от участия в этих процессах. Медиаторы выполняют преимущественно контрольные функции, «инструктор», подобно педагогу, постоянно поучает исполнителей, как следует «правильно» действовать. «Эксперт» становится надзирателем, следящим за тем, чтобы действия участников не отклонялись от официальных стереотипов, а их поведение — от норм групповой морали. В группах такого рода согласие держится на чувстве страха подчиненных по отношению к лидеру и его ближайшему окружению.

При стиле групповых отношений, называемом «патерналистским», лидер совмещает в себе инструментальные и экспрессивные функции. Помимо объединения членов группы для решения задач он поддерживает между ними добрые отношения. Ответственные исполнители как помощники лидера разделяются при этом на две категории. Одни ориентированы преимущественно на решение функциональных задач; другие — на укрепление групповой морали и консолидации. В таких группах поощрения и одобрение используются лидером и его помощниками чаще, чем наказания, и осуществляются в первую очередь в терминах групповой морали. Медиаторы выполняют здесь функции такие же, как в случае «демократической» группы, но с большей эмоциональной включенностью. Солидарность в группах такого типа держится на взаимной симпатии и сочувствии участников.

Наконец, следует обратить внимание на тип групповых отношений со следующими характеристиками. Харизматический лидер — энтузиаст с ярко выраженными пророческими характеристиками — собирает вокруг себя людей с высокой степенью тяготения к объединению для выполнения какой-либо «миссии». Его ближайшие адепты в этом случае обеспечивают резонанс провозглашаемых ценностей и целей среди потенциальных и реальных участников, обращая их в приверженцев избранного «пути». Идеолог придает целям, ценностям группы, призывам и распоряжениям лидера видимость предельных значений вплоть до наделения их скаральным смыслом. «Проповедник» поддерживает следование групповым паттернам как единственно возможным, а отклонения от них объявляет строго наказуемым актом, «грехом» и даже преступлением. Примиритель-интерпретатор трактует любые расхождения между ними и внешними явлениями в пользу групповых норм, а сообщества с иными ориентациями представляет либо как достойные сожаления, «необращенные» в «истинную» веру, либо как врагов.

Остальные члены группы рассматриваются ее лидерами в качестве «материала», «инструмента» для реализации избранной «миссии». По отношению к ним используются специальные технологии, побуждающие их к консолидации: мистицизм, торжественные церемониалы, направленная агрессивность, устрашение, создание и поддержание «образа врага» и т. п. Медиаторы в этом случае, так же как и в авторитарных группах солидарности, выполняют функции надзора и наказания, но в более жестких формах. Солидарность в группах этого типа достигается за счет фанатизма, т. е. подавления тревоги и беспокойства ее членов путем целенаправленного использования механизмов рационализации и замещения.

Сказанное выше позволяет сделать вывод, что взаимодействие в проблемной ситуации, основанное на парадигме консолидации, предполагает набор специфических необходимых и достаточных условий, различные композиции которых во многом определяют стиль консолидации. Она целенаправленно осуществляется ядром группы. Представления о самоорганизации и консолидации разрозненных индивидов только на функциональных основаниях без его участия не соответствуют реальности.

Динамический потенциал консолидации: признаки и показатели

К динамическому потенциалу консолидации можно отнести все те факторы, которые влияют на воспроизведение групповой структуры, ее функций, на поддержание групповых стереотипов взаимодействия.

Согласованность позиций участников. Формирование группы консолидации в проблемной ситуации можно распознать по общему показателю: тяготение части людей к объединению вокруг функционального или экспрессивного ядра. Они начинают пользоваться стилевыми приемами поведения, подчеркивающими их сходство; демонстрировать общие, разделяемые ими предпочтения, ценностные ориентации, моральные принципы. Участники стремятся свести к минимуму — хотя бы на уровне проявляемого, в том числе вербального поведения, — существующие между ними расхождения; избегать любых споров и конфронтаций, угрожающих нарушить согласие. В этих условиях выявляется основная ориентация — функциональная или экспрессивная, — к которой, если необходимо, другую можно присоединить по принципу дополнительности (комплементарности).

Как уже говорилось выше, согласие и согласованность действий обосновываются специальными идеологиями. Они формируются на пересечении традиционных этических принципов и специфических для группы нравов и обычаев.

Итак, демонстративное акцентирование участниками группы всех этих признаков является показателем консолидированности в проблемной ситуации. Он помогает определить границы группы; прогнозировать тяготеющие к ней внешние силы, а также потенциальные последствия реализации групповых намерений.

Силовое обеспечение консолидации. Как известно, стабильность взаимодействия внутри группы базируется на непрекращающихся волнах обменов действиями, их продуктами, информацией. Силовое обеспечение группы, т. е. ее потенциал в отношении погашения внутренних напряжений и дезорганизующих импульсов извне, зависит от баланса вкладов членов группы в ее поддержание и отдач, которые каждый из них получает от других в ответ. Обычно воздействия институционального окружения стимулируют повышение продуктивности или внешней эффективности группы и снижение степени удовлетворения групповых запросов. Оба направления встречают сопротивление со стороны членов группы, стремящихся повысить уровень собственных благополучия и удовлетворенности и сохранить приемлемую для себя степень результативности в отношениях с окружением. Эти отношения не меняются, если силы сбалансированы. Но когда извне возрастают требования к группе или же она перестает отвечать ожиданиям окружения, в ней актуализируются консолидационные силы, поддерживающие ее жизнеспособность. В обоих случаях проявляются либо экспрессивные, либо инструментальные консолидирующие реакции. При активизации первых увеличивается непосредственное и прямое вознаграждение членами группы друг друга за счет проявлений взаимных сочувствий, симпатий, моральной поддержки, помощи и т. п. Повышение частоты и степени интенсивности таких проявлений может служить показателем усиления групповой сплоченности. Вторые активизируют производительный потенциал группы. Начинаются поиск и применение новых технологий, выработка неординарных решений, выявление и реализация возможностей силами группы ответить на наиболее выраженные запросы окружения или сформировать новые. Показателями такой реакции можно считать интенсификацию функционально значимой коммуникации внутри группы; освоение новых технологий, изменение организации взаимодействия, имеющего утилитарные результаты; возрастание внешней активности, направленной на поиск информации, спроса, ресурсов.

Силовая обеспеченность группы зависит также от прочности границ, отделяющих ее от многообразных неупорядоченных воздействий окружения и служащих для отбора информации, ресурсов, запросов извне. Они необходимы для сохранения структуры группы, поскольку одни типы ее внешних связей безотносительны к ее устойчивости, а другие — угрожают ей. Границы группы обес-

печивают: уровень культурной (в том числе профессиональной) компетентности ее членов; защитные механизмы, используемые для предотвращения и нейтрализации разногласий и неопределенности; групповую идентификацию. Их наличие способствует отбору информации, связанной с решением функциональных задач, с личностным самоопределением, с поддержанием согласия, координацией действий. Иная информация по большей части отвергается. Показатель прочности групповых границ складывается из таких признаков, как согласованность представлений участников о целях, способах, эффективности взаимодействия; нормальный уровень тревожности в связи с решением групповых задач; стандартизованные критерии отбора и методы интерпретации поступающей извне информации; общая удовлетворенность групповой принадлежностью.

Наконец, силовая обеспеченность группы обусловлена формой ее организации. Известно, что единицы с четкой структурой более устойчивы по отношению к действию внутренних и внешних возмущающих стимулов, чем слабо организованные. Вместе с тем иерархическая форма связей, выраженная схемой «управление — подчинение», повышают их чувствительность к внешним изменениям и затраты усилий лидерства на поддержание консолидации участников. Эффективность таких объединений в проблемной ситуации имеет тенденцию к резкому снижению. Чем более отношения обмена между участниками взаимодействия остаются открытыми по горизонтали и по вертикали, тем устойчивее группа к внешним изменениям, поскольку способы поддержания согласия между ее членами в этом случае отличаются подвижностью. Ее эффективность в проблемной ситуации снижается по сравнению с обычными условиями не сильно и ненадолго. Признаками этого аспекта силовой обеспеченности могут служить: степень групповой идентификации членов группы; определенность функциональных и межличностных прав и обязанностей; согласие относительно их распределения; степень предпочтения собственной групповой принадлежности другим альтернативам.

Силовые показатели позволяют оценить потенциальную устойчивость группы солидарности в проблемной ситуации.

Ресурсное обеспечение консолидационно-взаимодействия.

Динамика консолидации определяется ее технологическими, социально-организационными, интеллектуальными возможностями, шириной и прочностью социальных Связей, востребованностью ее продукции на рынке спроса — предложения. Все это определяет ресурсы группы, которые используются, во-первых, для поддержания консолидации внутри нее и, во-вторых, для осуществления той деятельности, результаты которой пользуются спросом в более широком социокультурном контексте.

Устойчивое состояние группы солидарности обусловлено ответственностью ее функциональных задач удовлетворению определенных запросов как внешних потребителей, так и членов группы. В этом случае внутренние ресурсы распределяются так, чтобы отвечать предъявляемым требованиям. Но речь идет об удовлетворении лишь ограниченных совокупностей нужд ее членов: у каждого есть другие, распространяющиеся за пределы наличных возможностей. Из этого следует, что при распределении групповых ресурсов необходимо часть из них резервировать и направлять на поддержание лояльности членов группы, особенно наиболее эффективных, чтобы они не ушли в другие образования, которые могут предложить большее вознаграждение. Обеспеченность ресурсами является одной из важных детерминант консолидированности группы. Их распределение между функциональными единицами, степень открытости границ к поступлениям разного рода извне, их объем обуславливают адаптацию группы к внешним условиям существования, т. е. нейтрализацию внутренних возмущений и вредных внешних воздействий.

При оценке ресурсного обеспечения группы солидарности целесообразно обращать внимание на следующие совокупности показателей.

Технологические ресурсы. Они определяются такими признаками, как необходимые для решения предписанных задач: степень обеспеченности материально-техническими средствами; уровень общекультурной и специальной компетентности, достаточный для решения функциональных задач и поддержания консолидации группы; приверженность участников принятому здесь моральному коду; эффективность механизмов нейтрализации внутрigrупповых конфликтов.

Социально-организационные ресурсы. К ним относятся: форма организации группы; необходимая достаточность ее функционально-ролевой дифференциации; соотношение функциональных и межличностных форм групповой активности; эффективность механизмов, поддерживающих групповую солидарность.

Ресурсы, зависящие от положения группы во внешней социокультурной среде. Их можно определить по таким признакам, как широта и интенсивность внешних связей группы; уровень спроса на ее продукцию; возможности варьировать характер продукции в ответ на изменение внешних запросов без изменения парадигмы солидарности внутри нее.

Личностные ресурсы. Они определяются качественными личностными характеристиками исполнителей ключевых для взаимодействия ролей: лидеры, идеологи, медиаторы, исполнители. Эти характеристики следует оценивать по таким параметрам, как соответствие личностных черт и уровня подготовки функциональной специфике выполняемых ролей; эмоциональная реактивность и навыки самоконтроля; устойчивость к стрессу.

Как уже отмечалось, эти совокупности ресурсов одновременно используются как для решения функциональных задач, так и для поддержания групповой солидарности. Поэтому их необходимо оценить с точки зрения соотношения затрат на каждое из направлений групповой активности. Выделяются признаки, указывающие, на что расходуется количественно наибольшая и качественно наилучшая их часть — на обеспечение внешнего спроса или на поддержание согласия между членами группы.

Показатели ресурсного обеспечения группы позволяют судить о том, в каком направлении, сколь долго и с какими последствиями она будет осуществлять взаимодействие в соответствии с парадигмой консолидации.

Коммуникативные возможности группы. От структуры коммуникации в группе солидарности во многом зависит степень ее внутренней и внешней устойчивости. Она определяется тем, насколько участникам удастся отыскивать и передавать друг другу информацию, поддерживающую групповое согласие, а также интерпретировать в свою пользу все, что расходится с групповыми представлениями; какими каналами информационного обмена сообщениями они располагают и насколько эффективно ими пользуются; в каких символических формах и насколько успешно поддерживается согласие. В этом ключе следует оценить коммуникативный потенциал группы. Соответственно можно выделить несколько групп ключевых показателей.

— Позиция группы в более широком коммуникативном контексте определяется набором таких признаков, как качество и количество доступных ей источников информации; реальное использование этих источников; способы ограждения от неблагоприятной информации или ее интерпретации в приемлемом для членов группы ключе. На этой базе можно построить показатель контроля группы над своим информационным окружением.

— Коммуникативная компетентность членов группы определяется набором следующих признаков: хорошее владение «культурными кодами», применяемыми в проблемной ситуации (средняя нормативная лексика, специализированный профессиональный язык, жаргон, невербальные выразительные средства); способность выразить приязнь, симпатию, согласие; умение в нужные моменты выражаться либо четко и определенно, либо туманно и двусмысленно, либо утаить какие-то сведения; умение интерпретировать любую информацию в пользу поддержания групповой солидарности. Показатель коммуникативной компетенции позволяет судить об эффективности переработки информации в группе.

— Структура участия членов группы в коммуникативных процессах определяется по ряду ключевых признаков, таких как характер движения информации в группе (например, горизонталь-

ный или вертикальный), соотношение инициатив в обмене информацией между лидером и участниками; частота использования доступных коммуникативных каналов; соотношение пропускаемых и отвергаемых типов информации; степень понимания членами группы друг друга и информации, получаемой извне. Показатель структуры коммуникативного обмена в группе позволяет оценить эффективность обмена информацией между членами группы с точки зрения поддержания взаимного согласия.

Показатели коммуникативных возможностей группы в проблемной ситуации позволяют оценить, благодаря каким каналам, с помощью каких выразительных средств, с какой эффективностью они контролируют поддержание групповой консолидации и стабильности.

Из сказанного следует, что поддержание группы солидарности в проблемной ситуации зависит от потенциала ее возможностей придерживается парадигмы консолидации. Демонстрируемое согласие и согласованность позиций участников указывают на границы и структуру группы. Величина силового потенциала определяет степень ее устойчивости. Выявление ресурсного обеспечения дает основания прогнозировать интенсивность и длительность групповой сплоченности. Представление о коммуникативных возможностях группы позволяет наблюдать структуру информационного обмена и контроля над сохранением согласия в ходе взаимодействия. Такой набор показателей можно считать необходимым и достаточным для оценки динамического потенциала группы солидарности. Его необходимость обусловлена тем, что он указывает на фундаментальные ресурсы и возможности группы, без которых поддержание согласия недостижимо. Его достаточность определяется тем, что он фиксирует все ключевые факторы, которые детерминируют динамику консолидированного социального взаимодействия в проблемной ситуации: участников и границы взаимодействия, его структуру, содержание, эффективность.

Динамика консолидации: фазы взаимодействия при парадигме консолидации

Решение людей объединиться на основе парадигмы консолидации или усилить солидарность в проблемной ситуации, либо попытка внешнего агента создать такую группу предопределяют динамику взаимодействия, представленную в общей теории систем моделью гомеостатического состояния: согласованность действий функциональных ролей; баланс функционального и межличностного взаимодействия; адаптация к изменениям внешних запросов. В проблемной ситуации можно выделить ряд состояний или фаз, последовательность которых предполагает закономерные измене-

ния формы взаимодействий под влиянием внутригрупповых и внешних факторов.

Определение ситуации как требующей солидарности. Эта фаза может быть названа предварительной, поскольку речь идет об обсуждении необходимости и возможности сформировать группу, основанную на принципах солидарности, либо о тенденциях к усилению таких начал в существующем сообществе, обусловленных неосознаваемым стремлением к безопасности. Решение об избрании парадигмы консолидации (стадия консолидации) в проблемной ситуации обуславливается определенным набором соображений или представлений:

— есть люди, склонные к объединению;

— каждый участник готов вносить определенные вклады в поддержание групповой солидарности (время, усилия, знания, навыки) в обмен на отдачу со стороны других и продолжать сохранять конформность в отношениях с ними до тех пор, пока это будет удовлетворять его стремление к безопасности или к социальному признанию;

— имеются источники ресурсов для поддержания согласия.

На этих условиях начинает формироваться определенный социокультурный порядок, обусловленный необходимостью адаптироваться в проблемной ситуации. Его социальный аспект связан с выбором определенной формы групповых отношений — демократической, авторитарной, патерналистской, сектантской. Соответственно возрастает предсказуемость поведения членов группы друг для друга и для окружения; актуализируются механизмы, сокращающие вероятность структурных изменений отношений между ними. Это обуславливает организацию интеракции и границ, обеспечивающих только информацию, отвечающую требованиям консолидации.

На этой основе складывается такая значимая культурная компонента взаимодействия, как групповая мораль. Она необходима в проблемной ситуации, т. е. при условии, что благополучие или вознаграждение, которого хотят люди, не могут быть обеспечены им «здесь-и-сейчас» или в полном объеме, но выполнение ими своих функций необходимо, чтобы изменить обстоятельства в благоприятном для них направлении. Схема ее формирования примерно такова. Каждый из членов группы в проблемной ситуации хочет сохранить свою социальную позицию и безопасность. Но это можно получить только в зависимости от того, что делают остальные, чтобы помочь либо воспрепятствовать ему получить желаемое. Несмотря на то, что ни у него, ни у других нет особого желания оказывать взаимные услуги, давление внешних обстоятельств вынуждает их так строить отношения, чтобы относительно надежно получать друг от друга хоть какую-то поддержку. Они оформляются в

моральные нормы, которые способствуют укреплению групповой сплоченности.

Тенденции к формированию таких норм в группе еще не определяют полностью, какой будет ориентация взаимодействия: на функциональные достижения или на интенсификацию межличностных связей. Но предварительное сравнение и оценка наиболее вероятного вознаграждения от предпочтения каждого из направлений становится основанием для выбора одного из них. Это позволяет членам группы перейти к следующей стадии процесса.

Выбор стратегии согласованных действий. В этой фазе взаимодействия группа окончательно принимает одно из возможных направлений взаимодействия в проблемной ситуации, и начинает формироваться его стратегия. Она включает в себя две компоненты: отношение группы с окружением, с одной стороны, и поддержание консолидации в группе — с другой. Это две стороны адаптации, являющейся генеральной ориентацией в проблемной ситуации. Внешний ее аспект строится на тех механизмах приспособления и воздействия, которые в зависимости от способа организации взаимодействия включаются в ответ на меняющиеся запросы, деструктивные импульсы и другие давления, исходящие из окружения. В этом случае от «демократической» группы следует ожидать в первую очередь изменения в продуктивной сфере; от «авторитарной» — либо в продуктивной, либо в межличностной сфере, в зависимости от намерений лидера; при «патерналистской» и «сектантской» формах можно ожидать прежде всего изменений в межличностных отношениях.

Рассматривая тенденции динамики взаимодействия в этой его фазе, следует снова обратиться к теории социального обмена. Считается, что желание людей поддерживать отношения находится в прямой зависимости от степени взаимной поддержки и подтверждения оценок и представлений друг друга. Так сохраняется установившееся между ними согласие. На этих же основах базируется стабильность отношений группы с окружением. Именно в этом направлении формируется стратегия консолидированного взаимодействия в проблемной ситуации.

В группах с ярко выраженной централизацией управления необходимая информация, контроль, поощрения исходят в первую очередь от их лидеров. В то же время остальные члены группы требуют для себя вознаграждения в обмен на их участие и лояльность. Если лидерам не удастся ответить этим требованиям и они предлагают участникам неадекватную основу для консолидации, акцентируя одни требования (например, функциональные) за счет других (например, межличностных), то члены группы могут в ответ на это увеличить степень личностной автономности. Соответственно лидеры группы отыскивают такие меры, которые позволили бы сохранять ее солидарность.

В группах с более выраженными горизонтальными связями особую важность для продолжения взаимодействия имеет так называемая реципрокность, или взаимность вознаграждений, степень которой располагается между двумя полюсами. На одном — взаимные вознаграждения идентичны оказываемым услугам. На противоположном — одна из сторон не дает другой ничего в обмен на то, что получает от нее. Обычно групповые отношения соответствуют не крайним, а промежуточным значениям этой шкалы. Для выработки стратегии консолидации важно, чтобы они были построены на принципе достаточно высокой степени взаимности. Известно, что чем более односторонним становится обмен, тем большую степень напряженности приобретает взаимодействие. Она максимальна при отношениях эксплуатации. В этом случае, т. е. когда лидеры получают от членов группы значительно больше, чем дают взамен, достичь групповой солидарности не удастся.

В группах со слабо выраженной иерархической структурой отношения имеют тенденцию строиться в соответствии с моделью комплементарное™ (дополнительности). В идеально-типическом смысле ее суть заключается в том, что каждая из сторон взаимодействия определяет любое свое право как обязанность. Обычно каждая из сторон склонна трактовать отношения в терминах взаимных прав и обязанностей и не уточнять их с точки зрения комплементарности. Соответственно такого рода схема отношений оказывается уязвимой с двух сторон. Во-первых, каждый может отказаться признать права другого, либо, во-вторых, не рассматривать в качестве своих обязанностей то, что другой считает его долгом.

В реальной ситуации дополнительность обычно имеет определенные черты реципрокности, т. е. предполагается, что обе стороны получают друг от друга какое-то вознаграждение в каждом акте обмена, т. е. соблюдают взаимные права и обязанности. Таким образом, вероятность поддержания согласия как среды консолидации по сравнению с идеальной моделью возрастает.

Наконец, еще одна сторона взаимодействия, на которую в этой фазе следует обратить внимание, — это установление взаимного доверия. В проблемной ситуации от этого зависят затраты времени и усилий как на удовлетворение внешних требований к ней, так и на поддержание внутригрупповых отношений. Следовательно, при формировании стратегии консолидации участники взаимодействия проверяют обоснованность сомнений друг в друге и уточняют состав группы на базе взаимного доверия, которое, как известно, не может быть полным в проблемной ситуации даже в сплоченных группах. Таким образом, на уровне формирования стратегии взаимодействия вырабатываются определенные способы нейтрализации фактора ненадежности. Во-первых, это готовность к ней, например, толерантность к расхождению между тем, что люди го-

ворят и что они делают. Во-вторых, это средства, ограждения от нее — дипломатичность, дистанция в отношениях, выжидание, подстраховка и т. п. При стремлении сохранять групповое согласие все это делается, чтобы не наносить взаимных обид.

О том, что стратегия кооперации принимается, свидетельствует ряд признаков:

— взаимодействие принимает одну из канонических форм со свойственными ей стилями отношений: партнерским, авторитарным, патерналистским, сектантским;

— становится явной преимущественная ориентация группы либо на функциональные достижения, либо на поддержание межличностных отношений;

— обозначаются границы группы по отношению к окружению и ее позиция — более активная или пассивная — при решении проблемы.

С этого момента взаимодействие переходит в установившуюся, гомеостатическую фазу.

Установившееся состояние солидарности. Это состояние характеризуется определенностью структуры группы, распределения ролей, сложившимся стилем согласия. О его наличии можно судить по совокупности следующих признаков:

— баланс между функциональным и межличностным аспектами групповой активности; удовлетворительный спрос на ее продукцию со стороны окружения;

— согласованность действий, суждений, оценок членов группы; общность позиции в отношениях с окружением;

— проявления взаимной симпатии, уважения, поддержание членами группы репутации друг друга; понимание затруднений друг друга, выражение сочувствия, взаимопомощи;

— исключение дискриминации, т. е. избежание трактовки различий между членами группы как источника разногласий, акцентирования превосходства одних над другими и т. п.;

— установление комплементарных, взаимодополнительных или реципрокных (обменных) отношений, т. е. определение взаимных прав, обязанностей, форм обмена вознаграждениями и информацией;

— разделение заслуг, т. е. одинаковое моральное вознаграждение всех членов группы за выполнение функционально необходимой деятельности, независимо от значимости роли для решения задачи, с одной стороны, и поддержание положительного эмоционального фона в групповом настроении вне зависимости от обстоятельств — с другой.

В этом случае можно считать, что группа адаптировалась в проблемной ситуации. Адаптация в окружении относится к ограждению от внешних давлений или потенциально деструктивных по-

следствий проблемной ситуации. Внутренняя адаптация предполагает постоянное действие в группе механизмов поддержания отношений сплоченности.

Достижение этого состояния не означает, что его поддержание осуществляется автоматически. Для сохранения групповой солидарности необходимы постоянные усилия, направленные на нейтрализацию негативных факторов, проявляющихся внутри нее и в отношениях с окружением. Если ее функциональные достижения и удовлетворенность членов группы межличностными отношениями находятся на высоком уровне, то она успешна на рынке спроса и отношения в ней ненапряженные. В этом случае при внешних негативных (не катастрофических) воздействиях структура группы и отношения в ее рамках будут оставаться неизменными. При средних и особенно низких уровнях функциональных достижений и межличностной удовлетворенности внешние негативные стимулы меняют то и другое в худшую сторону, и приверженность групповым нормам снижается. Но согласие в группе может быть только внешним и обусловленным более принуждением со стороны лидеров, чем реальным совпадением представлений и интересов. В этом случае появляются предпосылки для возникновения внутрigrупповых конфликтов и отказа членов группы от участия в ней. Например, при необходимости совместной выработки решений в явном виде начинают проступать ранее подавляемые различия в восприятии ситуации, в интересах, целях и т. п.

Пространство регулирования такого рода соотношений в адаптированной системе достаточно велико. Норма высшего уровня межличностной удовлетворенности и низшего уровня функциональных достижений контролируется извне. Нормы низшего уровня межличностной удовлетворенности и высшего уровня функциональных достижений контролируются изнутри группы. Совершенно очевидно, что у участников в этом случае существует выбор средств для сохранения стабильности.

Известно, например, что структурные изменения группы менее вероятны, когда ее ресурсы велики, а сама она сильна. В этом случае есть возможность «спрятать» часть продукции с тем, чтобы в периоды повышенного спроса или нарушения ритмичности функционального взаимодействия отношения между группой и ее окружением не нарушались.

Другим способом сохранения стабильности группы может стать укрепление связи групповых лидеров с руководством вышестоящих институциональных организаций. В этом случае происходит усиление социальной позиции группы. Наконец, у руководства группы есть возможность повысить степень функциональной автономии ее членов. Таким образом возрастает вероятность выхода на дополнительные источники ресурсов.

Действие всех перечисленных факторов определяет внутреннюю динамику группы солидарности в установившемся, адаптированном состоянии в рамках проблемной ситуации. Однако в этот период в группе происходят латентные процессы, угрожающие ее внутренней сплоченности. Во-первых, в ходе взаимодействия у людей обнаруживаются различия, которые затрудняют согласованность действий. Но поскольку их принято скрывать или подчинять нормам консолидации, вызываемые ими затруднения во взаимодействии и напряжения в отношениях не преодолеваются, а накапливаются. Во-вторых, со временем ослабевают отношения реципрокности, поскольку те взаимные «отдачи», которые члены группы первоначально рассматривали как «вознаграждения» за лояльность к групповым нормам, становятся привычными и обесцениваются. Соответственно снижается уровень удовлетворенности членов группы межличностными отношениями. В-третьих, постепенно ослабляется действенность групповых норм, поскольку четкость запретов и предписаний размывается за счет вариаций и введений поправок в различных контекстах применения.

При этих условиях консолидационная парадигма приобретает парадоксальный характер: она, во-первых, переориентируется с решения проблемы на поддержание отношений и, во-вторых, становится источником внутренних напряжений, чреватых конфликтом. Никакие попытки подавлять или рационализировать их, истолковать как временные и на этой почве мобилизовать угасающую солидарность не приведут группу назад, в установившееся состояние. Напротив, они будут делать все более очевидными несоответствие совместной активности меняющемуся контексту проблемной ситуации и необходимость либо существенных структурных изменений в группе, либо ее упразднения. Фаза ослабления консолидации, или стагнация, группы может длиться достаточно долго. Ее продолжительность определяется как внешними, так и внутренними факторами. В первом случае группа существует до тех пор, пока окружение обеспечивает ее ресурсами независимо от ее функциональных достижений. Во втором — она будет поддерживаться, пока люди будут довольствоваться теми минимальными благами, которые она может обеспечить, и пока не найдут лучшего места приложения усилий.

Фаза угасания сотрудничества. Со временем те личностные связи, которые вначале привлекали и объединяли людей, становятся привычными и теряют свой побудительный потенциал. Отношения в группе постепенно ритуализируются, т. е. внешние проявления приязни и доброжелательности не сопровождаются эмоциональным подкреплением, а форма контроля над взаимодействием «бюрократизируется», т. е. личностные суждения и совместные решения сменяются рутинными правилами и операци-

ями. Пока парадигма консолидации складывается и устанавливается, люди ощущают непосредственные результаты своих усилий в укреплении межличностных отношений, формировании ролевых норм, правил, ожиданий, в улучшении функциональных достижений. Они воочию видят, как повышается эффективность регуляции внутренних и внешних отношений, характерных для группы. Вопросы и задачи решаются на межличностном, эмоционально окрашенном уровне. Но в ходе структурирования группы и формирования ее морального кода достигается предел в соотношении ее устойчивых и подвижных характеристик. В этом случае индивидуальные проявления членов группы (которые меняются за счет участия в других группах принадлежности и личностной динамики) становятся избыточными по отношению к сложившимся нормативам.

Далее, хорошо известно, что каждый член группы солидарности будет продолжать свое участие в ней до тех пор, пока здесь ему обеспечиваются возможности получить с помощью других то, что в одиночку ему было бы недоступно. Иными словами, отдача будет соответствовать или превышать вклад, который он вносит согласно групповым нормам. Исходя из этого можно предположить, что консолидация сохранится до тех пор, пока это соотношение будет приемлемым. Однако, как было отмечено ранее, оно не является постоянным. Это обусловлено привыканием членов группы к любой величине вознаграждения. Следовательно, поддержание взаимодействия предполагает рост требований со стороны его участников. По законам обратной связи возникает необходимость роста ресурсного обеспечения группы за счет увеличения либо вкладов ее членов, либо поступлений извне. В то же время известно, что требования возрастают быстрее и интенсивнее, чем возможности пополнения ресурсов. Соответственно, когда расхождения превышают порог терпимости членов группы, консолидация ослабевает.

Наконец, при рассмотрении факторов, влияющих на разрушение солидарности, особое внимание следует уделить динамике функционирования норм групповой морали¹. Принято считать, что разделяемые моральные нормы автоматически поддерживают групповую солидарность. Однако это далеко не так, и можно указать ряд случаев, когда они становятся источником внутригрупповых напряжений.

Во-первых, как уже отмечалось, отношения, которые на первый взгляд кажутся комплементарными (взаимность прав и обязанностей участников взаимодействия), при ближайшем рассмотрении оказываются реципрокными (каждый имеет свои права и обязанности, регулирующие взаимодействие). Таким образом, наряду

¹ См.: Gouldner A. The Coming Crisis of Western Sociology. N. Y.: Basic books, 1970. P. 266-282.

с включенностью в отношения солидарности каждый из членов группы имеет определенную степень функциональной автономности, которую он стремится сохранить или расширить в порядке защиты против полной зависимости от группы, проблемной ситуации, организации. В этих условиях члены группы так интерпретируют принятую в ней мораль, чтобы она одновременно допускала и комплементарность, и функциональную автономию. Благодаря этому нормы приобретают внутреннюю противоречивость и начинают стимулировать скрытые расхождения в интересах и затруднения в межличностных отношениях. Следовательно, разделяемые моральные нормы не элиминируют напряжения в группе солидарности. В лучшем случае они становятся источником ограничений или обеспечивают терминологию для обсуждения соответствующих проявлений. В худшем — их противоположная интерпретация обуславливает разрушение согласия. Со временем такие ситуации в группе становятся все более частыми из-за многократного пертолкования норм в различных обстоятельствах. Постепенно они все более теряют интергративную функцию, и это способствует ослаблению консолидации.

Во-вторых, это только кажется, что разделяемые моральные нормы обеспечивают «равные возможности» всем членам группы. На самом деле они всегда содержат внутренние напряжения между предписанием либо запретом и вознаграждением и создают известную неопределенность в отношении выгод, извлекаемых разными членами группы из следования им. Так, одни могут получать от этого большие преимущества, чем другие; для одних следование им требует больших затрат, чем для других; в результате одни готовы поддерживать такие нормы больше, чем другие, и т. п. В рамках каждой моральной системы всегда есть обязанности, которые люди не хотели бы выполнять, но вынуждены, чтобы получить поддержку от других либо в настоящем, либо в будущем. Она обычно допускает искажение или сокрытие нежелательных фактов. В конце концов люди всегда стараются делать меньше, чем предписывается моралью, которую они разделяют. Таким образом, само содержание соответствующих норм в группе консолидации несет в себе потенциал их проблематизации.

В-третьих, в группе консолидации они могут порождать проблему в связи со спецификой их природы. Дело в том, что некоторые из них подразумевают выполнение определенных обязанностей «во имя них самих». То есть человек должен поступать «правильно», невзирая на последствия. Это приводит к тому, что, руководствуясь моральными соображениями, человек может лишиться помощи тех, кто в ней нуждается, и делать вещи, выгодные для тех, у кого уже есть преимущества; пренебречь прежними обязательствами перед теми, кто ранее оказывал ему помощь, и т. п. Стремление «быть

правым» может быть разрушительным для групповой консолидации. Те, кто настаивает на жестком и однозначном следовании моральным нормам, более склонны к наказаниям за отступление от них, и для группы согласия нет ничего губительнее борцов за правду и одержимых моральным негодованием. Следовательно, этот аспект групповой морали может стать фактором, разрушающим согласованное взаимодействие.

Обобщая все сказанное выше, можно сделать вывод о том, что взаимодействие, основанное на парадигме сотрудничества, отнюдь не приводит обязательно к решению проблемной ситуации. Более того, оно даже не обеспечивает гарантий адаптации его участников в такой ситуации. Во-первых, парадокс консолидации заключается в том, что следование ей постепенно переводит фокус взаимодействия с решения проблемы на поддержание межличностных отношений. Во-вторых, в результате этого складывается система отношений, закономерная смена состояний которой (имеется в виду идеально-типическая схема) приводит к разрушению согласия. С этого момента группа либо достигает своей финальной стадии существования и постепенно распадается, либо переходит в состояние стагнации.

Границы применимости парадигмы консолидации

В проблемной ситуации в рамках социальной системы всегда можно обнаружить предпосылки для консолидации: необходимость адаптации; желание объединиться; стремление к безопасности и т. п. На уровне обыденных представлений, в политических кругах, в средствах массовой информации принято считать, что консолидация, солидарность — это лучшая модель взаимодействия в проблемной ситуации, следование которой автоматически обеспечивает решение проблемы. Разумеется, без объединения людей проблему решить невозможно. Всегда нужна определенная доля согласия, чтобы договориться о направлении действий, координировать усилия, объединить ресурсы и сфокусировать все это на решении проблемы. Однако всех адептов идей консолидации и солидарности в проблемной ситуации должны насторожить следующие очевидные факты.

Во-первых, в проблемной ситуации всегда обнаруживаются группы с высокой степенью консолидации, солидарности. Таковы профсоюзные объединения, социальные движения, партии, секты и т. п. Их можно в общем виде разделить на несколько типов в соответствии с основаниями кооперации:

— личные симпатия и ориентированность на взаимную моральную поддержку;

— необходимость объединения ресурсов, без чего по отдельности для каждого ситуация становится непереносимой;

— стремление навязать окружению свои нормы и правила социокультурной жизни;

— желание противостоять давлению окружения.

Каждая подобная группа объединяется на базе общих интересов и разделяемых ценностных и нормативных представлений. Но они никогда не совпадают полностью. Поэтому речь идет о консолидации в проблемной ситуации людей с ориентациями, в известной степени не согласующимися друг с Другом. Но такая солидарность, не способствующая решению проблемы, поскольку разнонаправленность интересов остается. Кроме того, в проблемной ситуации с ее высокой степенью напряженности таким группам, как правило, хватает ресурсов лишь на то, чтобы адаптироваться к ней.

Во-вторых, такие группы, начиная с декларации о необходимости решить социально значимую проблему, очень скоро переориентируются на межличностные отношения. Более того, часто оказывается, что им не хватает ресурсов, чтобы сохранить консолидацию, и они начинают раскалываться и дробиться на более мелкие, со все более частными намерениями. И чем сильнее в этих условиях проявляются попытки сохранить солидарность, тем дальше оказывается группа от решения проблемы как таковой.

В-третьих, нередко различные группы солидарности оказываются в ситуации необходимости взаимодействия друг с другом: профессиональные единицы, профсоюзы, администрация в организациях; фракции в парламенте; предвыборные, мобилизационные и подобные кампании и т. п. В проблемной ситуации усиливается тенденция членов каждой группы солидарности настаивать на безоговорочной значимости именно собственных интересов. Часто они демагогически отождествляют себя с интересами организации, социального слоя, общества в целом. Совершенно очевидно, что со временем такое столкновение разнонаправленных ориентаций обуславливает накопление предпосылок для возникновения межгрупповых напряжений. Причем чем выше степень групповой солидарности, тем более конфликтогенным фактором она является при необходимости взаимодействия с другими, имеющими иные представления и направленность активности.

Таким образом, призывы или попытки, направленные на усиление консолидации, солидарности на внутригрупповом или межгрупповом уровне в проблемной ситуации, являются дополнительным фактором роста ее неопределенности и напряженности. Обычно они используются — сознательно или неосознанно — в качестве демагогического прикрытия инициирования или эскалации конфликта. Попытки использовать парадигму консолидации в проблемной ситуации, как было продемонстрировано ранее, переори-

ентируют людей с решения социально значимой проблемы на локальную адаптацию.

Из сказанного следует, что целенаправленное и эффективное использование парадигмы консолидации в проблемной ситуации предполагает определение ограничения.

Институциональные ограничения. Институциональные рамки ограничивают формы и содержание отношений солидарности. Правовые нормы, договорные обязательства, этические кодексы и т. п., во-первых, предопределяют выбор структуры отношений. Так, решение более сложных и поисковых задач институционализируется на базе допущения значительно более высокой степени функциональной автономии членов группы, чем рутинная производительная деятельность. Во-вторых, они устанавливают пределы соотношения ориентаций группы на функциональные достижения и межличностные отношения. Как уже отмечалось, они фиксируют нижние пределы первых и верхние — вторых.

Пространственные ограничения. При рациональном использовании парадигмы консолидации имеются пространственные ограничения ее применимости. Во-первых, социокультурное пространство солидарности ограничивается наборами институциональных и межличностных ролей, взаимность которых заложена в соответствующих нормативах и гарантируется ими. В этом отношении оно однолинейно: либо горизонтальные связи по типу конвейера, либо вертикальные отношения по типу «лидер — приверженцы». В зависимости от этого параметра консолидация может быть более осознанной или более аффективной. Во-вторых, территориальное, задаваемое физическим распространением сил консолидации. С этой точки зрения они могут носить более концентрированный (в пределах одного поселения или региона) и более диффузный (межрегиональный) характер. Концентрированность сил солидарности ограничивает распространение, диффузность соответствующих ориентаций, уменьшает силу их действия. В-третьих, «микроролокальное», связанное с конкретными местами взаимодействия (например, официальные рабочие помещения организаций, штаб-квартиры партий и общественных организаций, помещения клубов и встреч членов любительских объединений). Интенсивность посещения таких мест в сочетании с характером выполняемых здесь ролевых и межличностных функций определяют границы их значимости в поддержании групповой солидарности. Знание пространственных пределов парадигмы консолидации позволяет экономить усилия и не пытаться перейти границы возможного.

Временные ограничения. Парадигма консолидации имеет временные границы применимости. Как было показано ранее, соответствующие формы взаимодействия определяются выделением и фиксированием таких ключевых фаз, как формирование, го-

меостазис, деконструкция и окончание. Следует отметить, что этот динамический ряд может быть краткосрочным и среднесрочным. Длительным он быть не может, поскольку, как следует из всего сказанного выше, поддержание консолидации требует постоянных и высоких ресурсных затрат — и внутригрупповых, и внешних. Как правило, неустойчивые группы солидарности складываются быстро, на основании поверхностных сходств и выполняют функцию сиоминутного удовлетворения желания людей почувствовать поддержку. Такие группы обычно обнаруживаются в периоды сильных социальных напряжений как средство периодического и кратковременного снижения уровня тревожности. Они не способствуют решению социально значимой проблемы. Их существование обычно ограничивается первой фазой формирования на волне энтузиазма; но как только он угасает, группа распадается. Соответственно любые попытки продлить их существование, как свидетельствует опыт, не будут иметь успеха, поскольку долго поддерживать энтузиазм невозможно. Более устойчивые группы солидарности складываются постепенно: первоначальный энтузиазм объединения сменяется этапом формирования групповой морали, устанавливающей соотношение институциональных и межличностных функций группового взаимодействия. Как было показано ранее, далее следует переориентация группы солидарности в основном на межличностные отношения, согласование которых со временем становится все более проблематичным. Из этой ситуации возможными оказываются два выхода. Ассоциации более активных людей, обычно распадаются либо на более мелкие автономные образования, либо окончательно, когда их члены находят новые группы принадлежности. Объединения, состоящие из более пассивных участников, имеют тенденцию к длительному периоду стагнации, если их существование не прекращается извне. Их члены не могут или не хотят улучшить свое положение ни за счет поиска более надежных связей, ни путем трансформации парадигмы взаимодействия в более эффективную. Соответственно люди продолжают оставаться вместе в прежнем составе, но, конечно, их солидарность разрушается.

Культурные ограничения. Парадигма консолидации в культурном отношении всегда имеет консервативную подоплеку. Она предполагает наличие четкой структуры, разделяемых моральных норм и правил; следование стереотипам взаимобмена услугами и вознаграждениями; подавление воздействий, нарушающих согласие. Это означает, что основы консолидации считаются (но реально не являются) неизменными. Более того, предопределяемый ею социальный порядок начинает восприниматься как окончательный и — нередко — единственно возможный. Соответственно — об этом свидетельствует опыт — стабильные системы организова-

ны, взаимодействие в их рамках согласовано, моральные нормы установлены и их функционирование эффективно. Правда, в ограниченных пределах стереотипного воспроизведения рутинных действий. В проблемной ситуации именно из-за этого их функциональность быстро ослабевает. Менее стабильные системы в таких условиях оказываются источниками инноваций, изобретений, но в них обнаруживается больше неопределенности.

Границы применимости стратегии консолидации в проблемной ситуации достаточно узки. Они заданы пределами целесообразности индивидуального отказа от автономии в пользу получения групповой помощи, с одной стороны, и ограниченностью ресурсов, требуемых на ее постоянное поддержание, без которого она быстро разрушается, — с другой. Любые попытки расширить эти границы ведут к усугублению социально значимых проблем.

Контрольные вопросы

1. Условия, благоприятные для консолидации, структура и динамика соответствующего взаимодействия.
2. Силовое и ресурсное обеспечение парадигмы консолидации.
3. Фазы консолидационного взаимодействия.
4. Механизмы поддержания парадигмы консолидации.
5. Общая технологическая схема использования парадигмы консолидации.
6. Особенности социокультурного опыта, осваиваемого в группах солидарности.
7. Границы применимости парадигмы консолидации при решении социального значимых проблемных ситуаций.

И Глава 2. Конфликт и конфликтное взаимодействие - - - - -

Многочисленные изыскания так называемых конфликтологов — теоретиков и практиков — обнаруживают нечеткость представлений о содержании понятия «конфликт». Применение его одновременно к условиям, структуре и процессу взаимодействия — обычный источник неопределенности в отношении того, о каком типе социального взаимодействия идет речь. В целях уточнения понятия предлагается выделить две его существенные составляющие: конфликтная ситуация и конфликтное взаимодействие.

Понятие «конфликтная ситуация» относится к такой совокупности предпосылок, условий, факторов, которые обостряют проблемную ситуацию для участников до состояния непереносимости и безотлагательного побуждения к активности, направленной

против ее источника, неважно — реального или воображаемого. Понятие «конфликтное взаимодействие» подразумевает активные попытки разрушить его, бороться с теми, кто воспринимается как враг, независимо от реалистичности соответствующих представлений. В этом смысле оно является обобщающим по отношению к ряду других, таких как «борьба», «конфронтация», «конкуренция», «состязание» и т. п., которые можно считать специфичными вариациями конфликтного взаимодействия.

Такое разделение целесообразно потому, что наличие конфликтной ситуации не обязательно ведет к конфликтному взаимодействию. Она может разрешиться либо вмешательством третьей стороны, либо выходом из ситуации одного из участников взаимодействия, либо переводением конфликтной парадигмы в переговорную.

Ситуация, благоприятная для конфликта

Построение парадигмы конфликтного взаимодействия в социально значимой проблемной ситуации базируется на следующих исходных допущениях:

- наличие конфликтной ситуации — необходимое, но не достаточное условие актуализации соответствующей парадигмы взаимодействия; достаточным является реальное проявление действий одной из его сторон;

- конфликтная парадигма взаимодействия базируется на агрессивности как свойстве человека;

- направление взаимодействия в конфликтной ситуации, характер структурирования действий, их эффективность с точки зрения решения проблемы определяются как ее содержанием, так и позициями участников;

- взаимодействие характеризуется высокой степенью напряженности, поскольку участники затрачивают силы как на решение проблемы, так и на борьбу друг с другом;

- диадическая форма взаимодействия в конфликтной ситуации является той элементарной единицей, в рамках которой на идеально-типическом уровне можно проследить структуру этого процесса в необходимой полноте.

Предпосылки и условия возникновения конфликтной ситуации

Предпосылки конфликтной ситуации связаны с длительной неразрешенностью проблемы и возникшей в связи с этим поляризацией интересов. В рамках системы это сопровождается состояниями неопределенности, тревоги, напряженности, вызывающими агрессивные побуждения. Внешние условия, определяющие конфликтный характер взаимодействия, принято определять сле-

- дефицит ресурсов, позиций, информации при условии, что каждый из участников претендует на весь их объем целиком;
- различия в определении ситуации и целей соответствующих действий;

- расхождения в ценностных и нормативных представлениях.

Однако эти условия, вызывая у людей агрессивные побуждения, еще не составляют конфликтной ситуации. Таковой ее делают участники, наделяя следующими характеристиками:

- несовместимость в отношении доступа к дефицитным объектам;
- противоположность позиций (нормативных, властных, экономических), не допускающая взаимодополнительности;
- соперничество за полный контроль над ситуацией.

Но и этого еще недостаточно, чтобы взаимодействие стало конфликтным. Оно приобретает такое качество при условии, что хотя бы один из участников ситуации (как индивид во внутригрупповой ситуации, как представитель группы — в межгрупповой) готов к агрессивным действиям и демонстрирует это.

Наличие необходимых и достаточных условий для возникновения конфликтного взаимодействия может быть представлено в совокупности наблюдаемых признаков и показателей.

Дефицит ресурсов определяется такими признаками, как:

- отклонение количественных характеристик благ, которыми располагают индивид или группа, от среднестатистических, от нижних и верхних предельных значений;
- ценность ресурса, на который претендует индивид или группа;
- оценка индивидом или членами группы степени их дефицитности для себя;
- степень стремления к обладанию этим ресурсом.

Показателем конфликтогенного дефицита ресурсов можно считать такое положение дел, при котором малая его величина у субъекта и в окружении сопровождается высокой степенью его оценки и стремления к обладанию им.

Дефицит позиций определяется набором следующих признаков:

- немногочисленные позиции, наделяемые высоким статусом и престижем в рамках системы, отличаются высокой степенью привлекательности;
- высокая степень закрытости таких позиций.

Показателем конфликтогенного дефицита позиций можно считать одновременное сочетание:

- малого количества социально значимых позиций;
- превышающей его численности претендентов;
- интенсивности стремления занять эти позиции.

Дефицит информации можно определить по следующим признакам:

- несоответствие между количеством источников информации, необходимых, доступных участникам ситуации, и используемых ими;
- их недостаточность в окружении;
- низкое качество информации и степень ее понимания участниками;
- признание участниками своей слабой информированности;
- интенсивность стремления участников к определенным источникам информации с целью использования или контролирования.

Показатели конфликтогенного дефицита информации можно разделить на два основных типа. К первому относится недоступность ее необходимого количества или качества. Она определяется ограниченностью доступных источников, с одной стороны, и высокой их оценкой, интенсивным стремлением к их использованию или контролированию — с другой. Второй указывает на низкую культурную компетентность участников. Она определяется неэффективным использованием доступных источников информации; слабой информированностью и нежеланием ее компенсировать; низким уровнем понимания сообщений как специализированных, так и массовых источников информации.

Конфликтогенный показатель различия позиций в рамках системы можно представить набором следующих признаков:

- различие статусных и престижных характеристик в позициях участников;
- стремление одного из участников либо повысить собственную позицию, либо понизить позицию противника;
- оправдание этого желания «несправедливым» положением дел.

Их одновременное наличие свидетельствует о том, что социальное неравенство начинает восприниматься частью людей как состояние, за изменение которого следует бороться.

Расхождения в ценностных и нормативных представлениях можно считать конфликтогенными при проявлении следующих признаков:

- демонстрируется собственная идентификация с определенными нормами и ценностями, которые противопоставляются и провозглашаются несовместимыми с соответствующими характеристиками других участников;
- оформляется противопоставление «мы — они», выделяется противник;
- утверждается собственное право на полный контроль над ситуацией, оправдываемое преимуществом провозглашаемых ценностных приоритетов и норм.

Когда эти группы признаков отчетливо наблюдаются в ситуации, можно считать, что всегда существующие в системе норма-

тивные и ценностные различия акцентируются и становятся предметом спора.

Следует подчеркнуть, что между дефицитом ресурсов, социальным неравенством, с одной стороны, и ценностными, нормативными расхождениями — с другой, как источниками конфликтной ситуации существует значимое различие. В первом случае фиксирование расхождений связано с интересами участников в проблемной ситуации. Достижение желаемого может принести им реальную выгоду. Во втором случае речь идет об оправдании правомерности их претензий на полный контроль над ситуацией. Поэтому при определении источников конфликтов целесообразно не ограничиваться рассмотрением только «идеологических» конфликтов, но искать реальный предмет соперничества.

Факторы, влияющие на поддержание конфликтной ситуации

Под факторами в этом контексте будут пониматься те внешние ситуативные и внутриличностные стимулы (силы), которые периодически вступают в действие, чтобы не дать угаснуть конфликтным отношениям. Первый их класс связан с негативными характеристиками проблемной ситуации, мешающими участникам выйти из нее или достичь своих целей. При этом каждая группа или индивид внутри нее могут только в узких пределах своей компетенции, своих функциональных возможностей регулировать и пытаться смягчить негативные последствия внешних воздействий. Факторами, поддерживающими конфликтность ситуации, в этом случае могут стать следующие действия других участников ситуации:

- втягивание соперника в соревнование, конкуренцию с расчетом на высокую вероятность его проигрыша;
- попытки разрушить его планы, не дать ему реализовать свои интересы и намерения даже на подвластной ему «территории»;
- попытки одержать над ним верх за счет подавления его активности или снижения ценности достигнутых им результатов.

Такого рода вызовы рассчитаны на агрессивные реакции соперника, удерживающие его в зоне конфликтной ситуации, побуждающие к конфликтному взаимодействию. Это факторы прямого действия, обуславливающие такой характер отношений. Косвенным образом они поддерживаются за счет неадекватной организации взаимодействий и коммуникаций в проблемной ситуации.

Так, для решения проблемы или для организации взаимоприемлемых отношений в группах может не оказаться лидера, способного смягчить напряженность ситуации, примирить разнородные личностные и групповые интересы. При наличии конфликтной ситуации вакуум власти становится катализатором ее интенсификации.

Далее, при несоответствии функций группы изменившимся императивам окружения возникает неопределенность ответ-

ственности. Конфликтность ситуации может поддерживаться как ее недостатком, так и избытком. Когда полномочия, значимые для решения проблемы, не соответствуют желаниям, способностям, возможностям их носителей, это вызывает резонанс, интенсифицирующий конфликтность отношений. Поскольку лидеры уклоняются от своих обязанностей, другие участники выражают недовольство тем, что им приходится выполнять дополнительные функции. Если же кто-то присваивает себе слишком большую ответственность, т. е. право предписывать, контролировать поведение других, то степень конфликтности ситуации также возрастает. С одной стороны, люди могут быть недовольны ограничением сферы собственных полномочий, отчуждением от принятия решений. С другой — для самопровозглашенного лидера обязанности могут оказаться непосильным бременем. Однако, не желая отказываться от властной позиции, он начинает либо обвинять других в неблагодарности, либо требовать лояльности без реальных на то оснований, либо демагогически настаивать на собственной высокой значимости. Эти факторы усиливают интенсивность конфликтности отношений в проблемной ситуации.

Наконец, ситуация ухудшается при неэффективной организации внутригрупповой или межгрупповой коммуникации. Люди оказываются плохо осведомленными о положении дел, целях и намерениях друг друга по нескольким причинам. Это может быть вызвано их собственным нежеланием затрачивать усилия на получение такой информации. Они могут, не отдавая себе отчета, плохо понимать друг друга. Кроме того, информационный дефицит и даже дезинформация могут быть преднамеренными, т. е. организованными специально. В любом случае низкая эффективность коммуникации обуславливает возрастание степени напряженности в конфликтной ситуации.

Существенное влияние на ее поддержание связано с классом внутриличностных факторов, в первую очередь неосознаваемых и внерациональных. Одна их группа из наиболее сильнодействующих — опасения. Они могут быть обоснованными, т. е. вызываться реальными чертами ситуации, угрожающими безопасности людей. Но могут обуславливаться такими личностными характеристиками, как недостаточная уверенность в своих силах, способностях, возможностях; повышенный уровень ожиданий неуспеха; проекция сомнений в себе на других и восприятие их как недоброжелателей. Страх перед последствиями действия может удерживать человека от его совершения, а перед неудачей — ее актуализацию. Это вызывает фрустрацию, обуславливающую не только состояние разочарования, обиды, но и враждебные чувства по отношению к другим. Такие состояния поддерживают конфликтный характер ситуации.

ДРУГУ¹⁰ важную группу таких факторов составляют скрытые нереализованные желания, активизирующие действие механизмов замещения и рационализации (в психоаналитическом смысле). К ним относятся стремления к безопасности, социальной причастности, независимости. Люди часто не отдают себе отчета, что именно эти неосознаваемые импульсы движут их истинными намерениями, воспроизведением их реального неэффективного поведения. Скрытые желания под влиянием бессознательных механизмов могут подвергнуться замещению. Недоступные цели в этом случае заменяются другими, достижимыми, но дающими лишь временное удовлетворение. Иными словами, напряжение, вызванное в реальности одними причинами, индивид связывает с другими и старается их устранить. Но даже если ему это удастся, неудовлетворенные желания продолжают сохраняться и способствуют воспроизведению тревоги и беспокойства.

Привязанность к привычному, хотя и неэффективному поведению люди оправдывают с помощью механизма рационализации. Осмысление поведения переводится из сферы причинно-следственных и функциональных связей в область символических идеологических представлений. И вместо того чтобы понять истоки неэффективного поведения, начинается поиск разного рода оценочных доводов в его пользу. Итак, эта группа факторов существенным образом поддерживает конфликтность ситуации.

Следующая их совокупность связана с такими известными социокультурными феноменами, как предубеждения, или негативные социальные стереотипы — классовые, этнические, религиозные, гендерные и т. п.

Они образуются, когда при неудачных межличностных контактах представители разных сообществ распространяют негативные оценки на всех их членов. Обычно они принимаются на веру и воспроизводятся, если для этого есть такие неосознаваемые основания, как страх, неуверенность в себе, чувство неполноценности в ситуациях социального взаимодействия, предполагающих активные и ответственные действия. Предубеждения, имеющиеся практически в любой социокультурной единице, составляют оценочную и символическую почву, из которой выращивается «образ врага». Совершенно очевидно, что их актуализация в конфликтной ситуации будет способствовать поддержанию и интенсификации соответствующих отношений.

Еще одна группа факторов связана с различиями в восприятии и интерпретации ситуации участниками. При плохо организованной коммуникации они часто оказываются не соответствующими реальным причинам и последствиям происходящих событий. Так, это может проявляться в трактовке непреднамеренных действий как умышленных; неправильном истолковании слов и актов по-

ведения других, их намерений и точки зрения; ошибках в оценке значимости совершаемых действий. В конфликтной ситуации такого рода искажения обычно имеют крен в сторону преувеличения опасности. Вплоть до того, что даже при бездействии соперника его «деструктивный потенциал» постулируется и на этой основе принимаются решения о тайном или демонстративном повышении собственного. Неадекватная интерпретация ситуации может быть недоразумением, а может осуществляться преднамеренно. В первом случае обычно достаточно взаимных объяснений, хотя чаще всего в конфликтной ситуации стороны не используют этой возможности. Во втором — ложное истолкование выдается за истинное, и эта позиция настойчиво защищается. Однако вне зависимости от характера искажений они нагнетают ощущение опасности и способствуют разрастанию конфликтности, действуя по принципу «самореализующего пророчества».

Наконец, еще одна группа факторов, указана в теории игр. Она связана с неопределенностью исхода борьбы даже при ослаблении позиции сторон:

— большое разнообразие возможных вариантов поведения, из которых далеко не все являются оптимальными. Так, более слабая сторона может рассчитывать на то, чтобы воспользоваться с выгодой для себя ошибочными действиями более сильной;

— дефицит информации о ресурсах, мотивах, намерениях, соперников. При этом более слабая сторона может надеяться на то, что сокрытие соответствующих сведений позволит ей выглядеть в ситуации сильнее, чем на самом деле;

— влияние случайных, непредсказуемых событий. Например, более слабая сторона может предположить, что по ходу процесса они появятся в качестве существенной поддержки.

Следовательно, неопределенность исхода взаимодействия побуждает стороны оставаться в ситуации вне зависимости от временного ослабления собственных позиций.

Обобщая сказанное, следует подчеркнуть, что характер социального взаимодействия в конфликтной ситуации зависит от перечисленных групп факторов, которые способствуют ее поддержанию. Ситуативные связаны с организационной структурой групп, участвующих во взаимодействии, а также внутригрупповых и межгрупповых коммуникативных сетей внутри них и между ними; со специфичными формами поведения, направленными на поддержание ситуации. Личностные порождаются как неосознаваемыми, нереализованными скрытыми желаниями и их последствиями на уровне поведения, так и взаимным непониманием или недостаточной информированностью конфликтующих сторон. Неопределенность исхода взаимодействия влияет на динамику соотношения сил; случайных и стереотипных, предсказуемых и непредвиденных событий.

Если конфликтная ситуация базируется на внешних проблемообразующих факторах, рациональное использование конфликтной парадигмы взаимодействия как инструмента решения проблемы может принести временные выгоды более сильной из сторон. При внутриличностной обусловленности она движется по траектории, практически не поддающейся рациональному контролю. Первый тип ситуаций Г. Зиммель назвал «реалистическим», а второй — «нереалистическим» конфликтом. Необходимо принимать во внимание, что так называемая эскалация конфликта, т. е. рост интенсивности и напряженности конфликтного взаимодействия, как будет показано в дальнейшем, связана с тенденцией к постепенной трансформации, реалистического конфликта в нереалистический, т. е. со сдвигом цели взаимодействия с решения проблемы на стремление одержать победу.

Участники конфликтного взаимодействия

Для конфликта необходимы по крайней мере две конфронтующие стороны. Активность каждой из них, направленная на достижение собственных целей, сопровождается попытками помешать другому реализовать его интересы. Она проявляется в форме борьбы: столкновения, атаки, сопротивления, противодействия, нанесения взаимного ущерба. Такое взаимодействие может быть двусторонним или многосторонним, но начинается одной из сторон, которую можно назвать зачинщиком конфликта.

Как было отмечено выше, наличие конфликтной ситуации необходимо, но не достаточно, чтобы взаимодействие приняло характер противоборства. Его «пусковым механизмом», имеющим название повода для конфликта, становится событие или обстоятельство, которым активная сторона оправдывает начало агрессивных действий. Он может возникнуть случайно, но обычно активно отыскивается или придумывается, т. е. столкновение провоцируется, и это происходит по вполне стандартной схеме. Инициатор конфликта выстраивает некоторую частную ситуацию, которую демонстративно интерпретирует как проявление враждебности другой стороны. Этим он оправдывает свои последующие агрессивные действия.

Участниками конфликта всегда являются люди. Когда говорят о межгрупповых, межклассовых, межэтнических, межгосударственных столкновениях, это не означает, что все члены каждого сообщества вступают в борьбу друг с другом. Подразумевается, что приобретают или присваивают себе право представлять и действовать от его имени лишь некоторые. Конфликтные взаимодействия между ними отражают все уровни их социальной принадлежности — от общекультурного до индивидуально-личностного. Иными словами, личностные интенции и характеристики участников конфликта

всегда опосредованы, во-первых, их групповой идентичностью (этической, конфессиональной и т. п.), во-вторых, реальными интересами той группы, от имени которой они вступают в борьбу. Это необходимо принимать во внимание, чтобы избежать неправомерной индивидуализации или обобщенной идеологизации конфликтных побуждений. В свете сказанного можно выделить единицы, репрезентирующие сообщества разного типа в конфликтных ситуациях.

Как уже отмечалось, их порождение обусловлено существующим в любом обществе социальным неравенством в доступе к дефицитным ресурсам, представленном в концепции социокультурного пространства. Оно вызывает конкуренцию групп интересов и индивидов относительно собственности, позиций, власти, престижа, а институты, социальные слои, сообщества составляют те его области, где зарождается и актуализуется социально значимая проблема. Это следует принимать во внимание, поскольку использование конфликтной парадигмы будет иметь общественно значимые последствия ее решения в зависимости от места и формы — локальные образцы, культурные ценности, правовые нормы. Личностные и групповые особенности участников оказываются с этой точки зрения значимыми в той мере, в какой они влияют на распределение ролей в конфликтной ситуации и на «стиль» их выполнения.

Типичные роли в конфликтной ситуации. Ядро конфликтного взаимодействия составляют *противоборствующие стороны (соперники)*, которые совершают активные действия, направленные друг против друга и носящие наступательный или оборонительный характер. Они могут быть равнозначными по социальным позициям, например, борьба между равномошными группами экономических и политических интересов за сферы влияния. Но могут относиться к разным уровням социальной организации. Например, конфликт между государством и политической партией, общественной организацией или группой экстремистов. Институциональная форма контроля над взаимодействием соперников в таких ситуациях определяется законом и направлена на охрану социальной безопасности от их взаимных ущербов и негативных социальных последствий сложившихся между ними отношений. Если же он выходит за пределы институциональных норм, то может принять характер жестокой борьбы, направленной на взаимное уничтожение, и сопровождаться человеческими жертвами.

Противоборствующие стороны — это роли, необходимые для реализации конфликтного взаимодействия. Если одна из них выходит из ситуации, оно прекращается либо претерпевает существенные структурные изменения. Функции других ролей, прямо не связанных с реализацией противоборства, состоят в его поддержании и регулировании. К ним можно отнести зачинщиков, организаторов, подстрекателей, пособников, посредников.

Роль *зачинщика* связана с порождением конкретного конфликтного взаимодействия. Им может быть как один из соперников, так и третья сторона. В последнем случае следует предположить наличие некоторой группы интересов, лидеры которой не желают ее участия во взаимодействии, но считают целесообразным столкнуться между собой другие группы, чтобы укрепить свои позиции в проблемной ситуации. Соответственно эта сторона, уклоняясь от прямого участия, становится инициатором провокационных действий, которые с высокой степенью вероятности втягивают в противоборство других участников.

Организатор конфликта планирует взаимодействие; определяет его направленность, темпы, ритм, структуру расходования ресурсов; следит за состоянием участников. Такую роль могут выполнять и непосредственные соперники, и третья сторона, присоединяющаяся в конфликтной ситуации к одному из них и берущая на себя ответственность за повышение эффективности его действий.

Подстрекатель стимулирует стороны или одну из них продолжать взаимодействие. Обычно он сам не участвует в процессе. Его ролевые функции связаны с тем, чтобы не дать угаснуть конфликту за счет разжигания взаимного недовольства и вражды между соперниками.

Роль *пособника* заключается в поддержании конфликтного взаимодействия за счет обеспечения одной из сторон (а иногда и обеих) ресурсами, необходимыми для этого. Он может выполнять функции советника, консультанта, спонсора; обеспечивать своего подопечного технической помощью и т. п., но не принимает участия в противоборстве.

Для перечисленных ролей характерна их направленность на поддержание и интенсификацию конфликтного взаимодействия. Но есть роли, связанные со снижением напряженности борьбы, со сведением к минимуму вреда, наносимого соперниками друг другу и окружению. Это роли медиаторов, или посредников.

Роль *посредника* связана с необходимостью понять причины и обстоятельства, породившие конфликтное взаимодействие, и активными попытками предотвратить его катастрофические последствия. Он занимает позицию «участвующего наблюдателя». В качестве наблюдателя он оценивает положение обеих сторон с точки зрения как каждой из них, так и проблемной ситуации в целом, сообщая им эти сведения. Как участник он совершает действия, помогающие соперникам понять друг друга, изменить действия так, чтобы по крайней мере уменьшить взаимный вред. Следует подчеркнуть, что посредник обычно не наделен властью выносить какое-либо решение. Он лишь помогает соперникам перейти к парадигме переговоров, либо смягчить ситуацию.

Судья — это роль, функции которой квалифицировать действия участников в соответствии с определенными правовыми нор-

мами и применять предусмотренные ими санкции. Как и посредник, он должен хорошо представлять себе причины и факторы, обуславливающие конфликтное взаимодействие. Однако оценивать их не с позиции одного из участников, но в терминах принятых в обществе или сообществе норм юридического и/или обычного права. Таким образом, речь идет о нейтральном официальном лице, наделенном полномочиями принимать решения, регламентирующие конфликтное взаимодействие (вплоть до запрещения) в соответствии с легитимными процедурами и гарантиями их реализации.

Эта идеально-типическая совокупность ролей определяет ход конфликтного взаимодействия. В каждом конкретном случае они не обязательно реализуются все и одновременно: каждый раз из них могут наличествовать лишь некоторые и в различных композициях.

Типичные манеры конфликтного поведения. Однако ход конфликтного взаимодействия определяется не только распределением ролей, задающим его структуру. Столь же важным является и другой аспект ситуации — культурный, содержательный. Он обусловлен манерами поведения, которые способствуют воспроизведению или интенсификации конфликтного взаимодействия.

Агрессивность характеризуется стремлением нанести партнеру вред. Это может проявляться в явной и скрытой формах. В первом случае люди обычно оскорбляют других, издеваются над ними, провоцируют скандалы; в то же время они становятся еще более раздражительными и нетерпимыми, если на них не обращают внимания. Во втором — речь идет о нанесении вреда сопернику за счет тайных сговоров, обходных маневров, опосредованных действий и т. п. Это лишает его инициативы и вынуждает к реактивным, а не наступательным действиям. Обвиняющий или сверхкритичный тип поведения выражается как постоянные демонстрации и оправдания недовольства любыми действиями соперника, свидетельствующие о желании не только продолжать конфликтное взаимодействие, но и держать противника в напряжении, вынуждать его оправдывать и контролировать каждый свой шаг. Более пассивной форме соответствует склонность обвинять соперника в нарушении каких-то норм или провоцировать заведомо негативные социальные последствия его действий. Тем самым он дезавуируется в глазах окружения и вынужден оправдываться. Максимализм как тип поведения подразумевает, что сопернику предъявляются принципиально завышенные требования, и это вынуждает его занимать оборонительную позицию. Таким образом, продолжение конфликтного взаимодействия оправдывается тем, что они не выполняются.

Ложная уступчивость, ложный альтруизм — это проявления лицемерия, когда одна из сторон пренебрегает ответственностью перед другой за свои действия. Она может внешне идти навстречу сопернику, соглашаться с ним, обнадеживать его и при этом полностью преследовать только свои интересы; или же выдавать

за благодеяния действия, наносящие вред другой стороне. Такое поведение ориентировано на поддержание конфликтного взаимодействия, позволяя внешним доброжелательством прикрывать реальное вероломство.

Скрытность предполагает, что склонная к ней сторона предпочитает молчать о своих интересах и планах, а также оценках в отношении действий другой. Это позволяет ей создавать информационный вакуум в тех областях коммуникативных сетей, которые служат сопернику источником сведений об эффективности его действий. В результате у нее появляется возможность совершать внезапные и неожиданные наступательные действия, что придает конфликтному взаимодействию новый динамический импульс.

Нерешительность, пессимизм можно рассматривать как пассивные типы поведения, поддерживающие конфликтное взаимодействие. Нерешительность мешает участнику выбрать адекватный ответ на действия соперника, прореагировать на них вовремя. Тем самым он ослабляет свою позицию и побуждает другого интенсифицировать наступательную активность. Пессимизм порождается отсутствием веры в победу, постоянным ожиданием опасностей. Такая готовность к поражению становится механизмом «самореализующегося пророчества», при котором даже собственные успехи воспринимаются как неудачи и даже самые выгодные обстоятельства — как неблагоприятные. Эта позиция жертвы, как известно, для более агрессивной стороны является сильным стимулом для продолжения конфликтного взаимодействия.

Перечисленные типы поведения были представлены по степени убывания активности. Так, к активным типам относятся агрессивный, обвиняющий, максималистский. Они предполагают обязательный вызов противнику, стремление поставить его в позицию реагирующего, перехватить у него инициативу. Далее следует ложная уступчивость, которая сочетает в себе активное и пассивное начала с преобладанием активного. В то же время этот тип поведения является реактивным, а не наступательным, поскольку инициатива уступается другой стороне. Скрытность — это также смешанный тип поведения, но с ведущей реактивной компонентой. Выжидание, утаивание информации не предполагает активных действий. Поведение в основном организуется не как наступательное, а как последовательно выжидательное с сильными реакциями на промахи соперника. Нерешительность, пессимизм — пассивные формы поведения, которые поддерживают конфликтное взаимодействие во многом благодаря тому, что косвенным образом укрепляют позицию соперника.

Наконец, нельзя оставить без внимания манеру поведения игрока, которая используется не спонтанно, но имитирует все предыдущие типы поведения. Он старается не поддаваться сильным эмоциям, контролирует каждую ситуацию и хладнокровно использует наиболее выгодные для себя маски. Он может произвольным

образом чередовать активные, реактивные действия с пассивным выжиданием и лицемерным пессимизмом, вводя таким образом соперника в заблуждение относительно своих истинных намерений и стараясь дезориентировать его непоследовательностью и непредсказуемостью действий. Подобный тип поведения может поддерживать конфликтное взаимодействие длительное время и возобновлять его даже на стадии угасания.

Динамический потенциал конфликтного взаимодействия: признаки и показатели

Системное описание конфликтной ситуации позволяет выделить ее существенные структурные составляющие, организующие взаимодействие и обуславливающие его динамические черты.

Противостояние позиций участников. Возникновение конфликта в рамках проблемной ситуации можно распознать по отчетливому показателю: существующие различия социальных позиций, интересов, доступа к дефицитным ресурсам и информации участники начинают трактовать как основания для противопоставления друг другу. Каждая сторона утверждает во мнении, что справедливое распределение такого рода благ неправомерно тормозится другой. Нередко подобное положение дел конфликтологи называют противоречиями. Но такая трактовка ошибочна, поскольку чаще всего участники конфликта хотят одного и того же — владеть ценностями, доступ к которым ограничен; более того, они одинаково аргументируют свое желание, прибегая к лозунгам общественного блага, социальной справедливости, священности собственных прав и т. п. В этом случае следует искать не противоречия между сторонами, а те аспекты ситуации, в отношении которых их позиции становятся несовместимыми и сталкиваются. В первом случае речь идет о наличии в конфликтной ситуации двух или более группировок, претендующих на место, которое может занимать только одна из них, и готовых к борьбе за него. Во втором — о том, что члены этих групп прибегают к нападкам друг на друга, взаимной критике, агрессивному поведению при любом удобном поводе.

Обычно это порождает противостояние, которое стороны оправдывают определенными идеологиями. Они могут быть традиционными для общества, заимствоваться в других культурах или изобретаться применительно к данному случаю и иметь специфично групповой характер. Но чаще всего стороны используют политическую конъюнктуру, оперируя идеологиями тех политических, национальных, религиозных движений, которые находятся в центре общественного внимания.

Итак, утверждение участников взаимодействия об их несовместимости в рамках ситуации и его оправдание конъюнктурными соображениями указывают на предмет соперничества и расстанов-

ку противоборствующих сил. Этот показатель может помочь выделить границы конфликта и провести различие между теми, кто тяготеет, старается отмежеваться, проявляет нейтралитет по отношению к каждой из сторон. Иными словами, очертить круг участников конфликтной ситуации и конфликтного взаимодействия.

Силовое обеспечение противостояния. Позитивные шансы конфликтующих групп на победу существенным образом зависят от их силовых характеристик, выражаемых в следующих показателях. Во-первых, потенциал согласованной активности. Ему соответствуют такие наблюдаемые признаки, как сплоченность группы; эффективность совместных действий; гибкое чередование инициативы и выжидания. Эта характеристика позволяет судить об эффективности противодействия группы атакам соперника.

Во-вторых, степень групповой идентификации. Она проявляется как сходство поведения и высказываний членов группы в отношении защиты ее границ, целостности, разделяемых норм, предпочтений; общность представлений о ситуации и о сопернике. Осознанное использование ими таких стереотипов способствует формированию субкультуры, обеспечивающей символы групповой принадлежности и основания для сплоченности во взаимодействии с соперником. Эта характеристика позволяет судить о потенциале группы, которым она располагает, чтобы противостоять нарушениям ее целостности.

В-третьих, характер внутренней регуляции. О нем можно судить по соотношению длительности периодов атак и отступлений, с одной стороны, и по эффективности проявлений активности — с другой. Чем длительнее и эффективнее периоды активности группы, тем более действенными можно считать механизмы ее внутренней регуляции. В этом случае они помогают поддерживать рациональное распределение и пополнение ресурсов так, чтобы по возможности сохранять наступательную позицию группы в системе взаимодействия. Силовые показатели позволяют оценить вероятность разворачивания конфликтного взаимодействия в соответствии со сценарием, предлагаемым более активной стороной.

Ресурсное обеспечение участников. Динамика конфликтного взаимодействия и его исход определяются физическими, социальными, технологическими, интеллектуальными возможностями членов группы, уровнем ее социальной организованности, широтой и прочностью ее социальных связей, степенью общественной поддержки. Все это определяет групповые ресурсы, используемые, во-первых, для укрепления ее позиций, расширения сферы влияния и контроля в ситуации (конструктивный потенциал); во-вторых, для нанесения ущерба противнику (деструктивный потенциал). При оценке обоих типов потенциала можно опираться на следующие группы показателей.

Технологические ресурсы. Они определяются такими признаками, как необходимая степень обеспеченности группы материально-техническими средствами; уровень общекультурной и специальной компетентности членов группы, достаточный для решения задач, возникающих в ходе взаимодействия; степень наличия у лидеров навыков рефлексивного поведения, позволяющих предвидеть действия соперника и последствия собственной активности.

Социально-организационные ресурсы. К ним можно отнести необходимую достаточность ролевой дифференциации группы и такую организацию взаимодействия, при которой мера согласованности зависимости и функциональной автономности обеспечивает оптимальный для группы подход к решению текущих задач; стиль руководства в группе и его соответствие характеру их решения; эффективность механизмов, регулирующих действия членов группы в отношении друг друга и соперников. Это внутригрупповой уровень. Однако такого рода ресурсы определяются и положением группы во внешней социокультурной среде. В этом случае следует выделить широту и интенсивность внешних связей группы; влияние других участников взаимодействия и их ролевое распределение (см. описание участников конфликта); механизмы поддержания устойчивых внешних связей и их эффективность.

Личностные ресурсы. Они определяются личностными характеристиками исполнителей ключевых для взаимодействия ролей (например, тех, кто несет ответственность за выработку решений, за идеологию группы, за организацию групповых действий и взаимодействий и т. п.). Эти характеристики следует оценивать по таким параметрам, как соответствие личностных черт функциональной специфике выполняемых ролей; уровень культурной компетентности; эмоциональная реактивность; устойчивость к стрессу; склонность к агрессивности и риску.

Как уже отмечалось, эти совокупности ресурсов одновременно используются для решения задач, направленных как на поддержание позиции группы, так и на ослабление противника. Поэтому ресурсы необходимо оценить еще с одной важной точки зрения.

Соотношение конструктивного и деструктивного потенциала участников. Речь идет о признаках, указывающих, на что расходуется количественно наибольшая и качественно наилучшая часть ресурсов: на реализацию групповых интересов или на победу над противником. Эти признаки имеют прямое отношение к решению проблемной ситуации.

Показатели ресурсного обеспечения группы позволяют судить о том, сколь долго и с какой интенсивностью она будет осуществлять свой сценарий поведения во взаимодействии.

Структура коммуникации при конфликтном взаимодействии является важной его составляющей, которая определяется тем, какая информация передается сторонами друг другу, а какая утаивается; какими каналами информационного обмена они располагают и насколько эффективно ими пользуются; какими выразительными средствами они пользуются и с каким результатом. С этой точки зрения коммуникативный потенциал, позицию в процессах информационного обмена и эффективность участия в них для каждой из сторон можно оценить в соответствии с рядом ключевых показателей.

Во-первых, позиция в коммуникативных сетях определяется набором таких признаков, как качество и количество доступных источников и каналов информации; реальное их использование в соотношении с соперником; возможности препятствовать ему в полноценном участии в коммуникативных процессах и доступе к необходимой информации. Это позволяет оценить, какие структурные элементы этого пространства наиболее доступны и подконтрольны им.

Во-вторых, коммуникативная компетентность сторон определяется набором следующих признаков: умение использовать культурные коды, применяемые в ситуации взаимодействия (средняя нормативная лексика, специализированный профессиональный язык, жаргон, невербальные выразительные средства); в нужные моменты выражаться либо четко и определенно, либо в неясной и двусмысленной форме, либо утаивать собственные намерения и возможности; наблюдать, слушать в ситуации взаимодействия; «прочитывать» за явными высказываниями и действиями скрытый смысл. Это позволяет судить об эффективности переработки информации в группе.

В-третьих, о структуре участия сторон в коммуникативных процессах можно судить по таким ключевым признакам, как соотношение инициирования и приема сообщений; частота использования определенных коммуникативных каналов и средств воздействия в сравнении с соперником; соотношение истинных сведений и дезинформации в сообщениях, предназначенных для него; степень понимания его сообщений. Это позволяет оценить эффективность коммуникативного поведения сторон в контексте конфликтного взаимодействия.

С помощью таких показателей можно выявить, благодаря каким каналам обмена информацией, с помощью каких выразительных средств, каким образом они контролируют ход (структуру) этого процесса.

Сказанное позволяет сделать вывод о том, что форма и интенсивность конфликтного взаимодействия зависят от средств и возможностей, которыми располагают и пользуются стороны в процессе решения проблемы, иными словами, от организации имеющегося потенциала для реализации эффективных действий. Его можно

определить в соответствии с предлагаемым набором показателей. Демонстрируемое противостояние позволяет фиксировать участников и границы конфликтной ситуации. Изучение расстановки сил дает возможность увидеть динамику соотношения позиций в ситуации. Выявление ресурсного обеспечения участников становится основанием для прогнозирования интенсивности и длительности противоборства. Прояснение их коммуникативных возможностей делает доступной для наблюдения структуру информационного обмена и контроля в процессе взаимодействия. Предлагаемый набор показателей является необходимым и достаточным для оценки потенциальных возможностей сторон как активных участников конфликтного взаимодействия. Их необходимость обусловлена выделением фундаментальных ресурсов сторон, без которых само взаимодействие не могло бы осуществляться. Их достаточность заключается в определении всех ключевых аспектов ситуации, детерминирующих динамику взаимодействия: участники и границы взаимодействия, его структура, содержание, интенсивность.

Динамика конфликтного взаимодействия: фазы взаимодействия в конфликтной ситуации

Решение участников конфликтной ситуации вступить в противоборство предопределяет основания динамики взаимодействия: противостояние и борьба; получение выгоды за счет нанесения вреда противнику; высокая степень напряженности при обмене действиями и информацией. В ходе самого процесса важно обратить внимание на те переломные точки, в которых необходима смена форм поведения и которые участники могут фиксировать, чтобы соотносить с ними свои ресурсы и дальнейшие тактики и стратегии поведения. В соответствии с этим можно выделять, по крайней мере, три фазы взаимодействия.

Определение ситуации как конфликтной. Эту фазу принято называть латентной, поскольку в ее ходе участники еще не обмениваются конкретными действиями, но занимаются определением ситуации. Она характеризуется наличием всех элементов конфликта, за исключением внешних действий. В ней можно выделить несколько последовательных событий или стадий:

— формирование представления о проблемной ситуации как о конфликтной, т. е. о наличии собственных интересов и соперниках, которые могут препятствовать их реализации;

— оценка собственных ресурсов;

— определение препятствий реализации собственных интересов, связанных с внешними ситуативными факторами, характеристиками — собственными и других участников;

— определение конкретного соперника;

— пробные действия, направленные на проверку гипотез о возможностях конфликтным способом реализовать собственные интересы в проблемной ситуации.

Последняя стадия еще не определяет обязательности конфликтного характера взаимодействия. Но агрессивная реакция на нее со стороны соперника указывает на необходимость сделать выбор: либо выйти из конфликтной ситуации, либо перейти к следующей фазе процесса.

Выбор стратегии взаимодействия. В этой фазе конфликта каждый из участников оценивает свои действия с точки зрения того, насколько они результативны, несмотря на встречаемое сопротивление. В результате у каждого намечаются их собственные линии поведения, из которых по мере формирования складывается интегральная стратегия. В самом общем виде можно говорить о трех направлениях поведения. Во-первых, после начала конфликтного взаимодействия одна из сторон принимает решение о выходе из него. На этом конфликт, по крайней мере для нее, кончается. Во-вторых, одна из сторон (или обе) предлагает вступить в переговоры. В этом случае предполагается, что оба участника готовы отказаться от претензий на полную реализацию своих интересов, но ограничиться тем, что можно получить в результате торгов. Наконец, участники продолжают настаивать на реализации собственных интересов во всей возможной при данных условиях полноте, стараясь помешать в этом противнику. Такой выбор имеет решающее значение, поскольку с этого момента взаимодействие приобретает явную конфликтную форму. О переходе в открытую фазу свидетельствует ряд признаков:

— участники признают, что борьба началась и подтверждают свою готовность участвовать в ней;

— их действия становятся силовыми: угрозы, нападения, причинение вреда, оборонительные реакции и т. п.;

— начинается привлечение других участников противоборства. После этого конфликтное взаимодействие переходит в следующую фазу — эскалации.

Эскалация конфликта. Ее начало определяется специфичными факторами.

Во-первых, действия сторон активизируются под влиянием угроз. Внешне они проявляются в демонстративном намерении нанести вред сопернику, в заявлениях одной из сторон о возможности совершения действий, чреватых ущербом для другой при невыполнении ею определенных условий. Обычно этот прием содержит две основные составляющие. Первая из них — это условия, или ряд детально оговоренных требований, которые должны быть выполнены. Вторая это сообщение об ущербе, который будет нанесен сопернику при их невыполнении. Как правило, он оказывается

более значимым, чем те потери, которые можно понести в случае принятия условий. Внешняя угроза считается актом борьбы. Она действует как коммуникативный стимул, побуждающий противника пойти на уступки через апелляцию к его здравому смыслу. В то же время это демонстрация силы, жесткости и бескомпромиссности позиции угрожающей стороны. Таким образом, речь идет о враждебном, агрессивном поведении, побуждающем эскалацию конфликтного взаимодействия.

Внутренне ощущение угрозы вызывается рядом обстоятельств. Это может быть проблематичность права участника взаимодействия претендовать на определенную позицию; уменьшение притока ресурсов, необходимых для продолжения борьбы; коммуникативные затруднения. Возникающая в подобных случаях неопределенность ситуации, вызывая состояние тревожности, воспринимается как угрожающая. Такие же последствия порождает представление о враждебных замыслах противника.

Все это становится стимулом к целому ряду активных действий того, кто ощущает угрозу, направленных на расширение сферы своих прав и сужение обязанностей по отношению к другому; понуждение соперника вкладывать ресурсов больше, чем он сам; расширение зоны своей функциональной автономии. Любое из направлений способствует эскалации конфликта, поскольку побуждает другую сторону к враждебной активности.

Во-вторых, напряженность интенсифицируется, когда превышает порог толерантности (терпимости) к фрустрациям, которые периодически возникают у сторон из-за нарушения взаимных ожиданий. Как только он оказывается превзойденным хотя бы у одного из участников взаимодействия, интенсивность враждебных действий начинает расти.

В-третьих, напряженность взаимодействия возрастает под влиянием реваншистских настроений. Известно, что в условиях борьбы интенсивные угрозы, деструктивные действия и т. п., затрагивающие значимые интересы одной из сторон, вызывают у нее стремление нанести ответный удар. Причем агрессивные действия (давление, агрессивные выпады, применение силы) вызывают аналогичные, но более интенсивные реакции. В таких случаях обычно обостряется мобилизационная активность, побуждающая стороны сконцентрировать ресурсы для реванша, вовлечь в конфликт сторонников собственной позиции. Численное увеличение и изменение структур конфликтующих групп интенсифицируют напряженность взаимодействия за счет совершенствования применяемых средств и эскалации использования силовых методов. Соответственно зона конфликтного взаимодействия расширяется за счет того, что становится возможным его переход с одного уров-

ня на другой: с межгруппового оно может подниматься к системному или дополняться межличностным внутри группы.

В-четвертых, напряженность взаимодействия может усиливаться в связи с коммуникативными нарушениями. В конфликтной ситуации участники всегда обнаруживают дефицит информации в отношении друг друга. С одной стороны, это обусловлено их преднамеренным сокрытием своих намерений, целей, ресурсов. С другой — из-за постоянных опасений они чаще, чем обычно, допускают искажение в оценке происходящего вследствие плохого понимания поведения противника; ошибочной интерпретации его намерений и т. п. Все это усиливает недоверие участников в отношении друг друга и обуславливает эскалацию конфликта.

Действие таких поведенческих факторов поддерживают взаимодействие в этой фазе. В то же время от нее не следует ожидать только постоянного и устойчивого нарастания напряженности в отношениях между сторонами. Для затяжных конфликтов характерна периодичность обострения и ослабления борьбы, которая приводит к смене фокуса процесса с решения проблемы на стремление победить любой ценой.

В этой точке конфликт обычно приобретает парадоксальный характер: он трансформируется в порочный круг нанесения взаимного ущерба. При такой ситуации состояние ремиссии, ослабления напряженности взаимодействия, сколь бы длительными они ни были, не означают угасания процесса, перехода его в фазу окончания. Скорее они используются сторонами для перегруппировки собственных сил, изыскания дополнительных ресурсов, восстановления израсходованного в борьбе потенциала. Фаза эскалации конфликта может длиться достаточно долго и даже стать определенным устойчивым модусом сосуществования сторон: у каждой из них чередование периодов борьбы и последующего восстановления ресурсов, побед и поражений становится самоцелью, и основные силы затрачиваются на обеспечение продолжения конфликта, а не на решение проблемы.

Однако есть конфликтные ситуации, которые имеют окончание. В этом случае целесообразно рассматривать их завершающую фазу.

Завершающая фаза конфликтного взаимодействия. Следует подчеркнуть, что завершение конфликтного взаимодействия совсем не обязательно означает разрешение проблемной и даже конфликтной ситуации. Решением проблемы будет устранение или нормирование определяющих ее расхождений; окончание конфликтной ситуации подразумевает преодоление противостояния сторон. Завершение же конфликтного взаимодействия означает его полное прекращение, которое возможно осуществить одним из следующих способов: победа одной из сторон; решительный отказ одной из них продолжать борьбу; переведение взаимодействия

из конфликтной парадигмы в переговорную. Иными словами, речь идет о разрешении, устранении или урегулировании отношений. Как уже отмечалось, возможно снизить интенсивность, напряженность взаимодействия в связи с необходимостью восстановить ресурсы, затраченные в борьбе; переструктурировать силы для увеличения эффективности действий; сконцентрироваться перед нападением и т. п. В подобных случаях оно не заканчивается, но динамически переходит из явной в скрытую, латентную форму.

Любой финал предполагает специальное приложение усилий даже в случае отказа продолжать взаимодействие. Оно максимально, когда речь идет о полной победе одной из сторон. К этому ведет применение каждым участником всех возможных и доступных средств, включая насилие, для нанесения противнику как можно большего ущерба, ослабления его до необратимого состояния, когда он вынужден окончательно сдать свои позиции. Показателем целесообразности силового решения является высокая степень близости к целедостижению, определяемая по таким признакам, как исчерпанность ресурсов противника; появление у него безразличия к победе; изменение приоритетов в его интересах, а также достаточность у наступающей стороны ресурсов для такого финала; безоговорочная ориентация на победу вне зависимости от реальных интересов.

Основным показателем целесообразности отказа от конфликта является представление одной из сторон о том, что продолжение взаимодействия бессмысленно и неэффективно для нее. В этом случае есть возможность выйти из ситуации, где каждая из сторон только ухудшает свое положение, и затрачивать усилия не на борьбу с соперником, а на реализацию своих интересов. Решение вопроса в пользу этой возможности имеет смысл, если издержки, связанные с продолжением конфронтации, превышают выгоды от ее прекращения.

Наконец, можно перевести взаимодействие из конфликтной парадигмы в переговорную. В этом случае проблема заключается не в снятии напряженности, не в полном устранении причины конфликта, но в переориентации взаимодействия на решение проблемы с минимизацией риска. Такая трансформация возможна только при целенаправленном изменении его хода в фазе, когда ремиссия необходима обеим сторонам из-за истощенности ресурсов. Как правило, это возможно только при вмешательстве третьих сил, принимающих на себя ответственность за структурное изменение ситуации.

Границы применимости конфликтной парадигмы

В любой области социокультурного пространства постоянно существуют предпосылки для конфликтных ситуаций: столкнове-

ния между группами интересов, социальное неравенство; спонтанное проявление неуправляемой агрессивности и пр. Вследствие этого периодическое возникновение конфликтных ситуаций неизбежно. Вероятность их появления и перехода в открытые столкновения усиливается, когда в обществе возникают социально значимые проблемы, вызывающие массовую напряженность.

Чаще всего на уровне обыденных представлений — и не только в быту, но и в правящих и политических кругах, в средствах массовой информации — утверждается, что конфликт разрушает нормальное функционирование социальной системы, он крайне нежелателен, поэтому нужно уничтожить предпосылки для его возникновения. В то же время на уровне государственных структур, политических партий, групп интересов, межличностных отношений конфликт постоянно и осознанно используется как инструмент подавления более слабых, освобождения от нежелательных нормативных ограничений, расширения сферы влияния.

Предупреждение конфликта вполне возможно. Специалисты — политики, руководители, социальные ученые — хорошо распознают условия, зоны общественной жизни, группы, локусы, в которых конфликтные ситуации наиболее вероятны. Известно, что их следует контролировать на ранних стадиях, не давать перейти в полноценную силовую форму и разрешать их иными способами. Тем не менее в проблемной ситуации всегда существует соблазн дать конфликту разрастись, подтолкнуть недовольных к противоборству и тем самым уйти от решения реальных проблем. Более слабым вариантом таких провокационных действий является целенаправленное столкновение идеологических доктрин — политических, религиозных, этнических. Сильные варианты обнаруживаются в разрушении правопорядка, позволяющем силам преступного мира в ситуациях, грозящих проявлениями массового недовольства, запугивать граждан, а социальным напряжениям перерасти в локальные проявления агрессии. Конфликт в таких случаях негласно рассматривается как скорый паллиатив действенного ухода от социально значимых проблем из-за нехватки ресурсов, средств, а чаще всего — компетентности.

Обычно такого рода ситуации прикрываются лицемерными рассуждениями о неэтичности регулирования конфликтной ситуации на латентной стадии, поскольку это якобы предполагает вмешательство в приватную жизнь. При этом не принимается во внимание, что есть иные пути раннего купирования конфликта, скажем, делая умелые уступки или переводя напряженность в конструктивное русло.

Напротив, проявления агрессии обычно не встречают сопротивления со стороны такой общественности, которая неспособна сформировать гражданские институты контроля над ними.

Соответственно, при наличии социально значимых проблем неизбежны не только конфликты, но и их провоцирование со стороны различного рода агентов. Когда такие процессы начинаются, прервать их чрезвычайно трудно, почти невозможно. Социально-антропологические механизмы их поддержания столь сильны, что эскалация становится неизбежной, а ее чередование с фазами ослабления напряженности (ремиссиями) придает им волнообразную форму. Это позволяет обеспечивать ресурсами соответствующие отношения сколь угодно долго, и в лучшем случае только регулировать их, но никак не прекратить.

Именно такого рода обстоятельствами в социальных науках объясняется порождение институтов, придающих конфликтам культурную форму, а их решению — статус легитимного принуждения: законодательная деятельность, правовые процедуры решения споров, политические дебаты, институты сделок и договоров и т. п. Участники противостоят также обретают узаконенные позиции через такие институты, как государство, партии, общественные организации, группы давления, парламентские фракции, религиозные организации и т. п. Это позволяет им выступать от имени больших социальных групп, претендовать на роль выразителей и защитников их интересов; вместе с тем для них открываются большие возможности преследовать личные и микрогрупповые цели.

Институциональные ограничения. Институциональные регулятивные образования задают самые общие границы применимости конфликтного взаимодействия. Правовые нормы, договорные обязательства, этические кодексы, официальные предписания — все это предопределяет обязательные для сторон правила, согласно которым процесс конфликтного взаимодействия рационализуется, эксплицируется, регулируется, а его разрешение принимает легитимную форму. Такие институциональные ограничения налагаются на весь спектр подобных отношений — от межличностных конфликтов до войн.

Яростно-территориальные ограничения. Для использования конфликтной парадигмы существуют определенные пространственные ограничения. Во-первых, социально-пространственное, определяемое ролевым составом участников взаимодействия, численностью вовлеченных в него институтов, групп и лиц, их социальным статусом. В зависимости от этого параметра конфликт может иметь большую или меньшую значимость социальных последствий. Во-вторых, территориальное распространение конфронтаций: часть поселения, поселение в целом, группа поселений. Это измерение определяет степень инерционности в обмене действиями и информацией между участниками взаимодействия. В-третьих, «микролокальное», связанное с конкретными местами реализации споров (например, залы для проведения дебатов или

судебных заседаний) или встречи противников (например, редакции средств массовой информации, кабинеты должностных лиц, кулуары официальных учреждений и т. п.). Степень доступа в эти места в сочетании с выполняемыми здесь ролями характеризует пределы влияния участников взаимодействия.

Временные ограничения. Следующее ограничение определяется продолжительностью конфликтных ситуаций и конфликтного взаимодействия с фиксированием их начала, периодов эскалаций и ремиссий, окончания. В этом отношении их можно разделить на долгосрочные и постоянно воспроизводящиеся. Краткосрочными они не бывают по своей природе. Как уже отмечалось, предпосылки для таких ситуаций в каждом сообществе существуют всегда. Факт любого дефицита достаточен, чтобы породить конфликт; во всех группах есть люди, пытающиеся улучшить свое положение за счет других; периодически проявляются попытки перераспределения властных и престижных социальных позиций и т. п. Условия возникновения подобных ситуаций также представляют собой частое явление: малейшее социальное напряжение побуждает людей фокусировать внимание на наличии таких предпосылок и оценивать их в терминах несправедливости. Соответственно конфликтные ситуации во всех типах сообществ всегда долгосрочны, хотя значительное время могут носить латентный характер. Более того, даже став явными, они могут не приводить к конфликтному взаимодействию. Существуют другие способы их регулирования — рационализация, нормирование, перемещение общественного внимания и т. п., — которые хотя и не устраняют предпосылок ситуации, но так влияют на интерпретацию их социальной значимости, что на какое-то время позволяют людям примириться с их существованием.

Конфликтное взаимодействие как непосредственный обмен взаимно вредоносными действиями представляет собой дискретный процесс, составленный из серий краткосрочных столкновений. Это обнаруживается на уровне индивидуальных и групповых действий, в ситуациях с высокой и низкой степенью технической оснащенности или культурной компетентности. Такая форма обусловлена антропологическими факторами: человек не способен к длительному непрерывному проявлению агрессивного поведения. В то же время, как уже говорилось, за счет волнообразной смены величины напряженности конфликтное взаимодействие может продолжаться достаточно долго. Соответственно оно имеет два рода временных ограничений. Во-первых, генерально его пределы задаются длительностью проблемной ситуации, принявшей явную форму. Более того, раз начавшись, сам процесс становится детерминантой длительности. Во-вторых, временные пределы открытых столкновений обусловлены антропологическими свойствами про-

тивников, с одной стороны, и объемами ресурсов, их качеством, навыками их адекватного распределения — с другой.

Культурные ограничения. Наконец, следует особо остановиться на смысловых или культурных пределах применимости конфликтной парадигмы в проблемной ситуации. Как уже отмечалось, ее парадокс в этих условиях состоит в том, что по ходу процесса действия участников постепенно смещаются от попыток решить проблему к взаимонаправленной агрессии, которая оправдывается идеологическими соображениями и взаимными обвинениями. В результате ситуация усугубляется за счет того, что последствия конфликта вносят дополнительные разрушения, напряженность, неопределенность. Социально значимые проблемы конфликтным способом неразрешимы. В борьбе можно разрушить какие-то устаревшие культурные паттерны, мешающие их осознанию или реальным действиям, направленным на поиски решения. Но если ситуация выходит из-под контроля, то и эта минимальная полезность исчезает. Эскалация конфликта способствует его переходу в самодовлеющую форму отношений между участниками, ценностно оправдываемых ими. Таким образом можно создать заметную ситуацию, на которую направляется внимание общественности с целью, во-первых, отвлечь ее от истинных проблем, и во-вторых, организовать вокруг общего центра, если разнонаправленность интересов становится источником нормативного и ценностного хаоса. Пределы применимости такой стратегии достаточно узки. Они заданы ограниченными возможностями людей контролировать агрессивное поведение. Вот почему столь частые попытки использовать эту стратегию в проблемных ситуациях ведут к ее усугублению и распространению на тех, кто ее применяет.

Контрольные вопросы

1. Предпосылки и условия возникновения конфликтной ситуации и конфликтного взаимодействия.
2. Силовое и ресурсное обеспечение конфликта.
3. Фазы конфликтного взаимодействия.
4. Механизмы поддержания конфликтной парадигмы.
5. Общая технологическая схема использования конфликтной парадигмы.
6. Особенности социокультурного опыта, осваиваемого в ходе конфликта.
7. Границы применимости конфликтной парадигмы при решении социально значимых проблем.

Я Глава 3. Переговоры и партнерство

Использование парадигмы переговоров в социально значимой проблемной ситуации направленно на формирование взаимоприемлемых соглашений, договора относительно распределения функций, если проблема разрешима, и сосуществования на базе взаимной адаптации, если она не имеет решения. Переговоры принято определять как взаимодействие, основанное на последовательном согласовании различных интересов сторон с целью получения определенных выгод каждой из них. В данном случае парадигма предполагает концентрацию усилий сторон на решении или нормировании проблемы; стремление достичь таких вариантов реализации интересов каждой из них, которые они сочли бы удовлетворительными; выработку обоснованных совместных решений в рамках ситуации, которые базировались бы на взаимоприемлемых критериях справедливости, эффективности, консенсуса.

Ситуации, благоприятные для переговоров

О качестве переговоров можно судить по соответствию принимаемых промежуточных и окончательных решений ряду критериев:

- реалистичность, т. е. соотнесенность с силами и ресурсами сторон, выполнимость;
- эффективность, т. е. ориентированность на поддержание или улучшение положения и взаимодействия сторон;
- легитимность, т. е. соблюдение законных интересов каждой из сторон; урегулирование столкновения интересов сторон на основе принципов справедливости, признаваемых ими;
- долговременность достигнутых договоренностей, т. е. выработка механизмов поддержания отношений, установленных между сторонами в ходе переговоров.

Предпосылки условия, определяющие возможность переговоров. Переговорную парадигму можно применять в проблемных ситуациях далеко не во всех случаях. Если предпосылки для нее можно обнаружить всегда, то для их актуализации нужны определенные необходимые и достаточные условия.

Предпосылки обращения к переговорной парадигме взаимодействия заложены в стремлении сторон решить проблему таким образом, чтобы избежать разрушения, с одной стороны, и утраты идентичности, полного растворения в более сильной системе — с другой. Их можно определить через следующие базовые переменные:

- конструктивная ориентация: люди в проблемной ситуации способны сконцентрироваться и действовать таким образом, чтобы последовательно преодолевать затруднения и адаптироваться в ее рамках, если она не преодолима, и изменить ее, если это возможно;

— наличие собственных интересов у членов различных групп в проблемной ситуации: каждая сторона предпочитает участвовать в принятии решений по вопросам, которые ее затрагивают, а не предоставлять это кому-то другому;

— способность к обмену: в процессе взаимодействия, как было показано ранее, люди могут обмениваться разного рода ресурсами таким образом, чтобы их хватило на реализацию интересов (в приемлемых пределах) каждого без ущемления интересов других;

— реципрокная форма отношений: люди могут выполнять дополняющие друг друга функции в процессе совместного целедостижения таким образом, чтобы поддерживать друг друга в затруднительных обстоятельствах, с одной стороны, и не попадать в полную взаимозависимость — с другой.

Условия, благоприятные для переговоров. Такого рода предпосылки порождают ситуацию переговоров при наличии необходимых и достаточных для этого условий, когда стороны:

— пытаются добиться хотя бы частичного улучшения собственного положения без стремления разрушить друг друга, но с готовностью к взаимным компромиссам. Поскольку каждая проблема имеет несколько направлений решения, не являющихся взаимоисключающими, они могут идти друг другу на уступки, не имеющие ключевого значения для них самих, но важные для другой стороны, или же найти альтернативные решения, влекущие за собой минимальные издержки для каждого из участников;

— помимо различных, имеют еще и совпадающие интересы, значимые для решения проблемы, но не занимают в отношении них позицию взаимной несовместимости, как в случае конфликта, а готовы объединить усилия для их реализации и совместно пользоваться полученными результатами;

— считают возможным достижение определенных договоренностей в отношении совместного решения проблемы с сохранением собственных интересов, считая это более выгодным, чем другие альтернативы (конфликт или консолидация). В этом случае предметом переговоров становится примирение интересов сторон;

— готовы вступить в дискуссию в поисках взаимно удовлетворяющих решений, договориться о спорных вопросах и об условиях дальнейшего сосуществования в системе. Чем точнее будут эти договоренности, тем более благоприятными станут последствия принимаемых решений для участников переговоров.

Готовность идти на переговоры, как правило, не скрывается. Стороны обычно открыто предлагают друг другу эту форму взаимодействия при перечисленных условиях как необходимых и достаточных в идеально-типическом смысле. Их необходимость обусловлена стремлением сторон избежать разрушительных для себя последствий сохранения или усугубления проблемной ситуации и

признанием неизбежности сотрудничества в этих обстоятельствах. Их достаточность определяется тем, что здесь предусматриваются как общие, так и специальные интересы сторон; как их взаимодополнительность, так и функциональная автономия.

Участники переговоров. Участников переговоров не следует сводить к диаде. Их состав значительно шире. Так, даже в двусторонних переговорах возможны вариации, поскольку стороны могут представлять:

— свои личные интересы, например, в ситуациях торга между покупателем и продавцом, наемным работником и нанимателем, руководителем и подчиненным и т. п. В этом случае переговоры имеют непосредственный характер, т. е. участники находятся в прямом контакте; каждый выступает от своего имени и с этой позиции вносит свои предложения, принимает решения, несет ответственность за их последствия;

— определенные группы интересов, например, производственные, банковские, административные, профсоюзные, партийные единицы. В таких ситуациях переговоры становятся опосредованными, поскольку стороны выступают не от своего имени, но защищают правомерность направления действий представляемой ими организации или группы в проблемной ситуации. Соответственно каждая сторона вносит свои предложения, принимает решения, руководствуясь организационными уставными документами; интересами администрации, олицетворяющей организацию в целом; соображениями выгоды той группы, которую представляет, и своими собственными побуждениями;

— избирателей, т. е. большие и достаточно неопределенные по настроениям, ориентациям, запросам группы людей. Переговоры при этом также носят опосредованный характер, однако при внесении предложений и принятии решений стороны руководствуются общими этическими соображениями и указаниями руководства партий и фракций, к которым они принадлежат. Степень строгости такого контроля влияет на возможность в ходе переговоров учитывать интересы как других своих групп принадлежности (например, семья), так и свои собственные.

Чем больше сторон оказывается втянутыми в переговоры, тем сложнее становится процедура выработки взаимоприемлемых решений. При одной и той же проблемной ситуации стороны, даже стремящиеся достичь взаимоприемлемых договоренностей и готовые к компромиссам, видят ее неодинаково. Так, различными могут быть ее аспекты, выделяемые в качестве значимых: для одних это власть, для других — ресурсы жизнеобеспечения, для третьих — рабочие места, для четвертых — общественный престиж и т. п. Далее, по-разному может видеться конечный результат переговоров: для одних — это решение проблемы; для других — достижение

безопасной позиции в проблемной ситуации; для третьих — приобретение союзников; для четвертых — расширение степени функциональной автономии и т. п. Кроме того, стороны видят ситуацию с точки зрения той социокультурной группы, к которой принадлежат: наемные работники считают важным нечто иное, чем собственники; разные взгляды на проблему будут у экспертов-специалистов и, скажем, партийных, административных лидеров; молодые и старые представители менеджмента будут склонны к разным направлениям действий и т. п. Наконец, на восприятие проблемы и возможностей ее решения определенное влияние оказывают личностные характеристики участников: более честолюбивый человек будет менее склонен к компромиссам, чем, скажем, более опытный политик; воинственный задаст более напряженный тон переговоров, чем миролюбивый; интеллеktуал увидит больше возможностей в решении проблемы, чем привыкший к стереотипам обыватель, и т. п. Совершенно очевидно, что при многосторонних переговорах подобные различия взаимно налагаются и образуют достаточно сложное концептуальное поле определения ситуации.

Если стороны не могут договориться об источнике затруднений, выделить цель взаимодействия, сконцентрироваться на решении проблемы, но погрязают в спорах и обсуждениях, относящихся к частным вопросам, лучше прибегнуть к внешней помощи. Посреднику или арбитру, если он оказывается приемлемым для всех сторон, оказывается легче, чем им, преодолеть споры вокруг незначительных деталей, направить переговорный процесс на выявление и примирение интересов, на решение проблемы. Он может предложить непредвзятую позицию для устранения разногласий; на этой базе классифицировать предлагаемые варианты решений проблемы и прогнозировать их последствия для сторон; отделить процессы выдвижения и обсуждения предложений от выработки соглашения; уменьшить за счет обобщения численность альтернативных вариантов соглашения. Посредничество и арбитраж сходны в том, что лица, выполняющие соответствующие роли, не предлагают сторонам никаких решений, но только способствуют нормальному ходу переговоров. Они различаются степенью регламентированности своего участия в процессе: позиция арбитра нормативно более упорядочена по сравнению с посредником, хотя и не требует соответствия судебным правилам.

Стили переговорного взаимодействия

При необходимости примирения интересов в проблемной ситуации возможны несколько стилей ведения переговоров.

Ориентация на сотрудничество («мягкий» стиль)

В этом случае основной целью взаимодействия является достижение взаимовыгодного соглашения с помощью гибкой стратегии, которую характеризуют следующие показатели и признаки:

— дружественные отношения, установление которых облегчает ход переговоров, поскольку создается благоприятная атмосфера для взаимопонимания, откровенных высказываний, совместного обсуждения возникающих неясностей, расширения источников информации. К их ключевым признакам можно отнести: взаимное доверие, проявляющееся в информационной и эмоциональной открытости сторон по отношению друг к другу; постоянный обмен перспективами, т. е. рефлексивная оценка собственной позиции с точки зрения другой стороны и желание понять скрытые побуждения и желания друг друга; стремление идти на уступки для поддержания сложившихся отношений;

— ориентация на достижение взаимовыгодного соглашения, позволяющая сторонам понимать интересы друг друга и искать путей преодоления помех их реализации. Первая группа соответствующих признаков связана с выдвижениями предложений: стороны высказываются охотно, проявляют инициативу без специальных внешних побуждений, относятся к предложениям друг друга с вниманием и интересом. Вторая относится к поиску каждой стороной таких вариантов решения проблемы и ее отдельных аспектов, которые были бы приемлемыми для другой стороны: готовность нести определенные потери во имя достижения взаимоприемлемого соглашения. Третья предполагает уточнение сходств и различий в интересах. Четвертая обнаруживается в стремлении подчинить весь ход переговоров выработке взаимовыгодного соглашения, а не индивидуальным интересам;

— мягкий курс выработки совместных решений, обеспечивающий возможность их последовательной оптимизации. В этом случае стороны оказываются готовыми не только к рассмотрению альтернатив и новых, неожиданных предложений, но и к корректировке в соответствии с ними собственного поведения. Этому соответствует следующий набор признаков: избежание взаимного противопоставления позиций и силовых нажимов; готовность считаться с аргументами друг друга, убедительными с точки зрения вклада в решение проблемы; преодоление инерционности своих позиций и изменение их по ходу продвижения к достижению взаимовыгодных соглашений.

Ориентация на сотрудничество позволяет быстро достичь соглашения. Но ей свойственны определенные ловушки, попадая в которые стороны теряют в эффективности переговоров. Например, стараясь избежать конфронтаций и расхождений в позициях, они упускают из виду различия в интересах, и вместо того, чтобы решать связанную с этим проблему, подчеркивают необходимость достижения соглашения. Результат оказывается размытым и малоэффективным. Нередко в стремлении не ущемить интересы друг друга стороны договариваются о наихудшем или наилучшем вари-

анте, на который они готовы пойти при выработке решения. Когда такой предел устанавливается, им легче достигать промежуточных договоренностей, поскольку имеются общепринятые точки отсчета. Однако по определению — это позиция, которой стороны вынуждены придерживаться. Она закрывает возможности для рассмотрения альтернатив взаимовыгодных согласований интересов, снижает стимул к их выработке. Наконец, ориентация на сотрудничество может сделать стороны уязвимыми к давлению окружения. Если внешние агенты занимают в проблемной ситуации жесткую позицию принуждения, стороны, готовые более к уступкам, чем к сопротивлению, оказываются в невыгодном положении и вынуждены подчиняться. В результате в ходе переговоров общие интересы могут быть ущемлены внешними обстоятельствами.

Состязательная ориентация («жесткий» стиль). Притаккой ориентации каждая из сторон упорно отстаивает собственные интересы и на каждой ступени переговоров стремится по возможности к минимальным уступкам и максимальным преимуществам. Напряженность в отношениях между сторонами обусловлена тем, что жесткость одной из сторон чаще всего вызывает такую же реакцию другой. Она характеризуется позиционными, а не межличностными отношениями сторон, стремящихся к достижению собственных целей. Но эту ориентацию не следует смешивать с конфликтной, поскольку здесь сохраняются характерные для переговоров ключевые черты взаимодействия: признание некоторых, пусть ограниченных, общих интересов; правомерности компромиссов и взаимных уступок; необходимости установления взаимоприемлемого соглашения. Эта ориентация распознается по определенному набору специфичных для нее показателей и признаков:

— состязательные отношения, при которых на каждой стадии возникает необходимость заново оговаривать позиции. К их ключевым признакам относятся: взаимная настороженность сторон, которая может переходить в недоверие; утаивание друг от друга собственных скрытых побуждений и интересов; обращение к торгу, т. е. требованию уступок в обмен на продолжение отношений;

— стремление отстаивать собственные интересы, подразумевающее концентрацию на соображениях безопасности. Ему отвечают следующие признаки: демонстрация собственных сил при защите своих интересов, вплоть до угроз; готовность выдвигать и принимать такие предложения, которые вели бы к взаимоприемлемому соглашению, максимально отвечающему собственным интересам каждой из сторон; требование односторонних преимуществ в обмен на согласие с предложением другого;

— жесткое отстаивание собственной позиции вне зависимости от ее вклада в решение проблемы, существенно сужающее круг возможных альтернатив при выработке взаимоприемлемых реше-

ый. Об этом свидетельствуют следующие признаки: попытки каждой из сторон волевым путем принудить партнера принимать выгодные для нее решения; сопротивление партнеров давлению друг друга; отсутствие гибкости в отношении собственных позиций и демонстрация нежелания их менять ни при каких обстоятельствах, даже в ущерб себе.

Состязательная стратегия, как видно из сказанного, связана с повышенной напряженностью в отношениях между сторонами и определяет затяжной характер переговоров. Она может привести к выработке взаимовыгодного соглашения, но в очень узких пределах, либо обеспечить преимущества одной из сторон, но относительно недолгие и непрочные. Ее применение чревато серьезными опасностями для хода переговоров. Позиционные противостояния отвлекают стороны от концентрации на решении проблемы, нередко приводят к столкновениям, к постепенной трансформации переговорной парадигмы в конфликтную.

*Конструктивная ориентация («принципиальные переговоры»)*¹. Она представляет собой промежуточный вариант, рациональным образом объединяющий элементы сотрудничества и состязания. Для нее характерны сосредоточенность на решении проблемы, на нормировании проблемной ситуации или, по крайней мере, на выработке договоренностей сторон о том, как совместно адаптироваться в ее рамках. В этом случае на задний план отесняются и соображения сохранения дружественных отношений, и торг по поводу индивидуальных интересов и позиций. В центре переговорного процесса оказывается стремление сторон найти обоюдную выгоду и при совпадении, и при расхождении интересов. В последнем случае стороны договариваются о критериях справедливости и в соответствии с ними принимают необходимые решения. Метод «принципиальных переговоров» подразумевает жесткий подход к рассмотрению проблемы и мягкий подход в отношениях между сторонами. Ему соответствуют специфичные наборы показателей и признаков:

— партнерские отношения, при которых стороны совместно обсуждают возможные альтернативы и выбирают взаимоприемлемую. В качестве ключевых признаков такого рода отношений можно назвать: рассмотрение только тех вопросов, которые имеют прямое отношение к решению проблемы, и отсечение всех попыток отвлечься на межличностные отношения или позиционное противостояние; двусторонний обмен информацией, в том числе конфиденциальной, независимо от степени взаимного доверия; обмен перспективами, но не для выявления скрытых желаний, а

¹ См.: Фишер Р., Юри У. Путь к согласию. Или переговоры без поражения. М., 1990.

для определения реальных интересов каждого и возможности их согласования; готовность идти на такие уступки, которые помогают решению проблемы;

— ориентация на рациональное достижение взаимовыгодного соглашения. Благодаря согласованию интересов она становится цепью взаимных договоренностей, при которых уступки каждой из сторон на одной стадии переговоров компенсируются получением преимуществ на другой. Ей соответствуют такие признаки: инициативное выдвижение обдуманных реалистичных предложений и их совместная оценка с точки зрения вклада в решение проблемы; ответственность каждой из сторон за то, чтобы в ее предложениях учитывались интересы другой; рациональное чередование уступок и получения преимуществ, т. е. соответствие процесса переговоров принципу уравнивающей справедливости; подчиненность хода переговоров выработке взаимовыгодного соглашения;

— сочетание жесткости и гибкости в стратегии переговоров. В этом случае жесткие компоненты обеспечивают контроль над ответствием каждого промежуточного решения достижению окончательных договоренностей, а гибкость — выбор и смену вариаций каждого такого решения. Признаки такой ориентации: достижение договоренности о принципах переговоров; готовность каждого идти на уступки при убедительности доводов другого и аргументировано отстаивать свои конструктивные предложения в случае несогласия; преодоление инерционности своих позиций и сохранение их только из соображений целесообразности для решения проблемы.

Таким образом, ориентация на конструктивное решение проблемы позволяет сторонам достигнуть взаимовыгодных прочных соглашений при гораздо меньших затратах усилий, чем в случае состязания. И хотя эти затраты оказываются выше, чем при сотрудничестве, они окупаются позитивными последствиями рационально продуманного, взвешенного, реалистичного соглашения.

Какая бы из стратегий ни была избрана для переговоров, их участникам придется столкнуться с решением серьезных дополнительных задач коммуникативного характера.

Принципы преодоления межличностных затруднений

Нередко в процессе переговоров, ведущихся с самыми конструктивными и дружественными намерениями, возникают затруднения, обусловленные отнюдь не злонамеренностью партнеров, но их неосознаваемыми интересами и нуждами. Они побуждают человека к поведению, которое ломает ход переговоров и создает впечатление недостижимости взаимоприемлемых решений. В этом случае другая сторона, заинтересованная в продолжении переговоров, может руководствоваться рядом правил, помогающих наладить коммуникацию.

Преодоление негативных реакций. Затруднения в межличностных отношениях по ходу взаимодействия могут вызвать у сторон гнев, растерянность, подавленность и другие чувства, мешающие переговорам. В таких случаях существуют две возможности разрядить напряженность: либо взять под контроль собственные побуждения, либо дать выговориться другой стороне. При этом можно руководствоваться некоторыми правилами:

— пытаться преодолеть возникшую неприязнь напоминанием о предшествующих успешных взаимодействиях и перемещением ее источника с личности на обстоятельства;

— использовать специальную технику овладения появившимися негативными побуждениями;

— стараться не попадать под влияние плохого настроения или раздражения партнера, но попытаться понять их причины;

— использовать приемы, нейтрализующие недовольство, раздражение партнера.

Преодоление коммуникативных затруднений. Нередко затруднения в переговорах возникают из-за недостатка взаимопонимания партнеров. В подобных случаях, чтобы наладить коммуникацию, нужно затрачивать специальные усилия:

— с самого начала переговоров признать взаимные различия как данность и считать правомерными случаи непонимания друг друга;

— узаконить процедуру обращения за разъяснениями, позволяющую уточнить любое высказывание партнеров;

— уделять как можно больше внимания соотносению высказываний с сутью решаемой проблемы.

Преодоление споров об ответственности. Переговоры могут тормозиться спорами по поводу вины и ответственности. При недостатке компетентности и нежелании признаваться в этом одна из сторон может попытаться сдвинуть фокус переговоров с преодоления проблемной ситуации на поиски виновных в ее возникновении и существовании; на обсуждение вопроса о том, кто и в каких формах должен нести ответственность за ее разрешение. Бесплодность этих споров вынуждает другого принять одно из следующих решений:

— при недостатке компетентности у партнера можно либо разъяснить ему происходящее, либо деликатно отвести ей в переговорах соответствующее место;

— при нежелании партнера участвовать в решении проблемы лучше предоставить ему возможность выйти из переговоров.

Внимание к личностным особенностям партнера. В ходе переговоров сторонам приходится затрачивать специальные усилия на корректировку собственного поведения в соответствии с личностными особенностями друг друга. Так, с людьми грубыми,

бесцеремонными, демонстрирующими свое превосходство, придется придерживаться доброжелательной, но твердой позиции. В противном случае негативные проявления будут усиливаться. С людьми замкнутыми следует вести себя терпеливо и особенно деликатно, что может побудить их к конструктивному взаимодействию. Подозрительные люди смогут эффективно действовать лишь в случае специальных затрат усилий на формирование отношений взаимного доверия. Иными словами, чтобы это не мешало взаимодействию, можно руководствоваться следующим набором общих правил:

— определить, каким чертам партнера следует уделять специальное внимание, чтобы поддерживать переговоры;

— не попадать под его влияние, сохранять спокойствие и нейтралитет;

— попытаться совместно с ним выявить его скрытые побуждения с тем, чтобы учесть их в процессе выработки взаимоприемлемых решений;

— максимально вовлекать его в процесс конструктивного взаимодействия.

Уловки и реакции на них. При переговорах встречается ряд типичных тактических приемов и хитростей, с помощью которых применяющие их люди могут получить преимущество над партнерами¹.

— преднамеренный обман: одна сторона может вводить другую в заблуждение относительно своих полномочий; предоставлять ложную информацию; искажать факты;

— неясные полномочия: ошибочно считать, что сторона имеет полномочия, основываясь на факте ее участия в переговорах. Группа интересов, которую она представляет, может, специально лишив права принятия окончательных решений, сделать ее активным участником переговоров. В этом случае целями становятся получение дополнительной информации о намерениях и скрытых интересах других сторон; затягивание или разрушение переговоров; укрепление своих позиций и т. п.:

— давление: оно используется одной из сторон с целью повлиять на содержание решений других. Так, идеологические нападки провоцируют неловкость и растерянность, побуждающие к уступкам. Использование позиционных преимуществ принуждает к отказу от более выгодных решений в пользу менее предпочтительных. Наконец, дискомфортная обстановка самих переговоров (неудобное помещение, шум, неблагоприятные температурные условия, плохая освещенность, отвлекающие моменты и т. п.), используются для сворачивания переговоров;

¹ См.: Фишер Р., Юри У. Путь к согласию. Или переговоры без конфликта. С. 139—153

— личные выпады: одна из сторон может использовать тактику упреков, обвинений в отношении других; делать замечания, стараясь подчеркнуть их некомпетентность; заставлять их ждать; прерывать переговоры; не слушать; требовать повторять сказанное. Все это может быть выражено в такой форме, что другая сторона будет считать происходящее досадными недоразумениями. Тем не менее нормальный ход переговоров нарушается;

— угрозы: указания на негативные последствия для другой стороны, если она не пойдет на уступки. Эта тактика может использоваться в различных вариантах. Обычно опытные участники переговоров не прибегают к прямым запугиваниям, ограничиваясь предупреждениями, такими как возможность жестких мер в ответ на поведение партнеров. Они могут также преднамеренно распределить позиции так, чтобы один занимал жесткую позицию, а другой — мягкую, совместно направляя партнера к менее выгодному для него решению. Наконец, сторона с более сильной правовой позицией, угрожая другой законными негативными санкциями, вынуждает ее к компромиссу;

— повышение требований: в ходе переговоров активная сторона усиливает требования с каждой последующей уступкой вплоть до экстремальных значений, и вновь поднимает вопросы, которые ранее были урегулированы. А при попытках партнера защитить свои интересы в невыгодной ситуации ему предъявляется ультиматум: либо следование требованиям, либо прекращение переговоров;

— ослабление контроля над ситуацией: одна из сторон может укрепить свою позицию в переговорах, просто ослабляя контроль над ситуацией, не замечая разумных предложений другой стороны; игнорируя свои обязательства; не реагируя на напряженные моменты переговоров. Такая тактика расширяет сферу ее функциональной автономии;

— рассчитанная задержка: одна из сторон может пытаться затянуть или отложить переговоры в надежде дожидаться благоприятных для себя обстоятельств. Это позволяет сберечь ресурсы и рассчитывать на будущее подкрепление.

Подобные типы поведения нужны использующей их стороне, чтобы увеличить степень своего контроля над ситуацией, выиграть в соперничестве позиций. Когда у партнера есть подозрения или уверенность в том, что в отношении него применяются специальные уловки, он может предпринять ряд нейтрализующих шагов:

— выявить сам факт использования определенной тактики;

— прямо вынести этот вопрос на обсуждение;

— подвергнуть сомнению правомерность ее использования с точки зрения цели переговоров.

Препятствия такого рода не возникают, если стороны руководствуются правилами «принципиальных» переговоров:

- сосредоточиться на интересах, а не на позициях; подвергать сомнению тактику, а не критиковать применяющих ее людей;
- предлагать взаимовыгодные варианты промежуточных решений и окончательных договоренностей;
- настаивать на использовании объективных критериев оценки техник и результатов выработки решений.

Динамический потенциал переговоров: признаки и показатели

Структура переговорного взаимодействия. Обычно при переговорах партнеры редко задумываются об установлении правил, упорядочивающих отношения между ними. Тем не менее процесс может быть заранее организован, если руководствоваться определенными принципами.

Поиск альтернативных вариантов решений. На каждой стадии переговоров необходимо выдвигать несколько возможных решений обсуждаемого вопроса. Для окончательного и единственного соглашения, приемлемого для всех участников, перебор значительного количества промежуточных вариантов, развернутые прения по каждому из спорных вопросов помогут получить продуманный и обоснованный конечный выход.

Убежденность в возможности взаимовыгодных решений. Следует исходить из того, что при обсуждении каждого спорного вопроса можно найти такое результирующее решение, которое будет выгодным для всех участников переговоров. В этом случае следует придерживаться основных правил:

- не рассматривать ситуацию с позиций, «если не выигрыш, то проигрыш» и «если одна сторона выигрывает, то другая обязательно проигрывает»;
- не пытаться связывать взаимовыгодный вариант с максимальным значением собственного выигрыша.

Совместное решение проблемы. Чтобы переговоры были не формальностью, но ориентированными на разрешение проблемной ситуации, в спорных случаях важно открыто обсуждать интересы и текущие выгоды каждой из сторон, искать зоны их совпадений или сопряжений. На этой основе легче вырабатывать взаимоприемлемые решения.

Построенная на таких принципах структура переговоров, может рассматриваться в качестве показателя их рациональной организации. Действительно, каждая сторона получает определенные гарантии того, что при выработке окончательного соглашения она будет принимать участие в обсуждении промежуточных альтернатив; ее интересы будут учтены; безопасность будет обеспечена за счет совместного обсуждения проблем.

Силовое обеспечение переговоров. В проблемной ситуации стороны вступают в переговоры, чтобы путем приложения совмест-

ных усилий достичь лучшего, чем прежде, положения, сохраняя при этом свою функциональную автономию. В этом случае их сила определяется, во-первых, четкостью представлений каждого участника о собственных интересах и возможностях в отношении решения проблемы; во-вторых, адекватной оценкой аналогичного потенциала партнера.

Определение собственных интересов и возможностей. Сила позиции в структуре переговоров тем значительнее, чем реалистичнее участники определяют свои интересы, запросы и возможности их реализации в проблемной ситуации. Она возрастает, если имеются некоторые заготовки альтернатив для защиты от невыгодных решений:

— наилучшая альтернатива решения, отвечающая интересам стороны;

— наихудшая альтернатива решения, не ущемляющая интересы стороны;

— пределы возможных уступок, при которых переговоры продолжают быть выгодными стороне;

— план действий, связанных с решением проблемы, если не удастся прийти к соглашению и от переговоров придется отказаться;

— тактическая схема уступок.

Наличие такого рода модели обеспечивает имеющей ее стороне ряд силовых преимуществ:

— знание того, что следует делать в случае бесплодности процесса, придаст дополнительную уверенность при отстаивании собственных интересов; обезопасит от непредвиденных и негативных последствий провала переговоров; снизит зависимость от предлагаемых партнерами условий соглашений;

— четкое представление о своих интересах и пределах возможностей в ситуации позволит с этих позиций оценить каждое принимаемое решение;

— в совокупности это обеспечит возможность проявлять высокую активность и оказывать силовое давление на партнеров, обнаруживая или скрывая свои резервы, подчеркивая имеющуюся возможность выйти из переговоров.

Оценка силового потенциала партнеров. Чем больше сторона знает об интересах партнеров и вариантах их отстаивания, тем лучше она оказывается подготовленной к ведению переговоров, тем точнее представляет, что можно от них ожидать. Если партнер занимает более сильную позицию, целесообразно в отношении с ним изначально определить:

— чего он хочет: контролировать ход переговоров, добиться признания собственного авторитета или каких-либо преимуществ и т. п.;

— свои возможности: сохранить определенную степень автономности; повысить статус; извлечь преимущества;

— соотношение тактики уступок и уловок: внешне признавая авторитет партнера, не упускать благоприятные для себя возможности.

Таким образом сторона получает большую свободу в использовании своих ресурсов независимо от согласия других: чем больше автономность от партнеров, тем меньше зависимость от переговоров, тем больше возможностей влиять на ход и результат процесса.

Ресурсное обеспечение участников переговоров. В ходе переговоров реализация интересов требует ресурсного обеспечения. Интересы принято определять как значимые для людей социокультурные побуждения, которыми они руководствуются в своих попытках занять конкретную социальную позицию, культурную нишу, контролировать определенные блага, распоряжаться на значимой для них территории и т. п. Они связаны прежде всего с фундаментальными адаптационными императивами, такими как жизнеобеспечение, безопасность, принадлежность, признание, автономия.

Определение проблемной ситуации и путей ее преодоления люди всегда осуществляют сквозь призму своих приоритетных интересов. Те, кто не может решить проблему в одиночку, склонны объединяться в так называемые «группы интересов» на партнерской основе, что позволяет им частично оказывать помощь друг другу. В то же время каждый занимает здесь свою позицию, которую можно рассматривать как демонстративное утверждение и обоснование правомерности своих интересов в контексте переговоров.

В ходе взаимодействия имеющиеся у сторон ресурсы — технологические, организационные, социокультурные — распределяются между двумя основными процессами: реализация интересов и позиционные споры. Эффективность переговоров с точки зрения преодоления проблемной ситуации оказывается тем выше, чем более они сосредоточиваются на согласовании интересов, а не позиций. Нередко за внешними столкновениями скрываются одни и те же базовые ориентации. Поэтому обращение к примирению интересов, а не позиций, исключает побочные факторы и помогает экономить ресурсную базу переговоров. Следует подчеркнуть, что за расхождениями в позициях нередко скрываются вполне примиримые интенции, а за общей позицией — различные цели. Обращение непосредственно к интересам позволяет сразу обнаружить это сходство или различие и далее искать компромиссные решения.

Обычно считается, что различия в интересах мешают организации переговорного взаимодействия и создают предпосылки для конфликта. Однако теория и опыт свидетельствуют о том, что они могут способствовать достижению удовлетворяющего всех соглашения. В проблемной ситуации одна сторона может быть заинте-

ресована в ее экономическом разрешении, другая — в политическом, третья — в социально-организационном; кого-то могут заботить более частные аспекты ситуации: положение отдельных социокультурных групп, технологические вопросы и т. п. Взвешивая ресурсы, освобождающиеся в каждом случае из-за отсутствия соперничества, можно перераспределить их рациональным образом. Это становится дополнительным фактором для взаимоприемлемых и взаимовыгодных решений.

Идентификацию интересов друг друга стороны пытаются осуществить в процессе переговоров через демонстрацию позиций, которые отличаются конкретностью и хорошей артикулированностью. В то же время стоящие за ними цели чаще всего прямо не проявляются. Стороны могут преднамеренно скрывать их; или же четко не осознавать; или же плохо структурировать и выражать. Затрата усилий на их выявление, формирование, обсуждение необходима, поскольку при ориентации переговоров на решение проблемы именно четкая выраженность интересов делает возможным их примирение и придает процессу конструктивный характер.

Распределение ресурсов в ходе переговоров в пользу согласования интересов сторон по сравнению с позиционными спорами может служить надежным показателем эффективности их продвижения.

Коммуникативный потенциал процесса переговоров. Для переговоров структурирование информационных процессов является ключевым процессом, который необходимо постоянно контролировать, поскольку взаимопонимание составляет основу для разработки и последующей реализации соглашений. Эффективность коммуникации в ходе процесса можно регулировать через три основных общепринятых изменения — говорение, слушание, понимание — в форме наборов определенных правил.

Правила говорения. В ходе переговоров необходимо добиться ясности в отношении интересов, позиций, мнений сторон в проблемной ситуации, поскольку без этого согласование их действий окажется невозможным. Неопределенность в изложении позиции наблюдается, когда участники: вынуждены говорить о чем-то нежелательном, неприятном, неприемлемом для себя; недостаточно представляют себе то, о чем говорят; опускают детали из-за недостатка времени; хотят избежать ответственности. Иногда двусмысленность может быть тактически выгодной, позволяя выиграть время, скрыть истинные побуждения, «сохранить лицо» и т. п. Однако в конечном счете это ведет к ошибкам в заключениях и поведении. Построению решений на реалистичных основаниях способствует соблюдение следующих правил:

— высказывания прямо относятся к формулировке проблемы, путям ее решения или усювершенствованию хода переговоров; они

обдуманы, обоснованы, конструктивны, четко изложены. Это вносит ясность относительно интересов, позиций, мнений участников на каждой стадии переговоров;

— обмен информацией носит открытый характер. Каждый в приемлемой для всех форме выражает мнения и предпочтения, а также побуждает к этому других. В то же время переговоры не следует делать публичными, их лучше вести конфиденциально и при участии только прямо заинтересованных лиц;

— выражается преимущественно собственное мнение, в корректной форме и так, чтобы другие стороны понимали вклад говорящего в решение проблемы. Переговоры — это не дебаты, поэтому важно избегать чрезмерной категоричности и полемичности в высказываниях. Собственное мнение или суждение высказывается только в интересах достижения цели, от своего имени и с полной ответственностью. Обвинения, угрозы, предупреждения, конструкции долженствования и другие проявления авторитарности и агрессивности максимально исключаются. Соблюдение такого рода стилистических правил обычно вызывают у партнеров желание продолжать переговоры;

— партнеры побуждают друг друга к развитию дискуссии. Если чувствуется, что между ними остается недоговоренность; что основания для промежуточного решения не прояснены до конца; что переговоры отклонились от примирения интересов в сторону позиционных споров, то делается все, чтобы углубить тему, вывести партнеров на рефлексивное обсуждение сложившейся ситуации. В этом случае обычно используется серия нейтральных вопросов, располагающих к продолжению обсуждения и прояснению позиции. Излишняя концентрация на причинах оценок и мнений может привести лишь к усилению защитной позиции, а ненавязчивые побуждения позволяют последовательно перевести позиционную дискуссию в обсуждение проблемы;

— для поддержания коммуникативного процесса можно использовать неречевые средства. Например, улыбаться, кивать головой, смотреть в глаза, склоняться в сторону говорящего — значит проявлять признаки интереса к его высказываниям. Это побуждает его продолжать разговор. В случае неразумных предложений, необоснованных нападок, неудовлетворительного ответа на вопрос лучшая тактика — молчание. Оно порождает чувство неловкости, особенно если у партнера нет уверенности в обоснованности своего поведения, и становится стимулом к восстановлению прерванного процесса. В этом случае наиболее заинтересованная и активная из сторон, стремясь преодолеть затруднение, задает вопрос или выдвигает новое предложение.

Соблюдая подобные правила говорения, партнеры имеют возможность поддерживать постоянную ясность в отношении интересов, позиций, намерений, мнений друг друга.

Правила слушания. Активное слушание в процессе коммуникации повышает не только осведомленность реципиента, но и ответственность коммуникатора за содержание и последствия высказываний. Однако слушать внимательно трудно, особенно когда дискуссия становится напряженной и когда необходимо, параллельно обдумывая аргументы, активно участвовать в ней. Следование определенным правилам позволит не упустить значимую информацию в ходе переговоров:

— сосредоточиться на предмете обсуждения: не позволять себе отвлекаться на побочные рассуждения или личностные характеристики партнеров; из того, что говорится, выводить информацию о скрытых интересах и мотивах партнеров; при отклонениях от темы с помощью вопросов пытаться вернуть переговоры в нужное русло;

— слушать внимательно, не давая оценок сказанному: это позволит, во-первых, выявить точку зрения партнера, а не свое отношение к ней; во-вторых, побудить партнера продолжать разговор, подчеркивая значимость его слов; в-третьих, создать непринужденную атмосферу, при которой говорящим легко делиться своими мыслями;

— высказывать свое мнение об услышанном и прояснять происходящее: повторять наиболее важные пункты обсуждения; просить подтверждения, что они были поняты правильно; в сомнительных случаях обращаться за дополнительными разъяснениями. Это помогает получить дополнительную информацию и усилить эффективность коммуникации;

— относиться к высказываниям друг друга с уважением: выражать внешними знаками заинтересованность в получаемой информации и высокую оценку самого факта участия в переговорах; в ходе коммуникации не проявлять равнодушия и повышенной критичности. Это позволяет в ходе переговоров сохранять атмосферу доброжелательности.

Соблюдение такого рода правил слушания позволит участникам переговоров не только увеличить степень собственной осведомленности, но и сформировать благоприятную рабочую обстановку.

Правила достижения понимания. В ходе переговоров стороны предполагают, что все сказанное ими будет не только услышано, но и понято. Чаще всего такое допущение остается неосознанным, невыраженным в явной форме, принимаемым как данное, что может приводить к недоразумениям при выработке решений. Понимание не означает согласия и значимо не только для достижения договоренностей, но и для выявления причин разногласий. Прояснение того, как высказывания партнеров соотносятся с их интересами и намерениями; насколько они сходны или расходятся; возможно ли их взаимное примирение и согласование, позволяет участникам переговоров конструктивно относиться даже к 497

взаимным расхождениям во мнениях. Существует набор правил, облегчающих понимание:

— в случае неопределенности содержания обсуждаемых решений отразить собственные предположения; определить, в какой степени они основываются на фактах, а в какой — на домыслах; с позиций собственных интересов и решения проблемы оценить их значимость; поделиться сомнениями с кем-то из партнеров. Это позволит контролировать собственное понимание хода переговоров;

— рассматривать собственные и предлагаемые другими варианты решений путем отбора фактов и исключения оценок, выявлять скрытые за ними интересы и намерения; все неясности выявлять и устранять за счет открытого обсуждения. Благодаря этому участники до конца понимают те принципы, на которые они опираются в ходе переговоров для достижения взаимоприемлемого соглашения;

— не бояться проявлять инициативу в случаях взаимного непонимания: выделять расхождения между тем, что говорится и что делается, обусловленные неверными интерпретациями происходящего; определить причины такой ошибочности; соотносить обоснование видения ситуации с признанием его несовершенств. Речь идет о том, чтобы помочь друг другу преодолеть неадекватные интерпретации события, а не доказать их ложность. Применение этой тактики в процессе коммуникации повышает эффективность использования информации.

Следование таким правилам гарантирует постоянную работу механизмов отслеживания, прояснения, обоснования позиций участников переговоров, придает процессу определенность.

Итак, возможности конструктивного решения проблемы с использованием парадигмы переговоров зависят от соотношения ее составляющих, которое оценивается в соответствии с предложенными показателями. Ориентация на согласование интересов и выработку взаимоприемлемых решений указывает на содержательные границы процесса. Выявление силового потенциала позволяет определить оптимальную структуру ролей на каждой его стадии. Представление о распределении ресурсов по ходу переговоров дает основания для оценки эффективности их использования. Организация коммуникации свидетельствует о качестве контроля над обоснованностью принимаемых решений. Предлагаемый набор показателей можно считать необходимым и достаточным для оценки потенциальных возможностей переговорного процесса в преодолении проблемной ситуации. Необходимым потому, что он представляет стороны с точки зрения эффективности их участия в переговорах, направленных на конструктивное решение проблемы. Их достаточность обусловлена представленностью ключевых аспектов, содержания и динамики процесса: участники с их

интересами; структура взаимодействия; организация коммуникации, — задающих границы и эффективность хода процесса.

Динамика процесса: фазы переговорного взаимодействия

В ходе переговоров целесообразно поддержание такой структуры взаимодействия участников, которая обеспечивала бы приятную атмосферу выработки решений, способствовала бы установлению взаимоприемлемого соглашения с учетом интересов каждого из них. Они ведутся обычно в контексте меняющихся отношений. Поэтому важно, чтобы каждая предшествующая фаза приводила к безболезненному переходу в последующую и вносила максимальный вклад в решение проблемы.

В динамике переговоров можно выделить те поворотные пункты, где определяется характер вырабатываемого соглашения и необходимые изменения схемы взаимодействия. Контроль над ними позволяет процессу не прерываться и не отклоняться от направленности на решение проблемы благодаря последовательной смене таких основных фаз, как определение ситуации, выбор стратегии, осуществление его хода и завершения.

Определение ситуации как подходящей для использования парадигмы переговоров. Эта фаза включает себя две ступени: латентную (неявную) и открытую. Латентная характеризуется тем, что потенциальные участники только обдумывают и обсуждают между собой возможность вступить в переговоры. В это время им самим еще не очень понятно, каковы их интересы в проблемной ситуации и какую пользу они смогут извлечь из совместных действий. Стороны присматриваются друг к другу, и когда определяют возможную расстановку сил и намечают примерные критерии взаимоприемлемости, могут перейти к открытому поиску контактов и оснований для объединения.

В этом случае от каждого участника требуется внести вклад в обеспечение предварительных условий для успешного осуществления процесса:

— сформулировать проблему и определить направление решения, отвечающего интересам как собственным, так и партнеров; подготовить убедительную аргументацию своих предложений. Это облегчит взаимопонимание в ходе переговоров;

— участвовать в решении проблемы, а не в выяснении межличностных отношений; использовать только те практики, которые помогают или по крайней мере не мешают взаимодействию;

— ориентироваться на решение проблемы и реализацию интересов, а не концентрироваться на обсуждении позиций. Сколь бы различными ни были позиции и сколь бы непримиримыми ни казались скрывающиеся за ними интересы, следует исходить из возможности взаимоприемлемых решений;

— настроиться на доброжелательные межличностные отношения. Известно, что неформальная, дружелюбная атмосфера смягчает напряженность, обязательно возникающую в ходе переговоров, и придает самому процессу большую действенность.

Таким образом, в первой фазе потенциальные участники переговоров готовят себя к тому, чтобы рассматривать друг друга как партнеров в совместных практических поисках взаимовыгодных решений. При этом предварительно устанавливаются основные правила ролевого поведения и проводится граница между функциями, связанными с решением задачи, и межличностными отношениями, ориентированными на создание доброжелательной фоновой атмосферы. Вслед за этим возможен переход к следующей фазе переговоров.

Выбор стратегии переговоров. В этой фазе участники переговоров вырабатывают определенный стратегический план движения к взаимоприемлемому соглашению. Его построение подразумевает осуществление ряда последовательных процедур.

Определение проблемы. Вначале стороны обмениваются соображениями о своем видении проблемной ситуации, ее источников, основных параметров и измерений, на которые можно оказывать воздействие, пытаются выработать общее ее определение и направления ее преодоления, исходя из своих интересов и возможностей. Поскольку люди могут полностью не осознавать ни того, ни другого и впоследствии это может затруднить переговоры, необходима следующая процедура.

Определение реальных интересов. Когда стороны не осознают до конца, чего хотят получить в результате переговоров, или у них есть скрытые интересы и намерения — прояснения этого можно достичь либо путем открытого обсуждения, либо с помощью наблюдения и осмысления увиденного и услышанного. При этом можно руководствоваться следующими правилами:

— проследить нить рассуждений партнера: выявить, чему он сопротивляется, от чего уклоняется, чего опасается; это может привести к заключению о его подлинных интересах и намерениях;

— выступить с предложением, которое могло бы отвечать таким интересам и намерениям, и проследить за реакцией партнера, опровергающего или подтверждающего сложившиеся предположения; в случае опровержения следует продолжать наблюдения; в случае подтверждения — развить сделанные предложения;

— быть готовым выразить собственные интересы, по крайней мере, совпадающие или совместимые с интересами партнера, с тем чтобы продемонстрировать ориентированность на выработку взаимоприемлемых решений и таким образом стимулировать партнера к большей открытости во взаимодействии.

Соглашение о правилах ведения переговоров. Стратегический план переговоров во многом определяется теми правилами, кото-

рые участникам следует выработать после определения ситуации и взаимных интересов. Например:

- оговорить время, которое может быть посвящено переговорам;
- не отклоняться от предмета переговоров;
- внимательно выслушивать и стараться понять друг друга, в том числе с помощью вопросов;
- не перебивать друг друга;
- контролировать побуждения и стиль поведения.

Если в переговорах наступит сбой, значит нарушаются какие-то из установленных правил, и участники смогут на законной основе потребовать возвращения процесса в нужное русло. При отсутствии подобного рода правил участникам придется решать процедурные вопросы заново каждый раз, когда они возникнут.

Выяснение позиций. Как уже было сказано, позиции определяются не только интересами, но и скрытыми побуждениями, представлениями, культурными стереотипами, характерными для сторон. Стратегия переговоров зависит от того, насколько партнеры знают, понимают и принимают во внимание эти аспекты поведения. Выяснение способов интерпретации происходящего, рассуждения и построения умозаключений является важной задачей, от правильного решения которой на начальных стадиях переговоров зависит их дальнейший ход.

Выбор стратегии. На основе всех этих операций складывается стиль ведения переговоров (мягкий, жесткий, «принципиальный» и т. п.), когда он принимает отчетливую форму, появляются основания разработать некоторый процедурный код, определяющий структуру и ход взаимодействия. Так, для конструктивных, ориентированных на решение проблемы переговоров он мог бы быть примерно таким:

- ход переговоров подчиняется решению проблемы, а не подержанию отношений или позиционным спорам;
- целью переговоров является взаимоприемлемый результат, учитывающий интересы всех участников;
- проблема решается совместно; участники концентрируются на интересах, а не на позициях, но смешивая межличностные отношения с обсуждением принимаемых решений;
- разрабатываемые альтернативы позволяют примирить интересы партнеров;
- скрытые стремления кого-то из участников получить большую выгоду, чем другие, выявляются и пресекаются;
- форма обмена информацией открытая, что позволяет при выработке решения уступать разумным доводам, а не давлению;
- выдвигаемые предложения и принимаемые решения оцениваются на основе рациональных критериев.

Осу ществлениехода переговоров. После выбора стратегии начинается фаза собственно переговоров, т. е. выдвижения предло-

жений, их обсуждение, выработка и реализация промежуточных договоренностей, ведущих к окончательному соглашению. При решении социально значимой проблемы переговоры никогда не заканчиваются в течение одной встречи, но состоят из ряда последовательных совещаний, называемых раундами. Каждый из них можно разделить на следующие типичные стадии:

— диагноз текущей ситуации: обмен информацией, относящейся к ней; определение общих позиций и расхождений в определении ее значимости; выработка критериев оценки качества предложений и договоренностей;

— планирование процесса выработки решения: направление предполагаемого решения; обусловливающие его приоритетные интересы; препятствия на пути его выработки и реализации; дополнительные варианты; критерии оценки;

— дискуссия: в ее ходе обсуждаются вопросы, соответствующие плану, выработанному на предыдущей стадии по каждому из выделенных измерений. На этой стадии каждый из участников, отстаивая собственные интересы, выступает со своих позиций. В результате у них появляется возможность понять позиции друг друга; определить стоящие за ними реальные интересы и скрытые желания, намерения, опасения; отделить позиции от интересов; найти возможность примирения интересов.

Следует подчеркнуть, что в ходе переговоров возникновение позиционных споров неизбежно. Они создают благоприятную почву для применения различных уловок, задержек с принятием решений, торга, когда любая уступка одного из участников сопровождается демонстративным требованием вознаграждения со стороны другого. Переговоры приобретают все более конфликтную форму. Поэтому прояснение и преодоление позиционных споров является важной задачей, которую следует решать сразу, как только она возникает. В этом случае целесообразно следовать определенным правилам, при которых участники могут:

— обнаруживать, что переговоры превращаются в позиционный спор, обратить на это внимание партнеров и предложить выشنить стоящие за этим факторы;

— обнаружить скрытые желания, намерения, опасения; проверить догадки путем предложения отвечающих им альтернатив и наблюдения за ответными реакциями;

— разработать несколько вариантов решений, удовлетворяющих общие интересы, предложить их и, таким образом, вернуть переговоры в нужное русло;

— уступить партнеру в менее важных для себя, но более важных для него вопросах и склонить его к уступкам, значимым для себя, но неважными для него, что снимет позиционную напряженность;

— в спокойной обстановке обсудить затруднения с тем, чтобы найти возможность преодолеть позиционное противостояние и сконцентрировать внимание на решении проблемы.

Сказанное означает, что в каждом раунде переговоров участникам следует иметь оперативную модель взаимодействия с другими, включающую в себя: представление о собственном интересе; цели действий (ближайшие и конечные); оценку своего положения и шанса на успех; оценку интересов партнеров; представление о целях, намерениях, возможностях партнеров. Действия сторон в ходе переговоров обуславливаются трансформацией представлений, соответствующих этой модели.

Наконец, для эффективного хода переговоров важно, чтобы стороны все время имели в запасе варианты возможных решений, из которых в зависимости от обстоятельств можно было бы отбирать и строить договоренности для каждого из раундов переговоров. В этом случае можно руководствоваться следующими правилами:

— отделить содержание вариантов предложений от их оценки; это позволяет пользоваться любыми составляющими каждого из них как материалом для выработки решения;

— в процессе переговоров не концентрироваться на стремлении получить единственный ответ, но прорабатывать альтернативные решения обсуждаемого вопроса и оценивать сравнительные вероятности их реализации;

— при выработке договоренностей искать способы примирения интересов;

— облегчать друг другу процесс принятия решения.

Завершающая фаза переговоров. Если переговоры осуществляются по полному циклу, то они заканчиваются подписанием договора, соглашения или установлением норм взаимодействия, позволяющих сторонам в дальнейшем совместно реализовать принятые решения или адаптироваться в проблемной ситуации, не нарушая законных прав друг друга. Подписание таких документов или установление нормативных актов носит характер специальной символической процедуры и передается гласности (если речь не идет о секретных переговорах). После этого процесс считается окончательным, и его участники начинают действовать в соответствии с достигнутыми договоренностями. Разумеется, конечное соглашение включает в себя механизмы контроля и гарантии его выполнения. Поэтому, хотя переговоры как таковые закончились, их последствия становятся важным фактором, определяющим дальнейшее поведение и отношения сторон.

Наряду с этим можно выделить случаи, когда парадигма реализуется не во всех типичных фазах.

Уже в первой из них может оказаться, что потенциальным участникам по ряду причин не следует вступать в переговоры. У каждой

из сторон обнаруживаются более выгодные варианты взаимодействия, и сторонам лучше отказаться от заключения соглашения. Выявляется, что интересы сторон принципиально не поддаются согласованию, поэтому переговоры бессмысленны. Наконец, когда каждая из сторон в принципе справляется с проблемной ситуацией, но хотела бы заручиться поддержкой партнеров для большей безопасности, переговоры приобретают чисто символический смысл, могут быть заменены любым подходящим к случаю другим символическим действием и не являются обязательными.

Во второй фазе может оказаться, что переговоры носят формальный характер или прикрывают закулисные маневры одной из сторон. По видимости идет обсуждение каких-то вопросов и предложений, а на самом деле ни одна из сторон не выдвигает убедительных оснований собственной позиции и не опровергает доводов партнера. Переговоры вырождаются в ритуал или пустые словопрения. Каждый убежден в незыблемости своей позиции и не стремится к договоренности. В этом случае никаких дальнейших переговоров быть не может, и сторонам лучше отказаться от них.

В третьей фазе переговоров может возникнуть жесткий позиционный спор. В этом случае каждая из сторон начинает использовать приемы силового давления, демонстрировать собственную непреклонность, пренебрегать интересами партнеров. Это ведет к росту напряженности в отношениях между сторонами, приводит к конфликту. И переговоры кончаются сами собой.

Кроме того, во второй и третьей фазах возможен отказ какой-либо из сторон от участия в переговорах. В одних случаях он может не иметь существенного значения для достижения будущего соглашения, и участник покидает переговоры, которые дальше продолжаются без него. В других — его присутствие на переговорах необходимо. Тогда остальные могут реагировать на отказ несколькими способами:

- рассматривать его как давление на партнеров с целью получения каких-то привилегий и заново обсудить предварительные условия переговоров;
- обсудить и выяснить скрытые опасения стороны и с помощью доказательной аргументации развеять их;
- предложить иную структуру переговоров, например, с привлечением посредника; это позволит стороне вернуться к переговорам, «не потеряв лица».

Границы применимости переговорной стратегии

Поскольку в любой социальной системе расхождения в интересах между составляющими ее группами неустранимы, основания для переговорных отношений можно найти всегда. В проблем-

ной ситуации такой путь ее преодоления особенно целесообразен. В отличие от конфликта и консолидации, более концентрирующихся на отношениях, нежели на решении проблемы, эта парадигма способствует не только преодолению социально значимых затруднений, но и выработке взаимоприемлемых условий конструктивного взаимодействия в проблемной ситуации.

Однако наряду с неоспоримыми преимуществами переговорная стратегия имеет ряд существенных ограничений, снижающих ее эффективность в решении социально значимых проблем.

Переговоры и напряженность: временные ограничения. По степени напряженности, интеллектуальным затратам переговорная парадигма сходна с конфликтной. Однако конфликт позволяет людям дать выход деструктивным побуждениям сразу, как только они возникают, и после этого хотя бы на время появляется ощущение удовлетворенности. При переговорах участникам приходится держать свои побуждения и поведение под постоянным контролем. С одной стороны, это позволяет им не пропустить важные для них темы, обсуждаемые в ходе взаимодействия. С другой — обеспечивается его непрерывность и конструктивность, ориентированность на решение проблемы, а не на выяснение отношений. Но осуществление такого контроля требует от партнеров дополнительных усилий. По интеллектуальным затратам переговорная стратегия также подобна конфликтной, поскольку наряду с операциями открытого обсуждения решаемых вопросов участникам приходится выявлять неявные характеристики друг друга и учитывать их в ходе взаимодействия. Наконец, следует отметить, что хотя при выработке соглашений предпринимаются попытки учитывать интересы всех сторон, это никогда не удастся сделать полностью. Поэтому у каждой из них остается какая-то доля неудовлетворенности относительно как промежуточных, так и окончательных договоренностей. Таким образом, переговоры представляют собой напряженную стратегию, временные границы применимости которой определяются предельным накоплением напряжений и взаимной неудовлетворенности в отношениях между участниками.

Культурная компетентность: социально-пространственные ограничения. Переговоры представляют собой тип взаимодействия, требующий высокой культурной компетентности. Участники должны уметь видеть подлинные причины и истоки проблемы, а не только фиксировать ее внешние проявления; точно оценить состояние основных поддающихся изменению аспектов ситуации; реалистично отнестись к своим интересам и оценить возможности их осуществления; выработать стратегию совместных конструктивных действий. Культурная компетентность в данном случае предполагает не только информированность сторон и навыки в выработке взаимоприемлемых соглашений, но и этическую ответствен-

ность за их соблюдение. Сложность заключается в том, что само наличие социально значимых проблем свидетельствует о низкой культурной компетентности большинства тех, кто их допустил и от кого Зависит их воспроизведение. Соответственно социально-пространственное ограничение применимости переговорной стратегии обусловлено специальным подбором потенциальных участников переговоров.

Признание общих и расходящихся интересов: институциональные ограничения. Переговоры подразумевают необходимость примирения интересов участвующих в них сторон. И это налагает ряд серьезных ограничений на возможности их применения. Так, эта парадигма подразумевает признание сторонами наличия у них хоть каких-то исходных общих намерений. Если же этого нет, то никакие внешние давления не приведут к ее реализации. Необходимость согласовывать интересы составляет ключевой аспект переговоров. Однако стороны могут настолько сконцентрироваться на защите собственных специфичных позиций, что за расхождениями не увидят возможности выхода на взаимоприемлемые решения. Либо они настолько дорожат достигнутыми договоренностями, что согласие по незначительным вопросам заслоняет существенное расхождение в ориентациях. В обоих случаях необходимо затрачивать специальные усилия на то, чтобы вернуть ход переговоров от обсуждения частных к примирению интересов, а это может вызвать серьезные затруднения. Если же стороны не могут сформулировать собственные побуждения и цели не только для других, но и для самих себя, то им не подойдет ни одно из решений, и вопрос о выработке взаимоприемлемых договоренностей теряет смысл. Таким образом, институциональные границы применимости переговорной стратегии задаются возможностью нормирования сходств и различий интересов в проблемной ситуации.

Но даже в этом случае в проблемной ситуации любые решения носят скорее временный, нежели постоянный характер из-за порождаемых ею ситуативных факторов и непредсказуемых событий. И сколь бы искренними ни были попытки сторон соблюдать условия принятого соглашения при таких обстоятельствах, оно по большей части остается открытым для пересмотра. Следовательно, границы эффективности применения переговорной стратегии обусловлены мерой ее изменчивости и неопределенности.

Переговоры и их имитация: культурно-семантические ограничения. Парадокс переговорного взаимодействия состоит в том, что на каком бы решении ни остановились стороны в ходе или при окончании процесса, всегда есть возможность его усовершенствовать. Кроме того, если интеракция недостаточно эффективно контролируется, нередко возникает возможность перехода этой парадигмы либо в конфликтную, либо в консолидационную. К кон-

фликту приводят вовремя не пресеченные позиционные споры. В этом случае на смену попыткам согласовать интересы сторон приходит их стремление одержать победу в отстаивании собственных позиций, за которыми могут скрываться невыявленные, неотрефлексированные ими самими скрытые желания и опасения. И если процесс своевременно не остановить рациональным образом, высоковероятным становится возникновение конфликтной ситуации. С другой стороны, согласие по второстепенным или процедурным вопросам может стать основанием для консолидации сторон, для концентрации их внимания на сохранении дружественных межличностных отношений. Создается благоприятная ситуация для уклонения от решения сложных задач, связанных с преодолением проблемной ситуации, и замены их обсуждением частных, относительно которых стороны могут быстро прийти к соглашению. В обоих случаях остается лишь видимость переговоров, и взаимодействие утрачивает эффективность с точки зрения вклада в конструктивное решение социально значимой проблемы. В ценностном смысле частое и неумелое обращение к переговорам не приводит ни к каким значимым позитивным результатам, связанным с таким решением, и есть опасность, что сама стратегия дискредитируется в глазах общественности.

Контрольные вопросы

1. Предпосылки и условия, благоприятные для использования парадигмы переговоров.
2. Силовое и ресурсное обеспечение переговоров.
3. Фазы переговорного процесса.
4. Механизмы поддержания переговоров.
5. Общая технологическая схема использования переговорной парадигмы.
6. Особенности социального опыта, осваиваемого в ходе переговоров.
7. Границы применимости парадигмы переговоров при решении социально значимых проблем.

И Глава 4. Организация взаимодействие в проблемной ситуации

Представленные фундаментальные парадигмы взаимодействия определяют организацию совместной активности людей в проблемных ситуациях в зависимости от степени обременительности проблемы, готовности к ее совместному решению.

Факторы, определяющие выбор парадигмы

Толерантность в отношении проблемной ситуации. Обычно, если в культуре или субкультуре установился высокий уровень толерантности к наличию социально значимых проблем и люди готовы к жертвам, но не к объединению усилий для их совместного решения, то можно ожидать распространения ориентаций на конфликт и консолидацию. Разумеется, речь не идет о том, что абсолютно все члены общества, организации, группы будут следовать только одной или другой, либо поделятся на две группы. Большинство людей станут как-то в одиночку справляться с неблагоприятными обстоятельствами и методом проб и ошибок могут приспособиться к ним, а кто-то найдет приемлемое для себя индивидуальное решение. Осознанно будет объединяться меньшинство и относительно ненадолго.

Люди, склонные к более пассивному типу поведения в этих условиях обычно принимают ориентацию на консолидацию, и при неблагоприятных обстоятельствах, насколько можно помогая друг другу, смириться с ними. Более активные из тех, у кого низкая степень толерантности к проблемной ситуации, объединяются в конфликтные группы и направляют агрессию против ее реальной или воображаемой причины. Ни те, ни другие в этих условиях не смогут сделать ничего полезного для решения проблемы.

Совсем немногие из тех, кто склонен к конструктивному поведению в проблемной ситуации, будут объединяться и на базе переговорной парадигмы искать способы преодоления затруднений, а не приспособления к ним или победы над врагом. И, по-видимому, они могут найти какие-то рациональные и реалистичные решения проблемы. Но в культурах с высокой степенью толерантности к неблагоприятно не следует ожидать, что такие конструктивные результаты найдут широкое распространение. Их создатели будут затрачивать существенные усилия, чтобы следовать избранному пути преодоления ситуации. Меньшинство может относиться к ним как к культурным ценностям или даже идеалам, но отыщет оправдание, почему такое недостижимо в массовых масштабах. Большинство же будет стараться разрушить эти немногие образцы, чтобы продолжать воспроизводить привычные отношения, сохраняя стереотипы собственного образа жизни.

В культурах и субкультурах с низким уровнем толерантности к социально значимым проблемам основными реакциями на них становятся конфликтные или конструктивные. При этом члены общества по большей части стремятся либо в одиночку преодолеть ситуацию, либо присоединиться к группе именно для совместного решения, а не приспособления к проблеме. Они не склонны искать «окончательных» решений, но довольствуются реалистичными,

прагматичными результатами. Сторонники конфликтного реагирования будут стремиться не столько к уничтожению внешнего врага, сколько к тому, чтобы достичь собственного благополучия за счет насилия над другими. Сторонники конструктивного решения проблем будут объединяться в разного рода коалиции, позволяющие внести такие структурные изменения в жизненную среду, которые на какое-то время снимут или смягчат проблему.

В таких культурах подобные образцы достаточно быстро осваиваются социальным большинством и со временем приобретают нормативный статус. Обычно люди здесь социализируются с ориентацией на личностную подвижность, поэтому их освоение не представляется неразрешимой задачей. Этим же объясняется их большая склонность к ориентации на переговоры, чем на консолидацию. Их личностная подвижность подразумевает открытость и натренированность на вероятностные отношения с окружением в отличие от фатализма, предполагающего однозначный детерминизм или случайность. Соответственно они принимают прагматические решения об изменениях, базирующиеся на некотором спектре удовлетворительных (ниже «оптимального значения») вероятностей и приносящих результаты, которыми нельзя довольствоваться «навсегда». А внимание к динамике происходящего позволяет вносить поправки в способы и оценки, увеличивать их эффективность при каждом благоприятном случае.

Таким образом, решая вопрос о необходимости преодолевать социально значимые проблемы, следует предварительно выявить реальные возможности ее осуществимости. В этом случае следует определить состояние основных параметров ситуации, т. е. оценить:

- области социокультурного пространства или субкультуры, в которых намечаются преобразования, с точки зрения толерантности к неблагополучию;
- прояснить численность и социальные позиции тех, кто ориентирован на реалистичное, конструктивное решение проблемы;
- оценить уровень их культурной компетентности применительно к типу имеющихся затруднений;
- их готовность объединиться для совместных действий.

Целенаправленная организация социального взаимодействия для решения проблемы возможна, когда в определенной зоне социокультурного пространства есть достаточное количество конструктивно ориентированных людей; они реально хотят и, что особенно важно, умеют совместно решать проблемы; могут занять ключевые социальные позиции; обладают высоким уровнем культурной (а не просто профессиональной) компетентности. В этом случае характеристический уровень толерантности к проблемное™ не имеет значения.

Доминирующие ориентации взаимодействия. При целенаправленном решении социально значимой проблемы важно заранее прогнозировать вероятность того, какие последствия может породить избранная форма социального взаимодействия. Из сказанного ранее следует, что каждая из них предполагает не только специфичную динамику распределения сил и хода процесса, но и особый результат. Так, парадигма консолидации приводит к построению системы межличностных отношений, связанной не столько с реальным преодолением ситуации, сколько с попытками людей оградить себя от нее и компенсировать вызывающие ее расхождения благоприятным климатом взаимного согласия. Подобная ориентация обычно свойственна таким организациям, как партии, группы взаимопомощи, любительские объединения и т. п., где доминирующими системообразующими признаками является наличие единомышленников, солидарность, избежание расхождений во мнениях и т. п. Как уже отмечалось, такие отношения недолговечны, не приводят к решению проблемы и кончаются либо конфликтом внутри группы, либо ее распадом. Удержать подобное объединение на какое-то время можно путем либо дистанцирования от внешних событий (ретреатизм), либо стимулирования сплоченности перед лицом угрозы извне. В этом случае для его сохранения во времени необходимой оказывается эскалация напряженности отношений с окружением, что лишь усугубляет проблемную ситуацию и, в конечном итоге, все равно ведет к разрушению группы.

Парадигма конфликта ориентирована на победу одной из конфронтующих сил над другой, но не на решение проблемы. Обычно каждая из сторон представляет дело так, что все уладится, если она одержит верх в борьбе. Однако в реальности это далеко не так. Во-первых, победа в конфликтной ситуации, если только она не достигнута ценой физического уничтожения противника, никогда не бывает окончательной. Сторона, потерпевшая поражение, имеет возможность со временем найти союзников, накопить ресурсы и взять реванш. Во-вторых, выигрыш в конфликте может способствовать разрушению источника проблемы, но никак не формированию структур, обеспечивающих выход из самой ситуации. В-третьих, победившая сторона и носитель решения проблемы — это совершенно различные социальные образования, и может оказаться, что после успешного окончания борьбы в сообществе не окажется социальных сил, способных к организации конструктивного взаимодействия в его рамках.

Парадигма переговоров как таковая направлена на решение проблемы. Ее достоинством является 'открытое признание участниками взаимодействия как совпадений, так и различий интересов. В этом случае стороны могут отыскать способы их примирения и достичь взаимоприемлемых договоренностей. Однако от исполь-

зования такой парадигмы взаимодействия не следует ожидать полноценного решения проблемы. Она ориентирована на достижение только тех целей, которые могут быть согласованы, оставляя нереализованными те, что оказываются несовместимыми или несопоставимыми. Соответственно в меньшей степени решается проблема, вызванная социально значимыми расхождениями, и в большей — достигаются взаимоприемлемые результаты.

Возможности эффективного использования парадигм. Искаженного следует, что в чистом виде ни одна из фундаментальных парадигм взаимодействия не приводит к окончательному решению социально значимых проблем. Однако это не означает, что люди не обращаются к ним в проблемных ситуациях и, более того, не используют с определенной степенью социальной эффективности. Парадигма консолидации может дать позитивные результаты во всех случаях, когда необходимо организовать социальное участие людей в совместной деятельности, как правило, исполнительного характера, связанное с решением социально значимой проблемы. Это могут быть микролокальные сообщества (по типу соседств), группы взаимопомощи, любительские объединения и т. п. В их рамках люди могут объединяться под патронажем институциональных структур, имеющих конструктивную программу решения проблемы, для следующих основных социально значимых целей. Во-первых, в качестве исполнительных сил, регулируемое действие которых обеспечивает ход решения проблемы. Во-вторых, в качестве временных социокультурных анклавов, объединяющих людей и сдерживающих ускорение деструктивных процессов, порождаемых проблемной ситуацией. В этом случае важно регулировать временные параметры существования таких объединений, как групп солидарности. При изменении условий целесообразно стимулировать их трансформацию в соответствии с их структурно-функциональной спецификой, не допуская возникновения внутреннего или внешнего конфликта.

Парадигма конфликта может привести к позитивным результатам, когда культурные стереотипы суждений, поведения, взаимодействия, используемые людьми в проблемной ситуации, либо мешает ее решению, либо приобретают ритуальный характер, т. е. затраты усилий оказываются нерезультативными. В таких случаях определенную эффективность приобретают когнитивные, ценностные, нормативные конфликты. Они, во-первых, демонстрируют, что подобные стереотипы давно превратились в пустые формы, а во-вторых, помогают людям отказываться от следования им.

Наименее болезненными для членов сообщества оказываются когнитивные конфликты. Они представляют собой столкновение мировоззрений, оснований познания и реализуются на уровне их профессиональных носителей. Большинство же членов сооб-

щества остаются в положении наблюдателей или современников подобных баталей, и затем присоединяются к концептуальным моделям победителей.

Более серьезные последствия имеют ценностные конфликты, поскольку они относятся к возможностям людей действовать в соответствии с предпочтениями. Они связаны с тем, что одни группы людей отказываются разделять привязанности других и пытаются вытеснить из социокультурного пространства те реальные и символические объекты пристрастий, которые представляются им ненужными, или же лишить их статуса культурной ценности. Такая своеобразная десакрализация культурных «идеалов» вызывает сильные негативные эмоциональные переживания у тех, против кого она направлена. Чаще всего попытки активно защищать их на какое-то время оказываются успешными. Особенно когда у низвергателей либо нет никакой замещающей программы, либо утверждаемые ими ценности диффузны, слабо выражены и не имеют широкого социального признания. Однако сама ситуация конфликта заставляет борцов с традиционными «идеалами» артикулировать свои позиции и позволяет им если не окончательно победить, то по крайней мере оттеснить на периферию культурного пространства ранее популярные массовые предпочтения.

Самые серьезные последствия из этой триады имеют нормативные конфликты. Нормы требуют соблюдения взаимоприемлемых границ, правил и получения полезных результатов социального взаимодействия. Когда такой консенсус нарушается из-за изменения структуры групп интересов или распределения социальных сил, начинается лавинообразное нарастание отклонений от нормативно установленных форм активности (аномия). Соответственно люди теряют основания для организации совместных действий, для разграничения полномочий, для социокультурной идентификации и т. п. В такой ситуации формирование новых нормативных систем — это достаточно длительный процесс, поскольку предполагает построение иных оснований социокультурных порядков, а для него не хватает конструктивного начала.

Все эти типы конфликтного взаимодействия могут быть подвергнуты целенаправленной регуляции и переориентированы в сторону решения социально значимой проблемы. Однако в подобных случаях следует особенно внимательно следить за тем, чтобы, во-первых, они не переросли в открытые проявления агрессии и насилия; во-вторых, взамен разрушаемых концептов, ценностных суждений, нормативных моделей были бы предложены хорошо проработанные, обоснованные и технологически обеспеченные альтернативы, связанные с решением социально значимой проблемы.

Парадигма переговоров оказывается наиболее эффективной для тех форм социального взаимодействия в проблемной ситуации,

которые связаны с разработкой системообразующих измерений ее решения или программ развития потенциальных «точек роста», способствующих выходу из нее. Ее применение может быть в этом случае полезным в нескольких отношениях. Во-первых, при выявлении изменившегося распределения интересов и социальных сил в сообществе и определении зон как их возможного примирения, так и радикальных расхождений в отношении решения проблемы. Во-вторых, при дифференциальном выделении ценностных и нормативных ориентаций в сообществе и их разграничении в социокультурном пространстве проблемной ситуации. В-третьих, при рассмотрении потенциала «точек роста» с позиции их вклада в решение проблемы и при формировании критериев для оценки приоритетов в выборе тех, которые могут стать стимулами конструктивной активности.

Закономерности взаимоперехода парадигм в проблемной ситуации

Из сказанного следует, что в ходе взаимодействия парадигмы могут сменяться «естественным» образом, т. е. без изначальной преднамеренности участников. Поскольку было продемонстрировано, что они не сводимы друг к другу, — для их реализации необходимы различные предпосылки и условия; они предполагают неодинаковые структуры поведения, изменения форм взаимодействия, — осуществление плавного перехода от одной к другой затруднительно. Для того чтобы трансформация произошла, необходимы специальные условия и дополнительные усилия. Причем чаще всего усилий самих участников оказывается недостаточно, и нужны влияния или прямое вмешательство извне. Кроме того, даже в этом случае практически невозможно каждую из парадигм произвольно трансформировать в любую другую. Существуют определенные закономерности динамики отношений между людьми, которые обуславливают вероятность преобразований. Так, парадигма консолидации с большей вероятностью преобразуется в конфликт, чем в переговоры. Конфликтная парадигма может трансформироваться только в переговоры. Причем для этого необходимы существенные усилия. Переговоры могут перейти и в согласие, и в конфликт, хотя последний вариант является более вероятным.

Для подобного рода модификаций необходимы специальные предпосылки и условия. Они не могут осуществляться в любой момент по ходу процесса. Однако в переломных точках взаимодействия, когда открывается возможность изменить его направленность, конструктивно ориентированным агентам можно руководствоваться определенным набором правил, позволяющих при-

нимать решение в смещении или сохранении его вектора в ходе решения проблемной ситуации:

— оценить состояние отношений между сторонами — расстановка сил, распределение издержек и выгод — и определить взаимное соотношение позиций; это позволит зафиксировать положение каждой из сторон на пути к решению проблемы;

— оценить, как может повлиять на ход решения проблемы продолжение взаимодействия в заданном направлении; изменение вектора его движения; выход из данной структуры взаимодействия; в этом случае можно увидеть альтернативы изменения формы отношений;

— выявить конструктивные возможности каждой из предполагаемых альтернатив: отрефлексировать, что привело к переломной точке взаимодействия; что происходило до этого; каковы собственные возможности к данному моменту, что можно сказать о потенциале партнеров; таким образом выясняется, что можно и нужно, чтобы в дальнейшем решать проблему с большей степенью эффективности;

— не допускать полного отождествления себя с текущим положением дел или занимаемой позицией; быть готовым к пересмотру ситуации и своего положения в ней, что позволит трезво оценить собственные выигрыши и проигрыши, ошибки и удачи; разумно использовать полученный опыт в дальнейшем;

— не позволять импульсивному поведению преобладать над рациональностью, причем это равно относится как к негативным, так и позитивным побуждениям, поскольку и те и другие нарушают упорядоченность процесса взаимодействия, искажают его ход, уменьшают степень предсказуемости поведения; сдерживание непосредственных побуждений, контроль над ними позволяет более разумно распределять усилия в ходе достаточно длительного процесса решения проблемы;

— не позволять мнению других влиять на собственные решения, особенно в затруднительных ситуациях, избегать контактов с теми, кто все видит в однозначно негативном или позитивном свете и упорствует в своей позиции, с равнодушными или скептически настроенными людьми, не позволять другим поучать себя; при соблюдении предыдущих правил это облегчит оценку ситуации с конструктивной точки зрения, а не в соответствии со стереотипами общественного мнения;

— переговорить с другими сторонами, когда оценка ситуации приводит к обоснованному представлению о необходимости сменить парадигму взаимодействия; следует обратиться к ним — прямо или через посредника — и либо обсудить возможности изменения соотношения сил, либо поставить в известность о переориентации собственных действий.

Трансформации парадигмы консолидации. Парадигма консолидации может трансформироваться либо в конфликтную, либо в переговорную. Причем конфликт — более вероятный вариант изменения направления взаимодействия, особенно если от участников требуется высокий уровень комплементарности. Переход к переговорной парадигме более вероятен в случаях, когда система взаимодействия носит «открытый» характер.

Предпосылки перехода от консолидации к конфликту. Они возникают тогда, когда участники начинают отчетливо представлять себе, что их объединение не помогает решению проблем, а взаимные требования солидарности лишь затягивают их пребывание в неблагоприятной ситуации и препятствуют участию в ее преодолении. Соответственно состояние перехода от консолидации к конфликту характеризуется следующими предпосылками:

- давление проблемной ситуации оказывается сильнее групповой солидарности;
- неудовлетворенность большинства членов группы своим положением в более широкой социокультурной среде оказывается сильнее, чем удовлетворенность от групповой принадлежности;
- уровень культурной компетентности в группе достаточно низок, чтобы переопределить групповую стратегию.

Условия перехода от консолидации к конфликту. Когда в ходе взаимодействия, организованного в соответствии в принципами консолидации, появляются признаки такого состояния, очевидно, что близится изменение вектора направленности процесса. В этом случае ускоряется кумуляция условий, предопределяющих конфликтный взрыв в системе отношений. К числу необходимых условий такого рода можно отнести:

- появление в рамках группы отчетливой коалиции, предлагающей свое определение ситуации и отстаивающей его;
- акцентирование различий интересов внутри группы и их поляризация;
- наличие внешних сил, заинтересованных в расколе группы.

Факторы способствующие переходу от консолидации к конфликту. При таких условиях движение к конфликтной ситуации практически неизбежно, если ее зачинщик добровольно не выйдет из состава группы. Эта переходная ситуация будет либо более, либо менее затяжной, в зависимости от действия ряда внутригрупповых и внешних факторов. Процесс ускоряется по мере интенсификации действия следующих внутригрупповых факторов:

- сильный коалиционный лидер;
- отчетливое альтернативное определение ситуации;
- четкая определенность и давление образовавшейся группы интересов; поляризация между коалиционными и установленными групповыми целями;

— сопротивление альтернативным ориентациям со стороны лидеров группы.

Это направление движения может усилиться под влиянием следующих факторов:

— высокая степень неопределенности и напряженности в окружении;

— активизация внешних воздействий на группу с целью либо сохранить ее установившуюся структуру (поддержка позиции «традиционного» лидера), либо трансформировать ее (поддержка коалиционного лидера), либо разрушить группу (преднамеренное столкновение поляризованных сил друг с другом);

— расхождение между нормативными ориентациями группы и окружения.

При такой ситуации вполне достаточно благовидного повода, чтобы возникли внутригрупповые конфронтации, т. е. обозначилось начало конфликтной парадигмы взаимодействия. Если описанные выше ключевые моменты критической ситуации не контролировать и не принять мер, то вектор направленности взаимодействия сменится от консолидации к конфликту.

Однако члены группы консолидации имеют возможность трансформировать свою стратегию в переговорную и тем самым избежать раскола в группе, ее распада.

Предпосылки перехода от консолидации к переговорам. Они складываются как реакция на безрезультатность совместного решения проблемы, когда неудачи приписываются подавляемому расхождению интересов у членов группы, т. е. недостаточной степени их функциональной автономности. В этом случае состояние перехода от консолидации к переговорам характеризуется следующими предпосылками:

— давление проблемной ситуации соизмеримо со стремлением сохранить группу как инструмент совместного решения проблемы, неразрешимой в одиночку;

— неудовлетворенность большинства членов группы своим положением в более широкой социокультурной среде рассматривается как преодолимая за счет повышения эффективности группового взаимодействия;

— сложившиеся групповые нормы и предпочтения начинают восприниматься как сковывающие необходимую инициативу и потому требующие изменения;

— уровень культурной компетентности в группе достаточно высок, чтобы пересмотреть групповую стратегию с точки зрения расширения степени функциональной автономности ее членов.

Условия перехода от консолидации к переговорам. При таком состоянии можно считать, что наметилась тенденция, характеризующая готовность ее членов к переговорам. Для ее актуализации необходимы определенные условия, наличие которых позволит

эффективно и безболезненно совершить наметившийся переход. К ним относятся:

- активизация в рамках группы коммуникативных процессов, направленных на выявление разногласий между участниками;
- обсуждение различий интересов внутри группы и возможностей их примирения при совместном решении проблемы;
- наличие внешних сил, заинтересованных в сохранении группы.

Факторы, способствующие переходу от консолидации к переговорам. Эффективность целенаправленной организации переговоров при благоприятных условиях обуславливается действием ряда внутригрупповых факторов:

- открытость обмена информацией при обсуждении внутригрупповых расхождений интересов;
- высокая толерантность членов группы к индивидуальным различиям;
- сильная «экспертная команда» по примирению интересов;
- отчетливые альтернативы определения ситуации с выявлением зон совпадений и расхождений.

Движение к переговорам может усилиться, если в действие вступит ряд стимулирующих внешних факторов, таких как:

- соответствие изменившихся групповых интересов конструктивной ориентации в решении проблемы другими группами;
- усиление внешних влияний на группу с целью ее сохранения при некоторых структурных изменениях;
- представление членов группы о том, что при сравнении групповых и внешних нормативных ориентаций, групповые могут оказаться полезными для организации взаимодействия с окружением.

При такой ситуации переход от консолидации к переговорам вряд ли может быть осуществлен внутренними силами. Обычно в этих условиях в группе нарастают эгалитаристские и сепаратистские тенденции. Поэтому выдвижение любого лидера будет вызывать сопротивление, а формирование ядра для выработки решения будет затруднено из-за расхождений интересов. В подобных случаях необходимо вмешательство третьей стороны, которое может быть организовано самими членами группы. Такая сила не должна выполнять лидерские функции; ей следует выступать в роли катализатора групповой реорганизации; посредника в примирении интересов; советника, соотносящего предложения членов группы с целями решения проблемы. При адекватном выполнении подобного рода функций группа может безболезненно пройти через структурные изменения, благодаря которым взаимодействие ее членов начнет осуществляться в соответствии с переговорной парадигмой.

Последствия трансформации парадигмы консолидации. Каждая из возможных трансформаций парадигмы консолидации имеет для участников взаимодействия как позитивные, так и нега-

тивные последствия. Как было отмечено выше, консолидация переходит в конфликт при низком уровне культурной компетентности участников, при стремлении сохранить исходное согласие в меняющихся условиях. Позитивные последствия такой трансформации болезненны и для участников, и для более широкого окружения. Они связаны с утратой иллюзий относительно незыблемости и священности традиционных ценностей и норм, на которых базировалось такое согласие; с освобождением культурного пространства для новых нормативных образований, соответствующих изменившимся жизненным условиям. Негативные последствия в этом случае определяются возникновением новых очагов конфликта.

Консолидация переходит в переговоры при относительно высоком уровне культурной компетентности участников, желающих продолжать взаимодействие при неблагоприятных внешних условиях и понимающих невозможность решения проблемы в одиночку. Позитивными последствиями такого перехода можно считать повышение степени чувствительности и реактивности по отношению к внешним изменениям; переориентацию групповой активности с поддержания межличностных отношений на преодоление проблемной ситуации. Негативные последствия связаны с ослаблением межличностных связей, эмоциональных привязанностей людей друг к другу, чувства общности, обусловленным расширением у каждого из их зоны функциональной автономности и индивидуальной ответственности.

Трансформация парадигмы конфликта. Конфликтная парадигма может трансформироваться только в переговорную, а любые попытки выстроить на базе конфликта консолидацию не будут иметь успеха. В зависимости от этапа взаимодействия меняется вероятность эффективности переговоров. Так, хорошо известно, что пока происходит формирование конфликтной ситуации и еще не началось жесткое позиционное противостояние сторон, взаимодействие между ними может быть переведено в переговорную парадигму третьей стороной, демонстрирующей совместимость их интересов и возможность взаимовыгодных действий.

На начальных стадиях конфликтного взаимодействия, когда решение о несовместимости в данной ситуации сторонами уже принято и первые обмены действиями совершены, перейти к переговорам можно, но это очень трудно. Здесь нужны и посредники, и давление общественного мнения, и хорошо продуманная тактика взаимных компромиссов, чтобы только побудить стороны согласиться вступить в переговоры. И такой переходный период предполагает значительные затраты времени и усилий третьими сторонами. Когда процесс приобретает характер полноценной борьбы, любые попытки начать переговоры в этот период будут безуспешными.

Логика эскалации конфликта такова, что, втягиваясь в нее, посредники начинают принимать позицию одной из сторон, следовательно, укреплять и таким образом выводить ее на новый уровень интенсификации борьбы. Опять вернуться к идее переговоров можно лишь тогда, когда ресурсы обеих сторон близки к состоянию исчерпанности. В этом случае ситуация в структурном отношении становится аналогичной началу конфликта. Заинтересованные третьи стороны могут при первых же проявлениях ремиссии, т. е. одновременного отступления участников с «поля боя» для перегруппировки сил и возобновления ресурсов, попытаться предложить какие-то выгодные условия переговоров. При начальных отступлениях это может не иметь успеха. Но чем дальше конфликтующие стороны истощаются в борьбе, тем выше вероятность того, что предложение посредников вступить в переговоры может быть принято. Таким образом, в этом случае смена парадигм носит затяжной характер и требует от окружения значительных ресурсных вложений. Следует также подчеркнуть, что, начиная с момента эскалации, конфликтное взаимодействие усугубляет существующую проблемную ситуацию. Поэтому даже удачная организация переговоров на его конечных стадиях не вносит никакого вклада в конструктивное решение проблемы и даже не возвращает ситуацию в состояние, предшествующее конфликту. Вот почему в ценностном отношении такая трансформация, будучи социально значимой, не вызывает той степени удовлетворенности ни у организаторов, ни у участников переговоров, ни у общественности, какую вызывает любой видимый позитивный шаг в решении проблемы как таковой.

Предпосылки перехода от конфликта к переговорам. Они возникают тогда, когда участникам становится ясно, что, несмотря на объявленную готовность к конфронтации, они не имеют достаточно сил и ресурсов, чтобы выиграть борьбу. Соответственно состояние перехода от конфликта к переговорам обуславливается следующими предпосылками:

— прекращение конфронтации оказывается для обеих сторон значительно более выгодным, чем продолжение;

— неудовлетворенность обеих сторон конфликтным взаимодействием значительно превышает неудовлетворенность от пребывания в условиях проблемной ситуации, которые предшествовали началу конфликта;

— уровень культурной компетентности сторон достаточно высок, чтобы перейти от бесконечного антагонизма к разделу сфер влияния.

Условия перехода от конфликта к переговорам. Как уже отмечалось выше, предпосылки для начала переговоров в ходе конфликтного взаимодействия не являются его устойчивой характеристикой, которая, раз зародившись, сохраняется в качестве его

основы. Напротив, они возникают, но, не будучи использованными для изменения направленности хода процесса, исчезают под напором тех, что оказываются благоприятными для эскалации конфликта. Соответственно одного наличия предпосылок не достаточно, чтобы переходный процесс начался. Нужны определенные условия, обеспечивающие его формирование и развитие, к которым можно отнести следующие:

- возникновение хотя бы у одной из конфликтующих сторон стремления вступить в переговоры; причем, его сила должна быть достаточной, чтобы начался активный поиск повода для организации переговоров;

- выявление этой стороной тех общих интересов и тех возможностей взаимных компромиссов, которые могли бы составить основу будущих переговоров;

- наличие такой расстановки внешних сил, при которой давление в направлении прекращения конфликта существенно преобладает над заинтересованностью в его продолжении.

Факторы, способствующие переходу от конфликта к переговорам. При наличии подобных условий целенаправленная организация перехода к переговорам становится возможной. Ее реализацию можно начать в случае, когда в действие вступает ряд конструктивных факторов.

1. Наличие альтернативных решений относительно предмета переговоров и нейтрализации конфликтной ситуации:

- устранение объекта конфликта;
- разделение объекта конфликта между сторонами;
- установление очередности или иных правил совместного пользования объектом;
- компенсация одной из сторон за передачу объекта другой стороне;
- разведение конфликтующих сторон;
- переведение отношений сторон в другую плоскость, предполагающую согласование их интересов.

Таким образом, сторонам предлагается вместо концентрации на одномерной конфронтации перейти к рассмотрению и оценке других возможностей.

2. Разработанные альтернативы путей перехода к переговорам, т. е. к возможностям достижения соглашений по спорным вопросам. С этой точки зрения по степени возрастания действенности можно выделить следующие факторы:

- предложения одной из противоборствующих сторон, которые могут — но совсем не обязательно — вызвать у другой интерес к идее переговоров;

- апелляция третьих сторон к соответствующим юридическим или этическим нормам, переговорный потенциал которых обусловлен реальными гарантиями их эффективности;

— предложения посредников, базирующиеся на совпадении интересов сторон, значимость которых для перехода к переговорам зависит как от степени готовности к ним соперников, так и от эффективности медиаторов.

3. Переход от конфликтного взаимодействия к переговорам зависит от признания сторонами ответственности за ущерб, нанесенный друг другу. Это трудное решение, поскольку в таком случае предполагается, что каждая должна что-то исправить или оплатить потери. Однако возможны различные пути урегулирования проблемы ответственности. Одна из сторон готова принять определенные обязательства по отношению к другой и соглашается на уступки. Если она принимает часть вины за случившееся, ей следует объясниться с оппонентом и признать ошибку. Чтобы не быть при этом в положении оправдывающейся стороны, ей важно сосредоточиться на обсуждении ситуации и выходе из нее. Можно также предложить компромисс, при котором сторона-инициатор берет на себя больше ответственности в одной области с тем, чтобы другая сделала что-то взамен. В этом случае нередко возникают напряжения в связи с различием точек зрения сторон на то, что каждая из них должна сделать. Поэтому необходимо вмешательство третьей силы, которая поможет выявить оценки, побуждения, приоритеты соперников и вместе с ними выработать решение о распределении ответственности. Наконец, можно найти общие для обеих сторона интересы и осуществить переход к переговорам на этой основе.

4. Инструментальные факторы, или социокультурные образования, действие которых прямо направлено на то, чтобы трансформировать конфликтную парадигму взаимодействия в переговорную. К ним можно отнести:

— институциональные организации, специально предназначенные для осуществления переговоров, поиска взаимовыгодных решений, в том числе в рамках законодательной, исполнительной и судебной власти;

— предшествующий опыт согласования разнонаправленных интересов, закреплённый в культурных образцах;

— консультации, приводящие к осведомлению конфликтующих сторон относительно возможностей взаимоприемлемого решения.

5. Силловые факторы, облегчающие переход. Часть из них связана с равновесием ресурсного потенциала. Если конфликтующие стороны выравниваются по этому параметру, конфликтное взаимодействие становится перспективным и неуместным. Сторонам лучше начать ориентироваться не столько на победу, сколько на снижение напряженности, вызванной конфликтом. В этом случае переход к переговорам оказывается целесообразным и вероятным,

поскольку освободит стороны от дальнейших потерь. Другая часть характеризуется синергетическим потенциалом конфликта, т. е. его притягательностью для других участников. Чем выше этот потенциал, тем больше сторон включается в конфликт и тем более сложным и затяжным он становится. Чем он ниже, тем сильнее осуждается конфликт со стороны общественности и чем менее он выгоден значимым политическим силам, тем вероятнее в этом случае переход к переговорам.

Последствия трансформации конфликтной парадигмы. Переход от конфликта к переговорам включает в себе как позитивные, так и негативные последствия для участников взаимодействия. Проблема здесь состоит не в полном устранении предпосылок для конфронтации — это невозможно, — но в попытках свести к минимуму опасность необратимых взаимных разрушений и расширения зоны напряжений. Это имеет положительный эффект. Прежде всего прекращаются взаимные разрушения. Далее, стороны выводятся на такие позиции во взаимодействии, которые позволяют им увидеть общие интересы и возможности их реализации за счет переговоров или разводятся по другим локусам взаимодействия. Наконец, переход к переговорам означает начало движения к нормированию отношений между соперниками: установление взаимных прав, обязанностей, санкций за их нарушение.

Негативные аспекты такого перехода обусловлены качеством его организации и уровнем культурной компетентности сторон. Если соответствующие меры временны и паллиативны, затрагивают не существо конфликта, а лишь симптомы, ситуация усугубляется. Он расширится за счет негативной реакции сторон, обманувшихся в своих надеждах на улучшение, против тех, кто давал такие обещания. Если переход к переговорам используется сторонами как маневр для перегруппировки внутренних сил и пополнения ресурсов, для временной передышки, то ситуация не улучшается. Переговоры так и не складываются, а их значимость как инструмента целедостижения дискредитируется в общественном мнении. И чем ниже оказывается уровень культурной компетентности соперников и посредников, тем больше вероятность при попытках смены парадигм принести больше вреда, чем пользы. Поэтому целенаправленные действия в этом направлении должны быть компетентными, взвешенными и осторожными.

Трансформация парадигмы переговоров. Парадигма переговоров может трансформироваться либо в консолидацию, либо в конфликт. В проблемной ситуации более вероятным является переход к конфликту, поскольку свойственная ей напряженность обуславливает взаимную настороженность партнеров и склонность к агрессивным или оборонительным реакциям. Попытки консолидации можно ожидать тогда, когда социальное положение участников не

достаточно высоко и они склонны отводить себе в проблемной ситуации более пассивную, нежели активную позицию.

Предпосылки перехода от переговоров к конфликту. Они возникают тогда, когда участники начинают понимать, что взаимодействие сдвигается от ориентации на интересы и их примирение к обсуждению позиционных расхождений или процедурных вопросов. В этом случае о предпосылках перехода к конфликту можно судить по следующим показателям:

- польза от силового давления представляется большей, чем от поиска взаимных компромиссов;
- выигрыш от реализации общих интересов не удовлетворяет кого-то из участников;
- через переговоры по частному поводу начинают проступать более глубинные разногласия или претензии кого-то из участников.

Условия перехода от переговоров к конфликту. При появлении таких устойчивых характеристик в процессе переговоров возрастание напряженности в отношениях между участниками может вызвать их конфронтацию. В качестве условий, способствующих такому повороту событий, можно назвать следующие:

- акцентирование различий интересов между участниками переговоров и их поляризация;
- активизация критического начала в отношениях участников: взаимное неприятие предложений, позиций, личностных характеристик;
- недостаток информации об интересах, ресурсах, намерениях партнеров, вызывающий взаимное недоверие;
- наличие внешних сил, заинтересованных в затягивании или срыве переговоров.

При наличии таких условий достаточно любого предлога, чтобы более заинтересованная в конфликте сторона начала активные атакующие действия.

Факторы, способствующие переходу от переговоров к конфликту. Переход от переговоров к конфликту может быть представлен следующим образом:

- в начале переговоров стороны вынужденно отказываются от части своих требований, вследствие чего прочность достигнутых компромиссных решений невелика;
- параллельно формируются предпосылки и условия для конфликтной ситуации;
- стороны начинают использовать силовое давление, чтобы отстоять собственные интересы или позицию;
- силы сторон или их активность оказываются неравными, и более слабой приходится отступать для пополнения ресурсов;
- затем с новыми силами отступившая сторона пытается взять реванш.

Так начинается эскалация конфликтного взаимодействия. При подобных обстоятельствах чрезвычайно трудно вернуться к переговорам. И процесс приобретает характер борьбы.

При таком обороте событий интенсификация конфликтного взаимодействия может возрасти, если стороны:

- пытаются представить собственные промахи как ошибки партнера; такие обвинения нагнетают взаимную враждебность, благоприятную для эскалации процесса;

- частично скрывают свои интересы; в результате накапливаются недоговоренности, сокрытие становится заметным и нарастает взаимное недоверие, укрепляющее проитвостояние сторон;

- начинают без необходимости атаковать или обороняться, чем провоцируют рост напряженности в отношениях и агрессивные реакции;

- настаивают на своих преимуществах или превосходстве, что ведет к акцентированию неравенства, разрушающему структуру переговорных отношений;

- возобновляют преодоленные ранее разногласия, подчеркивают уязвимые места друг друга, переносят критику результатов, полученных в ходе переговоров, на личности; это вызывает гнев, обиду и т. п., укрепляющие враждебность в отношениях сторон;

- по окончании раундов переговоров объявляются победитель и побежденный, что разрушает атмосферу взаимного нейтралитета, характерную для переговоров.

Если не контролировать ход переговоров, то описанные выше условия и факторы будут кумулироваться. По мере их актуализации достигнутые договоренности подвергаются все большей угрозе нарушения, принимая во внимание, что речь идет о различных интересах, которые достаточно трудно примирить. Даже в случае удачной разнонаправленности сохраняется и всегда остается потенциальным источником возникновения разногласий и споров. Любая умело предпринятая попытка вызвать резонанс скрытых расхождений нарушает какие-то из непрочных связей, установившихся между партнерами ранее. Многократное воздействие деструктивных факторов приводит к разрушению не только отношений, но и самих предпосылок, необходимых для их установления. Соответственно слабый контроль над осуществлением переговорной парадигмы в проблемной ситуации с высокой вероятностью открывает путь для перехода в конфликтную.

Иногда переговоры в проблемной ситуации могут трансформироваться в консолидацию. Для этого необходимо особое стечение обстоятельств.

Предпосылки перехода от переговоров к консолидации. Они появляются, когда участники понимают, что их интересы в проблемной ситуации весьма близки; их позиции в основе своей не расходятся, а имея дело с проблемой в одиночку, каждый из них

проиграет неизмеримо больше, чем жертвуя частью функциональной автономности при объединении ресурсов и усилий для ее совместного решения. В этом случае предпосылки перехода к консолидации могут распознаваться по следующим показателям:

- интересы участников близки по направленности и оказываются совместимыми в поле проблемной ситуации;
- польза от объединения усилий представляется большей, чем от автономного решения проблемы;
- выигрыш от реализации общих интересов удовлетворяет всех участников;
- участники сами по себе оказываются достаточно маломощными.

Условия перехода от переговоров к консолидации. Когда такого рода предпосылки приобретают устойчивость, можно считать, что есть основания для переориентации отношений на парадигму консолидации. Но чтобы это произошло и имело действенные последствия, необходимы следующие условия:

- поощрение проявлений доброжелательности, симпатии и взаимного притяжения в отношениях между участниками переговоров;
- избегание обсуждения взаимных различий или представление их как не имеющих особого значения;
- стремление к максимально возможной полноте информационного обмена;
- наличие внешних враждебных сил, страх перед которыми побуждает участников переговоров к консолидации.

При таких условиях стороны постепенно начинают сближаться, оказывать взаимную поддержку, все больше ценить чисто личностные отношения.

Факторы, способствующие переходу от переговоров к консолидации. Переход от переговоров к консолидации можно схематично представить следующим образом:

- вначале, выслушивая аргументацию друг друга, стороны убеждаются в том, что при объединении для совместного решения проблемы компромиссы, на которые им придется идти в отношении собственных интересов, окажутся минимальными или вполне приемлемыми;
- это закладывает предпосылки для ориентации на более тесные отношения;
- стороны начинают проявлять знаки взаимного притяжения и нейтрализовать расхождения в оценках, мнениях, суждениях;
- усилия и ресурсы объединяются и начинают распределяться в структуре взаимодействий по принципу комплементарности;
- все большее внимание уделяется поддержанию благоприятных межличностных отношений и все меньшее — ходу переговоров и ориентированности на решение проблемы.

С этого момента можно говорить о том, что тенденция перехода от переговорной парадигмы к консолидации сложилась.

Укреплению такой ситуации могут способствовать следующие факторы:

— открытые проявления симпатии, признания взаимных достоинств помогают установить атмосферу дружелюбия, которая у каждого вызывает ощущение личностного комфорта;

— избегание разногласий и споров закрепляет общие для них интересы и позиции, которые приобретают характер групповых нормативных образований;

— активизация обмена знаниями, навыками, информацией в связи с проблемной ситуацией способствует нарастанию взаимного доверия, укрепляющего намерение сотрудничать;

— снижение страха перед внешними обстоятельствами стимулирует усиление взаимной привязанности, укрепляющей тенденции консолидации;

— выявление харизматического лидера, вокруг которого образуется ядро межличностных отношений, способствующее началу формирования группы, вызывает структурный поворот от парадигмы переговоров к парадигме консолидации.

Последствия трансформации парадигмы переговоров. Если контролировать ход переговоров и последовательно осуществлять его переориентацию в сторону консолидации, можно ожидать, что в их рамках удастся создать коалицию или объединить всех участников в структуру, соответствующую первичной группе. Тогда основные из достигнутых ранее договоренностей приобретают нормативный статус, контролируя любые отклонения от негласного или провозглашенного принципа согласия. Ему принадлежит доминирующая роль в укреплении отношений благодаря функционированию в качестве механизма отбора суждений и действий. Постепенно все больше усилий начинает затрачиваться на поддержание личностных отношений и все меньше внимания уделяется решению проблемы. Таким образом, путем специального регулирования можно через переговоры прийти к формированию группы консолидации.

Целенаправленное использование переходов парадигм взаимодействия в проблемных ситуациях

Сказанное означает, что фундаментальные парадигмы взаимодействия людей в проблемных ситуациях в дополнение к самостоятельным стратегическим функциям имеют тенденцию к взаимопереходу, продлевая процесс взаимодействия. Такой переход может осуществляться как спонтанно, так и путем целенаправленного регулирования. Направление спонтанного процесса чаще всего характеризуется движением от более высокого уровня организации к более низкому (например, переход от парадигмы консолида-

ции или переговоров к парадигме конфликта). Целенаправленная трансформация может вызвать как упрощение (от переговоров к конфликту), так и усложнение (от консолидации к переговорам) формы взаимодействия. Соответственно эти парадигмы можно использовать при организации социального взаимодействия не только в стратегических, но и в тактических целях. Практика свидетельствует о том, что в последнем случае следует придерживаться ряда обязательных принципов:

- использование парадигм должно быть последовательным, и соответствовать закономерностям взаимопереходов, не допускающим их применения в произвольном порядке;
- оно должно быть контролируемым, чтобы избежать нежелательных спонтанных типов трансформации;
- переход от одной парадигмы к другой возможен лишь тогда, когда у участников взаимодействия сложилось готовность к нему, проявляемая во внешних признаках поведения;
- такой переход представляет собой не «скачок», а процесс, в ходе которого структурные изменения отношений между участниками взаимодействия необходимо контролировать в соответствии с доминирующими параметрами.

Контрольные вопросы

1. Социальная значимость толерантности к проблемной ситуации.
2. Возможности и пределы эффективного использования парадигм взаимодействия в решении социально значимых проблем.
3. Трансформации парадигмы консолидации и их последствия для социального взаимодействия.
4. Трансформации парадигмы конфликта и их последствия для социального взаимодействия.
5. Трансформации парадигмы переговоров и их последствия для социального взаимодействия.
6. Целенаправленное использование взаимопереходов парадигм при решении проблемы.
7. Социализационное пространство проблемной ситуации.

РЕЗЮМЕ

1. Концепция социально значимой проблемы указывает на недовольство людей существующим положением дел в обществе, представление о необходимости его изменения при условиях их массовой распространенности, устойчивости во времени и угрозы общественной безопасности. Она предполагает типологию про-

блем в соответствии с их источниками, обусловленными фундаментальными расхождениями между: массовыми запросами и возможностями их удовлетворения; социальными стереотипами и изменившимися условиями существования людей; необходимостью и недостаточностью эффективных социальных взаимодействий. Они считаются проблемообразующими, если не могут быть преодолены с помощью имеющихся в обществе и культуре средств.

Действия людей в таких обстоятельствах и их результаты следует рассматривать на личностном, групповом, общесоциальном уровнях. В первом случае определяются индивидуальные поиски адаптации, приводящие к формированию социокультурных образцов; во втором — их межгрупповое сравнение и шкалирование, трансформирующие наиболее предпочтительные из них в ценности; в третьем — наиболее удачные и социально приемлемые решения проблемы нормируются и институционализируются.

В качестве побуждений к поиску выхода из сложившейся ситуации выделяются ее неопределенность, вызываемая ею тревожность и порождаемая ими социальная напряженность. Их наличие можно считать показателями общественного неблагополучия, массовой негативной реакции на имеющееся положение дел.

2. Взаимодействия и коммуникации людей в таких обстоятельствах можно свести к нескольким легко распознаваемым формам и парадигмам. Парадигмы, или совокупности принципов организации интеракции в проблемных ситуациях, представлены через следующие структурные характеристики процесса: предпосылки и условия выбора парадигмы; факторы и механизмы ее поддержания; распределение ролей; динамический потенциал взаимодействия (силовое, ресурсное обеспечение, коммуникативные возможности); его фазы — от порождения до завершения. Выделяются три фундаментальных формы/парадигмы социального взаимодействия в соответствии с его генеральной направленностью: на сохранение существующей системы отношений — солидарность/консолидация; на индивидуальное целедостижение без учета интересов других — конфликт/борьба; на совместное решение проблемы при наличии как общих, так и расходящихся интересов — партнерство/переговоры.

3. Предпосылки, условия, побуждающие людей объединяться в проблемной ситуации на основе парадигмы консолидации, обеспечивают возможность ее целенаправленного использования как стратегии согласованной совместной активности, организованной по принципу взаимной дополнителности (комплементарности). Он определяет ролевое распределение и стиль поведения участников, структурирование процесса взаимодействия в соответствии с такими ключевыми параметрами, как объединение усилий, ресурсов, коммуникативная поддержка консолидации.

Динамика взаимодействия представлена фазовыми состояниями и механизмами его упорядочения, соответствующими гомеостатической теоретической модели социальной системы. Фазы процесса определяются динамикой согласования действий его участников. Механизмы регулирования его течения связаны прежде всего с поддержанием сомотождественности системы, ее внутренней интегрированности с ограждением от негативных внешних воздействий.

Парадокс парадигмы консолидации вытекает из нормативной ориентации участников на полное взаимное согласие. С одной стороны, их реальные расхождения в отношении к ходу взаимодействия и друг другу подавляются. Но они могут подспудно накапливаться и добавлять напряженности в ситуации настолько, что это может привести к внезапному конфликту. С другой стороны, участники ориентируются прежде всего на установление и поддержание межличностных отношений, уделяют этому основное внимание и постепенно отклоняются от решения социально значимой проблемы.

4. При рассмотрении использования конфликтной парадигмы в проблемной ситуации общепринятая и многозначная категория «конфликт» конкретизируется. Вводятся уточняющие понятия: «конфликтная ситуация», которая характеризуется поляризацией интересов участников, и «конфликтное взаимодействие», которое определяется нанесением реального взаимного ущерба. Предпосылки и условия начала борьбы связываются с наличием дефицита социально значимых ресурсов в проблемной ситуации, с одной стороны, и провозглашением взаимной несовместимости сторон при их использовании — с другой. Типичные роли участников взаимодействия определяются их конфронтацией, а типичные стили поведения — борьбой. Распределение сил в ходе процесса обусловлено ориентацией каждого из участников на укрепление собственной позиции и ослабление потенциала противника. Процесс расходования и пополнения ресурсов, связанный со сменой атак (эскалация) и отступлений (ремиссия), можно представить в волнообразной форме. Коммуникация характеризуется постоянным информационным дефицитом для всех конфликтующих сторон.

В фазе эскалации интенсивность нанесения взаимного ущерба может только усиливаться, но не ослабляться. В период ремиссии оказывается возможность снизить или даже свести на нет интенсивность побуждений участников к продолжению борьбы, но только при вмешательстве посредника. Механизмы, поддерживающие этот тип взаимодействия, связаны со стимулированием агрессивности сторон, с увеличением социальной дистанции между ними.

Парадоксом конфликтной парадигмы взаимодействия является свойственная ей тенденция превращать конфликт в перманент-

ное отношение между сторонами. Обе стремятся достичь преимуществ за счет ослабления противника, и каждый успех одной побуждает другую к соперничеству. Таким образом, в проблемной ситуации парадигма конфликта оказывается неадекватной для ее преодоления. Во-первых, ориентация сторон на взаимные противоречия мешает им воспринимать зоны пересекающихся интересов. Во-вторых, каждая из сторон со временем начинает ориентироваться на победу над другой, а не на решение проблемы.

5. Парадигма переговоров характеризуется значительными конструктивными возможностями при необходимости решать социально значимые проблемы. Предпосылки и условия, благоприятные для ее реализации, определяются как готовность сторон к объединению усилий, но с сохранением у каждой определенной степени функциональной автономности. Соответственно схема взаимодействия и распределения ресурсов отличается тем, что стороны соблюдают свои интересы, имеют собственные права и обязанности и действуют в пределах их совместимости. Стили поведения в этом случае характеризуются признанием партнерами взаимных сходств и различий, готовностью к поискам компромиссов.

Затруднения, возникающие в ходе переговоров, предполагают владение определенными навыками: контролировать эмоции и поддерживать взаимопонимание; внимательно относиться к личностным особенностям друг друга и рационально решать споры об ответственности за ход процесса; распознавать и нейтрализовать уловки, тормозящие его. В этом случае динамика переговорного процесса характеризуется последовательным достижением взаимоприемлемых договоренностей. Каждому раунду переговоров соответствует специфичное распределение сил и ресурсов, которое позволяет найти возможность согласовать интересы участников и завершить их окончательным соглашением, удовлетворяющим все стороны.

Парадокс парадигмы переговоров заключается в том, что она ориентирована на результат, определяемый узкой зоной общих для участников интересов. За пределами достигнутого договора остаются нереализованные цели. Поэтому частичное решение проблемы предполагает возможное возникновение новых обстоятельств, требующих урегулирования. В то же время парадигма обеспечивает эффективность процесса взаимодействия; способствует многосторонней и доступной для пересмотра оценке происходящего; допускает изменение не только содержательных, но и структурных аспектов взаимодействия; открывает перспективы для преднамеренного регулирования его динамики — хотя все это в ограниченных пределах предмета переговоров.

6. Адекватное применение каждой из парадигм в проблемной ситуации может принести позитивные результаты. Так, консоли-

дация позволяет сохранить ранее сложившиеся жизнеспособные культурные образцы, ценности, нормы. Конфликт обнаруживает бесперспективность, нецелесообразность удерживать в социокультурном пространстве его дисфункциональные элементы. Переговоры способствуют формированию новых способов упорядочения проблемных зон социокультурного пространства.

7. Анализ эмпирических данных и теоретических обобщений позволяет говорить о закономерностях возможных взаимопереходов парадигм. Консолидация может трансформироваться в переговоры или конфликт. В первом случае речь идет о том, что при расширении сферы функциональной автономности участники стараются в неблагоприятных обстоятельствах сохранить взаимовыгодные партнерские отношения. Во втором — возрастающая самостоятельность сторон ведет к убеждению в нецелесообразности продолжать взаимодействие, основанное на полном и безоговорочном взаимном согласии. Конфликтная парадигма может смениться только переговорной, предполагающей такое переопределение проблемной ситуации, при котором дальнейшие контакты между сторонами не допускаются. Если переговоры начать в конфликтной ситуации (до начала борьбы) или в фазе ремиссии, можно предотвратить или прекратить нанесение сторонами взаимного ущерба. Следует подчеркнуть, что это возможно лишь при вмешательстве внешних сил. Переговоры могут перейти либо в консолидацию, либо в конфликт. Движение в сторону консолидации обычно связано с недостаточным силовым и ресурсным потенциалом сторон. В этом случае они стараются заручиться взаимной поддержкой. Вероятность конфликта возрастает тогда, когда одна из сторон значительно превосходит другие по влиятельности и амбициям. Выявление закономерностей такого рода позволяет использовать полученное знание при объяснении и прогнозировании динамики социального взаимодействия в проблемной ситуации в любой зоне социокультурного пространства.

Заключение

Проблемы и перспективы изучения социокультурной микродинамики средствами социологии

Внимание социологов культуры к микроуровню социальной реальности, ее культурному измерению можно считать определенным продвижением в рамках этой науки по сравнению с устоявшимися взглядами. Дело в том, что в сложившихся ранее теоретических моделях общественные изменения представляются в самом общем виде. Предполагается, что они реализуются в контексте «общества в целом», а их содержание сводится к «общественному развитию» на макросоциальном уровне. Однако сегодня этого недостаточно. Происходящая в настоящее время смена социально-научных парадигм открывает новые возможности, связанные с уточнением форм и содержания разнородных процессов социального взаимодействия, реализующихся в социокультурном пространстве и обуславливающих его дифференциацию, выявлением их закономерностей и перейти к уровню анализа социокультурной микродинамики.

Смена эпистемологических моделей в науках об обществе и культуре обусловлена кумуляцией неосвоенных изменений, которые произошли в современном мире. Об этом свидетельствуют расхождения между наличным и социально необходимым качеством знания, существующие в социологии культуры.

Все более очевидным становится несоответствие или недостаточность эвристического потенциала существующих здесь теорий для интерпретации и объяснения новых социальных фактов. Такое расхождение означает необходимость пересмотра исходных социально-научных оснований, обуславливающего изменение точки зрения на предметную область изучения. В данном случае на формы и содержание социокультурных процессов, обусловленных разнородными реакциями на глобализацию, многомерностью информационных потоков, экологическими проблемами, массовым снижением уровня культурной компетентности и т. п. и влияющих в массовом масштабе на образ жизни людей, на их повседневное существование.

Для методологического уровня сегодня характерна ограниченность возможностей применяемых в социологии методов сбора и анализа такого рода данных. Ряд проблем, теоретически осмысленных сегодня как микросоциальные, оказывается значительно

сложнее и тоньше, чем возможности их изучения, предлагаемые на уровне социологии культуры. Соответственно расхождение между фактами, теориями и методами предполагает пересмотр эпистемологических оснований решения таких проблем, что означает изменение точки зрения на то, какой материал следует отбирать для изучения и как его анализировать.

Что касается прикладного уровня, то здесь обнаруживается несоответствие между формализованными, упрощенными представлениями, прогнозами и рекомендациями консультантов, с одной стороны, и значительно большей сложностью социокультурных ситуаций, с которыми им приходится иметь дело в реальности — с другой. Работа в области социальной инженерии, социокультурного программирования и проектирования до сих пор не имеет серьезных теоретических оснований. Следовательно, речь идет о необходимости формирования более утонченной и культурно-содержательной, чем теперь, модели построения прикладных разработок, сохраняющей преимущества их теоретических обоснований и интерпретаций полученных результатов и в то же время учитывающей особенности отдельных случаев.

Примерно с середины 1990-х гг. стало очевидным, что рефлексия к основаниям социальных наук, происходившая в предыдущие десятилетия, принесла позитивные результаты и привела к началу формирования новой познавательной парадигмы. Разумеется, пока еще преждевременно говорить о ее достаточной завершенности. Но уже сейчас можно выделить те из ее принципов, которые все более детерминируют современное направление изучения человека и его жизненного мира, в том числе в рамках социологии культуры.

— Конструктивность: любая единица анализа и наблюдения трактуется не как «естественно» существующая самостоятельная целостность, но как сконструированная применительно к исследовательской ситуации.

— Проблемность: построение таких единиц обусловлено направленностью на решение определенной проблемы, имеющей теоретическую или прикладную значимость.

— Относительность: единицы социокультурного анализа рассматриваются не как самодовлеющие объекты, а как формирующиеся и модифицирующиеся в соотношении с другими динамическими единицами, в совокупности составляющими ее окружение или среду.

— Реляционизм: исследовательский акцент переносится с изучения свойств «реальных объектов» на анализ связей, отношений человека с окружением.

— Микродинамика: изучаются социокультурные процессы, их формы и динамические механизмы во временных пределах, соизмеримых с индивидуальным жизненным циклом.

— Антропность: необходимость исходить из антропологических оснований социально-научного познания и обусловленных ими познавательных возможностей и ограничений.

Этот, пока еще неполный набор позиций, характерный для новой социологии культуры, свидетельствует о возможности преодоления жесткого детерминизма классической парадигмы и полного релятивизма радикальной постмодернистской познавательной позиции. Его использование при изучении социокультурной микродинамики открывает дополнительные возможности для понимания того, как люди в процессах взаимодействий и коммуникаций поддерживают и меняют свой жизненный мир.

На теоретическом уровне акцент на этой предметной области позволяет совершить логический переход от межличностного пространства обыденной жизни к институциональному и от исторического к микровременному анализу соответствующих процессов. Таким образом, используется принцип дополнительности в структурно-функциональной и динамической трактовке изучаемых процессов. В области методологии антропный принцип в изучении социокультурной микродинамики позволяет обоснованно переносить в социологическую исследовательскую модель теоретические находки из антропологии и комбинировать их применительно к решению сформулированных проблем и задач. Конструктивный принцип позволяет в пределах антропно трактуемых пространства и времени определять ситуации и процессы взаимодействий и коммуникаций и оценивать их вероятные последствия для более широкого социокультурного пространства.

Представленные в этой книге проблемы и направления их решения построены на совокупности взаимосвязанных фундаментальных положений, принятых и утвердившихся в ряде дополняющих друг друга теоретических систем и определяющих исходные допущения о возможностях людей поддерживать и изменять социокультурную реальность. Их можно разделить на три основных группы в соответствии с ответами на следующие вопросы:

— каковы возможности людей в отношениях с окружением. В этом случае имеются в виду представления о человеке, о тех его врожденных свойствах, которые следует принимать во внимание, чтобы изучение динамики социокультурных процессов стало возможным и целесообразным;

— в какой среде это происходит. Ответ на этот вопрос подразумевает упорядоченное представление о тех фундаментальных измерениях окружения людей, которые обеспечивают их совместное существование;

— что происходит. При этом определяются формы и содержание социальных взаимодействий, культурных коммуникаций, а также элементов жизненной среды, которые необходимы для полноценного участия в социальной жизни.

В рамках современной антропологии общепринятым является допущение о единстве человечества как вида. Его следствием становится положение о наличии антропологических универсалий, т. е. общих для всех людей характеристик, определяющих их фундаментальные отношения с окружением. Свойства, способности осваивать внешний мир, адаптироваться в нем относятся к таким универсальным характеристикам, принимаемым в качестве предпосылок, на которых выстраивается особое жизненное пространство. Принято считать, что социальные и культурные знания и навыки не являются врожденными, но приобретаются и реализуются людьми на этих основах в процессах взаимодействий и коммуникаций.

Человек рассматривается как социальное существо, способное к результативной активности. Соответственно люди осваивают окружение и строят пространство своего существования не индивидуально, но совместно на основании фундаментальных связей с ним. Их формы и содержание обусловлены необходимостью удовлетворять потребности и реализовать интенции в процессах формирования, поддержания и изменения социальных и культурных целостностей. Это предполагает изучение процессов интеракций и их последствий в локусах их порождения, распространения и угасания.

Продукты совместной активности составляют искусственное, т. е. неприродное, окружение людей, которые упорядочивают его по различным, значимым для них основаниям (полезность, удобство, доступность, экономия усилий и пр.). Совокупность этих порядков можно считать социокультурным пространством существования людей, а формы реализующихся здесь процессов определяют характер, социального и культурного времени. Каждое поколение осваивает их как исходную, естественную данность.

В рамках постмодерна обосновывается, что социокультурное пространство и время неоднородны. Их внутренние формы определяются постоянным набором измерений, которые даже в постмодернистских построениях оказываются антропологическими универсалиями. Они детерминированы как процессами, происходящими в независимом от восприятия человека природном мире, так и воспроизводимыми сетями социальных взаимодействий и коммуникаций. Эти порядки задают формы социального пространства и времени. Далее, их характеристики определяются свойствами, создаваемых людьми, но не тождественных им искусственным объектам, имеющих физическое измерение. Будучи определенным образом упорядоченными в процессах социального взаимодействия, они образуют предметно-культурные пространственные и временные порядки. Наконец, распределение процессов совместной активности людей обусловлено внутренними характеристиками символических объектов, порождаемых людьми, но имеющих соб-

ственные закономерности существования. Они задают культурно-символические формы социокультурных пространства и времени.

Согласно позиции релятивизма процессы, реализуемые в этих пределах, и трансформации самих образующих их устойчивых конфигураций социального взаимодействия и коммуникации могут порождаться различными факторами. Это могут быть внешние природные или социальные стимулы, значимые для социокультурной единицы, или внутренние для нее сдвиги в интересах, отношениях, определении ситуации, специфичные для составляющих ее людей. Они связываются также со сменой символического смысла происходящего. Наконец, причинами изменений могут быть факторы реактивной природы — обмен действиями и информацией, предполагающий соотнесенность пространственных и временных характеристик системы с другими, составляющими ее актуальное окружение. Эта проблемная область значима для становления социологии культуры, но пока почти не изучена.

Философское допущение о двойственной природе человеческого существования, в какой бы форме оно ни выражалось: материя — дух, реальное — идеальное, актуальное — виртуальное и т. п. — подчеркивает различие в характере оперирования физическими и символическими артефактами, а также рефлексивное, символически зафиксированное отношение к такому различению. Соответственно такая двойная экспозиция отношений человека с окружением и позволила аналитически разделить социокультурное пространство на два взаимопересекающихся уровня — социальный и культурный.

Как было показано, социальное пространство определяется формами и структурами связей между людьми, образуемыми ими в процессах совместной жизни для организации необходимых взаимодействий. Его внутренняя форма имеет символическое выражение и определяется упорядоченным характером интеракций в устойчивых и повторяющихся адаптационно значимых ситуациях, с одной стороны, и соответствующими практиками — с другой.

Культурное пространство определяется коммуникативной активностью, сопровождающей процессы социального взаимодействия. Оно структурируется с помощью организации определенных классов вещей, технологий, нормативных и ценностных образований в устойчивые упорядоченные совокупности, имеющие смысл для поддержания совместной жизни людей и определяющие содержание их активности. Такие устойчивые порядки можно обозначить — согласно современной общенаучной терминологии — как культурные коды. Считается, что культурное пространство конструируется коммуникативными процессами, т. е. обменов информацией, значениями и смыслами, выраженными в форме символов, замещающих физические объекты и реальные социальные отношения.

Теоретическое объединение этих позиций составило исходные основания для построения модели социокультурного пространства. Его форма, внутренняя структурированность определяются в пределах каждого из возможных состояний общества соотношением составляющих областей, обусловленным соответствующими адаптационными императивами. В обобщенном виде ответ на них осуществляется на следующих уровнях организации отношений:

— с вещами (природными и искусственными объектами) — классы объектов, их устойчивые совокупности, технологии оперирования ими;

— людей друг с другом — типичные ситуации социального взаимодействия, определяющие их роли и идентичности, соответствующие формы взаимодействия;

— с символами — типичные коммуникативные ситуации и позиции в их рамках, культурные коды, способы оперирования ими.

Таким образом, построение концепции социокультурного пространства позволяет ставить вопрос о тех возможностях, которые открываются перед людьми на уровнях взаимодействия и коммуникации, отвечать на императивы отношений с окружением, соответствующие определенному состоянию общества. Адаптационные функции каждого из уровней пока не обобщены, а связи между ними вообще теоретически не осмыслены. Эта тема еще ждет разработки в рамках социологии культуры.

Итак, социокультурное пространство формируется через воспроизводимые формы антропологически и/или общественно значимых, т. е. стереотипных ситуаций, характеризующихся двумя уровнями — взаимодействие и коммуникация. На каждом из них такие ситуации определяются целым рядом теоретических концептов, выражающих их структурно-функциональную специфику.

Так, социокультурные образцы определяются как показательные примеры удачной или неудачной организации взаимодействия, направленного на решения значимой для его участников задачи или проблемы. Паттернами взаимодействия называются такие его устойчивые структуры, которые нужны людям для воспроизведения, поддержания социальных отношений. Деятельность в контексте социального взаимодействия означает устойчивую и повторяющуюся схему процедур организованной активности, приводящую к одинаковым результатам в одних и тех же ситуациях совместного целодостижения. Под поведением понимается организованная активность, составляющая базу для коммуникации в ситуациях взаимодействия. Концепция социального обмена предполагает структурирование последовательности действий каждого из участников интеракции в соответствии с принципом эквивалентности. В рамках существующих социологических и антропологических теорий считается, что такие устойчивые образования

институционализируются, т. е. им придается квазиканоническая форма, которая фиксируется в виде правил; легитимизируются, т. е. заключаются в нормативные рамки; приобретают устойчивое символическое выражение на письменном, устном или экстралингвистическом (мимика, жесты, пространственное поведение) уровне. В таком социокультурном микропространстве осуществляются процессы интеракции.

Что касается теоретических допущений о природе взаимодействия, то в контексте социологии культуры они выводятся из хорошо известной теории социального действия. Само же понятие, несмотря на широкое использование, не имеет подробной теоретической разработанности. Соответственно пока можно говорить о двойственном рассмотрении ситуаций интеракции. С одной стороны, речь идет об уже изученной структуре действия, рассмотренного на уровне атомарных социальных единиц и представленного как соотношение «интенция — результат». С другой — существует понятие социальной системы, где взаимодействие представлено в терминах структурно-функциональных связей. В обоих случаях слабо раскрыт его как культурно-содержательный, так и процессуальный характер. Соответственно в рамках социологии культуры нужны теоретические построения, позволяющие систематическим образом изучать социальное взаимодействие.

Побуждения к совместной активности можно считать фундаментальной характеристикой социальной жизни. Во-первых, речь идет о потребностях, которые рассматриваются как антропологическая универсалия, предопределяющая одинаковость движущих сил для объединения людей и элементов их окружения с целью жизнеобеспечения. Более того, в некоторых теориях в качестве фундаментальной врожденной характеристики человека утверждается потребность в социальности. Во-вторых, в теории культуры в качестве стимулов выделяются желания и интересы, которые организуют социальное взаимодействие на основе разделяемых представлений и оценок, приобретаемых в ходе социализации и инкультурации.

С точки зрения рассматриваемой темы именно взаимодействие, а не действие базируется на этих побуждениях и определяет элементарную единицу изучения социальности. Ее можно представить как целостность, составленную из одновременно или последовательно осуществляемой активности в интересующем пространстве социально значимых ситуаций. В этом теоретическом контексте понятие «действие» не имеет самодовлеющей значимости, не определяет ни структуры, ни содержания интеракции. Каждое детерминируется не индивидуальной интенцией, но интересующей средой, в которой она порождается и реализуется.

Концепции взаимодействия как процессов организованной совместной активности людей и смены типичных антропологически значимых ситуаций, где она осуществляется, пока в рамках социологии культуры отсутствуют. В то же время теоретическая модель социокультурного пространства позволяет локализовать их и оценить с точки зрения эффективной адаптации людей в жизненной среде.

В отличие от социального взаимодействия концепция коммуникации в социологии и антропологии подробно разработана. В самом общем виде ее можно свести к трем взаимосвязанным, но характеризваемым собственными закономерностями областям. Во-первых, речь идет о динамических связях между взаимодействием человека с окружением и формированием внутренних концептов, позволяющих «ставить метку» на его фрагментах с целью их обозначения и упорядочения. Такая способность считается антропологической универсалией, обеспечивающей возможность символической коммуникации даже представителей разных культур. Во-вторых, концептуализирована сама коммуникативная активность. Выделены стандартные ситуации обмена сообщениями, определяемые разделяемыми представлениями о соответствующих побуждениях, практиках и ожидаемых результатах. Акт коммуникации определяется как обмен разделяемыми символами относительно побуждений, структуры и выходов предполагаемого или реального взаимодействия. В-третьих, существуют теоретические модели формирования интересубъективных знаков и символов. В этом случае акцент ставится на процессах установления связи между означаемым (компоненты социального взаимодействия и его результаты) и означающим (вербальные, иконические, проксемические и др. символы). Однако эта тема в рамках как социологии культуры, так и антропологии до сих пор остается наиболее спорной. Дифференциация социокультурного пространства на основании различий кодификации его компонент, а также форм и парадигм социального взаимодействия позволит изучить формирование коммуникативных единиц, их значений и правил оперирования ими в стандартных интерактивных ситуациях.

Все сказанное выше относится главным образом к стереотипным, институционализированным ситуациям такого рода. Однако благодаря постмодернистским изысканиям в сферу исследовательского внимания сегодня включаются элементы человеческого опыта, которые можно считать пограничными или по тем или иным причинам не определившимися по отношению к установленным социокультурным формам. В совокупности они составляют область феноменов, которую можно рассматривать как источник изменчивости в контексте социокультурной реальности.

Прежде всего следует отметить область вариативности действий в системах взаимодействия. В рамках социологии культуры и

антропологии установлено, что схемы интеракций здесь не остаются неизменными. Совместные действия, их результаты, отношения к ним — все это не остается самождественным при повторении, но каждый раз претерпевает незначительные изменения, которые не нарушают структуру и функции организованной активности. Их принято называть вариациями, и они со временем накапливаются и приводят к модификации, а иногда и к разрушению сложившихся порядков. Эффективность функционирования системы взаимодействия снижается при сложении вариаций действий участников, поскольку каждый раз требуются дополнительные усилия и время на их координацию. Эта область «естественной» изменчивости хорошо описана в эволюционистских теориях. Однако в социологии культуры она остается мало изученной, и без ответа остаются вопросы, как происходит формирование представлений о границах самождественности повторяющихся или продолжающихся ситуаций взаимодействия и об области индивидуально удобных, «свободных» проявлений в их пределах.

Далее следует указать на случайные и контингентные (необязательные) изменения. Представления о них выражено в концепции проб и ошибок. Этим путем могут быть найдены удачные и *ad hoc* модификации стандартных форм активности, их результатов, которые в дальнейшем повторно используются. Но изменение может быть и неудачным, нарушающим установившийся ритм взаимодействия. Тогда источник изменения нейтрализуется. Подобные непреднамеренные события обуславливают закрепление случайных находок и исправление ошибок.

Важно также выделить ситуации, характеризующиеся устойчивым нарушением эффективности взаимодействия. Это вынуждает его участников на рациональном уровне искать такие изменения рутинных схем, которые восстановили бы прежнюю результативность системы либо повысили ее степень в ответ на внешние требования. Такой поиск может носить индивидуальный или коллективный характер, однако рациональная выработка конструктивного решения задач совместна.

Наконец, заслуживает рассмотрения случай переопределения ситуации. Неудовлетворенность участников взаимодействия или окружающих его результатами даже при наличии ранее перечисленных модификаций вызывает необходимость переориентировать его. Для этого оказывается необходимым изменение интенции и/или предметного поля активности. В подобных ситуациях происходит отказ от стереотипов, изменение объекта ориентации.

Все эти темы значимы для изучения социальных и культурных изменений в рамках социологии культуры. Однако их анализ возможен только в предметной области социокультурной микродинамики и при условии точной локализации соответствующих ситуаций.

Следующая группа пограничных феноменов порождается неосознаваемыми импульсами. Действие механизмов бессознательного подробно описано в психоаналитических работах. В ситуации взаимодействия оно может проявляться на индивидуальном или групповом уровнях, но так или иначе способствует модификации сложившихся и конвенционально установленных стереотипов:

— замещение: в системе интеракции его действие обуславливает изменение ориентации активности. Она сдвигается от целодостижения к индивидуальному или групповому самоутверждению;

— проекция: ее действие обычно активизируется при цепи неудач в совместной активности. Оно проявляется в том, что вместо рефлексии относительно причин своих неудач участники начинают обвинять друг друга или обобщенного другого;

— рационализация: при неуспешном объединении усилий она приводит к нереалистичному изменению точки зрения на ситуацию. Это могут быть либо оправдание правомерности таких неудач, либо попытки выдать их за достижения.

Общепризнано, что механизмы бессознательного следует рассматривать как антропологическую универсалию. Однако в рамках социологии культуры они не вписаны в изучение факторов, препятствующих успешным взаимодействиям в разных областях социокультурного пространства.

Существенным источником изменения организованных, функционально приемлемых единиц интеракции можно считать область виртуальных феноменов. Самые известные проявления такого рода — иллюзии и фантазии.

Иллюзиями принято называть такие способы восприятия окружения, при которых одни его элементы принимаются за другие или же к ситуации предъявляются невыполнимые требования. Обычно в контексте взаимодействия индивиду указывают на неадекватность его представлений. Однако если даже такие представления не оказывают прямого влияния на ход процесса, то они могут накапливаться, определенным образом организовываться и составлять часть виртуальной реальности воспроизводящихся социально значимых ситуаций.

К фантазиям относятся представления о несуществующем, основанные на врожденной способности человека к комбинаторике как таковой безотносительно к характеру используемых для этого объектов. Соответственно в различных контекстах взаимодействия люди могут в качестве эксперимента или развлечения пытаться сочетать разнородные вещи и символы, придумывать прошлое или будущее.

Фантазии и иллюзии могут по-разному влиять на эффективность интеракции. Пока ее установившиеся, канонические формы соответствуют интересам участников и внешним запросам, нереа-

листочные представления могут вносить искажения в стереотипные схемы коммуникации. Однако, когда такие формы утрачивают свою эффективность, иллюзии и фантазии начинают работать как механизмы острашения и в этом качестве становятся стимулами для пересмотра стереотипных представлений, для построения альтернативных целей, направлений, форм совместной активности.

Соответственно изучение подобных феноменов, составляющих область виртуальной реальности, становится важным направлением социологии культуры с точки зрения:

— выхода в поле новых возможностей (интенций, планов, предполагаемых результатов) взаимодействия; преодоления стресса монотонии, возникающего в результате повторения рутинных операций; переключения на новые внешние ориентиры;

— компенсации расхождений между реальными и идеально представляемыми системами и результатами совместной активности.

Наконец, важную область институционально неорганизованных феноменов составляют социокультурные последствия расхождений между внутренними концептами, символами и реальными действиями, между интенцией и результатом. Указание на несоответствия между ними можно обнаружить в обсуждении вопроса означаемого и означающего. Эта область также становится источником изменения стереотипных структур отношений между людьми. Так, ее наличие обуславливает понимание или непонимание людьми друг друга, ситуаций, в которых они оказываются, содержания и значимости внешних воздействий. В зависимости от положения дел они меняют либо стереотипные формы взаимодействия, либо их интерпретацию, либо представления. Это может стать побуждением для изменения структурных или функциональных составляющих интеракции с целью преодоления или по крайней мере уменьшения степени подобных расхождений.

В рамках социологии культуры пока социокультурные причины и последствия различий и совпадений между тем, что думается, говорится и делается, не стали предметом специального изучения.

Из сказанного следует, что социологические представления о социокультурной реальности не следует ограничивать только разделяемыми и институционализированными формами отношений и представлений. Следует также отдавать должное пограничным, слабо организованным и случайным феноменам, которые составляют неотъемлемую часть человеческого опыта и неизбежно оказывают влияние на установившиеся социокультурные образования.

Важно еще раз подчеркнуть: чтобы знать и понимать содержание социокультурной жизни, механизмы поддержания и изменения ее форм, следует разместить рассмотренные выше области взаимодействий и коммуникаций в социокультурном пространстве.

турными адаптационными императивами, а содержание детерминирует различия в степени дифференцированности и упорядоченности взаимодействий и коммуникаций, которые осуществляются на микролокальном (обыденном и институциональном) уровне.

Морфологические основания построения модели социокультурного пространства предполагают структурно-функциональное его определение и выявление тех задач, которые возникают в связи с удовлетворением фундаментальных человеческих потребностей и реализацией культурно обусловленных интенций. Структурная составляющая модели позволяет упорядочить его области в соответствии с определенными теоретическими различиями:

- между социальным и культурным аспектами их рассмотрения;
- между социокультурными кодами, на основе которых они образуются.

Морфологические (функциональные) единицы социального измерения этого пространства концептуально объединяют допущения об обусловленности взаимодействия людей их социальной природой, с одной стороны, и антропологической детерминированностью потребностей, для удовлетворения которых совместная активность необходима — с другой. В социологии и антропологии этим условиям отвечают следующие единицы анализа. Прежде всего это первичные группы, т. е. объединения людей для межличностных взаимодействий и коммуникаций, организованных в соответствии с удовлетворением потребностей и реализацией интенций, которые неосуществимы в одиночку. Далее, выделяются социальные институты, рассмотрение которых здесь ограничивается организационной формой социетального уровня. В этом смысле они представляют собой структуры норм и правил, упорядочивающих набор ситуаций социального взаимодействия, находящихся под их юрисдикцией и ориентированных на реализацию ключевых социально значимых функций. Наконец, это социальная сеть как аналитическая единица, выделяющая первичные группы, связанные непосредственными контактами как на обыденном, так и на институциональном уровне. Ее использование позволяет выявить механизмы связей между нормативными предписаниями и реальными проявлениями совместной активности людей. Иными словами, с помощью этих аналитических единиц структурируются институционализированный и обыденный уровни социокультурного пространства, а также устанавливаются связи между ними.

Однако для изучения происходящих здесь процессов выделение только форм организации совместного существования людей оказывается недостаточным. Способы и результаты удовлетворения потребностей и реализации интенций обусловлены и их культурным содержанием. Кроме того, исходное допущение, что социальное взаимодействие сопровождается коммуникацией, также

означает необходимость' включить в исследовательскую модель аналитические единицы, отражающие содержательную сторону коммуникативных процессов. Они выделяются на уровне культуры, понимаемой как искусственный мир людей, содержание — функциональное и символическое — их отношений, и конструируются на основании их обусловленности необходимостью коммуникации в ходе социальных взаимодействий.

С этой точки зрения морфологическая модель культуры строится на тех же фундаментальных основаниях, что и концепция социальной реальности, но с акцентом на значениях и смыслах социальных процессов, на коммуникативных сетях, на области оперирования символами. В соответствии с выделением в предметной области социальной реальности социетально-институционального и обыденного уровней культура также рассматривается с этой точки зрения. Во-первых, речь идет о специализированных ее областях. Они отличаются тем, что необходимые здесь знания и навыки осваиваются путем специального обучения; осуществляемые в их рамках взаимодействия структурируются в рамках институционализированной системы общественного разделения труда; вследствие этого их результаты имеют общесоциальную значимость. Во-вторых, выделяется обыденный уровень культуры, характеризующийся тем, что трансляция, освоение и использование приобретенного здесь опыта происходят по большей части неререфлексивно, в контексте непосредственных межличностных отношений и контактов. Их процессы и результаты имеют значимость в рамках социальных сетей.

При таком понимании культурной реальности центральной категорией становятся (социо)культурные коды, т. е. специфичные наборы механизмов, трансформирующих множества разнородных связей с окружением, проявлений активности, представлений в организованные intersубъективные порядки социальных взаимодействий, коммуникаций, их результатов. Люди осваивают их в процессах инкультурации, чтобы участвовать в коммуникативных процессах на специализированном и обыденном уровнях культуры. Качество такого участия можно оценить с помощью категорий социальной и культурной компетентности, характеризующих меру освоенности и эффективности использования знаний и навыков, соответствующих дифференциальным областям социокультурного пространства.

Морфологическая позиция, таким образом, определяет форму организации и содержание социальных функций, культурных знаков и символов, их значений, которые люди актуализируют в процессах взаимодействия и коммуникации. Но для изучения социокультурной микродинамики и связанных с ним выделенных тем важно сделать доступным анализу и наблюдению место порождения и пути распространения устойчивых и изменчивых образова-

ний в более широком социокультурном контексте. Соответственно морфологический аспект изучения выделенной предметной области дополняется топологическим.

С теоретической точки зрения концепция социокультурного пространства строится на пересечении оснований, структурирующих модели социальной и культурной реальности, и в соответствии со следующими измерениями:

— социетально-институциональное, которое в социальном аспекте описывается через социальную структуру, а в культурном — распределенностью в ее рамках специализированных социокультурных кодов;

— групповое, сетевое, представленное с социальной точки зрения через социальную стратификацию, а с культурной — через связь между обыденными и институциональными составляющими образа жизни людей;

— территориальное, которое в социальном плане указывает на типологию поселений в соответствии со степенью урбанизованности, а в культурном — на распределение социокультурного потенциала по типам поселений.

В рамках этой своего рода системы координат размещаются дифференциальные сочетания концентрированных и диффузных, более сложных и простых, более сильных и слабых областей социокультурных взаимодействий и коммуникаций в пределах изучаемого общества. В рамках так понимаемой социокультурной топологии можно проследить механизмы всех тех видов изменений, о которых говорилось выше, их структурных и содержательных составляющих, которые прямо обуславливают микродинамику происходящих в этих пределах процессов.

В заключение важно выделить границы применимости этого направления социологии культуры. Прежде всего на теоретическом уровне выделяются социальные и культурные императивы, связанные с процессами эффективной адаптации людей в имеющихся условиях, степень соответствия компонент существующего социокультурного пространства выявленным потребностям. Для анализа других, не связанных с адаптацией типов связей людей с окружением, вероятно, следует использовать иные концептуальные средства. Далее, предлагаемая модель соответствует изучению функционирования институциональных составляющих этого пространства и реализации образа жизни людей в контексте социокультурной микродинамики. Макросоциальные процессы в данном случае не рассматриваются. Наконец, предметная область изучения ограничивается только пересечением представлений о социальном и культурном, существующих сегодня в социальных науках. В рамках как социологии культуры, так и культурной антропологии есть другие области изучения, на которые эта теоретическая модель не распространяется.

Глоссарий

Авторитарная модель социализации — модель трансляции социокультурного опыта, подразумевающая «субъект-объектные» отношения между агентом и субъектом социализации. В процессе социализации все права принадлежат агенту, а обязанности возложены на субъекта. Модель отличается доктринерством и формализмом.

Агент социализации — функциональная роль или институциональная структура, формально или неформально признанные как несущие ответственность за трансляцию социокультурного опыта субъекту социализации и контроль над качеством его освоения.

Агрессивная реакция на проблемную ситуацию — попытки индивида силовым способом уничтожить реальный или воображаемый источник проблемы.

Адаптация социокультурная — процесс приспособления индивида к изменчивому социокультурному окружению и трансформация его в освоенную жизненную среду, доступную для контроля и целенаправленных изменений.

Адаптированность социокультурная — умение свободно ориентироваться в окружении и строить отношения с его элементами, помогающие формировать и поддерживать благоприятную жизненную среду и благополучный образ жизни.

Акт поведения — элемент заученной, стереотипно организованной активности, входящий в целостную систему нерелексивной реакции на типичную социокультурную ситуацию.

Активность — внутренняя и внешняя подвижность организма, обуславливающая его обменные отношения с окружением.

Антропогенное изменение — изменение, вызванное в окружении совместной активностью людей.

Антропологические универсалии — свойства, которые рассматриваются как присущие человеческому виду в целом.

Антропология культурная (социальная) — область социальных наук, основанная на выделении антропологических универсалий и редукции к ним результатов сравнительного изучения различных культур, субкультур и других социокультурных единиц. Ее генеральной целью является объяснение сходств и различий в формах и результатах человеческой активности, устойчивых и изменчивых характеристик социокультурной жизни.

Артефакт — любой искусственный или культурный объект из следующих классов: вещь, идея или образ, технология, регулятивное (нормы, правила) образование, их оценка и ее критерии.

Аскриптивность (приписанность) — характеристика социальной позиции, достающейся занимающему ее лицу по наследству.

Ассоциации добровольные — группы, членство в которых основывается на желании людей поддерживать контакты вне системы общественного разделения труда (профессиональные, досуговые, идеологические, религиозные).

Аудитория — совокупность членов общества, пользующихся средствами массовой коммуникации и учреждениями культуры. Она внутренне дифференцирована по социально-демографическим, социально-стратификационным признакам, по степени культурной компетентности.

Аудитория массовая — здесь: обозначение усредненных представлений о реципиентах, которым адресуется информация, не дифференцированная в соответствии со специфично групповыми интересами; в оценочном смысле идентифицирует большинство членов общества с невысоким уровнем культурной компетентности.

Библиотека — учреждение культуры, где собираются и хранятся фонды печатной продукции, организованные специальным образом; предназначена для распространения в обществе такой продукции в форме временного пользования ею.

Вариация — тип изменчивости, характеризующийся разнообразием проявлений культурного феномена при полном сохранении его исходных структурных, устойчивых формообразующих характеристик.

Взаимодействие социальное — организованная, имеющая культурный смысл совместная активность людей, описываемая через направленность на определенную цель, связанную с реализацией внешних или внутренних побуждений с использованием имеющихся средств.

Власть — атрибут участника социального взаимодействия или элемента социальной (институциональной) структуры, характеризующий их возможность оказывать влияние на других, побуждать их к определенным действиям, в том числе путем принуждения.

Внешние стимулы к действию — факторы, относящиеся к внешнему для индивида окружению, обуславливающие необходимость его ответной активности.

Внутренние побуждения к действию — состояние организма, индивида, вызывающие необходимость вступить во взаимодействие с окружением; к ним следует отнести потребность, желание, интерес, запрос, намерение.

Врожденные свойства — генетически наследуемые характеристики организма человека.

Гипотеза — положение, выдвигаемое в качестве предварительного, условного решения поставленной проблемы. В исследовании

выполняет ориентирующие и корректирующие функции в отношении сбора, анализа и обобщения материала.

Гипотетико-дедуктивный метод — метод научного познания, основанный на выведении (дедукции) заключений из гипотез, которые не подтверждены, но и не опровергнуты; эмпирическая проверка следствий выдвинутых предположений указывает на их истинность или ложность.

Группа социальная — совокупность лиц, взаимодействующих друг с другом, независимо от количественного состава, длительности существования, структурной сложности, интенсивности контактов и т. п.

Гуманитарное знание — уровень познания культурных феноменов, связанный с их описанием и группировкой по разным признакам; в отличие от научного познания здесь не преследуется цель эмпирической проверки сделанных умозаключений, а также объяснения изучаемых явлений.

Дедифференциация — в рамках социальной системы процесс размывания границ между ее функциональными единицами; переход системы в менее упорядоченное, более синкретичное состояние.

Дезинтеграция — в рамках социальной системы процесс разрушения функциональных связей между ее элементами.

Депрессия социальная — состояние общества, характеризующееся массовой распространенностью безнадежности и угнетенности, снижением уровня побуждений, пассивностью.

Детство — в социально-научном смысле, период жизненного цикла человека, в котором осуществляется первичная социализация (инкультурация). Обычно понимается как период зависимости от старших и подготовки к самостоятельной взрослой жизни.

Деятельность—целенаправленная, структурированная, рационально организованная активность.

Диалог — способ коммуникации, характеризующейся двусторонним обменом информацией и взаимопониманием между участниками.

Диахронный анализ — сравнительный исследовательский метод, связанный с изучением объекта в исторической ретроспективе по отобранным характеристикам.

Динамический анализ — познавательная процедура, направленная на изучение процессов порождения, становления, изменения, деконструкции социальных и культурных единиц.

Дистанция социокультурная — мера распределенности индивидов и групп в социокультурном пространстве, характеризующая частоту, интенсивность их взаимодействий и коммуникаций, их взаимозависимость.

Дифференциация социальная — в структурном смысле означает внутреннюю расчлененность социальной системы — институ-

циональную, стратификационную, групповую (сетевую); в качестве процесса трактуется как тип изменения, характеризуемый формированием новых специфичных единиц для выполнения определенных функций.

Диффузия социокультурная — распространение инновации из места ее порождения в другие области социокультурного пространства в основном через добровольное заимствование.

Доказательство — обоснование истинности некоторого утверждения с помощью других утверждений, которые считаются истинными или уже доказанными.

«Естественная» (полевая) модель социализации — в этом случае субъект социализации либо предоставлен самому себе в выборе агента или источника социокультурной информации, либо любое лицо или группа могут претендовать на выполнение по отношению к нему социализирующей функции.

Жизненная ситуация — совокупность условий и процессов существования индивида, характеризующая определенную форму организации, установившееся или проблемное состояние его образа жизни.

Жизненный цикл — последовательная смена физических и социокультурных состояний индивида в период от рождения до смерти.

Жизнеобеспечение — совокупность процессов социального взаимодействия и коммуникации, направленных на удовлетворение базовых потребностей человека.

Закон (в области права) — формальная конвенционально установленная в обществе система норм и правил, утверждающая определенные типы поведения различных категорий граждан в типичных проблемных ситуациях; система базируется на угрозе силового принуждения.

Закономерность социально-научная — теоретическая абстракция, имеющая эмпирическое подтверждение, обозначающая устойчивую совокупность связей в социальном взаимодействии и коммуникации, повторяющуюся последовательность событий, упорядоченный набор артефактов. В исследовании либо является объектом построения, либо используется для интерпритации данных в качестве рамок соотнесения.

Защитные механизмы — специальная регулятивная система стабилизации отношений личности с окружением, направленная на подавление рефлексивного осмысления негативных, травмирующих переживаний.

Знак — закрепленное в объективированной форме (предметной, жестовой, интонационной, проксемической) сходство между феноменами одного класса, идентифицированное по определенным признакам. Знак выполняет функцию указания на наличие

в ситуации представителей этого класса. Знак не имеет прямого сходства с обозначаемым; он конвенционален.

Знание — результаты освоения окружения, получившие рациональное обоснование в процессах обыденного или профессионального взаимодействия и коммуникации. Знание фиксируется в естественном или искусственных языках. Различаются обыденное знание, опирающееся на непосредственный жизненный опыт, и научное знание, основанное на достоверности представлений о закономерностях в области связей человека с окружением.

Значение — содержательная связь, устанавливаемая между одними и теми же знаком и обозначаемым в стереотипных, повторяющихся ситуациях социального взаимодействия и коммуникации, выражающая место и функции обозначаемого в таких ситуациях.

Зрелость — наиболее продолжительный период онтогенеза, характеризующийся полнотой проявления системой ее свойств и возможностей.

Игра — культурная форма взаимодействия и поведения, выделенная из обыденной жизни и профессиональной деятельности, характеризующаяся особыми правилами отстранения от реальности, выполняющая функцию рекреации, в форме которой могут реализовываться обучение и стремление к новизне.

Идеализированный объект — познавательная конструкция, являющаяся результатом обобщения и абстрагирования определенных характеристик реальных объектов, доведения их до предельной полноты. Идеальные объекты в физической реальности не существуют, но в символической реальности выполняют важную нормативную функцию рамок соотнесения.

Идеальный тип — модель типичного (устойчивого, повторяющегося, широко распространенного) социокультурного явления, построенная на обобщении его социально значимых проявлений в наиболее полной их представленности. На уровне социального взаимодействия не существует, но широко используется в коммуникативных процессах в нормативной, фреймовой функции.

Идентификация — отождествление, устойчивая и в большей или меньшей степени отрефлексированная совокупность внешних проявлений, доступных для наблюдения, по которой люди распознают друг друга или выделяют себя из окружения в качестве самостоятельных единиц.

Изменение структурное — тип изменчивости, характеризующийся трансформацией связей внутри системы, вызываемой активизацией в рамках процессов дифференциации и/или интеграции.

Изменчивые компоненты образа жизни — характеристики условий и процессов существования, распределения времени и сил индивида, не являющиеся рутинизированными, воспроизводимыми, четко структурированными.

Измерение — 1) содержательная характеристика аспекта рассмотрения объекта, «позиция наблюдения», значимые в отношении изучаемого объекта для определения закономерностей его существования как целого и позволяющие квантифицировать его состояния. Измерения определяют структуру концептуального пространства исследования; 2) эмпирическая познавательная процедура сравнения объекта с эталоном, принятым в качестве меры для его определенных характеристик. В результате измерения получается число, указывающее на степень представленности в объекте таких характеристик.

Инкультурация — процесс, в ходе которого люди осваивают представления, способы взаимодействия и коммуникации, артефакты, характерны для культуры (субкультуры), к которой они принадлежат.

Инновация — в социокультурном пространстве, появление и распространение объекта или черты, ранее не имевшихся в ее рамках; может быть результатом изобретения внутри общества или межкультурного заимствования.

Институт социетальный — организационная единица, предписывающая нормативы социального взаимодействия и коммуникации, регулирующие выполнение определенного комплекса социально необходимых функций, фокусирующиеся на какой-либо из ключевых культурных тем (экономической, политической, образовательной, познавательной и т. п.) на общесоциальном уровне.

Интеграция — в социокультурной системе организация взаимодействия ее функциональных элементов в устойчивые комбинации, значимые с точки зрения сохранения необходимых предпосылок ее существования.

Интерсубъективность — характеристика представления, значения знака, смысла символа, указывающая на разделяемость их многими людьми, в отличие от интрасубъективности, предполагающей уникальность индивидуальных переживаний.

Информация социокультурная — совокупность сведений о чем-либо, содержащаяся в сообщении, передаваемом в процессе коммуникации; совокупность характеристик, представляющих качественную определенность какого-либо объекта; упорядочивающее, организующее начало, противоположное энтропии.

Каналы массовой трансляции информации — общедоступные институциональные образования, предназначенные для широкой демонстрации социокультурных образцов, ценностей, норм, для ознакомления членов общества с текущими событиями, представляющими социальную значимость или возбуждающими массовый интерес.

Качество жизни — характеристика комфортабельности жизненных условий, удовлетворенности потребностей и запросов, интенсивности социальных контактов. Выполняет оценочную функ-

цию по отношению к категории «образ жизни», указывая на культурную насыщенность его составляющих.

Класс социальный — в теории социальной стратификации, таксономическая единица, выделяющая совокупности однородных социальных позиций, определяемых по таким признакам, как уровень дохода, место в системе общественного разделения труда, доступ к принятию социально значимых решений и информационным каналам.

Код социокультурный — институционализированные деятельностные и символические основания, специфичные для каждого из измерений социокультурного пространства: социальная организация (хозяйственная, политическая, правовая области); социально значимое знание (религиозная, художественная, философская, научная области); трансляция социокультурного опыта (образование, просвещение, средства массовой информации); обыденной жизни людей; структурируется следующим образом: информационные входы — выходы, программы и логика переработки информации, пространственные и временные способы ее организации.

Коммуникативное побуждение (интенция) — потребности, запросы, желания, интересы людей, являющиеся стимулом к обмену информацией с другими, помогающими их реализации; рассматривается как начальная точка определенного коммуникативного процесса.

Коммуникатор — в теории массовых коммуникаций обобщенное обозначение источников информации. Их составляют три основных категории лиц: инициаторы коммуникативных процессов, т. е. люди, заинтересованные в доведении определенной информации до определенной, в том числе массовой аудитории; проводники, т. е. люди, придающие информации форму, приемлемую для аудитории (в средствах массовой коммуникации — репортеры, обозреватели, комментаторы и т. п.); они могут и сами быть инициаторами обмена информацией; технические исполнители, т. е. люди, управляющие техническими средствами трансляции сообщений (режиссеры, операторы электронной аппаратуры, редакторы и т. п.).

Коммуникация массовая — область социокультурного пространства, сформированная открытыми упорядоченными процессами целенаправленной трансляции социально значимой информации; характеризуется следующими признаками: массовая дисперсная (рассредоточенная) аудитория; технические средства передачи информации; одновременная трансляция информации по различным каналам (печать, в том числе периодическая, радио, телевидение, Интернет); доступность и понятность сообщений всем желающим.

Коммуникация межгрупповая — идеально-типичное представление об обмене информацией между людьми, полностью де-

терминированном их принадлежностью к разным социокультурным группам или категориям и независимом от их межличностных связей и индивидуальных характеристик.

Коммуникация межличностная — идеально-типичное представление об обмене информацией между двумя и более людьми, детерминированном их непосредственными контактами, личностными характеристиками и независимом от их групп принадлежности.

Коммуникация социокультурная — обмен информацией, предвещающей, сопровождающий, завершающий процессы социального взаимодействия, или безотносительный к ним и имеющий самодовлеющее значение.

Компетентность коммуникативная — мера умения индивида выбирать из доступных ему совокупностей грамматически правильных выражений те формы, которые соответствуют нормам определенной ситуации обмена информацией; свободное владение технологиями такого обмена.

Компетентность социокультурная — мера умения индивида владеть артефактами (культурными объектами), используемыми в социально значимых ситуациях.

Компетентность профессиональная — мера владения индивидом знаниями и навыками, связанными с выполнением определенных функций в системе общественного разделения труда в рутинных и проблемных ситуациях, включая этическую ответственность за свою деятельность.

Конвенциональность — атрибут артефакта (культурного объекта), который приобретается в результате установления согласия между участниками социального взаимодействия и коммуникации относительно признания за ними устойчивого набора идентификационных характеристик.

Конструктивная модель социализации — партнерская форма отношений между агентом и субъектом социализации, при которой агент транслирует, а субъект осваивает знания и навыки, необходимые для социокультурной адаптации при условиях признания: взаимных различий в социокультурной компетентности как значимых; зоны пересекающихся интересов как области интенсивных взаимодействий и коммуникаций; наличия у каждой из сторон определенной степени функциональной автономности, с одной стороны, и взаимных прав и обязанностей — с другой.

Конфигурация социокультурного пространства — форма распределения членов общества, полученная в результате наложения социетально-институционального и территориального измерений этого пространства.

Конфликт — форма или парадигма социального взаимодействия, ориентированная на достижение цели каждой из сторон без

учета интересов других; характеризуется представлениями участников о несовместимости их интересов и позиций в определенной ситуации.

Культура — обобщенное обозначение искусственного, созданного людьми окружения; содержания социальной жизни; организованных совокупностей физических, символических объектов, технологий, нормативных и ценностных образований.

Культурная (социокультурная) единица — концептуальная целостность, в рамках которой достоверным образом прослеживаются поддерживающие ее социальные и культурные закономерности (человечество в целом, отдельные общества и их объединения, социальные слои и группы, типы поселений).

Культурная черта — аналитическая единица, обозначающая устойчивую совокупность разделяемых людьми представлений, паттернов действий и взаимодействий, организованную вокруг решения определенной социально значимой проблемы (культурной темы) и передающуюся традиционным путем.

Личность — обозначение социокультурной формы отдельного человека, интегрирующее совокупность его врожденных свойств, знаний и навыков, приобретаемых в процессах социализации, исполняемых им функциональных ролей.

Макродинамический (исторический) масштаб времени — периодизация социокультурных процессов, охватывающая время жизни многих поколений; другое обозначение — исторический масштаб времени.

Методология научного познания — в узком смысле — теории построения способов и процедур научного познания; в более широком смысле — изучение методов познания, структуры научного знания и форм его динамики. Можно говорить о методологии научного познания как такового, частных наук, отдельного исследования.

Микродинамический масштаб времени — периодизация социокультурных процессов, сопоставимая с жизненным циклом индивида как минимум и трех поколений — как максимум; соответствует примерно одному столетию.

Мировоззрение — набор общих представлений человека об окружении, объединяющий элементы знаний, оценок, верований и используемый в качестве критериев при построении отношений с ним.

Мифологический тип познания — построение сверхъестественных концептуализаций непонятого или неизвестного; непознанных элементов окружения, необъяснимых событий. Предполагает определенную структуру трансформаций представлений, результатом которых становится наложение человеческой меры на подобные феномены.

Мнение — утверждение о реальности, носящее недостоверный характер, не обоснованное практикой или экспериментом, включающее в себя оценочные элементы. Мнение со времен античности противопоставляется достоверному знанию.

Мобильность социальная — процесс перемещения индивида с одной социальной позиции на другую по вертикали и по горизонтали с последующей ресоциализацией.

Модель — система логически взаимосвязанных теоретических категорий или переменных, представляющих предмет и объект исследования в ракурсе решаемой проблемы.

Модернизация — название совокупности социокультурных преобразований, начавшихся примерно в середине XIX в. в ряде европейских стран и продолжающихся в мире до сих пор. Они характеризуются переходом от индустриализма к постиндустриализму в хозяйственной области; от авторитарного к демократическому режиму в политической; от обычного к юридическому праву в правовой; от мифологизации к рациональному построению отношений человека с окружением в мировоззренческой; от доктринерства к конструктивному диалогу в области трансляции социокультурного опыта.

Мораль — совокупность норм, правил, ожиданий и санкций, регулирующая социальное взаимодействие и коммуникацию в локальном сообществе; принимается его членами добровольно из-за желания принадлежать к нему или под давлением групповых санкций.

Морфологическая модель социокультурного пространства — концептуализация социокультурного пространства как совокупности функционально определенных областей, характеризующихся доминантой в отношениях человека с окружением, особым кодом, специфичными субъектами и формами взаимодействия и пространственно-временными характеристиками его организации.

Наука — специализированная область социокультурного пространства с функциональной доминантой рационального познания окружения, осуществляемого по определенным правилам, контролирующим достоверность получаемых результатов, и направленного на повышение степени контроля человека над его жизненной средой.

Невербальная коммуникация — обмен информацией посредством жестов, мимики, телодвижений и других выразительных средств, кроме речевых.

Норма социокультурная — механизм установления и контроля выполнения социально значимых функций или регулирования отношений в неразрешимых проблемных ситуациях. Границы нормы задаются позициями «требуется — запрещается», «позволительно-нежелательно», «одобряемо — неодобряемо». Нарушение

этих границ сопровождается негативными социальными санкциями. Ими определяется поле свободного индивидуального выбора в стандартных социально значимых ситуациях.

Нормы коммуникативные — социально предписанные принципы организации обмена информацией, используемые и осваиваемые носителями определенной культуры для достижения взаимопонимания.

Обмен социальный — трансляция действий/информации от одних участников социального взаимодействия/коммуникации к другим, осуществляемая и оцениваемая в соответствии с правилами соблюдения эквивалентности.

Образ — тип представления, выделяющего из окружения контуры объекта внимания (внешние впечатления, внутриличностные переживания); отличается подвижностью, слабой структурированностью, симультанностью; может рассматриваться как единица формообразования, намечающая расчленение потока ощущений и восприятий на имеющие индивидуальную значимость целостности.

Образ жизни — распределение человеком фундаментальных ресурсов — времени и энергии — на протяжении жизненного цикла между основными формами социокультурной активности — жизнеобеспечением, социализацией, социальной коммуникацией, рекреацией (восполнением энергетических затрат).

Образец (стереотип, паттерн социокультурный) — устойчивое образование, состоящее из действий, представлений, оценок, объединенных в схему социального взаимодействия, коммуникации, поведения в стандартных (типичных) социально значимых ситуациях.

Образование — специализированная область социокультурного пространства, предназначенная для трансляции и освоения знаний и навыков, считающихся в обществе обязательными. Компонента социализации, характеризующаяся приобретением социально необходимого уровня культурной компетентности.

Обучение — искусственное изменение поведения индивидов, связанное с приобретением социально значимых знаний и навыков, с развитием умения использовать их в инструментальных целях. С помощью обучения достигаются такие изменения, которые не объясняются ни процессами развития организма, ни сенсорной адаптацией, ни утомлением.

Общество — совокупность различных групп индивидов, социальное взаимодействие которых осуществляется в рамках установленных государственных границ, единой социетально-институциональной структуры: системы общественного разделения труда, политической и правовой систем.

Обыденный (повседневный) уровень культуры — характеристика совокупности артефактов (вещей, символов, технологий,

нормативов, ценностных критериев), складывающихся в рамках сетевых взаимодействий, за пределами функций, выполняемых в системе общественного разделения труда. На этом уровне культурная компетентность приобретается через прямые контакты с окружением, а не за счет специализированного обучения.

Объяснение — выявление закономерностей, причинных и/или функциональных связей, обуславливающих существование и динамику изучаемого объекта.

Организация социальная — процесс и результат взаимодействия социокультурных феноменов, их координации (установление горизонтальных связей между равнозначными единицами, выполняющими различные функции) и субординации (установление вертикальных связей между единицами управления и исполнения). В социобиологии и этологии, установление и поддержание устойчивых форм взаимодействия и коммуникации, обеспечивающих воспроизведение совместного существования индивидов за счет поддержания таких ключевых функций, как жизнеобеспечение, воспроизведение потомства, контроль над проявлениями агрессии, охрана территории.

Основание (допущение) — достаточное условие для построения суждения. В сфере теоретических построений основаниями являются принятые без доказательства априорные утверждения, доказанные положения, логические процедуры, позволяющие организовать суждения в непротиворечивую систему, доступную для эмпирической и/или логической проверки.

Отклоняющееся поведение — характеристика актов поведения, наносящих вред или угрожающих социальной безопасности путем нарушения общепринятых ожиданий, правил, норм в стандартных социокультурных ситуациях.

Парадигма социального взаимодействия — совокупность фундаментальных принципов организации взаимодействия между людьми, определяющих форму, стратегию и тактику, распределение функций и результаты процессов обмена действиями и информацией.

Парадигма научная — исходная совокупность теоретических оснований и методологических принципов, используемых для формулировки научных проблем и гипотез, отбора информации в процессе исследования, анализа собранных данных и построения достоверных выводов, значимых в познавательном и/или социальном отношении.

Партикуляризм — в культуре тип отношения к элементам социокультурной жизни как к ситуативным, своеобразным, уникальным.

Первичная социализация — начальная стадия социализации, связанная с освоением первоначальных навыков построения отно-

шений с окружением и осуществляемая в узком контексте первичных групп (семья, детские учреждения).

Переживание — динамическая оценка индивидом собственных настроений и внешних впечатлений в значимых для него жизненных ситуациях.

Пермиссивная модель социализации — горизонтальная форма отношений, при которой агент социализации следует за желаниями и запросами субъекта социализации в стремлении заслужить его расположение, а субъект выполняет определенные требования агента, чтобы не разрушить сложившиеся доверительные отношения.

Познание — процесс установления специально обоснованных и символизированных отношений с окружением, характеризующий освоенность его устойчивых и повторяющихся элементов. Результаты познания могут выражаться в образной и понятийной формах; в различных типах рациональности; в разных предметных кодах. Можно провести различие между специализированным и обыденным уровнями познания как между результатами специального обучения и непосредственно приобретаемого жизненного опыта.

Политическая область социокультурного пространства — область регулирования отношений между группами интересов в обществе между гражданским обществом и государством; идеологии и технологии, связанные с реализацией групповых и общесоциальных интересов; на уровне государства такая реализация подкрепляется правом использования мер принуждения.

Понимание — восприятие внутренней формы и значения явления, высказывания/ образа, формулы и адекватная интерпретация их в различных контекстах коммуникации.

Порядок — атрибут социальных и культурных единиц, характеризующий их строение с точки зрения внутренней структуры, внешней формы, символической представленности.

Потенциал культурный — совокупность культурной информации, распределенной между областями специализированного и обыденного уровней социокультурного пространства, используемой членами общества и хранящейся в специальных институциональных формах.

Потребность — состояние организма, обусловленное дефицитом чего-либо необходимого для поддержания его существования.

Правило — способ организации действий, взаимодействия, коммуникации, устанавливающий последовательность актов и распределение усилий в процессе реализации определенных социально значимых функций или целедостижения.

Правовая область социокультурного пространства — узаконенные и общеобязательные нормы, регулирующие отношения

между людьми (физические лица) и организациями (юридические лица) в проблемных ситуациях, а также гарантирующие исполнение ими своих прав и обязанностей; образуют нормативную матрицу для реализации хозяйственной и политической деятельности, а также повседневной жизни.

Предсказание (прогноз) — вывод о существовании неизвестных ранее или предполагаемых в будущем фактов, объектов или их свойств, связей между явлениями, сделанный на основе теоретического знания.

Представление — внутренний образ, концепт, определяемый как промежуточное звено между воспринимаемой реальностью и символом, обозначаемым и обозначающим, фиксирующий связи между ними. Представление функционирует как механизм идентификации и оценки переживаний и внешних воздействий с точки зрения индивидуальной или социальной значимости.

Престиж — соотносительная оценка социальных позиций, групп, отдельных лиц в соответствии с разделяемой членами общества или группы критериями ранжирования их значимости.

Приватность — индивидуальное право, возможность человека или первичной группы (например, семьи) выборочно открываться или закрываться для внешних социальных контактов и контроля.

Приспособление — активность организма, индивида, группы, направленная на приведение собственного состояния или его составляющих в соответствие с давлением окружения, на подчинение ему.

Пространство социализации (инкультурации) социокультурное — концептуальная модель, составленная из теоретических параметров, каждый из которых определяет одну из существенных сторон социализации (инкультурации). К ним относятся: агенты социализации, представленные в институциональной форме и в структурах межличностных отношений; каналы трансляции социально значимой информации; субъекты социализации в их социальной дифференцированности; институциональные возможности использования освоенного опыта. Эти параметры рассматриваются в структурном и содержательном, количественном и качественном аспектах.

Пространство социокультурное — многомерный познавательный конструкт, объединяющий социально-структурное, социально-стратификационное и территориальное измерения в изучении совместной жизни людей; обозначает устойчивое распределение в этой системе координат специфичным образом организованных и кодифицированных областей социального взаимодействия и культурной коммуникации.

Публика — совокупность людей, пользующихся средствами массовой информации или учреждениями культуры для получения социально значимой информации; то же, что и аудитория.

Публичная идентичность — представления об определенном индивиде других людей.

Развитие (эволюция) — форма динамики социокультурной системы, характеризующаяся количественным приращением в ее рамках разнокачественных элементов (дифференциация) с их последующим упорядочением (интеграция) и обобщением (повышение уровня организации) при условии, что система сохраняет самотождественность.

Разделяемость — по отношению к представлениям, языкам, кодам, культурным паттернам согласие относительно их значений и смыслов в типичных ситуациях взаимодействия и коммуникации.

Реальность (действительность) — совокупность физических, социальных и символических единиц, составляющих окружение человека, на которое он может воздействовать и получать обратную реакцию и которое может воздействовать на него, вызывая ответную активность; понятие подразумевает разделяемость людьми представлений о реальности, социальное санкционирование ее существования. Совокупность символических и коммуникативных систем сегодня принято называть виртуальной реальностью. Индивидуально-специфичные виртуальные элементы — фантазии, сновидения, бредовые видения и т. п. — обозначаются как иллюзорный мир и противопоставляются реальности.

Реклама — класс сообщений средств массовой информации, направленных на то, чтобы побудить аудиторию к определенному потребительскому поведению.

Религия — область социокультурного пространства, в пределах которой упорядочиваются и организуются верования людей; их системам придается сакральный характер и институциональный статус; характерные для этой области упорядоченность и символизация переживаний и представлений людей обозначаются как духовность.

Реципиент — лицо, принимающее сообщение от его источника в ходе коммуникативного процесса.

Речь — практика пользования языком в коммуникативных процессах.

Роль социальная — устойчивый набор функционально обусловленных действий и ожиданий, связанный с конкретной социальной позицией. Ролевая активность регулируется социальными нормами и правилами.

Рост — форма динамики социальной системы, обусловленная количественным приращением ее однокачественных элементов.

Рубрика — классификационная единица, предназначенная для устойчивой дифференциации сообщений по общей тематике в средствах массовой информации.

Связи социокультурные — направления взаимодействий и коммуникаций между представителями одной или различных Социокультурных единиц; могут проследиваться в синхронном и диахромном плане, в последнем случае — по следам, воплощенным в вещах и текстах.

Священное (сакральное) — области социокультурного пространства — физического или символического, — которые считаются обладающими определенной сверхъестественной силой и наделенными свыше свойством и правом организовывать людей вокруг определенных нормативных доктрин.

Секуляризация — процесс снижения социокультурной значимости священного обоснования мирового порядка и переориентация на рациональное объяснение событий и явлений.

Семья — социокультурная единица, структура которой определяется кровнородственными связями. Нуклеарной семьей называется единица, состоящая из представителей двух поколений — родителей и детей. Расширенная семья — единица, включающая в себя наряду с нуклеарной семьей представителей разных поколений, связанных отношениями родства и свойственничества.

Сети социальные — конфигурация непосредственных межличностных связей, благодаря которым осуществляются взаимодействие и коммуникация; представляют собой наборы перекрывающихся межиндивидуальных связей, фокусирующихся на определенном лице или лицах.

Символ — артефакт (вещь, стереотип поведения, изображение, слово), указывающий на некоторую значимую для человека область реальности, на определенный порядок — природный, социальный, культурный — и имеющий особую, отличную от обыденной, форму выраженности; знаковое замещение определенного культурного порядка (религиозного, научного, художественного, правового, политического и т. п.) или его составляющих.

Синхронный анализ — исследовательский метод, в том числе сравнительный, связанный с изучением объекта в выбранном кратком промежутке времени без обращения к исторической ретроспективе, но с разных точек зрения. Примерами могут служить функционализм и структурализм.

Система социальная — абстрактное понятие, обозначающее устойчивую во времени совокупность взаимосвязанных функциональных единиц (ролей, социальных позиций, институтов), отношения между которыми являются необходимыми для обеспечения удовлетворения определенных потребностей, интересов, запросов.

Слой (страта) социальный — классификационная единица, используемая для многомерной упорядоченности социокультурной дифференциации членов общества; указывает не столько на ста-

тистические, сколько на «естественные» группы, связанные социальными сетями.

Смысл — соответствие высказывания, значения, объекта, действия социокультурному контексту типичной социально значимой ситуации, разделяемым представлениям.

Сообщение — информационная единица, содержащая организованный и завершённый набор сведений о чем-либо, заслуживающих, по мнению коммуникатора, внимания реципиента; единица коммуникативного процесса.

Социализация — процесс освоения знаний и навыков, необходимых человеку, чтобы стать членом общества, адекватно участвовать в процессах социального взаимодействия и коммуникации, формировать свой образ жизни. Процесс может продолжаться на протяжении всего индивидуального жизненного цикла.

Социализация (инкультурация) вторичная — процессы освоения взрослыми людьми новых знаний, навыков, ролевых функций и т. п., необходимых для полноценного участия в социокультурной жизни.

Социализация (инкультурация) первичная — процессы освоения людьми в детском и подростковом возрасте общераспространенных, жизненно необходимых элементов окружения, с которыми они встречаются впервые; обретение первоначального жизненного опыта.

Социальный контроль — использование санкций, принятых в обществе и принуждающих людей быть конформными к определенным нормам и правилам, которые могут фиксироваться в форме законов либо обычаев.

Социокультурная политика — система целей, ресурсов и технологий, связанных с рациональной дифференциальной организацией социальных взаимодействий и коммуникации для решения социально значимых проблем социальными и культурными средствами; должна обеспечивать законные гарантии достойного качества жизни членов общества.

Специализированное знание — знание, относящееся к институционально выделенным областям социокультурного пространства, передаваемое и осваиваемое в специфических для них организационных единицах и кодах.

Способности человека — обозначение природных (врожденных) свойств человека, характеризующих его фундаментальные связи с окружением с точки зрения их эффективности.

Среда социализации (инкультурации) — элементы социокультурного пространства, непосредственно используемые участниками процессов социализации (инкультурации).

Средства массовой информации — область социокультурного пространства, предназначенная для всеобщего ознакомления с повсе-

дневной динамикой социокультурной жизни; обеспечивает усредненный общедоступный язык (код) культурной коммуникации.

Стандарт жизни — абстракция, обеспечивающая точку отсчета для сравнительной оценки уровня и качества жизни представителей различных социокультурных слоев и групп.

Статус социальный — положение личности в обществе, характеризующее ее социальной позицией и престижностью этой позиции; отличается от личного статуса — положения человека в сети межличностных отношений в зависимости от его оценки другими в качестве партнера по взаимодействию и коммуникации.

Стереотип — относительно устойчивая и воспроизводящаяся система образов, представлений, действий, складывающаяся как результат обобщения личного опыта социальных взаимодействий и коммуникаций. В более широком смысле — устойчивый комплекс действий, суждений, оценок, воспроизводимых в типичных социокультурных ситуациях.

Стиль жизни — обозначение характерных знаковых, символических способов самовыражения представителей социокультурных групп, демонстрируемых для самоидентификации и разграничения от других.

Статус достигаемый — социальная позиция более высокого ранга, которую личность занимает благодаря восходящей мобильности, осуществляемой ее собственными усилиями.

Статус предписанный (аскриптивный) — социальная позиция определенного ранга, которую личность занимает в результате наследования.

Стратификация социальная — здесь: измерение социокультурного пространства, подразумевающее ранжирование членов общества по группам со сходным образом, качеством, стилем жизни и социальным статусом. Прослеживается корреляция между положением слоя на стратификационной шкале и степенью сложности условий и процессов социокультурной жизни, характерных для него.

Структура социальная — закономерным образом связанные социетальные институты, обеспечивающие существование общества, предохраняющие его от широкого распространения социальных напряжений и конфликтов, придают им нормативный характер, делают их социально приемлемыми.

Структурализм — в культурной (социальной) антропологии, теория, связывающая элементы культуры с принципами структурирования отношений с окружением, общим для человека как вида.

Структурный функционализм — теоретическое направление в социологии и культурной (социальной) антропологии, в рамках которого изучаются проблемы внутренней динамики и поддержания интегрированности социокультурной системы.

Субкультура — обозначение устойчивой совокупности культурных черт и паттернов, характерных для определенных социокультурных групп, слоев, классов.

Субъект социализации (инкультурации) — индивид, осваивающий социокультурный опыт в процессах социализации (инкультурации) и использующий его за пределами социализационного пространства.

Темп — характеристика процесса, указывающая на частоту смены событий внутри составляющих его динамических единиц.

Теория — наиболее развитая форма организации научного знания, дающая целостное представление о соотношении устойчивых и изменчивых характеристик предметной области или объекта изучения, составленное из логически связанных утверждений.

Технология — в социокультурном смысле, устойчивые совокупности способов действий, используемые людьми по отношению к природным ресурсам, социальным отношениям, культурным объектам, чтобы увеличить степень контроля над окружением.

Универсализм — в теории культуры, способ упорядочения представлений об элементах окружения и переживаниях, при котором они соотносятся с обобщенными категориями, стандартизуются.

Урбанизация — рост размеров, количества городов, численности проживающего здесь населения; обычно ассоциируется со сложным, динамичным, дифференцированным образом жизни; многомерным, неоднородным, подвижным социокультурным пространством.

Уровень жизни — экономическая характеристика образа жизни; оценка степени удовлетворения потребностей и запросов членов общества в терминах экономических показателей.

Факт— 1) синоним понятий «событие», «результат»; нечто реальное в противоположность вымышленному; конкретное, единичное в отличие от абстрактного и обобщенного; 2) в методологии научного познания — предложения, фиксирующие знание, полученное эмпирическим путем; противопоставляется теории и гипотезе.

Факт социальный, культурный — реальное социокультурное событие, результат социального взаимодействия, объективированные в некоторую конкретную социально значимую культурную форму или в определенные социальные последствия.

Функционализм — в социологии и культурной (социальной) антропологии, связан с определением значений, смыслов устойчивых социальных образований; культурных паттернов, артефактов, в решении социально значимых задач и проблем.

Функция латентная — следствие или результат действия, поведения, взаимодействия, коммуникации, которые не являются очевидными для участвующих в их реализации людей.

Функция явная — следствие или результат социокультурной активности, очевидные для членов общества.

Хозяйственная область социокультурного пространства — результат формирования, организации и воспроизведения социальных взаимодействий, направленных на жизнеобеспечение членов общества.

Ценностные (оценочные) критерии — в теории культуры, основания, определяющие предпочтение, отбор и ранжирование людьми элементов культуры и их классов.

Ценностные ориентации — в теории культуры, фиксированные предпочтения, позволяющие людям ранжировать объекты и социокультурные ситуации по значимости для них; могут выполнять функцию стимулов к целедостижению.

Ценность культурная — результат оценки по определенной шкале — этической, утилитарной, эстетической, познавательной — социальных и культурных феноменов, принадлежащих к различным их классам.

Эффективность социальная — оценка социальных последствий реализации политических решений, целенаправленных институциональных изменений, социокультурных программ и проектов в соответствии с критериями социальной необходимости (вклад в решение социально значимой проблемы), полезности (вклад в снижение уровня социальной напряженности), привлекательности (вклад в расширение сферы социального участия).

Литература

- Автономова Н. С.* Философские проблемы структурного анализа в гуманитарных науках. М.: Наука, 1977.
- Александр Дж.С.* Аналитические дебаты: понимание относительной автономии культуры // Социологическое обозрение. Т. 6. № 1. 2007.
- Балабанова Е.С.* Андекласс: понятие и место в обществе // Социол. исслед.: СОЦИС. 1999. № 12.
- Бандура А.* Теория социального научения. СПб.: Евразия, 2000.
- Белов В.А.* Ценностное измерение науки. М.: Идея-Пресс, 2001.
- Бергер Л.Г.* Эпистемология искусства. М.: Информ. агенство «Русский мир», 1997.
- Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум. 1995.
- Брунер Дж.* Психология познания М.: Прогресс, 1977.
- Бурдые П.* Практический смысл. СПб.: Алетейя, 2001.
- Бурдые П.* Социальное пространство и символическая власть. <http://www.polilizdat.ru/article/22/>
- Бурдые П.* Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993.
- Витаньи И.* Общество, культура, социология. М.: Прогресс, 1984.
- Войцехович В.Э.* О некоторых причинах пропаганды средствами массовой информации воровской культуры // Преступность и культура / Криминальная ассоциация. НИИ проблем укрепления законности и правопорядка. М., 1999.
- Вольнская Л.Б.* Преступность возраста // Социол. исслед.: СОЦИС. 2000. 14^о 7.
- ГеллДж.* Основы поведенческой географии. М., 1999
- Гидденс Э.* Девять тезисов о будущем социологии // THESIS. Т. 1. Вып. 1. 1993 (<http://www.socioline.ru/new>). Город в процессах исторических переходов: Теоретические аспекты и социокультурные характеристики / РАН, Науч. совет по истории мировой культуры. М.: Наука, 2001.
- Гофман А.Б.* Мода и люди: новая теория моды и модного поведения. М.: Гном и Д., 2000.
- Гофман И.* Представление себя другим в повседневной жизни. М.: КАНОН-прессЦ, Кучково поле, 2000.
- Гэлбрейт Дж.* Новое индустриальное общество. М.: Прогресс, 1969.
- Деррида Ж.* О грамматологии. М.: Ad Marginem. 2000.
- Джахая Л.Г.* Основные исторические типы философствования // Философия и общество. 2000. № 1.
- Дридзе Т.М.* К преодолению парадигмального кризиса в социологии // Общественные науки и современность. 2000. № 5.
- Дридзе Т.М., Орлова Э.А.* Основы социокультурного проектирования. М.: РИК, 1995.
- Дышеев П.И.* О содержании категории «социальное» / Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Философия. 1997. № 2.
- Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1991.
- Зотов А.А.* Массовая коммуникация в формировании современного социокультурного пространства: Круглый стол // Социол. исслед.: СОЦИС. 2000. № 7.
- Информационная цивилизация: Пространство, культура, человек / Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского. Саратов, 2000.

- Ионин Л.Г. Социология культуры: Путь в новое тысячелетие. М.: Логос, 2000.
- Кагай Е.А. Социальная экология. Человек в городской среде // Социально-гуманитарные знания. 2000. № 1.
- Качанов Ю.Л. Пространство-время социального мира в постиндустриальной перспективе // Неприкосновенный запас. № 2. 2010 (<http://magazines.russ.ru/nz/1el.html>)
- Кисилев Г.С. Современный мир и «новое» религиозное сознание // Вопросы философии. 2000. № 6.
- Клейменов М.П. Криминализация общества в России: Культурологический аспект // Преступность и культура / Криминол. Ассоциация, НИИ проблем укрепления законности и правопорядка. М., 1999.
- Коган Л.Б. Быть горожанами. М.: Мысль, 1990.
- Колесин Н.Д. Подходы к изучению социокультурных процессов // Социол. исслед.: СОЦИС. 1999. № 1.
- Кравченко С.А. Социологическое теоретизирование, мышление и воображение в условиях постмодерна. <http://www.isprta.ru/pics/File/postmodern/Kravchenko.pdf>
- Кретов Б.И. Средства массовой коммуникации — элемент политической системы общества // Социально-гуманитарные знания. 2000. № 1.
- Криминология: приглашение к дискуссии. Луганск: РИО ЛИВД, 2000.
- Кули Ч.Х. Человеческая природа и социальный порядок. М.: Илея-Пресс: Дом интеллектуальной книги, 2000.
- Культура города: Проблемы качества городской среды. М.: НИИ культуры, 1986.
- Культура и интеллигенция России: Интеллектуальное пространство (Провинция и Центр): XX в.: Материалы Всерос. науч. конф. (4: 27-28 сент. 2000; Омск). Омск: Курьер, 2000.
- Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1975.
- Кухарчук Д.В. «Срединность» как научная проблема: новый взгляд на изучение среднего класса // Россия: путь в третье тысячелетие. М.; Калуга: Облиздат, 2000.
- Латин Н.И. Проблемы социокультурной трансформации // Вопр. философии. 2000. № 6.
- Латин Н.И. Социокультурный подход и социально-функциональные структуры // Социол. исслед.: СОЦИС. 2000. № 7.
- Леви-Строс К. Первобытное мышление. М.: ТЕРРА — Книжный клуб: Республика, 1999.
- Лейнг Р. У. Разделенное Я. Киев: Гос. б-ка Украины для юношества, 1995.
- Линтон Р. Культурные основания личности // Культурология: Дайджест / РАН ИНИОН. 2000. № 4.
- Линч К. Образ города. М.: Стройиздат, 1982.
- Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство, 2000.
- Мангейм К. Избранное: Социология культуры. М.; СПб.: Университетская книга, 2000. Методология науки / Том. гос. ун-т. Рос-, фонд фундамент. исслед. Томск, 1999.
- Миг М. Культура и мир детства. М.: Наука, 1998; Модернизация в России и конфликт ценностей. М.: ИФ РАН, 1994.
- Морфология культуры: Структура и динамика. М.: Наука, 1994.
- Мукерджи Ч., Шадсон М. Новый взгляд на поп-культуру. Производство культуры: социологический подход // Полигнозис. 2000. № 3.
- Наука и феномен культуры // Межвуз. сб. науч. тр. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1999.
- Новые направления в социологической теории. М.: Наука., 1978.
- Орлова Э.А. Введение в социальную и культурную антропологию. М.: Изд-во МГИК, 1994.
- Орлова Э.А. История антропологических учений. М.: Академический Проект, 2010.

Орлова Э.А. Конфликты и переговоры: Парадигмы социального взаимодействия. М.: ГосНИИ семьи и воспитания, 2001.

Орлова Э.А. Культурная (социальная) антропология. М.: Академический Проект, 2004.

Орлова Э.А. Современная городская культура и человек. М.: Наука, 1987.

Орлова Э.А. Социокультурные предпосылки модернизации в России //Библиотека в эпоху перемен: Философско-культурологические и информационные аспекты. Дайджест. М.: ГРНТИ, 2001. Вып. 2 (10).

Орлова Э.А. Социокультурные проблемы и формы их решения: Парадигмы социального взаимодействия. М.: ГосНИИ семьи и воспитания, 2001.

Пак Г. С. Многомерное время истории как человеческой деятельности /Урал. Гос. ун-т им. А.М. Горького. Н. Новгород: Изд-во Нижегород. гос. ун-та им. Н.И. Лобачевского, 1998.

Панов Е.Н. Поведение животных и эволюционная структура популяций. М.: Наука, 1983.

Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический Проект, 2000.

Парсонс Т. Система современных обществ. М.: Аспект-Пресс, 1997.

Политическая культура: Теория и национальные модели. М.: Интерпракс, 1994.

Поппер К. Логика и рост научного знания. М.: Прогресс, 1983.

Постмодернизм и культура. М.: 1991.

Поченоцов Г.Г. Имиджеология. М.: Рефл. бук., 2001.

Радаев В. В., Шкаратан О.И. Социальная стратификация: Учеб. пособие для вузов. М.: Аспект-Пресс, 1995.

Разумова И.А. Фольклорная традиция семейно-родственных групп //Этнограф. обозрение. 1999. № 1.

Райхман Дж. Постмодернизм в номиналистской системе координат //Флэшарт. 1989. № 1.

Розин В.М. Образ человека в контексте современности. От психологической личности к эзотерической? // Филос. науки. 2000. № 1.

Рорти Р. Обретая нашу страну: политика левых в Америке в XX веке. М.: Дом интеллектуальной книги, 1998.

Рорти Р. Послесловие: прагматизм, плюрализм и постмодернизм. 1998. <http://www.politizdat.m/article>

Рукавишников В., Холман А., Эстер П. Политические культуры и социальные изменения, М.: Совпадение, 2000.

Савченко Л.А. Социология повседневности. Ростов н/Д, 2000.

Семашко Л.М. Смыслы культурной социологии. <http://www.peacefromharmony.org/?cat=home>

Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, истины, права и общественных отношений. СПб.: РХТИ, 2000.

Сорокин П. Человек, цивилизация, общество. М.: Политиздат, 1992.

Социальная идентификация личности: В 2 кн. / РАН Ингсоциологии. М., 1994.

Социальная реальность и социальные науки // Материалы Всерос. конф. (28 — 29 мая 1998, СПб.). СПб.: Гос. ун-т, 1998.

Социальная стратификация: В 3 вып. М.: Инт. народохозяйственного прогнозир. РАН, 1992. Вып. i — 3.

Социальная структура и социальная стратификация. М.: Ин-т социологии РАН, 1992.

Социально-культурные функции города и пространственная среда. М.: Стройиздат, 1982.

Социология на пороге XXI века; Основные направления исследований. М.: РУСАКИ, 1999.

Социология преступности. М.: Прогресс, 1966.

- Спасибенко С.Г. Социальная идентичность человека // Социально-гуманитарные знания, 2000.
- Томсинов В.А. Правовая культура // Очерки русской культуры XIX века. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000.
- Федотова В.Г. Криминализация России как социокультурный феномен // Россия: путь в третье тысячелетие. М.; Калуга: Облиздат, 2000.
- Федотова В.Г. Типология модернизаций и способов их изучения // Вопросы философии. 2000. № 4.
- Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М.: Прогресс, 1986.
- Фейерабенд П. Против методологического принуждения: Очерки анархистской теории познания / Благовещенский гуманитарный колледж им. И.А. Бодуэна де Куртенэ. 1998.
- Философия в современной культуре: состояние и перспективы. Межвуз. теорет. сб. / Ульянов, гос. техн. ун-т. Ульяновск, 1998.
- Философская антропология и философия культуры / Рос. филос. об-во, Урал, гос. ун-т им. А.М. Герцена — Екатеринбург: Изд-во Урал, ун-та, 1999.
- Фролова Л. И. Социально-психологические механизмы экспансии криминальной субкультуры // Преступность и культура / Криминол. ассоциация НИИ проблем укрепления законности и правопорядка. М., 1999.
- Фуко М. Слова и вещи: Археология гуманитарных наук. СПб.: А-сэд, 1994.
- ХайкóP. Поведение животных. М.: Мир, 1975.
- Хальбвакс М. Социальные классы и морфология. СПб.: Алетеия, 2000.
- Хейзинга И. Homo Ludens. М.: Прогресс-Академия, 1992.
- Хохлаков Г.Ф. Организованная преступность в России: 60-е — первая половина 90-х годов // Общественные науки и современность. 2000. № 6.
- Человек в контексте культуры: Сб. науч. тр. / Санкт-Петербург, гос. электротехнич. ин-т. СПб., 1998.
- Человек: многомерность дискурсивных практик: Материалы рос. науч. конф. (8 — 9 дек. 1998, Сыктывкар) / Сыктывкар, гос. ун-т. Сыктывкар, 1998.
- Шапинская Е.Н. Массовая культура XX века: очерк теорий // Полигнозис. 2000. № 2.
- Штомпка П. Социальное изменение как травма // Социол. исслед.: СОЦИС. 2001. № 1.
- Шюц А. Структура повседневного мышления // Социол. исслед. 1988. № 2.
- Эко У. Из заметок к роману «Имя розы» // Называть вещи своими. М., 1986.
- Эко У. Отсутствующая структура: Введение в семиологию. ТОО ТК Петрополис, 1998.
- Экологические очерки о природе и человеке. М.: Прогресс, 1998.
- Alexander J. The Meanings of Social Life: a Cultural Sociology. New York: Oxford University Press, 2003.
- Alexander J.C. Neofunctionalism and after. Oxford: Blackwell Publishes Inc., 1998.
- Alexander J.C., Smith Ph. The discourse of American civil society: a new proposal for cultural studies // Theory and Society. 1993. № 22.
- D Andrade R. Cultural meaning systems // Shweder R.A. and Levine R.A. (eds.). Culture Theory: Essays on Mind, Self, and Emotion. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1984.
- Archibald W.P. Social psychology as political economy / Me Grow — Hill Ryerson Ltd., 1978.
- Barber B. Social stratification: A comparative analysis of structure and process. N.Y. and Burlingame: Harcourt, Brace & World Inc.
- Basham R. Urban anthropology: The cross — cultural study of complex societies. Mayfield Publ. Company, 1978.
- Baten M.A. Crafts, perception and the possibilities of the body / The British j. of aesthetics. 2000. Vol. 40. № 3.

- Berger P., Luckman T. The Social Construction of Reality. New York: Doubleday, 1966.
- Bidney D. Theoretical Anthropology. New York, 1964.
- Blumer H. Social implications of the thought of G.H.Mead // American Journal of Sociology. 1966. Vol. 71. №5.
- Calinescu M. From the one to the many: pluralism in today's thought // Hassan I., Hassan S. (eds.). Innovation/Renovation. New Perspectives on the Humanities. Madison, 1983.
- Cooley Ch. Human Nature and the Social Order. New York, 1964.
- Comaroff J., Comaroff J. Of Revelation and Revolution. Christianity, Colonialism & Consciousness in South Africa. Vol. 1. Chicago: University of Chicago Press, 1991.
- Crane D. Introduction: The Challenge of the Sociology of Culture to Sociology as a Discipline // Crane D. The Sociology of Culture. Blackwell. Oxford, UK and Cambridge USA, 1994.
- Cuhn C.S. The Theory of Man. New York, 1954.
- Deleuze G., Guattari F. Capitalisme and Schizophrenia. New York: Viking Press, 1977.
- Derrida J. La dissemination. Paris, 1972.
- Denzin N.K. Symbolic Interactionism and Cultural Studies. Cambridge, MA/Oxford: Blackwell, 1992.
- Douglas M. Introduction to grid/group analysis // Douglas M. (ed.). Essays in the Sociology of Perception. L.: Routledge, 1982.
- Dyczewsky I. The family in a transforming society. Jmblin, 1999.
- Fernandez de Rota y Monter J.A. L'anthropologie symbolique // Ethnologie française. 2000. T.30. № 2.
- Fiske J. British cultural studies and television // Allen R.C. (ed.). Channels of Discourse. L.: Routledge, 1989.
- The Fontana Dictionary of Modern Thought. Glasgow, 1981.
- Frake G.O. Cultural ecology and anthropology // American Anthropologist. 1962. Vol. 64. № 1.
- Frank M. Was ist Neostukturalismus. Frankfurt am M., 1984.
- Giddens A. Central Problems in Social Theory: Action, Structure, and Contradiction in Social Theory. London: Macmillan Press, 1979.
- Giddens A. The Constitution of Society. Outline of the Theory of Structuration. Cambridge: Polity Press, 1984.
- Giddens A. Modernity and Self-Identity. Oxford UK: Blackwell Publishers Ltd., 2002.
- Giddens A. The Nation State and Violence. Cambridge: Polity Press, 1985.
- Giron J.-P., Granier R. Culture et emploi. Paris: Cujas, 1998.
- Goodenough W. Cultural anthropology and linguistics // Report of the seventh annual round table on linguistics and language study. Georgetown University, Monograph Series on Languages and Linguistics. 1957. № 9.
- Gouldner A.W. The Coming Crisis of Western Sociology. New York: Basic Books, Inc., 1970.
- Gregory B.S. Is small beautiful? Microhistory and the history of everyday life // History and theory: Studies in the philosophy of history, 1999.
- Hachney Sh. Higher education as a medium for culture // Amer. Behavioral scientist. 1999. Vol. 42. №6.
- A handbook of method in cultural anthropology. Columbia Univ. Press, 1973.
- Hannerz U. The world in creolisation // Africa. 1987. № 57.
- Hassan I. Ideas of cultural change // Hassan I., Hassan S. (eds.). Innovation / Renovation. New Perspectives on the Humanities. Madison, 1983.
- Heller Th., Wellbery D. Introduction // Reconstructing Individualism. Stanford, 1986.
- Heritage J. Garfinkel and Ethnomethodology. Cambridge, UK: Polity Press, 1984.
- Hill M. W. The import of information on society: An examination of its nature, value and usage. London: BowkerSauz, 1999.

- Honigman J. Y.* Culture and Personality. New York, 1954.
- Hulsther M.* Three challenges for field of American studies: Relating to cultural studies, addressing wider publics, and coming to terms with religions // Amer. studies. 1997. Vol. 38. №2.
- Johnson M.* The elite culture of corruption in American politics // Arggements, politique et corruption: Actes de colloque (12 — 13 juin, 1998).
Dir.: Deysine A., Kesselman D. — Nanterre: Univ. Paris X — Nanterre, 1999.
- Kellner D.* Television and the Crisis of Democracy. Boulder, CO: Westview, 1990.
- Kroeber A.L., Kluckhohn C.* Culture. A Cultural Concepts and Definitions // Papers of Prabody Museum of American Archeology and Ethnology. 1952.
- Labica G.* A quoi sert l'identite' // L'Homme et lasociete. 2000. № 1 (135).
- Lefebvre H.* La production de l'espace. Paris: Anthropos, 1974.
- Linton R.* Tree of Culture. New York, 1955; *Morgan E.F.* Human Adaptability: an Introduction to Ecological Anthropology. North Scitnate, 1979.
- Lyotard J.F.* Answering the question: What is postmodernism?// Hassan 1., Hassan S. (eds.). Innovation/Renovation. Madison, 1983.
- MacCormick N., Weinberger O.* An institutional theory of law: New approaches to legal positivism — Dordrecht et al.: D. Reidel Publishing Company. 1986.
- Mead G.H.* Mind, Self, and Society. Chicago: University of Chicago Press, 1936
- Medias et villes (XVIII-c — XX-c siecle). Acts du coll. des 5 et 6 dec. 1997 tenu a l'Univ. Francais Rarelais (Tours) / Comp. Delaporte Chr. Tours: CHEVI.
- Morris C.W.* Signs, Language and Behavior. New York: Prentice-Hall, 1946.
- Moser J.* On the cultural meaning of work in postindustrial societies // Ethnologia Europea: J. of Europ. ethnology. 1998.
- Multiple modernities // Daedalus. 2000.
- Munch R.* Rational choice theory: a critical assessment of its explanatory power // Coleman J.S. and Fararo T.J. (eds.). Rational Choice Theory: Advocacy and Critique. Newbury Park, CA: Sage. 1, 1992.
- Munch R., Smelser N.J.* Theory of Culture. Berkeley: University of California Press, 1992.
- Niethche F.* Werke. Berlin; New York, 1973.
- Objects on the loose: Ethnographic encounters with unruly artefacts // Ethnos, 1999.
- Pelletier D.* l'Europe des religions aujourd' hui // Vingtieme siecle: Revue d'histoire, 2000.
- Rivas Rivas A.M.* Les declinations du concept d'identite' // Ethnologie framcaise. 2000. T.30. № 2.
- Savitch H.V.* Post-industrial cities: Politics and planning in New Jork, Paris, and London. New Jersey: Princeton Univ. Press, 1988.
- Schneider D.* Notes toward a theory of culture // Basso K. and Selby H. (eds.). Meaning in Anthropology. Albuquerque: University of New Mexico Press, 1976.
- Schudson V.* Culture and the integration of National societies // Crane D. (ed.). The Sociology of Culture. Oxford, UK and Cambridge, USA: Blackwell, 1994.
- Schutz A.* Collected Papers. Hague. 1962. Vol. 1.
- Sewell W.H.* A theory of structure: duality, agency and transformation// American Journal of Sociology. 1992. № 98.
- Shweder R.A.* Thinking through Culture: Expeditions in Cultural Psychology. Cambridge, M.: Harvard University Press, 1991.
- Simmel G.* Sociologie. Untersuchungen uber die Formen der Vergestllschaftung // Georg Simmel Gesamtausgabe. Bd. 11. 1992. Frankfurt a. M.: Suhrkamp,
- Simmel G.* Uber sociale Differenzierung // Georg Simmel. Gesamtausgabe. Bd. 2. 1989. Frankfurt a. M.: Suhrkamp
- Smith D.* Sociological theory: methods of writing patriarchy // 1A: Sage, 1989.
- The Sociology of Culture // Crane D. (ed.). Blackwell. Oxford: UK and Cambridge USA, 1994.
- Stolzenberg N.M.* The culture of property // Daedalus. 2000. Vol. 129. № 4.

Swidler A. Culture in action: symbols and strategies // *American Sociological Review*. 1986. №51.

Tuchman G. Mass media institutions // Smelser N. (ed.) *Handbook of Sociology*. Newbury Park: Sage, 1988.

Versan Tvoort M. Analysing labor supply in a life style perspective / Tinberden inst. Rotterdam, 2000.

Weber M. *Wirtschaft und Gesellschaft*. Tubingen: Mohr., 1922.

Welsch W. Postmoderne — Pluralitat als ethischer und politischer Welt. Koln, 1988.

White L.A. Culturological and psychological interpretations of human behavior // *American Sociological Review*. 1947.

White L.A. *The Science of Culture*. New York, 1949.

Winick Ch. *Dictionary of Anthropology*. Wittlefield, 1975.

Wolton D. Internet et apres? Une theorie critique des nouveaux medias. Paris: Flammarion, 1999.

Wuthnow R., Witten M. *Communities of Discourse: Ideology and Social Structure in the Reformation, the Enlightenment, and European Socialism*. Cambridge, VA: Harvard University Press, 1989.

Wuthnow R., Witten M. New directions in the study of culture // *Annual Review of Sociology*. 1988. № 14.

Zimmerman D. *Ethnomethodology*//*American Sociologist*. 1978. Vol. 13.

XXXIII Festival international des Teatro: Biennale die Venezia, 1985.

Справочные издания

Политология: Слов.-справ. М.: Гардарики, 2000.

Энциклопедический социологический словарь. М., 1995.

The Encyclopedia of philosophy: In 8 vols. a. suppl. / Ed. Edwards P — [SI]: Simon a. Schuster. Macmillan, 1996.

The Encyclopedia of religion. In 16 vols. / Ed. In chief Eliade M. N. Y. et al.: Macmillan libr. ref., 1995.

St. James encyclopedia of popular culture. In 5 vols. / Eds.: Pendergast T., Pendergast S. Detroit et al.: St. James press, 2000.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
---------------	---

РАЗДЕЛ I. Социология культуры как область знания

Часть I

Современное состояние социологии культуры.....	И
Глава 1. Предпосылки формирования современного понимания социологии культуры.....	11
Контрольные вопросы.....	39
Глава 2. Современные теоретические ориентации в рамках социологии культуры.....	39
Контрольные вопросы.....	66
Резюме.....	67

Часть II

Теоретические основы решения проблем социологов» культуры.....	69
Глава 1. Определение понятия «культура» в антропологии и социологии.....	69
Контрольные вопросы.....	82
Глава 2. Социологическая трактовка социальной реальности.....	83
Контрольные вопросы.....	91
Глава 3. Концепция социального пространства в современной социологии.....	92
Контрольные вопросы.....	121
Глава 4. Теоретические основы представлений о социальном взаимодействии в современной социологии.....	121
Контрольные вопросы.....	138
Резюме.....	138

Часть III

Сцепляю культуры как аналитические пиле для изучения социокультурно» микродинамики.....	но
Глава 1. Основания изучения социокультурной микродинамики.....	140
Контрольные вопросы.....	152
Глава 2. Концепция социокультурной реальности.....	152
Контрольные вопросы.....	169
Резюме.....	169

Раздел II. Пространство социокультурной микродинамики

Часть I

Институциональное пространство социального взаимодействия.....	T
Глава 1. Институциональное пространство социальной организации.....	176
Контрольные вопросы.....	192
Глава 2. Институциональная организация социально значимого знания.....	192
Контрольные вопросы.....	225
Глава 3. Трансляция социокультурного опыта: институциональное пространство.....	225
Контрольные вопросы.....	252
Резюме.....	252

Часть II

Спцикультурное пространство обыденной жизни.....	255
Глава 1. Механизмы формирования социокультурного пространства обыденного уровня.....	255
Контрольные вопросы.....	272
Глава 2. Обыденный и институциональный уровни социокультурного пространства: характер взаимосвязи.....	273
Контрольные вопросы.....	293
Глава 3. Теоретическая модель образа жизни: связи человека с социокультурной средой.....	293
Контрольные вопросы.....	311
Глава 4. Освоение социокультурного пространства.....	312
Контрольные вопросы.....	331
Глава 5. Дифференциация личности в социокультурном пространстве.....	332
Контрольные вопросы.....	349
Глава 6. Стратификационное социокультурное пространство.....	349
Контрольные вопросы.....	369
Глава 7. Распределение социокультурного потенциала по типам поселений.....	370
Контрольные вопросы.....	379
Резюме.....	379

Раздел III. Формы и парадигмы социального взаимодействия

Часть I

Социально значимые проблемы как источник социокультурных изменений.....	385
Глава 1. Концепция социально значимой проблемной ситуации.....	385
Пусковые механизмы определения и решения социально значимой проблемной ситуации.....	399
Глава 2. Познавательные возможности проблемно-ситуативного анализа.....	415
Контрольные вопросы.....	424

Часть II

Парадигмы взаимодействия о проблемной ситуации.....	426
---	-----

Глава 1. Консолидация и солидарность.....	427
Контрольные вопросы.....	455
Глава 2. Конфликт и конфликтное взаимодействие.....	455
Контрольные вопросы.....	480
Глава 3. Переговоры и партнерство.....	481
Контрольные вопросы.....	507
Глава 4. Организация взаимодействия в проблемной ситуации.....	507
Контрольные вопросы.....	527
Резюме.....	527
Заключение.....	532
Проблемы и перспективы изучения социокультурной микродинамики средствами социологии.....	532
Глоссарий.....	546
Литература.....	566

Учебное издание

Орлова Эльна Александровна

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

Компьютерная верстка

Н.В. Ефимова

Корректор

М.Е. Яковлева

ООО «Академический Проект»
111399, Москва, ул. Маргеновская, 3.
СЕРТИФИКАТ СООТВЕТСТВИЯ
№ РОСС RU. АЕ51. Н 15031 от 17.01.2011.
Орган по сертификации РОСС RU.0001.11АЕ51
ООО «ПРОФИ-СЕРТИФИКАТ»

ООО «Константа»
610014, г. Киров, ул. Щорса, 95

По вопросам приобретения книги просим обращаться
в ООО «Трикса»:

111399, Москва, ул. Маргеновская, 3.
Тел.: (495) 305 3702, 305 6092; факс: 305 6088.
E-mail: info@arproject.ru
Интернет-магазин: www.arproject.ru

Подписано в печать 20.12.11.
Формат 84×108 ¹/₃₂. Гарнитура Балтика. Бумага писчая.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 36,0. Тираж 1000 экз.
Заказ № 1534

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов
в ГУП РМ «Республиканская типография "Красный Октябрь"»
430000, Мордовия, г. Саранск, ул. Советская, 55а
E-mail: tko-saransk@mail.ru

Учебное пособие по социологии культуры отражает не только историю становления этой дисциплины, но главным образом последние тенденции развития этой предметной области. Существенное сближение теоретических позиций социологии и культурной (социальной) антропологии, изменившее социологический взгляд на понятие культуры, делает культурное измерение полноправной стороной при изучении совместного существования людей, а само понятие культуры в этом контексте определяется как созданный людьми искусственный мир, как содержание общественной жизни, как процессы освоения ими своего окружения и использования результатов взаимодействия и коммуникации между людьми. В таком теоретическом контексте общество рассматривается с точки зрения строения социокультурного пространства и форм/парадигм социального взаимодействия и коммуникации (интеракции), реализующихся в его пределах и детерминированных его составляющими.

Автор предлагает теоретические модели социокультурного пространства и парадигм социального взаимодействия в его пределах, которые базируются на социологических и культурно-антропологических основаниях и относятся к микродинамическому уровню анализа.

ISBN 978-5-902844-43-3

9 785902 844433

интернет-магазин

OZON.RU

75061291